

БОСПОРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. XXVIII

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXVIII

Симферополь - Керчь

2013

Simferopol - Kerch

*Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского
Национальной академии наук Украины
Центр археологических исследований
БФ «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
О.Б. Бубенок, д.и.н.
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
Г.Ю. Ивакин, чл.-корреспондент НАН Украины
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф. (Россия)
Е.А. Молев, д.и.н., проф. (Россия)
В.А. Сидоренко, к.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.
К. Цукерман, д.и.н., (Франция)

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского отделения Института
востоковедения НАН Украины (Протокол № 2 от 30.01.2013 г.)*

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н.Зинько

Ответственный секретарь: к.и.н. А.В.Зинько

Боспорские исследования: сборник - Вып. XXVIII / Отв.ред.
М 34 В.Н.Зинько. – Симферополь-Керчь, 2013. - 480 с.
ISBN 978-966-1538-44-2

В очередной выпуск «Боспорских исследований» включены статьи украинских и российских исследователей по классической и средневековой археологии и истории припонтийского региона, подготовленные на основе докладов XIII Боспорских чтений (Керчь, май 2012 г.).

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней и средневековой историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94 (477.75) (082)

ББК 63.3 (Укр=Рос)

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

Свидетельство о гос.регистрации – серия КВ, № 8048, 23.10.2003 г.

© Крымское отделение Института востоковедения
им. А.Е.Крымского НАН Украины, 2013
© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2013
© Авторы, 2013

СТАТЬИ

А.В. ПОРОТОВ, В.Н. ЗИНЬКО

ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ МОРЯ И РЕЛЬЕФ ПРИМОРСКОЙ ПОЛОСЫ ХОРЫ ТИРИТАКИ И НИМФЕЯ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ (западное побережье Керченского пролива)

В исследованиях античных поселений на побережье Керченского пролива огромное значение имеет проблема реконструкции комплекса природных условий окружающих территорий и, в частности, рельефа прибрежной полосы суши, которые тесно связаны с изменениями уровня Черного моря за последние 3,5 тыс. лет. Несмотря на дискуссионный характер вопроса об амплитуде понижения уровня моря во время т.н. «фанагорийской регрессии», относимой к середине I тыс. до н.э., археолого-палеогеографические данные по всему континентальному обрамлению Черного моря убедительно свидетельствуют о его относительно более низком положении в этот период [Федоров, 1978; Балабанов, Измайлов, 1988]. В ходе последующей трансгрессивной фазы, охватывающей последние 1,5 тыс. лет, повышение относительного уровня моря составило около 3,5-5,0 м, что сопровождалось затоплением прибрежной полосы шириной в несколько сот метров. Следы культурных слоев в прибрежной полосе Черного моря установлены на подводных окраинах практически всех крупных приморских древнегреческих городов [Никонов, 1998]. Наряду с этим, подъем уровня моря вызвал активную абразионно-аккумулятивную переработку рельефа береговой зоны, сопровождавшуюся изменением плановых очертаний береговой линии. Как правило, открытые участки берега характеризуются тенденцией к отступанию береговой линии, в то время как в заливах и бухтах происходило ее выдвижение. Участок побережья Керченского полуострова между Камыш-Бурунским заливом и озером Тобечик (рис. 1), охватывающий приморскую часть сельских территорий (хор) античных полисов Нимфея и Тиритаки, является примером, где подобные изменения носили достаточно яркий характер. Результаты подводных археологических разведок [Зинько, 2003] показали, что за последние 1,5-2,0 тыс. лет произошло затопление прибрежной полосы шириной около 400-500 м. Большой участок обрывистого берега между м. Камыш-Бурун и озером Тобечик подвержен устойчивому отступанию со скоростью около 0,4-0,8 м/год. В результате повышения уровня моря за последние тысячелетия дневная поверхность античного времени в приморской низменной полосе оказалась погруженной на глубину 3-4 м и перекрытой слоем более молодых отложений, что крайне затрудняет реконструкции палеотопографии на территории, непосредственно прилегающей к антич-

Рис. 1. Схема расположения района исследований.

ным городищам, что представляет самостоятельный интерес в связи с локализацией их портовых районов и прилежащих гаваней.

Существующие представления о характере рельефа приморской территории античного Нимфея основываются преимущественно на материалах археологических обследований прилежащей территории, включая подводные разведки в прибрежной полосе моря [Шилик, 1988; Зинько, 2003]. В большинстве публикаций, рассматривающих историю развития побережья в позднем

плейстоцене и голоцене [Федоров, 1978; Керченский пролив..., 1984 и др.], вопросам изменения рельефа побережья в позднем голоцене уделено сравнительно мало внимания.

Для детализации реконструкций ландшафтно-геоморфологического облика побережья в античное время были проведены комплексные археолого-палеогеографические исследования, включавшие изучение особенностей рельефа и строения толщи прибрежной полосы в районе Камыш-Бурунской бухты. В ходе проведенных работ было пробурено около 20 скважин глубиной до 10-12 м. На основе результатов литологического, малакофаунистического, изотопно-геохимического изучения прибрежных отложений был выделен ряд литолого-фациальных типов прибрежных отложений. Возрастная привязка литолого-фациальной последовательности основана на результатах радиоуглеродного датирования раковинного материала, что позволило провести реконструкцию развития Камыш-Бурунской бухты за последние 3,0 тыс. лет и уточнить особенности палеотопографии античных Нимфея и Тиритаки.

1. Основные черты строения прибрежных отложений

Проведенные исследования охватывали два участка аккумулятивного берега, разделенных м. Камыш-Бурун: на побережье Камыш-Бурунского залива и южнее одноименного мыса, получивших в литературе название «Героевской террасы» [Федоров, 1978]. Оба участка в морфодинамическом отношении представляют собой звенья единой абразионно-аккумулятивной системы, сформировавшейся в ходе новочерноморской трансгрессии и продолжающей свое развитие до настоящего времени. Наряду с этим, оба участка характеризуются различиями в морфо-структурном плане и неотектоническими движениями прибрежных участков суши, что нашло свое непосредственное отражение в рельефе и особенностях строения прибрежных отложений.

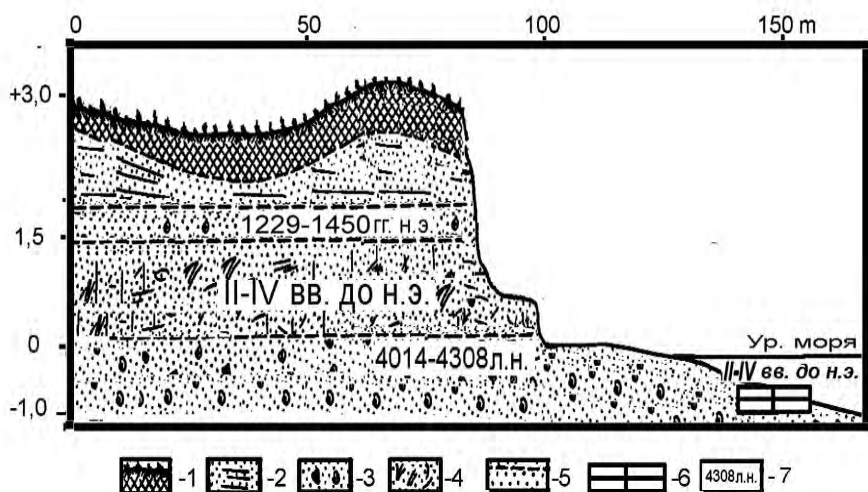

Рис. 2. Строение террасы у с. Героевское (по П.В. Федорову, 1963, с дополнениями).

Условные обозначения: 1 – почва; 2 – пески эоловые; 3 – пески морские; 4 – суглинки с археологическим материалом античного времени; 5 – морские пески новочерноморской трансгрессии; 6 – строительные остатки античного времени; 6 – ^{14}C (календарный) возраст.

Участок аккумулятивного берега в районе пос. Героевское, территориально расположенного в приморской полосе античного Нимфея, представляет собой примкнувшую к древнему абразионному уступу аккумулятивную террасу с абсолютными отметками +2,5-3,5 м, шириной до 500-600 м и протяженностью до 1,5 км. В строении берегового уступа П.В. Федоровым [1978] были выделены следующие слои (рис. 2):

1. Пески, гумусированные, глинистые, буровато-серые (почва) – 0,2–0,3.
2. Пески, желто-оранжевые, с редкими *Cardium edule* L. – 0,3–0,6 м
3. Супеси и пески неяснослоистые, серые и буровато-серые, с остатками фауны наземных моллюсков – *Helix*, *Pupa* – 0,3–0,4 м
4. Суглинки неслоистые, серые, с остатками строений (фундаменты, стены), с черепками глиняных сосудов типа пифосов, кратер и с обугленными кусками древесины. Видимая мощность этих суглинков около 1,5 м.

Залегающие в основании разреза континентальные суглинки с археологическим материалом античного времени были отнесены к эпохе фанагорийской регрессии, а перекрывающие их пески с редкими раковинами *Cardium edule* – к небольшой трансгрессии Черного моря, получившей название нимфейской, отложения которой на основании стратиграфического положения в разрезе П.Ф. Федоров отнес ко второй половине I тыс. н.э. Полученная в последующем радиоуглеродная датировка по раковинному материалу из отложений этого слоя [1040±80 лет (ЛГ-110), календарный возраст: 1229 – 1457 гг. н.э.] показала относительно более молодой возраст трансгрессивного слоя [Бадинова,

Зубаков, 1976], близкий к радиоуглеродному возрасту большинства молодых аккумулятивных образований Керченского пролива и северо-восточного побережья Черного моря.

В ходе проведенных нами исследований был пробурен ряд скважин глубиной 4-10 м, вскрывших строение верхней части слагающих аккумулятивную террасу отложений. Общая мощность слагающих террасу песчаных отложений превышает 10 м и полностью не была пройдена бурением. В основании вскрытого разреза залегают серые мелкозернистые пески с редким раковинным детритом. Кровля нижнего песчаного слоя сравнительно выдержана по простиранию и залегает на отметках 4,0-4,5 м ниже уровня моря. Выше по разрезу их перекрывает слой крупнозернистых, иногда – гравелистых, желтовато-серых песков с примесью гальки и раковинного детрита, кровля которого залегает на отметках 0÷+0,5 м. В составе фаунистического комплекса (*Ostrea edulis*, *Chione gallina*, *Cardium edule*, *Chlamys glabra*, *Donax trunculus*) преобладает *Chione gallina* (приблизительно 50% общего состава раковин). Радиоуглеродный возраст раковинного материала из верхней части слоя составил 4720 ± 100 л.н. [календарный возраст: 4828 – 5086 л.н.], что позволяет предварительно охарактеризовать возрастную интервал, в котором относительный уровень моря впервые достиг его современного положения. Вполне возможно, что датировка относительно удревлена за счет привноса более «старого» раковинного материала в ходе волнового перемешивания и нуждается в дальнейшем уточнении. К сожалению, небольшое количество раковинного материала в составе песчаных отложений ограничило возможность получения детальной геохронологической привязки этой толщи.

Выше по разрезу залегает прослой континентальных супесей с включениями раковин пресноводных моллюсков, а также с археологическим материалом античного времени. Культурный слой, мощностью 0,3-0,5 м, прослеживается в береговом уступе террасы на протяжении более 100 м и содержит амфорные фрагменты III-II вв. до н.э. На ряде участков видны развалы стен из необработанных известняковых камней средних размеров. Выше располагается стерильная (без керамики и камней) прослойка из песка и суглинков мощностью до 0,35 м. Непосредственно под дерновым слоем прослежен золисто-глинистый слой, мощностью до 0,2 м., содержащий фрагменты амфор и посуды I-II вв. н.э.; развалов камней не обнаружено. Верхнюю часть разреза террасы образуют тонкий песчаный слой с включениями редких тонкостенных раковин морских моллюсков (1,5-2,7 м над уровнем моря), относимых к нимфейской трансгрессивной фазе, и перекрывающие их золотые пески, слагающие невысокие дюнные массивы.

Результаты изучения строения аккумулятивной террасы в пос. Героевское позволяют выделить следы, по крайней мере, двух трансгрессивных фаз в позднеголоценовой истории Черного моря, первая из которых относится к среднему голоцену, а вторая охватывает последние 1,5 тыс. лет. Трансгрессивные слои

разделяются толщей континентальных суглинков, формирование которых связано с понижением относительного уровня моря и осушением части прибрежной полосы. Возраст регрессивной фазы по археологическим материалам охватывает вторую половину I тыс. до н.э. – первую половину I тыс. н.э. Амплитуду и временные рамки этой регрессивной фазы достаточно сложно оценить на основании геологических данных из-за плохой сохранности синхронных ей древних береговых образований. Частично этот пробел восполняют результаты археологических исследований в прибрежной зоне моря.

Вторым участком проведенных исследований являлось побережье Камыш-Бурунского залива, в вершине которого на коренном останце расположен боспорский город Тиритака. Основные черты рельефа прибрежной территории и конфигурации береговой линии определяются геологическим строением юго-восточной части Керченского полуострова, особенности которого освещены в ряде работ, посвященных как геологическому строению Керченско-Таманской зоны [Шнюков, Науменко, 1961; Науменко, 1977; Плахотный и др., 1989 и др.], так и геологии Керченского рудного месторождения [Андреев и др., 1981; Науменко и др., 1979]. Основные черты очертания и рельеф коренных берегов залива определяются разломной тектоникой [Плахотный и др., 1989]. В частности, тектоническими деформациями объясняются отличия в рельефе южного и северного бортов впадины Камыш-Бурунского озера: более крутой и местами обрывистый южный берег, оканчивающийся скалистым Камыш-Бурунским мысом, выступает в качестве южной границы расположенного севернее залива.

Низовья долины, занятые Чурубашским озером, характеризуются сложным ступенчатым рельефом кровли коренных миоцен-плиоценовых отложений, определяемым тремя вертикальными разломами, которые придают тектонической впадине характер многоступенчатого грабена [Науменко, Кривошеина, 1979]. Коренные борта в низовьях долины сложены верхнесарматскими глинами с прослоями известняков, мзотическими глинами и лессовидными четвертичными суглинками.

Полоса низменной суши в вершине залива представляет собой сильно измененную антропогенным воздействием (комплекс судоремонтного завода, отвал шлама горно-обогадательного комбината и т.п.) аккумулятивную морскую террасу, образованную серией древних береговых валов, которые отчетливо прослеживаются как на топографических картах 50-х годов, так и по аэрофотосъемочным материалам начала 50-х годов (рис. 3). Особенности конфигурации системы древнебереговых валов показывают последовательность выполнения береговыми наносами и осушения южной части палеозалива, которая на фоне продолжавшегося подъема относительного уровня моря превращалась в заболоченную низменность. Нараставшая к северу аккумулятивная терраса полностью отгородила палео-Чурубашский лиман от моря, превратив

Рис. 3. Фрагмент панорамного аэрофотоснимка (А) и геоморфологическая схема Камыш-Бурунской косы (В).

Условные обозначения: 1 – береговые овраги; 2 – античные городища; 3 – отмершие клифы; 4 – береговые валы.

его в озеро, а также протянулась севернее, отгородив от моря восточную окраину возвышенного плато, на котором расположен город Тиритака. Общая ширина сформировавшейся аккумулятивной террасы в вершине Камыш-Бурунского залива составляет 2-2,5 км.

Для реконструкции истории развития рельефа побережья Камыш-Бурунского залива в позднем голоцене и детализации представлений о ландшафтно-геоморфологической обстановке в окрестностях античной Тиритаки в ходе проведенных исследований был пробурен ряд скважин глубиной до 10-15 м (рис. 5). Вскрытый бурением разрез прибрежных отложений (рис. 5) показал, что аккумулятивная терраса с поверхности сложена толщей относительно крупнозернистых детритовых песков серо-коричневого цвета мощностью 4 - 6 м. Присутствующий раковинный материал представлен редкими целыми окатанными раковинами и раковинным детритом, несущим черты переотложения. Фаунистический комплекс представлен широким набором видов, характерных для позднеголоценовых отложений Керченского пролива: *Ostrea edulis*, *Chione gallina*, *Cardium edule*, *Chlamys glabra*, *Donax trunculus*. Покров грубозернистых отложений, слагающих древние береговые валы, подстилается слоем мелкозернистых, хорошо сортированных серых песков с редкими раковинами *Chione gallina*. Мощность песчаного слоя возрастает от 2-3 м во внутренней, прилежащей к коренному западному борту палеозалива, части аккумулятивной террасы до 4-5 м во внешней, приморской ее полосе. Кровля песчаного слоя залегает на отметках 3,0 – 5,0 м ниже уровня моря и относительно выдержана по всей площади палеозалива.

Современная генерация косы с поверхности и до глубин 4 – 5 м сложена

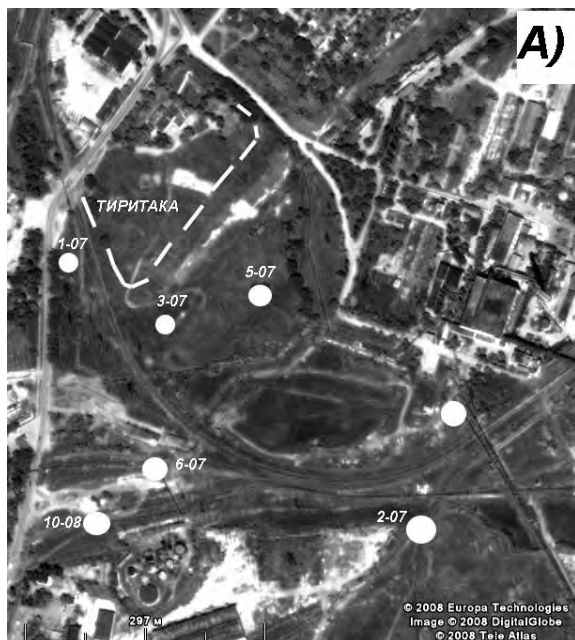
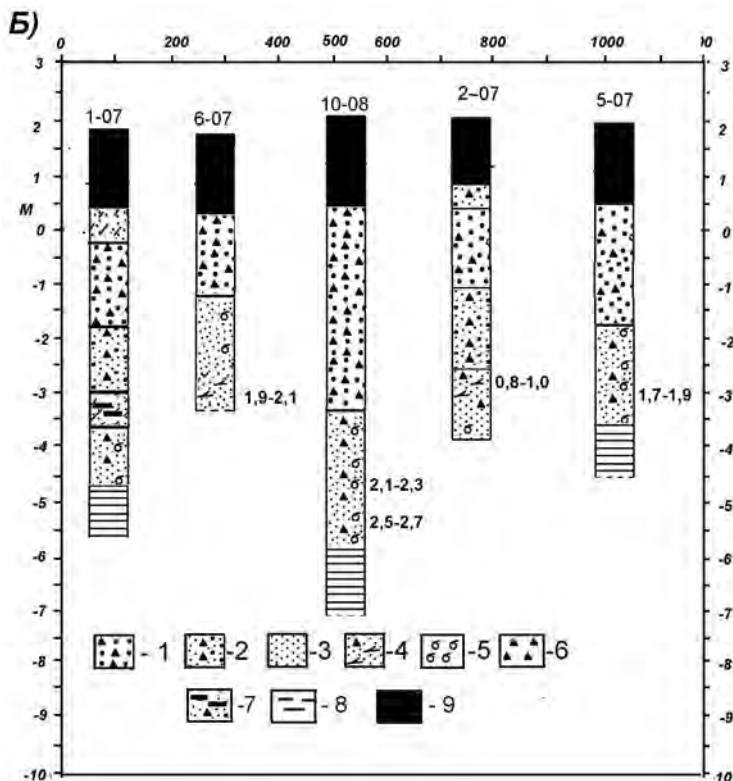

Рис. 4. Расположение скважин в окрестностях Тиритакского городища.

Условные обозначения: 1 – детритовые пески; 2 – пески среднезернистые с раковинным детритом; 3 – пески мелкозернистые; 4 – пески алевритовые с ракушей и растительными остатками; 5 – ракуша; 6 – детрит; 7 – супеси с археологическим материалом (керамика, бут); 8 – илы; 9 – коренные породы (известняки, песчаники глины).

толщей разнородных детритовых песков коричневого цвета. Ниже по разрезу их подстилает толща мелкозернистых однородных серых песков с редкими раковинами хорошей сохранности, мощность которых превышает 4-6 м. В основании вскрытого разреза во внутренней части аккумулятивной террасы залегают коренные суглинки и глины, а во внешней, прилегающей к современной Камыш-Бурунской косе - илистые отложения с раковинным материалом. В целом, подобная литологическая последовательность в строении верхней части разреза аккумулятивной террасы отражает смену песчаных отложений мелководного залива с глубинами до 0,5-1,5 м. на более грубозернистые детритовые пески береговых валов, слагающие древние генерации Камыш-Бурунской косы.

В рамках проведенных исследований наибольший интерес представляли реконструкция палеотопографии Тиритакского городища и, в частности, установление границ палео-Камыш-Бурунского залива в античное тысячелетие. Скважины во внутренней части аккумулятивной террасы, вблизи античной Тиритаки (рис. 4), показали, что под приповерхностным слоем грубозернистых детритовых песков мощностью 2,5 – 4,0 м залегают мелкозернистые хорошо сортированные пески серого цвета с раковинами хорошей сохранности, среди которых преобладает соленолобивый вид *Chione gallina*. Литологический состав и фаунистический комплекс песчаных отложений позволяют рассматривать их как типичные отложения мелководного полуизолированного залива, существовавшего в южной части палео-Камыш-Бурунского залива в античное время. Серия радиоуглеродных датировок раковинного материала из лиманных песков (см. таблицу 1) показала, что существование палеозалива охватывает период

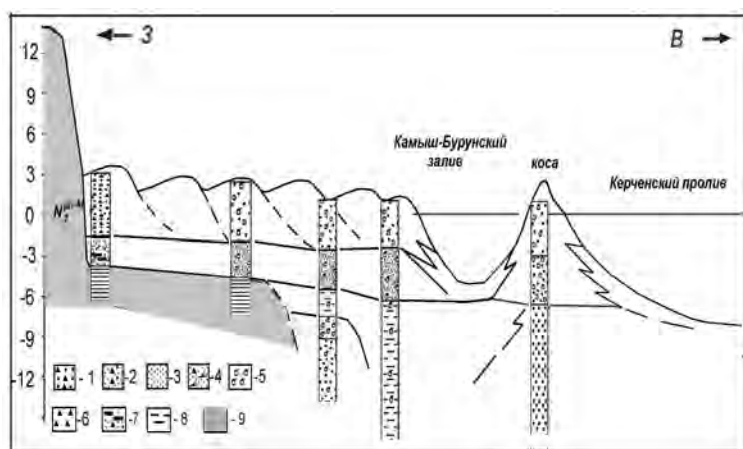

Рис. 5. Строение прибрежных отложений Камыш-Бурунской бухты. Условные обозначения: 1 – детритовые пески; 2 – пески среднезернистые с раковинным детритом; 3 – пески мелкозернистые; 4 – пески алевритовые с ракушей и растительными остатками; 5 – ракушка; 6-детрит; 7 – супеси с археологическим материалом (керамика, бут); 8 – илы; 9 – коренные породы (известняки, песчаники глины).

со второй половины II тыс. до н.э. до конца I тыс. н.э. Одной из скважин, расположенной в 100-150 м южнее юго-восточного выступа городища, в толще мелководно-заливных песков на глубине 4,5-5,3 м были встречены тонкие прослои серо-зеленых илов, формирование которых характерно для внутренних затишных частей лиманов. В целом, это подтверждает предположение о суще-

ствовании на этом участке устья небольшой речки, протекавшей на расстоянии 100-150 м от южной окраины боспорского города Тиритака.

Вблизи городища в двух скважинах на абсолютных отметках – 3 - 4 м бурением были вскрыты остатки культурного слоя, представленные обломками керамики и бутового камня. Ниже залегает слоистая толща, состоящая из прослоев бурых суглинков и серых песков с обломками раковин. В составе песков встречены мелкие окатанные обломки керамики. На глубине 6,7 м от поверхности была вскрыта кровля коренных глин. Таким образом, радиоуглеродные датировки раковинного материала из лиманных песков, а также археологические материалы (фрагменты керамики, обнаруженные при бурении вблизи южной окраины Тиритаки) подтверждают предположение о том, что в античное – раннесредневековое время береговая линия располагалась вблизи уступа коренного берега, на котором расположено Тиритакское городище.

2. Геохронология прибрежных отложений

Возрастная привязка выделенных литолого-фациальных типов прибрежных отложений основана на серии радиоуглеродных датировок [таблица 1], выполненных в лаборатории геохронологии С.-Петербургского университета (зав. лабораторией – проф. Х.А. Арсланов). Основная сложность при интерпретации данных радиоуглеродного датирования расчленения комплекса прибрежно-морских отложений Камыш-Бурунской бухты связана с переотложенным характером раковинного материала в верхнем слое грубозернистых песков. Датировки по раковинам из верхнего слоя показали, что их возраст составляет 4,0-4,8 тыс. л.н., и они оказываются достаточно близкими к радиоуглеродному возрасту раковинного материала, вскрытому в разрезе аккумулятивной террасы в районе с. Героевское [календарный возраст 3,7-4,3 тыс. л.н.], где они перекрываются континентальными суглинками с культурным слоем эллинистического времени. Поэтому существующие данные позволяют пока оценить лишь возраст исходного материала, который в ходе размыва более древних береговых образований оказался перемещенным во внутренние участки древнего залива. Древняя коса, материал размыва которой послужил основой для формирования более молодых генераций Камыш-Бурунской косы, по-видимому, первоначально располагалась мористее современной береговой линии.

Относительно более надежной представляется серия ^{14}C датировок по раковинному материалу из песчаных отложений, вскрытых в ходе бурения в основании разреза и интерпретируемых нами как фации полуизолированного мелководного залива. Как правило, фаунистический комплекс представлен раковинами *Chione gallina* хорошей сохранности, часто – в виде парных створок. Кроме того, этот слой по своему гипсометрическому положению и возрасту [календарный возраст 3,2 – 1,5 тыс. л.н.] хорошо сопоставляется с прослоями субконтинентальных суглинков в окрестностях Тиритаки, содержащими фрагменты керамического материала античного времени.

Таблица 1. Радиоуглеродный возраст раковинного материала из позднеголоценовых отложений Камыш-Бурунского залива.

№	Индекс	Скважина, интервал, м	Абс. отм, м	$\Delta^{13}\text{C}$ PDB	^{14}C воз- раст, лет назад	Календарный возраст, лет назад, : marine 04.14c	
						1 σ -range	2 σ -range
1	ЛУ-5992	скв. 2/07, гл. 6,0-7,0 м	-3,5-4,0	-0,5	1360 $\pm$ 90	790 - 992	709 - 1106
2	ЛУ-5999	Скв. 4/07, гл. 5,0-6,0 м,	-4,5-5,0	-0,6	2080 $\pm$ 90	1544 - 1765	1431 - 1869
3	ЛУ-6001	Скв. 5/07, гл. 5,0-5,5 м,	3,5-4,0	-0,8	2220 $\pm$ 90	1705 - 1924	1590 - 2044
4	ЛУ-6011	Скв. 6-07, гл. 3,5-4,0 м,	-3,5-4,0	-3,6	2350 $\pm$ 80	1874 - 2075	1769 - 2193
5	ЛУ-6180	Скв. 7-08, гл. 9-10 м,	-6,0-6,5	-0,6	2480 $\pm$ 80	2045 - 2263	1937 - 2321
6	ЛУ-6178	Скв. 10-08, гл. 6,5-7,0 м,	-4,5-5,0	-1,9	2550 $\pm$ 100	2094 - 2333	1945 - 2477
7	ЛУ-5885	Скв. 5/06, гл. 6,0-6,5 м,	-5,5-5,0	0,1	2560 $\pm$ 110	2073 - 2347	1930 - 2536
8	ЛУ-6177	Скв. 10-08, гл. 7,5-8,0 м,	-5,0-5,5	0,6	2900 $\pm$ 100	2503 - 2763	2353 - 2861
9	ЛУ-5799	Скв. 5-06, инт. 8-9 м	-5,5-6,0	0,9	2970 $\pm$ 360	2512 - 2935	2330 - 3140
10	ЛУ-5796	Скв. 4-06, инт. 6,5-7,0 м	5,0-5,5	0,9	2980 $\pm$ 100	2654 - 2897	2459 - 3008
11	ЛУ-6179	Скв. 6-08, гл. 9,0-10,0 м,	-6,5-6,0	-1,3	3280 $\pm$ 120	2953 - 3266	2803 - 3386
12	ЛУ-5793	Героевка, + 0,5-1,0 м	-0,5 -0	-0,4	4720 $\pm$ 100	4828 - 5086	4770 - 5280

3. Изменения уровня моря за последние 4,0 тыс. лет

Несмотря на большой интерес, который до настоящего времени вызывает реконструкция региональных и локальных особенностей изменения уровня Черного моря в голоцене и, в частности, в период т.н. «фанагорийской регрессии» в I тыс. до н.э., существующие представления о положении уровня моря в античное время на побережье Керченского пролива основываются преимущественно на археологических материалах, полученных в ходе обследований прибрежной территории, включая подводные разведки в береговой зоне [Зинько, 2003]. В связи с этим результаты проведенных исследований представляют интерес не только для локальных палеогеографических реконструкций территории приморской окраины античных Нимфея и Тиритаки, но и для северо-восточного побережья Черного моря в целом.

Особенности литолого-стратиграфии позднеголоценовой аккумулятивной террасы в пос. Героевское позволяют выделить следы, по крайней мере, двух трансгрессивных фаз в истории Черного моря, первая из которых относится к среднему голоцену, а вторая охватывает последние 1,5 тыс. лет. Несмотря на то, что фрагменты среднеголоценовой террасы прослежены почти на всем западном побережье Керченского пролива, геохронологически она остается практически не охарактеризованной. Полученные нами единичные датировки

могут рассматриваться лишь как предварительные и нуждаются в дальнейшей детализации. Трансгрессивные слои среднего голоцена перекрываются слоем континентальных суглинков, формирование которых связано с понижением относительного уровня моря и осушением части прибрежной полосы. Возраст регрессивной фазы по археологическим материалам охватывает вторую половину I тыс. до н.э. – первую половину I тыс. н.э. Амплитуда и временные рамки этой регрессивной фазы для побережья Керченского полуострова до настоящего времени оставались не охарактеризованными геологическими данными из-за плохой сохранности синхронных ей древнебереговых образований. Частично этот пробел восполняли результаты археологических исследований в прибрежной зоне моря, которые хронологически ограничивались античным тысячелетием.

Кроме отчетливо выраженного по площади культурного слоя в строении берегового вала, в прибрежной полосе отмечалось присутствие остатков построек, сложенных из крупных известняковых блоков, залегавших на глубинах от 1 до 3 м. Проведенные подводные разведки позволили установить на площади около 0,5 га вытянутое с севера на юг поле крупных известняковых камней, среди которых встречаются и правильные прямоугольные блоки. Среди камней найдены обломки амфорных стенок и фрагменты боспорских черепиц IV-III в. до н.э., некоторые фрагменты предположительно V в. до н.э. В целом, в прибрежной полосе широко распространен разнообразный археологический материал античного времени, большая часть которого находится в переотложенном состоянии благодаря активному штормовому размыву и отступанию берега.

В ходе подводных археологических разведок [Зинько, 2003] был выявлен ряд подводно-археологических объектов и установлена их связь с особенностями рельефа прибрежной полосы. В частности, в полосе современного дна пролива шириной 250-300 м на глубинах до 4 м располагались античные строения (усадеб). Расположенная мористее полоса шириной 80-100 м на глубинах 4-4,6 м рассматривается как приморская зона Нимфея и крупных сельских поселений. По данным подводных исследований здесь имеются признаки существования построек и подъездных путей к ним. Полосу дна шириной около 100 м на глубинах 4,6 - 6 м, которая имеет вид довольно крутого склона с перепадами высот 1,5 - 1,7 м, очевидно, и следует принять за уступ террасы фанагорийской регрессии. Судя по всему, именно в этой зоне происходили сезонные изменения уровней Керченского пролива в древности. Мористее на полосе современного дна пролива шириной около 100 м и на глубинах 6,0 - 6,5 м располагались древние лодочные стоянки на палеоглубинах 0,5 - 0,7 м, что находит соответствие в этнографических параллелях.

Современная топография подводных археологических объектов позволила оценить положение уровня моря в IV в. до н.э. на отметках 5,5-5,0 м ниже современного, что оказывается достаточно близким к подобным реконструкциям положения уровня моря в античное время по Таманскому заливу [Никонов, 1998].

Находки средневековой керамики в районе «лодочной стоянки» как в районе Нимфея, так и Акры [Шилик, 1988] позволяют предположить, что относительно низкое положение уровня моря сохранялось вплоть до IX-X вв., что подтверждает оценку начала последней трансгрессивной фазы, основанную на материалах исследований античного Херсонеса [Благоволин, Щеглов, 1965].

Результаты проведенных литолого-геоморфологических исследований на побережье Камыш-Бурунской бухты позволяют дополнить существующие реконструкции изменений уровня моря на основе археолого-геоморфологических данных. Для реконструкции положения уровня моря использованы три типа индикаторов: фации древнебереговых валов, которые для условий кутовой части мелководного залива позволяют реконструировать синхронное им положение уровня с точностью $\pm 0,5$ м. Вторым, наиболее многочисленным, типом индикаторов являются отложения древнего залива, вскрытые бурением практически на всей территории прибрежной низменности вершине Камыш-Бурунского залива. Современные условия формирования подобных типов донных осадков охватывают полосу прибрежного мелководья в полуизолированных участках акваторий до глубин 1,0-1,5 м, что позволяет их использовать для реконструкции положения уровня с точностью ± 1 м. Следует отметить, что на точность реконструкции могут оказывать влияние локальные особенности локального палеорельефа (в частности, наличие полеорусел и др. форм предшествующего субаэрального рельефа), которые учесть при современном уровне изученности территории не представляется возможным.

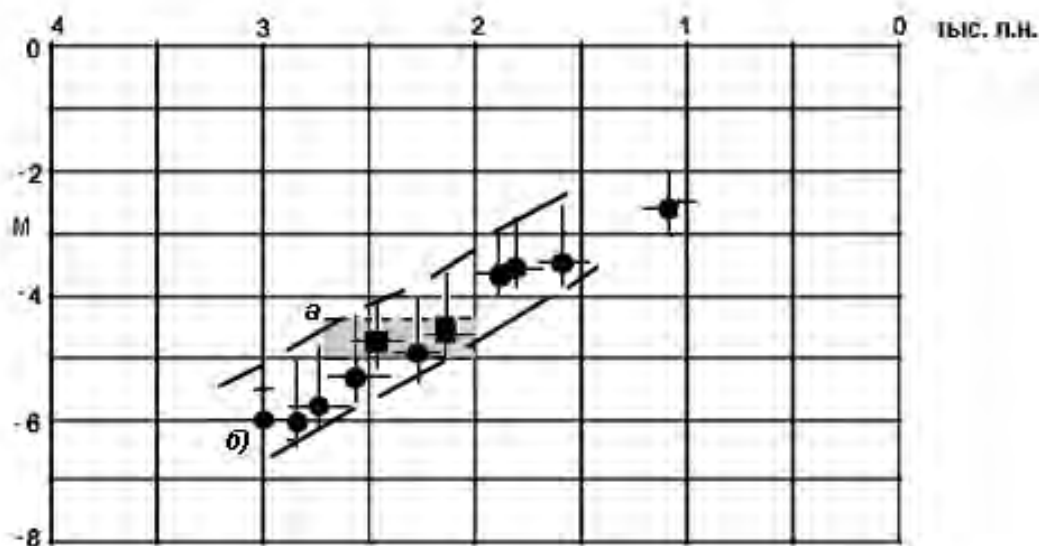

Рис. 6. Изменения уровня моря за последние 3,0 тыс. лет для побережья Камыш-Бурунского залива по археологическим (а) и геологическим (б) данным.

Третьим типом индикаторов являются субаэральные суглинки в краевой части уступа коренного берега в окрестностях Тиритакского городища, содержащих керамический материал античного времени. Несмотря на сложности более точной хронологической привязки культурного слоя, стратиграфическое положение линз в разрезе использовалось в качестве самостоятельного маркера для оценки палеотопографии вблизи юго-восточной окраины городища и приближенного хронологического индикатора.

На рис. 6 приведено распределение различных типов индикаторов в соответствии с абс. отметками их современного залегания и календарным возрастом, полученным на основе радиоуглеродного датирования. В целом, полученная картина отражает достаточно равномерный слабый подъем уровня в первом тысячелетии до н.э. с отметок 5,5-5,0 м до 3,5-4,0 м со средней скоростью около 1,5-2 мм/год, достаточно близкой к средним величинам современного подъема уровня Черного моря. Подобная тенденция сохранялась в первой половине I тыс. н.э. К сожалению, ограниченность материала не позволяет расширить реконструкции до эпохи раннего средневековья. Следует отметить сравнительно удовлетворительное совпадение оценок положения уровня в сер. I тыс. до н.э., полученных как на основе подводных археологических разведок, так и в ходе геолого-геоморфологических работ в прибрежной полосе суши.

4. Эволюция Камыш-Бурунского залива и локализация гавани Нимфея

Результаты проведенных исследований особенностей строения и возраста прибрежных отложений на побережье Камыш-Бурунской бухты и расположенной южнее аккумулятивной террасы в с. Героевское позволяют провести предварительную реконструкцию изменений уровня моря и развития рельефа приморской территории хор Нимфея и Тиритаки (рис. 7).

Согласно существующим представлениям, уровень моря в ходе новочерноморской трансгрессии впервые приблизился к его современному положению в первой половине II тыс. до н.э. [Федоров, 1978; Балабанов, Измаилов, 1989], что подтверждается существующими данными для большей части побережья Черного моря. Предварительные данные по возрасту террасы в с. Героевское также свидетельствуют, что к этому времени, по видимому, относится формирование неширокой аккумулятивной террасы в вогнутости коренного берега, на южной окраине Нимфея. По-видимому, древний аналог Камыш-Бурунской косы первоначально отчленил южную часть палеозалива и существенно отличался своей конфигурацией благодаря особенностям рельефа дна. Благодаря общему уменьшению глубин в этой части пролива можно ожидать, что, следуя направлению изобат, контуры древней аккумулятивной формы отклонялись в сторону пролива, в направлении к косе Тузла.

Ограниченность полученных геологических материалов по побережью Камыш-Бурунской бухты в связи с техногенным изменением верхней части осадочной толщи в результате сооружения хранилища отходов горно-обогадательного

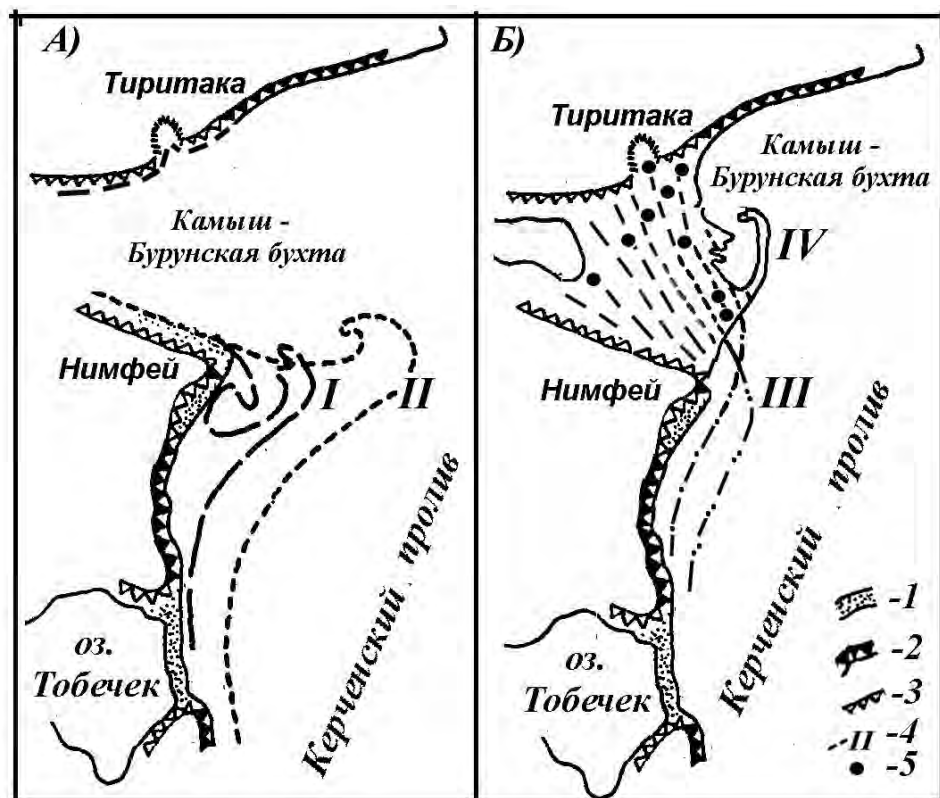

Рис. 7. Эволюция береговой линии Камыш-Бурунского залива:
основные фазы в развитии берега: I – 4,0-3,0 тыс. л.н.; II – 2,7-1,5 тыс. л.н.; III – 1,5-0,7 тыс.л.н.; IV – за последние 300 л.

комбината не позволяет пока провести реконструкции уровня моря для этого участка. Можно ожидать, что в период трансгрессивной фазы во II тыс. до н.э. южную часть Камыш-Бурунской бухты вместе с низовьем долины р. Чурубашки занимал единый лимана. В пользу этого свидетельствуют опубликованные в 30-е годы прошлого столетия материалы бурения на акватории Чурубашского озера [Соляные озера Крыма, 1936].

В ходе последующего понижения относительного уровня в конце II-го – начале I тыс. до н.э. древняя генерация палео-Камыш-Бурунской косы должна была испытать нарастание в ширину и продолжала выступать в роли барьера, отделявшего мелководный палео-Чурубашский лиман от акватории Керченского пролива, сохраняя преобладающее направление в сторону центральной части пролива, в направлении палео-Тузлинской косы. О присутствии в строении верхней части донных отложений древних генераций береговых валов свидетельствуют предварительные материалы сейсмо-акустического профилирования в прибрежной зоне.

Обширная территория к западу от косы была занята мелководным заливом, частично отгороженным от открытой акватории пролива древней Камыш-Бурунской косой. Приведенные выше материалы литолого-стратиграфического и геохронологического изучения показали, что условия палеозалива на месте южной половины Камыш-Бурунского залива существовали, по-крайне мере, с начала I тысячелетия до н.э. до середины I тыс. н.э. и, вполне возможно, – до конца X в. н.э. Западная граница этого палеозалива непосредственно прилегала к коренному берегу, на одном из выступающих участков которого располагалась античная Тиритака.

Реконструкция развития рельефа побережья Камыш-Бурунского залива представляет самостоятельный интерес в связи с вопросом локализации гавани Нимфея. Современное состояние вопроса уже излагалось, и было высказано предположение о расположении гавани к югу от м. Камыш-Бурун, т.е. в пределах открытого участка аккумулятивного берега [Беленький, 1998]. На наш взгляд, реконструкция палеотопографии античного Нимфея должна, прежде всего, опираться на анализ эволюции рельефа побережья за последние 3,0 тыс. лет. Результаты проведенных исследований (рис. 7) показали, на месте современной аккумулятивной террасы в южной части Камыш-Бурунской бухты в античное тысячелетие существовал обширный отгороженный с востока древней косой мелководный залив, южная граница которого вплотную подходила к подножью приподнятого плато, на котором располагался боспорский город Нимфей. С точки зрения палеогеоморфологических условий этот участок представляется наиболее вероятным для локализации портовой части городища. К сожалению, залегание культурного слоя античного времени на глубинах свыше 3,0-3,5 м ниже современного уровня моря под толщей более молодых лиманно-морских отложений затрудняет прямое археологическое изучение этого участка. Тем не менее, в отвалах грунта в ходе сооружения ирригационной канавы встречается большое количество переотложенного керамического материала, свидетельствующего о присутствии культурного слоя на глубинах 2-4 м ниже дневной поверхности.

Повышение уровня моря за последние 1,5 тыс. лет сопровождалось размывом мористой части косы и общим смещением ее в сторону суши. Материал от размыва древней косы поступал на формирование ранних генераций косы, выполняющих внутренние участки палеозалива. Подобная схема развития прибрежной территории Камыш-Бурунской бухты не противоречит геологическим данным, хотя и нуждается в более надежном геохронологическом подтверждении. Современная Камыш-Бурунская коса представляет собой наиболее молодую генерацию береговых валов. Под верхним слоем раковинных песков мощностью 4-5 м залегает толща тонких песков, вскрытых практически повсеместно в пределах прибрежной низменности, что свидетельствует о расположении на месте современной косы восточной окраины мелководного

полуизолированного водоема, существовавшего на месте Чурубашского лимана.

Результаты изучения картографических и геологических материалов, а также проведенные геоморфологические и археолого-палеогеографические исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Аккумулятивная терраса в районе с. Героевское сложена толщей отложений, сформировавшихся во время двух трансгрессивных и одной регрессивной фазы Черного моря. Первая трансгрессивная фаза относится к среднему голоцену, а вторая охватывает последние 1,5 тыс. лет. Возраст регрессивной фазы по археологическим материалам охватывает вторую половину I тыс. до н.э. – первую половину I тыс. н.э. В это время осушалась прибрежная полоса морского дна шириной до 400 м.

2. Современный рельеф прибрежной суши Камыш-Бурунского залива представляет собой серию древних генераций Камыш-Бурунской косы, сформировавшихся в ходе последовательного выполнения палеозалива на месте устьевой зоны Чурубашского лимана. Средняя величина выдвигения береговой линии в Камыш-Бурунском заливе составляет 2-2,5 км. Современная Камыш-Бурунская коса представляет собой наиболее молодую генерацию береговых валов. Западная граница палеолимана непосредственно прилегала к коренному берегу, обрамляющему современный Камыш-Бурунский залив. Время существования этого водоема относится к периоду середины II тысячелетия до н.э. – I тыс. н.э.

3. Палеогеографические данные позволяют предполагать существование припортовых частей античных поселений в этом районе в пределах внутренних участков палео-Чурубашского лимана.

4. Камыш-Бурунская коса является полигенетической формой, прошедшей сложную эволюцию. Возникновение ее относится к началу II тысячелетия до н.э., когда уровень Черного моря впервые достигал его современного положения. В пределах южной половины Камыш-Бурунской косы существовал древний береговой барьер, сформировавшийся в период 4,5-3,5 тыс. лет назад и первоначально отчленявший внутренние части палео-Камыш-Бурунского залива в I-II тыс. до н.э. В античное время, несмотря на относительное понижение уровня моря, коса продолжала выступать в роли барьера, отделявшего мелководный палео-Чурубашский лиман от акватории Керченского пролива. Повышение уровня моря за последние 1,5 тыс. лет сопровождалось размывом мористой части косы и общим ее смещением в сторону суши. В ходе последующего повышения уровня часть материала была размыва и поступила на формирование древних генераций косы, выполняющих внутренние участки палеозалива.

ЛИТЕРАТУРА.

- Андреев В.М., Казанцева Р.А., Панаев В.А., Пустильников И.Р. Тектоника области сочленения Кавказа и Крыма // Тектоника и стратиграфия. Киев.-1981-Вып.21- с. 22-28.
- Балабанов И.П., Измайлов Я.А. Изменение уровненного и гидрохимического режимов Черного и Азовского морей за последние 20 тысяч лет // Водные ресурсы.- 1988.-№. 6.- С.54-62.
- Бадинова В.П., Зубаков В.А. Радиоуглеродные датировки лаборатории ВСЕГЕИ. Список III// Бюлл. Комисс. по изуч. Четверт. Периода., № 45. -М., Наука. -1976. -с. 154-167.
- Беленький Д.Б. Прогноз локализации гавани Нимфея на основе палеогеографических реконструкций береговой линии // Сб. «Проблемы истории, филологии и культуры» //М.-Магнитогорск. -1998. -Вып. 5.- с. 27-37.
- Благоволит Н.С., Щеглов А.Н. Изменения уровня Черного моря в историческое время по археолого-геоморфологическим данным по побережью юго-восточного Крыма // Изв. АН СССР, сер. Геогр. -1965.-№2.-с.49-58.
- Зинько В.Н. Хора Боспорского города Нимфея. -Симферополь-Керчь. 2003.-320 с.
- Керченский пролив.-Киев: Наукова Думка, 1984.-278 с.
- Науменко П.И., Кривошеина И.П. Геология Черубашского озера. – Сб.:Литолого-геохимические условия формирования донных отложений. Киев: Наукова думка, 1979.- с. 17-26.
- Науменко П.И. Некоторые закономерности размещения рудных залежей Керченско-Таманской области в связи с особенностями ее тектонического строения // Геологический журнал. -1977. -т.37, вып.6.- с. 28-33.
- Невесский Е.Н. К вопросу о новейшей Черноморской трансгрессии – Тр. Инст. океанологии АН СССР, 1958. т. XXVIII. С. 23-29.
- Никонов А.А. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // Российская археология. 1998. № 3. С. 57-65.
- Плахотный Л.Г., Пасынков А.А., Палинский Р.В. и др. Тектоническое положение и структурное районирование Керченского пролива //Советская геология.-1989.-№ 3.- с.77-84.
- Федоров П.В. Плейстоцен Понто-Каспия.-М.: Наука, 1978.-163 с
- Шилик К.К. Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива // Четвърти международен симпозиум Тракия Понтика IV – Созопол 6-12 октомври 1988. София. 1991.- с. 427-434.
- Шнюков Е.Ф., Науменко П.И. Марганцево-железные руды Керченского бассейна.- Крымиздат, Симферополь. 1961.-175 с.

О.В. Поротов, В.М. Зинько

**ЗМІНА РІВНЯ МОРЯ ТА РЕЛЬЄФ ПРИМОРСЬКОЇ СМУГИ
ХОРИ ТІРІТАКИ ТА НІМФЕЮ В АНТИЧНІ ЧАСИ
(ЗАХІДНЕ УЗБЕРЕЖЖЯ КЕРЧЕНСЬКОЇ ПРОТОКИ)**

Резюме

В статті розглядаються результати археолого-палеогеографічних досліджень на узбережжі Керченської протоки в околицях античних міст Німфею і Тірітаки. На підставі літолого-фаціального та геохронологічного вивчення прибережних відкладень проведена реконструкція рівня моря та змін берегової смуги за останні 3 тис. років.

А.В. Поротов, В.Н. Зинько

**ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ МОРЯ И РЕЛЬЕФ ПРИМОРСКОЙ ПОЛОСЫ
ХОРЫ ТИРИТАКИ И НИМФЕЯ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ
(ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КЕРЧЕНСКОГО ПРОЛИВА)**

Резюме

В статье рассматриваются результаты археолого-палеогеографических исследований на побережье Керченского пролива в окрестностях античных городов Нимфея и Тиритаки. На основании литолого-фациального и геохронологического изучения прибрежных отложений проведена реконструкция уровня моря и изменения береговой линии за последние 3,0 тыс. лет.

A.V. Porotov, V. N. Zinko

**THE SEA LEVEL CHANGE AND COASTAL EVOLUTION OF THE CHORA
OF CLASSIC TYRITAKA AND NIMPHAEUM IN THE 1st millennium BC
(THE WESTERN SHORELINE OF THE KERCH STRAIT)**

Summary

The article deals with the results of archaeological and geomorphologic research on the Crimean's coastline of the Kerch strait in vicinity of the two classic cities: Nymphaeum and Tyritaka. On the basis of sedimentology, geochronology and macrofaunistic study several litho-facial types of coastal sediments have been distinguished that permitted to reconstruct the sea level change and coastal evolution pattern for the last three millenia.

С.Ю. САПРЫКИН

АРХЕАНАКТИДЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО*

Основание греческих колоний на берегах Керченского пролива создало основу для формирования Боспорского государства, которое просуществовало с VI в. до н.э. по IV в. н.э. и включало в свой состав земли в Восточном Крыму и на Северном Кавказе. В IV – начале III вв. до н.э. в состав Боспорского царства входили области, примыкавшие к Центральному Крыму и в Прикубанье, вплоть до совр. г. Новороссийска. Опорой этого государства были греческие города и их сельская периферия, а обширные регионы, которые населяли местные племена скифов, меотов, синдов, являлись житницей, откуда греки получали зерновой хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. На доримском Боспоре сложилась своеобразная форма правления, которая внешне напоминала единоличную власть монархов в лице представителей двух династий – Археанактидов и Спартокидов. Если правление Археанактидов было сравнительно кратковременным – всего сорок два года, то власть преемников Спартока, основателя династии Спартокидов, продержалась с 438 г. до н.э. до конца II в. до н.э. Это позволило исследователям называть государство, сложившееся по берегам Боспора Киммерийского, Боспорским царством, что прочно закрепилось в научной литературе. Отчасти они были правы – его правители именовали себя «царями», особенно те, кто правил на Боспоре в императорскую эпоху. Что до Спартокидов и тем более до Археанактидов, то здесь картина сложнее, ибо представители династии Спартока, пришедшего к власти в результате переворота в Пантикапее в 438 г. до н.э., официально именовали себя архонтами Боспора и Феодосии и царями синдо-меотских племен [см. КБН 6, 6а, 8, 1037, 1038, 1111; Demosth. Adv. Lept. XX. 29. 11; ср. Соколова, 2001, с. 369; Соколова, Павличенко, 2002, с. 99-121; Сапрыкин, 2003, с. 26-28; Тохтасьев, 2001, с. 161; Тохтасьев, 2004, с. 157-175], тогда как иноземные эллины называли их тиранами [Aeschin. Adv. Ktes. III. 171; Dinarch. Adv.

* Статья подготовлена в рамках проектов РГНФ № 12-01-00122а «Материальное и духовное в повседневной жизни населения античного Боспора» и № 12-01-00116а «Магические надписи античного Северного Причерноморья».

Dem. I. 43; Ps.-Scymn. 898; Strabo VII. 4. 4]. К тому же в начале III в. до н.э. те же Спартокиды официально называли себя царями [КБН 19, 20, 974, 1043]¹. Поэтому в научной литературе Боспорское государство всегда характеризовалось как греко-варварское [Ростовцев, 1918, с. 33-121; Rostovtzeff, 1922, р. 61 ff.; Гайдукевич, Капошина, 1951, с. 162-187; Иванова, 1951, с. 188-203; Книпович, 1955, с. 178-187; Блаватский, 1959, с. 15-17; Блаватский, 1985, с. 100], которое получило монархическую или попросту единоличную (авторитарную) форму правления с момента своего образования в 480 г. до н.э. [Гайдукевич, 1949, с. 44; Каллистов, 1952, с. 121; Жебелев, 1953, с. 164, 175].

В научной литературе еще в начале XX в. высказывались идеи о том, что Боспор при Археанактидах и Спартокидах являлся тираническим государством, и эту точку зрения поддержали исследователи более позднего времени [Ростовцев, 1918, с. 87-93; Ростовцев, 1989, с. 183; Ростовцев, 1993, с. 77-80; Артамонов 1949, с. 33; Блаватская, 1959, с. 17; Виноградов Ю.Г., 1983, с. 417; Шелов, 1994, с. 105; подробную литературу вопроса см. Васильев 1992, 111; Завойкин 2010, 26, 54, прим. 80-83]. Достаточно живучи и представления о монархическом правлении на Боспоре. Предпринимались даже попытки причислить Боспор V-IV вв. до н.э. к государствам типа эллинистических царств Пергама, Каппадокии, Армении, Вифинии, Понта [Жебелев, 1953, с. 158]². В некоторых работах, появившихся в последнее время, делается попытка примирить эти взаимоисключающие мнения путем введения в научный оборот следующих положений: а) Археанактиды и Спартокиды – это тираны типа наследственных монархов; б) Спартокиды обладали царской хорой, т.е. царской землей, что сближало их с эллинистическими царями [Завойкин, 2007а, с. 220 сл.; Завойкин, 2010, с. 26; Масленников, 2012, с. 303-308]. Поэтому в задачу настоящего исследования входит определить правомерность означенных заключений и выводов. Для нас важно выявить вклад Археанактидов в создание и укрепление боспорской государственности, в связи с чем будет предпринята попытка охарактеризовать их правление с точки зрения полисных отношений.

Прежде чем дать подробный анализ причин и последствий установления династического правления на Боспоре, необходимо обратиться к предыстории. В результате греческой колонизации по берегам пролива Боспора Киммерийского образовалось несколько независимых апойкий, которые к концу VI – началу V вв. до н.э. превратились в независимые полисы (Пантикапей, Фанагория, Гермонасса, Кепы, Нимфей, Феодосия). Другие греческие центры (Мирмекий, Тиритака, Киммерик) были основаны не ранее второй четверти VI в. до н.э. как

¹ См. например, их титул на монетах [Анохин, 1986, № 134-136; Анохин, 1999, с. 72-77].

² Ср. Ростовцев, 1989, с. 183 сл.: «боспорская тирания ... в первый период (доэллинистический – С.С.) очень близка к младшей тирании, а во второй она приближается к тому положению, в котором находились Пергамское царство и другие более мелкие малоазиатские эллинистические монархии».

в ходе переселения греков из метрополии, так и в результате вторичной колонизации из ранее основанных на Боспоре полисов [Виноградов, 1993, с. 79-95; Виноградов, 2000, с. 227-231; Виноградов, 2012, с. 86-91. А такие города, как Китей, Акра, Тирамба, Парфений, Порфмий, т.е. так называемые «малые» города Боспора, появились уже вследствие внутренних процессов развития полисных центров, прежде всего Пантикапея, осваивавшего прибрежную зону Восточного Крыма [Виноградов, 1995, с. 156; Масленников, 2004, с. 3-72]³. Таким образом на Боспоре изначально сложились условия для создания полисной структуры по типу греческих государств Восточного и Западного Средиземноморья.

На полисный принцип организации государственной и общественно-политической жизни Боспора указывает монетное дело. В середине VI в. до н.э. (ок. 550- 530 гг. до н.э.) началась чеканка монет Пантикапея, который практически единственный из греческих полисов Боспора Киммерийского продолжал выпуск монет со своим названием в течение последней четверти VI – конца V вв. до н.э. И только в самом конце V в. до н.э. собственные монеты начали выпускать Нимфей и Феодосия, а чуть позднее Фанагория [Анохин, 1986, с. 136-139; Frolova, 2004, р. 11-16]. Появление полисной монеты Пантикапея свидетельствует не только о развитии экономики – ремесла и торговли, что маркирует превращение этой апойкии в город, но и показывает высокий для того времени общественно-политический статус, который выражался в трансформации его в полисный центр. К сожалению, для столь раннего времени мы не имеем свидетельств о гражданских и государственных институтах полисной власти. Однако косвенные данные об этом имеются.

В последней декаде IV в. до н.э., когда к власти в Пантикапее и на всем Боспоре пришел Евмел, он созвал граждан столицы на народное собрание, где объявил о восстановлении «прежнего образа правления» [Diod. XX. 24]. Это подтверждает существование в Пантикапее полисной конституции если не при Археанактидах, то уж во всяком случае в правление Спартокидов. А данный факт недвусмысленно показывает, что при Спартокидах крупнейшие города Боспора сохраняли элементы полисного самоуправления, которые они, по всей видимости, имели и до установления их династического правления. Вполне естественно, и для эллинского мира характерно, что с введением единоличного правления эти полисные свободы были ограничены и сохранялись исключительно по воле и желанию правителей⁴. Проксеническая деятельность

³ В ходе археологического исследования Китея были обнаружены отдельные находки конца VI – начала V вв. до н.э., однако культурного слоя этого времени не зафиксировано [Молев, 2010, с. 30], поэтому трудно сказать, какое поселение существовало в позднеархаическую и раннеклассическую эпохи на месте этого города, который стал активно застраиваться с третьей четверти V в. до н.э. Существует предположение, что первыми поселенцами Китея могли быть выходцы из Пантикапея [Молев, 2006, с. 120].

⁴ Аналогичный прецедент имел место в другом причерноморском полисном государстве – Ге-

Боспора при Спартокидах, которая началась как минимум при Левконе I, также демонстрирует ряд черт полисного статуса крупнейших городов. Это, в частности, предоставление иностранцам проксений и политики, подтверждавшей право пантикапейского гражданства, что давало им возможность пользоваться беспоплиностью и защитой своих коммерческих интересов на всем Боспоре [Сапрыкин, Федосеев, 2011, с. 107-109]. Вкупе с «прежним отеческим образом правления» в Пантикапее это может подтверждать возможность создания в столице Боспора гражданского коллектива, права которого были серьезно ущемлены после прихода к власти тиранов (во всяком случае это бесспорно относится к Спартокидам; что же до Археанактидов, то об этом можно косвенно судить только по монетам с полисной легендой).

Одним из важнейших инструментов гражданской жизни в полисах были суды. Благодаря находкам, сделанным в последнее время, появилось довольно много надписей на керамике и свинце, которые считаются заклетами и наговорами. Они происходят из разных городов Боспора, в основном из Пантикапея, и тесно связаны с судопроизводством, так как по формулировкам напоминают аналогичные памятники из Ольвии и в особенности из Афин, где они имеют прямое отношение к судебному делу. Изучение этих документов позволило сделать вывод о влиянии полисной юрисдикции Афин на организацию судебной власти в Ольвии и на Боспоре [Vinogradov, 1994, s. 108; Сапрыкин, Зинько, 2003, с. 270, 271]. А это значит, что на Боспоре сохранялись суды-дикастерии, а может быть и суд присяжных – гелиея, что можно рассматривать как уступку средним слоям населения, которые всегда выражали приверженность полисным традициям⁵. Таким образом, имеющиеся факты говорят о том, что с самого раннего времени основой экономического, социального и культурного благосостояния Боспора оставалась полисная гражданская община.

В этой связи все возможные на сегодняшний день пути решения вопроса о характере власти на Боспоре в классическую эпоху упираются в проблему становления и развития полиса. Это относится в первую очередь к Археанактидам, единственное достоверное сообщение о которых у Диодора Сицилийского сводится к следующему: «при архонте Феодоре в Афинах... в Азии же царствовавшие (βασιλεύσαντες) над Киммерийским Боспором так называемые Археанактиды правили сорок два года [Diod. XII. 31.1]. Терминология Диодора, в особенности слово «царствовавшие», положила начало дискуссии о характере власти Археанактидов. Их, буквально следуя первоисточнику,

раклее Понтийской, где пришедший в 364 г. до н.э. к власти тиран Клеарх по своему желанию созывал экклесию и формировал городской Совет – булэ, сохраняя для видимости полисные органы власти [Сапрыкин, 1997, р. 135-139].

⁵ Н.Ф. Федосеев отмечает находку на поселении Заветное пятимерной ойнохой боспорского производства с клеймом ΔΗΜΟΣΙΟΝ [Федосеев, 2012, с. 320], что может указывать на сохранение полисных магистратов, следивших за установленными законами полиса мерными объемами.

именовали царями, царской династией или царским родом [Каллистов, 1949, с. 157; подробный разбор мнений см. Жебелев, 1953, с. 21-23]. Однако уже А. Бек посчитал Археанактидов аристократическим родом, который обеспечил за собой наследственную архонтскую власть. После этого вопрос о царском статусе Археанактидов отпал, тем более что сообщение Диодора не дает пищи для подобного толкования. В его основу положена местная боспорская хроника, которую использовал один из раннеэллинистических авторов (м.б. Дурис?) [Ростовцев, 1925, с. 123-127; Каллистов, 1949, с. 156, 167-169; Струве, 1968, с. 167; Сапрыкин, 1982, с. 189; Виноградов Ю.Г., 1983, с. 396; Блаватский, 1985, с. 203 сл.], когда большая часть греческих правителей (в том числе тиранов) именовалась «царями» (с 308 г. до н.э.). Поэтому источник Диодора по установившейся в эпоху эллинизма традиции мог назвать власть Археанакта и его преемников (или преемника?) царской. Знаменательно, что характеризую правление сменившего Археанактидов в 438 г. до н.э. Спартока I источник сицилийского историка употребляет глагол διαδέχομαι – «получить власть от предшественника», а саму власть обозначает понятием ἄρχω – «править». Мы не осведомлены, какую полисную должность занимали в Пантикапее представители рода Археанактидов. Выдвигались предположения, что им могла принадлежать высшая полисная магистратура архонта, и если это было так, то это должна была быть должность первого архонта Пантикапея. Последнее как будто бы подтверждается тем, что Спартокиды именовались «архонтами Боспора», но надо иметь в виду, что применительно к Археанактидам никаких сведений об этом не имеется. Большинство исследователей считает Археанактидов тиранами Пантикапея [Гайдукевич, 1949, с. 44; Vinogradov, 1980, s. 95-97; Виноградов, 1983, с. 397; Шелов-Коведяев, 1984, с. 72-77; Васильев, 1985, с. 13-20; Молев, 1997, с. 25; Молев, 2003, с. 131; Завойкин, 2007, с. 45; Завойкин, 2011, с. 294 сл.], поэтому переворот 438 г. до н.э. с их точки зрения являлся всего лишь сменой правящей группировки без какого-либо изменения социально-экономической основы и политической сущности власти, остававшейся тиранической [Блаватская, 1959, с. 45; Виноградов Ю.Г., 1983, с. 406], а не царской. На этом основании Археанактидов и ранних Спартокидов называют тиранами, а их правление тиранией [Ростовцев, 1993, с. 77 сл.; Мачинский, 1989, с. 7; Сапрыкин, 1984, с. 88 сл.; Васильев, 1992, с. 122-125], возникшей в результате процесса развития полиса. Более того, исследователи идут дальше, характеризую ее как «старшая тирания» [Суриков, 2007, с. 140 сл.; Завойкин, 2007, с. 221; Чурекова, 2012, с. 321 сл.], для которой свойственно обострение социальной борьбы демоса с родовой аристократией в период становления полисных отношений.

С этой точки зрения стремление некоторых исследователей определять Археанактидов как правителей, «заложивших первый камень в фундамент боспорской монархии», а режим Спартокидов как «наследственную монархию»

или «династическую монархию боспорских правителей», независимо от того, являлись ли они архонтами, тиранами, династами или царями, выглядит совершенно неправомерным⁶. При этом ссылка сторонников такой характеристики правления боспорских династов на Аристотеля, который выделял, как ему казалось, ряд правильных форм государственного устройства, среди которых действительно фигурировала монархия (букв. царская власть-басилея), неубедительна. Как отметил А.И. Доватур, Аристотель называет монархию первой и божественной формой правления, родственной аристократии. Монархия, по представлению Аристотеля, не родственна, а близка тирании, которая во времена философа приобрела форму не царской власти, как в древности, а воплотилась в тиранию. «Монархия, при всех ее привлекательных для автора Политики свойствах, принадлежит прошлому» - пишет исследователь. По Аристотелю, который при определении форм правления имел в виду греческие полисы, «монархическое правление с царем (а не тираном) во главе либо представляло собой историческую категорию прошлого, либо продолжало существовать как пережиток в сильно измененном виде (Спарта) [Доватур, 1965, с. 81]. Так что, если следовать Аристотелю, на которого любят ссылаться исследователи истории раннего Боспора, то для V – IV вв. до н.э. единоличное правление в полисе (а то, что архонтство Археанактидов и первых Спартокидов до Сатира I ограничивалась исключительно Пантикапеем и окрестностями вместе с городами Мирмекием, Тиритакой, Порфмием, Парфением не вызывает сейчас сомнений) [Завойкин, 2000, с. 34-36; Завойкин, 2001, с. 22-28; Сапрыкин, 2003, с. 17сл.] могло являться либо олигархическим либо тираническим. Оно не вписывалось в сущность надполисного явления, т.е. монархии в нашем понимании, ибо зародилось в полисе и существовало исключительно как полисное целое, оставаясь таковым по своему характеру и историческому предназначению⁷.

⁶ [Завойкин, 2010, с. 26; см. также Завойкин, 2007, с. 45: «территориальная монархия при сильном влиянии полисных традиций»; Завойкин, 2007а, с. 220; ср. Жебелев, 1953, с. 72]. Пролить свет на характер власти Спартокидов как монархическую, по мнению О.Л. Габелко и А.А. Завойкина, могла бы якобы существовавшая на Боспоре царская эра Спартока III, принятая, по их мнению, в 297 г. до н.э. одновременно с провозглашением царями правителей Вифинии и Понта [Габелко, Завойкин, 2004, с. 74-81]. Однако точных сведений о времени наречения боспорского тирана царем у нас нет. К тому же данному мнению как будто бы противоречит тот факт, что в ранних надписях Спарток III фигурирует одновременно и как архонт и как царь, что подтверждает изначально архонтский, а значит, тиранический, статус этого династа. Титул «царь» он, как и гераклеийский тиран Дионисий, получил всего лишь для придания своей персоне более значительного политического и дипломатического веса, приравнивавшего его к эллинистическим монархам, власть которых действительно являлась царской, ибо они считались восприемниками персидских царей и Александра Македонского. Так что этот аргумент для характеристики боспорской власти как «монархической» выглядит весьма шатким.

⁷ Определяя боспорскую тиранию как монархию, обычно ссылаются на следующий пассаж Аристотелевой «Политики» [Arist. Pol. IV. 8.3 p 1295a 15]: «Третий вид тирании – тирания по преимуществу – соответствует неограниченной монархии» [ср. Завойкин, 2012, с. 295]. Однако фило-

Специфической особенностью Боспора было соседство варварских племен тавров, скифов и синдо-меотов. К концу VI в. до н.э. стали развиваться греко-скифские отношения, в чем немалая роль принадлежала Нимфею. Об этом свидетельствуют скифская лепная керамика, лепные фигурки женского божества, изделия из кости, которые находят в материковом слое и в ямах VI в. до н.э. при раскопках этого города [Скуднова, 1954, с. 306-318]. Курганный могильник V в. до н.э. из окрестностей Нимфея демонстрирует ряд признаков погребального обряда и предметы погребального инвентаря, имеющих параллели среди памятников Среднего и Нижнего Поднепровья и Прикубанья – конские захоронения и отдельные вещи в зверином стиле, в частности, бронзовые бляшки от конской упряжи в виде голов кабана, лося, птицы, в форме задней ноги хищного животного и в виде оленя с ветвистыми рогами, а также псалии в форме птичьих голов, кольца, пряжки, налобники [Силантьева, 1959, с. 51-87; Виноградов, 2005, с. 246-249; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 208-210]. Элементы скифской культуры, которые проявляются в Нимфее в V – самом начале IV вв. до н.э., появились в связи с его особыми отношениями с царскими скифами. Они были обусловлены заинтересованностью скифской знати в мирных взаимоотношениях с этим городом, так как через Керченский полуостров проходили пути миграций кочевников через пролив на Северный Кавказ, о чем сообщает Геродот [Herod. IV. 28; см. Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 155; Виноградов, 2005, с. 213-226]. Один из их маршрутов пролегал вблизи Нимфея и вел через пролив к Корокондаме, а два других находились севернее – один в районе Порфмия, другой в окрестностях Ак-Буруна [Федосеев, 1999, с. 81, 82].

Существует достаточно распространенная точка зрения, что особые отношения скифов и Нимфея позволяли последнему противостоять Археанактидам, тиранам Пантикапея, которые расширяли свои владения на юг. Скифы же, опираясь на Нимфей, могли контролировать Археанактидов и оказывать на них политическое и военное давление⁸. К сожалению, подтвердить эти предположения данными источников не представляется возможным. Известно, однако, что Пантикапей также имел хорошие отношения со скифами еще со времени основания – у Стефана Византийского сохранилось упоминание, что он был основан сыном Аэта, получившим это место от скифского царя Агаэта [Steph. Byz. s.v. Παντίκαπειον]. При всей мифологичности сюжета в нем содержится

соф, отличая этот вид тирании от неограниченной монархии у варваров, т.е. от восточной деспотии, имеет в виду не социально-экономические отличия единоличного правления в виде царской земельной собственности, как в Передней Азии в до- и в эллинистическую эпоху, а подразумевает политическую форму единоличного правления – монархию как полисное явление, что мы сейчас и понимаем под словосочетанием «древнегреческая тирания».

⁸ [Анохин, 1999, с. 33: к Нимфею, полагает этот исследователь, могла перебраться группа царских скифов из Среднего и Нижнего Поднепровья, избравших Восточный Крым местом своего проживания; ср. Алексеев, 2003, с. 210].

правдоподобное историческое зерно, а именно: греки-милетяне заключили соглашение с владевшими местностью скифами для основания города. Поэтому его расширение, как и организация хоры, полностью зависели от взаимоотношений со скифами (мирными или военными в зависимости от обстановки). Последние раскопки на горе Митридат, древнем пантикапейском акрополе, показали, что древнейшие греческие постройки – землянки и полуземлянки – группировались поначалу в одном месте, а ближе к середине-второй половине VI в. до н.э. распространились на более широкой площади холма. Это было прямым результатом договорных отношений со скифскими правителями, которые вначале выделили эллинам фиксированную территорию для поселения, а затем разрешили расширять его границы⁹. Ю.А. Виноградов несомненно прав, считая, что в момент появления греков на Боспоре скифы наведывались на Керченский полуостров только во время проходов к переправам, и Пантикапей интересовал их исключительно с этой точки зрения. Поэтому Нимфей, установивший связи со скифскими кочевниками ранее пантикапейцев, достаточно быстро расширил хору и основал в Восточном Крыму ряд своих поселений [Виноградов, 2005, с. 226]. Скифы развивали отношения с Нимфеем именно потому, что там достаточно рано сложилась градостроительная структура и началось освоение сельской округи, что открывало возможность осуществлять торговые и экономические контакты с Эгеидой [Зинько, 1998, с. 29-33; Зинько, 1998а, с. 86-104; Зинько, 2001, с. 102-104]¹⁰.

Скифы населяли степные и прибрежные районы Керченского полуострова с VII в. до н.э. Об этом свидетельствуют курганные погребения конца VII в. до н.э. на Темир-горе и в окрестностях с. Филатовка на Перекопском перешейке, где в составе погребального инвентаря находились родосско-ионийские сосуды [Яковенко, 1972, с. 260-265; Корпусова, 1980, с. 99-104]. В обширном могильнике юго-восточнее с. Золотое на азовском побережье полуострова обнаружено скифское захоронение второй половины VI в. до н.э. [Масленников, 1980, с. 89-90; Виноградов, 2005, с. 226], а к VII-VI вв. до н.э. относится скифское захоронение в районе Кировского поселения эпохи бронзы [Мурзин, 1984, с. 19]. К V в. до н.э. количество скифских погребений в глубине Керченского полуострова увеличилось: появились коллективные и одиночные захоронения в простых грунтовых ямах и каменных ящиках, принадлежавшие рядовым общинникам, поскольку изделия из драгоценных металлов в погребальном инвентаре единичны. Они принадлежали рядовому скифскому населению, которое стало

⁹ Доклад В.П. Толстикова на конференции «Боспорский феномен» в ноябре 2011 г. и его же доклад на чтениях памяти Ю.Г. Виноградова в декабре того же года. Об аналогичной ситуации при основании Гераклеи Понтийской в 554 г. до н.э., когда греки-мегаряне получили от мариандинского царя землю для постройки города см. [Сапрыкин, 1981, с. 13].

¹⁰ О находках позднеархаической керамики в Нимфее, включая клазоменскую амфору с «чешуйчатым» орнаментом последней четверти VI в. до н.э. см. [Домжальский, Чистов, 2003, с. 5].

переходить к оседлости приблизительно в конце VI – первой половине V вв. до н.э. [Масленников, 1981, с. 21-27; ср. Масленников, 1995, с. 56]¹¹. Появление греческой керамики, главным образом, амфорной тары, столовой расписной и кухонной посуды, бронзовых предметов, металлической импортной посуды, золотых украшений говорит о становлении эллино-скифских торгово-экономических контактов. На основании захоронений можно констатировать заметное расслоение и углубление социальной стратификации среди скифского населения [Яковенко, 1982, с. 72; Ольховский, 1991, с. 89]. Количество скифских захоронений рядового оседлого населения Восточного Крыма возросло к концу V в. до н.э., тогда же в V в. до н.э. стали появляться первые поселения оседлого населения, число которых резко увеличилось к началу IV в. до н.э. [Яковенко, 1970, с. 115; Яковенко, 1974, с. 20-60; Яковенко, 1981, с. 250]. Почти одновременно с погребениями и поселениями на Керченском полуострове, которые можно отнести к оседлому смешанному скифскому или скифо-таврскому населению, в ближайших окрестностях Пантикапея и Нимфея стали появляться курганные погребения варварской знати. На территории Пантикапея или его хоры это четыре курганных комплекса – Ак-Бурун, датирующийся не позднее середины V в. до н.э. [Яковенко 1970б, с. 54; Яковенко, 1974, с. 105; Виноградов, 2005, с. 249], погребение № 83 на Темир-горе конца V – начала IV вв. до н.э. [Яковенко, 1977, с. 143; Виноградов, 2001, с. 80 сл.; Виноградов, 2005, с. 249], ранний комплекс в грунтовом захоронении Куль-Обы, который сейчас относят к концу V в. до н.э., хотя там засвидетельствованы золотая бляха в виде оленя и браслет первой половины этого столетия [Виноградов, 2001, с. 80; Виноградов, 2005, с. 250; Виноградов, 2010, с. 423; ср. Алексеев, 2003, с. 262], Баксы, время появления которого укладывается в пределы конца V – начала IV вв. до н.э. [Виноградов, 2001, с. 80; Виноградов, 2005, с. 249, 250]¹². Эти курганные погребения по времени близки наиболее поздним захоронениям подобного рода из некрополя Нимфея. Скифские курганы в окрестностях греческих городов убедительно свидетельствуют, что скифская аристократия, обогатившись за счет появлявшихся в Восточном Крыму скифов-земледельцев, предпочитала иметь тесные отношения с развивавшимися эллинскими полисами европейского Боспора, не брезгуя возможностью проживать в Нимфее, а чуть позднее и в Пантикапее. Любопытно, что скифы Поднепровья и Побужья примерно в это же время осуждали своего царя Скила за приобретение дома в Ольвии и за приобщение к греческим обычаям и верованиям, тогда как их сородичи из Восточного Крыма

¹¹ [Масленников, 1999, с. 177: возможно, что часть погребений Восточного Крыма VI-V вв. до н.э. не принадлежала собственно скифам, а относилась к потомкам киммерийцев]. С V в. до н.э. количество погребений эпохи скифской архаики в Крыму резко возрастает [Мурзин, 1984, с. 36 сл.; Черненко, Бессонова, Болтрик и др., 1986, с. 42-44].

¹² [Виноградов 2011, 189: самое начало IV в. до н.э. и не позднее двух первых десятилетий этого столетия].

действовали в этом вопросе ровно наоборот. Их благоприятное расположение к грекам могло быть вызвано различными причинами, прежде всего расширением влияния Пантикапея, который приступил к созданию своей хоры в восточной прибрежной части Керченского полуострова. С другой стороны, появление царских скифов в будущей боспорской столице одновременно с созданием пососедству анклава, населенного оседавшими на землю скифами-общинниками, было обусловлено начавшимися изменениями этно-политической ситуации в Поднепровье и Побужье.

Появление во второй половине VI в. до н.э. в степях междуречья Дона и Днепра новой волны скифских кочевников с востока привело к перемещению прежнего скифского населения степей в район лесостепи. Этнические перемены в степной и лесостепной зонах, разгром скифами персидского царя Дария I в 519/518 г. до н.э. вызвали усиление царских скифов и консолидацию их племенной аристократии. В результате возросли потребности кочевой знати, что породило имущественную и социальную стратификацию в скифской среде и закабаление рядовых скифских общинников номадами, по традиции обогащавшимися за счет взимания дани. В VI – первой половине V вв. до н.э. в лесостепи наблюдался расцвет поселений, связанный с интенсивностью хозяйственной жизни, активизацией земледелия, ремесла и скотоводства [Мелюкова, 1989, с. 67-80; Іллінська, Тереножкін, 1971, с. 75 сл.; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 230-265]. Приход во второй половине VI в. до н.э. в Северное Причерноморье новых групп кочевников еще больше усилил влияние царских скифов, в результате чего возросли потребности скифской знати, а это стимулировало дальнейшую экспансию. Скифы совершили походы во Фракию и на север Балканского полуострова, параллельно увеличивая давление на лесостепь [Алексеев, 2003, с. 164-165, 194-207]¹³ с целью упрочить зависимость местного оседлого населения как данников. Одновременно часть обитателей степной зоны стала перемещаться в Восточный Крым, где некоторые племенные группы скифской аристократии приступили к углублению отношений с греческими полисами, чтобы при их посредничестве наладить реализацию излишков сельскохозяйственной продукции, взимаемую в качестве фороса с рядовых скифов-земледельцев. Это стало одной из главных причин присутствия представителей скифской верхушки в составе жителей Нимфея, а чуть позднее и Пантикапея, как, впрочем, и появления оседлого скифского населения на Керченском полуострове.

В отечественной историографии, которая не обошла вниманием описанные выше процессы в скифской среде, распространилось достаточно устоявшееся мнение, что в этот период над греческими городами Боспора нависла угроза вторжения царских скифов и установления там их протектората, как это произо-

¹³ Свидетельством проникновения новых скифских влияний в лесостепь является Стеблевский могильник в Поросье, датированный ок. 500-350 гг. до н.э. [Скорый, 1997, с. 10 сл.].

шло в Ольвии. Это якобы сплотило греков и привело к тому, что в 480 г. до н.э. полисы на европейском и азиатском берегах пролива объединились в единую симмахию – союз под властью представителей знатного рода Археанактидов. «Талантливый полководец из рода Археанактидов», тиран Пантикапея, как считал Ю.Г. Виноградов, мог взять на себя полномочия стратега-автократора и выступить защитником греческих полисов от скифской угрозы, что стимулировало создание союза городов Боспора – симмахии с религиозно-политическим оттенком, ибо она была создана по типу Дельфийской амфикистии, будучи освящена авторитетом пантикапейского храма Аполлона [Виноградов Ю.Г., 1983, с. 394; 417, 418; Vinogradov, 1980, s. 69; Шелов-Коведяев, 1984, с. 74; Толстиков, 1984, с. 47; Фролова, 1988, с. 130-132; Фролова, 1986, с. 34-69; Зубарь, Зинько, 2006, с. 37 сл.]¹⁴. По поводу этой и других экзотических и ничем не подтвержденных научных построений (например, точки зрения Т.В. Блаватской о том, что родоначальник династии Спартокидов – Спарток I мог якобы быть родственником Археанактидов [Блаватская, 1959, с. 45]) сказано и написано немало, тем более что сама идея о боспорской симмахии в своей основе не нова. Об объединении Археанактидами греческих полисов по обоим берегам пролива высказывались еще В.В. Латышев, Д.П. Каллистов, В.Ф. Гайдукевич, В.Д. Блаватский и др., которые воспринимали это предположение как объективную реальность, хотя оно в высшей степени спорно по следующим соображениям.

Во-первых, в имеющихся источниках нет ни слова о том, будто кто-либо из Археанактидов получил должность стратега-автократора; во-вторых, нет и данных о предоставлении им полномочий полемархов [Werner, 1955, s. 435; ср. Виноградов Ю.Г., 1983, с. 398]; в-третьих, мы не располагаем ни одним свидетельством о боспорской религиозно-политической амфикистии под эгидой храма Аполлона, возведенного в Пантикапее в 500-485 гг. до н.э. [Пичикийн, 1984, с. 157 сл.; Толстиков, 2010, с. 277-315; см. уточнение даты храма – Толстиков, 2011, с. 153-165]. Имеющиеся в распоряжении науки монеты с легендой АПОЛ и архитектурные остатки этого периптериального храма на пантикапейском акрополе подтверждают только полисный, а не общезллинский (в размерах Боспора) характер этих памятников. Разрушения и перестройки на акрополе Пантикапея и в других городах Боспора, которые археологически фиксируются в начале V в. до н.э., вполне могли быть вызваны не скифской угрозой, а внутривосточной борьбой в Пантикапее и стремлением последнего подчинить себе соседние города [Молев, 1997, с. 33сл.; подробнее Григорьев, 1998, с. 40].

¹⁴ Критику этих положений см. [Васильев, 1992, с. 111-128; Анохин, 1999, с. 20; Сапрыкин, 2003, с. 19, 20]. А.А. Завойкин, являясь противником идеи о боспорской симмахии при Археанактидах, охватывавшей оба побережья пролива, тем не менее поддерживает мысль Ю.Г. Виноградова о возможности усиления власти Археанакта как стратега-автократора [Завойкин, 2007, с. 45; Завойкин, 2010, с. 26].

Перестройки и перепланировки, связанные с важнейшими событиями внутривойтинеской жизни полиса, хорошо прослеживаются в VI в. до н.э. в Афинах. Алкмеониды, изгнанные тиранами Писистратидами, пытались укрепиться в Аттике, в местечке Липсидрий на границе с Беотией, но были выбиты оттуда тиранами [Arist. Ath. Pol. VII. 19. 3]. А после падения тирании афинские граждане, сторонники Клизфена из рода Алкмеонидов, в течение двух дней осаждали акрополь, чтобы изгнать оттуда Исагора и триста его приверженцев [Arist. Ath. Pol. VII. 20. 3]. Несомненно, что в результате этих событий последовали серьезные разрушения, так как в ходе реформ Клизфена в конце VI в. до н.э. в Афинах наблюдался подъем строительной активности, что подтверждается археологическими раскопками на агоре. Территория вдоль южной стороны площади была террасирована и окружена каменной стеной, чтобы разместить здание суда – гелиеи. Северо-западный угол агоры был сниселирован, и там соорудили дренаж, а более ранние постройки уничтожили, чтобы возвести здание Совета (древний булевтерион) [McK. Camp II, 1990, p. 22]. Так что разрушение архитектурного ансамбля на западном плато вершины Первого кресла Митридата в Пантикапее, датируемое 490-480-ми гг. до н.э., вполне могло быть вызвано обострением внутривойтинеской обстановки в связи с приходом к власти Археанактидов и борьбой с противниками новой власти¹⁵. Упоминание, что в Феодосии некогда жили изгнанники с Боспора [Anonym. Peripl., 77(51)], может косвенно подтверждать идею об ожесточенной внутренней борьбе за власть в Пантикапее и возможном разрушении оплота противников новых властителей в самой столице и на окрестных территориях.

Одним из аргументов в пользу скифской угрозы нередко выступает наличие оружия в некоторых погребениях раннего пантикапейского некрополя. Однако этот факт можно объяснить наличием полисного ополчения граждан, которые, согласно практике социальной стратификации в полисе, сами снабжали себя оружием и потому не расставались с ним и после смерти. Афинские граждане, например, имели в своем распоряжении оружие к моменту прихода к власти тирана Писистрата, и ему пришлось отбирать его у них, чтобы упрочить свою тиранию [Arist. Ath. Pol. VI. 15. 3-4]. В некрополе на Афинском Керамике оружие начинает появляться в протогеометрический период (ок. 1100-900 гг. до н.э.) и в дальнейшем встречается эпизодически в V – IV вв. до н.э. в качестве приношений, связанных с воинскими занятиями погребенных [Knigge, 1991, p.

¹⁵ Утверждения о том, что объединение боспорских городов стало складываться еще до прихода к власти Археанактидов [Блаватская, 1959, с. 9-16; Молев, 1997, с. 29] и даже возможно при их участии [Шелов-Коведяев, 1984, с. 64], являются чисто умозрительными и источниками не документируются, тем более что правление Археанактидов Диодор и его источник датируют точно – 480-438 гг. до н.э. (42 года). Это полностью опровергает возможность влияния этой династии на развитие политических событий в Пантикапее до 480 г. до н.э. и уж никак не служит аргументом в пользу образования пресловутой симмахии боспорских полисов еще в VI в. до н.э.

19, 124, 151]. В составе погребального инвентаря в греческом некрополе V в. до н.э. в Пичвнари (Колхида) зафиксированы бронзовые наконечники стрел треугольной формы [Kakhidze, 2007, p. 224]. В архаическом некрополе Ольвии засвидетельствованы предметы вооружения, подтверждающие воинский статус погребенных [Скуднова, 1988, с. 28]. Оружие, например, наконечники стрел, могло служить и своеобразным апотропеем. Все это показывает, что скифская опасность как решающий фактор прихода к власти Археанактидов и стимул для формирования под их властью союза городов Боспора явно преувеличены. Возвышение Археанактидов было вызвано внутренними причинами развития пантикапейского полиса, который в первой-второй четверти V в. до н.э. приступил к расширению собственной хоры. В настоящее время нет никаких оснований говорить о создании единого Боспорского государства под властью Археанактидов в 480 г. до н.э. [Васильев, 1992, с. 124-131; Григорьев, 1998, с. 42; Анохин, 1999, с. 20сл.] ни вследствие внешней угрозы, ни в результате активных действий самой этой династии. Практически все города азиатского Боспора, Нимфей и Феодосия существовали в это время вне политико-административного управления, осуществлявшегося властями пантикапейского полиса. Предположения о том, что эти города будто бы сначала вошли в симмахию во главе с Пантикапеем, а потом вышли из нее, чтобы впоследствии вновь объединиться уже при ранних представителях новой династии Спартокидов, не подтверждаются данными источников.

Для характеристики политического строя Боспора при Археанактидах следует рассмотреть их правление с точки зрения процессов становления и развития полиса, прежде всего, в Пантикапее. Выдвигавшиеся в науке теории о том, что Археанактиды являлись представителями митиленского рода потомков колонистов эолийско-ионийской Гермонассы [Латышев, 1909, с. 72; Блаватский, 1954, с. 37сл.; Блаватский, 1964, с. 46; Блаватский, 1985, с. 207-210], являются спекуляциями и справедливо подвергнуты критике [Каллистов, 1949, с. 158; Жебелев, 1953, с. 70, 163; Gajdukevič, 1971, s. 51; Виноградов Ю.Г., 1983, с. 396; Молев, 1997, с. 25]. Мы, как и большинство исследователей, убеждены, что Археанактиды – это ионийско-милетский род, возводивший родословную к первым колонистам-апойкам, выселившимся из Ионии, который к 480 г. до н.э. прочно обосновался в Пантикапее [Шелов-Коведяев, 1984, с. 72; Анохин, 1999, с. 15; Зубарь, Зинько, 2006, с. 38]. Обращают на себя внимание следующие важные этапы развития полисной жизни в Пантикапее и на соседних территориях (поскольку азиатский Боспор в состав Боспорского государства в то время не входил, мы рассматриваем исключительно анклав греческих городов в прибрежной зоне Керченского полуострова).

1. В большинстве греческих колоний, возникших на побережье Керченского пролива в начале – первой четверти VI в. до н.э., к концу жизни первого поколения апойков, т.е. в конце столетия, произошли важные изменения в плане гра-

достоительства [Виноградов, Рогов, 1997, с. 66-72; Виноградов, 1999, с. 107]. В Тиритаке в последней трети VI в. до н.э. произошел переход от земляночного и полуземляночного строительства к наземным сырцово-каменным домам, в ходе которого восточный край верхнего плато города был застроен домами. К началу V в. до н.э. под наземную застройку попал уже весь город, площадь которого составила около 5 га. В конце VI в. до н.э. на западной окраине города появилась городская стена, и Тиритака постепенно превращалась в типичный городской центр, где были созданы основные градостроительные структуры. Тогда же в город стали проникать представители скифских, таврских и даже меотских племен [Зинько, 2009, с. 243-247; Зинько, 2010, с. 220-232; Зинько, 2011, с. 180-184; Зинько, 2012, с. 152-156]. В Мирмекии в конце второй половины VI в. до н.э. были выстроены каменные оборонительные стены, а в самом конце VI – начале V вв. до н.э. город стал застраиваться наземными постройками, пришедшими на смену землянкам и полуземлянкам. Создание городской структуры завершилось в первой четверти V в. до н.э. [Виноградов, 1992, с. 99-120; Виноградов, 2002, с. 227-232; Виноградов, 2012, с. 86-91]. В соседнем Порфмии, который был основан во второй половине VI в. до н.э., в конце этого столетия появились оборонительные стены [Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41-45], а в начале V в. до н.э. производились какие-то перестройки, на что указывает забутовка камнем архаического водостока в цоколе восточной оборонительной стены [Вахтина, 1995, с. 31-33; Вахтина, 2009, с. 69]¹⁶. В Нимфее эти процессы происходили раньше, так как город был основан ок. 580-560 гг. до н.э.: в середине VI в. до н.э. там было построены святилище Деметры и ряд сырцово-каменных зданий, пришедших на смену земляночно-полуземляночным сооружениям [Скуднова, 1954, с. 309; Худяк, 1962, с. 13-15; Виноградов, 1999, с. 107; Зинько, 2001, с. 104; Зинько, 2004, с. 17]. Парфений, расположенный близ переправы на Тамань, в V в. до н.э. превратился в поселение городского типа [Кастанаян, 1958, с. 264; Масленников, 2004, с. 10; Завойкин, 2007, с. 19].

2. Наиболее отчетливые следы архитектурно-планировочных изменений в сторону урбанизации прослеживаются в Пантикапее. На его акрополе уже в 520-е гг. до н.э. появляются первые улицы, а также наземные однокамерные здания на каменных цоколях с сырцово-каменными стенами, покрытые черепичной кровлей, которые пришли на смену круглых в плане землянок. На рубеже VI-V вв. до н.э. развивалась сеть улиц, формировался архитектурный ансамбль акрополя, где возникла круглая в плане постройка-толос, очевидно, имевшая сакральное назначение, а также многокамерные дома. Тогда же началось строительство монументального храма ионийского ордера, который принято считать посвященным Аполлону Врачу. На рубеже первой-второй четверти V в. до н.э., а точнее в 90-80 гг. V в. до н.э., на пантикапейском акрополе происходили

¹⁶ Ср. [Григорьев, 1998, с. 39: возможно, что стены были разрушены в начале V в. до н.э].

масштабные перестройки: сооружения на западном плато вершины Первого кресла Митридата (толос, многокамерные наземные комплексы, возведенные на рубеже VI-V вв. до н.э.) были разрушены, появились дома типа «землянок» с углубленными ниже дневной поверхности подвалами с облицовкой, а в 480-е годы до н.э. возвели оборонительные стены акрополя. Во второй четверти-середине V в. до н.э. начался новый этап строительства каменных домов с облицованными камнем подвалами. Одновременно производилась достройка или ремонт храма Аполлона [Толстиков, 1992, с. 59-76; Толстиков, 2001, с. 390; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2002, с. 43-49; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 307 сл.; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2004, с. 351, 352; Толстиков, 2007, с. 250; Толстиков, 2011, с. 163].

Археологические изыскания на пантикапейском акрополе наглядно показывают, что всплеск строительной активности там пришелся на период 510-485 гг. до н.э., когда оформился архитектурный ансамбль Пантикапея, ставший своеобразным политическим и сакральным центром полиса. А это означает, что Пантикапей как типичный греческий полис сформировался к рубежу VI-V вв. до н.э. [Зубарь, Зинько, 2006, с. 27]. Это произошло почти одновременно с Нимфеем и, вероятно, несколько ранее, чем в Мирмекии, Тиритаке и Порфмии.

3. Одновременно с созданием полисных структур в Нимфее, Тиритаке, Порфмии и Пантикапее происходило освоение окрестных сельских территорий, которые постепенно составили ядро полисной хоры [Зинько, 2007, с. 50-61]. В последней четверти VI в. до н.э. в ближайших окрестностях этих городов появились отдельные неукрепленные поселения, тогда же стали возникать небольшие выселки, которые впоследствии превратились в так называемые «малые» города Боспора [Масленников, 2004, с. 4 сл.; Масленников, 2007, с. 188-190]. В это время, согласно новым археологическим данным, были основаны Зенонов Херсонес на мысе Зюк, Китей, поселение в окрестностях оз. Чокрак. Со второй четверти V в. до н.э. ранее разрушенные поселения на хоре восстанавливаются, одновременно появились и новые агломерации (Киммерик-Холм А, мыс Зюк, Чокрак, Казантип) [Кругликова, 1975, с. 27 сл.; Масленников, 1998, с. 35-38; Зинько, 1998, с. 87; Зинько, 2004, с. 18; Зинько, 2005, с. 31; Зубарь, Зинько, 2006, с. 27-29].

Таким образом в первой четверти V в. до н.э. на европейском Боспоре завершился процесс формирования полисов в прибрежной зоне. В это же время началось возвышение Пантикапея, который приступил к освоению окрестных земель как при помощи «мирного выселения» прибывавших колонистов-эпойков, особенно после подавления Ионийского восстания персами в 499 г. до н.э., так и с применением военной силы. Разрушения в Тиритаке и Мирмекии, которые датируются этим промежуток времени, вряд ли следует связывать со скифской угрозой (хотя в принципе это не исключено). Мы предполагаем, что они могли быть вызваны попытками расширявшегося Пантикапейского полиса включить в свой состав Порфмий, Тиритаку и Мирмекий, что завершилось успешно.

Об этом говорит чекан на монетном дворе Пантикапея монет с символикой Мирмекия [Зограф, 1951, с. 166; Шелов, 1956, с. 29; Анохин, 1986, №№ 6, 10, 13, 18, 22, 25, 28, 32, 35, 38, 41, 47, 50, 56; Фролова 1988, с. 128-130; Frolova 2004, s. 11-13]. Вполне возможно, что разрушения на акрополе Пантикапея и быстрое восстановление разрушенного, за которым последовали архитектурные изменения градостроительного облика, также объяснялись не угрозой со стороны скифов, а обострением внутривосточной борьбы, связанной с установлением правления Археанактидов¹⁷.

Как известно, приход к власти крайней олигархии и тирании в Элладе и на периферии греческого мира поначалу сопровождался разрушениями, а затем масштабными перестройками и сооружением зданий, гаваней, укреплением акрополя, за стенами которого олигархи и тираны могли найти убежище от недовольных их политикой широких слоев граждан (ср. строительную деятельность Писистратидов в Афинах, Кипселидов в Коринфе, Клеарха в Гераклея Понтийской, который, помимо прочего, укрепил акрополь и возвел на нем дворец с оборонительными стенами). Более того, период VIII-VI вв. до н.э. в Греции был отмечен обогащением родовой аристократии, которая сконцентрировала в своих руках большую долю богатств от реализации сельскохозяйственной продукции и предметов ремесленной деятельности, а также прибыль от торговли. Одновременно с развитием гражданской полисной общины знать получила в руки почти неограниченные рычаги правления, в результате чего демос и средние слои постепенно отстранялись от управления и теряли значительную долю гражданских прав и свобод. Обогащение знати и обеднение демоса стали причиной обострения борьбы между группировками олигархии и аристократов, что облегчало приход к власти тиранов. В то же самое время в Греции происходил подъем строительного дела, появлялись наземные дома мегаронного и постадного типа, развивалась ордерная архитектура, возводились храмы и общественные сооружения, происходила дальнейшая специализация ремесла, в ходе которой создавались большие группы или коллегии ремесленников-специалистов в строительном, керамическом, металлургическом производстве, кораблестроении и т.п. Аналогичные по характеру процессы протекали и в колониях [Hasebroek, 1966, s. 257-259; Фролов, 1988, с. 92-110]. Но по времени они происходили там позднее, так как апойкии трансформировались в полисы позже, нежели в самой метрополии при переходе протополисов в собственно полисы.

Характерные для Греции процессы развития полисной жизни не миновали и Боспор, в частности, Пантикапей. При Археанактидах он переживал расцвет – подъем экономики, ремесла и торговли. Это происходило при активном уча-

¹⁷ Аналогичные боспорским процессы создания объединения вокруг одного крупного полиса происходили в начале V в. до н.э. в Сицилии, когда тираны Гелы Гиппократ и Гелон силой завладели соседними Сиракузами, Мегарами Гиблейскими, Камариной [Высокий, 2004, с. 151 сл.].

стии греков из Эгеиды, в основном из Милета и Самоса. Во второй – третьей четвертях V в. до н.э. в городе возводились каменные дома с подвальными помещениями, вероятно, для складирования различных товаров, что было связано с расширением торговой деятельности. В это время почти по всему Боспору отмечается рост торговой активности, о чем свидетельствует распространение импортной керамики, в основном амфорной тары и привозной столовой и кухонной посуды. Если города Тамани и Синдики в это время вели торговлю с синдо-меотскими племенами Прикубанья и Восточной Меотиды, то Пантикапей и подвластные ему города европейского Боспора сконцентрировали внимание на торговых связях со скифами в районе Подонья и Северной Меотиды. После гибели в третьей четверти VI в. до н.э. Таганрогского поселения местные скифы все более втягивались в торговый обмен с греками. С конца VI в. до н.э. начинается проникновение греческих изделий в район дельты Дона, с V в. до н.э. количество греческой посуды в Елизаветовском могильнике резко возрастает, и уже с конца столетия основной сферой деятельности Елизаветовского поселения на Дону становится посредническая торговля, главную роль в которой играли пантикапейцы. Плиний Старший сообщает, что окрестными землями в устье Танаиса вначале владели карийцы, затем клазоменцы и меоны, а впоследствии пантикапейцы (Plin. VI. 20) – последнее относится к V в. до н.э. Тогда же, по-видимому, где-то на северном или северо-западном побережье Меотиды возник городок Кремны.

Любопытно совпадение этапа завершения полисного строительства в Восточном Крыму и появления там скифов, завершившегося переходом их от полукочевого и кочевого образа жизни к оседлости в пределах Керченского полуострова. Как отмечает А.А. Масленников, в прежде безлюдные регионы Крымского Приазовья в конце VI в. до н.э. стало прибывать население, близкое таврам Юго-Восточного Крыма. Оно оставило своеобразные погребальные комплексы – каменные ящики с кольцевыми оградами, переходило к оседлости и вовлекалось в хлебопашество [Масленников, 2007, с. 188, 189]. Этот процесс совпал с началом обустройства хоры Пантикапея, Нимфея и Тиритаки и, что самое знаменательное, он протекал в одно время с появлением первых греческих стационарных поселений на крымском побережье Меотиды. Мы не сомневаемся, что возникновение на сельской периферии греческих усадеб и небольших выселков одновременно с вовлечением туземного населения в занятия земледелием стимулировало совместную заинтересованность греков-торговцев и скифской знати реализовывать излишки зерна, которыми их снабжали переходившие к оседлости представители скифского или смешанного скифо-таврского населения Восточной Таврики. Интересы торгово-ремесленной верхушки, заинтересованной в связях со скифами, выражали зажиточные ионийцы-милетяне. Они выступили против привилегий и преимуществ, которыми со времени основания Пантикапея пользовались первые апойки и их ближайшие потомки,

установившие договорные отношения со скифами царя Агаэта. В Милете на протяжении VI в. до н.э. большим политическим и экономическим влиянием пользовались различные партии и группировки знати, в частности, партия богатых граждан из гетерии Нелеидов [Bilabel, 1920, s. 4-6; Кобылина, 1965, с. 25; Сапрыкин, 1984, с. 88]. Вполне возможно, что представители знати из Милета, выселившиеся в Пантикапей, начали между собой борьбу, в которой верх одержали выходцы из знатного рода во главе с Археанактом. Опираясь на средние и малоимущие слои Пантикапея, а также на торговцев, Археанактиды расправились с противниками, в 480 г. до н.э. закрепились во власти и начали объединение Боспора на европейской стороне пролива. Их задачей было укрепить Пантикапей, расширить его хору, в том числе за счет присоединения Мирмекия и Тиритаки, а затем Порфмия, Парфения, Зенонова Херсонеса. Их режим основывался на развитии полисной округи, торгово-ремесленной деятельности, экономических связях Пантикапея со скифами Восточного Крыма и греческой метрополией. С конца первой половины - середины V в. до н.э. скифская знать становится союзником зажиточной верхушки ряда боспорских городов, прежде всего Пантикапея и Нимфея. Некоторое сходство скифских погребений Керченского полуострова (нимфейский курганный некрополь) и ряда курганных погребений старшей группы Семибратних курганов могло быть связано с переселением части скифской знати поближе к греческим полисам европейского Боспора в связи с ослаблением к середине V в. до н.э. скифского господства в Прикубанье. Это заложило основу будущих стабильных в целом отношений боспорцев и скифов, что позволило Нимфею, Пантикапею, Феодосии сохранить и даже увеличить аграрную округу, а греческой олигархии вместе со скифской верхушкой эксплуатировать оседлых скифов-земледельцев.

Приход к власти Археанактидов стал закономерным результатом развития полисных отношений в Пантикапее. В свое время в науке постулировалась точка зрения, что Археанактиды – пантикапейский аристократический род, который обеспечил себе наследственную власть архонтов [Латышев, 1909, с. 72; Brandis, 1899, s. 758-789; Ростовцев, 1918, с. 87; Rostovtzeff, 1922, p. 67; Каллистов, 1949, с. 157, 198]¹⁸. В наше время И.Е. Суриков развил это предположение, высказав идею, что Археанактидов следует считать «олигархией одного рода», наподобие коринфских Бакхиадов. Он считает такое правление крайней олигархией. Его аргументация сводится к следующему: по Диодору (см. выше) Спарток перенял власть не у какого-то тирана, а у целого рода; в истории греческой тирании не было прецедента, чтобы одна тираническая династия непосредственно брала бразды правления у другой династии без временного перехода власти к демократии или олигархии; срок правления Археанактидов – всего 42 года – не-

¹⁸ Ср. [Шкорпил, 1918, с. 56: Археанактиды – потомки первых основателей (анактов) милетской колонии Пантикапея].

значителен для династии тиранов; не известно ни одного имени тиранов, зато известна целая их династия [Суриков, 2012, с. 312-314].

В целом эти аргументы справедливы, хотя в отношении последнего можно поспорить – основателя династии явно звали Археанактом или каким-то близким именем, тем более что такое имя засвидетельствовано на Лесбосе, в Ольвии и Милете. Поэтому факт отсутствия конкретного имени тирана среди представителей боспорских Археанактидов еще ни о чем не говорит. Другое дело – общий контекст развития полисных отношений на Боспоре, который свидетельствует, что подъем экономики и строительного дела в конце VI в. до н.э. и в начале V в. до н.э. должен был породить рост имущественного и социального неравенства среди пантикапейцев. А это создавало условия для прихода к власти знатных родов, которые сконцентрировали в руках все рычаги власти и влияния, чтобы диктовать политическую волю остальным согражданам. Поэтому мы вынуждены отказаться от поддержанной нами ранее идеи о власти Археанактидов как тиранической и присоединиться к сторонникам предположения, что они осуществляли олигархическое правление в Пантикапее как представители аристократической верхушки полиса на манер эвпатридов в архаической Греции. Их власть была свергнута в 438 г. до н.э. в результате переворота, когда Спарток I установил классический тиранический режим управления полисом.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии. – СПб., 1993.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. – Киев, 1986.
- Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. – Киев, 1999.
- Артамонов М.И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. – № 1. – 1949.
- Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. – М., 1959.
- Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. – № 33. – М., Л., 1954.
- Блаватский В.Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. – М., 1959.
- Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М., 1964.
- Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985.
- Васильев А.Н. Проблемы политической истории Боспора V-IV вв. до н.э. в отечественной историографии. Автореферат канд. ист. наук. – Л., 1985.
- Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. – СПб., 1992.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. – № 4. – 1980.
- Вахтина М.Ю. О древних оборонительных сооружениях античного Порфмия // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ. – Т. 1. – СПб., 2001.
- Вахтина М.Ю. Об элементах благоустройства Порфмия (по данным археологии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2009.
- Виноградов Ю.А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. – М., 1992.

- Виноградов Ю.А. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА.– Вып. 9.– 1993.
- Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ.– № 3.– 1995.
- Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // STRATUM + ПАВ.– Кишинев, СПб., 1997.
- Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // STRATUM PLUS.– Вып. 3.– 1999.
- Виноградов Ю.А. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΤΙΓΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева. – СПб., 2000.
- Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ.– № 4.– 2001.
- Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб., 2005.
- Виноградов Ю.А. Некоторые итоги археологических исследований в районе акрополя Мирмекия (по материалам раскопок 1992-1994) // ВДИ.– № 1. – 2008.
- Виноградов Ю.А. Курган Куль-Оба // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. 1. – СПб, 2010.
- Виноградов Ю.А. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БФ.– СПб., 2011.
- Виноградов Ю.А. Еще раз о становлении городов Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: проблемы урбанизации.– Керчь, 2012.
- Виноградов Ю.Г. О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. – М., 1978.
- Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. – М., 1983.
- Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. СПб., 2004.
- Габелко О.Л., Завойкин А.А. Еще раз о вифино-боспорской эре // БФ.– Т. 1.– СПб., 2004.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство.– М., Л., 1949.
- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА.– Вып. XV.– 1951.
- Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Григорьев Д.В. К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э. // ПИФК.– Т. 5. – 1998.
- Доватур А.И. Политика и политии Аристотеля. М., Л., 1965.
- Домжалский К., Чистов Д.Е. Итоги работ на участке „Н“ (1994-1998) // Материалы Нимфейской экспедиции. Вып. 1. – СПб., 2003.
- Жебелев С.А. Северное Причерноморье.– М., Л., 1953.
- Завойкин А.А. Боспор: Пантикапей и территориальное государство // Таманская старина.– Вып. 3. – СПб., 2000.
- Завойкин А.А. Боспор: территориальное государство и полис // БФ.– Т. 1.– СПб., 2001.
- Завойкин А.А. Пантикапей и территориальное государство // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э.– СПб., 2006.
- Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы. Автореферат докт. ист. наук.– М., 2007.
- Завойкин А.А. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. – М., Киев, Запорожье, 2007а.
- Завойкин А.А. Архаический, классический и эллинистический периоды (VI-II вв. до н.э.) // Античное наследие Кубани. Т. 2. – М., 2010.
- Завойкин А.А. Были ли Археанактиды «тиранами Киммерийского Боспора» (Diod. XII.31.1)? К периодизации становления Боспорского государства // ΕΜΒΑΤΕΡΙΟΝ. – М., 2011.

- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: образование Боспорского царства // Восточная Европа в древности и средневековье / XXIV Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2012.
- Зинько В.Н.* Нимфейский полис // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998.
- Зинько В.Н.* Хора Нимфея в VI-IV вв. до н.э. // ДБ.- Вып.1.– М., 1998а.
- Зинько В.Н.* Становление Нимфейского полиса // БФ.– Т. 1.– СПб., 2001.
- Зинько В.Н.* Проблемы датировки ранних поселений хоры Пантикапея и Нимфея // БФ.– Т.1.– СПб., 2004.
- Зинько В.Н.* Население хоры полисов западного побережья Боспора Киммерийского в VI-I вв. до н.э. // БИ.– Вып. IX. – 2005.
- Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) // БИ.– Вып. XV. – 2007.
- Зинько В.Н.* Вопросы урбанизации Тиритаки в последней четверти VI – начале V вв. до н.э. // БФ.– СПб., 2009.
- Зинько В.Н.* Основание и становление Тиритаки // ДБ. – Вып. 14. – М., 2010
- Зинько В.Н.* Население Тиритаки в VI-V вв. до н.э. // БФ. – СПб., 2011.
- Зинько В.Н.* Основы городской планировки Тиритаки в VI-V вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: проблемы урбанизации.– Керчь, 2012.
- Зограф А.Н.* Античные монеты. – М., Л., 1951.
- Зубарь В.Н., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху // БИ.– Вып. XII. – 2006.
- Иванова А.П.* Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА.– Вып. XV– 1951.
- Іллінська В. І, Тереножкін О.І.* Скіфський період // Археологія Української РСР. II. – Киев, 1971.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII-IV вв. до н.э. – Киев, 1983.
- Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи.– Л., 1949
- Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. – М., 1952.
- Кастанаян Е.М.* Археологическая разведка на городище Парфений // МИА.– № 85.–М., Л., 1958.
- Книпович Т.Н.* Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья.– М., Л, 1955.
- Кобылина М.М.* Милет. – М., 1965.
- Корпусова В.Н.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ.– № 2.– 1980.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Кругликова И.Т.* Поселение Андреевка Южная // ДБ. – Вып. 4.– М., 2001.
- Кузнецов В.Д.* (ред.). Фанагория. По материалам Таманской экспедиции РАН. М., 2008.
- Латышев В.В.* ПОНТИКА. – СПб., 1909.
- Мачинский Д.В.* Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII-V вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы II археологического семинара – Новочеркасск, 1989.
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Судьба Парфенона.– М., 2000.
- Масленников А.А.* Варварское погребение VI в. до н.э. на Керченском полуострове // КСИА– Вып.162.– 1980.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства VI-II вв. до н.э. – М., 1981.
- Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) // БС.– Вып. 8.– 1995.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. – М., 1998.
- Масленников А.А.* Греки и варвары на «границах» Боспора (взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997 гг. / Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. – М., 1999.

- Масленников А.А. Малые и малоисследованные города античного Боспора. Тула, 2004.
- Масленников А.А. Крымское Приазовье в античную эпоху (опыт региональной истории) // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор.– М., Киев, Запорожье, 2007.
- Масленников А.А. Историческая вариантность для Боспора // Восточная Европа в древности и средневековье / XXIV Чтения памяти В.Т. Пашуто.– М., 2012.
- Медокова А.И. (ред.). Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.– М., 1989.
- Молев Е.А. Политическая история Боспора VI-IV вв. до н.э. – Нижний Новгород, 1997.
- Молев Е.А. Эллина и варвары на северной окраине античного мира.– М., 2003.
- Молев Е.А. Основные этапы истории Китея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. – СПб., 2006.
- Молев Е.А. Боспорский город Китей. – Симферополь, Керчь, 2010.
- Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – Киев, 1984.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.).– М., 1991.
- Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье.– М., 1984.
- Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. – Петроград, 1918.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Ростовцев М.И. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ.– № 2.– 1989.
- Ростовцев М.И. 1993. Боспорское царство // Скифика. Избранные работы академика М.И. Ростовцева / ПАВ.– Вып. 5. – 1993.
- Сапрыкин С.Ю. Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. – Тбилиси, 1981.
- Сапрыкин С.Ю. Греческие государства в Причерноморье // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). – М., 1982.
- Сапрыкин С.Ю. Тирания в припантийских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. – Л., 1984.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. – № 1.– 2003.
- Сапрыкин С.Ю., Зинько В.Н. Defixio из Пантикапея // ДБ.– Вып. 6.– М., 2003.
- Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей.– Вып. 4. – 2011.
- Силантьева В.Ф. Некрополь Нимфея // МИА.– № 69.– М., Л., 1959.
- Скудниова В.М. Скифские памятники из Нимфея // СА.– Вып. XXI.– 1954.
- Скудниова В.М. Архаический некрополь Ольвии. – Л., 1988.
- Соколова О. Ю. Новая надпись из Нимфея // ДБ. – Вып. 4.– М., 2001.
- Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hyperboreus. – Вып.8. – СПб., 2002.
- Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
- Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадийно-типологический аспект // Из истории античного общества. – Вып. 9/10. – Нижний Новгород, 2007.
- Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V-IV вв. до н.э. (взгляд из Эллады) // Восточная Европа в древности и средневековье / XXIV Чтения памяти В.Т. Пашуто.– М., 2012.
- Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ.– № 3.– 1984.
- Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора.– М. 1992.
- Толстиков В.П. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ.– Вып. 4.– М., 2001.

- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Археологический толос на акрополе Пантикапея // БФ.– Т. 1.– СПб., 2002.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки Пантикапея VI-V вв. до н.э. // ДБ.– Вып. 6.– М., 2003.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // ДБ.– Вып. 7.– М., 2004.
- Толстиков В.П. Акрополь Пантикапея – столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. – М., Киев, Запорожье, 2007.
- Толстиков В.П. Храм Аполлона на акрополе Пантикапея. Проблемы датировки, типологии и периодизации // ПИФК.– Вып. 1(27).– 2010.
- Толстиков В.П. Ордерная архитектура раннего Пантикапея как источник по истории Боспора Киммерийского // Scripta antiqua. – Т. 1. – М., 2011.
- Тохтасьев С.Р. Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья / Материалы II Боспорских чтений.– Керчь, 2001.
- Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ.–№ 3.– 2004.
- Федосеев Н.Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. Т. III. – Керчь, 1999.
- Федосеев Н.Ф. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Восточная Европа в древности и средневековье / XXIV. Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2012.
- Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. – Л., 1988.
- Фролова Н.А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI-II вв. до н.э. // ВДИ. – № 2.–1988.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI-V вв. до н.э. // РА.– № 2.– 1996.
- Худяк М.М. Из истории Нимфея VI-III вв. до н.э. – Л., 1962.
- Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В. и др. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – Киев, 1986.
- Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании // Восточная Европа в древности и средневековье / XXIV Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2012.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. – М., 1956.
- Шелов Д.Б. Проблема греко-варварских контактов в эпоху греческой колонизации Северного Причерноморья // ВДИ.– № 2.– 1994.
- Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования: 1984 год. – М., 1984.
- Шкорпил В.В. Археанактиды // ИТУАК.– Вып. 54, 1918.
- Яковенко Е.В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. – Киев, 1970.
- Яковенко Е.В. Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма // КСИА.– Вып. 124.– 1970а.
- Яковенко Е.В. Курганы на Темир-горе // СА. – № 3.– 1972.
- Яковенко Е.В. Скифы Східного Криму в V-III ст. до н. е.– Київ, 1974.
- Яковенко Е.В. Погребение богатой скифянки на Темир-горе // Скифы и сарматы.– Киев, 1977.
- Яковенко Е.В. Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора европейского // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. –Тбилиси, 1981.
- Яковенко Е.В. Раннескифские погребения Восточного Крыма // Древности степной Скифии.– Киев, 1982.
- Bilabel F. Die Ionische Kolonization. – Leipzig. 1920.
- Brandis C. Bosphoros // RE.– Bd III.– 1899.

- Frolova N.A.* Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bi4. Jh. V. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin, 2004.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. – Amsterdam, 1971.
- Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts – und Gesellschaftsgeschichte. Hildesheim, 1966.
- Kakhidze A.* The Classical World in The Black Sea Area: The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari. Vol. II. – Batumi, Oxford, 2007.
- Knigge U.* The Athenian Kerameikos. History, Monuments, Excavations. – Berlin, 1991.
- Kokkinoy S., Vrisimtzis N.* Greek Temples and Theatres. – Athens, 1994.
- Marčenko K.K., Žitnikov V.G., Kopylov V.P.* Die Siedlung Elizavetovka am Don.–Moskau, 2000.
- McK.Camp II J.* The Athenian Agora. – Athens, 1990.
- Oliva P.* Raná řecká tyrannis. – Praha, 1954.
- Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. – Oxford, 1922.
- Saprykin S. Ju.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination.– Amsterdam, 1997.
- Vachtina M.Ju.* Archaic Buildings of Porthmion // The Cauldron of Ariantas.– Aarchus, 2003.
- Vickers M.* Scythian Treasures in Oxford. – Oxford, 1979.
- Vinogradov Ju.G.* New Inscriptions on Lead from Olbia // ANSS. –Vol.1, f.1.– 1994.
- Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v. Chr.// Chiron.– Bd 10.– 1980.
- Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // Historia.– Bd IV, f. 4.– 1955.

С.Ю. Саприкін

АРХЕАНАКТИДИ ТА МІСТОБУДУВАННЯ

Резюме

Стаття присвячена боспорським Археанактидам, які прийшли до влади у Пантикапеї у 480 р. до н.е. Автор проаналізував ранні точки зору про характер їх правління та висуває ряд аргументів проти атрибуції їх режиму як спадкоємної монархії, яка з'явилася в останній час. В статті відстоюється положення про полісний характер правління цієї династії, заперечується думка про створення під її егідою сіммахії на Боспорі, в яку ніби то входили грецькі міста по обох берегах протоки. Відмічається активна будівельна діяльність в містах європейського Боспору, яка була викликана переходом від земляночного та напівземляночного будівництва до наземного домобудівництва, що за часом співпало з приходом до влади Археанактидів. Автор підмітив, що в той же самий час починається облаштування хори міст європейського Боспору і майже одночасно відбувається осідання на землю в межах Керченського півострова колишніх скіфських кочівників та частини землеробського населення лісостепу. У результаті деякі представники скіфської верхівки, зацікавлені у торговельно-економічних зв'язках з грецькими полісами, осідали у Німфеї та Пантикапеї, про що свідчать курганні захоронення в околицях цих міст. Ці процеси співпали з переходом від апойкій до полісного будівництва, що стимулювало соціальні та май-

нові протиріччя та прискорювало містобудівничий процес. Внаслідок цього у Пантікапеї владу сконцентрували в своїх руках заможні кола мілетського походження, зокрема представники іонійського знатного роду Археанактидів. Вони підтримували розвиток ремесла, будівельної справи та торгівлі. Зацікавлена в додаткових доходах, пантікапейська знать приступила до розширення хори полісу, що стало причиною захоплення Пантікапеем на початку V ст. до н.е. сусідніх міст Мірмекія, Парфенія, Порфмія, Тірітаки. За аналогією з процесами становлення полісів, які проходили в інших містах еллінського світу, автор приходить до висновку, що правління Археанактидів є по суті олігархічним та обмежувалось виключно Пантікапеем.

С.Ю. Сапрыкин

АРХЕАНАКТИДЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Резюме

Статья посвящена боспорским Археанактидам, которые пришли к власти в Пантикапее в 480 г. до н.э. Автор проанализировал высказанные ранее точки зрения о характере их правления и выдвигает ряд аргументов против появившейся в последнее время атрибуции их режима как наследственной монархии. В статье отстаивается положение о полисном характере правления этой династии, отрицается мнение о создании под ее эгидой симмахии на Боспоре, в которую якобы входили греческие города по обоим берегам пролива. Отмечается активная строительная деятельность в городах европейского Боспора, которая была вызвана переходом от земляночного и полужемляночного строительства к наземному домостроительству, что по времени совпало с приходом к власти Археанактидов. Автор подметил, что в это же самое время начинается обустройство хоры городов европейского Боспора и почти одновременно происходит оседание на землю в пределах Керченского полуострова бывших скифских кочевников и части земледельческого населения лесостепи. В результате некоторые представители скифской верхушки, заинтересованные в торгово-экономических связях с греческими полисами, оседали в Нимфее и Пантикапее, о чем свидетельствуют курганные захоронения в окрестностях этих городов. Эти процессы совпали с переходом от апойкий к полисному строительству, что стимулировало социальные и имущественные противоречия и ускорило градостроительный процесс. Вследствие этого в Пантикапее власть сконцентрировали в своих руках зажиточные круги милетского происхождения, в частности представители ионийского знатного рода Археанактидов. Они поддерживали развитие ремесла, строительного дела и торговли. Заинтересованная в дополнительных доходах, пантікапейська знать приступила к расширению хори поліса, что стало причиной захвата Пантікапеем в начале V в. до н.э. соседних городов Мирмекия, Парфенія, Порфмія, Тірітаки. По аналогии с процессами становления полисов, происходившими в других местах эллинского мира, автор приходит к выводу, что правление Археанактидов являлось по сути олигархическим и ограничивалось исключительно Пантікапеем.

S. Yu. Saprykin

THE ARCHAEANACTIDS AND URBANIZATION

Summary

The article is devoted to the Archaeanactids who were ruling at Bosphorus in 480 – 438 BC. The author analyzed different points of view which concerns with their rule and puts forward some arguments against its attribution as hereditary monarchy – the idea which again has recently appeared in some works of modern scholars. He asserts the polis character of Archaeanactids' rule and denies the idea about the Bosporan symmachia which could have been created on both sides of Cimmerian Bosphorus under their supervision. The author draws attention to active building activity in the cities of European Bosphorus, caused by transformation of dugout and semi-dugout houses to surface buildings, which coincided with the Archaeanactids' coming to power. At the same time the Bosporan Greeks started to create the agrarian periphery and it was going side by side with setting of the former Scythian nomads along with a part of forest-steppe agrarian population on land in the Kerch peninsula. As a result some Scythian nobles, interested in commercial and economic links with the Hellenic cities, set down to live in Nymphaeum and Panticapaeum as the local barrows shows. This process was a part of transformation the former apoikiai into poleis and it stimulated social and economic contradictions in Panticapaeum as well as in other cities, precipitating the local urbanization. It helped the rich families – outcomers from Miletus – to seize power in Panticapaeum and among them were the Archaeanactids who also were of Ionian origin. They supported craft, trade and agriculture and were particularly concerned with building activity in Panticapaeum which was turned into one of the greatest cities on the Strait already in late 6th century BC. Eager to get more income, the Panticapaeum polis aristocracy began to enlarge the rural possessions of the city, having seized the neighbouring Myrmekion, Porthmion, Parthenion and Tyritake, which took place in the early 5th century BC. By analogy with process of polis creation in other parts of the Greek world the author concludes that the Archaeanactids' ruling was actually oligarchic and took place exclusively in frames of the Panticapaeum polis state.

А.С. РУСЯЕВА

О ПОХОРОННОМ РИТУАЛЕ В ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ В КОНТЕКСТЕ ЭЛЛИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Во всех древнеэллинских городах, независимо от того, в каком регионе античной ойкумены они находились, большое значение придавалось исполнению основных правил общепринятых ритуалов, связанных со смертью человека. Несмотря на его силу и разум, умение побеждать и преодолевать встречающиеся на жизненном пути трудности и невзгоды, непреодолимой для него всегда оставалась смерть, обрывающаяся у каждого в свое время, о чем красноречиво писал Софокл в трагедии «Антигона»: «В мире много сил великих, / Но сильнее человека / Нет в природе ничего... / Создал речь и вольной мыслью / Овладел, подобной ветру, / И законы начертал, / И нашел приют под кровлей / От губительных морозов, / Бурь осенних и дождей. / Злой недуг он побеждает / И грядущее предвидит, / Многоумный человек. / Только не спасется, / Только не избегнет / Смерти никогда» [Soph. Ant. 367-369, 389-400]¹. Знание и понимание неизбежности ухода из земной жизни, но вместе с тем нежелание примириться и окончательно поверить в ее трагический исход, хотя и с верой в то, что достойная смерть может быть лучше, чем жизнь, и можно начать новую жизнь в ином мире способствовали возникновению культов местных героев и предков, постепенному усовершенствованию ритуалов ради сохранения памяти об ушедших и умилования их душ, созданию вечных памятников над могилами (курган, статуя, подписная стела, в том числе восхваляющая метрическая эпитафия и др.)². Среди таких ритуалов, соответственно хронологической последовательности исполнения определенных действий и их смысловому содержанию по разным источникам, выделяются похоронный, погребальный и поминальный ритуалы,

¹ Здесь представлен перевод Д.С. Мережковского, хотя имеются и более приближенные к оригиналу переводы этого пассажа из трагедии Софокла, где хор воспеваает чудеса, величие, ум и достижения человека, который, несмотря на это, всеравно «лишь почует он близость Аида / Как понапрасну на помощь зовет» [например, ср.: Soph. Ant. 369-370 – пер. С.В. Шервинского и И.С. Познякова], что, впрочем, не меняет основной смысл.

² Исследованием античных нарративных и эпиграфических источников, надгробных памятников и ритуалов, связанных со смертью, в разных аспектах занимались и занимаются многие ученые [например, с литературой см.: Peek, 1955; 1960; Kurtz, Boardman, 1976; Humphreys, 1983; Garland, 1985; Burkert, 1985; Vernant, 1986; Morris, 1987; The Epigraphy of Death, 2000; Merthen, 2005].

в каждом из которых прослеживаются главные фазы и отдельные элементы³. Созданные в процессе развития чрезвычайно обостренного чувства долга особенно по отношению к тем воинам, которые во цвете лет достойно погибли на поле боя, самоотверженно защищая своих соотечественников, их сакральной героизации и мифологизации, эти ритуалы стали неотъемлемой частью жизни всех эллинов, в том числе и религиозной. С усовершенствованием их духовной культуры постепенно усиливалась сакрализация и соответственно усложнялся похоронный ритуал. По всей вероятности, ни в одном древнем обществе он не был столь мифологизированным, сакрализированным, опоэтизированным и гуманным, как у эллинов во всех регионах их обитания⁴. Со временем в их сознании утвердились представления о том, что наиболее счастлив тот человек, кто погиб на поле боя или после должного исполнения религиозного обряда в святилище, ибо только такой человек сможет обрести героическое бессмертие и благочестие, что столь убежденно высказал Геродот словами Солона в исторической новелле о встрече афинского мудреца с лидийским царем Крезом [Herod. I, 30-32]. Вместе с тем современник Отца истории Софокл в трагедии «Эдип-царь» пришел к иному заключению: «Значит, смертным надо помнить о последнем нашем дне / И назвать счастливым можно, без сомненья, лишь того, / Кто достиг предела жизни, в ней несчастий не познав» [Soph. O. R., 1488-1490]. В той или иной степени все эти представления о жизни и смерти нашли отражение и в рассмотренных ниже ольвийских эпиграфических источниках.

Ольвийский полис, как показывает изучение его истории, культуры и религии, являлся неотъемлемой частью эллинского мира со всеми его противоречиями, изменениями и многообразием накопленных достижений до конца античной эпохи. В своем последовательном политическом, экономическом и культурном развитии этот полис прошел те же стадии стабильного существования, сменявшегося то небывалым расцветом, то глубоким кризисом; породил те же феномены, которые были свойственны многим античным городам Средиземноморья и Причерноморья. Вместе с тем Ольвия не была лишена характерного лишь ей неповторимого своеобразия, вызванного особыми условиями географического расположения – прежде всего экологическими, огромным расстоянием как

³ В таком же значении условно различаются дефиниции «похороны» и «захоронение» или «погребение», а также «поминовение» усопших. К первой относятся все традиционные правила и ритуальные действия, которые выполняются родственниками и другими участниками чаще всего в доме умершего до окончательного его захоронения в могиле или до кремации. О них можно получить наиболее достоверную и относительно полную информацию из античных литературных, изобразительных и эпиграфических источников.

⁴ По мнению В. Буркерта, история человечества знает общества без мифов, но не знает таких, в которых бы не было ритуалов, прежде всего жертвоприношений насильственно убитых живых существ, поскольку мышление древних людей было основано на представлении о цикличности бытия, поворотный ход которого могла нарушить только смерть [Буркерт, 2000, с. 422-424].

от метрополии Милета, так и других важных центров Ионии и Эллады, разносторонними отношениями с варварскими воинственными племенами, вожди которых время от времени требовали уплаты дани, грабили сельские поселения и периодически совершали военные нашествия на город, в результате которых они периодически прекращали свое существование и вновь возрождались [подробнее с литературой см.: Латышев, 1887; Виноградов, 1989; Крыжицкий, Русяева, Крапивина и др., 1999]. На протяжении многих веков Ольвия поддерживала интенсивные политические, торговые и культурные связи с разными средиземноморскими и причерноморскими городами; наиболее тесные, однако, с ведущими центрами античного мира - своей метрополией Милетом и праметрополией Афинами.

Как известно, этническая и социальная структура не только всего населения Ольвийского полиса, но и его гражданской общины в разные хронологические периоды не была постоянно однородной. В состав гражданской общины первоначально входили мужчины преимущественно ионийского (=восточноэллинского) происхождения, и она была почти моноэтнической в течение VI-I вв. до н. э. [IOSPE. I², 201; Книпович, 1956, с. 119-153; Яйленко, 1990, с. 281-283; Русяева, 1999, с. 391-431]. Значительные изменения в Ольвии произошли после ее возрождения в результате гетского нашествия около середины I в. до н. э. Уже во II-III вв. н. э., исходя из эпиграфических памятников с многочисленными сарматскими, скифскими, фракийскими именами государственных магистратов - архонтов, стратегов, агораномов, гражданский коллектив стал уже полиэтническим, хотя и с доминирующей составляющей эллинов, что способствовало эллинизации граждан иноэтнического происхождения [подробнее с литературой см.: Русяева, 1999, с. 391-471]. Следует также напомнить, что образованные ольвиополиты со времени становления своего полиса на берегах Гипаниса знали не только знаменитые эпосы Гомера, которого еще и в первые века нашей эры обожествляли, считая лучшим и величайшим из всех античных поэтов [Dio Chrys. Or. XXXVI, 9-10], но и другие поэтические произведения⁵. Именно они сейчас дают общее представление о том, как относились эллины, в том числе и ольвиополиты, к похоронам своих родственников и сограждан, в особенности погибших вдали от города.

В первых обобщающих монографических работах о некрополе Ольвии классического и эллинистического времени по общепринятой схеме рассмотрены разнообразные типы погребальных сооружений и все категории инвентаря, благодаря которым в той или иной степени проанализированы отдельные черты

⁵ Начиная со второй половины VI в. до н. э., небольшие фрагменты архаической поэзии зафиксированы в ольвийских граффити на черепках как школьные упражнения либо версификации симпосиастов и любителей поэзии, в том числе и эпической, свидетельствующие об ее изучении и хорошем знании многими ольвиополитами [подробнее см.: Виноградов, 1969, с. 142-150; Vinogradov, 1997, S. 385-396; Яйленко, 1980, с. 88-89; Русяева, 1987, с. 150-151; Dubois, 1996, p. 71-74, 80-85].

погребального обряда, этнический и социальный состав населения, представлены каталоги с кратким описанием захоронений, открытых в процессе долговременных раскопок [подробнее см. и ср.: Козуб, 1974; Парович-Пешикан, 1974]. По сравнению с ними многочисленные материалы из археологических исследований Б.В. Фармаковского позднеларинского некрополя этого города, которые в большинстве хранятся в Государственном Эрмитаже России, изданы преимущественно в виде каталога, но не в полном объеме, с очень краткой характеристикой типов могил и находок [Скуднова, 1988]. В дальнейшем В.А. Папанова более подробно рассмотрела историю изучения некрополя Ольвии античной эпохи, его историческую топографию, погребальные и надмогильные сооружения, отдельные эпитафии; вместе с этим в научный оборот было введено много неопубликованных архивных материалов, в чем, несомненно, заключается основная ценность ее работы [Папанова, 2006, с. 7-165, 223-251].

Согласно Ю.И. Козуб, под погребальным обрядом следует понимать совокупность черт: положение погребенных, их ориентацию, элементы символики погребального культа, которые нашли отражение в обычаях помещать в могилу жертвенную пищу, отправление тризны, а также определенный набор сопровождающего инвентаря [Козуб, 1974, с. 18-38]⁶. Под таким углом зрения и М. Парович-Пешикан охарактеризовала погребальный обряд населения следующего периода в истории Ольвии, в котором главное место также занимают ингумация и кремация [Парович-Пешикан, 1974, с. 52-63]. В свою очередь и В.А. Папанова значительное внимание уделила, правда, в историографическо-критическом аспекте ингумации (в частности, скорченным погребениям, ориентации умерших, остаткам деревянных гробов и саркофагов) и кремации [Папанова, 2006, с. 166-195]. Она также затронула и вопросы поминального ритуала на основании остатков тризн, при совершении которых использовались сохранившиеся возле немногих могил специальные культовые сооружения, свидетельствующие о посещении их родственниками в общепринятые дни и об устройстве поминок [Папанова, 1997, с. 156-161; 2006]. Итак, основное место в выяснении главных элементов погребального и поминального обрядов в ольвийском некрополе занимают наиболее информативные по ряду различных признаков археологические материалы, найденные чаще всего непосредственно в раскопанных могилах и в отдельных местах на его территории.

В данной статье впервые кратко рассмотрены только соответствующие теме ранее опубликованные эпиграфические источники с учетом отдельных сведений из произведений древнегреческих авторов и вазописцев с целью выяснения наличия известных фаз и сопутствующих элементов в похоронном ритуале

⁶ Некоторые вопросы погребального культа в контексте религиозного мировоззрения ольвиополитов и полисной идеологии раньше тоже рассматривались автором этой статьи [Русяева, 1992, с. 171-192].

ольвиополитов. В отличие от вышеотмеченных и сравнительно хорошо изученных погребального и поминального обрядов, к нему относится закреплённая традицией в основном стереотипная последовательность сакрализованных прощальных действий, которые исполнялись ближайшими родственниками и другими соучастниками возле подготовленного к погребению покойника⁷. Археологические открытия надгробных памятников несколько раскрывают те или иные элементы похоронного ритуала. Но более точно и зримо основные фазы панэллинского похоронного ритуала, а именно: выставление для прощания уже полностью подготовленного для погребения умершего ногами к выходу на специальном ложе – одре (*πρόθεσις* - протесис), надгробный горестный плач – песня и причитания (*θρήνος* - трен), вынос и сопровождение покойника к могиле или к месту кремации (*ἐκφορά* - экфора) можно проследить по отдельным поэтическим произведениям, особенно в сопоставлении с изображениями на вазах и надгробных пинаках [подробнее с литературой см.: Boardman, 1955; Ahlberg, 1971; Mommsen, 1984; Буркерт, 2000; Лиссараг, 2005; Merthen, 2005]⁸.

Главные разновидности рассматриваемого ритуала зафиксированы ещё в памятниках искусства геометрического стиля [Ahlberg, 1971; Merthen, 2005]. Однако, древнейшие письменные сведения о ритуально-похоронных действиях сохранились все же в знаменитых эпосах Гомера, которого, как уже отмечалось, ольвиополиты обожествляли и хорошо знали его стихи [Dio Chrys. Or. XXXVI, 9-10]⁹. По мнению Платона, Гомер воспитал Элладу [Plato. Leg. X, 606 e], и его поэтические произведения действительно имели колоссальное влияние на духовную жизнь эллинов во все времена античной эпохи [Лосев, 1960, с. 37 сл.; Шталь, 1983, с. 15 сл.]. В первом из них «Илиаде» - около середины VIII в. до н.э. -

⁷ По многочисленным источникам, касающимся определенных действий во всех разновидностях эллинских ритуалов, в том числе и похоронного, считается, что они охватывают объекты, жесты и слова, которые выполняются на специально подготовленном месте, предназначенном якобы для влияния на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей [ср. Тэрнер, 1983, с. 32]. С одной стороны, они связаны с проведением похорон и погребением умершего, его последующей героизацией и культом предков, с другой, были отражением взглядов на жизнь, которая так или иначе вела к смерти, и с верой в начало иной жизни и бессмертие души как того, кто отошел в потусторонний мир, так и его родственников или друзей, принимавших в нем непосредственное участие, выполняя традиционные обычаи и правила в семье и гражданской общине. Вместе с тем и похоронный культ сочетал в себе целый цикл или комплекс различных религиозно-магических ритуалов и верований [ср. Humphreys, 1983, p. 145-151].

⁸ Однако, к своего рода таинствам относились процессы омовения, натирания благовониями, обряды тела покойника в одежды, его опускания в могилу, подбора и принесения погребальных даров, а также другие элементы похоронного ритуала; исполнением большинства из них занимались женщины, даже в сценах войны их изображали встречающими тела погибших героев [Лисараг, 2005, с. 188-194].

⁹ В свою очередь, знание боспорскими стихотворцами эпосов Гомера подтверждается упоминаниями и сравнениями в стихотворных эпитафиях I в. до н. э. - Пенелопы [КБН, 124] и в I в. н.э. - троянского Гектора [КБН, 136].

звучал четкий призыв отдать последний долг погибшим воинам: ничего не жалеть для них, немедленно огнем успокоить или «земле предавать..., твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим» [Ном. II. 7, 409-410; 19, 228-229]. Согласно этому, эллины с древнейших времен своей истории придерживались двух типов захоронений: ингумации и кремации, которые были характерны и для населения Ольвии [подробнее с литературой и аналогиями см.: Козуб, 1974, с. 18-38; Парович-Пешикан, 1974, с. 53-63; Скуднова, 1988, с. 7-10; Русяева, 1992, с. 172-175; Папанова, 2006, с. 168-193].

В рассказе о похоронах троянского героя Гектора представлены в кратком изложении главные их фазы: «К славному дому привезши, на пышно устроенном ложе / Тело они положили; певцов, начинателей плача, / Подле него поместили, которые голосом мрачным / Песни плачевные пели; а жены им вторили стоном» [Ном. II. 24, 720-723]. По обычаю сольные скорбные трены по очереди провозглашались женой, матерью, близкими родственниками; плакали «о нем до последнего и все обитатели Трои». Затем отец - старец Приам обратился к народу с призывом доставить в город «множество леса» для устройства погребального сруба, который зажгли на десятый день: «... багряным вином оросивши пространство / Все, где огонь разливался пылающий; после на пепле / Белые кости героя собрали и братья и други /... в ковчег золотой положили / Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим. / Так опустили в могилу глубокую и, заложивши, / Сверху огромными частыми камнями плотно устлали; / После курган насыпали... / и блистательный пир пировали / В доме великом Приама...» [Ном. II. 24, 724-804]. Отсутствие упоминаний в «Илиаде» о подобных тренях при погребении Патрокла указывает, что в данном ритуале важную роль играли женщины из семьи умершего¹⁰. Поскольку Патрокл не имел родственников, его похоронами занимались близкие друзья, прежде всего Ахилл, который устроил поминальные спортивные агоны [Ном. II. 23, 1-807]. По всей вероятности, сходные агоны, но уже в честь самого Ахилла, проводились и в Ольвии [с литературой см. Русяева, 2006, с. 120-122].

В «Одиссее», относящейся предположительно на полстолетия позже «Илиады», оплакивание и похороны этого знаменитого эллинского героя описаны более патетично и ярко [Ном. Od. 24, 35-94]. Поскольку он внезапно и коварно погиб в разгар боя, за спасение его тела воины сражались с врагами целый день, пока сам Зевс не разогнал всех раскатами грома. Только после этого они смогли принести его в лагерь, где положили на смертном одре, помыли водой, голову смазали душистым маслом. Присутствующие здесь ахеяне рыдали, кричали и рвали на себе волосы. Из глубокой морской пучины поднялась на

¹⁰ Предполагается, что профессиональными плакальщицами уже в ранний период истории Элады были рабыни-отпущенницы преимущественно из Малой Азии. В роли таких же выступали, очевидно, и просто домашние рабыни.

берег с отчаянным криком скорбная мать Ахилла Фетида в сопровождении не-реид, с плачем окруживших тело и накрывших его светлобожественной ризой. «Музы - все девять - сменяясь, голосом сладостным пели / Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами / Слушать не мог сладкопенья Муз, врачевательниц сердца; / Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали / Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди; / Но на восемнадцатый день был огню ты торжественно предан»¹¹ [Hom. Od. 24, 60-65]. В жертву было принесено много мелкого скота и быков. Перед сожжением Ахиллову ризу смазали сладким медом и душистой мазью. Вокруг ритуального костра во всеоружии стояли ахейские воины. Как только взошло солнце, собрали остатки костей героя, помыли их чистым вином, смазали мазью и уложили вместе с прахом его друга Патрокла в золотую урну, которую матери Ахилла подарил Дионис, а сделал сам Гефест. «Холм погребальный великий над вашими урнами был тут / Ратью святой копьеносных аргивян у светлошироких / Вод Геллеспонта на берегу, вперед выходящем, насыпан ... / Так и по смерти ты именем жив, Ахиллес, и навеки / Слава твоя сохранится во всех на земле поколеньях» [Hom. Od., 24, 80-82, 93-94].

Обращает внимание, что поэт подчеркивает живучесть имени и славы героя в памяти всех человеческих поколений на земле. Как бы в ответ на такую уверенность Гомера, несмотря на существование кургана на Сигейском мысу, куда для чествования Ахилла съезжались и поэты из многих греческих городов, во второй половине VII в. до н. э. в метрополии многих понтийских колонистов, Милете была создана своеобразная мифо-поэтическая мистификация, способствовавшая в итоге возникновению универсального культа героя-бога (heros-theos) Ахилла в Северном Причерноморье. Так, начиная с поэмы Арктина Милетского «Эфиопида» в античной литературе укрепились версия мифа о переносе Фетидой Ахилла на о-в Левка (ныне Змеиный) в Черном море, где он получил посмертную «счастливую жизнь» и панэллинский культ, а в первые века нашей эры в Ольвии стал верховным богом Ахиллом Понтархом (Владыкой Понта) [подробнее с литературой см.: Толстой, 1918; Русяева, 1992; 2005; Охотников, Островерхов, 1993; Der Achilleus-Kult..., 2006].

Вместе с этим, отголоски описанного в гомеровских эпосах похоронного ритуала в той или иной мере нашли отражение и в поэтическом творчестве эллинов, ибо в него издавна входили песни с театрально-драматическими элементами, среди которых самым важным был хоровой трен. Стержневой его

¹¹ Воспоминания о древнейших исполнителях импровизированных тренировок, вероятно, способствовали созданию мифологических образов Муз - покровительниц поэзии, матерью которых считалась богиня памяти Мнемосина. Кстати, даже в метрической эпитафии боспорского поэта Саббиона, сына Стефана (II в. н. э.), наряду с другими похвалами, отмечено: «Музы, прежде улаживавшие тебя среди нас, теперь плачут над тобой, несчастный» (КБН, 146), что в определенной степени указывает на живучесть трену Муз, восходящего еще к гомеровской эпохе.

момент заключался в выражении словами, звуками и криками зачастую с аккомпанементом флейты, лиры или кифары чувства скорби и любви к умершему. Существует точка зрения, что элегия первоначально представляла собой надгробный плач или поминальную песню о мужчинах, которые погибли на поле боя в героических поединках с врагом или прославились в спортивных агонах [ср. Eurip. Troad. 119; Iphig. Taur. 1091; Procl. Chrest. 242; см. Доватур, 1989, с. 8]. Трен, как одна из главных фаз похоронного ритуала, существовал на протяжении всей античности, в том числе и у эллинов Северного Причерноморья, хотя плач и причитания в последних прямо зафиксированы лишь в отдельных стихотворных эпитафиях [например: IOSPE. I², 482; КБН, 127, 130]¹².

Сюжеты похоронного ритуала, взаимосвязанного с ним религиозного мировоззрения и мировосприятия, понимание человеческой судьбы, индивидуально-го отношения к жизни, смерти и бессмертию, можно обнаружить в произведениях, - несмотря на частично сохранившиеся тексты, - многих известных поэтов и трагиков. Их мысли и чувства составляют противоречивые, но вместе с тем и несколько сходные размышления о современном им мире и окружающей действительности. Так, Каллин - один из первых и древнейших поэтов Ионии, откуда многочисленные переселенцы основали города и поселения на побережьях Черного моря, - вслед за Гомером указывал на неизбежность смерти, которая придет к каждому тогда, когда ее напрудут мойры - богини судьбы и смерти [Franyo, 1971: Kallin; Доватур, 1989, с. 10]. Весь народ оплакивает того человека, который отважно погиб на поле боя. Как и многие граждане, воспитанные в духе любви к родному полису, альтруизма и добродетели, знаменитый лесбосский поэт Алкей считал, что «смерть прекрасна от Арее» - то есть на поле боя¹³, после смерти никому не дано «солнца небесного чистый приветствовать свет» [Алкей и Сафо, 1914. XI, XLIII]¹⁴. Осознание судьбы каждого человека трагическое: смерть неизбежна, она заложена в природе всего живого на земле. Особенно остро воспринимала такой трагизм человеческой судьбы соотечественница Алкея – Сафо (Сапфо). Судя из ее стихов, она принимала участие во

¹² Так, например, в пантикапейских эпитафиях звучит обращение к родителям, чтобы они перестали плакать и причитать над могилами своих рано умерших детей [КБН, 127, 130]. Во время похорон усыновленного Хематионом Фарнака - молодого учителя гимнастики «гимнасий оплакивает его немymi слезами» [КБН, 128]. Из эпитафии юного воина Ксанфа, сына Лагорина, из Херсонеса Таврического I в. н. э. известно, что после его смерти в бою за отечество бедные родители проливают горькие слезы [IOSPE. I², 482].

¹³ Наибольшую скорбь и печаль вызывали погибшие в боях юноши, что также отражено в стихотворной эпитафии боспорца Лисимаха, сына Психариона (II-I вв. до н. э.), которого «убил бурный Арес номадов. Горестно вздохнул о нем каждый, скорбя о цветущей юности мужа» [КБН, 120].

¹⁴ Кстати, Алкей знал о культе Ахилла в Северном Причерноморье, судя из сохранившегося отрывка его гимна, в котором он величал этого прославленного Гомером героя «владыкой Скифии» (Alc. fr. 14 D).

многих ритуальных процессиях: религиозных, свадебных и похоронных и реально воспевала существующие в те времена обычаи. Ей приписывается одна из древнейших надгробных эпитафий девушке Тимаде. На ее похоронах «сверстницы, юные кудри отсекая острым железом, пышный рассыпали дар милой на девственный гроб» [Алкей и Сафо, 1914. СІ]. Здесь сохранен эпический гуманный эпизод срезания волос как одно из высших проявлений человеческой скорби¹⁵. Личностные переживания характерны для менее известного ионийского поэта Мимнерма, выражавшего в своих элегиях скорбь об изжитой юности и предпочитавшего смерть, а не глубокую старость: «Если бы в мире прожить мне без тяжких забот и страданий лет шестьдесят, - а потом смерть бы послала судьба» [Эллинские поэты, 1963: Мимнерм. 6]. Афинский же поэт, один из канона Семи эллинских мудрецов и государственный деятель Солон в стихотворном ответе Мимнерму подчеркивал, что ему не страшна старость, поскольку свое высокое предназначение в жизни он видит в общественной деятельности и самообразовании, хотя и боится больше всего быть неоплаканным друзьями и родными после смерти [ALG. I, S. 20-47]. Упоминание друзей свидетельствует о том, что в хоровых тренах на похоронах известных граждан участвовали и мужчины. Возможно, поэтам также приходилось их не только сочинять, но и выполнять.

Вместе с тем еще в начале VI в. до н. э. Солон как законодатель ввел в Афинах целый ряд постановлений, направленных на ограничение возможности для аристократических родов демонстрировать свои богатства на публичных похоронах, что сопоставляется с римским законом двенадцати таблиц Цицерона, очевидно, знавшего законы Солона [Demosth. XLIII, 62; Cic. De leg. II, 59-62; Plut. Sol. 12]. К важнейшим из тех, которыми должны были регулироваться отдельные элементы похоронного ритуала, относились: сокращение срока протесиса и числа платных плакальщиц, проведение похоронных процессий до восхода солнца; запрет грубых, варварских обычаев (громко вопить, рвать волосы и одежду, царапать лицо и грудь, другие физические выражения скорби) и присутствия женщин, кроме близких родственников и старух, борьба с роскошью и расточительством на похороны, к которым относились дорогие траурные одежды и погребальные дары, в том числе и оружие, а также жертвоприношения быков на поминальных тризнах [подробнее с литературой см.: Суриков, 2002, с. 8-21]. Позднее (в конце VI в. до н. э.) принятый Клисфеном в Афинах известный закон против дорогих надгробий свидетельствует, что богатые граждане, особенно аристократы, пренебрегали давно принятыми законами Солона.

¹⁵ Как отмечено выше, при похоронах Ахилла ахейские воины кричали и рвали на голове волосы. На некоторых рисунках (например, амфора и беотийская чаша из Дипилона первой половины VIII в.) показаны группы скорбящих у гроба с руками на голове, которые также рвут на себе волосы [Колпинский, 1970, с. 23, рис. 70, 71; 1977, рис. 1, 6].

Хотя, по мнению некоторых ученых, жертвоприношения крупного рогатого скота были все же заменены овцами, козами и птицей, а великие гробницы Эвпатридов и даже большие плачевные хоры постепенно прекратили свое существование [Mommson, 1997; ср. Акимова, 2007, с. 187-188]. Очевидно, новые правила были восприняты и ольвиополитами, которые поддерживали в то время теснейшие отношения с афинянами, ибо богатые погребальные комплексы позднеархаического некрополя Ольвии существенно отличаются от следующих по времени как по качеству, так и по количеству инвентаря, в частности золотых изделий и предметов вооружения.

Чем больше было провозглашено о покойнике хвалебных песен, тем дольше он оставался в памяти народа и тем чаще передавался о нем рассказ от поколения к поколению, чтобы он не был предан вечному забвению. Осознание важности упокоения души и никогда не угасающей памяти об умершем привело к необходимости установления надгробия из камня или бронзы над его могилой, получившего адекватное название ΜΝΗΜΑ (память, памятник) и давшего импульс к созданию надгробной скульптуры, которая получила широкое распространение во всех античных регионах¹⁶. Поэтический образ почти синхронно нашел свое художественно зримое воплощение в статуе или рельефе, а также в вазописи и на специально изготовленных для декоративного оформления памятников терракотовых и деревянных дощечках (пинаках) с изображением различных сцен похорон. Наиболее яркое проявление такого творческого синтеза относится к VII-V вв. до н. э.

В последующее время сочетание поэзии и изобразительного искусства в похоронном ритуале вошло в традицию, стало нормой, распространилось во все уголки античного мира, однако было присуще далеко не для каждого гражданина, а тем более не для всех жителей полисов разнородного и социального происхождения¹⁷. Попутно нельзя обойти вниманием и вопрос, как отдельные

¹⁶ Иногда даже при жизни отдельные жители заказывали себе каменные стелы ради памяти и упокоения души. Об этом, например, красноречиво свидетельствует боспорская стихотворная эпитафия 227 г. н. э. на надгробии одной семьи (отца, дочери и ее мужа - предположительно переселенцев из Малой Азии), которые совместно решили «прежде чем умереть – упокоить собственную душу... и поставили стелу единодушно... как вечную память тем, кто мил прохожим» [КБН, 147]. В конце отдельных надгробных надписей, в том числе и ольвийских, ставилась формула μνήμη χάριν – «памяти ради» [IOSPE. I², 202-204], разъясняя таким образом, почему установлен памятник.

¹⁷ Рисунки на пинаках, - преимущественно талантливого афинского художника Эксекия и его учеников, - а также разные типы чернофигурных ваз второй половины VI в. до н. э. отражают драматические сцены оплакивания и прощания женщинами и мужчинами возле тела покойника [Алпатов, 1987, рис. 272; Merthen, 2005, Taf. II, IV, VII-X; Лиссапар, 2005, с. 188-196; Акимова, 2007, с. 187, рис. 126]. Кажется, уже никто из мастеров после него не смог достичь такого совершенства в их изображениях, которых становилось все меньше и меньше. Протянутые руки, устремленные в даль глаза и полуоткрытые рты передают картину общей скорби, что в общем представляло собой хоровое исполнение плачевной песни разными голосами, судя по фигурам, изображенным на

исследователи ольвийского некрополя объясняют причины установления надгробных памятников. Так, В.А. Папанова, предварительно указав, что к ним относятся надгробия, алтари и курганы, дает такое объяснение: «Древние греки верили, что «душа витает среди погребальных памятников и могил» [Plato, Phed., 81 CD: именно так – А.Р.]. Поэтому они заботились не только о приличном погребении, но и о сохранности могил, а роль их апотропея выполнял надгробный памятник»» [Папанова, 2006, с. 123-124]. Однако, вырванная из контекста достаточно сложных философских размышлений и суждений знаменитого философа Сократа о душе во время его пребывания в заключении перед собственной смертью в диалоге Платона «Федон», такая цитата не может быть достоверным свидетельством не только о том, что древние греки, в том числе и ольвиополиты, верили в витания душ среди надгробий и могил, но и относительно того, что именно поэтому они заботились о пристойном погребении умерших, сохранении могил и установлении памятников в качестве их апотропеев. Для сравнения следует привести лишь краткий пассаж из этого диалога. В нем приведен рассказ Федона - ученика Сократа, который вместе с другими его учениками провел с философом последние часы его жизни перед казнью. Сократ ответил на многочисленные вопросы, в частности, одинаково ли разные души - чистые и оскверненные - расстаются с телом, и куда каждая из них соответственно уходит. Сначала речь идет о чистой душе, которая «уходит в подобное ей самой безвидное место, божественное, бессмертное, разумное, и, достигши его, обретает блаженство, отныне избавленная от блужданий, безрассудства, страхов, диких вожделений и всех прочих человеческих зол, и – как говорят о посвященных в таинства – впредь навеки поселяется среди богов» [Plato. Phaed. 81 a]. Напротив, о запятнанной и оскверненной душе, всегда тесно связанной с телом, угождавшей ему во всех его страстях и любившей его, которая не могла расстаться с ним чистой и обособленной в самой себе, потому что была пропитана чем-то телесным, Сократ сказал: «Но ведь телесное, друг, надо представлять себе плотным, тяжелым, землеобразным, видимым. Ясно, что душа, смешанная с телесным, тяжелеет, и эта тяжесть снова тянет ее в видимый мир. В страхе перед безвидным, перед тем, что называют Аидом, она *бродит среди надгробий и могил* - там иной раз и замечают похожие на тени призраки

одном из рисунков: мальчика, взрослых мужчин и седого старца. Образы женщин-плакальщиц, возможно, профессиональных, зафиксированы на архаических пинаках и в вазописи Афин и Коринфа: они в значительной мере дополняют отрывочные свидетельства поэтической традиции и дают наглядное представление о внешней стороне этого ритуала [например, см. и ср.: Колпинский, 1970, рис. 148б; Алпатов, 1987, рис. 89, 92; Лиссагар, 2005, рис. 13-15; Merthen, 2005, Taf. VII-X, XIV-XVI ff.], который, очевидно, стал традиционным и в других полисах античного мира на протяжении многих веков. Длинные черные или темнопурпурные траурные гиматии, поднятые вверх руки, срезанные пряди волос, застывшие, широко открытые глаза выражают печаль теми композиционными приемами, которые были доступны в то время вазописцам.

душ. Это призраки как раз таких душ, которые расстались с телом нечистыми; они причастны зримому и потому открываются глазу» [Plato. Phaed. 81cd: пер. С.П. Маркиша]. Итак, Сократ, а вместе с тем и Платон, рассуждали в целом о различных душах и одновременно о том, что представляют собой душа и тело с точки зрения познания истины, о теории души как эйдоса жизни и бессмертия души [Платон, 1993, с. 7-80, 415-434]. Однако нет никаких сведений о влиянии именно этого учения на погребальный обряд эллинов, а тем более ольвиополитов, и их веру в витания душ среди надгробий и могил¹⁸.

Абстрагируясь от различных сопоставлений археологических и письменных источников и возвращаясь непосредственно к предложенной здесь более узкой теме, следует прежде всего напомнить, что после двухсотлетнего исследования Ольвии количество найденных эпитафий - одного эпиграфических источников для изучения похоронного ритуала все еще остается крайне небольшим даже по сравнению с другими северопонтийскими полисами, в особенности с Пантикапеем и в меньшей мере - с Херсонесом Таврическим. Главная причина такой относительной неравномерности заключается, вероятно, не в том, что ольвиополиты пренебрегали обычаями установки надгробных стел со стихотворными или совсем короткими эпитафиями с указанием имени и патронимика умершего гражданина. В первую очередь следует учитывать, что именно здесь произошло более значительное, чем, например, в вышеназванных городах, их уничтожение в результате гетского нашествия около середины I в. до н. э., когда, по сведениям вифинского ритора Диона Хрисостома, посетившего Ольвию почти через полтора столетия в конце I в. н. э., не сохранилось ни одной целой статуи в храмах и ни одного надгробного памятника на некрополе [Dio Chrys. Or. XXXVI, 6]. Кроме того, в новые времена многочисленные надгробные стелы и их обломки, как и различные архитектурные детали, пережигали на известь и использовали для строительства. Исходя из этого, представляется, что стихотворных эпитафий в Ольвийском полисе было все-таки больше пяти опубликованных. К сожалению, к единичным принадлежат и другие лапидарные надписи. Среди них особо выделяется декрет в честь Никерата, сына Папия, где впер-

¹⁸ Здесь полностью приведен пассаж, из которого В.А. Папановой взято будто бы достоверное свидетельство о вере греков в витание каждой души среди погребальных памятников и могил для того, чтобы в дальнейшем исследователи некрополей на него не ссылались. Ведь вырванную из контекста произведения Платона вышеприведенную только часть фразы в сопоставлении со всеми философскими рассуждениями Сократа о различных душах можно толковать и в том смысле, что у всех эллинов Ольвии души были нечистыми. По мнению А.Ф. Лосева, диалог «Федон» «по праву можно назвать подлинным драматическим произведением, которое повествует о последних часах Сократа перед смертью, его беседе с учениками и смерти философа» [Платон, 1993, с. 428]. Он производил огромное впечатление на эллинов. Так, один из учеников Сократа, который не смог вместе с другими присутствовать при его предсмертной беседе, прочитав диалог Платона о душе, покончил жизнь самоубийством, «бросившись вниз со стены прямо в Аид» [Греческая эпиграмма, 1960, с. 98].

вые приведены краткие сведения об организации его похорон и посмертном чествовании во время проведения конских агоний в честь Ахилла, учрежденных в Ольвии после пророчества дельфийской Пифии [IOSPE. I², 34], что дает право рассмотреть его раньше эпитафий.

В сопоставлении мифов об Ахилле с конкретными географическими местностями, где он был наделен мифической способностью еще одной жизни - жизни после смерти, как явления, возведенного впоследствии в одну из теософских категорий, прослеживается сложная мировоззренческая позиция ионийских эллинов. Пиетет перед героизмом усиливался не только гомеровскими стихами, но и специальными гимнами, которые исполняли поэты на мусических агонах как на Сигейском мысу у кургана, так и на Левке возле храма Ахилла. Очевидно, положительную роль в отношении умерших граждан, принимавших участие в боевых действиях с врагами полиса вдали от его границ или героически погибших в бою в непосредственной близости от города, должно играть и то обстоятельство, что ольвиополиты с ранних времен своей истории стали почитать этого героя как божество с многогранными функциями и культовыми эпитетами.

О проведении похоронного ритуала таких граждан в сопоставлении с культом Ахилла в Ольвии указывает прежде всего вышеупомянутый посмертный декрет в честь Никерата, сына Папия, первой половины II в. до н. э. [IOSPE. I², 34; Виноградов, 1989, с. 183-188; Русяева, Супруненко, 2003, с. 180-187]. В этом документе представлены его наиболее значительные действия и достижения. При исполнении должности главного военного деятеля полиса, очевидно, стратега, Никерат постоянно на протяжении многих лет обеспечивал мирное существование своего города, часто отражая нападения варваров. В последний раз, когда группа ольвиополитов переправилась через Гипанис в Гилею для участия в религиозном празднестве, «он и в этом немедленно проявил заботу об отчизне и, прибыв туда без надлежащей военной помощи, защищал граждан; обнаружив же нашествие врагов, он отправил граждан в город, а сам остался, чтобы отбить их нападение, ибо считал необходимым наказать врагов, которые, испугавшись его непобедимой доблести, не напустились напасть открыто, но устроили ночью засаду и вероломно его умертвили» [IOSPE. I², 34].

Все население Ольвийского полиса с гневом и большой печалью восприняло это известие. Срочно было созваны Народное собрание и Совет, где было принято решение перевезти тело Никерата в город для достойного захоронения, поскольку он должен был получить более выдающиеся по сравнению со всеми иными гражданами почести; во время его похорон все городские мастерские и лавки закрыть, а гражданам в траурной одежде нужно идти в процессии в соответствующем порядке; при вынесении увенчать героя золотым венком. Кроме того, в постановлении указывалось о награждении Никерата конной статуей и установлением ее на том месте, где пожелают родственники, с надписью на ее постаменте: «Демос поставил статую Никерата, сына Папия, бывшего от

предков благодетелем и сделавшего много добра городу, за его доблесть и его благодеяния к нему» [IOSPE. I², 34]. Впервые в этом декрете отмечена и такая неординарная награда, как посмертное ежегодное увенчание Никерата золотым венком с провозглашением глашатаем надписи на постаменте его статуи во время проведения конских агонев в честь Ахилла. Последнее, как и конная статуя, свидетельствуют о том, что он не только участвовал в таких агонях, но и побеждал, а также занимался их организацией [Русяева, 2006, с. 120-122]. Будучи патриотом, Никерат, безусловно, в своих делах и действиях опирался на сознательных граждан своего полиса, стремился поднять на высший уровень личным примером, деятельностью, мужеством и эвергетией полисный патриотизм и преданность отчизне.

Разумеется, в декрете не фиксируются прямо вышеотмеченные главные фазы общественных похорон ольвийского героя, погибшего вдали от города. Но вряд ли можно сомневаться в том, что при помощи военной охраны, невзирая на жестокость и хитрость врагов, Никерата перевезли через Гипанис в родной дом, где во время протесиса звучал печальный трен родственников, друзей и сограждан¹⁹. При входе во двор по общепринятому обычаю стояли на подставках лутерии с источниковой или морской водой для омовения рук. К заранее избранному и подготовленному месту погребения гроб с телом увенчанного золотым венком Никерата несли на руках, за ним, как сказано в декрете, в соответствующем порядке медленно двигалась процессия людей в траурных одеждах (экфора).

Таким образом, в Ольвии тоже существовала традиция общегражданских похорон погибших и наиболее отличившихся деятелей, хотя ничего не известно относительно того, кто именно в них принимал участие: только мужчины, как члены гражданского коллектива полиса (они же ополченцы и его защитники), или же вместе с ними и их жены, либо же только ближайшие родственники. Можно лишь предполагать, что первыми в процессии шли родственники, уважаемые граждане и члены полисных коллегий. Самое главное все же заключается в том, что почетный декрет Никерата дает возможность достоверно узнать об отношении к тем ольвиополитам, которые, рискуя своей жизнью, защищали город от вражеских нападений и погибали за соотечественников вдали от него, что, однако, не препятствовало устройству достойных героя похорон и его посмертного почитания ради памяти и примера для последующих поколений ольвиополитов.

¹⁹ Насколько важным для эллинов было вынесение погибших в боях свидетельство, к примеру, тот факт, что даже афинские стратеги-победители, разбившие в морском сражении спартанцев у Аргинусских островов в последний период Пелопоннесской войны, были подвергнуты осуждению на Народном собрании афинян и несправедливо приговорены к жестокой казни (сброшены в глубокую пропасть) в 406 г. до н. э. по обвинению в том, что не смогли обеспечить надлежащий похоронный ритуал для погибших в битве моряков, что считалось одним из религиозных преступлений [Xen. Hell. I, 7; Суриков, 2009, с. 32].

Об их особом отношении к погибшим гражданам в поединках с врагами на большом расстоянии от города свидетельствует и первая по времени стихотворная эпитафия Леокса, сына Мольпагора, на двуфигурной мраморной стеле начала V в. до н. э. Хотя от нее сохранился только фрагмент, она вызвала большой интерес у многих ученых, которые предложили различные варианты ее восстановления, назначения памятника и идентификации рельефных изображений фигур [Фармаковский, 1915; IOSPE. I², 470; Крюгер, 1921; 1924; подробнее с литературой см.: Русяева, 1987, с. 137-138; 1987а, с. 158-159; Виноградов, 1989, с. 87-89; Vinogradov, 1991, S. 499-510; 1997, S. 230-249; Dubois, 1996, p. 86-88; Андреева, 2002, с. 30-32; Русяева, Супруненко, 2003, с. 40-50]. Последняя расширенная реконструкция метрической эпитафии на основании нескольких надписей из других античных городов принадлежит Ю.Г. Виноградову в соавторстве с Н.В. Шебалиным: «Памятник доблести, я говорю, что вдали за отечество / Отдав жизнь, лежит сын Мольпагора Леокс» [Виноградов, 1989, с. 89; Vinogradov, 1997, S. 238]. Однако и она, как и все предыдущие, не нашла полного признания эпиграфистов [Андреева, 2002, с. 31]. Тем не менее, несмотря на все дискуссионные восстановления текста надписи разных авторов, важно то, что сейчас большинство исследователей признает его метрической эпитафией, а не посвящением богине Афине Лейодоте, как уверенно считали первоиздатели В.В. Латышев и Б.В. Фармаковский [IOSPE. I², 470; Фармаковский, 1915]. Только из сравнительно хорошо сохранившегося отрывка на одном торце стелы можно полагать, что памятник действительно принадлежит Леоксу, сыну Мольпагора, скорее всего, погибшему вдали от Ольвии.

В аспекте нашей темы, независимо от того, в каком бою это произошло, - со скифами или другими варварами, с персами при обороне Милета или при выполнении посольской миссии, - следует все же отметить, что ольвиополиты по какой-то причине, вероятно, не смогли привезти его в город для традиционного погребения, что, однако, не препятствовало им организовать символические похороны. Вместе с тем понятно, что еще в ранний период истории своего полиса они продемонстрировали огромное уважение к своему гражданину, установив, как предполагает ряд авторов, над его кенотафом на ольвийском некрополе на то время достаточно дорогую мраморную стелу с уникальными рельефными изображениями фигур воина-эллина с копьем на одной стороне и варвара с горитом и стрелой - на другой²⁰. Разумеется, у нас нет достоверных сведений о том,

²⁰ Относительно идентификации фигуры с горитом в научной литературе также до сих пор не существует единого мнения: дискутируется чаще всего ее принадлежность к амазонке или воину-слуге варварского, в частности, скифского происхождения, который сопровождал Леокса и вместе с ним погиб. Не обошлось и без курьезов: немецкий ученый Ф. Альтхайм в монографии об истории Азии опубликовал фотографию ольвийской стелы с лучником как изображение сакского лучника из Персеполя, которая хранится в Берлинском государственном музее [Altheim, 1947, Abb. 23].

как в данном случае проходил похоронный ритуал. Но не исключено, что его оплакивали не только родители, но и граждане, которые в скорбной процессии шли к месту установки стелы, где была произнесена надгробная речь. Если же на самом деле Леокс героически погиб, защищая соотечественников, то такую речь, по аналогии с Афинами, произносил обычно авторитетный гражданин или должностное лицо²¹. Можно также предполагать, что, как и в иных регионах античной ойкумены, возле памятника исполнялись сакрализованные (малоизвестные по своей сути) акты с призывом души героя в его кенотаф [Зелинский, 2003, с. 257], что согласовывалось с верой эллинов в то, что и после своей смерти он способен защищать свой город и приносить ему пользу, если его памятник находится поблизости от его границ или крепостных стен.

В Ольвии найдена еще одна (более поздняя и значительно более скромная) метрическая эпитафия воина, которая, в отличие от Леоксовой, сохранилась полностью и была высечена в стиле курсивного письма на небольшой мраморной плитке, обычно вставлявшейся в надгробие. Существует две различные версии ее перевода. Первая принадлежит В.В. Латышеву: «Здесь земля накрывает почтенную голову. Афинокл, сын Афинокла, пехотинец из отряда щитников, что под начальством Флианна, прощай» [IOSPE. I², 687]. Согласно второй версии значительно уточняется перевод имени командира, каким якобы был римский император Траян, к войскам которого принадлежал отряд щитоносцев, где и служил ольвиополит Афинокл [Виноградов, 1990, с. 30; Vinogradov, 1997, S. 341-345]. Выражение «земля накрывает почтенную голову» свидетельствует, - если это не просто поэтическая метафора, - что Афинокл, будучи в почтенном возрасте, погиб на поле боя²².

Следует также отметить важные наблюдения над этим кратким стихотворением С.Э. Андреевой. Вслед за В.В. Латышевым, она относит его к гекзаме-

²¹ В Афинах вообще ежегодно с начала VI в. до н. э. устраивались своего рода символические похороны погибших граждан, на которых один из государственных деятелей выступал с так называемой надгробной речью. Лучшей из них считается «Надгробная речь» знаменитого афинского демократа и стратега Перикла на похоронах афинских воинов, павших в первый год Пелопоннесской войны, в которой он утверждал, что Афины – «школа всей Эллады», и каждый афинянин «сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях» [Phuc. II, 37-41]. Не исключено, что такой обычай издавна существовал и в Ольвии, учитывая то, что Афины были ее праметрополией; именно с ними после гибели Милета в 494 г. ольвиополиты поддерживали теснейшие политические, экономические, культурные связи и какое-то время входили в Афинскую архэ; более того, по мнению многих современных ученых, в 433 г. здесь побывал со своей понтийской эскадрой сам Перикл. Подтверждением провозглашения надгробных речей на похоронах ольвийских деятелей и эвергетов могут служить и многие посмертные декреты в их честь, которые затем вырезались на каменных плитах.

²² Кстати, он так же, как и Никерат, носил теофорное имя, но уже прямо связанное с именем Афины, а не ее символом победы – Нике, и в соответствии с давно принятым в русском языке произношением одноименного с богиней города переводится как Афинокл, а не Атенокл или Афенокл.

трической строке и резонно, - на отдельных примерах, - полагает, что в ней содержится гомеровская формула [Андреева, 2002, с. 35]. Исходя из этого, краткая эпитафия Афинокла, в определенной степени совпадающая по времени с датой визита в Ольвию известного ритора Диона Хрисостома, подтверждает вышеотмеченные сведения об ольвийских поэтах, которые почитали Гомера, знали наизусть «Илиаду», читали его стихи гражданам перед боем с варварами [Dio Chrys. Or. XXXVI, 9-10] и традиционно заимствовали не только метрику, но и отдельные выражения и слова.

Значительно лучше сохранились три разновременные метрические эпитафии, которые дают представление о том, как относились ольвиополиты к своим малолетним детям и родителям пожилого возраста. Четырехстрочная надпись первой половины IV в. до н. э. («О, Эпикрат, Исократ дитя! Над могилою стела - / Памятник это, хотя рано в могилу тебе») вырезана на небольшой мраморной плитке-вставке в надгробную стелу, которая, вероятно, тоже была мраморной [Козуб, Белецкий, 1977, с. 173]. Как и большинство такого типа древнегреческих эпитафий, она создана в размере элегического дистиха. В ней ярко выражена тоскливая жалоба о рано умершем сыне. Впрочем, перевод этой эпитафии А.А. Белецким не остался без внимания других исследователей [SEG 27, 444; Hansen, 1989, 734; Dubois, 1996, 45; Андреева, 2002, с. 32]. Если первоиздатель пытался передать приближенный к стихотворному перевод метрической эпитафии, то Л. Дюбуа, а вслед за ним и С.Э. Андреева уточнили его: («О, Эпикрат! Ты, сын Исократ, безвременно ушедший, имеешь памятник: земляную насыпь, стелу и могилу» [ср. Dubois, 1996, p. 89; Андреева, 2002, с. 32]. Действительно, несмотря на сравнительно очень короткий стих, в нем сразу представлено четыре слова - синонимы (μνήμεῖον, τύμβος, στήλη, μνήμα), в общем имеющие почти одинаковое значение: «надгробный памятник». По мнению С.Э. Андреевой, «поэт придумал своеобразный способ передачи эмоций – не используя прилагательных вообще, обратиться к синонимам» [2002, с. 32]. Для нас же важно то, что впервые в ольвийских надписях зафиксировано, что даже над могилой ребенка в первой половине IV в. до н. э. насыпали хотя бы невысокий земляной холмик, где ставили стелу с эпитафией.

Более многословной и сложной для понимания является эпитафия IV в. до н.э. о смерти совсем юной девочки. Она была размещена на мраморной стеле под почти полностью сбитым рельефным изображением, которое, конечно, могло бы в значительной мере дополнить содержание надписи. Опубликованы различные версии ее перевода. Согласно первоиздателю в ней ярче звучит слезная печаль: «Возвещай же, стела, о моей смерти. Отца Аристарха оставила в полном одиночестве Партенида, едва соприкоснувшись с возрастом доблести (благостью юности). В возрасте семи лет я умерла» [Денисова, 1988, с. 251-256; SEG XXXVIII 754]. Интерпретация В.И. Денисовой отдельных выражений и слов в тексте эпитафии, имевших разные значения, вызвала дискуссию,

где каждый из эпиграфистов предлагал собственное их толкование. Больше всего это касалось имени Παρθενίς и многозначного ἀρετή. Следует согласиться с теми исследователями, которые переводят это слово как «добродетель», а в сочетании со всем выражением его можно понимать как «достичь границы того времени, когда люди начинают осуществлять добродетельные поступки» [Vinogradov, 1994, p. 65-66; ср. Dubois, 1996, p. 89-92; Макаров, 2001, с. 176; Андреева, 2002, 33]. Почти все эпиграфисты, за исключением И.А. Макарова, считают Партенис именем девочки. Последнее итоговое и несколько усложненное чтение этой эпитафии представлено С.Э. Андреевой: «Памятник, расскажи и о моей смерти, ибо меня уже нет. Парфенида (я) сделала одинокой жизнь (своего) отца Аристарха, и не достигнув возраста добродетели, я обрела семилетнюю меру жизни» [Андреева 2002, 32-33].

Следовательно, и эта эпитафия однозначно указывает на значение памятника над могилой даже совсем еще маленькой девочки, которая, судя по надписи, имела только отца, безусловно, любившего свою дочь. В ней звучит традиционное обращение к прохожим, которые могут остановиться и прочесть, кто именно похоронен в могиле. Из ее текста ясно, что семилетняя девочка еще не достигла того возраста, когда человек способен делать добродетельные поступки, и тем не менее заслужила достойный памятник. В эпитафии также заимствованы присущие эллинской лирике позднеклассического времени выражения. Вместе с тем отмечены доризмы, что очень редко встречаются в ольвийской эпиграфике. Возможно, они не столько результат литературного заимствования [Денисова, 1988], сколько определяют этническое происхождение как отца, так и автора эпитафии [Dubois, 1996, p. 91].

Наряду с дорийским диалектом обращает внимание имя умершей девочки - Партенида, производное и несколько видоизмененное, скорее всего, от культового имени Артемиды Партенос - верховной богини Херсонеса Таврического, откуда, по всей вероятности, прибыл в Ольвию ее отец Аристарх. В V-II вв. до н.э., как хорошо известно, Ольвия имела обоюдные политические, культурные и, в особенности, торговые связи с этим единственным в Северном Причерноморье дорийским полисом [Русяева, 1983; Щеглов 1985; Золотарев, 1986]. Вполне вероятно, что Партенида была дочерью богатого проксена, которому за его заслуги ольвиополиты предоставили почетное гражданство и другие привилегии. В таком случае автором эпитафии Партениды мог быть и херсонесский стихотворец, если не сам Аристарх. Важнейшее ее значение состоит в том, что отец тосковал по своей дочери и, невзирая на ее детский возраст, установил мраморную рельефную стелу с надписью, вопреки взглядам тех ученых, которые считают, что издавна детьми женского пола греческие мужчины в семьях пренебрегали, предпочитая сыновьям. Во всяком случае рассмотренные памятники достоверно указывают на одинаковое отношение к рано умершим детям обоюбого пола в семьях зажиточных ольвиополитов. Хотя последняя из этих

эпитафий не дает конкретного представления ни об отце, ни о его дочери, за исключением общепринятых (реальные имена, возраст умершей, а все последние слова подчинены функциональному назначению памятника, призваны путем словесного искусства вызвать глубокую скорбь, что уже приближает ее к поэзии значительно больше, чем другие ольвийские эпитафии), тем не менее ее наличие может свидетельствовать о том, что маленькую Партениду достойно похоронили с выполнением всех главных фаз похоронного ритуала.

Несколько больше информации об умершем содержится в частично сбитой, давно найденной на ольвийском некрополе и последней по хронологии (конец II в. н. э.) метрической эпитафии. Она составлена из четырех элегических дистихов, впервые восстановленных и опубликованных В.В. Латышевым: «Эта могила, о странник, включает в себе покойника, дошедшего до обычного всем края жизни. Его родиной был город Ольвия в Скифии, а имя у смертных состоит из слов судьба и дар. Это был уважаемый старик, который, уходя в назначенный роком дом Аида, оставил в живых двоих детей. Его, одинаково желанного и людям, и бессмертным, о божество, пошли в жилище благочестивых» [IOSPE. I², 226]²³. Из этого текста, ясно, что старик носил оригинальное в ольвийской антропимии имя Мойродор, как вне всяких сомнений называл его В.В. Латышев²⁴. Очевидно, что именно родные дети организовали его похороны со всеми общепринятыми в полисе ритуалами и после погребения увековечили память о нем каменным надгробием с эпитафией, характерной во многом для такого типа метрических надписей, посвященных уважаемым и счастливо прожившим долгую жизнь гражданам, которые, по представлениям эллинов, заслуживали посмертного пребывания не в доме Аида, а среди благочестивых.

Диалогическая форма способствовала живости и выразительности стиха, создавала чувство непосредственного общения с умершим, которое также отвечало религиозным верованиям ольвиополитов, их мировоззрению о загробной жизни. Если человек прожил ее достойно, то божество отправляло его к таким же умершим. Подобного типа эпитафии, в которых отмечались обращение к прохожим, старость умершего, название родины, обиталище благочестивых и то, что он был желанным людям и богам, в первые века нашей эры были известны во многих античных городах (ср. Доватур, 1992, с. 207-218).

²³ Перевод этой эпитафии также несколько уточнен С.Э. Андреевой: «Этот курган, о странник, скрывает умершего, дошедшего до обычного для всех предела жизни; отечество ему - город Скифии Ольвия, имя среди смертных - сложенное из слов ΜΟΙΡΑ и ΔΩΡΑ. Старик, наслаждавшийся счастливой старостью, который, идя в (сырую) землю, оставил двух живущих детей. Желанного как людям, так и бессмертным, пусть ты пошлешь, о божество, в дом блаженных» [Андреева, 2002, с. 34].

²⁴ В общем соглашаясь с этим, С.Э. Андреева, тем не менее, замечает: «однако смущает то, что это имя в греческой эпиграфике встречается лишь однажды, в нашей надписи» (2002, с. 34, прим. 9). Но ведь, например, точно такое же имя зафиксировано многими боспорскими эпиграфическими источниками (КБН, указатель собственных имен - с. 885).

В небольшом стихотворении ольвийский автор, следуя традиции, раскрыл возраст и семейное положение умершего ольвиополита, отношение к нему сограждан, выразил собственное настроение и веру в то, что проживший жизнь достойно должен получить иную жизнь среди благочестивых. Внутренние качества человека определяют не только его судьбу, но способствуют порядку и гармонии в обществе. Собственно маленький эпизод о смерти простого человека, хотя и с редчайшим для Ольвии именем Мойродор²⁵, автор таким образом подвел к мысли о неизбежности смерти, которую следует воспринимать спокойно, если она пришла в старости. Видимо, поэтому в ней отсутствуют упоминания о скорби, печали или слезах, а только констатируется наличие двух еще живущих детей, что, как правило, следует понимать, что Мойродор, оставив наследников, прожил свою жизнь не напрасно. В определенной степени такое представление перекликается, с одной стороны, с образом Солоновского Телла, счастье которого заключалось также и в том, что у него были прекрасные и благородные дети [Herod. I, 30], а с другой, с вышеприведенным определением Софокла о счастливом человеке, достигшем предела жизни [Soph. O. R. 1488-1490].

Кроме того, ольвийская эпитафия - единственный эпиграфический документ, который является свидетельством того, что и в самое позднее время своей истории ольвиополиты, невзирая на обитание сарматов не только по соседству в степях, но и в самом городе, считали, что их полис находится на территории Скифии. Такое понимание географического расположения античных полисов началось со времен Алкея, Гекатея Милетского и Геродота. Присуще оно и для одной из печальных эпитафий, но более раннего времени (III в. до н. э.) из Пантикапея: «Скифская земля, окружив, укрыла Гекатея... вдали от милой родины» (КБН, 117). Географическое уточнение его могилы удостоверяет, что умерший не был уроженцем Пантикапея. Относительно же Мойродора без объяснений особо подчеркнуто, что его родина – город Ольвия в Скифии, что обычно не указывалось в эпитафиях, поскольку всем гражданам и так было ясно, кто он и откуда. Удивляет и отсутствие в эпитафии конкретного имени старика и его патронимика. Поэтому не исключено, учитывая к тому же уникальность для ольвийской антропонимии такого имени и его распространение на Боспоре, что отец и он сам в детском возрасте могли поселиться в Ольвии, как и другие

²⁵ В буквальном смысле в данной эпитафии такое имя следует понимать, скорее всего, как «дар судьбы», а не «дар смерти», исходя из того, что в отдельных эпитафиях Мойра либо Мойры представлялись похитительницами жизни, например: «твою мощь внезапно угасила Мойра»; «похитила из жизни смертоносная Мойра»; «нечестивая похоронила Мойра» (КБН, 123, 128, 130); «но если веретено Мойр и завертело тебя, наткнувшегося на страшное варварское копьё, то ныне тебя примет не мрачный дом, а обители героев» или «скончавшихся от убивающей всех по воле Мойр старости» (КБН, 119, 132), однако есть и в двойственном значении: «несчастная Мойра оторвала меня от всего и увела во мрак от любимой жизни» (КБН, 139), несмотря на то, что на Боспоре было хорошо известно личное имя Мойродор.

боспорцы, чьи надгробия *μνήμης χάριν* («памяти ради») здесь найдены [IOSPE. I², 202-205, 229; с литературой см. Зубарь, 1998, с. 70-75].

Разумеется, выше рассмотренные эпиграфические источники так же, как и вообще все типы захоронений с инвентарем, не позволяют раскрыть полностью смысл, суть и разнообразие похоронного ритуала всех слоев населения Ольвии. Тем более, что большинство из них представлено метрическими эпитафиями, основная цель которых заключалась в краткой характеристике умершего для соответствующего ему памятника, который устанавливался над могилой, и из их содержания можно почерпнуть крайне скудные данные собственно о похоронном ритуале. Однако, вряд ли можно сомневаться, что он постоянно играл значительную роль в жизни ольвиополитов на протяжении всего периода существования города. В общем контексте с характерными для эллинов сходными обычаями и традициями эпиграфические памятники все-таки дают представление об основных его фазах, особом возвеличивании погибших за отчизну, гуманном отношении к умершим разного возраста и пола детей, увековечивании памяти каждого из них. Как видно, даже немногие из них позволяют раскрыть и дополнить прежде всего конкретные действия и поведение граждан от начала смерти до времени погребения покойника, не нашедших отражения в сопровождающих его вещах в могиле, отношение к умершим сограждан и участие гражданской общины или только семьи в их захоронениях, сохранить посмертную память благодаря установке памятника и сакральной героизации выдающихся людей, в особенности же погибших вдали от города воинов-защитников. Похоронный ритуал эллинов, как уже отмечалось, был создан именно в процессе развития чрезвычайно обостренного чувства долга по отношению к погибшим на поле боя и защищавших своих соотечественников, их посмертной героизации, что достоверно зафиксировано в Ольвии декретом Никерата и эпитафией Леокса. Вместе с этим следует сказать, что вышеприведенные наблюдения и размышления на основе письменных источников можно было бы расширить и дополнить соответствующими археологическими материалами из погребальных комплексов, что, естественно, уже относится к работе исследователей ольвийского некрополя античной эпохи. Как бы то ни было, но в своей совокупности все материалы требуют нового обобщающего исследования на современном уровне наших знаний не только с уточнением хронологии многих погребений и инвентаря, но и критического подхода к выяснению социально-этнических изменений в Ольвии, а также более подробного рассмотрения похоронного, погребального и поминального ритуалов, что в общем представляли собой одну из важных сторон культурной жизни ольвиополитов на протяжении многих веков.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимов Л.И. Искусство Древней Греции: геометрика, архаика. – М., 2007.
- Алкей и Сафо. Песни и лирические отрывки / Пер. В.Иванова. – М., 1914.
- Алпатов М. Художественные проблемы искусства Древней Греции. – М., 1987.
- Андреева С.Э. Ольвийские стихотворные эпитафии // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Матер. межд. науч. конф. – СПб., 2002. – Часть 2. – С. 30-36.
- Буркерт В. Номо Несанс: Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и мифе. – М., 2000.
- Виноградов Ю.Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. – 1969. - №3. – С. 142-150.
- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. – М., 1989.
- Виноградов Ю.Г. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти В.Т.Пашуто. Тез. докл. – М., 1990. – С. 27-32.
- Гаспаров М.Л. Древнегреческая хоровая лирика // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. – М., 1980. – С. 331-383.
- Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. – М., 1960.
- Гомер. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. – М.-Л., 1935.
- Греческая эпиграмма / Пер. Л.Блуменау. – М., 1960.
- Денисова В.И. Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. – 1988. - № 1. – С. 251-256.
- Доватур А.И. Феогнид и его время. – Ленинград, 1989.
- Доватур А.И. Индекс к GVI // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. – М., 1992. – С. 207-218.
- Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. – Минск, 2003.
- Золотарев М.И. Херсонес и Ольвия в конце VI – II вв. до н. э. (проблемы взаимоотношений) / Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ленинград, 1986.
- Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. – К., 1998.
- Книпович Т.Н. Население Ольвии в VI – I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // МИА. – М.-Л., 1956. – 50. – С. 119 – 153.
- Козуб Ю.И. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н. э. – К., 1974.
- Козуб Ю.И., Белецкий А.А. Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии // ВДИ. – 1977. - № 1. – С. 172-175.
- Коллинский Ю.Д. Искусство эгейского мира и Древней Греции. – М., 1970.
- Коллинский Ю.Д. Великое наследие античной Эллады. – М., 1977.
- Крюгер О.О. Надгробие Леокса, сына Молпагора // ИРАИМК. – 1921. - № 1. – С. 41-50.
- Крюгер О.О. Эпиграфические мелочи // ИРАИМК. – 1924. – № 4. – С. 91-93.
- Крыжичский С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейтунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – К., 1999.
- Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. – СПб., 1887.
- Латышев В.В. Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. – 1922. - № 2. – С. 65-70.
- Лиссараг Ф. Ритуалы // История женщин на Западе: От древних богинь до христианских святых. – СПб., 2005. – Т. 1. – С. 188-216.
- Лосев А.Ф. Гомер. – М., 1960.
- Макаров И.А. Из эпиграфики Северного Причерноморья // ВДИ. – 2001. - № 1. – 172-179.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левка (Змеинном). – К., 1993.
- Панайотова К. Поминовения усопших в некрополе Аполлонии Понтийской в м. Калфата // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2002. – Часть 2. – С. 3-8.
- Папанова В.А. Поминальный обряд ольвиополитов // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997. – С. 156-161.
- Папанова В.А. Урочище Сто могил (некрополь Ольвии Понтийской). – К., 2006.

- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974.
- Платон. Собрание сочинений в четырех томах. – М., 1993. – Т. 2.
- Русяева А.С. Економічні та культурно-політичні відносини Ольвії з Херсонесом Таврійським // Археологія. – 1983. – Вип. 44. – С. 7 – 14.
- Русяева А.С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – К., 1987. – С. 134-154.
- Русяева А.С. Скulptура // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – К., 1987а. – С. 154-160.
- Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – К., 1992.
- Русяева А.С. Население // Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – К., 1999. – С. 391-471.
- Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – К., 2005.
- Русяева А.С. Святилище Ахилла на Тендре в контексте истории и религии Ольвии Понтийской // ВДИ. – 2006. - №4. – С. 98-123.
- Русяева А.С., Супруненко А.Б. Исторические личности эллино-скифской эпохи (культурно-политические контакты и взаимовлияния). – Киев-Комсомольск, 2003.
- Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. – Ленинград, 1988.
- Софокл. Антигона /Пер. Д.С. Мережковского // Греческая трагедия. – М., 1956. – С. 113-174.
- Софокл. Антигона /Пер. С.В. Шервинского и Н.С. Познякова // Трагедии. – М., 1958. – С. 145-196.
- Софокл. Эдип-царь /Пер. С.В. Шервинского // Трагедии. – М., 1958. – С. 3-64.
- Суриков И.Е. Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности // Древнее право. 2002. 1 (9). – С. 8-21.
- Суриков И.Е. Афинская аристократия и Олимпийские игры (просопографический этюд) // Nortia – VI. – Воронеж, 2009. – С. 21-38.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
- Толстой И.И. Остров Белый и Таврика в Понте Евксинском. – Пг., 1918.
- Фармаковский Б.В. Памятники античной культуры, найденные в России // ИАК. – 1915. – Вып. 58. – С. 82-133.
- Шталь И.В. Художественный мир гомеровского эпоса. – М., 1983.
- Щеглов А.Н. Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. семинара. – Парутино, 1985. – С. 84-86.
- Эллинские поэты / Пер. В.В. Вересаева. – М., 1963.
- Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. – 1980. - № 3. – С. 75-116.
- Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. – М., 1990. – С. 249 – 309.
- Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit /S.B. Bujskich, Jo. Hupe, S.B. Ochotnikov, A.S. Rusjaeva, I.V. Tunkina. - IA. 94. – Rahden/Westf., 2006.
- Ahlberg G. Prothesis and Ekphora in Greek Geometric Art. – Göteborg, 1971.
- Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. – Halle-Saale, 1947. - Bd. 1.
- Boardman J. Painted Funerary Plaques and Some Remarks on Prothesis // BSA. – 1955. – 50. – P. 51-60.
- Burkert W. Greek Religion: Archaic a. classical. – Oxford, 1985.
- Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. – Genève, 1996.
- Franyo Z. Frühgriechische Lyriken. – Berlin, 1971.
- The Epigraphy of Death. Studies in the History and Society of Greece and Rome. – Liverpool, 2000.
- Garlan R. The Greek way of Death. – Ney York, 1985.
- Hansen P.A. Carmina Epigraphica Graeca. II. – Berlin – New York, 1989.
- Humphreys S. Family, Women and Death: Comparative Studies. – London, 1983.
- Kurtz D., Boardman J. Greek Burial Customs. – London, 1976.

- Merthen C.* Beobachtungen zur Ikonographie von Klage und Trauer. Griechische Sepulkralkeramik vom 8. bis 5. Jh. v. Chr. – Würzburg, 2005.
- Mommsen H.* Der Grabpinax des Exekias // *Ancient Greek and Related Pottery*. – Amsterdam, 1984. – S. 329-333.
- Morris I.* Burial and Ancient Society. – Cambridge, 1987.
- Peek W.* Griechische Vers-Inschriften. – Berlin, 1955. – Bd. I.
- Peek W.* Griechische Grabgedichte. – Berlin, 1960. Bd. II.
- Vernant J.-P.* Feminine Figures of Death in Greece // *Diacritics*. – Ithaka, 1986. – Vol. 16. - №2. – P. 54-64.
- Vinogradov Ju.G.* Die Stele des Leoxos, Molpagores' Sohn // *Archaeologischer Anzeiger*. - 1991. - S. 499-510.
- Vinogradov Ju.G.* Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1993. №3.
- Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. – Mainz, 1997.

А.С. Русяева

ПРО ПОХОРОННИЙ РИТУАЛ В ОЛЬВІЇ ПОНТІЙСЬКИЙ У КОНТЕКСТІ ЕЛЛІНСЬКОЇ ТРАДИЦІЇ

Резюме

У статті стисло розглянуто різночасові епіграфічні пам'ятки з Ольвії (посмертний декрет на пошану Нікерата, віршовані епітафії воїнів Леокса та Афінокла, старого громадянина Мойродора, малолітніх дітей Епікрата і Партеніди), а також окремі свідчення з епосів Гомера, творів інших давньогрецьких поетів і митців, боспорських метричних епітафій з метою виявлення основних фаз похоронного ритуалу ольвіополітів. При цьому розрізняються дефініції «похорон», «поховання», «поминання» і відповідно похоронний, поховальний і поминальний ритуали. Загальновідомо, що головне місце у визначенні окремих елементів поховального та поминального обрядів належить найінформативнішим матеріалам, які знаходились безпосередньо у розкопаних могилах та поблизу від них. Давньоеллінський похоронний ритуал у всіх його різновидах, згідно з літературними, зображальними та епіграфічними джерелами, являв собою вироблену протягом століть послідовність основних дій, які виконувались найближчими родичами та іншими учасниками перед кінцевим похованням померлого, що стало панеллінською традицією: виставлення його на спеціальному ложі (одрі) для прощання (протесіс), похоронна пісня-плач (трен), винесення і супровід до могили чи місця кремації (екфора). Розглянуті в такому аспекті написи доповнюють окремі фази похоронного ритуалу ольвіополітів, їх гуманне відношення до померлих різного віку і статі, уславлення загиблих у боях за вітчизну і їх посмертну пам'ять, участь сім'ї і членів громадянської общини в похороні.

А. С. Русяева

О ПОХОРОННОМ РИТУАЛЕ В ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ В КОНТЕКСТЕ ЭЛЛИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Резюме

В статье кратко рассмотрены разновременные эпиграфические памятники из Ольвии (посмертный декрет в честь Никерата, стихотворные эпитафии воинов Леокса и Афинокла, старого гражданина Мойродора, малолетних детей Эпикрата и Партениды), а также отдельные сведения из эпосов Гомера, произведений других древнегреческих поэтов и художников, боспорских метрических эпитахий с целью выяснения основных фаз похоронного ритуала ольвиополитов. При этом различаются дефиниции «похороны», «погребение», «поминовение» и соответственно похоронный, погребальный и поминальный ритуалы. Общеизвестно, что основное место в определении отдельных элементов погребального и поминального обрядов принадлежит наиболее информативным материалам, которые находились непосредственно в раскопанных могилах и поблизости от них. Древнеэллинский похоронный ритуал во всех его разновидностях, согласно с литературными, изобразительными и эпиграфическими источниками, представлял собой выработанную на протяжении веков последовательность основных действий, исполнявшихся ближайшими родственниками и другими участниками перед окончательным погребением умершего и ставшую панэллинской традицией: выставление его на специальном ложе (одре) для прощания (протесис), похоронная песня-плач (трен), вынос и сопровождение к могиле или к месту кремации (экфора). Рассмотренные в таком аспекте надписи дополняют отдельные фазы похоронного ритуала ольвиополитов, их гуманное отношение к умершим разного возраста и пола, восхваление погибших у боях за отчизну и их посмертную память, участие семьи и членов гражданской общины в похоронах.

A.S.Rusjaeva

THE FUNERAL RITUAL IN OLBIA PONTIKA, IN THE CONTEXT OF THE HELLENIC TRADITION

Summary

Epigraphic monuments of different times from Olbia (a posthumous decree in honor of Nikeratos, poetic epitaphs of warriors Leoxos and Athenokles, an old citizen Moirodoros, young children of Epikrates and Parthenis), as well as some information from the epics of Homeros and other ancient Greek works of poets and artists, the Bosporus metric epitaphs are briefly analyzed in the article to identify the main phases of funeral ritual of olbiopolitai. Definitions a “funeral”, a “burial”, and a “funeral remembrance” differ, and therefore, funeral rites, burial rites and remembrance differ. It is well known that the main place in the definition

of individual elements of the funeral and memorial ceremonies belongs to the most informative content, that is directly in the excavated tombs and in their vicinity. Ancient Hellenic funeral rite in all its forms, according to the literary, visual and epigraphic sources, is a sequence of basic actions as developed over the centuries and performed by the family and others before the final burial of the dead: setting of the deceased on a special bed (a death-bed) for farewell (prothesis), lamentation (trenos), removal and maintenance of the body to the grave or to the cremation ground (ekphora). Inscriptions considered in this context, complete separate phases of the funeral ritual of obliopolittoi, their humane treatment of the dead of all ages and genders, praising the dead in battle for their homeland and the posthumous memory, participation of the family and member of the civil community in the funeral.

М.В. СКРЖИНСКАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Эллинами чаще называют получивших одинаковое образование с нами, чем людей одной с нами крови. Исократ. Панегирик, гл. 49.

Древние греки впервые в мировой истории организовали всеобщее школьное обучение для детей из семей свободного населения. Древнейшие школы на территории Украины и России появились в греческих колониях, располагавшихся на северных берегах Черного моря. Начиная с V-IV вв. до н. э., в каждом эллинском государстве мальчиков в семь лет отправляли в школу, а в эллинистический период в некоторых греческих городах, например, на острове Теосе, девочки также ходили в школу (SIG. 578). При раскопках античных городищ находят множество граффити V-III вв. до н. э. Большая часть этих надписей прочерчена на сосудах и обломках керамики, реже они сохраняются на фрагментах древней штукатурки. Среди граффити встречаются письма, школьные упражнения, посвящения божествам, заметки о ценах, мерах, весах, имена владельцев и дарителей сосудов и др. Это самое яркое свидетельство о широком распространении грамотности в Элладе и ее колониях. Позже, когда папирус стал общедоступным материалом для письма, граффити на керамике почти исчезают, и мы лишаемся этого ценного источника о повседневной жизни в древности. Только в песках Египта папирус может сохраниться до наших дней, и потому нам известны некоторые упражнения, исполнявшиеся местными греческими школьниками, главным образом в первые века нашей эры.

Сочинения древних авторов и множество разнообразных надписей дают возможность узнать о роли образования в Элладе и ее колониях (Марру, 1998; Йегер, 1997). Возникновение письменности в Греции датируется VIII в. до н. э. В архаический период грамотой владели преимущественно члены аристократических семей. Они учились дома, гордились своим превосходством перед остальными гражданами и с презрением относились к простолюдинам, сумевшим приобщиться к образованию (Pind. Nem. III, 42). Выходцы из аристократических родов возглавляли вывод многих милетских колоний; часть которых располагалась на северных берегах Черного моря. Здесь, согласно «Хронике» Евсевия, древнейшее греческое поселение появилось в 647 г. до н. э. на полуострове, который теперь превратился в остров Березань, лежащий близ устья Днепра. По древнему названию реки поселение получило свое наименование Борисфен. Через несколько десятилетий милетяне основали на северных берегах Понта

Тиру, Ольвию, Пантикапей и некоторые другие колонии. Первоначально в них ведущую роль играли лидеры из среды образованных аристократов.

Граффити второй половины VII- VI вв. до н. э. свидетельствуют о том, что в числе первых поселенцев здесь были грамотные люди (Яйленко, 1982, с. 148). Им принадлежат древнейшие в Северном Причерноморье надписи, нанесенные острым предметом на керамические сосуды. Особую ценность представляет найденный на Березани фрагмент ионийской ойнохои с уникальной надписью, от которой осталось начало имени (ΛΕΟ), написанное справа налево. Судя по шрифту, это древнейшее из известных к настоящему времени граффити не только в колониях Северного Причерноморья, но и в их метрополии Милете (Тохтасьев, 2005, с. 136, № 256). Исходя из характера начертания букв, можно предположить, что надпись на сосуде была сделана еще в Милете, и ойнохоа входила в состав имущества одного из первых образованных колонистов. О наличии грамотных людей среди колонистов, обосновавшихся в конце VII в. до н.э. на берегу Азовского моря, свидетельствует граффито на амфоре, найденной на Таганрогском поселении (Виноградов, 1991, с. 176- 179).

Начальное образование

В V- IV вв. до н. э. в Элладе и ее колониях школьное образование стало общедоступным. Его получали практически все мальчики с семи до одиннадцати лет из семей граждан и неполноправного свободного городского населения античных государств. Ведь умение читать, писать и считать оказалось необходимым для множества деловых занятий горожан. Аристотель в «Политике» (VIII, 1338 а, 15) подчеркнул утилитарную пользу грамотности, которая нужна «для ведения денежных дел и домашнего хозяйства, для научных занятий и многих отраслей государственной деятельности». Поэтому, заботясь о будущем сыновей, родители отдавали их в школу.

Начиная с V в до н. э., в обязанности отца или опекуна входила забота об обучении мальчиков «музыке и гимнастике» (Plat. Crit. 12; Nom. VIII, 6; Isocr. VII, 45). В понятие музыки входили все отрасли знания, находившиеся под покровительством муз: чтение, письмо, арифметика и собственно музыка в нашем понимании. Последней приписывалось важное моральное воздействие на ребенка (Aristot. Pol. VIII, 2, 3). Считалось, что родители, не давшие мальчику достаточного образования и не обучившие его никакому полезному знанию или ремеслу, не могут жаловаться, если сын не станет содержать их в старости. Это можно иллюстрировать словами бедной женщины из драматической сценки «Учитель» (ст. 29- 30), написанной Геродом в III в. до н. э. Мать жалуется на нерадивого сына, за учение которого она с трудом вносит ежемесячную плату; она отдала его в школу, «чтобы на черный день иметь подспорье в сыне». Ведь грамота нужна для овладения многими специальностями, а мальчик пропускает занятия, и когда дед попробовал проверить знания внука, то убедился, что он читает плохо и с ошибками.

На образование детей семья выделяла в своем бюджете денежные средства, в которые входили оплата учителям, приобретение письменных принадлежностей, музыкальных инструментов и всего необходимого для гимнастических тренировок. Стоимость обучения в начальной школе, в которой обучали грамоте и счету, была невелика и доступна почти всем. Первоначально школы были только частными; социальное положение родителей не имело значения, поэтому там могли учиться дети не только граждан, но и всех свободных жителей города.

Начальная школа помещалась не в особом здании, а в комнате дома учителя или в нанятом помещении. В теплое время года учитель собирал детей в каком-нибудь удобном месте на открытом воздухе. В школе занимались одновременно дети разных возрастов; одни только начинали выводить первые буквы, а другие выполняли более сложные упражнения. Учитель сидел на высоком стуле, а дети на низких табуретках. Пока один отвечал урок, другие готовили каждый свое задание (Beck, 1975, p.14.). Обязанность учителя начальной школы ограничивалась чисто техническим обучением ребенка чтению, письму и счету; никакие воспитательные задачи перед ним не ставились. Для этого ремесла не считалась нужной какая-либо особая подготовка, просто грамотный человек вспоминал, как его самого учили в детстве.

Ученик имел письменные принадлежности двух видов, поскольку у греков и римлян существовало две разновидности письма: нанесение букв острием на воск, керамику, свинец, камень, дерево и написание их краской или чернилами. От первого способа сохранились граффити, вырезанные на керамике, штукатурке и на свинцовых пластинках. При втором способе использовались чернила и тростниковое перо для письма на папирусе или пергаменте. Иногда чернилами писали на деревянных табличках и стирали написанное мокрой губкой. К этой разновидности письма относятся также дипинти, надписи, выведенные кисточкой на керамике. Чаще всего это были цифровые и буквенные обозначения на амфорах; так отмечали объем сосуда, стоимость и наименование содержавшегося в нем вина или оливкового масла (Сапрыкин, Масленников, 2007). К дипинти можно отнести написанные красной и черной красками имена присяжных на черепках, уцелевших на руинах здания суда, находившегося на центральной площади Ольвии (Леви, 1985, с. 94). В этой технике исполнены жителями Херсонеса и Тиры надписи белой краской на глиняных кубках, римского времени; их использовали на религиозных церемониях в честь разных богов (Зубарь, 1994, с. 384- 386;).

Для обучения первому виду письма греки и римляне давали ребенку натертые воском таблички и деревянную, костяную или металлическую палочку, заостренную с одной стороны, чтобы чертить буквы, и утолщенную с другой, чтобы разравнивать воск и тем самым стирать то, что было написано ранее. Такая палочка называлась по-латыни стилем. Гораций (Sat. I, 10, 72) советовал чаще оборачивать свой стиль, то есть стирать и редактировать написанное.

Из античной практики использования этого орудия для письма происходит современное значение слова стиль.

Греческие мастера изготавливали многие письменные принадлежности (деревянные таблички, стили, воск, порошок для чернил; рис. 1). Папирус же в виде отдельных листов и свитков привозили из Египта. Сначала он был очень дорог, но с эллинистического периода стал доступен широким слоям населения. Ребенок из состоятельной семьи мог иметь стиль и таблички из дорогих заморских сортов дерева, бронзы или слоновой кости, но большинство таких школьных принадлежностей делали местные ремесленники из обычного дерева или кости.

Деревянные стили редко сохраняются в земле, а костяные и бронзовые археологи находят достаточно часто во всех частях античной ойкумены, в том числе и в Северном Причерноморье (Петерс, 1986, с. 60-61). Деревянные таблички по той же причине уцелели в единичных экземплярах, зато их изображения встречаются нередко на произведениях греческого и римского искусства. Такова, например, фреска из Помпей: художник нарисовал девушку, держащую в руках несколько связанных табличек и стиль, который она в задумчивости приложила к губам (рис. 2). На одной эллинистической ольвийской терракоте можно увидеть диптих (двойную табличку): развернув его на коленях, человек в плаще что-то пишет на нем (Худяк, 1940, с. 77). Эта терракота хорошо иллюстрирует манеру греков писать не на столе, как принято теперь, а положив таблички на колени. Таблички имели прямоугольную форму с приподнятыми краями, до уровня которых наливали расплавленный воск, а затем разглаживали его небольшим металлическим скребком трапециевидной или сердцевидной формы. Их изредка находят при раскопках в Северном Причерноморье (Кадеев, 1989, с. 56). Воск на табличках меняли, вероятно, каждый месяц; это делал раб-педагог, а в бедных семьях сами родители (Herod. Mim. III, 15).

В отверстия на краях табличек продевали шнуры или ремешки, которые соединяли несколько таких дощечек. Две связанные таблички назывались диптихом, три – триптихом, четыре и более – полиптихом. В библиотеке Лейдена хранится полиптих II- III вв. н. э. из семи буковых табличек почти квадратной формы. На первой табличке учитель округлыми ровными буквами написал стих из поэмы Гесиода «Труды и дни», а на остальных ученик с ошибками и пропусками записал басни Бабрия (Борухович, 1976, с. 25). Таблички с детства становились необходимой принадлежностью всякого грамотного человека. На них писали письма, делали заметки на память, ораторы и ученые писали на них черновики и редактировали свои произведения, и только после этого сочинение записывалось на листы папируса.

Книги в начальной и средней школе не составляли необходимой принадлежности учеников. Античная книга, представлявшая собой свиток из папируса, была хрупкой и не могла служить ежедневным учебным пособием. Ведь всем известно, как быстро в руках детей изнашиваются даже гораздо более прочные современ-

ные учебники. Кроме того, особенно в архаический и классический периоды, книги были слишком дороги для большинства учеников. Дети видели книги лишь в руках учителя. Он, как только ученики овладевали письмом, давал переписывать, а чаще диктовал нужные отрывки из тех или иных сочинений. Дети записывали их на свои восковые таблички, а начиная с эллинистического периода, многим стали доступны для этих целей и листы папируса дешевых сортов.

Овладение грамотой в античности требовало гораздо больше усилий и времени, чем сейчас. Сначала ученик заучивал наизусть в алфавитном порядке названия букв (альфа, бета, гамма и т.д.); это затрудняло дальнейшее обучение чтению и письму, так как ребенок запоминал не звуки, как это делают теперь. Зато такой метод помогал обучению счету, так как греки и римляне обозначали цифры буквами, поэтому ученик параллельно запоминал цифровое значение букв: 1 - альфа, 2 - бета, 3 - гамма и так далее. Процесс обучения письму можно проследить на многих граффити, найденных в Северном Причерноморье (Яйленко, 1988, с. 55-59). Древнейшие из них датируются архаическим временем, и некоторые написаны в старинной манере бустрофидон (Яйленко, 1988, с. 57), то есть в направлении, как пашет бык, прокладывая борозду сначала вперед, затем поворачивая назад; на таких надписях буквы в первой строке идут в одну сторону, а в следующей в другую и далее попеременно строки чередуются таким образом.

На обломках чернолаковых сосудов из Феодосии и на ручке амфоры из Тиры нанесены все или почти все буквы алфавита с некоторыми ошибками (рис. 3, № 1, 8, 9, 10). Сходные алфавитные упражнения найдены при раскопках жилых кварталов Ольвии (Русяева, 2010, с. 128-125, табл. 44, 5) и на усадьбе в ее ближайших окрестностях, но по большей части они пока не опубликованы. Чтобы научиться писать ровно, дети писали буквы по линейкам, разлинованным учителем на воощенных табличках (Plat. Prot. 326). На черепках ученики сами расчерчивали сетку для букв (рис. 3, № 3-7). На обломке черепицы V-IV вв. до н.э. из Тиры алфавит вписан в разлинованные ячейки (рис. 3, № 3). Учитель перечеркнул это упражнение, так как в нем было допущено несколько ошибок: ученик не дописал последнюю букву омегу, вместо дзеты второй раз поставил дельту и пропустил сигму.

Граффито IV-III вв. до н. э., обнаруженное в окрестностях Ольвии, представляет четыре строчки упражнения на написание букв Δ и Ε (рис. 3, № 18). В первой строчке наряду с буквой Ε прочерчено пять черточек, которые указывают, что ученик запоминал эпсилон как обозначение цифры 5. Для цифр употреблялись также буквы, уже не включавшиеся в алфавит классического и более позднего времени. Такова буква вау на граффити эллинистического времени из Тиры; она означала число 6, а также буква сампи (900) на граффито V-IV вв. до н. э. из Ольвии (Яйленко, 1988, с. 58-59).

В VII-V вв. до н. э. алфавиты в разных греческих городах имели свои особенности. Лишь в эллинистический период повсеместно утвердилась единая милетская алфавитная система. Изначально она была принята в милетских колониях

Тире, Ольвии и городах Боспора. В Херсонесе, дорийской колонии, найдены граффити, написанные мегарским алфавитом в первой половине V в. до н. э. Наряду с ними там обнаружены надписи, выполненные ионийским алфавитом (Виноградов, Золотарев, 1999, с.107- 111). Наверное, в это время в Херсонесе еще не было начальной школы, детей учили грамоте дома, и надписи отразили этническое происхождение их авторов.

Со времени возникновения в Элладе начальных школ на исходе периода архаики методы обучения грамоте и чтению мало менялись на протяжении всей античности. Поэтому сведения Дионисия Галикарнасского, жившего в I в. до н. э., вполне подходят для интерпретации ученических граффити из Северного Причерноморья классического и эллинистического времени. В сочинении «О Демосфене» (гл. 52) Дионисий писал: «Сначала мы заучиваем названия букв, затем их фигуру и значение, после чего слоги и их свойства, то есть их ударение и правильный выговор, их роды и склонения. Когда мы это выучим, то начинаем читать и писать слог за слогом и сначала медленно».

Целый школьный урок читается на горле амфоры III в. до н. э. (Яйленко, 1982, с. 306), найденной на острове Березань. Сначала школьник вырезал свое имя Фок и повторил первую букву имени. Потом сделал упражнение на слог «как», написав его несколько раз и отделяя один слог от другого точками. Здесь запечатлен известный по описаниям античных авторов прием обучения грамоте по слогам. Затем школьник вырезал слово *τῆλοι* (письмена), а ниже выполнил упражнения, в которые входили слова из двух или трех букв: *ὕς* (кабан), *ῥός* (как), *μύς* (мышь). Он писал некоторые слова в именительном и в родительном падежах, сделав две ошибки, и закончил упражнение более длинным словом *ἐλικοῦρίη* (помощь). Похожие упражнения обнаружены среди граффити других греческих полисов, и это подтверждает сходство приемов обучения грамоте во всем греческом мире (Яйленко, 1982, с. 306- 307).

Подобно взрослым мужчинам, мальчики проводили большую часть светлого времени дня вне дома – в школе и на палестре, площадке для гимнастических упражнений и борьбы. Туда дети отправлялись на рассвете (Thuc. VII, 25; Plat. Nom. 808), то есть в то же время, когда взрослые принимались за работу. В более или менее состоятельных семьях к мальчикам приставляли специального раба, называвшегося педагогом, буквально «водителем ребенка». Он весь день присматривал за своим подопечным: провожал в школу или на тренировки на палестре, нес его вещи, в темноте освещал дорогу факелом а также следил за опрятным видом и поведением (Plat. Leg. VII, 494, d, e; Aristot. Pol. II, 12). Мальчик должен был спрашивать его разрешение, если желал посетить любое место вне дома. Например, подросток Демосфен с согласия своего педагога ходил на судебный процесс, на котором выступал славившийся в то время оратор Каллистрат (Plut. Dem. 5). В обязанности педагога входило также обучение есть так, как принято в приличном обществе: брать рыбу, мясо и хлеб двумя паль-

цами, держать хлеб в левой, а мясо в правой руке, не таскать лакомств у родителей, правильно надевать плащ и завязывать сандалии (Уссинг, 1899, с. 51-55). За любую провинность педагог мог побить мальчика, поэтому на картинах аттических ваз его изображали рядом с ребенком обязательно с палкой в руке. Хороший педагог был редкостью, так как часто эту функцию поручали уже ни на что не пригодному рабу; некоторые педагоги из пленных варваров даже плохо говорили по-гречески (Plat. Lys. 223). В бедной семье к ребенку не могли приставить специального раба. В упомянутом сочинении Герода «Учитель» мать жалуется на то, что сын пропускает уроки в школе, убегая играть в азартные игры. Из этого ясно, что при нем не было педагога, смотрящего за дисциплиной.

Учитель начальной школы, как и педагог, применял телесные наказания. В Берлинском музее хранится табличка с тщательно выведенной учителем надписью, которую ученик затем повторил четыре раза: «Будь трудолюбив, мальчик, если не хочешь плетки» (Марру, 1998, с. 219). Учитель наказывал нерадивых учеников не только по собственной инициативе, но и по просьбе родителей сек их плетью, так что спина становилась «пестрее змеи» (Herod. Mim. III, 60-63, 92). На аттических вазах есть изображения детей, которых бьют палкой или сандалией; иногда на теле мальчика нарисован отпечаток сандалии как след побоев (Beck, 1975, p.44-45).

Приступая к чтению связных текстов и написанию более или менее длинных фраз, учитель обычно брал выдержки из произведений Гомера и других эпических поэм (Марру, 1998, 219). Два граффити V в. до н. э. из Ольвии подтверждают, что в Северном Причерноморье дети со школьных лет запоминали многие стихи из эпических поэм. На обломке чернолакового килика процарапан стих из «Одиссеи»: «От Илиона унеся меня, ветер к киконам пригнал» (Яйленко, 1980, с. 68, № 33). Другая частично сохранившаяся надпись на черепке исполнена неумелой рукой и с ошибкой; ученик написал два начальных стиха «Малой Илиады»: «Я Илион пою с Дарданией, конями прекрасной, // Ради которой страдали данайцы, слуги Арея.» (Виноградов, 1969, с. 142).

Математика в начальной школе исчерпывалась изучением количественных и порядковых числительных, умением их складывать и вычитать, а также знанием дробей по двенадцатиричной системе, которая употреблялась в греческой системе мер и весов. Для цифр в эллинистический период окончательно установились 27 символов: 24 буквы алфавита (альфа – 1, бета – 2 и так далее) плюс вышедшие из употребления дигамма, обозначавшая 6, копа – 90 и сампи – 900. В античных государствах Северного Причерноморья эти старинные буквы для цифр учили в начальной школе; в одном ольвийском упражнении на написание алфавита вырезана буква сампи, занимавшая в милетской цифровой системе последнее место после омеги (Яйленко, 1982, с. 58).

27 букв делились на три ряда чисел. Первый соответствовал единицам, второй десяткам, третий сотням. Тысячи обозначали йотой подписной, написанной слева. Так можно было написать числа от 1 до 999 999. Учитель обучал

считать на пальцах двух рук. Цифры соответствовали взаимному расположению пальцев, а также различным способам их сгибания и соприкосновению с ладонью (Марру, 1998, с. 220).

Уровень грамотности у сельских жителей был гораздо ниже, чем у городских, что можно объяснить меньшими практическими потребностями в чтении и письме. Хорошо известен рассказ о неграмотном афинском крестьянине, попросившем Аристиду написать его имя на черепке, где записывали подлежащих изгнанию граждан (Plut. Aristid. 7) Не случайно подавляющее большинство граффити со школьными упражнениями найдено при раскопках городских кварталов. Единичные подобные находки на загородных усадьбах не указывают, как думают некоторые исследователи, на обучение за пределами города. Конечно, грамотный отец мог заняться обучением сына, но это требовало много времени, и проще было отдать ребенка в городскую школу. Найденные же на хоре упражнения, вероятно, выполнены как домашние задания; ведь у более или менее состоятельных землевладельцев дома были и в городе, и за его пределами. Достаточно вспомнить «Экономику» Ксенофонта, описавшего образцового хозяина Исхомаха, который постоянно ездит на коне из города в свою усадьбу наблюдать за производящимися там работами.

В заключение скажем несколько слов о чтении в античности. Им было гораздо труднее овладеть, чем сейчас, поэтому обучение в начальной школе длилось 4 - 5 лет. Ведь в тексте слова не отделялись одно от другого, знаки препинания ставились редко, так что нужно было самому определить, где оканчивалось то или иное слово и предложение, а также, где начинался и кончался тот или иной грамматический оборот (рис. 9, 15, 16). Если же перед читателем были стихи, то требовалось уловить их размер, особенно трудно это было в драматических произведениях, где варьировалось несколько размеров. Такие навыки имели лишь хорошо образованные люди, а человек с начальным образованием мог разобрать небольшой текст, например, законы и декреты, которые составлялись по определенным правилам и формулам, бывшими на слуху. Он мог делать для себя небольшие деловые заметки, писать незатейливые письма. Вот пример такого письма, написанного на обломке краснофигурного сосуда жителем одного из городов Северного Причерноморья (На краю ойкумены, 2002, с., 37, № 79): «Родон приветствует Герака. Получил» (рис. 4). Что получил Герак от Родона для нас остается тайной, но на этом примере видно применение письма в ежедневной жизни.

Средняя школа

В процессе обучения в средней школе ученики посещали трех разных наставников: учителя литературы, называвшегося грамматиком, кифариста, обучавшего музыке и пению, и педотриба, тренера разных видов атлетики. Так греки стремились гармонично развивать умственные и физические способности, начиная с детских лет. Поэтому в школьную программу, наряду с изучением гу-

манитарных и естественных наук, входило обучение музыке и занятия разными видами спорта. Когда в эллинистический период многие города стали нанимать учителей на общественные деньги, привилегией получения бесплатного образования пользовались дети граждан. Например, из уцелевших античных надписей известно, что Милет оплачивал четырех учителей и стольких же атлетических тренеров (Jones 1940. p.222). Однако существование государственных школ не исключало наличия частных.

О средней школе в античном Северном Причерноморье можно судить лишь по косвенным данным. Одна эпитафия из Пантикапея римского времени (КБН № 706) позволяет узнать о заботе государства об образовании. Там написано, что стелу на могиле боспорянина Иода, поставил Согам, сын Юлия Деметрия, заведующего школой (‘ο ἐπὶ τοῦ παιδαγωγίου). В боспорских надписях формула, начинающаяся с ‘ο ἐπὶ относится к государственным должностям. По-видимому, в обязанности этого магистрата входили наем учителей, наблюдение за их деятельностью и определение круга учеников, имеющих право получить образование за государственный счет.

Несколько известий древнегреческих писателей дают возможность считать, что грамматики, преподававшие в средних школах античных городов Северного Причерноморья, имели достаточно высокий уровень образования. В IV в. до н. э. боспорянин Сопейд поступил в Афинах в высшую риторическую школу Исократ (Dionys. Halic. Isocr. 18), для чего требовалась хорошая гуманитарная подготовка, которую он получил в школе на родине. То же самое можно сказать и об уроженцах Ольвии и Боспора, отправлявшихся в III- II вв. до н. э. в Элладу ради занятий философией у известных в то время философов (Diog. Laert. II, 113; IV 46-47; VII, 37, 177-178, 185). Ведь для этого требовались разнообразные знания, входившие в программу хорошей средней школы. Показателен в этом отношении рассказ о философе Ксенократе, ученике Платона. «Одному человеку, который не знал ни музыки, ни геометрии, ни астрономии, но желал стать его учеником, он ответил так: «Ступай прочь: тебе не за что ухватить философию», а по другим известиям так: «У меня здесь не шерстобитня!» (Diog. Laert. IV, 2, 10; перевод М.Л. Гаспарова).

В круг среднего образования греков входили, наряду с гуманитарными предметами, геометрия и астрономия. Сократ подчеркивал их практическую пользу для каждого гражданина (Хен. Мем. VII, 3-4). Геометрия в ее первоначальном значении «измерения земли» оказывалась необходимой при купле, продаже и закладе земельных участков и в спорах о границах земельных наделов; знание же звездного неба использовалось для определения времени ночью, для установления сроков сельскохозяйственных работ, начала и конца навигации, смены караула у стен и ворот города и так далее.

В средней школе большое внимание уделялось литературе, в курс которой обязательно входило изучение эпических поэм и стихов древних поэтов (Алкей,

Сафо, Архилох, Пиндар, трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида и др.). В их сочинениях встречалось множество слов и оборотов, не употреблявшихся в повседневной речи; учитель объяснял их значение и показывал, как перевести на современный язык. К пониманию классических произведений готовились уже в начальной школе, включая в упражнения по письму редкие слова, свойственные языку поэтов, а также имена божеств, героев и географические названия из трудов классиков (Марру, 1998, с. 233-234). Этим можно объяснить, почему в одном ольвийском школьном упражнении читается наименование расположенного во Фракии города Абдеры. Ученик сделал в нем ошибку, написав ϵ вместо η , учитель исправил и велел ученику еще дважды рядом прочертить правильную букву (Яйленко, 1980, с. 96).

Благодаря школьным навыкам рядовому греку даже в римское время был доступен язык древних поэтов. Ведь в театрах многих греческих городов устраивались мусические состязания, на которых соревновались рапсоды, исполнявшие эпические поэмы, и ставили трагедии V-IV до н. э. В III в. до н. э. Герод писал драматические сценки из окружающей жизни, используя, вероятно для комического контраста, архаизированный ионический диалект и стихотворный размер холиямб, введенный в VI в. до н. э. ионийским лириком Гиппонактом.

Заложенные в школе знания классической поэзии можно различить в стихотворных эпитафиях, написанных поэтами в Северном Причерноморье. В них встречаются слова, употреблявшиеся лишь в поэзии (Шкорпил, 1914, с. 71-75; Денисова, 1988, с.251-256), и эпические формы падежей в некоторых словах (Доватур, 1965, с. 811).

Знание произведений многих поэтов входило в число обязательных атрибутов образованного человека. Недаром произведения античных авторов пестрят стихотворными цитатами. Ведущее положение среди них принадлежит Гомеру. Особое внимание и любовь к его поэмам воспитывалось со школьных лет. Неудивительно, что среди уцелевших папирусов со стихотворными произведениями первое место занимает «Илиада», далеко опережая все прочие (Борухович, 1976, с. 76- 77). В «Пире» Ксенофонта (I, 3) Никерат рассказывает, как его отец, заботясь о том, чтобы из сына вышел хороший человек, заставил его выучить всего Гомера; и, будучи взрослым, он мог наизусть прочесть всю «Илиаду» и «Одиссею». Дион Хрисостом, живший на рубеже I-II вв. н.э., в одной из своих речей говорил, что Гомер «является началом, серединой и завершением всего; и мальчику, и мужу, и старцу он дает то, что каждый в силах взять у него» (XVIII, 6). Показателен в этом смысле рассказ Плутарха из его «Застольных бесед» (IX, 2). Речь идет о разрушении Коринфа римлянами в 146 г. до н.э., после чего все жители города были обращены в рабство. При продаже грамотный раб ценился выше безграмотного. Поэтому римский полководец Муммий, знакомясь с пленными детьми, предложил каждому грамотному написать на память по стиху; один мальчик написал стих из «Одиссеи» (V, 306): «О, троекратно блаженны

данаи, погибшие в Трое». Так устами Гомера он выразил свои чувства униженного пленника, обреченного на рабство. Мумий был тронут до слез и распорядился отпустить из плена всех близких этого мальчика.

О том, что многие ольвиополиты в I в. н. э. знали наизусть «Илиаду», написал Дион Хрисостом (XXXVI, 10), а об их знакомстве с «Одиссеей» свидетельствует уже упомянутый выше чернолаковый черепок V в. до н. э., на котором процарапан стих из этой поэмы. Две надписи римского времени из Пантикапея также указывают на то, что на Боспоре знали поэмы Гомера. В одной эпитафии (КБН. № 136) местный поэт сравнил смерть воина Левкия, погибшего среди варваров, с «троянским Гектором, павшим среди передовых бойцов». Ученик, тренируясь в исполнении надписей на камне, вырезал на известняковой плите слова «продвинулись звезды», это часть 252-го стиха из десятой песни «Илиады» (КБН. 150).

Эпос изучался в школе не как литературный шедевр, а как учебник об идеальных героях, которым следует подражать и по мере сил приблизиться к ним по доблести, снискать славу при жизни и заслужить благодарную память своих сограждан. Для греков Ахилл служил идеалом героя, который предпочел долгую и тусклую жизнь ради краткой, но героической, создающей ему заслуженную славу при жизни и после гибели. Боспорский поэт в I в. до н. э. в эпитафии Аполлония, павшего от вражеской руки, описывает покойного как воплощение именно такого идеала: «Тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь после смерти воздается всяческая почесть» (КБН. 119). Такое отношение к жизни было весьма актуально в Ольвии, подвергавшейся в эллинистический и римский периоды постоянным нападениям со стороны своих соседей. Этим можно объяснить, почему ольвиополиты предпочитали Гомера другим поэтам, а перед сражениями их воодушевляли стихи из «Илиады» (Dio Chrys. XXXVI, 10).

В эллинистический период в средней школе к изучению поэзии присоединились прозаические произведения историков и ораторов. Ученики учились ценить речи, написанные или произнесенные убедительно и красиво. Дион Хрисостом (XXXVI, 16) подчеркнул в ольвиополитах это качество, присущее всем грекам: «Городские ворота были уже заперты накрепко и на стене был поднят боевой знак. Однако все присутствующие были такими любителями послушать речи, настолько греками до мозга костей, что почти все горожане, уже вооруженные, сбежались сюда и хотели послушать, что я буду говорить... Все ринулись к храму Зевса, где они обычно собирались на Совет. Старейшие и наиболее уважаемые граждане уселись в круг на ступенях, а вся толпа стояла возле храма – перед ним была большая открытая площадь.» (перевод М.Е. Грабарь-Пасек).

Греки видели в поступках героев эпических поэм руководство к действию в разных жизненных ситуациях. В школе учитель, комментируя «Илиаду», выделял в ней наставление подросткам стремиться стать первым в любом роде деятельности. «Всегда быть лучшим и превосходить других»: таково было главное

напутствие Пелея Ахиллу; с теми же словами обращался Гипполох к своему сыну Главку (II. VI, 208; XI, 784). Так с детства воспитывалось соревновательное начало, долгое время игравшее ведущую роль в жизни греков (Зайцев, 2001, с.106- 143). В школе отсутствовали экзамены, но время от времени устраивались соревнования в чтении стихов, игре на музыкальных инструментах, а на палестре состязались в различных видах спорта и танцах. Агоны проводились во время разных религиозных праздников, на которых дети выступали наряду со взрослыми. К числу таких праздников принадлежали Апатурии, которые справлялись в ионийских колониях Северного Причерноморья так же, как и во всех ионийских городах. Афинянин Критий в диалоге Платона «Тимей» (гл. 21) вспоминает, как он в возрасте десяти лет читал стихи на этом празднике, и лучшим исполнителям вручали награды.

Наиболее ярко дух состязания проявлялся во время занятий атлетикой на палестре и в гимнасии. Первая могла принадлежать и частному лицу, а гимнасий был общественным сооружением. О содержании такого здания и о занятиях в нем заботилось государство, назначая особого магистрата гимнасиарха. Обычно это был состоятельный человек, тративший на гимнасий не только общественные, но и собственные средства. Остатки зданий гимнасиев, которые упомянуты в уцелевших надписях, найдены в Ольвии, Херсонесе и Фанагории (IOSPE I². 40, 186, 418; КБН. 991), а о наличии их в Пантикапее, Горгиппии и Танаисе свидетельствуют только древние надписи (КБН. 90, 103, 129, 823, 1140, 1264, 1265, 1277-1280, 1287, 1288). Безусловно, гимнасии существовали в таких крупных северопричерноморских городах, как Тира, Феодосия и некоторых других; но о них отсутствуют письменные и материальные свидетельства.

В древности справедливо считалось, что тренировки на палестре и в гимнасии служат не только средством для укрепления здоровья и поддержания должной физической формы, необходимой для защиты отечества от врагов, но и, как писал Лукиан (Anach. 13), «чтобы не становиться от праздности насильниками» и заполнить с пользой свой досуг. Тренеры устремляли в нужном направлении энергию молодежи, а граждане старшего возраста постоянно приходили посмотреть на тренировки и соревнования. На палестре, кроме занятий разными видами атлетики, обучали танцам и различным играм, например, с мячом. Платон считал, что не способный участвовать в хороводе (то есть танцевать и петь) не является по-настоящему образованным человеком (Plat. Leg. II, 654 a, b). Плутарх в «Застольных беседах» (Mor. 747 a-b) описал присуждение наград мальчикам-победителям в пляске. Судьями были учитель гимнастики и брат писателя, «который сам превосходно плясал пирриху» и в отрочестве на палестре «выделялся грациозностью среди всех своих сверстников». О занятиях танцами в Ольвии красноречиво свидетельствует хранящееся в Киевском Историческом музее граффито на сосуде V в. до н. э.; его владелец с гордостью написал «и красив я в танце».

Строительство гимнасия относилось к первейшим заботам при организации нового греческого полиса. Так, в IV в. до н. э. греки из Каллатиса, переселившись в Горгиппию, недавно основанную на азиатской стороне Боспора, сразу же организовали гимнасий и стали устраивать там ежегодный праздник Гермей (Берзин, 1961, с. 127). Здание гимнасия принадлежало к числу наиболее красивых и заметных общественных сооружений греческого города. Главное место занимал большой зал для тренировок и состязаний атлетов, к нему примыкали комнаты для раздевания, умащения маслом и посыпания песком, а также банные помещения для мытья после занятий.

Физические тренировки мальчиков начинались на палестре под руководством учителя-педотриба, а затем продолжались в гимнасии, куда допускались только дети граждан. Во главе тренеров гимнасия стоял учитель гимнастики, умевший подобрать для каждого подходящий цикл упражнений. Исполнение упражнений, предписанных хорошим учителем гимнастики, приравнивалось к лечению у врача, потому что оба они, по словам Платона (*Gorg.* 504), «налаживают тело и приводят его в порядок». Знаменитый врач Гален (*De sanit.* II, 9) писал, что учитель гимнастики должен обладать теоретическими знаниями и разбираться в физиологии человеческого организма, а педотрибы могут только наблюдать за правильным исполнением физических упражнений, предписанных учителем. Гален сравнил учителя гимнастики с опытным врачом, определяющим каждому специальное питание, а педотриба – с поваром, готовящим кушанья, но не знающим об их полезных и лечебных свойствах.

О наличии учителей гимнастики в Северном Причерноморье можно заключить, исходя из существования здесь гимнасиев. Уцелело имя лишь одного педотриба Фарнака, прибывшего в Пантикапей из Синопы в I в. до н. э. В стихотворной надписи на его надгробии говорится, что весь гимнасий оплакивал раннюю смерть Фарнака (КБН. 129). Надпись свидетельствует о том, что в гимнасиях северопричерноморских городов работали наряду с местными и приезжие тренеры, как это было вообще характерно для того времени. Таким образом, местные спортивные школы обогащались опытом тренировок в гимнасиях разных эллинских городов.

Детей сначала учили бегать, потом прыгать, а затем вводили другие виды спорта. Из них особенно ценили борьбу за то, что в ней одновременно приводились в действие все мышцы тела. В процессе тренировок подростки и юноши развивали силу и выносливость, необходимые для гражданина-защитника отечества от врагов. Кроме того, эллины стремились придать телу красоту и гармонию форм, поэтому в программу некоторых агонов входил выбор наиболее хорошо сложенных атлетов. Такие соревнования, называвшиеся *εὐξία*, проводились в Горгиппии (КБН. 1137). На многочисленных сохранившихся памятниках античного искусства можно видеть, как выглядели лучшие атлеты в юношеском и зрелом возрасте.

Эллины занимались атлетикой и выступали на состязаниях полностью обнаженными. Об этом, кстати, напоминает и само слово гимнасий, родственное греческому прилагательному γυμνός, означающему голый, нагой. Атлеты натирали тело оливковым маслом и посыпали его измельченным песком. Прилипая к коже, песок забивал поры и предохранял от простуды, а во время натирания маслом и песком происходил массаж и разогрев перед тренировкой и состязанием. Отправляясь в гимнасий, эллин непременно брал с собой сосудик для масла, полотенце и стригиль — скребок серповидной формы, которым после занятий счищали масло вместе с прилипшими к телу песком и пылью. Эти предметы в искусстве символизировали юношу-палестрита, и их нередко изображали на надгробиях и росписях склепов, где хоронили молодых людей.

Видимо, пантикапейский атлет был погребен в склепе, стену которого украсил фризом с изображением стригиля, сосудов для масла, венков и нарядных повязок теней (рис. 5); последние напоминали о выигранных им призах (Ростовцев, 1913, с. 71, табл. 26, 27). В IV-III вв. до н. э. херсонеситы ставили на могилах юношей известняковые стелы с рельефами, на которых представлены висящие на шнурке флакон для масла (арибалл, алабастр или амфориск) и стригиль (НЭПХ. 138, 150, 159, 170, 172). При раскопках античных городов Северного Причерноморья найдено немало бронзовых, железных и костяных стригилей, а также разнообразных керамических и стеклянных флаконов для масла. Эти небольшие флаконы имеют узкое горлышко и венчик с широко отогнутыми краями (рис. 6). Из такого горлышка масло выливалось по каплям или тонкой струйкой, а венчиком его растирали по телу.

О том, какими видами спорта занимались подростки, можно судить по надписям с перечислением побед разных атлетов, ведь они начинали тренироваться с детских лет. Большинство интересующих нас надписей происходит из Ольвии и Херсонеса и относятся главным образом к римскому времени, но они отражают издавна сложившиеся традиции. На состязаниях выступали бегуны (IOSPE I². 130, 155, 186, 435, 436, 685; КБН. 1137), прыгуны в длину (IOSPE I². 130, 156), борцы (IOSPE I². 156, 434, 435), кулачные бойцы (IOSPE I². 434), метатели диска (IOSPE I². 130, 157, 158) и копья (IOSPE I². 130, 138, 157, 435; НЭПХ. 20), а также пятиборцы (НЭПХ. 127), выполнявшие все перечисленные виды упражнений, кроме кулачного боя.

Для нашей темы особый интерес представляет надпись с большим списком победителей на местных состязаниях в честь Гермеса, ежегодно проводившихся в гимнасии Горгиппии (КБН. 1137). На стеле читается не полностью уцелевший каталог имен нескольких сотен человек, завоевавших первенство в различных видах соревнований, проводившихся много лет, начиная с конца IV в. до н. э. Анализ этих имен показывает, что участники соревнований делились на четыре возрастные группы: мальчики 12-15 лет, юноши 16-17 и 18-19 лет, взрослые старше 20 лет (Берзин, 1961, с. 210-212). Таким образом, в первых двух группах

выступали ученики средней школы, а участниками старшей группы становились граждане, продолжавшие тренировки в полюбившихся им видах спорта. По этой надписи можно судить, как вырастали из мальчиков взрослые победители игр, например, призеры в коротком беге среди мальчиков через несколько лет выигрывали длинный бег в старшей группе.

Преподавание музыки входило в обязательную программу греческой школы. Платон в «Законах» (899 с- 810 а) предписывал детям наряду с обучением грамоте и счету учиться играть на лире или кифаре; философ рекомендовал начинать музыкальное образование в 13 лет, то есть сразу после поступления в среднюю школу. Аристотель (Pol. VIII, 5, 8; 1340 b) писал, что музыка входит в обязательный курс обучения, потому что она благотворно воздействует на нравственную сторону души, а в ежедневной жизни музыка - неизменный спутник свободного гражданина во время отдыха.

Детей не учили нотной грамоте, так как античные записи музыки были несовершенными, и исполнителю следовало о многом самому догадываться (Герцман, 1995, с. 303- 304). Ученики со своими инструментами садились напротив учителя, они смотрели и слушали, как он играет, а затем старались повторить мелодию под его руководством. Так учили музыке на протяжении всей античности, о чем свидетельствуют слова оратора Гимерия, жившего в IV в. н.э. (XII, 3): «Авлет обучает игре на аулосе, проигрывая сам мелодию, а кифарист играет перед своими учениками». На рисунках аттических ваз мы видим учителя с лирой и сидящего напротив ученика со своим инструментом (рис. 7).

Музыкальное образование было тесно связано с лирической поэзией, которую исполняли в архаический и классический периоды обязательно под аккомпанемент лиры или ее разновидности – барбитона. Поэтому афинский вазописец V в. до н. э. нарисовал Сафо и Алкея с барбитонами в руках (рис. 8). Стихи этих и других древних лирических поэтов учили в школе и пели вплоть до римского времени (Aul. Gel. XIX, 9).

До IV в. до н. э. школьники учились играть на лире и кифаре, а также на аулосе. Обычно в переводах его называют флейтой, хотя по звучанию этот духовой инструмент, состоявший из двух трубок с небольшими круглыми отверстиями, наиболее близок к современному гобою. Позже аулос стали исключать из обязательных школьных предметов, что отмечено уже у Аристотеля (Pol. VIII, 6, 5; 1341). Одновременно детей учили петь, чаще всего хором под аккомпанемент аулоса или солировать, самым наигрывая на струнных инструментах. В надписях многих городов упоминаются выступления детских хоров на различных праздниках.

К сожалению, мы не располагаем конкретными сведениями об обучении музыке в античных городах Северного Причерноморья. К косвенным данным об этом можно отнести находки бронзового резонатора лиры в Пантикапее и фрагментов костяных аулосов на многих городищах, а также многочисленные

изображения музыкальных инструментов на привозных и местных произведениях прикладного и монументального искусства (Скржинская, 2010, с. 343- 345). Об умении ценить хорошее исполнение музыки свидетельствуют записи античных авторов о посещении Боспора прославленными кифаристами; в театрах их игру могли услышать все граждане, а многие приближенные боспорского царя присутствовали на концертах, устраивавшихся при царском дворе (Polyaen. V, 44; Athen. VII, 41, 349).

В повседневной жизни греки широко использовали полученные в школе музыкальные навыки. Аристотель писал, что музыка неизменно сопровождает отдых свободного гражданина (Pol. VIII, 5, 8; 1340 b); а по произведениям античных авторов известно, что лира нередко звучала во время праздничных застолий, когда под ее аккомпанемент пели разные стихи. Для развлечения гостей хозяин часто приглашал профессиональных флейтисток; на вазах их постоянно изображали среди пирующих мужчин. О существовании таковых на Боспоре свидетельствует надгробие флейтистки Пасафиликаты, жившей в Мирмекии в IV в. до н. э. (КБН. 875).

Многие граждане с детских лет принимали участие в выступлениях хоров; их пение сопровождало торжественные шествия и жертвоприношения. Детские хоры состязались за первенство на музыкальных агонах. В Северном Причерноморье сохранились две надписи с не полностью уцелевшими текстами гимнов, которые пели в честь Ахилла в Борисфене (Шелов- Коведяев, 1990, с. 49- 62) и в честь Гермеса в Херсонесе (IOSPE I². № 486).

В начале существования колоний музыка в ионийских полисах Тире, Ольвии и на Боспоре отличалась от той, которая звучала в дорийском Херсонесе. Ведь тогда еще сильно различались стили музыки метрополий этих государств (Герцман, 1995, с. 346). В эллинистический период ионийским, дорийским и эолийским ладами стали пользоваться повсюду, но в каждой местности имелись свои музыкальные особенности и пристрастия.

Лучшая иллюстрация обучения в средней школе у разных учителей украшает хранящийся в Берлине аттический килик, изготовленный в первой четверти V в. до н. э. (рис. 7). Вазописец Дурис нарисовал учителей грамматики и музыки. Сидящий на стуле учитель держит папирусный свиток со словами: «Муза моя, про Скамандра текучего петь начинаю». Это начальные строки какой-то, теперь утраченной, эпической поэмы. Стоящий перед учителем мальчик, вероятно, повторяет за ним эти стихи, а, может быть, читает их наизусть. Свиток в руках грамматика развернут так, чтобы зрителю было понятно, чему он обучает своего ученика. Другой учитель словесности, держа в руках стиль, проверяет задание, выполненное учеником на воощенных табличках. Около обоих учеников сидят их педагоги с палкой, орудием наказания за провинности.

Вазописец нарисовал также учителей музыки. Один из них учит сидящего перед ним мальчика игре на лире, а другой обучает пению под аккомпанемент

аулоса. На стене класса изображены висящие всевозможные предметы, использовавшиеся в школе: корзина с книгами-свитками, футляр для аулоса, три лиры и крестообразный ключ для ее настройки. Дно этого килика украшено фигурой молодого атлета, перевязывающего сандалию. Так художник отразил третью составную часть образования греков – занятия атлетикой.

Высшее образование

По окончании средней школы лишь немногие молодые люди продолжали совершенствовать свое образование. Некоторые делали это просто из любви к какой-нибудь науке. Например, молодой ольвийский воин Каллистрат интересовался ораторским искусством и философией (Dio. Chrys. XXXVI, 8), а рано умерший боспорянин Гелиодор назван в эпитафии «любителем наук» (КБН. 125). Во II в. н. э. боспорский царь, «получивший тщательное эллинское образование», приехал в город Смирну для ознакомления с Ионией; там он заплатил, по словам Филострата, 10 талантов за возможность общения с философом Полемоном (Philostr. Vitae soph. I, 24). Вероятно, эта непомерная сумма преувеличена, но можно доверять факту общения боспорянина с философом, и вполне объяснимо желание последнего получить за это хороший гонорар. Исходя из времени жизни Антония Полемона, этим не названным по имени царем мог быть Савромат I, Котис II или Реметалк.

Начиная с V в. до н. э., наиболее известные философские школы находились в Афинах, и туда со всех концов греческой ойкумены собирались желавшие учиться у философов разных направлений. Одни посещали лекции, стремясь пополнить свое образование, другие стремились научиться жить наилучшим образом, как обещали многие учителя мудрости, и лишь немногие хотели полностью посвятить себя науке. Среди них встречались не только граждане, но и представители неполноправного населения, например, выкупленные из рабства ученик Сократа Федон и киник, уроженец Ольвии, Бион Борисфенит (Diog. Laert. II, 105; IV, 46).

По произведениям античных авторов сейчас известно, что греки из Северного Причерноморья приезжали учиться в Афины. Там в классический и эллинистический периоды существовало несколько хорошо организованных философских школ со своими традициями и местами собраний. Наибольшей известностью пользовались Академия, основанная Платоном, Лицей, основанный Аристотелем, и школа стоиков, основанная Зеноном. Первые собирались в роще героя Академа, вторые – при гимнасии в Ликее, третьи – в Пестрой стое, расписанной картинами Полигнота. Были в Афинах и другие философы, имевшие школы со своими приверженцами, например, киники и скептики. Изучавшие философию часто посещали одновременно или поочередно несколько школ. Это хорошо видно по жизнеописаниям многих философов; в их числе подобное образование получил Бион Борисфенит.

Многие философы взымали плату за обучение, да и сама жизнь чужестранца

в Афинах требовала немалых расходов. Однако не следует думать, что все приезжие были состоятельными людьми. Страстное стремление к знаниям, характерное для многих древних эллинов, заставляло преодолевать любые трудности. Это можно иллюстрировать рассказом Диогена Лаэртского (VI, 5, 168) о главе школы стоиков Клеанфе. Уроженец маленького малоазийского города Асса, он приехал в Афины всего с четырьмя драхмами. Чтобы учиться днем, он по ночам работал поденщиком: таскал воду для поливки садов и пек хлеб. Клеанфу не хватало денег на папирус, поэтому он записывал уроки Зенона на черепках и бычьих лопатках.

Античная литературная традиция сохранила имена четверых философов, выходцев из Северного Причерноморья: это ольвиополиты Бион и Посидоний, боспорянин Дифил, а также Сфер, по одним источникам боспорянин, по другим ольвиополит. Но, конечно, в Афинах обучалось значительно больше приезжих с северных берегов Понта, но они не прославились как внесшие заметный вклад в науку, и поэтому о них нам ничего не известно.

Деятельность Дифила Боспорского, старшего из упомянутых философов, приходится на вторую половину IV- начало III вв. до н. э. Он стал приверженцем Стильпона, обосновавшегося в Афинах блестящего представителя мегарской школы философии. Об этом кратко написал Диоген Лаэртский (П, 113) со ссылкой на утраченное сочинение Филиппа Мегарского. Наиболее подробные сведения сохранились о Бионе Борисфените. Он жил в первой половине III в. до н. э., что подтверждается рассказом Диогена Лаэртского о том, что Бион был поклонником учения Феодора Безбожника (330- 270 гг. до н. э.) и кончил свои дни при Антигоне Гонате, царе Македонии, правившем с 283 по 240 г. до н. э. Диоген Лаэртский посвятил ему главу в разделе о киниках (IV, 46—57), его упомянули в своих сочинениях Страбон (I, 2, 2; С.15; X, 5, С.486), Гораций (Epist. II, 2, 60) и Афиней (XIII, 61).

Бион родился в Ольвии. Его мать была гетерой, а отец вольноотпущенником, торговавшим на рынке соленой рыбой. За уклонение от налогов отца вместе со всей семьей продали в рабство. Юному Биону повезло, потому что его купил местный ритор. Заметив в подростке большие способности, он стал обучать его своему искусству, отпустил на волю и сделал своим наследником. Видимо, от хозяина Бион впервые узнал о философских школах в Афинах и, в первую очередь, об Академии. Ведь именно туда сначала направился Бион, когда попал в Афины.

После смерти ритора неблагодарный ученик сжег все сочинения учителя, продал его имущество и на эти деньги поехал в Афины. Там сначала он стал слушателем Кратета Афинского в Академии, какое-то время посещал лекции перипатетика Феофраста. Созвучнее всего ему оказались школа киников, беседы ее выдающегося представителя Кратета Фиванского и близкого ему по духу Феодора Безбожника (Diod. Laert. IV, 22, 51).

К киникам Биона привлекало то, что многие из них, подобно ему самому, принадлежали к низшим слоям общества. Начиная с основателя кинизма Диогена, приверженцы его учения вели себя вызывающе и не признавали общепринятых норм морали. Это также отвечало характеру Биона, который в молодости так неблагодарно отнесся к памяти своего учителя и благодетеля. Несомненно, Бион был талантливым человеком, с прекрасной памятью и умением привлекать к себе многочисленную аудиторию, но в области философии он не открыл ничего существенно нового (Нахов, 1982, с. 195). Достигнув известности, Бион много путешествовал, пропагандируя кинические идеи о предпочтении бедности богатству, о безразличии к смерти, о космополитизме. По словам Диогена Лаэртского, Бион «был искусным софистом и оказал немалую помощь тем, кто хотел ниспровергать философские учения,... он умел производить впечатление на зрителей и поднять на смех, что угодно, не жалея грубых слов» (перевод М.Л. Гаспарова).

Подобно большинству бедняков, увидевших, как можно достигнуть богатства, он любил роскошный образ жизни и этим отличался от своего учителя Кратета Фиванского, отказавшегося от имущества и денег. В философских беседах Бион смягчал ригоризм киников по отношению к деньгам и владению имуществом, заявляя, что мудрец, независимо от своего материального положения, может оставаться верен идеям кинизма. В расцвете лет Бион проповедовал безбожие, но отказался от него, когда заболел и каялся во всем, в чем согрешил перед богами. Был он крайне эгоистичен, и потому к концу жизни возле него не оказалось ни учеников, ни преданных друзей.

Главное достижение творчества Биона состояло в том, что он окончательно оформил жанр диатрибы (Нахов, 1991, с. 49-67; он же. 1982, с. 195). В ней заключалась проповедь на философско-моральную тему, изложение велось в увлекательной и доступной форме, было насыщено юмором, пословицами, поговорками, необычными сравнениями, метафорами, не чуждалось грубых простонародных словечек и выражений. Знаменитый ученый александрийской школы Эратосфен сказал о Бионе, что тот первым нарядил философию в пестрое платье гетеры (Diog. Laert. IV, 52; Strab. I, 2, 22).

Бионовские диатрибы имели огромный успех во всех слоях общества. Философа ценили и столь искушенные знатоки литературы и философии, как македонский царь Антигон Гонат, и простой люд, слышавший в его доходчивых словах обороты живой народной речи, рискованные шутки и остроты. После Биона диатрибу широко использовали в популярных беседах не только киники, но также стоики, представители «второй софистики», позже от греков этот жанр восприняли римляне.

Бион мастерски умел излагать свои мысли не только в прозе, но и в стихах. Он славился остроумными и меткими пародиями, нередко переходил на стихи в прозаической речи, и это шокировало образованную аудиторию, не допускавшую смешения жанров. Произведения Биона надолго пережили их автора.

Гораций в одном из своих «Посланий» (П, 2, 60) писал о «едкой черной соли» произведений Биона, которые послужили поэту образцом для его сатир.

Младший современник Биона Сфер прибыл из Северного Причерноморья в Афины в середине III в. до н. э. Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» (Сleit. 2, 11; Лус. 5) назвал его Борисфенитом, то есть уроженцем Ольвии, а Диоген Лаэртский (VII, 37, 177, 178, 185) – боспорянином. Сфер вошел в число многочисленных учеников стоика Зенона (333 - 264 гг. до н. э.) и стал, по словам Плутарха, одним из лучших. Сфер познакомился со слушателями, прибывшими в Афины из разных городов Эллады, Македонии, Малой Азии и Египта.

Вероятно, Сфер приехал в Афины уже на закате деятельности Зенона, потому что он продолжил свое образование у Клеанфа и достиг, как сказано у Диогена Лаэртского, больших успехов в науках. Подобно многим философам, Сфер хотел воплотить в жизнь свои идеи; он стал учителем и советником спартанского царя Клеомена III, правившего с 235 по 221 г. до н. э. Философ помогал ему проводить реформы, направленные на уравнивание благосостояния граждан, и занимался воспитанием юношества. После поражения войска Клеомена и упразднения его реформ Сфер, вероятно, снова жил в Афинах. Ведь когда царь Птолемей IV Филопатор (222 – 205 гг. до н. э.) обратился к Клеанфу с просьбой приехать в Александрию или прислать кого-нибудь, философ избрал среди своих учеников и последователей Сфера, и тот отправился в Египет.

Многочисленные сочинения Сфера известны сейчас лишь по названиям. Они свидетельствуют, что он занимался толкованием учений Гераклита и Сократа, высказывал свои суждения о славе, богатстве, любви, страстях и смерти, писал трактаты о царской власти и спартанском государственном устройстве, труды по грамматике и др.

Последний из четырех северопричерноморских философов, софист и историк Посидоний Ольвиополит жил во II в. до н. э. Скучные сведения о нем имеются только в словаре Суда под словом «Посидоний». Там названы несколько его трудов, в том числе «Аттическая история». Это позволяет думать, что он, как и упомянутые его соотечественники, учился и жил в Афинах. Одно из его произведений было посвящено Северному Причерноморью. Название в рукописи испорчено и нуждается в исправлении. Некоторые ученые полагают, что в сочинении Посидония говорилось о Тире и ее окрестностях. Более убедительным представляется чтение названия его труда, предложенное В.П. Яйленко (1988а, с. 276): «О стране, называемой Таврика». Судя по названию, это произведение Посидония было не философским, а историко-географическим.

Конечно, не все жители Северного Причерноморья, получив высшее образование, оставались в Элладе. «Питомец Муз», то есть широко образованный философ Смикр в IV – III вв. до н. э. излагал свое учение на Боспоре в общественных местах, о чем написано в его эпитафии (КБН. 118). Безусловно, хорошее гуманитарное образование имели херсонесский историк Сирик и боспорские

историки, сочинениями которых пользовался Диодор Сицилийский. Декрет второй половины III в. до н. э. в честь Сириска (IOSPE I². 344) - единственное в Северном Причерноморье свидетельство о награждении писателя. В первой части своего труда Сириск литературно обработал все сведения о чудесах Девы, верховной богини Херсонеса, а во второй части изложил отношения государства с другими полисами и царями Боспора. Издание почетного декрета от имени народа и венчание золотым венком позволяют предположить, что Сириск читал свой труд либо в Народном собрании, либо в театре (Ростовцев, 1915, с. 151- 170; Белов, 1948, с. 82- 84). Херсонеситам очень понравились правдивое изложение истории и патриотическая окраска всего сочинения; во время празднования Дионисий они увенчали своего соотечественника золотым венком, который изображен на фронтоне стелы с текстом декрета в честь историка (рис. 9).

Умение красиво и убедительно произнести речь всегда ценилось в античности. Такие навыки были необходимы политическим деятелям в демократических государствах – таких, как Ольвия и Херсонес. Здесь на руководящие роли выдвигались люди, способные внушить свою точку зрения Народному собранию и разнообразным советам и коллегиям. Часто оратор в сознании античного человека отождествлялся с политиком. Для этих целей античные риторы тщательно разработали теорию красноречия, которую следовало знать тем, кто собирался завоевать популярность у народа на политической или судебной аренах.

Знаменитый оратор Горгий (fr. 82 Diels) называл слово великим властителем: «телом малое и незаметное, оно совершает божественные дела. Ведь оно может и страх пресечь, и горе унять, и сострадание умножить» (перевод А.О. Маковельского). Высокая оценка хорошего владения ораторским искусством отразилась в некоторых надписях из Северного Причерноморья. Не случайно в ольвийском декрете в честь Протогена упомянуто о его выступлениях с речами перед народом, а в эпитафии херсонесита Демократа особо отмечен его дар прекрасно произносить речи (IOSPE I². 32, 425). В 1985 г. при раскопках некрополя Пантикапея найдена уникальная мраморная плита с частично сохранившимся текстом энкомия, торжественной надгробной речи. Она звучала во время похорон выдающегося боспорского политического и военного деятеля, жившего во второй половине I в. н. э. Автор энкомия, конечно, имел высшее гуманитарное образование, был опытным оратором, использовавшим в своих речах пышный азианский стиль красноречия. Стела с текстом речи составляла часть большого надгробного памятника. В надписи перечислялись многочисленные славные деяния умершего, особо была выделена его обязанность воспитателя будущего царя Савромата, которая сравнивалась с ролью мудрого кентавра Хирона, наставника Ахилла (Сапрыкин, 2005, с. 45- 81, Сапрыкин, Парфенов, 2012, с. 163- 182).

Дионисий Галикарнасский в трактате об Исократе (гл. 18) упомянул, что боспорянин, который нам известен как сын Сопея, учился в риторской школе оратора. О его пребывании в Афинах и проводившейся там коммерческой дея-

тельности известно из речи Исократ, написанной для Сопеида и произнесенной им в афинском суде во время тяжбы с крупным афинским банкиром Пасионом (Isocr. Or. XVII). Сопей был одновременно видным политическим деятелем, приближенным царя Сатира, и крупным торговцем хлебом. Он отправил сына на своем корабле, везущем зерно в Афины, чтобы тот не только усовершенствовал свои познания в коммерции, но и получил хорошее образование, необходимое для занятий государственными делами. Сочетание государственной деятельности и коммерции было обычным для греков. Достаточно напомнить, что Демосфен занимался не только ораторской и политической деятельностью, но и вел одновременно крупные торгово-ростовщические операции, давая ссуды под залог кораблей или грузов (Hyperid. C. Dem. 17; Plut. Com. Dem. Et Cic. III, 6).

Во время жизни Сопеида в Афинах лучшая высшая школа принадлежала Исократу. Цицерон в «Бруте» (8, 32) писал, что дом оратора был открыт для всей Эллады как некая школа и мастерская, где выковывалось искусство красноречия. Сам Исократ говорил, что ученики стекались к нему из разных мест, среди которых он назвал первыми Сицилию и Понт (XV, 224). Таким образом, надо полагать, что Сопейд не был единственным представителем школы Исократ в городах Северного Причерноморья.

Плата за обучение, полный курс которого длился 3- 4 года, составляла 10 мин (Plut. Dem. 5). Однако такая крупная сумма оказалась вполне доступной сыну богатого боспорянина. Зато в этой школе Сопейд мог получить блестящее образование и общаться с самыми способными молодыми людьми из всей Греции, которые затем прославились на разных поприщах. Ведь учениками Исократ были выдающиеся ораторы Исей, Ликург, Гиперид, известные историки Андротион, Эфор, Феопомп, крупные политические деятели Тимофей и Лаодамант, тиран Гераклеи Клеарх, правитель Саламина на Кипре Никокл и другие. Судя по времени пребывания Сопеида в Афинах, он принадлежал к старшему поколению учеников Исократ, о чем есть также косвенное указание в «Трапезитике». Когда Сопейду пришлось послать друзей за деньгами к Пасиону, он попросил об этом Филомела и Менексена (гл. 9, 45). С первым из них он, по-видимому, познакомился в школе своего учителя. Из речи «Об обмене имуществом» известно, что Филомел принадлежал ко второму поколению учеников Исократ. На склоне лет оратор назвал Филомела в числе старших своих учеников-афинян, которых впоследствии государство за их заслуги наградило золотыми венками (XV, 93).

Памятники искусства также можно привлечь в качестве свидетельств о гражданах с высшим образованием в Северном Причерноморье. Античные скульпторы и художники изображали ораторов, философов, политических деятелей и писателей с папирусным свитком в руках, а у их ног помещали корзину, наполненную книгами, состоящими из связок свитков. Такова, например, статуя Демосфена (рис. 10). Такие же атрибуты мы видим у боспорянина на мрам-

морной статуе I в. н. э., найденной в Пантикапее (рис. 11; Соколов, 1973, № 133), и на рельефе надгробия Стратоника, погибшего в конце I - начале II вв. н. э. (КБН. 145). В римское время херсонеситы устанавливали надгробные статуи граждан со свитком в руке или их связкой у ног (рис. 12; Античная скульптура Херсонеса, 1976, № 309, 311, 312). Они напоминали об общественной и литературной деятельности погребенного.

Люди с высшим гуманитарным образованием могли с помощью своих знаний обеспечить себе неплохой заработок. Некоторые из них становились учителями средней и высшей школы. Ведь в эллинистический и римский периоды риторы находили учеников во всех античных государствах. Они, безусловно, преподавали в средних школах, существовавших во всех крупных городах Северного Причерноморья. Об одном из них, жившем в Ольвии, как говорилось выше, упоминает Диоген Лаэртский в биографии Биона Борисфенита.

Многочисленные местные декреты составлены правильным литературным языком с некоторыми цветистыми выражениями, свойственными ораторским упражнениям, которые выполнялись в средней и высшей школах под руководством риторов (Латышев, 1887, с. 178- 180). Косвенным свидетельством существования местных образованных ораторов служат сведения надписей о постоянной деятельности Народного собрания в Тире, Ольвии и Херсонесе. В любом греческом городе для завоевания внимания слушателей и убеждения в своей правоте требовалось хорошо составить и произнести речь. Риторы обучали юношей ораторскому искусству, которое способствовало политической карьере и оказывалось необходимым в суде, где решение зависело от убедительности речей истца и ответчика. Еще одним доходным занятием для ритора была служба в царской канцелярии или при Совете в демократических республиках. Там существовала должность составителя официальных писем и других документов. Несколько таких писем римского времени, написанных в Тире, Ольвии и на Боспоре, рассмотрены ниже в разделе «Письма».

Постоянным источником заработка для образованного человека могли быть заказы написать защитительные или обвинительные речи для тяжущихся в суде. Ведь далеко не все эллины, обращавшиеся в суд, могли составить убедительную речь. Поэтому они обращались к тем, кого называли логографами; они обычно имели риторическое образование, хорошо знали законодательство и правила составления судебных речей. Заказчик заучивал составленную логографом речь и от своего имени произносил в суде. Так поступил боспорянин Сопеид, когда вызвал в афинский суд банкира Пасиона; его обвинительная речь, написанная Исократом, сохранилась среди сочинений этого оратора (Isocr. XVII).

Большинство греческих государств не могли обеспечить постоянными заказами высокообразованных специалистов разных профилей. Поэтому их по мере надобности приглашали на временную работу. Архитекторы входили в число таких профессионалов высшего уровня, обладавшими обширными знаниями.

Их звали, когда требовалось построить или реставрировать храм, театр, гимнасий, другие общественные здания и оборонительные сооружения. Архитекторы также занимались постройками крупных кораблей, обустройством гаваней и верфей (Блаватская, 1983, с. 214- 281). Витрувий в своем трактате «Об архитектуре» (I, 1, 3) охарактеризовал круг знаний, необходимых архитектору. Он «должен быть грамотным человеком, умелым рисовальщиком, изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философов, быть знакомым с музыкой, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и в небесных законах» (перевод Ф.А. Петровского). Конечно, архитектор должен был изучить многие сочинения своих предшественников по теории и практике архитектуры. Такие труды существовали уже в VI в. до н. э., и их число постоянно пополнялось, о чем подробно написал Витрувий. В VI- IV вв. до н. э. высококвалифицированных архитекторов в Элладе было немного (Ps. Plat. Amatores. 135 b).

Античные города Северного Причерноморья стали нанимать архитекторов уже в архаический период. В Борисфене, Ольвии и Нимфее в конце VI- V вв. до н.э. ионийские архитекторы строили небольшие храмы и привозили для их украшения расписные терракотовые детали: акротерии, антефиксы, капители и др. (Крыжицкий, 1983, с. 50- 53, рис. 22- 24). В V в. до н. э. опытный архитектор построил в Пантикапее большой храм, посвященный Аполлону. Монументальное здание венчало акрополь города и было видно издалека кораблям, плывущим по проливу Боспор Киммерийский. Остатки храма позволили ученым сделать его реконструкцию. Он достигал высоты 14 м., на фасаде располагалось 6 колонн, возможно, они также окружали и остальные стороны храма, украшенного мраморными рельефами. По мнению современных исследователей, один Пантикапей не имел возможности оплатить постройку такого крупного и дорогого сооружения. Его финансировали также другие, тогда еще независимые ионийские колонии на Боспоре Киммерийском (Пичилян, 1984, с. 156- 170). Все они справляли у этого величественного храма общие праздники и приносили здесь жертвы Аполлону Врачу, так же как в их метрополии ионяне собирались из 12 городов в святилище Панионион (Her. I, 148).

Азами архитектурного образования могли владеть местные опытные строители. В городах Северного Причерноморья они возводили благоустроенные частные дома, колодцы, крупные облицованные камнем цистерны, винодельни и др. Но, конечно, такие сооружения, как театр, гимнасий или храм, были им не под силу.

Одеятельности архитекторов в античных городах Северного Причерноморья можно судить главным образом по остаткам их построек. Таковы, например, фундаменты храмов Аполлона Дельфиния и Зевса на Центральном теменосе Ольвии, оборонительные стены и башни Херсонеса, комплекс зданий на акрополе Пантикапея и др. Остатки театра обнаружены в Херсонесе, по нескольким надписям известно о театре в Ольвии, а о театрах в городах Боспора упомянул Полиэн (Strat. V, 44). Их могли построить только опытные приглашенные ар-

хитекторы. К сожалению, в надписях о строительстве тех или иных сооружений обычно названы имена магистратов, наблюдавших за выполнением заказа, или тех, кто оплатил строительство, а об архитекторах упоминается крайне редко и только в надписях римского времени. Например, архитектор, уроженец Никомедии, построил в Ольвии баню, а в надписях Танаиса встречаются имена архитекторов, соорудивших оборонительные стены и башни (IOSPE I2. 174; КБН. 1245, 1249, 1250, 1252).

Труд хорошего архитектора стоил дорого, обычно он работал не один, а с квалифицированными помощниками, которых тоже следовало нанять (Блаватская, 1983, с. 259- 272, 278). Средства для этого не всегда находились в городской казне. Тогда обращались за помощью к богатым гражданам, таким, как ольвиополит Протоген, выделивший средства на строительство стены и реставрацию четырех башен. Из - за недостатка денег или из-за спешности постройки иногда пытались обойтись без опытного специалиста. Так, в IV в. до н. э. часть оборонительной стены у Западных ворот Ольвии построили безграмотно в конструктивном отношении: профессиональный архитектор не сложил бы фундамент из сырцового кирпича и не поместил бы его на культурном слое, вместо того чтобы снять грунт до уровня материка (Крыжицкий, 1999, 112, 190).

Деятельность врача была еще одной профессией, требовавшей углубленного образования. Вероятно, во время хорошего экономического состояния государства в Северном Причерноморье, как и в других областях греческой ойкумены, нанимали для граждан врачей за общественный счет. О присутствии врачей в Херсонесе и в Ольвии свидетельствуют несколько надгробий и находки хирургических и других медицинских инструментов (Соломоник, Антонова, 1974. с. 94- 105; Хомчик, 1991, с. 63- 68). Сейчас по эпитафиям известны имена врачей Дионисия, Эвклеса и Лесханорида, практиковавших в Херсонесе в конце IV-III вв. до н. э. Двое последних были уроженцами острова Теос. В римское время врачи приезжали вместе с легионерами, служившими в Таврике. Здесь в I в. н.э. погиб врач Ведий Трепт во время нападения варваров (Соломоник, 1983, с. 44, № 13).

Школьные знания как основа для многих профессий

В предыдущем разделе говорилось, для какого рода деятельности в античности требовалось высшее образование. Однако, многими профессиями можно было овладеть, имея среднее и даже начальное образование.

Вскоре после основания колоний в Северном Причерноморье появилась необходимость в образованных магистратах, следящих за городским благоустройством и знающих законы торговли. Такие магистраты назывались у греков астиномами, то есть смотрителями за законностью в городе, и агораномами, то есть блюдущими порядок на рынке. В крупных городах их было несколько (Aristot. Polit. II, 50), а в небольших обе функции исполнял один человек. Агораном заботился о дорогах, ведущих к рынку, собирал арендную

плату за место на рынках, следил, чтобы продавцы не обманывали покупателей, контролировал, как менялы соблюдали введенные государством тарифы обмена иностранных монет на местные. Он следил также за справедливостью оплаты поваров, флейтисток и других, кого на рынке нанимали на временную работу. Астином смотрел за содержанием в порядке зданий, улиц, водостоков, колодцев и источников, он осуществлял надзор за соблюдением порядка в городской гавани, наблюдал за состоянием городских оборонительных сооружений, следил, чтобы границы застроек не захватывали часть улицы, чтобы двери и окна открывались внутрь, а не наружу, потому что улицы были очень узкими (Jones, 1940, p. 214).

Начало деятельности таких магистратов на северных берегах Черного моря относится ко второй половине VI в. до н. э. Тогда в Борисфене выстроили городской квартал с регулярной планировкой, в Ольвии отвели определенное место для агоры и двух священных участков, теменосов, а в городских кварталах стала соблюдаться красная линия застройки (Крыжицкий, 1999, с. 110-111.).

О деятельности агораномов в античных государствах Северного Причерноморья свидетельствуют упоминания в ольвийских и херсонесских надписях (IOSPE I². 128, 129, 418, 440, 685; НО. 90), а также находки эталонных гирь и мерных сосудов. Последние использовались в основном для розничной продажи вина и оливкового масла. Древнейшие из них относятся к концу VI в. до н. э. Таковы несколько ойнохой местного производства с особыми клеймами из Фанагории, а также найденные на Березани бронзовые разновесы с изображением стрелы, символа Аполлона, верховного божества Борисфена, и ойнохой с надписью δίκαιον – узаконенная мера (Блаватский, 1964, с. 31; Виноградов, 1989, с. 63). Археологи обнаружили немало подобных сосудов и гирь более позднего времени. На них иногда ставилось имя агоранома, например, имя ольвийского агоранома Апатурия читается на пяти мерных сосудах эллинистического времени, обнаруженных при раскопках торговых рядов на агоре (Леви, 1985, с. 98, рис. 99). Для мерной ойнохой IV в. до н. э. в Пантикапее сделали клеймо с таким же изображением головы сатира, как на местных монетах, а в Ольвии эталонные гири эллинистического времени украшали рельефами с головой Аполлона, возглавлявшего ольвийский пантеон, или фигуркой дельфина, символом этого бога (рис. 13; Блаватский, 1964, с. 32; Крапивина, 1980, с. 89-90). Упоминания ольвийских агораномов в надписях, а также на клеймах на бронзовых и свинцовых гирях и на мерных сосудах позволяют заключить, что до начала III в. до н. э. в Ольвии функцию агоранома исполнял один человек, затем их число увеличилось до трех, а в римское время доходило до пяти (Рубан, 1982, с. 30-40). Вероятно в круг их обязанностей входили также функции астиномов, как и в других греческих городах эллинистического периода (Jones, 1940, p. 214).

Когда в Северном Причерноморье в классический период выросло население городов и увеличилась их площадь, потребовались глашатаи, обладающие громким голосом, ясной дикцией и умением читать врученные

им документы. Греческие глашатаи ходили по городу, объявляя даты сбора граждан на Народное собрание и на заседание Совета, исполнительного органа власти, они извещали о днях проведения судебных разбирательств и других мероприятий, например, публичных торгов. Перед началом Народного собрания или Совета глашатай по имевшемуся у него утвержденному списку проводил переключку присутствующих граждан. Этот древний обычай, восходящий к архаическому периоду, упомянул в своих стихах Алкей (fr. 24 с): «как хочется услышать глашатая, выкрикивающего в Народном собрании и Совете мое имя Агесилаид».

Прямые и косвенные сведения о глашатаях в Северном Причерноморье в наибольшем количестве сохранились в эпиграфических памятниках Ольвии, отдельные упоминания о них встречаются в надписях Тиры и Херсонеса (IOSPE I². 2, 31, 32, 34, 38, 40, 46, 51, 52, 57, 344, 433; НО. 28, 43), а на Боспоре они отсутствуют, хотя трудно представить какой-либо греческий город без глашатая. Это объясняется тем, что упоминания о глашатаях в основном имеются в почетных декретах, которые оканчивались словами о решении увенчать золотым венком либо поощрить иной наградой гражданина или иностранца, оказавшего значительные услуги государству, и провозгласить текст декрета на самых многочисленных праздниках. Так было принято в государствах с демократической формой правления. Боспором же правили цари, которые не практиковали такую форму благодарности своим согражданам и иностранцам, хотя сами охотно получали такие почести в Афинах (МИС. 3, 4).

Глашатаи читали декреты на празднествах Диониса в театрах Ольвии и Херсонеса, на празднике Парфении в честь главной богини Херсонеса и во время наиболее престижных конных состязаний на Ахилловом Дроме (IOSPE I². 31, 34, 344, 352). Иногда принимались решения огласить постановление в двух местах. Например, ольвийский декрет о награждении золотым венком херсонеситов Аполлодора, Аполлония и Евфрона глашатай читал в Народном собрании и в театре (НО. 28). В Ольвии глашатаи также провозглашали благодарственные декреты во время торжественных похорон граждан, имевших заслуги перед отечеством (IOSPE I². 40, 46, 51, 52).

По аналогии с другими греческими городами можно думать, что в Северном Причерноморье глашатаи ходили по городу, объявляя день заседания суда и извещали об этом истца и ответчика. Они вызывали желающих взять на откуп сбор государственных налогов и штрафов или подрядиться выполнить какой-либо государственный заказ, например, на строительство или ремонт общественных зданий или оборонительных сооружений. Относительно сдачи на откуп штрафов известно из ольвийского декрета об обмене денег, а в декрете в честь Протогена сказано, что он через глашатая объявил о том, что оплачивает возведение городской стены, защищающей город со стороны реки, и предлагает подрядчикам взять на откуп это строительство (IOSPE I². 24, 32).

Грамотные люди становились глашатаями, когда их на это толкала бедность. Платон в «Законах» (918 в) и Феофраст в «Характерах» (гл. 6) называли эту деятельность не достойной гражданина. Но в римский период, видимо, отношение к этому изменилось. В Херсонесе наряду с поэтами и трубачами состязались глашатаи, их имена вместе с другими победителями праздничных состязаний записывали в каталог на мраморной стеле и ставили около театра. (НЭПХ. 127). Поэтому можно заключить, что они были полноправными членами общества, так как на греческих агонах всегда принимали участие только граждане любого эллинского государства.

В процессе формирования государственного аппарата появляются секретари. Название этой должности *γραμματεὺς* происходит от слова *γράμμα*, буква, то есть подразумевает грамотного человека, способного вести документацию. Древнейшее известное сейчас упоминание секретаря в Северном Причерноморье сохранилось в надписи III в. до н. э. на стеле коллегии ситонов (НО. 72), которые заботились о снабжении Ольвии хлебом в голодные годы. На стеле изображены все члены коллегии и внизу начертаны слова: «Бывшие ситонами Феокл, сын Фрасидама, Деметрий, сын Фокрита, Афиней, сын Конона, Навтим, сын Героксена при секретаре Афинодоре, сыне Демагора, (это изображение) Герою Внемлющему (посветили)». Видимо, секретарь составил надпись, нанял скульптора и следил за исполнением рельефов и нанесением текста на мраморную плитку. Имя секретаря названо с отчеством, из чего следует, что он был гражданином, а его должность была не чисто вспомогательной, так как он изображен на стеле наравне с остальными ситонами (рис. 14).

Безусловно, при исполнительных органах власти секретари появились в античных городах Северного Причерноморья уже в V в. до н. э., когда здесь стали вести подробную документацию. Секретари редактировали и записывали по определенным формулам постановления Народного собрания, законы и другие документы, которые поступали в городской архив. Если в документе шла речь о предоставлении каких-либо прав или привилегий, то секретарь вручал копию лицу, упомянутому в постановлении. Таковы были почетные декреты о наградах и проксении иноземным гражданам, в которых говорилось о предоставлении им особых льгот, а иногда и гражданства. Вот образец одной из полностью уцелевших ольвийских проксений, данной в IV в. до н. э. двум гражданам Гераклеи (рис. 15): «В добрый час! Ольвиополиты дали сыновьям Феопрота, Феофану и Аристе, гераклеотам, им самим и их потомкам проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы не ввезли или не вывезли они сами или их слуги, и (дали право) входа и выхода (из гавани) и в военное, и в мирное время, без конфискации и заключения договора» (НО. 6).

О деятельности секретаря можно прочесть в одной частично сохранившейся надписи из Тиры (IOSPE I². 2). Там написано, что секретарь Валерий Руф редактировал постановление о награждении золотым венком сына Коккея. Вероятно,

тот умер к моменту издания декрета, так как в тексте надписи указано, что секретарь вручал отцу копию декрета, а оригинал передавал в городской архив. Вероятно, к секретарю обращались за выписками из законов, которые требовались при решении того или иного дела в суде.

В особо важных случаях принималось решение начертать декрет или закон на каменной стеле и поставить на видном месте в городе. Древнейшие подобные надписи в Северном Причерноморье датируются V в. до н. э. На них сохранились тексты, составленные секретарями. Они написаны литературным языком с использованием формул, по которым писались подобные документы в других греческих городах. Последнее особенно заметно в проксениях, соответствующих трафарету, принятому во всей греческой ойкумене (Тюменев, 1950, с. 14- 20; Guarducci, 1969, р. 28). Текст документа при передаче его резчику по камню не редактировался. Поэтому в ольвийских надписях часто имеется лишь число без указания месяца и года. Вероятно, в архиве документы складывали по годам и месяцам, поэтому было ясно, когда он написан. Например, знаменитый декрет в честь Протогена начинается словами: «Совет и Народ постановили двадцатого числа, архонты и коллегия Семи предложили...». В то же время в декрете точно обозначены годы, когда Протоген совершал свои благотворительные акции: датировка указана, как это было принято во многих греческих городах, по именам верховных жрецов, дававших название году.

Во всех греческих государствах суд входил в число обязательных учреждений. Древнейшие письменные и археологические свидетельства о судах в Ольвии и в Пантикапее относятся к IV в. до н. э. (Скржинська, 2009, с.20). Кроме судей и присяжных в судебных процессах непременно участвовал секретарь, умеющий писать и читать. В его обязанности входило чтение законов, свидетельских показаний и других документов, которые принесли в суд истец и ответчик. Заседание суда начиналось с молитвы богам, после чего секретарь вызывал истца и ответчика, просил их назвать свои имена и читал текст жалобы. Затем истец выходил на специальное возвышение, бему и произносил свою речь. Вслед за ним выступал ответчик. Оба они неоднократно обращались к секретарю, чтобы тот прочел соответствующий документ из тех, которые они предоставили суду.

О деятельности секретарей в судах Северного Причерноморья не осталось прямых свидетельств. Однако, основные черты судопроизводства у всех греков были сходными. Поэтому, чтобы представить роль судебного секретаря, можно обратиться к речам Демосфена, в частности к тридцать четвертой речи против боспорского купца Формиона. Она была написана для истцов, обвинивших купца в отказе отдать деньги, взятые в долг для проведения торговых операций на Боспоре. Перечисляя претензии к Формиону, истцы несколько раз обращались к секретарю с просьбой прочесть соответствующий закон (параграфы 37, 42), свидетельские показания (параграфы 9, 10, 11, 15, 20, 38, 40), таможенную запись (параграф 7) и текст прошлогоднего обвинения ответчика.

Начиная с V в. до н. э., вплоть до заката античной эпохи, в городах Северного Причерноморья жили каменотесы, вырезавшие надписи; для этой профессии требовалось умение читать и писать. Они выполняли различные заказы государства и частных лиц. На известняковых и мраморных плитах резчики по камню писали официальные документы, посвятельные надписи и эпитафии. Многие из них найдены при раскопках всех античных городов, поселений и некрополей в Северном Причерноморье. К настоящему времени опубликованы сотни надписей, и число их постоянно увеличивается, поступая из новых раскопок.

Древнейшие надписи на каменных стелах, появившиеся в северопричерноморских колониях, обнаружены в Нижнем Побужье. Они выполнены мастерами из метрополии. Такова эпитафия гражданина Борисфена Мастора, сына Берта, погибшего в середине VI в. до н. э. Ее пять строк выбиты на известняковой плите; они написаны в архаической манере бустрофидона, то есть первая строка справа налево, вторая слева направо, третья справа налево и так далее. Этот роскошный по архаическим меркам памятник с изображением воина и стихотворной эпитафией был заказан в Ионии и привезен на Березань (Яйленко, 1982, с. 260- 263). Также ионийским мастером в начале V в. до н. э. сделаны рельеф и надпись на мраморной стеле, стоявшей на могиле Леокса в некрополе Ольвии (Культура населения Ольвии, 1987, с. 158- 159). Дорогие надгробия из Эллады продолжали привозить в Северное Причерноморье на протяжении всей античности. Таковы, например, аттические надгробные памятники с рельефами классического периода из Ольвии и городов Боспора, или афинский саркофаг римского времени из Мирмекия (Саверкина, 1962, с. 247- 263; Скржинская, 1998, с. 186- 187). Но большинство родственников умерших заказывали памятники с надписями у местных мастеров.

В начале V в. до н. э. местные резчики по камню еще не достаточно хорошо овладели искусством делать надписи, что видно на древнейших ольвийских надписях, сделанных по заказу государства и частных лиц. Это первая из известных сейчас проксений в Северном Причерноморье, две посвятельные надписи и три эпитафии. Буквы на них вырезаны глубоко и небрежно, не соблюдены расстояния между строками и отдельными буквами, мастер не делал предварительной разметки, поэтому иногда в строку помещались не все буквы (IOSPE I². 212, 213, 215; НО 1, 103, 167). Большинство же более поздних надписей из Северного Причерноморья исполнены на хорошем профессиональном уровне, сохранявшемся практически до конца античной эпохи.

Начальное образование со знанием счета требовалось тем, кто занимался торговлей, ростовщичеством и обменом денег. Простейшие расчеты производили торговцы и покупатели на рынках, употребляя мелкие местные монеты. В Борисфене, Ольвии и Пантикапее их стали массово выпускать уже в конце архаического времени, а позже их чеканили и во многих других городах Северного Причерноморья. Цифровые записи постоянно находят при раскопках не только городов, но и небольших поселений (Сапрыкин, Масленников, 2007).

Начиная с VI в. до н. э., несколько сотен греческих городов и их колоний выпускали собственные монеты в разных денежно-весовых системах. Интенсивная торговля требовала возможности приравнивать друг к другу денежные единицы разных полисов. Так появилась профессия менялы. Он раскладывал деньги и проверял качество монет на особом столе, называвшемся трапезой, откуда произошло греческое название этой профессии - трапезит. Трапезиты существовали в каждом греческом городе, и их деятельность требовала определенного образования. Ведь они занимались не только обменом денег одной денежной системы на другую и проверкой качества монет, но также давали деньги под залог ценных вещей, осуществляли денежные переводы в другие города, выдавали займы под проценты. Кроме того, за определенную плату они хранили ценности и разные документы, совершали от имени клиента различные сделки, выступали посредниками при заключении договоров и разных платежей. Греческие трапезиты первыми стали практиковать введение в оборот чужих денег; это, по мнению современных ученых, является решающим доказательством того, что древняя Эллада была родиной банковского дела.

О трапезитах в Северном Причерноморье известно по эпиграфическим источникам и различным косвенным данным. В декрете Протогена сохранилось имя ольвийского трапезита Полихарма, которому архонты на городские нужды заложили священные сосуды. Срок выкупа подходил к концу, и трапезит собирался отдать эти сосуды на переплавку, но Протоген выкупил их за 100 золотых. Стоит подчеркнуть, что Полихарм назван иностранцем, то есть не гражданином Ольвии. Ведь профессия трапезита считалась в древности не достойной гражданина, и ею занимались в основном свободные, но неполноправные жители греческих городов. Характерно, что большинство из известных афинских трапезитов IV в. до н. э. не были гражданами (Глускина, 1975, с. 73-74).

Косвенное свидетельство об ольвийских трапезитах IV в. до н. э. содержится в законе об обмене денег (IOSPE I². 24), так как подобные операции осуществляли трапезиты. Приезжие купцы, наверное, делали краткосрочные вклады в местные трапезы для сохранения своих денег. Так, например, сразу же поступил молодой боспорянин, приехавший в Афины с большой суммой денег; друзья отца немедленно представили его крупнейшему афинскому трапезиту Пасиону, которому боспорянин отдал на сохранение свои деньги и в дальнейшем вел с ним много финансовых дел (Isocr. XVII, 4).

Уже в V в. до н. э. в греческих колониях не хватало небольшого числа образованных граждан из аристократических семей, дававших детям домашнее образование. Начальное образование стало требоваться для овладения рядом профессий в среде широких слоев населения. В результате такой необходимости появилась профессия учителя начальной школы. Он брался обучить чтению, письму и счету не только детей граждан, но и сыновей неполноправного населения. В эллинистический период в некоторых греческих городах девочки также

могли посещать школу, но о такой возможности в Северном Причерноморье не имеется никаких сведений.

По письменным источникам известно, что в более или менее крупных городах Эллады школы существовали уже в начале V в. до н. э.; тогда в Аттике и на Хиосе обучалось по несколько десятков учеников (Her. VI, 27; Aristoph. Nub. 964-965; Paus. VI, 9, 6). О широком распространении грамотности и, следовательно, о школах в античных городах Северного Причерноморья косвенно свидетельствуют находки множества прочерченных на керамике и штукатурке надписей самого разнообразного содержания. Среди этих граффити есть три десятка ученических упражнений (Яйленко, 1988, с. 54- 60). О местных учителях вообще не уцелело никаких сведений, вероятно, потому, что учить грамоте считалось малоподходящим занятием для гражданина (Plat. Prot. 313 b; Dem. XVIII, 358). Учителями начальной школы становились те, от кого отвернулась удача. Такими людьми были, например, политические изгнанники или разорившиеся граждане. Их нужда заставляла учить, причем за небольшую плату. (Athen. IV, 184). Начальное обучение оплачивали родители, а работа по найму частных считалась не достойной гражданина. Поэтому над учителем можно было посмеяться и упрекнуть за такой заработок. Демосфен, чтобы выставить в невыгодном свете своего оппонента оратора Эхина, говорил, что его отец был учителем начальной школы, и сын ему помогал (Dem. XVIII, 129-131; XIX, 129). Такими же сведениями старались унижить философа Эпикура его противники (Diog. Laert. X, 4).

Обязанность учителя начальной школы ограничивалась чисто техническим обучением ребенка чтению, письму и счету; никакие воспитательные задачи перед ним не ставились. Для этого ремесла не считалась нужной никакая особая подготовка, просто грамотный человек вспоминал, как его самого учили в детстве. Ученики писали на дощечках, натертым воском, а домашние задания зачастую прочерчивали заостренным предметом на обломках керамических сосудов или на черепице. Упражнения на знание алфавита найдены при раскопках всех греческих городов Северного Причерноморья. Древнейшие из этих граффити из Тиры и Борисфена относятся к архаическому периоду (Яйленко, 1988, с. 57), но большинство к V- III вв. до н. э. После III в. до н. э. граффити на керамике почти исчезают, так как удешевляется стоимость папируса, и он становится широкодоступным писчим материалом, но, к сожалению, не сохраняется в земле; только иногда античные тексты на папирусе находят в песках Египта. На некоторых граффити со школьными упражнениями из Тиры и Ольвии можно увидеть следы деятельности учителя, исправлявшего ошибки ученика, о чем говорилось в разделе о начальной школе.

Итак, школьное образование помогало овладеть многими профессиями, в числе которых были учитель, глашатай, каменотес, исполняющий надписи, секретарь коллегии или суда, трапезит и другие. Школа открывала доступ к высшему образованию; им владели многие государственные деятели, философы,

логографы, врачи, архитекторы и авторы литературных и публицистических сочинений.

Письма в ежедневной жизни эллинов

В научной литературе опубликовано несколько десятков писем, обнаруженных при раскопках античных городов и поселений в Северном Причерноморье. Однако до сих пор еще не было общего обзора этих писем, не выделялось их наличие как свидетельство о разных уровнях образования авторов посланий и не выяснялась роль переписки в повседневной жизни местного населения.

После появления письменности к традиционному устному обмену информацией прибавилась возможность передавать на отдаленные расстояния разнообразные сообщения, не знакомя с их содержанием передающего письмо. Древнейшее упоминание о греческом письме содержится в «Илиаде» (VI, 168-169). Царь Тиринфа Прет отправил своему зятю письмо с рекомендацией погубить Беллерофонта, причем сам герой, ничего не подозревая, доставил это письмо. Конечно, у Гомера это поэтический вымысел, отнесенный к мифологическим временам жизни старших греческих героев. Но показателен сам рассказ о письме: он свидетельствует о том, что слушатели эпических поэм уже в конце VIII в. до н. э. знали о возможности посылать письма. В античной литературе сохранилось несколько упоминаний о письмах правителей архаического времени (Her. III, 40; Thuc. I, 128, 129, 137). Все это показывает, что ко времени появления греческих колоний на северных берегах Черного моря письма вошли в обиход образованных эллинов. Благодаря археологическим находкам уверенно можно говорить о переписке должностных и частных лиц в Северном Причерноморье, начиная с VI в. до н. э.

Греки использовали для писем различные материалы: деревянные таблички, натертые воском, папирус, выделанную кожу, свинцовые и костяные пластинки и обломки керамики. Первые три материала плохо сохраняются в земле, так что их находки представляют большую редкость и не встречались до сих пор при раскопках в Северном Причерноморье. Изображения папирусных свитков и восковых табличек изредка встречаются на местных памятниках искусства. Таковы херсонесская статуя мужчины со свитком в руке (рис. 12) или таблички для письма на фреске из некрополя Горгиппии и на терракоте из Ольвии (Алексеева, 1984, с. 83, 140, табл. 42; Худяк, 1940, с. 96, рис. 77).

Восковые таблички были одним из наиболее распространенных средств для переписки. Получив послание, адресат мог стереть его после прочтения и на разглаженном воске написать ответ. То же самое можно было сделать и на свинцовой пластинке. Письма передавали либо со специально посланным человеком, либо с тем, кто отправлялся по своим делам в нужном направлении.

Чтобы письмо мог прочесть только адресат, в табличках делалось отверстие для продевания шнура, который скрепляли печатью, так что ознакомиться с

текстом можно было, лишь сломав печать. Обычно ею служил кусочек воска с оттиском геммы, принадлежавшей автору письма. Сходным образом запечатывали свернутые в трубку письма на папирусе, которые оборачивали шнурком, а его концы или завязанный узел скрепляли печатями. Они были в древности весьма разнообразны. Состоятельные люди заказывали уникальные по мастерству изделия у выдающихся ювелиров. Адресаты, как правило, узнавали подлинность письма по печати. Ее роль как удостоверения личности греков и римлян великолепно отражена в рассказе Тацита о Петронии, приближенном императора Нерона. Перед тем как кончить жизнь самоубийством, Петроний сломал свой перстень с печатью, чтобы его не могли использовать для составления подложных документов (Тас. Ann. XVI, 19).

В археологических коллекциях из всех городов, некрополей и многих поселений на северных берегах Черного моря найдено множество печатей, которыми запечатывали письма. Среди них есть шедевры античной глиптики, исполненные на полудрагоценных камнях выдающимися мастерами, например, Дексаменом Хиосским (рис. 16); менее обеспеченные люди приобретали дешевые поделки из стекла (Неверов, 1983, с. 107- 122). По этим изделиям можно судить о вкусах и имущественном положении обладателей печати. Например, искусно вырезанная яшмовая инталия с изображением юноши, играющего с петухом (рис. 17), по всей вероятности, принадлежала состоятельному боспорянину, любителю широко распространенных в античности петушиных боев (Неверов, 1976, № 32).

После появления письменности греки не одно столетие часто писали письма на свинцовых пластинках и обломках глиняных сосудов и черепицы. В эллинистический период папирус стал достаточно дешев, и тогда он вытеснил из употребления упомянутые менее удобные материалы для письма, которые смогли сохраниться в земле. Поэтому в Северном Причерноморье уцелели образцы писем, написанных на керамике и металле в VI- III вв. до н. э. (рис. 4, 18). Есть также несколько официальных писем римского времени, так как в виду важности некоторых таких посланий их копии вырезали на камне и выставляли в общественных местах наряду с другими документами.

Содержание писем зачастую трудно понять из-за плохой сохранности и краткости, подразумевающей знание адресата, о чем идет речь. Например, в письме на свинцовой пластинке IV в. до н. э. из Пантикапея некий Гермей пишет о каких- то вещах или людях в количестве 50 и разрешает своему адресату взять, сколько потребуется (Сапрыкин, Куликов, 1999, с. 203). На ряде уцелевших писем есть невосполнимые утраты, но и в случаях, если текст хорошо читается, возникают затруднения при его понимании из-за плохо известных нам фонетических, морфологических и синтаксических особенностей языка греческих колонистов. Поэтому большинство из приведенных ниже писем имеют неоднозначное толкование, но мы анализируем те предложенные учеными варианты, которые кажутся нам более убедительными.

В Северном Причерноморье древнейшие известные сейчас письма посылали в архаический период жители Борисфена, Ольвии и Фанагории. В третьей четверти VI в. до н. э. в Ольвию было доставлено письмо на стенке амфоры стиля Фикеллура, его условно называют письмом жреца. Текст состоит из 12 не полностью сохранившихся строк. В них содержится отчет некоего лица, совершавшего инспекционную поездку по округе полиса. Автор пишет, что он увидел разрушенные алтари Геракла, Матери богов и речного божества Борисфена. Кроме того, он сообщает об отправке в город древесины и об отлове диких лошадей, которых, наверное, здесь приручали, а также упоминает о попытке бегства рабов (Русяева, 1987, с. 146- 147; Яйленко, 1998, с. 90).

Важная информация о жизни бедных граждан содержится в письме из раскопок Березани (рис. 18), оно написано во второй половине VI в. до н. э. (Виноградов, 1971, с. 83- 100). Свинцовая пластинка с текстом из 13 строк была свернута в свиток, а на его внешней стороне начертан адрес: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору». Приведем текст письма в переводе С.Р. Тохтасьева (2005, с. 142).

«О, Протагор, тебе пишет отец. Он подвергается беззаконию со стороны Матасия, ведь тот обманывает его и отнял у него грузоперевозчика. (?). Придя к Анаксагору, разъясни (ему ситуацию), ведь он (Матасий) говорит, что он (грузоперевозчик) – раб Анаксагора, заявляя «моим имуществом владеет Анаксагор, и рабами, и рабынями, и домами». Он же (грузоперевозчик) кричит и говорит, что он свободный и не имеет никакого отношения к Матасию, а если что есть (спорного) у него и Анаксагора, то они знают, (что к чему) сами по себе. Это надо сказать Анаксагору и его жене. И другое: он (отец) тебе пишет: твою мать и твоих братьев, которые находятся в Арбинатах, надо доставить в город; сам же...когда придет к нему (Анаксагор?), пусть прямиком отправится (в город?)».

В начале письма речь идет о некоем фортегесии. Слово стоит в родительном падеже, поэтому не ясно, мужского оно или среднего рода; определить это невозможно, потому что такое слово ни разу не встречалось в античной литературе и эпиграфике. Однако понятно, что оно родственно глаголу *φορτῆναι*, имеющему значение перевозить или переносить грузы. Ю.Г. Виноградов и С.Р. Тохтасьев склоняются к мужскому роду этого слова и переводят его как грузоперевозчик. Если же отнести это слово к среднему роду, то получается, что речь идет о грузовом корабле, и Матасий хочет поработить Ахиллодора, называя его рабом (Тохтасьев, 2005, с. 143). Таким образом, речь идет об обращении в рабство свободного человека, что нередко случалось в античности. Достаточно напомнить, что в 389 г. до н. э. философ Платон, оказавшись на враждебном Афинам острове Эгине, был продан в рабство и затем выкуплен друзьями. Во второй части письма говорится о том, что отец посылает из поселения Арбинаты в город (вероятно, в Ольвию) свою жену и сыновей, наверное, на какие-то праздники.

В письме упомянут не известный по другим источникам топоним Арбинаты на территории Нижнего Побужья. Послание Ахиллодора касается имущественного и социального конфликта с участием рабов. Этот текст вместе с близким по времени «письмом жреца» содержит древнейшее среди весьма немногочисленных свидетельств об использовании труда рабов и рабынь в колониях Северного Причерноморья. К этому следует добавить известие в частично сохранившемся свинцовом письме, написанном между 530 и 510 гг. до н. э. и полученном в Фанагории: «Этот раб доставлен из Борисфена на продажу, имя его Фаулл». Так мы узнаем о прямых контактах Борисфена с Боспором и о существовании торговли рабами в Северном Причерноморье уже в VI в. до н. э. (Тохтасев, 2010, с. 50).

Более поздние известные сейчас письма классического и эллинистического времени имеют, как и предыдущие, в основном деловой характер. Обычно они начинаются приветствием адресата и заканчиваются традиционным прощанием. Некоторые представляют краткие записки. Таково упомянутое выше письмо Родона Гераку (рис. 4) или написанное на амфоре сообщение некоего Майдата, что он придет (Соломоник, 1984, с. 90, № 456), а также письмо на стенке амфоры, найденное в окрестностях Ольвии: «Пусть Агрот пошлет Ахиллу из дому» (Русяева, 1987, с. 147- 148). Краткая записка на стенке амфоры из Херсонеса содержит упоминание о продажной женщине и свидетельствует, что в IV в. до н. э. в городе находились девицы такого рода (Соломоник, 1987, с. 126- 127).

Редкие сведения, касающиеся судебных дел, содержатся в двух ольвийских письмах на свинцовых пластинках. В одном Баттикон сообщает Дифилу о своей неудаче в судебной тяжбе, а в другом некий неизвестный ольвиополит обещает судье взятку за то, чтобы он не допустил выступления свидетелей, неугодных автору письма (Виноградов, 1971, с. 79; он же, 1987, с. 14- 15). Из ольвийского свинцового письма Артикона к родственникам мы узнаем об его семье, не имеющей собственного дома и вынужденной арендовать комнату для жилья. Таким образом, в Ольвии уже в начале V в. до н. э. домовладельцы могли получать доход за сдачу в наем отдельных помещений (Виноградов, 1971, с. 78; Яйленко, 1998, с. 111-115). В письме, написанном на стенке амфоры в Никонии в IV в. до н.э., говорится о посылке корабля с грузом ячменя (Giuszek, 2012, p. 499), а в письме из Керкинитиды его адресат Невмений получает распоряжение, как поступить с товарами и просьбой узнать, кто отправляется в Скифию (Соломоник, 1987, с. 119- 120).

Письма на керамике и на свинцовых пластинках в основном написаны частными лицами. Удалось найти лишь два исключения. Это упомянутое выше так называемое письмо жреца, посетившего окрестности Ольвии, и боспорское письмо царского чиновника Ботроса. Он обращается к некому магистрату, отвечавшему в городе Акра за состояние культовых и общественных построек; и дает распоряжение позаботиться о защите от влаги городского святилища и

стои (Сапрыкин, Федосеев, 2008, с. 72- 74). Что касается римского времени, то все известные сейчас письма из Северного Причерноморья принадлежат официальным лицам. Копии их текстов в виду важности их содержания вырезали на каменных стелах и выставляли на всеобщее обозрение наряду с законами, декретами и другими документами.

Переписка правителей и магистратов в государствах Северного Причерноморья безусловно велась с раннего периода существования колоний, но уцелели лишь тексты первых веков нашей эры. Об официальных письмах более раннего времени есть лишь редчайшие упоминания в античной литературе и эпиграфике. Из «Банкирской речи» Исократы известно, что боспорский царь Сатир в начале IV в. до н. э. написал в афинский суд письмо в поддержку своего подданного Сопеида (Isocr. XVII, 51). Отправляя послов в другие государства, боспорские цари передавали с ними официальные письма. Краткое содержание такого письма изложено в афинском декрете, изданном в честь боспорских царей Спартока и Перисада, которых афиняне в 347 г. до н. э. наградили золотыми венками (МИС. № 3). Сразу после прихода к власти эти боспорские правители отправили послов в Афины, снабдив их своим личным письмом. В нем они сообщали, что намерены сохранять ту же благоприятную для Афин политику, которую проводил их покойный отец царь Левкон. Кроме того, они просили афинян прислать им матросов, и, как явствует из декрета, просьба была удовлетворена.

Письма царей в эллинистический период стали новым типом официальных документов, имевших полноценное юридическое значение (Welles, 1934, p. 27). Сейчас их принято называть рескриптами (от латинского *rescriptum* – «ответное письмо», а также «императорский указ»). Лучше всего сохранились папирусные письма египетских монархов. Подобные письма известны сейчас также по их копиям, вырезанным на каменных стелах. В римское время теми же юридическими правами стали пользоваться письма императоров и наместников провинций, которые, придавая особое значение некоторым своим распоряжениям, рекомендовали выставить на видном месте в городе копии некоторых своих писем.

Письма монархов во всем античном мире писались по определенным правилам; их составляли образованные чиновники, заведовавшие деловой перепиской в царской канцелярии. Эту должность нередко занимали риторы (Миллер, 1967, с. 9). Среди эпиграфических памятников Боспора есть несколько писем местных царей. Старшее из них написано от лица Полемона в конце I в. до н.э. и обращено к Совету и народу Херсонеса (IOSPE I². 704). К сожалению, сохранился лишь обломок стелы с традиционным обращением царя, которое употреблялось в отношении городов, пользовавшихся правом самоуправления; о содержании письма можно высказывать лишь предположения, исходя из сведений о политической обстановке того времени (Зубарь, 2004, с. 43). Так же незначительные остатки уцелели от царских рескриптов на стелах из Пантикапея и Горгиппии (КБН. № 836, 1050, 1207; Яйленко, 2010, с. 296- 309).

Только два рескрипта Аспурга на мраморной стеле из Горгиппии дают возможность хорошо представить, каковы были официальные письма боспорских царей. Они составлены по принятым в то время трафаретам: письмо пишется от первого лица и начинается с обращения монарха к своим чиновникам, затем излагается основание для издания распоряжения, потом следует само постановление, а в заключение передается привет и ставится дата (Блаватская, 1965, с. 201).

Стела с почти полностью сохранившимися копиями двух писем Аспурга, написанных в апреле- мае 15 г. н. э., была вмонтирована в стену храма, стоявшего в центре Горгиппии. Об этом свидетельствуют место находки и высеченный над рескриптами посвяtitельный текст: «Горгиппияне воздвигли Зевсу Спасителю». Приведем перевод этих писем, сделанный, Т.В. Блаватской в первой публикации этого памятника.

«Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Будучи благосклонно расположен к городу горгиппиян и желая воздать им по справедливости, поскольку они проявили себя во многих делах благорасположенными ко мне, особенно когда соблюли себя в полной безмятежности во время путешествия моего к императору Августу, я определяю сообразно данным мною распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них неизменными согласно наследственному закону Евпатора. Итак, оплатив опубликование, сделайте это постановление для всех известным сообразно нашему решению. Будьте здоровы. 312 года, месяца Даисия 20-го дня».

«Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Так как горгиппиянам, (друзьям моим) я дал освобождение от (уплачиваемых податей) с вина, пшеницы и (ячменя) одной одиннадцатой, с проса же (одной двадцатой, то решил написать) Вам с тем, чтобы вы устроили согласно (моему решению). Будьте здоровы. 312 года, месяца Даисия...» (Блаватская, 1965, с. 200).

В утраченных словах второго письма говорилось о сумме налога на просо и сообщалось о царском распоряжении магистратам. Они выполнили волю царя, заказали стелу с копией царских писем и поместили надпись на стене храма в центре города, чтобы все могли ознакомиться с решениями Аспурга и руководствоваться ими в дальнейшем. Оба документа закрепляли юридические и экономические привилегии, данные царем гражданам Горгиппии, по-видимому, за лояльное отношение к царю во время волнений в других боспорских городах, когда Аспург уезжал в Рим..

Анализируя язык рескриптов, Т.В. Блаватская отметила отличное качество стиля и языка надписей, в которых имеется лишь одна орфографическая погрешность. Это указывает на высокую образованность составителей писем: они обладали хорошей профессиональной выучкой, употребляли специальные формулы и термины, встречающиеся во многих документах разных греческих государств, и в то же время вырабатывали и собственные термины (Блаватская, 1965, с. 198- 202).

В письмах содержатся уникальные сведения о поездке Аспурга к импе-

ратору Тиберию в Рим, где он получил титул «друга римлян» (*amicus populi romani*), что подразумевало заключение дипломатического союза между Римом и Боспором в форме, называвшейся *amicitia*. Мы узнаем имена царских чиновников Панталеонта и Феангела, к которым царь, как было принято, обращается только по имени, не называя их должности. Вероятно, они возглавляли царскую финансовую администрацию Горгииппии и носили звание экономов; в их обязанности входило взимание налогов в царскую казну. Граждане Боспора, как во многих других государствах того времени, облагались поземельной податью в размере, зависевшем от урожая зерновых и винограда. Аспург не отменял, но снижал эти налоги. Видимо такие послабления царь дал только для поземельных налогов, не затрагивая рыболовства, ремесел, мореходства и торговли.

Вероятно, упомянутые чиновники также наблюдали за городскими судами, где разбирались громкие гражданские дела, в том числе процессы о наследстве. Письмо Аспурга свидетельствует, что горожане были недовольны действовавшим законом о наследстве и желали вернуть закон, установленный при Митридате Евпаторе, и царь разрешил это сделать.

Две надписи из Херсонеса и Тиры показывают, что там также пользовались услугами образованных чиновников, умевших вести деловую переписку по законам, принятым в античном мире. Обе надписи представляют образцы переписки гражданских общин Херсонеса и Тиры с наместником Нижней Мезии. Тира одно время входила в состав этой римской провинции, а в Херсонесе стояли римские войска, подчинявшиеся легату Нижней Мезии.

На мраморной плите, найденной в Херсонесе, начертаны копии шести документов; из них три написаны по-гречески и три по-латыни (Ростовцев, 1916, с. 63-69; Соломоник, 1983, с. 20-27). Первое письмо магистратам Херсонеса отправлено наместником Нижней Мезии; второе херсонеситы написали наместнику провинции, третье представляло ответ наместника, четвертое и пятое посланы наместником к Аттилию Примиану, трибуну легиона, командующему херсонесской вексилляцией, и центуриону Валерию Максиму, шестое обращено к этим обоим римлянам. Таким образом, только второе письмо составлено херсонеситом. Оно написано по-гречески, как и ответ наместника. Напомним, что всякий образованный римлянин знал греческий язык. Но к римским военачальникам наместник обращался на латыни, официальном языке империи.

Из этих документов мы узнаем, что публичные дома и отдельные девицы легкого поведения облагались определенным налогом, одна часть которого шла в городскую казну, а другая полагалась римскому гарнизону в оплату за защиту города. Подобные протитуционные подати, как известно из древних надписей, существовали во многих античных городах. Легионеры сочли, что им достается слишком малая доля от налога; они самовольно стали забирать большие суммы и просили легата узаконить их требования. Херсонеситы, со своей стороны, жаловались на незаконные поборы и ссылались на изданные раньше

документы, в которых четко определялась их доля в этом налоге; они просили легата подтвердить их права. Наместник Мезии в своем письме заверил, что римские власти не предусматривали никаких изменений в разделении подати, и приказал находившимся в Херсонесе военным подчиняться ранее изданному императорскому рескрипту. Для того, чтобы соблюдались эти правила, наместник распорядился написать на стеле его переписку с херсонеситами и легионерами.

Надпись из Тиры также содержит переписку с легатом Нижней Мезии; плохо сохранившиеся документы написаны, как и в Херсонесе, на греческом и латинском языках (IOSPE I². 4). В 201 г. легат Овиний Тертулл написал Совету и Народу Тиры по-гречески о том, что на основании рескрипта императора городские власти могут давать права гражданства лишь с согласия легата провинции Нижняя Мезия, в состав которой входила Тира. В письме жителей Тиры наместнику излагалась просьба о подтверждении их прав беспопытной торговли.

В приведенном нами обзоре античных писем из Северного Причерноморья упомянуты все опубликованные наиболее информативные тексты. Они показывают, как, начиная с архаического периода, письма вошли в повседневную жизнь греков. Часть их написана рядовыми гражданами Борисфена, Ольвии, Никония, Керкинитиды, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории и Горгиппии, другие принадлежат перу образованных чиновников Тиры, Херсонеса и Боспора, которые владели правилами составления официальных документов, принятыми во всем античном мире, начиная с эпохи эллинизма. На некоторых свинцовых пластинках можно наблюдать процесс написания письма, так как этот материал допускал возможность стирать написанное. Например, на пластинке из Гермонассы видно, как автор писал правильные буквы на месте сделанных им ошибок (Кашаев, Павличенко, 2011, с. 344).

Конечно, уцелела ничтожная часть переписки греческих колонистов. Но даже имеющиеся немногочисленные письма проливают свет на то, что не освещают другие письменные и материальные источники. Таковы важные свидетельства о деловой, хозяйственной, культурной и судебно-правовой деятельности греческого населения Северного Причерноморья. Мы видим, как переписка вошла в повседневный быт граждан, обладавших школьным образованием. В письмах сохранились особенности языка каждой колонии, а также нигде более не встречающиеся слова и топонимы. Только из писем известно о рабах и рабынях и их купле-продаже в ранний период существования колоний. Уникальны сведения о семьях, живших в наемных помещениях, о находившихся на отдаленных от центра местах алтарях греческих богов и героев, о непосредственных связях Борисфена и Фанагории в VI в. до н. э. Из писем мы узнаем о неприглядной практике подкупа судей и о наличии продажных женщин. Официальные письма первых веков нашей эры написаны людьми с хорошим образованием, они предоставляют важнейшие материалы о царских чиновниках на Боспоре и об отношениях государств Северного Причерноморья с Римской империей.

Поэзия в культуре античных государств Северного Причерноморья

Внимание ученых неоднократно привлекали поэтические тексты на лапидарных надписях и граффити, найденных при раскопках античных городов, поселений и некрополей в Северном Причерноморье. В.В. Латышев, В.В. Шкорпил, Ю.Г. Виноградов, В.П. Яйленко, С.Р. Тохтасьев и другие издатели надписей обстоятельно анализировали язык и поэтические достоинства таких текстов. В отечественной научной литературе есть несколько обстоятельных статей, посвященных исследованию некоторых метрических застольных и надгробных надписей. В этих работах в основном дается оценка отдельных стихотворных произведений и их соотношение с поэзией Эллады (Шебалин, 1976, 108- 11; Доватур, 1992, с. 11- 27; Панченко, 1992, с. 28- 42; Гаврилов, 2005, с. 215- 240). Мы же постараемся показать роль поэзии в повседневной, религиозной и праздничной жизни греков в колониях Северного Причерноморья. Такую возможность дают археологические материалы Борисфена, Ольвии, Херсонеса и Боспора.

В античности поэзия постоянно сопровождала всю сознательную жизнь эллинов. Уже в начальной школе ребенок учился читать отрывки из поэтических текстов и запоминал наизусть отрывки из «Илиады», «Одиссеи» и других эпических поэм. С детских лет греки активно участвовали в различных религиозных праздниках, во время которых исполнялись стихотворные песнопения в честь богов и героев. Во всех более или менее крупных городах существовали театры; там ставили драмы и комедии, написанные стихами. Во время домашних застолий было принято исполнять лирические стихотворения под аккомпанемент лиры или барбитона. Состоятельные эллины устанавливали посвященные и надгробные памятники, снабженные стихотворными текстами. Граффити и лапидарные надписи дают возможность показать, что поэзия в античных городах Северного Причерноморья занимала не меньшее место, чем в других древнегреческих государствах.

Эллины, жившие на северной окраине греческой ойкумены, всегда с детских лет любили и знали эпические поэмы Троянского цикла, и в первую очередь творения Гомера. Свидетельства об этом приведены в предыдущих разделах о школьном образовании. По надписи на чернолаковой солонке, служившей призом за исполнение эпического произведения, можно заключить, что в Пантикапее в IV в. до н. э. устраивали состязания в декламации эпических поэм (Блаватский, 1964, с. 93, рис., 28). Два стиха, написанных хореем на обломке черепицы III- II вв. до н. э., представляют редкое свидетельство о знакомстве херсонеситов с каким- то известным в эллинистический период стихотворным произведением (Сапрыкин, 1987, с. 94- 101).

Гораздо более обширные сведения сохранились до наших дней о творчестве местных поэтов. Уцелевшие тексты можно разделить на несколько тематических рубрик. К повседневной жизни относятся застольные надписи, с религиозными

праздниками и жертвоприношениями связаны гимны и посвящения богам и героям; отдельную и самую многочисленную группу составляют эпитафии.

Застольные надписи. Несложную краткую метрическую надпись могли составить многие образованные граждане. Древнейшие образцы подобного незамысловатого творчества имеются в археологических коллекциях Березани, Ольвии и Таганрогского поселения. Таково граффито середины VI в. до н. э. на ионийском светильнике, привезенном в Борисфен: «поскольку я светильник, то и служу богам и людям». Как отметил В.П. Яйленко (1982, с. 265), это реминисценция из «Илиады» (XX, 64) или из гомеровского гимна (XXXI, 8). Автор надписи, наверное, шутливо приписал скромному светильнику в березанской землянке ту же роль, что и солнцу у Гомера, и выразил свою мысль в размере трохеического тетраметра, правда, не очень удачно (Тохтасьев, 2005, с. 141, № 268). Другое граффито также от имени сосуда обращается к читающему: «Я приятный для питья килик, любезный пьющему вино». Надпись составлена гексаметром и прочерчена между ручками большого чернолакового килика V в. до н. э. из раскопок в Ольвии (Яйленко, 1979, с. 58). Вероятно, стих вырезал хозяин килика, чтобы гости читали эту надпись, когда пили вино. Сходное по содержанию частично уцелевшее граффито VI в. до н. э. написано в манере бустрофидон на обломке амфоры, найденной на Таганрогском поселении (Виноградов, 1991, с. 176-179).

В этих незатейливых стихах чувствуется культурная традиция метрополии. В Элладе с архаического времени были широко распространены надписи, говорящие от лица того предмета, на который они были нанесены. Геродот в своей «Истории» (V, 53-61) сообщил, что он видел в храме Аполлона в Фивах несколько стихотворных надписей, выполненных древним шрифтом. Вот один из гексаметров, который историк списал с дарственного треножника: «Амфитрион меня посвятил, победив телебоев».

Гимны богам и героям. В античных государствах Северного Причерноморья, как и во всей греческой ойкумене, проводилось множество религиозных праздников (Скржинская, 2010), и каждый из них сопровождался пением написанного стихами гимна в честь почитаемого бога или героя. Такие гимны заказывали написать как местным, так и прославленным поэтам из других городов. К настоящему времени известны лишь два текста подобных гимнов, сочиненных, по всей вероятности, местными поэтами в первые века нашей эры.

Херсонесский гимн Гермесу состоит из десяти строк, написанных элегическим дистихом; в нем чередуются строки гексаметра и пентаметра с цезурой посередине (IOSPE I². 436). Текст нанесен на мраморную плиту во II в. н. э. Это был памятник, изготовленный по заказу гимнасиарха Демотела, в качестве благодарственного приношения Гермесу, считавшемуся покровителем гимнасиев и проводившихся там игр. В прозаическом переводе В.В. Латышева слова этого гимна воспроизводились во многих научных изданиях: «...вестника бессмерт-

ных богов владыку земных. Ибо сам он имеет ключи жизни смертных. Посему его зовут многополезным, а иные милостивцем, дарующим богатства, подателем благ и мудрости. Приди милостивым ко всем тем, которые населяют славный город Дора, никогда не забывая блаженных богов. Сын Феофила, гимнасиарх Демотел поставил сей победный дар. Спаси же особенно сей город».

На утраченной верхней части плиты находились начало гимна и, наверное, список победителей на посвященных Гермесу играх в гимнасии, которым руководил Демотел. Автор стихотворения назвал самые известные всем грекам определения Гермеса как вестника богов и обладателя ключей жизни, то есть проводника душ смертных в Аид. В.В. Латышев отметил, что и прочие использованные поэтом эпитеты бога встречаются в греческой поэзии или имеют смысловые аналогии (Латышев, 1909, с. 312).

Мраморная стела I- II вв. н. э. с частично сохранившимся текстом гимна Ахиллу найдена на Березани (рис. 19). Этот гимн так же, как и херсонесский, написан элегическим дистихом; он обращен к Ахиллу Понтарху (владыке Понта), почитание которого в римский период имело государственный характер (Шелов-Коведяев, 1990, с. 49- 62). Вслед за словами «Ахиллу Понтарху благодарственный дар» следуют частично уцелевшие стихи: «О, круглое(?) достояние богов, оплот Ахилла (?), остров, омываемый морем, радующийся волнам! Твою почву в удел получил отпрыск Фетиды, вышняя кровь, Эакид Ахиллес, равный бессмертным богам. Так прими, о Ахилл, жертву и милостив будь, слушая песнь, что вышла из-под нашего пера» (перевод С.Р. Тохтасьева, 2005, с. 145).

Вероятно, поэт сочинил гимн для исполнения во время жертвоприношения у знаменитого храма Ахилла на острове Левка, называвшегося также Ахилловым. Описание острова в гимне перекликается с рассказами о том, что, по желанию Фетиды, Левка на Понте Евксинском была создана специально для обитания духа ее погибшего сына (Arrian. Peripl. 32; Philostr. Her. XXIX, 9). Наверное, этот гимн впоследствии стали исполнять и на праздниках, проходивших в Борисфене, на месте которого найдена надпись. Ведь Ахилл всегда был особо почитаемым героем в Ольвийском полисе, на территории которого найдено более сорока посвящений Ахиллу Понтарху, часть из них обнаружена на Березани (Тохтасьев, 2005, с. 146- 149, № 271- 273).

Посвящения богам и героям встречаются на постаментах статуй, на посвященных стелах, на оборонительных сооружениях и др. Чаще всего их писали прозой, но в IV в. до н. э. в Ольвии и на Боспоре некоторые такие надписи сочиняли элегическим дистихом. Две ольвийские надписи посвящены спасающему город от опасностей Зевсу Элевтерию (освободителю), одна находилась на оборонительной башне, другая на пьедестале статуи знатного ольвиополита Еврисивия (Виноградов, 1989, с. 135- 136). Третья частично уцелевшая надпись была вырезана на постаменте статуи ольвиополита, освободившего город от тирана. По мнению Ю.Г. Виноградова, местный поэт сочинил эпиграмму по

образцу широко известной стихотворной надписи Симонида на аттическом памятнике тираноборцам Гармодию и Аристогитону (Виноградов, 1989, с. 141- 147).

На постаменте утраченной статуи сохранилась эпиграмма, написанная боспорским поэтом от имени царя Левкона; в ней говорится о победе над войском синдского царя Гекатея и о том, что памятник посвящен Аполлону и поставлен по обету царя. Так же, как и в ольвийской надписи на памятнике тираноборцу, здесь видно влияние Афин на культуру колоний Северного Причерноморья в конце V- IV вв. до н. э. (Яйленко, 2004). Боспоряне говорили на ионийском диалекте своей метрополии Милета. Однако стихотворение написано на чистом аттическом языке, как и многие боспорские надписи этого времени. Наверное, автор стихов, сочиненных по заказу царя, совершенствовал свое образование в Афинах, подобно своему соотечественнику Сопеиду, учившемуся у прославленного оратора Исократа (Dion. Hal. Isocr. 18).

Еще одна стихотворная боспорская надпись, вероятно, ошибочно считается надгробной, а не посвятительной (КБН. 113). Подобно Левкону, некий Фаномах поставил по обету статую своего отца, посвятив ее Аполлону. Сходные посвящения богам, правда, написанные не в стихотворной форме, нередко встречаются на Боспоре (КБН 6-14; 971, 972, 974, 1037- 1044).

Стихотворные эпитафии в некрополях античных государств Северного Причерноморья появились уже в период архаики, но долгое время они были здесь редкостью, а тексты метрических надписей сочиняли не местные поэты. Древнейшая из известных теперь таких надписей найдена на Березани. Она находилась на известняковой стеле, установленной на могиле гражданина Борисфена в третьей четверти VI в. до н. э. Текст эпитафии написан гексаметром на ионийском диалекте от имени самого памятника: «Меня, памятник погибшего Мастора, сына Берта, поставил Аристоним». Стелу украшало изображение головы воина в шлеме (Яйленко, 1982, с. 262- 265). Надгробие сделано в метрополии по заказу Аристонима, вероятно родственника умершего Мастора. Ведь в столь раннее время в Северном Причерноморье еще не было специалистов, умевших вырезать рельефы и надписи. Они появились здесь позже и сначала были выполнены неумело, о чем свидетельствуют древнейшие ольвийские надписи V до н. э. (НО. 1-5).

Мраморная стела на могиле Леокса была заказана в метрополии и доставлена в Ольвию в самом начале V в. до н. э. Рельеф юноши, украшающий памятник, изготовлен хорошим ионийским скульптором. Надпись составлена элегическим дистихом, и подобно предыдущей написана от лица стелы, как бы говорящей с читающим эти слова. Вот как она звучит в русском переводе Ю.Г. Виноградова (1989, с. 89), сохранившего размер подлинника:

Памятник доблести, я говорю, что, вдали за отчизну

Жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс.

По всей вероятности не местному поэту принадлежит и древнейшая метрическая эпитафия из Херсонеса, хотя и выполнена она почти на два столетия поз-

же. Э.И. Соломоник (Соломоник, Антонова, 1974, с. 97) перевела ее в размере подлинника:

Сыну воздвиг своему усопшему Лесханориду

Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес

Врачи отец и сын приехали в Херсонес, вероятно, по приглашению властей города. Так как среди многих известных сейчас херсонесских эпитафий этого времени нет стихотворных, можно предположить, что надпись составил отец; ведь профессия врача в то время предполагала высшее образование, в котором гуманитарная составляющая играла важную роль.

И в дальнейшем эпитафии, как это было принято во многих греческих государствах (Griechische Vers – Inschriften, 1955), местные авторы писали обычно либо гексаметром, но чаще элегическим дистихом. Лишь в нескольких боспорских эпитафиях римского времени использован ямбический триметр (КБН. 119, 130, 134, 142), вероятно, этим размером была написана одна плохо сохранившаяся херсонесская эпитафия (НЭПХ. 185).

Сочинить несколько строк гексаметра или элегического дистиха мог не только поэт, но и просто хорошо образованный человек, так как в составе любого античного образования поэзия всегда играла заметную роль. Поэтому написанный в IV н. э. элегический дистих на надгробном памятнике ольвиополита Эпикрата с большой долей вероятности принадлежит перу соотечественника умершего (Козуб, Белецкий, 1977, с. 173): «О, Эпикрат, Исократ дитя. Над могилою стела // Памятник это, хотя рано в могилу тебе». То же самое можно сказать и о двух ольвиских стихотворениях эллинистического времени на могилах Мойродора (IOSPE I². 226) и девочки Партениды (Денисова, 1988, с. 251- 256).

Из ольвийского некрополя сохранилось всего четыре стихотворные надписи, приведенные выше. Гораздо больше их найдено в Херсонесе. Кроме упомянутого надгробия Лесханорида, все опубликованные до настоящего времени херсонесские эпитафии сочинены в первые века нашей эры, когда стелы с богатыми рельефными изображениями и стихотворными надписями получили широкое распространение по всему греческому миру. Старшая из таких херсонесских метрических надписей сохранилась на мраморной стеле Ксанфа, сына Лагорина (IOSPE I². 482), она датируется рубежом I в. до н. э. – I в. н. э.:

Странник, скрываю собою я Ксанфа, который,

Был утешеньем отца, родины юной красотой,

Сведущим в таинствах муз, безупречным средь сонма сограждан,

Чтимым меж юношей всех, светлой звездой красоты.

В битве за родину был он завистливым сгублен Ареем,

Сирым родителям слез горький оставивши дар.

О, если больше Плутону, чем вам достаются на радость

Дети, зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?!

Перевод К.М. Колобовой

В корпусе В.В. Латышева опубликовано восемь херсонесских метрических эпитафий (IOSPE I². 479, 482, 485, 516, 519, 527, 546, 716), Э. И. Соломоник добавила к ним две (НЭПХ. 58, 185), и за последние годы археологи обнаружили еще несколько таких памятников (Макаров, 2009, с. 113- 121). Среди этих текстов есть образцы массовой литературной продукции, а также написанные по заказу стихи профессиональных поэтов. К числу последних относится стихотворение из 19 строк; вырезанное на мраморной стеле; ее поставили в III в. н. э. на могиле умершей в молодости Ойнанты, дочери Главкия (IOSPE I². № 519). К хорошим образцам поэтического творчества следует отнести уже цитированные стихи на памятнике Ксанфа или надпись I-II вв. н. э. на стенке саркофага Исигоны (IOSPE I². 516).

Можно думать, что за сочинение профессионального поэта надо было немало заплатить. Поэтому херсонеситы часто обращались к ремесленникам. Образцы их творчества представлены на группе надписей, содержащих весьма посредственные и просто плохие стихи. Их сочиняли малообразованные люди; они употребляли штампованные формулы и постоянно нарушали стихотворный размер, не умея верно соблюсти долготу и краткость слогов. Ведь в римский период музыкальное ударение в повседневном живом греческом языке изменяется на динамическое, при котором пропадает различие между долгими и краткими гласными. Поэтому на слух уже трудно правильно составить метрическую надпись, чем и объясняется появление таких неумелых, якобы стихотворных текстов. Выразительный пример подобного рода читаем на одном херсонесском надгробии III в. н. э. (IOSPE I². 479).

Сходная картина поэтического творчества наблюдается на Боспоре. Здесь стихотворные эпитафии встречаются гораздо чаще, чем в Херсонесе и Ольвии. Они были особенно популярны в среде жителей Пантикапея; в его некрополях найдено около сорока таких надписей; несколько метрических эпитафий обнаружено в Нимфее и в городах на азиатской части Боспора. Большая их часть опубликована в 1965 г. в «Корпусе боспорских надписей» (№ 114- 151; 991, 992, 1017, 1057, 1058, 1192), а найденные позже появлялись в разных изданиях (Болтунова, 1977, с. 25; Иванчик, Толстиков, 2007, с. 107-117; Яйленко, 2010, с. 543- 544). Древнейшая из них написана одной строкой гексаметра на известняковой стеле, поставленной на могиле некого тавра Тихона в V в. до н. э. (КБН. 114). К классическому периоду относится еще одна эпитафия (КБН. 115), несколько надписей датируются III-I вв. до н. э., а основная масса таких эпитафий, как и в Херсонесе, написана в первые три века нашей эры. Их составляли главным образом профессиональные сочинители, удовлетворявшие непритязательные вкусы своих заказчиков. Они постоянно использовали литературные клише и могли повторять ранее сочиненные ими стихи, лишь изменив имя погребенного (см. КБН. 127 и 129). Вот прозаический перевод пантикапейской эпитафии, состоящей из штампов, в которые вставлены сведения об умершем и

его воспитателе, позаботившемся о памятнике на могиле своего подопечного: «Когда мне дважды исполнилось десяток лет, я ушел в место благочестивых в Аиде. Эту надгробную стелу поставил воспитатель. Здравствуй, если закончил читать, да завершишь свой путь!» (Иванчик, Толстиков, 2007, с. 107).

Среди боспорских эпитафий есть и принадлежащие перу авторов, хорошо знавших поэзию и употреблявших слова и выражения из известных стихотворных произведений. Это хорошо показал В.В. Шкорпил на примере анализа эпитафии Стратоника, сына Зенона (КБН. 145); автор стихотворения хорошо знал эпическую поэзию и использовал выражения, параллели к которым можно найти у Гомера и Гесиода (Шкорпил, 1914, с. 71- 75). Уникальный для Северного Причерноморья случай сочетания двух разных стихотворных размеров в одной эпитафии представлен на надгробном памятнике Феофилы, жившей на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. (КБН. 130). В 14 строках за четырьмя стихами в размере элегического дистиха следуют четыре ямбических стиха и снова элегический дистих. А.И. Доватур предпринял подробный филологический анализ этого стихотворения в контексте поэтических образов, употреблявшихся на надгробных надписях из других греческих городов. Исследователь пришел к выводу, что автор стихотворения был не лишен поэтического таланта. Он начал свое произведение с традиционного мотива скорби о смерти юной девушки, не успевшей вступить в брак; ее похитил бог подземного царства, чтобы сделать своей супругой, и утешением для родителей будет вера, что их красавица дочь станет женой бессмертного бога (Доватур, 1992, с. 11-27).

Эпитафия Аполлония написана в II – I вв. до н. э. профессиональным поэтом, использовавшим редкий для местных стихотворных произведений размер ямбического trimetra (КБН. № 119). После традиционных начальных слов «Аполлоний, сын Аполлония, прощай» следуют 13 стихотворных строк, составляющих одну из наиболее длинных боспорских метрических надгробных надписей. В прозаическом переводе В.В. Латышева она звучит так: «Ты неоплаканный сошел к Аиду, испустив ветрам дух под вражеской рукой, а твоя супруга стонет в слезах, восприяв нежданную скорбь. Погибла твоя красота, угасла прелесть, улетел разум., все полно горя: в твоём лице сломлен единственный канон доблести. Но если веретено Мойр и завертело тебя, наткнувшегося на страшное варварское копьё, то ныне тебя примет не мрачный дом Аида, а обители героев: ибо тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь, после смерти воздается всяческая почесть». Как и в эпитафии Феофилы, поэт утешает близких умершего мыслью о том, что в загробной жизни погребенного ждет счастливая участь. Недавно А.К. Гаврилов (2005, с. 239- 240) предпринял весьма подробный филологический анализ этого стихотворения. Он показал, что автор ради просодического удобства использовал слова в формах как аттического, так и ионийского диалектов, а в слоге стихотворения чувствуется навык в употреблении поэтического языка

и обнаруживается знакомство с философскими сочинениями, а также умение пользоваться яркими стилистическими приемами.

К серьезным поэтическим произведениям, по мнению Д.В. Панченко, следует отнести эпитафию Гекатея, жившего во II-I вв. до н. э. (КБН. 121). Два эгических дистиха представляют целостный торжественный текст, сложенный не из общих мест, а из продуманных и прочувствованных представлений. «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты скорее избежал круга мучительных страданий» (Панченко, 1992, с 28- 42).

Стоит отметить остроумно и в то же время горестно составленную одну строчку гексаметра на могиле II-III вв. н. э: «Напрасно ты, узнав горькую смерть, назывался Гликарион», то есть тебе, испытавшему горькую участь, неверно дали имя Гликарион, означающее сладостный, приятный (Шебалин, 1976, с. 108- 111).

Собранные нами стихотворные произведения показывают, сколь неравномерно дошедшие до нас сведения освещают роль поэзии в жизни античных государств Северного Причерноморья. Больше всего оказалось известно о творчестве тех, кто писал эпитафии, так как их вырезали на камне. Благодаря уцелевшим граффити можно составить определенное представление о застольных стихах, звучавших во время приема гостей. На нескольких надписях можно прочесть стихотворные посвящения и отрывки текстов из религиозных гимнов.

В сохранившейся античной литературе отсутствуют произведения поэтов из Северного Причерноморья. Лишь Дион Хрисостом в «Борисфенитской речи» (XXXVI, 10) упомянул об ольвийских поэтах, которые писали в гомеровском стиле и читали свои стихи перед тем, как граждане отправлялись на войну. О знании многих жанров поэзии на северной окраине греческой ойкумены можно говорить, лишь исходя из косвенных свидетельств. Огромное количество надписей и граффити указывает на широкое распространение грамотности и на наличие здесь школ. В античной школе наряду с эпическими поэмами учили и лирические стихотворения прославленных поэтов (Марру, 1998, с. 229). Достоверно известно о наличии театров в Ольвии, Херсонесе и городах Боспора (Скржинская, 2010, с. 193- 200). Там, безусловно, ставили пьесы, написанные стихами, и их приходили смотреть все граждане. Кроме того, в театрах большинства греческих городов, начиная с эпохи эллинизма, проводили мусические состязания, во время которых соревновались поэты, писавшие в разных жанрах (Герцман, 1995, с. 166- 177). Имена победителей записывали на каменных стелах и выставляли около театра. К сожалению, в Северном Причерноморье сохранился лишь один фрагмент такой надписи римского времени, найденной в Херсонесе (IOSPE I². 433; НЭПХ. 127 б, в). В ней говорилось о состязании поэтов, писавших комедии, энкомии (хвалебные стихотворения) и эпиграммы. На подобные состязания приглашали не только своих граждан, но и профессиона-

лов из других городов, о чем свидетельствуют множество надписей из разных греческих областей. Таким образом, жители города знакомились с произведениями разных поэтических жанров, написанных не только местными поэтами.

Итак, даже имеющиеся отрывочные свидетельства убеждают нас, что на протяжении всей античности поэзия занимала важное место в культуре античных государств Северного Причерноморья. С детских лет здесь знакомились с классическими образцами поэтического творчества. Праздники сопровождались исполнениями гимнов в честь богов и героев, в театрах устраивались состязания поэтов, на которые собирались свободные жители государства. Каждый грамотный человек читал стихи на посвяtitельных памятниках и на стелах с эпитафиями. Местные поэты наряду с классиками знали творчество своих современников и использовали эти образцы в своих произведениях.

Заключение

Проведенный нами анализ разнообразных эпиграфических источников, а также некоторых литературных и археологических памятников позволяет заключить, что, начиная с V в. до н. э. вплоть до первых веков нашей эры, школьное образование стало насущной необходимостью для полноценной жизни граждан во всех античных государствах Северного Причерноморья. В семьях свободного неполноправного населения сыновьям также стремились дать хотя бы начальное образование.

Отсутствие источников об образованных гречанках на северных берегах Понта косвенно указывает, что здесь, как и во всей греческой ойкумене, большинство женщин не владело грамотой. Не случайно ни одно из местных граффити нельзя с уверенностью считать написанным женщиной. Жизнь девочек и взрослых женщин проходила в основном в стенах дома. Для навыков вести домашнее хозяйство (готовить пищу, прясть, ткать, наблюдать за порядком в доме) дочерям достаточно было перенять опыт матери и других старших членов семьи. Вероятно, некоторые девочки, особенно в состоятельных семьях, умели читать и писать, получая домашнее образование, но это было скорее исключением, чем правилом. Такие исключения в Элладе известны уже в архаическое время. Достаточно напомнить стихи, написанные Сафо во второй половине VII в. до н. э.

Античные авторы сообщают, как женщины из бедных семей зарабатывали средства к существованию. Они занимались мелкой торговлей, становились повитухами или кормилицами и няньками в состоятельных семьях, а в сельской местности работали в поле, на винограднике или огороде. Для всех этих видов деятельности не требовалось владеть даже элементарной грамотой. Мужчины же могли использовать свои школьные знания для заработка. Так, потеряв имущество, человек мог стать школьным учителем или глашатаем. Более высокое образование стало необходимым для исполнения разных государственных

должностей, а специализированное высшее образование приносило немалый доход архитекторам, врачам, руководителям философских и риторских школ.

В большинстве семей подросток, овладев в школе грамотой, становился помощником отца в его мастерской или на сельскохозяйственных работах, либо мальчика отдавали учиться какому-нибудь ремеслу на сторону. В дальнейшем он проявлял свою грамотность при необходимости написать небольшое письмо, а также участвуя в общественной жизни государства. Например, в Херсонесе граждане писали имя лица, которого следовало изгнать из полиса (Виноградов, Золотарев, 1999, с. 106- 114). Школьные знания давали возможность сделать краткую запись, чтобы чего-нибудь не забыть. Множество граффити показывают, что в ежедневной жизни греки делали для себя на память всевозможные небольшие заметки, а также наносили имена богов на сосуды, которые они посвящали в храмы. Чаще всего имя бога писалось сокращенно и довольно небрежно, гораздо реже вырезали несколько слов ясно и аккуратно (рис. 20, 21).

Благодаря умению читать, можно было ознакомиться с законами, почетными декретами и другими постановлениями Народного собрания. Их тексты, написанные на деревянных или металлических досках, либо на каменных стелах, выставлялись на видном месте в городе. Это имело и практическую пользу, особенно при обращении в суд, что нередко случалось в жизни многих эллинов. По сохранившимся судебным речам знаменитых ораторов Лисия, Демосфена, Исократа и других можно узнать, какие дела слушались в античных судах. Там постоянно разбирались имущественные тяжбы наследников; судьи разрешали всевозможные денежные споры, выносили решения относительно жалоб на злоупотребления опекунов, налагали штраф за избивание одного гражданина другим; постоянно рассматривали иски купцов, особенно связанные с займом денег под проценты. Таким образом, большинству граждан случалось выступать в роли истца, ответчика или свидетеля, для чего требовалось быть грамотным человеком.

Приобретенные в школе знания поэзии помогали понимать и ценить стихи пьес, ставившихся в театрах Северного Причерноморья, а также проникать в смысл образного языка гимнов богам, исполнявшихся на религиозных праздниках. В течение всей античности благодаря школьным упражнениям граждане античных государств на северных берегах Понта могли хорошо понимать «Илиаду», «Одиссею» и прочие эпические поэмы, а также стихи и прозу архаического и классического времени, хотя разговорный язык был весьма далек от лексики этих произведений. Поэтому рассказ Диона Хрисостома о том, что все ольвиополиты знали «Илиаду», косвенно свидетельствует о наличии школы и об определенной образованности широкого круга граждан Ольвии в первые века нашей эры.

Как и во всей Элладе, большинство жителей Северного Причерноморья не были любителями чтения книг. Недаром Дион Хрисостом выделил среди ольвиополитов лишь одного знатока сочинений Платона. Чтением литературных

и философских произведений занимались в основном люди с высшим образованием. Мраморная статуя из Пантикапея изображает одного из таких боспорян, у ног которого находятся книги в свитках (рис. 11).

Постоянное общение с сочинениями классиков считалось необходимым для политических деятелей, в первую очередь для их практики произнесения речей перед народом. Об этом подробно писал Дион Хрисостом (Ог. XVIII) в своем послании «Об упражнении в искусстве речи», которое он подготовил для не названного по имени государственного деятеля. Можно с уверенностью полагать, что подобными советами риторов читать определенные книги пользовались и те, кто достигал высоких государственных должностей в Тире, Ольвии, Херсонесе и на Боспоре.

Чтение больших текстов в античности было трудоемким занятием и требовало постоянной практики. Ведь между словами отсутствовали пробелы, и их надо было самому разделять, при этом деление зачастую могло быть неоднозначным. Предложения не имели пунктуации, так что читатель сам выделял различные обороты речи и определял, содержится ли в предложении утверждение, восклицание или вопрос. Поэтому состоятельные люди держали образованных слуг, которые читали им вслух и записывали то, что требовалось хозяину (Plin. Ep. III, 5; Dio Chrys. XVIII, 6). Изображение такого слуги включено в композицию фрески из склепа в некрополе Горгиппии; молодой человек с табличкой и стилем стоит рядом с креслом, на котором сидит мужчина в плаще (Алексеева, 1984, табл. 42).

Греки и римляне читали все написанное вслух. Письменность для них была примерно тем же, что ноты для нас. Они дают возможность сохранить надолго сочинение композитора, но их надо воспроизвести на музыкальном инструменте, чтобы услышать замысел автора. Хотя есть люди, которые, читая ноты, слышат про себя музыку, все же и они знают, что настоящее звучание возможно только воплощенное в звуки инструментов. Так и в древности считалось, что записанный текст должен быть озвучен. Блаженный Августин в IV в. н. э. в своей «Исповеди» (VI, 3) с изумлением писал, что Амвросий Медиоланский читал одними глазами и даже не шевелил губами и языком. На этом примере видно, что чтение про себя стало распространенным явлением только в средние века.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. Горгиппия // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
 Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
 Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ).
 Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
 Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1.
 Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // ВДИ. 1965. № 2.
 Блаватская Т.В. Из истории интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.

- Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964.
- Болтунова А.И.* Надгробная эпитаграмма жены Дия // История и культура античного мира. М., 1977.
- Борухович В.Г.* В мире античных свитков. Саратов, 1976.
- Буркерт В.* Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. 1990. № 2.
- Виноградов Ю.Г.* Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3.
- Виноградов Ю.Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4.
- Виноградов Ю.Г.* Табличка дикаста из собрания Эрмитажа // Античная балканистика. М., 1987.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Виноградов Ю.Г.* Остракон с Таганрогского поселения // ВДИ. 1991. № 4.
- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997. М., 1999.
- Гаврилов А.К.* Боспорский воин Аполлоний и его поэт // *Hyrerboreus*. V. 11. Fasc. 2. 2005.
- Герцман Е.В.* Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995.
- Денисова В.И.* Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. 1988. №1.
- Доватур А.И.* Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965.
- Доватур А.И.* Проводы Феофилы // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII- V вв. до н. э.. СПб., 2001.
- Зубарь В.М.* Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. Харьков, 2004.
- Зубарь В.М.* Основные этапы развития Херсонеса в середине I до н. э. – первой половине II вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Харьков, 2004.
- Иванчик А.И., Толстикова В.П.* Новая эпитаграмма из Пантикапея // ВДИ. 2007. № 1.
- Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1, 2. М., 1997, 2001.
- Глушкина Л.М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.
- Кадеев В.И.* Школьное образование и воспитание в Херсонесе в первые века нашей эры // Вестник Харьковского ун-та. № 343. История. Вып. 23. 1989.
- Кадеев В.И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I-III в. н. э.). Харьков, 1996.
- Карышковский П.О.* Ольвийские молены // Северное Причерноморье. Киев, 1984.
- Кацаев С.В., Павличенко Н.А.* Письмо из Гермонассы // Боспорский феномен. СПб., 2011.
- Козуб Ю.И., Белецкий А.А.* Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии // ВДИ. 1977. № 1.
- Кративина В.Н.* Весовые гири из Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий С.Д.* Нижнее Побужье в классическое время // Ольвия. Киев, 1999.
- Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПбю, 1887.
- Латышев В.В.* ПОНТИКА. СПб., 1909.
- Леви Е.И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Макаров И.А.* Две метрических эпитафии римского времени из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2009. № 3.
- Марру А.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998.
- Миллер Т.А.* Античные теории эпистолярного стиля. // Античная эпистолография. М., 1967.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на Северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002.
- Надписи Ольвии. Л., 1968. (НО)
- Нахов И.М.* Киническая литература. М., 1981
- Нахов И.М.* Философия киников. М., 1982.
- Неверов О.Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.

- Неверов О.Я. Геммы античного мира. М., 1983.
- Панченко Д.В. Эпитафия Гекатея // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. Пичилян И.Р. Малая Азия- Северное Причерноморье. М. 1984.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.
- Ростовцев М.И. Сирийск – историк Херсонеса // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Апрель.
- Ростовцев М.И. Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК. 1916. № 60.
- Рубан В.В. Магістратура агораномів в Ольвії //Археологія. 1982. № 39.
- Русяева А.С. Милет – Дидимы – Борисфен. Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.
- Русяева А.С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987.
- Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева А.С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010.
- Саверкина И.И. Мраморный саркофаг из Мирмекия // Труды Гос. Эрмитажа. № 7. 1962.
- Сапрыкин С.Ю. Два граффити на черепице из усадьбы хоры Херсонеса // Античная балканистика. М., 1987.
- Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В. Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999.
- Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II вв. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь, 2007.
- Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 2008. № 3.
- Сапрыкин С.Ю., Парфенов В.Н. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ. Энкомий из Пантикапея. Домициан или Комод, // ВДИ. 2012. № 1.
- Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Скржинська М.В. Судочинство в античних державах Північного Причорномор'я // УІЖ. 2009. № 5.
- Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973.
- Соломоник Э.И., Антонова И.А. Надгробия врачей из Херсонеса //ВДИ. 1974. № 1.
- Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
- Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.
- Соломоник Э.И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3.
- Тюменев А.И. Херсонесские этюды. Херсонесские и ольвийские проксении// ВДИ. № 2. 1950. № 4.
- Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953.
- Тохтасьев С.Р. Борисфен- Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. СПб., 2005.
- Тохтасьев С.Р. Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников //Археологический сборник. № 38. СПб., 2010.
- Уссинг Ж. Воспитание и обучение у греков и римлян. СПб., 1899.
- Хомчик М.А. Хірургічні інструменти з Ольвії //Археологія. 1991. № 3.
- Худяк М.М. Терракоты. // Ольвия. Т. 1. Киев, 1940.
- Шебакин Н.В. О надписи КБН. № 838 // ВДИ 1976. № 4.
- Шелов-Коведяев Ф.В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3.
- Шкортил В.В. Отчет о раскопках в Керчи // ИАК. № 54. 1914.

- Яйленко В.П. Несколько ольвийских и березанских граффити // КСИА. 1979. № 159.
- Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII- III вв. до н. э. М., 1982.
- Яйленко В.П. Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1988.
- Яйленко В.П. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988 а.
- Яйленко В.П. Человек в античной Ольвии // Человек и общество в античном мире. М., 1998.
- Яйленко В.П. Вотив Левкона из Лабриса // Древности Боспора. Вып. 7. М., 2004.
- Яйленко В.П. Рескрипты боспорских царей // Тысячелетний Боспорский Рейх. М., 2010.
- Beck F. Album of Greek education. Sydney, 1975.
- Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt, Bern, 1983.
- Giuszek I. The Development of architecture in Niconion in IV sentury BC //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2012.
- Griechische Vers - Inschriften Hrsg. W. Peek. Bd. 1. Grab- Epigramme. Berlin, 1955.
- Guarducci M. Epigrafia Greca . Roma, 1969. Т. 2.
- Jones A.H. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940
- Welles C B. Royal correspondence in the Hellenistic period. New Haven, 1934.

М.В. Скржинська

ОСВІТА В ДАВНЬОГРЕЦЬКИХ КОЛОНІЯХ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

Резюме

Шкільна освіта, починаючи з V ст. до н. е., стала приступною більшості чоловічого населення античних держав. Аж до перших століть нашої ери вона була нагальною потребою для повноцінного життя громадян в усіх грецьких колоніях Північного Причорномор'я. Автор статті використовує численні пам'ятки епіграфіки з розкопок Ольвії, Херсонеса, Тіри й Боспора, а також деякі літературні джерела. Вони надають можливість показати, як освіта допомагала брати активну участь в суспільному житті, грамотно захищати свої інтереси в суді, писати листи й робити необхідні замітки для пам'яті. Шкільні знання були потрібні для оволодіння багатьма професіями, серед яких були учитель, глашатай, каменотес, виконавець написів, секретар колегії або суду, трапезит та інші. Школа відкривала доступ до вищої освіти; звичайно нею володіли державні діячі, філософи, логографи, лікарі, архітектори й автори літературних і публіцистичних творів. Одержані в школі знання поезії допомагали широкому колові глядачів розуміти й оцінювати вірші п'єс, що ставились у театрах Пантікалея та інших міст Північного Причорномор'я, а також розуміти сенс образної мови гімнів богам, що виконувались на численних релігійних святах.

М.В. Скржинская

ОБРАЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Резюме

Школьное образование, начиная с V в. до н. э., стало доступно большинству мужского свободного населения античных государств. Вплоть до первых веков нашей эры оно было насущной необходимостью для полноценной жизни граждан во всех античных государствах Северного Причерноморья. Автор статьи привлекает многочисленные эпиграфические памятники из раскопок Ольвии, Херсонеса, Тире и Боспора, а также некоторые литературные источники. Они дают возможность показать, как образование помогало активно участвовать в общественной жизни, грамотно защищать свои интересы в суде, писать письма и делать необходимые заметки на память. Школьные знания требовались для овладения многими профессиями, в числе которых были учитель, глашатай, каменотес, исполняющий надписи, секретарь коллегии или суда, трапезит и другие. Школа открывала доступ к высшему образованию; обычно им владели государственные деятели, философы, логографы, врачи, архитекторы и авторы литературных и публицистических сочинений. Приобретенные в школе знания поэзии помогали широкому кругу зрителей понимать и ценить стихи пьес, ставившихся в театрах Ольвии, Херсонеса, Пантикапея и других городов Северного Причерноморья, а также проникать в смысл образного языка гимнов богам, исполнявшихся на многочисленных религиозных праздниках.

M.V. Skrzhinskaya

EDUCATION IN THE ANCIENT GREEK COLONIES IN THE NORTH PONTIC AREA

Summary

Since the 5th century BC, school education became available to the majority of free male population of the antique states. It was imperative for the full life of the citizens in all antique states of the north Pontic area up to the first centuries of our era. The author uses numerous epigraphic monuments from the excavation of Olbia, Chersonesos, Tyra and the Bosphorus, as well as some literary sources. They provide an opportunity to show how education helped to participate actively in public life, completely defend interests in the court, write letters and make necessary notes. School knowledge was needed to master many professions, which included a teacher, a herald, a stonecutter, who made inscriptions, a Board secretary or a court clerk, a trapezit and more. School gave access to higher education: usually states men, philosophers, logographers, doctors, architects and authors of literary and journalistic works received it. Poetry knowledge acquired at school, helped a wide range of spectators to understand and appreciate poetry plays, which were staged in the theatres of Olbia, Chersonesos, Panticapaeum, and other north Pontic cities, as well as to consider carefully the meaning of the figurative language of hymns to the gods, performed at numerous religious holidays.

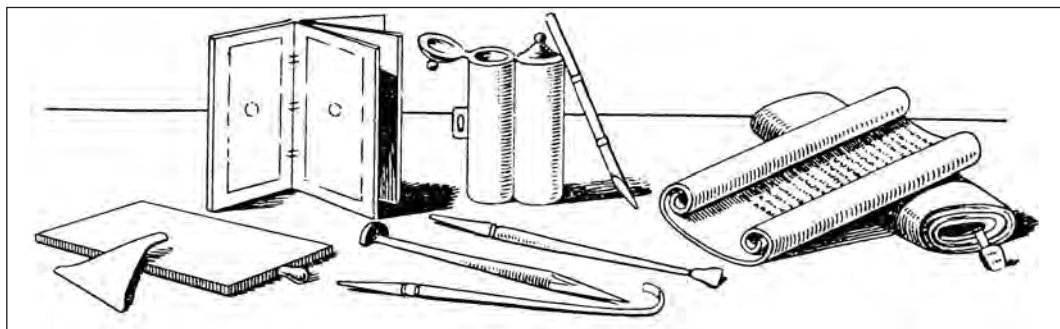

Рис. 1. Античные письменные принадлежности: таблички для письма, стили, треугольный скребок для разглаживания воска на табличках, чернильница с черными и красными чернилами, папирусный свиток.

Рис. 2. Девушка со стилем и табличками в руках. Фреска I в. н. э. Помпеи.

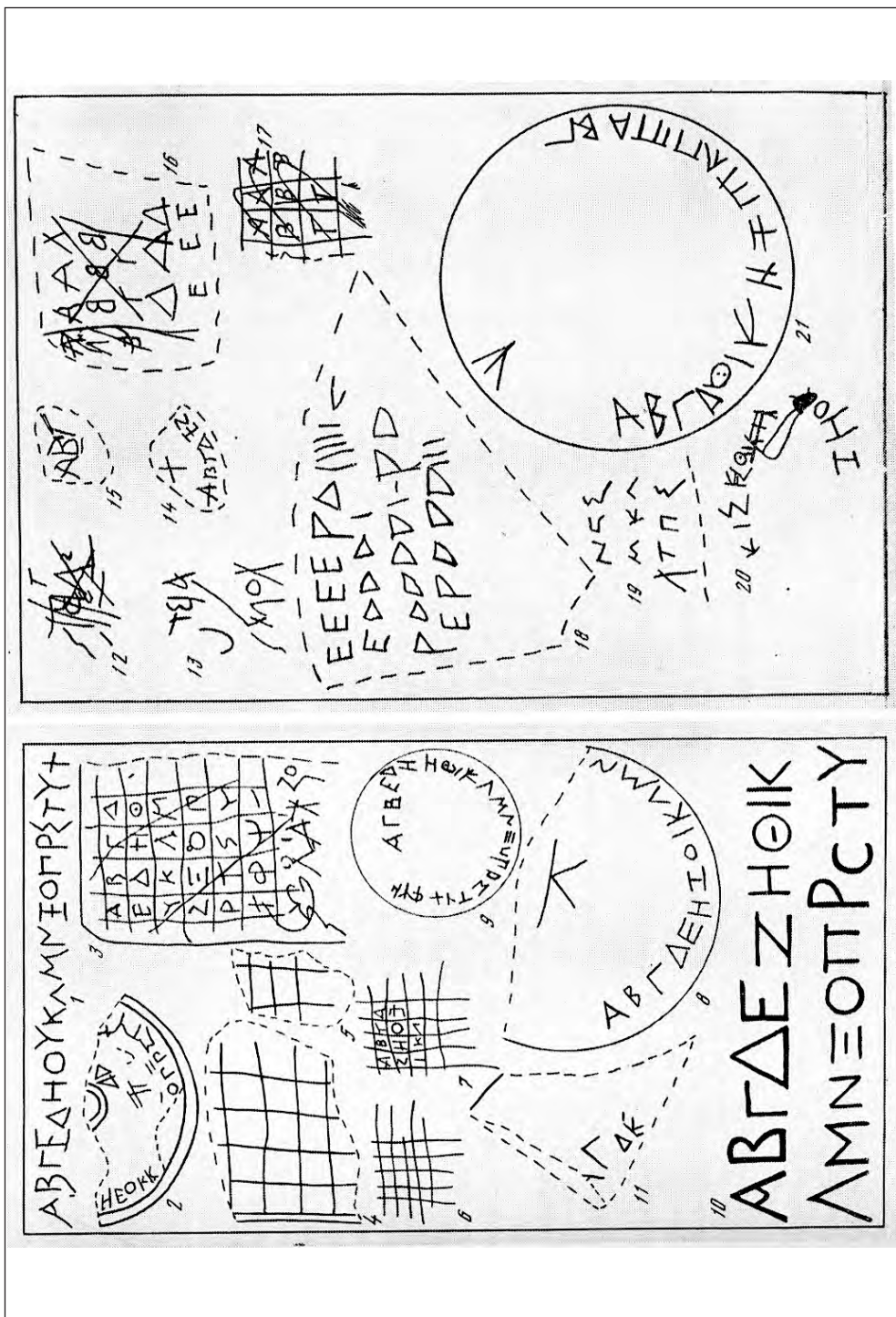

Рис. 3. Граффити со школьными упражнениями из Тир, Ольвии и Феодосии. VI-III вв. до н. э. Прорисовка В.П. Яйленко.

Рис. 4. Письмо Родона Гераку. Конец V в. до н. э.

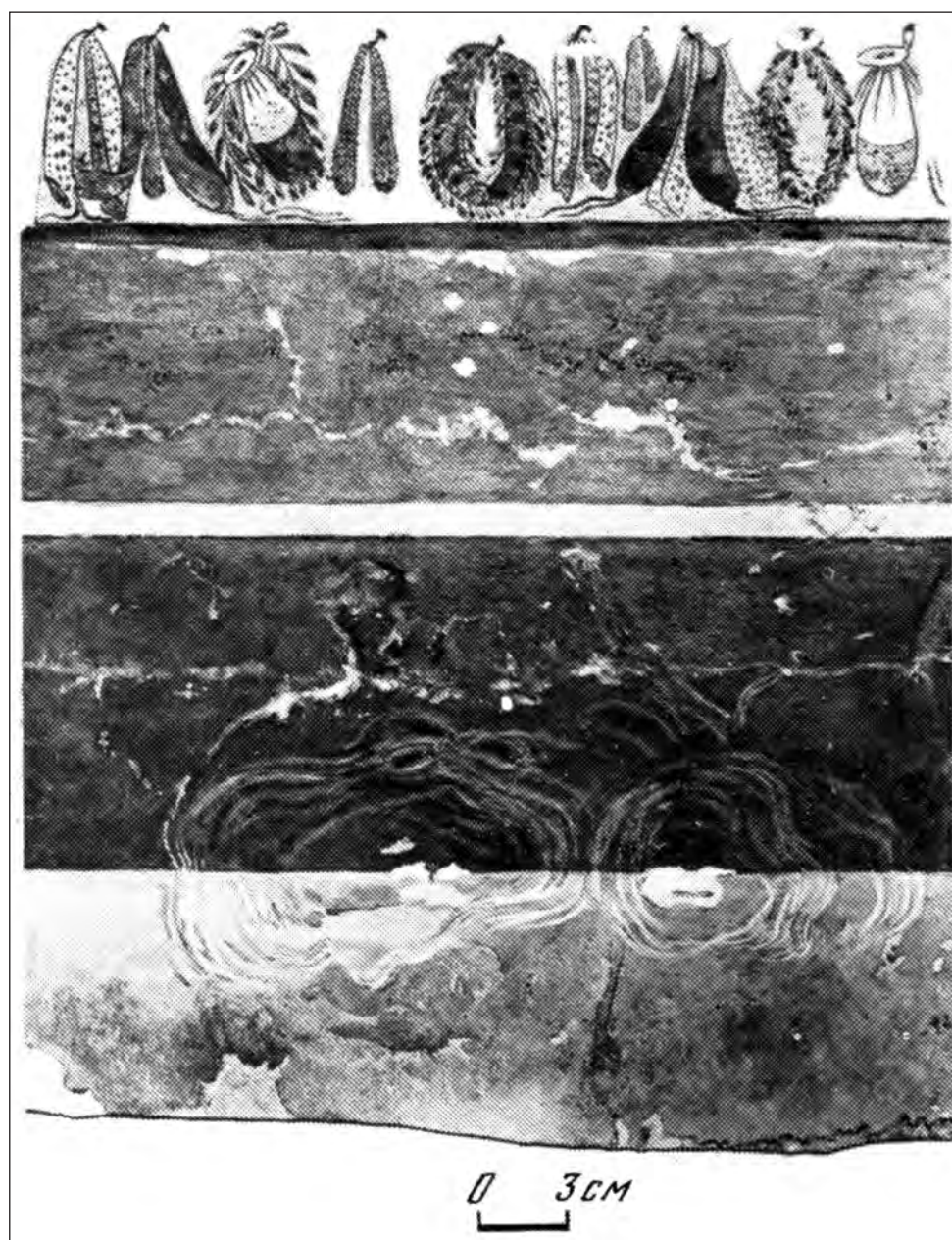

Рис. 5. Фреска из боспорского склепа с изображением принадлежностей атлета. IV в. до н. э.

Рис. 6. Алабастр из раскопок Ольвии. V в. до н. э.

Рис. 7. Обучение литературе и музыке в школе. Краснофигурный килик мастера Дуриса. V в. до н. э.

Рис. 8. Поэты Сафо и Алкей с барбитонами в руках. Краснофигурный кратер из Агригента. V в. до н. э.

Рис. 9. Мраморная стела с текстом декрета в честь историка Сирииска. III до н. э. Херсонес.

Рис. 10. Демосфен со свитком в руках и корзиной для книг у ног. Реконструкция статуи эллинистического времени.

Рис. 11. Мраморная статуя боспорянина со связкой свитков у ног. Пантикапей, I в. н. э.

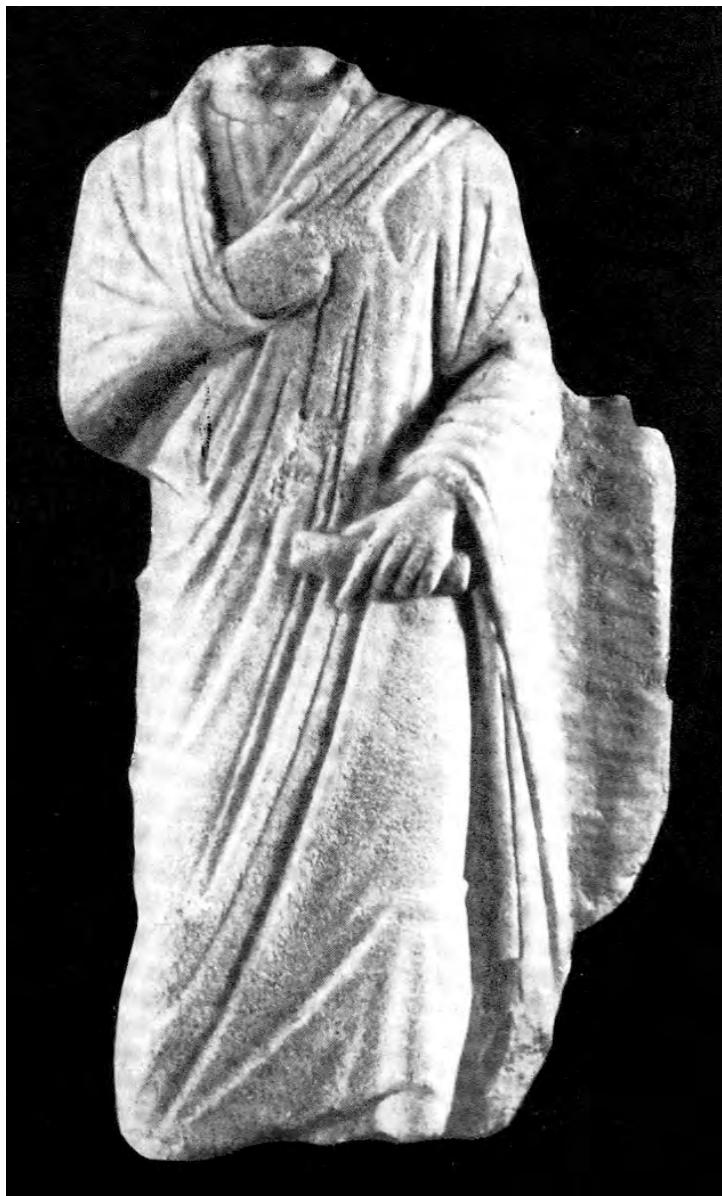

Рис. 12. Надгробная статуя херсонесита со свитком в руке. I в. н. э.

Рис. 13. Весовая эталонная гирия из Ольвии. IV в. до н. э.

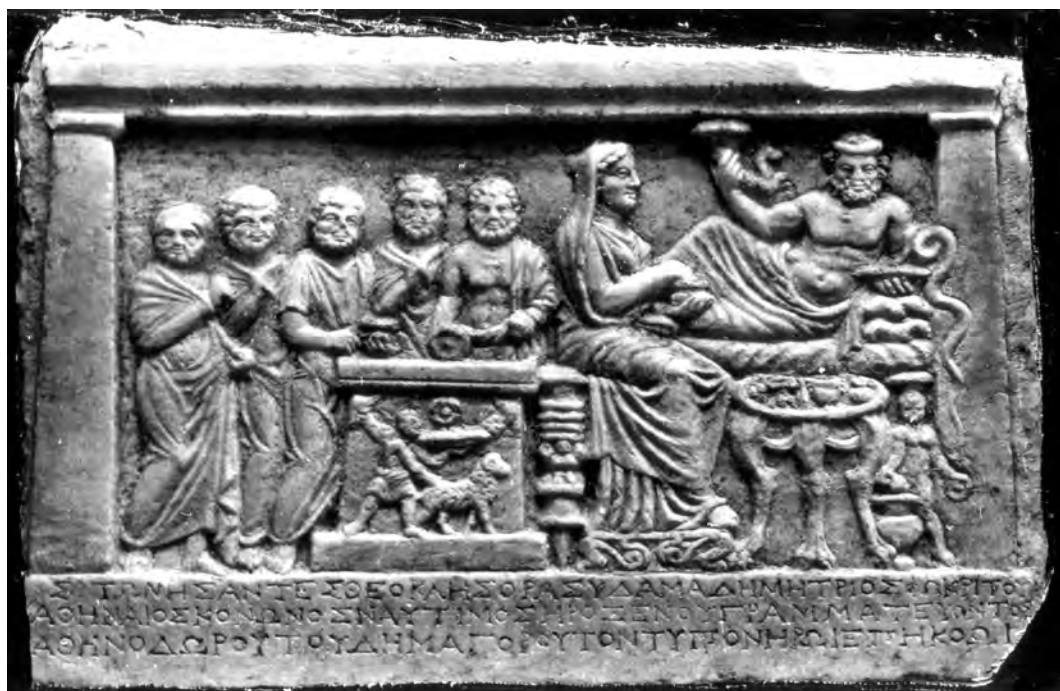

Рис. 14. Мраморный рельеф с изображением секретаря Афенодора среди членов коллегии ситонов. III в. до н. э. Ольвия.

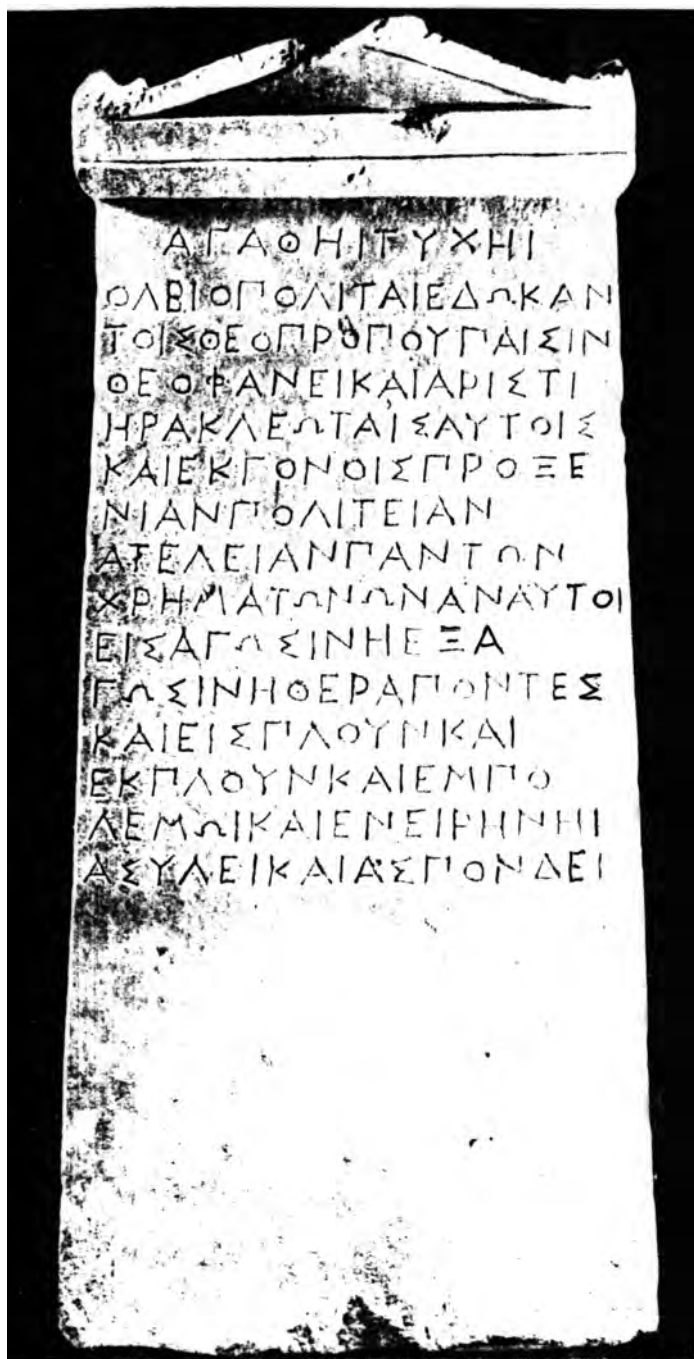

Рис. 15. Мраморная стела с проксенией Феофану и Аристе, гражданам города Гераклеи. IV в. до н. э. Ольвия.

Рис. 16. Оттиск халцедоновой печати с подписью мастера Дексамена. V в. до н. э. Пантикапей.

Рис. 17. Оттиск яшмовой печати с изображением юноши, играющего с петухом. Конец V- начало IV вв. до н. э. Тамань.

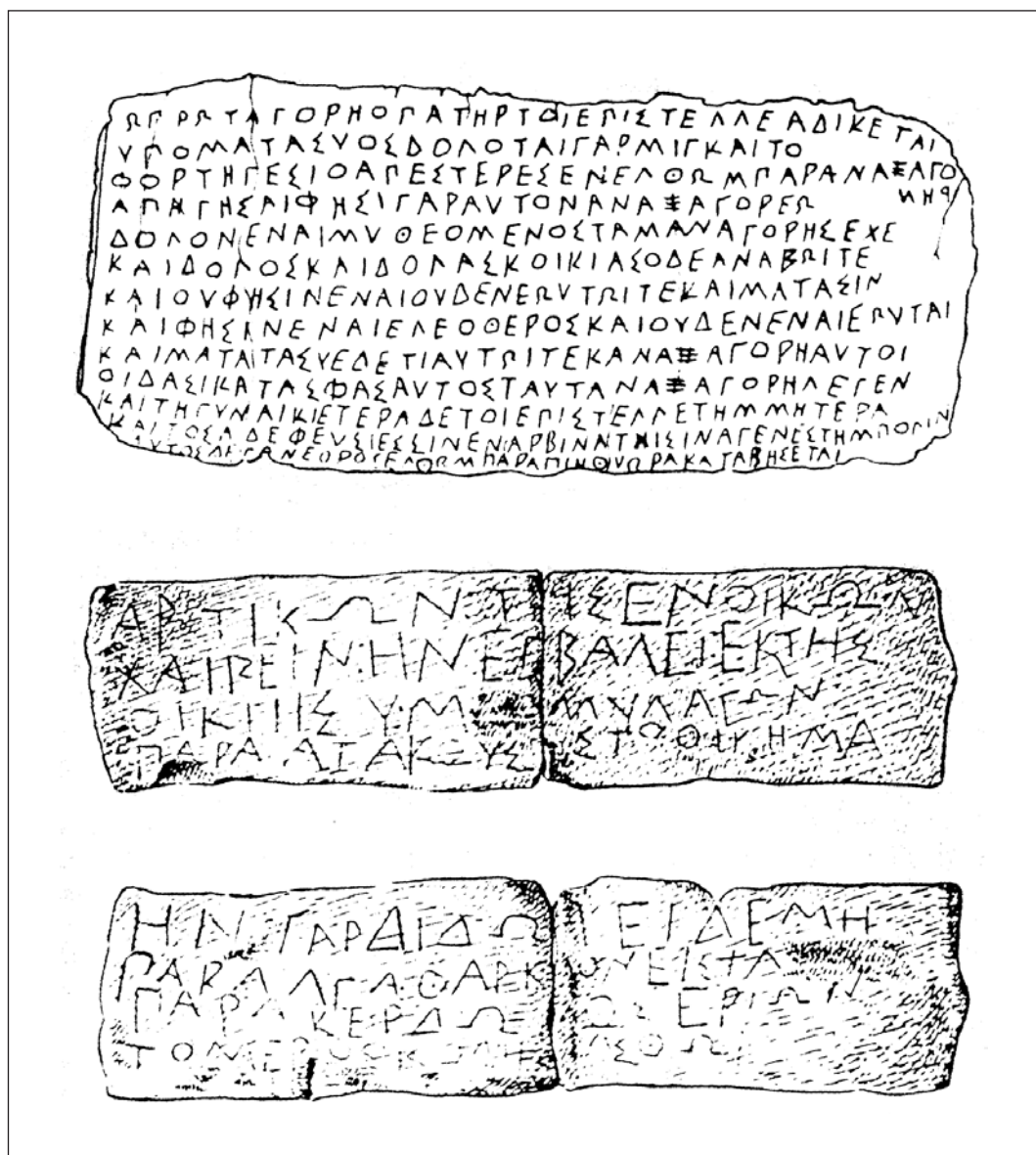

Рис. 18. Ольвийские письма на свинцовых пластинках. VI – V вв. до н. э. Прорисовка Ю.Г. Виноградова.

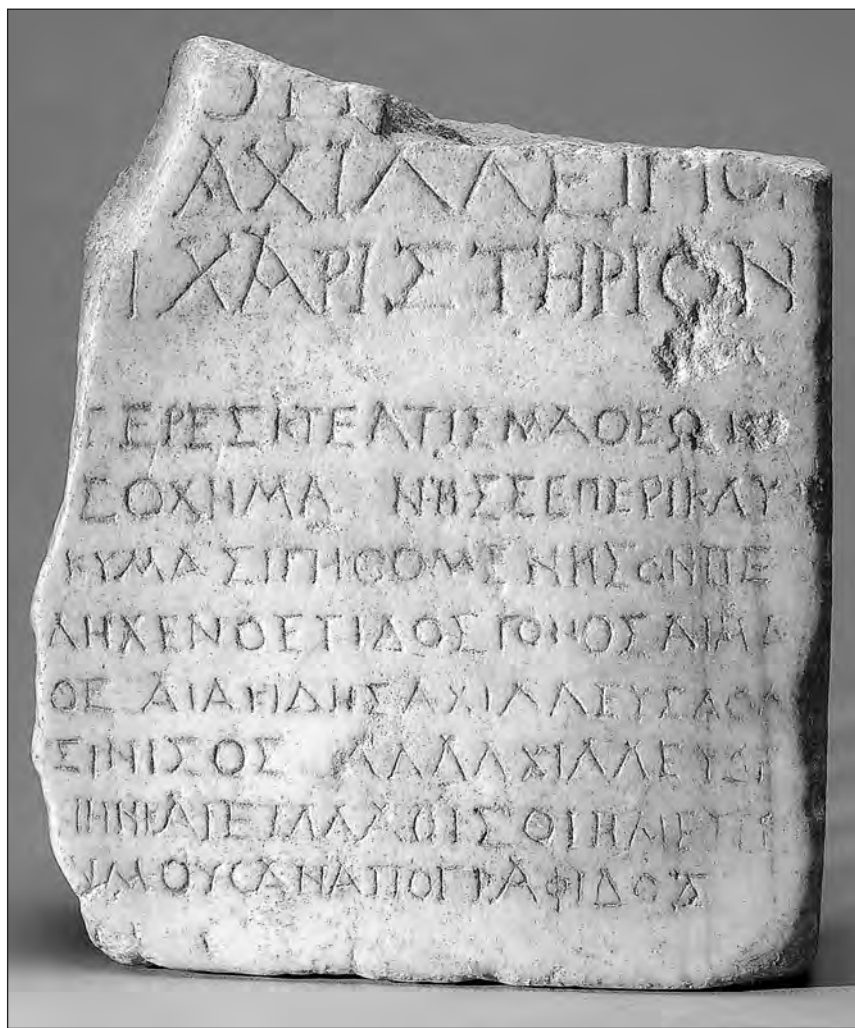

Рис. 19. Текст гимна Ахиллу на фрагменте мраморной стелы, найденной на Березани. I-II вв. н. э.

Рис. 20. Граффити с посвящением Аполлону Дельфинию на киликах второй половины VI в. до н. э. Ольвия.

Рис. 21. Граффито с посвящением Афродите на килике IV в. до н. э. Ольвия.

С.В. КАШАЕВ

СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ ВЫШЕСТЕБЛИЕВСКАЯ-11

Раскопки античных поселений Северного Причерноморья систематически проводятся с XIX в. по настоящее время. За этот период получен огромный объем информации, анализ которого позволил составить планы многих памятников.

В некоторых случаях планы намечены лишь в общих чертах, так что понятна только структура памятников. В других случаях планировки изучены уже довольно хорошо как в целом, так и в конкретных деталях на локальных участках. В основном выявлены планировочные структуры полисов, крупных поселений и крепостей. В разной степени изучены планировки Березани [Соловьев, 2005, с.10], Ольвии [Леви, 1984, с.106], Херсонеса [Беляев, 1984, с.115], Мирмекия [Бутягин, Виноградов, 2006, с.4-5; Гайдукевич, 1987, с.7-8], Тиритаки [Гайдукевич, 1958, с.150; Зинько, Пономарев, 2009, с.148-149], Порфмия [Вахтина, 2009, с.121; Шургая, 1984, с.131], Илурата [Гайдукевич, 1958, с.12-15; рис.13], Гермонассы [Коровина, 2002, с.30; 52], Горгиппии [Алексеева, 1997, с.311-314] и многих других.

Гораздо сложнее обстоит дело с выявлением планировок сельских поселений. Для этого существует ряд объективных причин – часто плохая сохранность объектов на таких памятниках, рассредоточенность построек на большой площади, недостаточная для выявления планировки раскопанная площадь и пр.

Немаловажным фактором, помогающим при выявлении планировок, является использование камня при строительстве домов, цоколей, подвалов и вымосток. В 1953-1962 годах на Керченском полуострове раскопана часть поселения у деревни Семеновка. На раскопе I там была выявлена планировка части поселка - исследованы жилые кварталы, продольные улицы и переулки [Кругликова, 1970, С.6-7]. Основания стен, вымостки и конструкции были сложены из камня.

Для сельских поселений Таманского полуострова характерно широкое применение сырцовых кирпичей и минимальное использование камня, что значительно осложняет выявление планировок поселений.

При наших работах на сельском поселении Вышестеблиевская-11, как представляется, удалось выявить планировочную структуру исследованного участка этого памятника (рис.1). Он расположен на берегу Кизилташского лимана (Темрюкский р-н Краснодарского края РФ) и занимает площадь около 20 га.

В 1999 – 2008 гг. Таманский отряд Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН проводил его раскопки [Кашаев, 2008, с.119-121]. Памятник состоит из неукрепленного поселения и земляной (сырцовой) крепости, находящейся в его северо-восточной части. Крепость в настоящее время представляет собой прямоугольный в плане холм с плоской вершиной и задернованными крутыми откосами, его размеры примерно 90 x 105 м. Высота крепости над уровнем поселения 3-5 м. Въезд в нее, по-видимому, находился в юго-западной части, со стороны поселения (рис.3).

Раскоп-1 расположен вдоль берегового обрыва к юго-западу от крепости (рис.3), его общая площадь, исследованная в 1999-2008 гг., составляет около 850 кв.м., на ней обнаружено 57 хозяйственных ям и 16 строительных комплексов (рис.1). Открытые на Раскопе-1 строительные комплексы и хозяйственные ямы относятся к разным хронологическим этапам жизни поселения и датируются со второй половины V в. до н.э. по VII-X в. н.э.

В северо-восточной части Раскопа-1 открыты участок Дороги-1 и серия строительных комплексов. Обнаруженные тут строительные комплексы (СК-8 – СК-14) располагались с обеих сторон Дороги-1, образуя определенный порядок. Скорее всего, они все вместе составляли один из кварталов поселения. С одной стороны Дороги-1 располагались строительные комплексы СК-6, СК-8, СК-10, СК-12, СК-14. С другой стороны Дороги СК-9, СК-11, СК-13. В торце Дороги находились СК-15 и СК-16, расположенные на самом краю берегового обрыва.

Почти все строительные комплексы (СК-8 – СК-16) выполнены в одной строительной технике. Они представляют собой немного заглубленные в материковый суглинок постройки, стены которых возводились из сырцовых (саманных) кирпичей. Такие стены ставились на выровненную поверхность земли без какого-либо фундамента или каменного цоколя. Снаружи стены были оштукатурены, что предохраняло их от размывания. После прекращения функционирования комплексов сырцовые стены постепенно разрушались. В большинстве случаев остатки постройки читаются благодаря сохранившемуся плотному полу. Полы в постройках были покрыты многочисленными слоями обмазки и представляли собой толстый (местами до 10 см) и плотный, слоистый глиняный пласт. Выявленные полы имеют довольно хорошую сохранность. По ним можно определить место и примерные внутренние размеры помещений. Внешние размеры были немного больше за счет толщины сырцовых стен. Реконструируемая толщина сырцовой стены примерно 0,4 м. На основе сводного плана Раскопа 1999-2008 гг. для северо-восточного участка Раскопа-1 выполнен вариант реконструкции застройки (рис.2). Рассмотрим выявленные объекты и строительные комплексы подробнее.

Дорога-1 проходила через весь исследованный участок с северо-запада на юго-восток, от центра поселения в сторону берегового обрыва (рис.1; 2). В Раскопе она прослеживалась как полоса очень плотной глины, в которую было утрамбовано множество фрагментов керамики.

Поверхность Дороги-1 начала читаться на глубине около 0,5 м от современной дневной поверхности, мощность этого слоя составляла около 0,4-0,5 м. Ширина Дороги около 3,5 м, исследована она на протяжении примерно 25 м.

Среди находок в слое Дороги-1 преобладали не крупные по размеру стенки амфор и амфорные ручки, но были встречены и профильные фрагменты. Все они принадлежали лесбосским, мендейским, хиосским пухлогорлым и прямогорлым амфорам. Большинство из них представляли фрагменты амфор, относящиеся к концу V в. до н.э., но есть немногочисленные находки и более позднего времени.

Судя по датировке фрагментов керамики, обнаруженных в слое Дороги-1, можно предположить, что она была устроена примерно в конце V – начале IV вв. до н.э. Возможно, примерно в это время была заложена и основа планировки квартала, которая просуществовала длительное время.

Строительный комплекс-8 (СК-8) представляет собой заглубленную постройку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад (рис.1; 2). Пятно СК-8 стало прослеживаться на глубине 0,4 м от современной поверхности. Сырцовые стены СК-8 не сохранились, его контуры были выявлены по наличию на полу многочисленных слоев белой глиняной обмазки. Размер сохранившейся глиняной обмазки пола 3,5 x 5,0 м, зафиксированная глубина 0,3 м.

При разборке заполнения и на полу СК-8 были обнаружены отдельные камни, не представляющие собой остатки каких-либо конструкций. После полной расчистки, поверхность пола оказалась довольно неровной, с небольшим понижением в центре. Толщина слоев глиняной обмазки пола достигала 3-5 см. В восточном углу были обнаружены несколько обожженных камней и куски печины. Возможно, именно там располагался небольшой очаг.

Ниже уровня пола СК-8 позднее была обнаружена хозяйственная яма № 40 более раннего времени. Возможно, наличие хозяйственной ямы послужило причиной проседания глиняного пола и его значительной неровности.

Строительный комплекс-9 (СК-9) представляет собой заглубленную постройку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад (рис.1; 2). Пятно стало заметно на глубине 0,4 м от поверхности. Размер СК-9 по пятну 3,1 x 6,3 м, глубина 0,2-0,25 м.

В отличие от остальных строительных комплексов пол в СК-9 не был покрыт глиняной обмазкой. В процессе расчистки в северной части СК-9 была открыта вымостка из некрупных, необработанных камней. Под ней была обнаружена хозяйственная яма № 37 более раннего времени. Вымостка устроена для предотвращения проседания пола в СК-9.

С юго-западной стороны от СК-9 было обнаружено несколько необработанных камней. Их расположение не позволяет проследить остатки каких-либо конструкций, но, возможно, они указывают на то, что с этой стороны располагался вход в постройку.

Строительный комплекс-10 (СК-10) представляет собой заглубленную постройку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад (рис.1; 2). Пятно комплекса стало заметно в плане на глубине 0,45 м от современной поверхности, по стратиграфии стенки прослеживалось с глубины 0,35 м. Размер сохранившейся глиняной обмазки пола 3,9 x 5,0 м.

В процессе расчистки были зафиксированы два строительных периода СК-10. Пол второго (позднего) строительного периода не имел плотной глиняной обмазки, но на этом уровне был обнаружен порожек (?), выполненный из некрупных, необработанных камней. Порожек и предположительно вход располагались с северо-восточной стороны постройки. Со стороны улицы - перед порогом была выполнена площадка из обожженной глины, ее размеры 0,6 x 0,8 м. Она дополнительно укрепляла порог, а также перекрывала находящуюся под ней хозяйственную яму №39 более раннего времени.

Пол первого (раннего) строительного периода выполнен из плотных светло-серых глиняных обмазок общей толщиной 3–4 см. Каменного порога на этом уровне не было, на полу обнаружено лишь несколько отдельных плоских камней. Возможно, более ранний порог был разобран при перестройке или ремонте. Среди камней обнаружен фрагмент обработанной известняковой плиты. Судя по характерному орнаменту, это левый верхний угол иудейского надгробия.

Поверхность пола понижается к юго-западной стенке. Пространство между полом первого и второго строительного периодов было заполнено темно-серым гумусированным суглинком. Находки керамики из обоих строительных периодов СК-10 примерно одинаковы, что говорит об относительно не большой промежутке времени между перестройкой комплекса.

Строительный комплекс-11 (СК-11) представляет собой заглубленную постройку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад (рис.1; 2). Пятно комплекса стало заметно в плане на глубине 0,40 м от поверхности, но по стратиграфии борта прослеживается с глубины 0,3-0,35м.; размер дается по сохранившейся глиняной обмазке пола СК-11 2,6 x 4,3 м, глубина до 0,3 м. Толщина слоев глиняной обмазки пола достигала 2-3 см.

Внутри СК-11 вдоль северо-западной стенки была сделана «лежанка», возвышающаяся над уровнем пола, ее ширина 0,7 м. К юго-западу от СК-11, со стороны Дороги-1 были обнаружены несколько разрозненных камней и кусков печины. Возможно, с этой стороны располагался вход в постройку.

Строительный комплекс СК-12 (СК-12) представляет собой постройку прямоугольной в плане формы. Его сырцовые стены стояли на невысоком каменном цоколе. Каменные основания стен обнаружены сразу под пахотным слоем, на глубине 0,25-0,35 м от современной поверхности. Ориентирован СК-12

длинными сторонами по линии северо-запад – юго-восток, внешние размеры его исследованной части 5,6 x 6,5 м (рис.1; 2).

Основания стен представляют собой кладку шириной 0,5-0,6 м, сложенную в один ряд из некрупных необработанных камней. Внешние фасы выкладывались более тщательно, внутреннее пространство между ними заполнено более мелкими камнями. Все каменные конструкции сильно повреждены современной плантажной распашкой. По направлению сохранившихся каменных кладок реконструированы не сохранившиеся участки стен. Лучше всего сохранилось основание северной стены, получившее наименование Кладка-1, но и она тоже имеет повреждения от многолетней распашки участка. Одна из хорошо заметных канавок, оставленных плугом, расположена на участке стены около северо-западной стенки Раскопа.

Основание южной стены получило наименование Кладка-2. Оно состоит из двух небольших, плохо сохранившихся участков, между которыми камни отсутствовали. Возможно, в этом месте располагался дверной проём или же кладка полностью разрушена распашкой.

Основание восточной стены получило наименование Кладка-3, хорошо сохранилась ее центральная часть. В нескольких местах Кладка-3 повреждена распашкой, также сильно повреждены восточный и южный углы СК-12.

Западная стена не исследована, она находится под северо-западной стенкой Раскопа. Каких-либо внутренних перегородок в постройке не зафиксировано.

В южном углу комплекса, на полу помещения, обнаружен крупный фрагмент плоского основания каменной зернотерки.

После исследования и фиксации каменные основания стен СК-12 были разобраны. При продолжении раскопок выяснилось, что СК-12 почти полностью перекрывал расположенные под ним остатки строительного комплекса-14 (СК-14).

Строительный комплекс-13 (СК-13) представляет собой заглубленную постройку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад (рис.1; 2). Пятно комплекса фиксировалось с глубины 0,4 м от современной дневной поверхности, глубина 0,6-0,7 м, размеры по пятну 3,7 x 5,0 м.

Пол землянки неровный, в некоторых местах на нем сохранились участки с глиняной обмазкой толщиной 3-5 см, поверхность пола понижается к центру комплекса. На уровне пола обнаружено несколько камней, представляющих собой, по-видимому, остатки вымостки. Среди камней находилось целое надгробие с изображением семисвечника и других иудейских символов, лежащее лицевой стороной вниз. Ранее на поселении была обнаружена серия аналогичных надгробий. Также среди камней вымостки находились прямоугольный строительный блок и половина каменного жернова. Другие камни были небольшого размера и без следов обработки.

В верхней части заполнения СК-13 обнаружено скопление костей крупного животного – коровы. Вероятно, после прекращения функционирования СК-13 в образовавшийся котлован была сброшена туша павшей коровы или ее крупные части.

Рядом с СК-13 с северо-западной стороны был обнаружен Очаг-1. Большая его часть открыта раскопками, оставшаяся уходит в северо-западную стенку Раскопа. Очаг находился на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности и имеет округлую в плане форму диаметром около 1,2 м. При разборке Очага-1 была детально прослежена его конструкция. Основание (подовая часть) состояла из трех слоев, их общая мощность около 5 см. Верхний слой - это площадка из плотной темно-серой обожженной глины мощностью до 1,5 см. По периметру находился небольшой бортик. В нижней части этот слой прокалился меньше и имеет не темно-серый, а темно-красный цвет. Средний слой был аккуратно выложен стенками амфор, профильных частей среди них нет. Самый нижний слой - плотный, светло-коричневый суглинок. Внутри очага зафиксированы куски глины, прокаленной до красного состояния.

Строительный комплекс СК-14 (СК-14) обнаружен на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности после того, как были сняты все конструкции относящиеся к СК-12 (рис.1; 2). После расчистки выяснилось, что от СК-14 сохранился пол, выполненный из многочисленных слоев плотной глиняной обмазки, толщина обмазки 5-7 см, в ее составе имеются добавления толченой ракушки. Уровень пола неровный, повышается в юго-восточной части. По периметру пола постройки зафиксированы светло-коричневые пятна, оставшиеся, скорее всего, от стен, сложенных из сырцовых кирпичей.

СК-14 представляет собой постройку подпрямоугольной формы, заглубленную на 0,3 м от уровня обнаружения, ориентированную длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. Постройка состояла из двух смежных помещений, разделенных общей сырцовой стеной шириной около 0,5 м и соединявшихся проходом в юго-западной части. Общие размеры комплекса по сохранившимся фрагментам пола примерно 5,0 х 5,0 м, размер каждого помещения 2,2 х 5,0 м.

Еще три строительных комплекса СК-6, СК-15, СК-16 расположены вблизи Дороги-1 и, как представляется, связаны с ней планиграфически.

Строительный комплекс-6 (СК-6), исследованный в 2001-2002 гг., стал одним из самых необычных и ярких из раскрытых объектов [Кашаев, Кашовская, 2008, с. 340-362]. Он представляет собой прямоугольную в плане постройку с внутренними размерами помещения примерно 3,0 х 6,0 м (рис.1; 2). При разборке заполнения были обнаружены надгробие с иудейской символикой и каменная вымостка, в которую были уложены еще пять аналогичных надгробных плит [Кашаев, Кашовская, 2009, с.62].

СК-6 находится немного в стороне от Дороги-1, образуя второй ряд построек. Он имеет такую же ориентацию, как и представленные выше строительные комплексы, и выполнен в аналогичной строительной технике.

Строительный комплекс СК-15 (СК-15) обнаружен по золистому пятну на уровне 0,5-0,6 м от дневной поверхности. Скорее всего, он представляет собой прямоугольную в плане постройку. Открыта только часть СК-15, выявленные размеры 3,0 x 7,5 м, остальная часть уходит в стенки раскопа (рис.1; 2). Максимальная глубина котлована 0,3-0,4 м. Стены СК-15 не сохранились, на полу обнаружены фрагменты плотной белой, глиняной обмазки толщиной 2–3 см. В заполнении найдено несколько необработанных камней, не представляющих какую-либо конструкцию.

Строительный комплекс СК-16 (СК-16) обнаружен по золистому пятну на уровне 0,5-0,6 м от дневной поверхности. Скорее всего, СК-16 представляет собой прямоугольную в плане постройку, выявленные размеры 2,8 x 7,0 м, остальная часть уходит в стенки раскопа (рис.1; 2). Максимальная глубина котлована 0,3-0,4 м. На полу сохранились фрагменты плотной белой глиняной обмазки толщиной 2–3 см.

Представленные материалы демонстрируют, что в результате проведенных работ удалось выявить планировочную структуру исследованного участка сельского поселения Вышестеблиевская-11.

Почти все обнаруженные строительные комплексы (СК-6 – СК-16) имеют конструктивное сходство, выполнены в одинаковой строительной технике и традиции. Все вместе они представляют собой единую систему застройки, скорее всего, один из «кварталов» поселения.

От одного из домов (СК-12) сохранились основания стен, сложенные из небольших необработанных камней. Он выделяется техникой строительства, но вписывается в систему застройки. СК-12 был возведен на месте предшествующей постройки (СК-14), перекрывая ее по площади. Таким образом, новые дома возводились на местах старых разобранных, и существующая планировка «квартала» сохранялась.

Ориентировка всех построек и Дороги-1 по сторонам света не прослеживается. Связана она, прежде всего, с рельефом и топографией местности, близким расположением берегового обрыва, а также наличием в северной части поселения крепости (рис.3). Именно крепость могла быть объектом, к которому призывалась планировка не укрепленной части поселения.

По плану (рис.2) видно, что СК-8 и СК-9 заметно смещены от «линии застройки» в сторону Дороги-1. Для СК-8 причиной этого стал уже возведенный к моменту его строительства СК-6. Для СК-9, возможно, была аналогичная причина. Повлиявший на его смещение объект должен располагаться к северу от СК-9, но он пока не открыт раскопами.

В слое Дороги обнаружен ранний керамический материал конца V в. до н.э. Это дает основания предполагать, что ее сооружение можно относить примерно к этому времени.

Строительные комплексы СК-8 – СК-16 по находкам керамики, обнаруженным

в их заполнении, относятся к более позднему периоду жизни поселения и могут быть предварительно датированы II-VI вв. н.э. Продолжение изучения керамического материала, найденного в комплексах, поможет уточнить приведенную датировку.

В дальнейшем, при продолжении работ на Раскопе-1, интересно проследить развитие археологической ситуации к центру поселения. При этом может быть проведено исследование Дороги-1 и других строительных комплексов, расположенных вдоль нее. Зная, где примерно располагался въезд в крепость, можно предположить, что в створе ворот может существовать перекресток двух дорог: первой (Дороги-1), зафиксированной на Раскопе-1, и второй (Дороги-2), пока нам не известной, но существование которой мы можем предполагать. Она, вероятно, подходила к воротам крепости с юго-запада, со стороны поселения (рис.3).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М. 1997.
- Беляев С.А. Херсонес // АГСП. М. С.49-52. 1984.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб. 2006.
- Вахтина М.Ю. Порфмий - греческий город у переправы через Боспор Киммерийский // Боспорские исследования XXII. Симферополь-Керчь. С.91-126. 2009.
- Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л. 1987.
- Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги исследований 1948-1953 гг. // Боспорские города. МИА 85. М.-Л. С.9-148. 1958.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия 1946-1952 гг. // Боспорские города. МИА 85. М.-Л. С.149-218. 1958.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Симферополь-Керчь. 2009.
- Кашаев С.В. 10 лет Таманскому отряду Боспорской экспедиции ИИМК РАН // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного «круглого стола», посвященного 10-летию конференции Боспорский феномен. СПб. С.113-128. 2008.
- Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Культовый комплекс (СК-6) и эпиграфические материалы с поселения Вышестеблиевская-11 // Древности Боспора №12 ч.1 М. С.340-362. 2008.
- Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии // Archeologia Abrahamika. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М. С. 55-77. 2009.
- Коровина А.К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М. 2002.
- Кругликова И.Т. Раскопки поселения у деревни Семеновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М. С.4-81. 1970.
- Леви Е.И. Ольвия // АГСП. М. С.34-39. 1984.
- Соловьев С.Л. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье // Борисфен-Березань. СПб. С.6-24. 2005.
- Шургая И.Г. Порфмий // АГСП. М. С.63-71. 1984.

С.В. Кашаев

БУДІВЕЛЬНІ КОМПЛЕКСИ ТА ПЛАНУВАННЯ ПОСЕЛЕННЯ ВИШЕСТЕБЛІВСЬКА-11

Резюме

При роботах на сільському поселенні Вишестеблівська-11 вдалося виявити планувальну структуру дослідженої ділянки цієї пам'ятки. Воно знаходиться на березі Кизилташського лиману (Темрюкський район, Краснодарський край, РФ) та займає площу близько 20 га. У 1999 -2008 рр. Таманський загін Боспорської археологічної експедиції ПМК РАН проводив його розкопи. Пам'ятка складається з неукріпленого поселення та земляної (сирцевої) фортеці, яка знаходиться в його північно-східній частині.

Розкоп-1 розташований вздовж берегового обриву к південно-заходу від фортеці, його загальна площа складає близько 850 кв.м., на ній виявлено 57 господарських ям та 16 будівельних комплексів. Відкриті на Розкопі-1 будівельні комплекси та господарські ями відносяться до різних хронологічних етапів життя поселення та датуються з другої половини V ст. до н. е. по VII-X ст. н. е.

У північно-східній частині Розкопу-1 відкрити ділянка Дороги-1 та серія будівельних комплексів. Виявлені тут будівельні комплекси (БК-8 – БК-14) розташовані з обох сторін Дороги-1, утворюючи певний порядок. Скоріш за все, вони всі разом складали один з кварталів поселення. В торці Дороги знаходились БК-15 та БК-16, які були розташовані на самому краю берегового обриву. Майже всі будівельні комплекси (БК-6 – БК-16) виконані за одною будівельною технікою. Вони представляють собою трохи поглиблені у материковий суглинок споруди, стіни яких зводилися з сирцевих цеглин. Реконструйована товщина сирцевої стіни приблизно 0,4 м. На основі зведеного плану для північно-східної ділянки Розкопу-1 зроблено варіант реконструкції забудови.

Орієнтировка усіх споруд та Дороги-1 по сторонах світу не просліджується. Пов'язана вона, перш за все, з рельєфом та топографією місцевості, близьким розташуванням берегового обриву, а також наявністю у південній частині поселення фортеці. Саме фортеця могла бути об'єктом, до якого прив'язувалось планування неукріпленої частини поселення.

В шарі Дороги виявлений ранній керамічний матеріал кінця V ст. до н. е. Це дає підставу припускати, що її споруду можна відносити приблизно до цього часу. Будівельні комплекси БК-6 – БК-16 по знахідках кераміки, яка виявлена в їх заповненні, відносяться до більш пізнього періоду життя поселення та можуть бути попередньо датовані II-VI ст. н.е.

С.В. Кашаев

СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ ВЫШЕСТЕБЛИЕВСКАЯ-11

Резюме

При работах на сельском поселении Вышестеблиевская-11 удалось выявить планировочную структуру исследованного участка этого памятника. Оно находится на берегу Кизилташского лимана (Темрюкский р-н, Краснодарского края РФ) и занимает площадь около 20 га. В 1999 – 2008 гг. Таманский отряд Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН проводил его раскопки. Памятник состоит из неукрепленного поселения и земляной (сырцовой) крепости, находящейся в его северо-восточной части.

Раскоп-1 расположен вдоль берегового обрыва к юго-западу от крепости, его общая площадь составляет около 850 кв.м., на ней обнаружено 57 хозяйственных ям и 16 строительных комплексов. Открытые на Раскопе-1 строительные комплексы и хозяйственные ямы относятся к разным хронологическим этапам жизни поселения, и датируются со второй половины V в. до н.э. по VII-X в. н.э.

В северо-восточной части Раскопа-1 открыты участок Дороги-1 и серия строительных комплексов. Обнаруженные тут строительные комплексы (СК-8 – СК-14) располагались с обеих сторон Дороги-1, образуя определенный порядок. Скорее всего, они все вместе составляли один из кварталов поселения. В торце Дороги находились СК-15 и СК-16, находящиеся на самом краю берегового обрыва. Почти все строительные комплексы (СК-6 – СК-16) выполнены в одной строительной технике. Они представляют собой немного заглубленные в материковый суглинок постройки, стены которых возводились из сырцовых кирпичей. Реконструируемая толщина сырцовой стены примерно 0,4 м. На основе сводного плана для северо-восточного участка Раскопа-1 выполнен вариант реконструкции застройки.

Оrientировка всех построек и Дороги-1 по сторонам света не прослеживается. Связана она, прежде всего, с рельефом и топографией местности, близким расположением берегового обрыва, а также наличием в северной части поселения крепости. Именно крепость могла быть объектом, к которому привязывалась планировка не укрепленной части поселения.

В слое Дороги обнаружен ранний керамический материал конца V в. до н.э. Это дает основания предполагать, что ее сооружение можно относить примерно к этому времени. Строительные комплексы СК-6 – СК-16 по находкам керамики, обнаруженным в их заполнении, относятся к более позднему периоду жизни поселения и могут быть предварительно датированы II-VI вв. н.э.

S.V. Kashayev

BUILDING COMPLEXES AND PLANNING
OF THE SETTLEMENT VYSHESTEBLIEVSKAYA – 11

Summary

When working on rural settlement Vyshesteblievskaya-11, it was possible to identify planned structure of the investigated area of this monument. It is located on the estuary Kiziltash (Temryuk district of Krasnodar region of Russia) and covers an area of about 20 hectares. In 1999-2008 Taman detachment of the Bosphorus archaeological expedition of IHMC RAS excavated it. The monument consists of unfortified settlement and a ground (adobe) fortress, located in its northeastern part.

Excavation site 1 is located along a coastal cliff to the southwest of the fortress. Its total area is about 850 square kilometers. Fifty-seven household pits and sixteen building complexes were found here. Building complexes and household pits discovered in excavation site 1 belong to different chronological stages of life of the settlement, and can be dated back from the second half of the 5th century BC until the 7th – 10th cc. AD.

A section of the Road-1 and a series of building complexes were unearthed in the northeastern part of the excavation site 1. Construction complexes (CC-8 – CC-14) found here, were located on both sides of the Road-1, to form a certain order. Most likely, they all were one of the quarters of the settlement. Construction complexes CC-15 and CC-16 situated on the edge of the coastal cliffs were located at the end of the Road. Almost all complexes (CC-6 – CC-16) are in one building technology. They are buildings a little deepened in continental clays, and their walls are built of adobe bricks. Thickness of reconstructed adobe wall is about 0.4m. A variant of reconstruction is based on the combines plan for the northeastern section of the excavation site 1.

Orientation of all buildings and the Road-1 to the cardinal points is not traced. It is associated primarily with the relief and the topography of the area, the close proximity of the coastal cliff, and the presence of a fortress in the northern part of the site. Namely, the fortress could be an object, to which the planning of the fortified settlement was attached.

Early ceramic material of the end of the 5th century BC was found in the road layer. This suggests its construction can be attributed to this time approximately. Complexes CC-6 – CC-16 according to finds of ceramics discovered in their fillings, belong to a later period of life of the settlement and can be pre-dated to the 2nd - the 6th cc. BC.

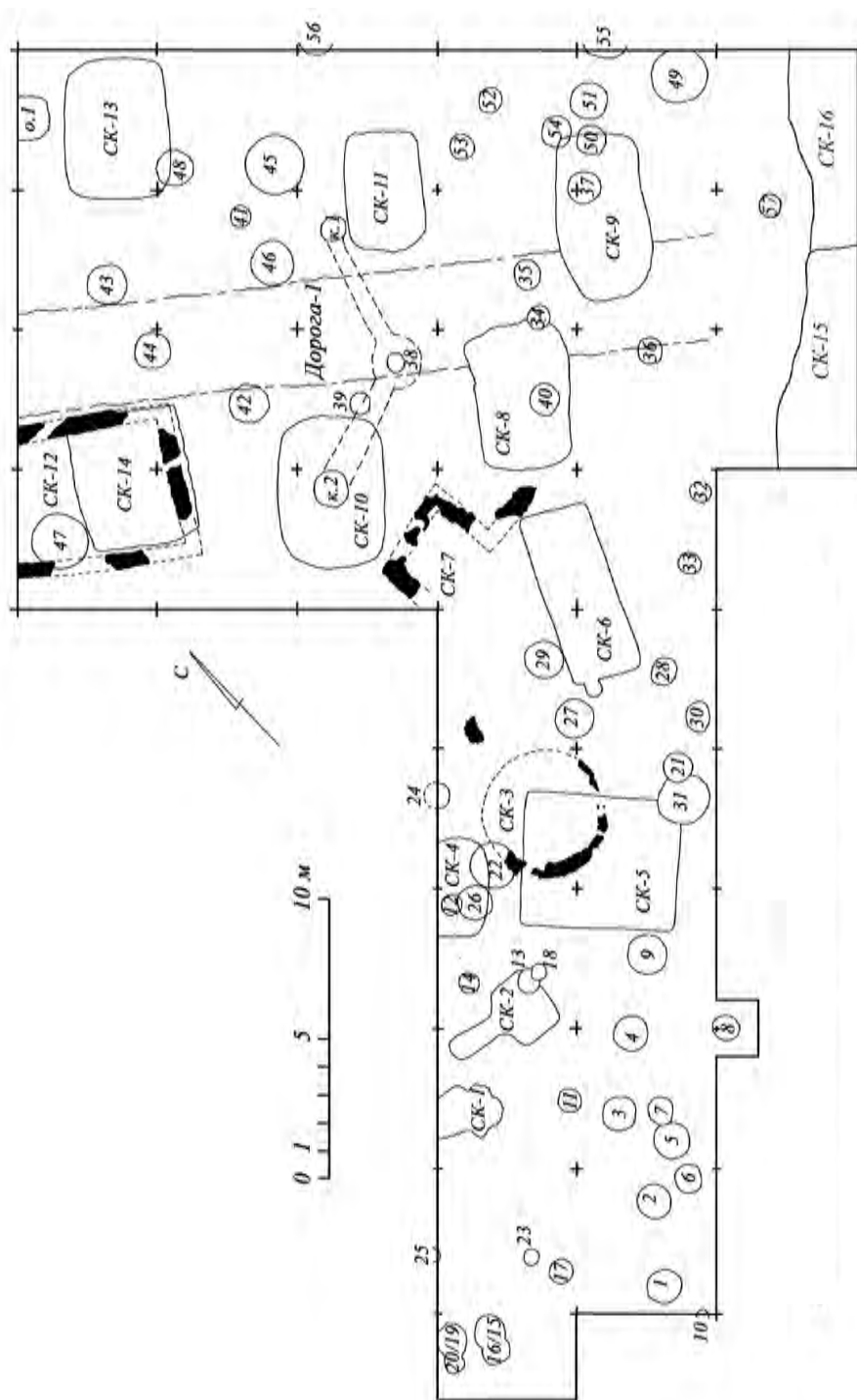

Рис. 1. Поселение Вышестеблевская-11, Раскоп 1. Сводный план 1999-2008 гг.

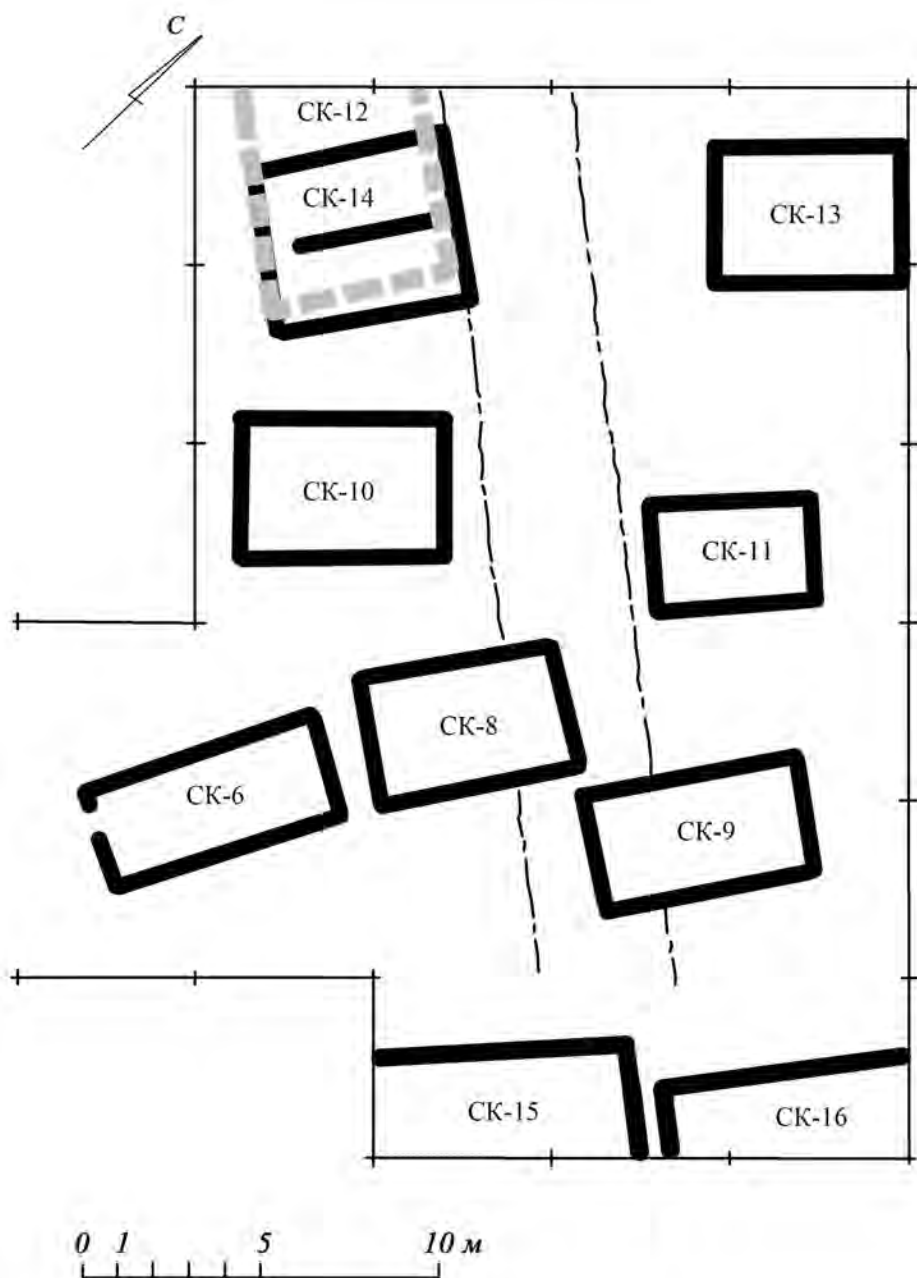

Рис. 2. Вариант реконструкции застройки на поселении Вышестеблиевская-11.

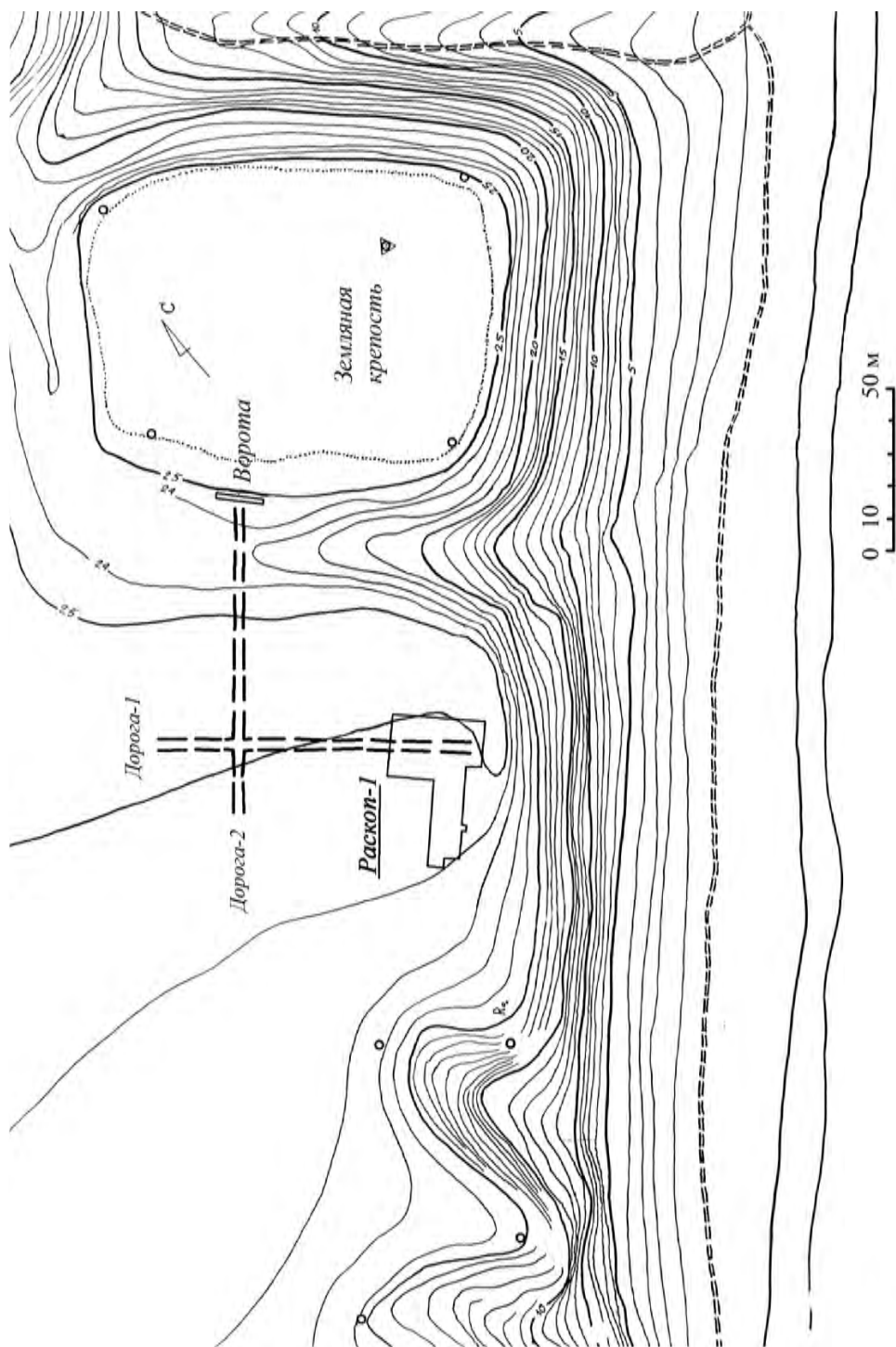

Рис. 3. Поселение Вышестеблиевская-11 (план по Я.М. Паромову). Участок поселения с Раскопом-1 и вариантом реконструкции дорог.

Ю.В. БОЛТРИК, Е.Е. ФИАЛКО

МЕБЕЛЬ ИЗ СКИФСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

За скифами, проводившими большую часть жизни в седле или повозке, склонными к аскетизму, закрепился имидж неприхотливых в повседневном быту людей, практически пребывающих за пределами благ цивилизации. Здесь, к примеру, можно вспомнить сведения Страбона – греческого историка и географа конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. В широко известном сочинении «ГЕОГРАФИКА», опираясь на описания Гомера, Эсхила, Геродота и других предшественников, автор подчеркивает умеренность, неприхотливость и крайне скромный быт скифов, которые «всем владеют сообща, кроме мечей и чаш для питья...». Кроме того, «...они обнаруживали характерные черты своего племени: любезность, простоту, справедливость...» (Strabo VII, 3: 7-8)¹. Если эти слова и были достоверны, то, очевидно, лишь для раннего периода истории, когда скифы тщательно оберегали свою культуру от внешних влияний. Со временем отчетливо заметно тяготение аристократии к роскоши, что отразилось в появлении импортных вещей, ассортимент и количество которых быстро росли. С IV в. до н.э. импорт распространяется среди почти всех слоев населения. При этом он остается престижным признаком. Страбон дал достаточно объективную оценку процесса эллинизации скифского общества: «... наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, привнося роскошь, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность нравов в значительной степени проникла и к варварам, между прочим, и кномадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в отношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество; хотя это, по-видимому, и способствует смягчению дикости, однако портит нравы, и на место простодушия, о котором мы только что говорили, вводит коварство» (Strabo VII, 3: 7). Близкие описания оставил и римский историк рубежа эр Гней Помпей Трог в произведении «Филиппова история» (сохранившемся в извлечениях Марка Юниана Юстина). «К золоту и серебру

¹ Здесь и далее цитируется по: [Латышев, 1993].

они не питают страсти подобно остальным смертным. ... Эта воздержанность произвела у них и справедливость нравов, именно отсутствие страсти к чужому: ведь страсть к богатствам бывает только там, где умеют ими пользоваться. О, если бы у остальных смертных была бы подобная умеренность и воздержание от чужого...» (Pompeius Trogus II, 2: 7, 10-11).

Образ отказавшихся от жизненных благ суровых воинов явно размывает ассортимент находок из вещевых комплексов скифских погребальных памятников. В могилы скифских аристократов клали не только оружие, доспех и необходимую в походах утварь, но и пышное убранство, дорогие привозные гарнитуры украшений и богатые сервизы из драгоценных металлов. К числу роскошных вещей, помимо прочих дорогих импортов, относится и немногочисленная серия предметов мебели из могил представителей скифской элиты. Мебель в этих комплексах не отличается большим разнообразием типов и представляет несколько вариантов деревянных табуретов, скамеечек и так называемых тронов или кресел. Пожалуй, лучше других в небольшой выборке «скифской» мебели представлены табуреты.

С учетом временного фактора серия этих находок распадается на две хронологические группы: раннюю и позднюю.

I. Ранняя группа включает немногочисленные предметы роскоши из памятников скифской архаики.

1. Особое место в серии предметов мебели занимает так называемый асси-ро-урартский (или переднеазиатский) дворцовый табурет из **Литого кургана**, расположенного близ с. Кучеровка Кировоградской обл. Курган, раскопанный генерал-поручиком А.П. Мельгуновым в 1763 г., в научной литературе упоминается также как Мельгуновский курган или клад. Под насыпью, на глубине около 2,0 м от вершины, открыт каменный ящик, в котором обнаружены: акин-ак в ножнах с золотым покрытием, бронзовые наконечники стрел, золотые головной убор и 17 бляшек в форме орла, металлические детали дворцовой мебели [Придик, 1911; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 104].

С предметом мебели соотносятся следующие детали [Придик, 1911, с. 17-20, табл. 1; Манцевич, 1958, с. 198-199; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 41; Кисель, 2003, с. 130]:

а. *полые серебряные наконечники ножек* – 4 экз. (рис. 1, 5). Верхняя часть оформлена в виде цилиндра с уплощенным пояском вокруг отверстия; верх его украшен рядом рельефных свисающих лепестков; нижнее ребро подчеркнута тремя рельефными валиками, средний (самый широкий) из которых акцентирован косым рифлением, имитирующим шнур. Ниже ножки приобретают форму усеченного конуса, с наибольшим расширением у плоского (заглушенного) основания. Рельефные части – лепестки и валики – покрыты золотой фольгой. Высота – 10,9 см; диаметр отверстия – 3,5 см; диаметр основания – 5,85 см;

б. короткие полые серебряные² цилиндры – 3 экз. (рис. 1, 4). Один их край ровно срезан, второй отогнут наружу. Не приводя точных размеров в описании уцелевшего предмета, Е.М. Придик сделал любопытные замечания: «Нижний край сохранившегося целиком цилиндра как раз подходит к верхнему краю больших столбиков, где мы видим следы припайки... Стенки цилиндра в двух местах прорезаны продолговатыми четырехугольными отверстиями, приходящимися друг к другу под прямым углом, так что там можно предполагать, следовательно, деревянные перекладины, связывавшие ножки или что-нибудь подобное» [Придик, 1911, с. 18]. Высота – около 3,5 см, диаметр – около 2,5 см;

в. полые серебряные цилиндры – 4 экз. (рис. 1, 3). Один их край ровно срезан, на втором – с двух сторон по дуговидному вырезу с отогнутым краем (образующими своеобразное ложе). Нижний край и середину украшают тройные валики, аналогичные декору на наконечниках ножек. Валики покрыты золотой фольгой. Высота – 6,9 см; диаметр – 2,5 см.

Описывая эти элементы, Е.М. Придик среди прочего обратил внимание на то, что на них «видны по краям отверстия – следы припайки; что было там припаяно, сказать трудно...»; предположительно, это могли быть малые цилиндры с прорезями [Придик, 1911, с. 18]. В отчете А.П. Мельгунова, процитированном Е.М. Придиком, отмечено наличие железных окислов на серебряных изделиях (очевидно, деталях ножек, поскольку иных серебряных предметов там как будто не найдено). В перечне найденных вещей значится «...серебра с ржавчиной разных вещей три фунта двенадцать золотников» [Придик, 1911, с. 1]. Остатки железа внутри цилиндров отметила и А.П. Манцевич [Манцевич, 1958, с. 199];

г. гвоздики – 23 экз. (рис. 1, 1). С прямоугольным в сечении, заостренным к концу стержнем и широкой плоской шляпкой, обтянутой тонкой золотой пластиной с гравированной восьмилепестковой розеткой. По словам Е.М. Придика, найдено 20 гвоздей одинаковой величины и три маленькие. «Семь из гвоздей более похожат на заклепки и три на головки к заклепкам, хотя возможно, что острые концы гвоздей обломаны». Относительно материала гвоздей, мнения исследователей расходятся. Е.М. Придик сообщает, что гвозди железные, тогда как А.П. Манцевич и вслед за ней В.А. Кисель описывают только два гвоздя как серебряные двух размеров: длина 1,4 и 1,65 см, диаметр шляпки соответственно 1,2 и 0,8 см [Манцевич, 1958, с. 199; Кисель, 2003, с. 130]. Возможно, это объясняется тем, что в коллекции Эрмитажа сохранились только два экземпляра из драгоценного металла, которые и упоминают А.П. Манцевич и В.А. Кисель;

д. серебряная розетка – 1 экз. Представляет собой округлую тонкую бляху

² Е.М. Придик сообщал, что эти детали серебряные [Придик, 1911, с. 18]. А.П. Манцевич указывала, что целая сделана из бронзы с серебряным покрытием, а разрушенные – одна из бронзы, вторая из железа [Манцевич, 1958, с. 199].

с загнутым краем, с высоким рельефным орнаментом в виде двух концентрических валиков – большим вдоль края и меньшим в середине. Между ними идет поясок из гравированных мелких окружностей (рис. 1, 2). Диаметр розетки – около 3,0 см. Е.М. Придик описал ее среди принадлежностей ножен меча³ как «круглую пластинку с круглым отверстием в центре, точно подходящую по величине к следам на поверхности бляхи» [Придик, 1911, с. 12, табл. 1], предполагая ее место на выступе ножен над отверстием для крепления их к портупейному поясу. Однако, на фото этой пластинки, приведенном автором на таблице 1, ясно видно, что бляшка цельная, без отверстия в центре. В таком случае, если рассматривать ее как накладку на выступ, бляшка должна была заглушить отверстие для крепления ножен. Противоречат такой интерпретации и еще два обстоятельства. Во-первых, материал, из которого сделаны предметы. Бляха серебряная, в то время как рукоять и ножны меча, а также и все детали их декора золотые. Во-вторых, форма бляшки. Она круглая, с загнутым краем и, что очень важно, объемная. Следовательно, предполагается какая-то округлая выступающая поверхность, которую она покрывала. Поверхность же выступа ножен абсолютно гладкая, кроме того, его внешний край скошен относительно отверстия, что предполагает, очевидно, иную форму накладки – не круг, но овал. Все сказанное выше склоняет нас к мысли о том, что эта деталь могла служить набалдашником, украшавшим верхнюю часть ножки или выступ рамы сидения предмета мебели.

К находкам из Мельгуновского кургана исследователи обращались неоднократно. Высказывалось немало предположений относительно принадлежности описанных выше деталей. Конференц - секретарь Петербургской Академии наук Г.Ф. Миллер, впервые описавший находки из этого комплекса, определил наконечники как подсвечники «ибо другого употребления сих вещей едва ли изъяснить можно» [Миллер, 1764, с. 505; Тункина, 2006]. Г.Е. Кизерицкий считал их ножками ложа. Соглашаясь в общем с таким определением, Е.М. Придик, тем не менее, не был столь категоричен в выводах и потому написал «что это ножки от ложа, столика или скамейки» [Придик, 1911, с. 18]. А.П. Манцевич однозначно отнесла этот предмет к числу парадных табуретов ассирийского типа, предложив схему крепления нижней части его ножек (рис. 2, 1) [Манцевич, 1958, с. 200-201, рис. 3]. С.С. Бессонова рассматривала находку из этого кургана как трон с балдахином, соотнося с последним четыре цилиндра, орнаментированные валиками, и гвоздики [Бессонова, 1990, с. 33]. Большинство исследователей, в том числе и мы, придерживаются интерпретации А.П. Манцевич. В то же время В.А. Кисель определяет этот предмет как дворцовую скамеечку для ног высотой 25-30 см и на основании круга аналогий уточняет графическую реконструкцию

³ Вероятно, тот факт, что пластина упомянута Е.М. Придиком как деталь ножен меча, объясняет, почему позже исследователи не обратили на нее внимания, касаясь деталей табурета.

А.П. Манцевич, добавив верхние элементы конструкции (проножку и царгу) (рис. 2, 2) [Кисель, 2003, с. 61-62, рис. 58].

Думается, последнее определение не вполне удачно. Как показывают изображения предметов мебели на разного рода каменных барельефах, в настенной и вазовой живописи, кресла, стулья и табуреты различались не только конструктивными и декоративными деталями, но и высотой [Bothmer, 1972, № 13, 20; Mark, 1984; Сидорова и др., 1985; Mertens, 1987, fig. 67; Маринович, Кошеленко, 2000, рис. 48 и др.]. Преобладают предметы, сидения которых располагаются на такой высоте от пола, которая позволяет сидящему на нем согнуть ноги в коленях под прямым углом (рис. 3, 1-2). Таким образом, высота табурета или сидения стула составляет приблизительно 40-50 см. При этом были табуреты и меньших размеров. Это прекрасно видно на халцедоновом скарабеоиде Эпимена, золотой обкладке горита из Мелитопольского кургана и других произведениях искусства [Mertens, 1987, fig. 38; Бондарь, 1975, с. 66-69, рис. 58]. В последнем случае представлены персонажи на разновысоких сидениях, что подчеркнуто и положением их ног (рис. 3, 3-4). Рядом с ними и подножные скамеечки. Как правило, у изножья табурета или стула стоит довольно низкая скамеечка – ее высота приблизительно соответствует уровню щиколотки сидящего, либо условно четвертую-третью часть высоты ножки (рис. 4, 1-3; 5, 1-4). Т.е. для удобства сидящего (чтобы ноги не свисали) высота подножной скамеечки должна составлять около 10–20 см. Если же скамеечка будет выше, тогда колени сидящего будут высоко подняты – поза более чем не удобна. Высокие подставки для ног, судя по изображениям, полагались к массивным высоким креслам-тронам (рис. 6, 1-3).

После этих рассуждений вернемся к сохранившимся деталям мебели из Литого кургана. Общая высота трех последовательно сложенных вместе цилиндров (1 а, б, в) составляет (10,9 + 3,5 + 6,9 см) 21,3 см. Соглашаясь в целом с предложенной ранее схемой расположения деталей ножки, обратим внимание на разницу диаметров отверстий двух нижних деталей: у наконечника – 3,5 см, у цилиндра с прорезями – 2,5 см. Следовательно, между ними должна быть деталь-переходник, плавно расширяющаяся книзу. Учитывая плавное уменьшение диаметра сверху, длина соединительного звена должна быть около 10 см. Далее, если допустить, что третий металлический цилиндр с округлой выемкой сверху (1 в) крепился непосредственно к цилиндру с прорезями (1 б), тогда проножки и царга (рама сидения) окажутся практически рядом. Такое соединение выглядит алогичным, поскольку в этом случае теряется смысл проножек как дополнительного элемента жесткого крепления ножек. Кроме того, здесь стоит вспомнить о характере материала (тонкого и хрупкого) полых цилиндров и железных окислах внутри них. Очевидно, все металлические детали «пунктирно нанизывались» на деревянную основу и закреплялись гвоздиками, упоминавшимися Е.М. Придиком. Подобного рода бронзовая обивка табурета была обнаружена в Ассирийском центре Зенджирли-Шамаль [Манцевич 1958, с. 200].

Ближние металлические элементы фурнитуры мебели (рис. 7) происходят из раскопок Алтын-Тепе (Altintepe) – одного из центров Урарту (хранятся ныне в Музее Анатолийских цивилизаций в г. Анкаре, Турция). Учитывая характер оформления верхнего края цилиндров с рельефными поясами мельгуновского табурета, две (скорее всего, боковые) перекладки рамы сидения были круглыми и выступали за линию ножек. Не исключено, что именно их выступы «заглушали» серебряные колпачки-розетки (1 д). Фигурные зооморфные (рис. 6, 2; 8, 1-2) или округлые (рис. 9, 1) окончания часто украшали выступы табуретов и кресел. Вид (или конструкция) табурета из Литого кургана определенным образом перекликается с деревянным табуретом с бронзовой облицовкой из Нимруда (рис. 8, 1) [Schäfer, Andrae 1942, с. 736-737]. Если принять предложенную нами конструкцию ножек табурета, тогда высота его достигала 38-42 см (рис. 2, 3). Следовательно, в Литом кургане стоял парадный табурет, а не скамеечка для ног.

Относительно времени изготовления этого табурета особых расхождений у исследователей нет. А.П. Манцевич, сообразуясь с датами рельефов дворца Ниневии, с одной стороны, и Персеполя, с другой стороны, считала, что табурет изготовлен не позднее конца VII в. до н.э., «так как мебель этого стиля изображена только на рельефах VII или даже VIII вв. до н.э.» [Манцевич, 1958, с. 201]. Ряд параллелей и стилистические особенности оформления наконечников ножек, и в частности лепестковые ярусы и очертания основания ножек (рис. 10, 1-4) [Пиотровский, 1962, рис. 11-14, 25; 1970, рис. 76; Barnett, 1975, pl. 8; Merhav, 1991, fig. 1, 2, 8; Kellner, 1991, № 1, 6 и др.], позволили В.А. Киселю уточнить датировку мельгуновской находки первой половиной – серединой VII в. до н.э. [Кисель, 2003, с. 62].

Традиционно дата сооружения Мельгуновского кургана определялась рубежом VII-VI вв. до н.э. [Артамонов, 1966, с. 18, 91; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 104; Мурзин, 1984, с. 19-20; Степи Европейской части..., 1989, с. 54]. В последнее время датировка памятника уточнена и укладывается в пределах середины третьей четверти (шире – второй половины) VII в. до н.э. [Алексеев, 1992, с. 52, 96; 2003, с. 295; Иванчик, 2001, с. 282; Тункина, 2006].

2. У слободы Криворожье Ростовской обл. в 1869 г. при добыче камня крестьяне случайно открыли могилу под насыпью небольшого кургана, вошедшего в литературу под названием **Криворожский**. Остатки погребения обнаружены как будто на уровне древнего горизонта. В рапорте сотника Черноярва, прибывшего на место раскопок, отмечаются следы горения, которые восприняты исследователями как следы тризны [Книпович, 1934, с. 99] или кремации [Манцевич, 1958, с. 196; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 90]. Среди находок отмечены: массивный золотой предмет в виде обруча «с загнутыми под прямым углом на наружную сторону краями, с изображением на внутренней части двух иероглифических знаков», два небольших керамических кувшинчика, верхняя часть самосского фигурного сосуда, украшенного головой барана, и серебряная скульптурная

головка молодого бычка, «отломанная от нижней части» [Книпович, 1934, с. 99]. В данном контексте интересна последняя находка (рис. 11, 1).

А.П. Манцевич в специальной статье, посвященной этому предмету, дала очень подробное его описание. По поводу состояния находки сообщается, что «сохранность головки довольно плохая, край ее обломан и местами вогнут, поэтому определить длину ее невозможно; утрачены почти вся левая сторона и нижняя часть морды животного. Высота головки 5 см». Далее приводятся характеристика техники исполнения и стилистические особенности: «Головка выбита чеканом, снаружи отполирована, мелкие удары чекана видны на внутренней поверхности. Форма передана условно: маленькие рожки в виде конуса, очерченного у основания; ухо в виде законченного завитком валика с тремя косыми рифлеными желобками. Веко и бровь параллельными дугами окружают крупный выпуклый глаз. Головка обрамлена рядом коротких жгутиков с насечками, изображающих шерсть; на лбу имеется двойной ряд таких же жгутиков. Каждый жгут с завитком – стилизация локона» [Манцевич, 1958, с. 197]. Ширина головки 3,0 см.

В интерпретации этого украшения мнения исследователей расходятся. Его рассматривают либо как часть сосуда, либо как принадлежность декора мебели. Первую точку зрения высказал Я.И. Смирнов, рассматривая головку бычка как окончание ритона. При этом он отметил, что поскольку «отверстия в нижней части морды нет и не было», пили из него через край [Смирнов, 1909, № 16; Манцевич, 1958, с. 198]. Этой же гипотезы придерживаются А.Ю. Алексеев и В.А. Кисель [Алексеев, 1992, с.52-54; 2003, с. 5; Кисель, 2003, с. 80-83]. В качестве довода толкования головки как наконечника кубка приводятся находки сосуда (биметаллического кубка со скульптурным наконечником) близ г. Мараш в Турции, хранящегося в Британском музее [Svoboda, 1956, taff. VI a], и серебряной протомы бычка из разграбленного кургана № 2 Люботинского могильника (рис. 11, 3) [Бандуровский, Буйнов, Дегтярь, 1998, с. 148; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 66]. Наиболее весомым аргументом в данном случае является близость стилистических особенностей оформления криворожского и люботинского экземпляров. В.А. Кисель считает, что люботинский экземпляр копирует криворожский [Кисель, 2003, с. 133]. Здесь заметим лишь, что криворожский экземпляр как будто большего размера. При этом он вполне соотносится по размерам с металлическими львиноголовыми наконечниками из Келермесских курганов (о которых речь пойдет ниже).

Иную точку зрения, ставшую традиционной, высказала А.П. Манцевич, соотнеся серебряную головку бычка с предметами мебели. По мнению исследовательницы, эта антропоморфная деталь украшала один из фронтальных выступов парадного деревянного табурета [Манцевич, 1958, с. 196-197, рис. 1, 1-3]. Примечательны два обстоятельства: моделировка маленьких рожек (отличная от большинства ритонов) и то, что, несмотря на небольшие размеры, головка

довольно массивна, особенно передняя ее часть. В качестве подтверждения своей гипотезы Анастасия Петровна приводит серию соответствий в дворцовом убранстве: рельефы дворца Ниневии, изображения в зале северо-западного дворца в Нимруде, рельеф Сеннахериба [Botta, Flandin, 1849, pl. 22, 58, 60-65; Layard, 1853, pl. 5; Conteneau, 1931, fig. 814]. На них показаны табуреты, у которых выступающие концы горизонтальных перекладин сиденья заканчиваются набалдашниками, оформленными в виде головок животных (теленка или льва), подобных криворожской головке (рис. 10, 3-5; 12). Дополняют этот ряд деревянный табурет с бронзовой облицовкой, набалдашниками – головками телят и бахромой из лепестков над основанием ножки (рис. 8, 1), и полая бронзовая головка быка с остатками дерева внутри из раскопок Нимруда (рис. 11, 2) [Schäfer, Andrae, 1942, s. 582, 736; Layard, 1853, pl. 96]. Кстати, как справедливо отметила исследовательница, этот ряд аналогий сближает табуреты из Литого и Криворожского курганов [Манцевич, 1958, с. 198-200]. Приверженцем этой концепции является и Е.В. Черненко. Анализируя находку серебряной фигурки бычка из Люботинского могильника, исследователь привел в качестве аналогий и находки из Криворожского кургана и Нимруда. Но при этом он отмечает следующее. «Несмотря на значительное сходство головок быка, относящихся к дворцовой мебели, и протом ритонов, они различаются по характеру технологических приемов, использованных при изготовлении. На большинстве протом ритонов хорошо заметно, что они изготовлены из двух частей (левой и правой) в технике чеканки. Украшения мебели отлиты, а затем прочеканены. Примером могут служить (помимо упомянутых выше серебряной головки из слободы Криворожье [Манцевич, 1958] и бронзовой головки быка из Нимруда), бронзовая голова быка, где показаны большие рога [Маразов, 1978, рис. 44], происходящая из Ирана». Ближайшим соответствием люботинскому бычку автор считает сосуд, найденный в Мараше [Бандуровский, Черненко, 1999, с. 27; Черненко, 2004, с. 94-97]. К числу сторонников интерпретации А.П. Манцевич можно отнести и Е.В. Власову, поскольку в представленном ею каталоге ритонов из скифских памятников, изданном в 2001 г., находка из Криворожского кургана не фигурирует [Vlassova, 2001]. Мы, как это уже, вероятно, понятно из контекста статьи, в интерпретации криворожской находки придерживаемся точки зрения А.П. Манцевич.

Аналогии, упоминавшиеся в связи с этой находкой, дают основания говорить о том, что в реконструкции табурета головка (очевидно, парная) занимала место на окончании одного из двух передних выступов рамы сидения. О размерах и остальных деталях конструкции остается лишь догадываться.

По поводу происхождения и датировки находки особых расхождений в различных работах практически нет. Серебряную головку относят к мастерским северных районов Ассирии рубежа VIII-VII – первой половины VII вв. до н.э.

По времени сооружения этот курган, очевидно, соответствует Литому кургану.

Серия необычных для скифских комплексов археологических арте-

фактов, неоднократно привлекавших внимание исследователей, происходит из Келермесского могильника, расположенного у станицы Келермесская (Краснодарский край), неподалеку от г. Майкопа. В двух погребальных комплексах, раскопанных Д.Г. Шульцем в 1904 г., найдены элементы декора мебели.

3. Под насыпью Келермесского кургана 3/Ш, в квадратной могильной яме, открыто захоронение, пострадавшее от варварских раскопок местных крестьян. Погребенного, лежавшего в юго-западной части могилы, сопровождал богатый набор заупокойного инвентаря. В разных местах могилы найдены: золотые диадема и витая гривна, два серебряных ритона, бронзовые ситула, котел и четыре наваршия, неясные золотые предметы, у левого плеча лежал «золотой наконечник с остатками мази внутри». Тут же в могиле обнаружено 21 конское захоронение. Кроме того, к этому комплексу отнесены изъятые у крестьян бронзовая с золотой облицовкой колчанная застежка, пара золотых фигурных «деталей древневосточного трона», бронзовые пластины и наконечники стрел [Галанина, 1997, с. 34]. С предметами мебели соотносятся несколько вещей [Манцевич, 1958; Галанина, 1997; Кисель, 2003]:

а. круглый золотой наконечник, украшенный розеткой (рис. 13, 4). Цилиндрический, полый внутри. На горизонтальной поверхности рельефный узор в виде 13-лепестковой розетки с полусферическим выступом в центре, окруженным рельефным кольцом. По краю идет рельефный валик. Пространство между лепестками покрыто лучами «жемчужника», упирающимися в такое же кольцо. На боковой поверхности (у верхнего края и чуть выше нижнего) – двойные валики, пространство между которыми покрыто рядом из 10 отверстий для бронзовых гвоздиков с полусферическими золотыми шляпками. Последние, помимо функциональной нагрузки (крепеж к основе), служили и декоративным элементом. Внутри были отмечены остатки «мази». Л.К. Галанина привела следующие размеры наконечника: высота 2,0 см, диаметр 2,0 см [Галанина, 1997, с. 227]. В.А. Кисель уточняет их: высота 2,0 см, диаметр 3,8 см [Кисель, 2003, с. 134]. Учитывая, что на фото из каталога диаметр предмета почти вдвое превосходит его высоту, мы склонны придерживаться данных, приведенных последним исследователем.

По поводу трактовки этого предмета выдвинуто две версии. А.П. Манцевич отнесла эту находку к числу украшений древневосточного табурета, а Л.К. Галанина связывала его с декором рукояти ассирийского скипетра [Манцевич, 1958, с. 200; Галанина, 1997, с. 154]. В.А. Кисель, учитывая обе приведенные выше версии, отнес наконечник к серии предметов без четкой атрибуции [Кисель, 2003, с. 134]. На наш взгляд, этот наконечник перекликается с рассмотренным нами выше серебряным экземпляром с циркульным орнаментом, найденным в погребальном комплексе Литого кургана (1, д). Близки и их размеры – диаметр, соответственно, 3,8 и 3,0 см. Думается, это обстоятельство может служить весомым аргументом в пользу интерпретации А.П. Манцевич.

б. двуглавые золотые фигурные накладки – 2 экз. (рис. 13, 1-2). Эти предметы, вошедшие в литературу под названием «украшения (или ручки) трона», неоднократно становились предметом обсуждения и публиковались в каталогах многих выставок [Pharmakowsky, 1905, p. 58; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, fig. 43-44; Galanina, 1987, Taf. 1,3; Галанина, 1991, с.17; 1997, p. 154, 227; Баллонов, 1992, с. 169-170; Кисель, 2003, с. 130]. Сделаны эти предметы из двух (плоской нижней и выпуклой верхней) спаянных пластин. Сверху на выпуклую поверхность напаяна пластинчатая решетка с прямоугольными и треугольными гнездами, заполненными пластинками красного янтаря и пастой бирюзового цвета. К обоим концам припаяны скульптурные головки львов, сделанные в технике басма металлическими чеканами на резной деревянной матрице [Минасян, 2010, с. 186]. На них напаяны накладные ленты-ошейники, украшенные тремя рядами колечек: средний с янтарными вставками, боковые с шариками зерни. Три ряда расходящихся лучами поясков колечек с зернью украшает голову зверя. С каждой продольной стороны к основе припаяны по две скульптурные головки баранов и плод граната (по другой версии, маковая коробочка), напоминая конечности животного. На оборотной стороне по краям пластины проделаны две пары узких поперечных прорезей. Оба предмета сохранились деформированными, с утратами цветной инкрустации. Длина 17,2 и 19,2 см, ширина бруска 4,2 см, размеры отверстий на обороте 0,6 x 1,0 см. Не станем останавливаться подробно на характеристике художественных особенностей и параллелях, найденных этим украшением, поскольку это сделано в упомянутых работах Л.К. Галанной и В.А. Киселя. Стилистический обзор представительной серии предметов торевтики позволяет считать центром производства келермесского украшения Ассирию и определить время его изготовления последней третью VIII – VII вв. до н.э. [Кисель, 2003, с. 64-65].

Вопрос назначения этих предметов еще не решен окончательно. Вначале их рассматривали как поясные пряжки [Minns, 1913, s. 202; Rostovtzeff, 1922, p. 50]. Позже эту точку зрения поддержал и Б.В. Фармаковский. Затем была высказана гипотеза о принадлежности этих украшений к отделке ассиро-урартского трона, как будто признанная большинством исследователей, касающихся этих предметов [Иессен, 1947, с. 44; Граков, 1971, с. 116; Ильинская, Тереножкин, 1983, p. 60]. М.И. Артамонов и вслед за ним и Р.С. Минасян придерживаются более точной интерпретации, называя эти предметы подлокотниками трона [Артамонов, 1966, с. 21; Минасян, 2010, с. 186]. Л.К. Галанина рассматривала эти украшения как принадлежности трона, оговариваясь при этом, что такая интерпретация требует обоснований, «которыми мы пока не располагаем» [Галанина, 1997, с. 154]. В.А. Кисель предположил, что эти предметы должны были находиться довольно высоко (на расстоянии около 1,5 м от поверхности пола, на уровне глаз человека) и служить декоративным оформлением основания небольшой статуи или стержня, удерживавшего светильник [Кисель, 2003, с. 65]. Разделяя мнение

о принадлежности этих двух украшений к предметам мебели, можно сделать следующее предположение. Если принять во внимание ряд деталей табуретов, известных в других памятниках (округлые выемки ножек Литого кургана, предполагающие округлую форму деревянных брусьев рамы; округлую форму верхних перекладин бронзового табурета из Нимруда) и округлую вогнутость основания келермесских украшений, можно допустить, что они могли украшать короткие боковые брусья сидения.

В. серебряный наконечник в виде львиной головки, плакированный золотом (рис. 13, 3). Полый наконечник в виде головы зверя с разинутой пастью, рельефными острыми зубами и свисающим округлым языком. Пасть обведена пояском. Полукруглые уши с сердцевидными ушными раковины окаймляют рубчатый пояс. Верхняя часть морды сохранилась фрагментарно. Голову обрамляет стилизованная грива. По краю идет ряд отверстий для крепления. Высота 4,0 см, длина 6,0 см, диаметр 4,0 см. Наконечник сделан, очевидно, в той же технике, что и львиные головки предыдущих украшений (3 б).

Долгое время эта вещь трактовалась как наконечник ритона [Максимова, 1956, с. 215; Галанина, 1997, с. 232, 228, табл.4, 27, 39]. Недавно, на основании стилистических несовпадений деталей ритона и отсутствия четкой информации о месте находки, В.А. Кисель усомнился в такой атрибуции вещи и предположил, что она могла служить декоративной деталью мебели [Кисель, 2003, с. 80, 131]. Вполне вероятно, что этот наконечник вместе с наконечником с розеткой украшали выступы одного табурета.

Такой тип львиной головы восходит к хеттским памятникам. При этом ближайшим соответствием келермесскому экземпляру можно считать костяную головку льва из Герайона на о. Самос, датирующуюся VI в. до н.э. [Галанина, 1991, с. 20; Freyer-Schauenburg, 1966, taff. 22; Кисель, 2003, с. 66]. Круг аналогий позволяет соотнести келермесское украшение с малоазийскими или североазиатскими изделиями VIII – VII вв. до н.э.

Насколько взаимосвязаны все четыре описанные выше детали из кургана № 3/Ш судить сложно. Возможно, они украшали один парадный табурет или так называемый трон, однако здесь могло быть и два предмета мебели (к примеру, комплект из табурета/трона и подножной скамеечки). Затрудняют принятие однозначного решения и условия сложения коллекции находок из группы Келермесских курганов, раскопанных Д.Г. Шульцем.

Келермесские древности датируются второй половиной VII в. до н.э. А.П. Манцевич справедливо полагала, что парадные табуреты из Литого, Криворожского и Келермесского курганов относятся к одному времени [Манцевич, 1958, с. 201].

4. Серию львиноголовых наконечников продолжает находка, связанная с **келермесскими курганами**, однако обстоятельства и точное место обнаружения ее не ясны. Речь идет о паре золотых наконечников в виде львиной головки

(рис. 13, 5). Они представляют собой короткий полый цилиндр, нижняя часть которого уплощена, по краю идет ряд крепежных отверстий. На один из концов его напаяно скульптурное изображение головы льва. В оскаленной пасти видны острые клыки, в невысоком рельефе выделены складки на морде, полукруглые торчащие уши. Глаза, налобные шишки и орнаментальный пояс на загравке сделаны из рубчатой проволоки. Длина 4,5 см, ширина 3,7 см.

По манере трактовки и технике исполнения эти украшения близки фигурным накладкам (3 б) из Келермесского кургана № 3/Ш. Переданный на обоих украшениях канонический образ сходен, в свою очередь, с артефактами комплекса Зивие [Ghirshman, 1979, pl. 13, 8; 16, 4]. При этом ряд деталей и технических приемов, безусловно, отличается в оформлении украшений из двух келермесских наборов. По мнению Л.К. Галаниной, к этой же категории предметов относится и костяная львиная головка из Нартанского кургана № 4, восходящего к позд-неархаическому времени [Батчаев, 1985, табл. 16, 1; Галанина, 1997, с. 154].

Согласно мнению А.П. Манцевич, эти наконечники насаживались на окончания перекладин сидения табурета, сделанного не позднее конца VII в. до н.э. [Манцевич, 1958, с. 200-201].

С предыдущими находками перекликаются еще два фигурных наконечника в виде головки льва, но сделанные не из металла, а из кости.

5. Один из них происходит из материалов раскопок, проводившихся Ю.Ф. Абазой в 1888 г. у **имения Верхняя Дарьевка** (современная юго – западная окраина г. Шполы Черкасской обл.). В.А. Ильинская, ссылаясь на А.А. Бобринского, приводит эту вещь среди находок из **кургана № 2**. Никаких сведений о погребальном комплексе, к сожалению, не сохранилось. Среди находок вместе с костяным украшением перечисляются: костяные ложечки с фигурным окончанием ручки с изображением зверей, бутероль с изображением свернувшегося хищника, окончание псалия в виде птичьей головки, гвоздики и застежки колчана; железный акинак; золотые бляшки в форме фигурки оленя (3 экз.), гвоздевидная серьга и две бронзовые булавки.

Деталь выделана из кости в виде скульптурной головки льва (рис. 13, б). Округлая голова с приплюснутой мордой и аккуратными листовидными заостренными, слегка приподнятыми ушками. В глазницы вставлены «правильно вырезанные куски янтаря», точно совпадающие по размерам с каплевидными углублениями. Усы и складки переданы точечными орнаментальными линиями. Пасть с детализированными острыми зубами разинута, из нее свисает длинный язык с округлым окончанием. Описывая эту головку, А.А. Бобринский отметил несколько интересных деталей. Прежде всего, это следы цветной раскраски, сохранившейся местами над пастью, на боковых поверхностях и в других местах. На рисунке, помещенном на обложке второго тома издания материалов авторских раскопок А.А. Бобринского у г. Смелы, просматривается главным образом красная краска. Кроме того, «сквозь шею льва проходит, сверху вниз, медный

штифт с двумя кнопками. Подобные бронзовые кнопки имелись первоначально и над глазами, где сохранились отверстия и следы окиси меди» [Бобринский, 1894, с. 131]. Грива у зверя не обозначена. Высота наконечника – 6,3 см, ширина – 6,0 см, глубина (от морды до края «втулки») – 4,6 см сверху и 4,1 см внизу; диаметр отверстия около 6,5 см, диаметр заклепки 0,6 см.

Иконография образа (открытая пасть с высунутым языком) этого экземпляра близка серебряному с позолотой наконечнику из 3/Ш Келермесского кургана. Вместе с тем, по технике передачи определенных деталей – глаз, складок на морде, клыков, он перекликается и с золотыми двуглавыми накладками мебели из того же кургана.

По поводу интерпретации этого предмета было высказано несколько версий. Как сообщал А.А. Бобринский, «дамы, производившие раскопку, высказывали мне предположение, что эта голова украшала шкатулку из кости, так как вблизи головки найдены были мелкие обломки кости». Сам же он склонен был считать ее набалдашником посоха [Бобринский, 1894, с. 130]. В.А. Ильинская рассматривала это украшение как завершение подлокотника кресла и, ссылаясь на Н.А. Онайко, отнесла его к числу архаических предметов античного Средиземноморья VII в. до н.э. [Ильинская, 1975, с. 115]. Соотнесение этой детали с принадлежностями мебели не вызывает сомнения. В.А. Кисель отмечает близкое сходство дарьевского и серебряного келермесского наконечников, рассматривая последний как малоазийское или северосирийское изделие конца VIII – VII вв. до н.э. [Кисель, 2003, с. 66]. Эта дата, видимо, справедлива и для дарьевской находки.

Место этого набалдашника, скорее всего, соответствовало приведенным выше аналогиям – на выступающих вперед частях. Судя по упоминавшемуся уже сообщению А.А. Бобринского, табурет или кресло могли украшать и другие костяные детали. Не исключено, что упомянутые им костяные пластины могли принадлежать к декору именно этого предмета мебели, а не шкатулки.

Погребальный комплекс датируется рубежом VII-VI вв. до н.э. [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 234].

6. Вторая находка сделана А.А. Бобринским в 1884 г. при раскопках **кургана № 20 в урочище Холодный Яр** (близ г. Чигирин Черкасской обл.). Северная (боковая) могила этого кургана служила усыпальницей мужчины 60 лет. Вещевое сопровождение составляли: мясная напутственная пища с двумя ножами, два копья с железными наконечниками, железное острие с окрашенным красной краской древком (возможно, шило), колчан со стрелами и костяной «набалдашник» (у локтя левой руки) (рис. 13, 7) [Бобринский, 1887, с. 69].

Эта головка ближе всего дарьевскому экземпляру. Голова зверя с уплощенной мордой, глазом каплевидной формы (но здесь он выпуклый) и четко моделированными заостренными ушами, прижатыми к шее. В разинутой пасти видны два ряда слабо проработанных зубов и вываленный длинный язык. Губы

оконтурены рельефным валиком, на морде выделены складки. Шею ниже уха украшает рельефный орнамент из волют, нижняя из которых напоминает птичью головку. Грива и на этом экземпляре не обозначена. Эту головку, помимо рельефного орнамента, отличают относительно длинная круглая шея и большие размеры. Высота наконечника – 7,5 см, глубина (от морды до края «втулки») – 9,5 (длина шеи 2,5 см), диаметр – 5,7 см.

Как крепился этот декоративный элемент, названный А.А. Бобринским набалдашником, судить сложно, поскольку никаких сведений об отверстиях или следах металлических окислов в описании автора нет. Львиная головка относится к предметам скифского звериного стиля V в. до н.э.

Дата погребального комплекса определяется IV в. до н.э. [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 255]. Эта находка замыкает серию парадной дворцовой мебели ранней группы.

II. Поздняя группа включает образцы мебели менее пышного облика из курганов преимущественно V-IV вв. до н.э.

1. Наиболее ранним во второй группе является табурет с бронзовыми элементами декора **из кургана близ с. Великая Знаменка** Запорожской обл., исследованного Д.Я. Самоквасовым в 1884 г. В литературе эта находка иногда ошибочно соотносится с Лемешовыми курганами (Н.И. Сокольский) или просто курганом Мелитопольского уезда (В.М. Скуднава); и считается принадлежностью ложа (Н.И. Сокольский), саркофага (Д.Я. Самоквасов) либо же шкатулки (М.И. Ростовцев, В.М. Скуднава) [Сокольский, 1971, с. 88; Ростовцев, 1914, с. 208; Скуднава, 1988, с. 85]. В центральной могиле (яме с остатками деревянного склепа), разрытой местными крестьянами в поисках клада, наряду с человеческими и конскими костями и незначительными по количеству находками (обломком ручки металлического кияфа (?), двумя железными наконечниками копий и несколькими золотыми бляшками – украшениями костюма) сохранились только металлические детали предмета мебели [Самоквасов, 1908, с. 122-123]. Они выполнены в виде четырех полых цилиндров, сужающихся книзу, с уплощенным и срезанным под острым углом основанием, имитирующих изящные козьи ножки с копытцами. Копыто отделено горизонтальным пояском. С внешней (лицевой) стороны по всей длине ножки проходит узкий продольный желобок, с внутренней стороны – широкое вертикальное углубление, расширяющееся кверху. В верхней части ножки отверстие прямоугольной формы, книзу канал сужается, и в основании ножки сквозное отверстие приобретает почти квадратную форму (рис. 14, 1-2). Судя по рисунку, хранящемуся в Научном архиве ИИМК РАН (Фонд Р-1. Дело 20/1882), размеры бронзовых наконечников были следующими. Длина каждой ножки – около 8,8 см, диаметр – 3,0 2,3 см, размеры основания копытца – 2,5 – 2,0 см, размеры отверстия – 2,0 x 1,5 см (вверху) и 0,8 x 0,6 см (в основании). Эти фигурные бронзовые украшения как будто одинаковые (комплектные) и служили наконечниками ножек. Они оде-

вались на деревянный стержень, очевидно, прямой и гладкий, в нижней части прямоугольной в сечении формы. С двух сторон (на боковых поверхностях) у верхнего края ножек проделано по одному круглому сквозному отверстию. Обычно в металлических наконечниках в форме ножек животных (или человеческих) через такие дырочки проходил металлический штифт, скреплявший украшение с деревянной основой ножки табурета. В.М. Скуднова сообщает, что среди комплекса вещей из этой могилы найдены орнаментированные бронзовые кружки (без уточнения количества), которые могли иметь отношение к системе крепления «скамейки» [Скуднова, 1988, с. 24, 87]. Упоминает одну такую находку в этом комплексе, называя ее бронзовой шайбой, и Н.И. Сокольский [Сокольский, 1971, с. 88]. В публикации Д.Я. Самоквасова ни эти дисковидные детали, ни бронзовый крепежный штифт не упомянуты.

Примечательно, что практически тождественные украшения в виде козых ножек с копытцами происходят из раскопок некрополя Ольвии 1911 г. В грунтовой могиле № 82 отмечены четыре таких экземпляра (рис. 14, 4). В.М. Скуднова оставила следующее их описание: «...копыто отделено поперечным рубчиком, над которым пояс насечек имитирует шерсть, вдоль всей ножки проходит желобок; верхний край, выступающий двумя полукругами, украшен узким рубчиком с насечками; на задней стороне – три широких желобка и два выступа в виде бабок; сверху поперек продет бронзовый стержень, заклепанные концы его едва видны снаружи; внутри ножек – остатки дерева». Длина их – 8,6 см. Кроме того, в этой могиле были найдены пять изделий, по мнению исследовательницы, соотносящиеся с бронзовыми наконечниками (рис. 14, 5-6). Это «три алебастровых украшения округлой формы с углублением с обратной стороны, в середине – отверстие, в которое вставлен бронзовый гвоздь» и два плоских бронзовых диска «с концентрическими рубчиками на лицевой стороне», сквозь которые в центре проходит «толстый стержень с круглой шляпкой». Далее она указывает диаметр – 4,3 см, очевидно, он относится к бронзовым дискам⁴. Описанные выше детали, вероятно, служили для укрепления перекрестья ножек скамейки. Погребальный комплекс датируется концом VI в. до н.э. [Скуднова, 1988, с. 85 (1), 87 (15)]. Ольвийская находка очень близка знаменской по размерам, но отличается более тщательной проработкой деталей оформления. Среди аналогий можно упомянуть еще два близких окончания ножек из кургана конца V – начала IV вв. до н.э., раскопанного А.А. Бобринским в 1891 г. на северном склоне горы Митридат в Керчи, и более массивный (но меньшей высоты) экземпляр (рис. 14, 3), найденный там же (как будто в том же году) в одной из катакомб IV в. до н.э., о котором сообщал К.Е. Думберг [ОАК за 1891, с. 67-68;

⁴ Н.И. Сокольский упоминает эти находки среди украшений ложа, тоже рассматривая их в комплексе с бронзовыми ножками (с внутренним диаметром 2,2 см), и приводит размер «наверший из алебастрового камня» 0,5 см [Сокольский, 1971, с. 88].

Сокольский, 1971, с. 88, табл. 1, 7]. Н.И. Сокольский соотносит все упомянутые выше бронзовые ножки с ложами. Известна такая находка и в одной из могил VI в. до н.э. некрополя Ялиса на Родосе, где близ мраморного саркофага лежали бронзовые ножки и округлые мраморные навершия с железными стержнями [Jасорі, 1929, р. 270-271, fig. 268-269]. В качестве отдаленных соответствий здесь можно вспомнить еще две находки. Четыре литых бронзовых наконечника в форме конских ножек с копытцами, с вставленными в них деревянными стержнями вертикальных ножек, происходят из кургана 19 могильника Юстыд XII (в Восточном Алтае), комплекс которого датируется в пределах V-IV вв. до н.э. (рис. 14, 7). Здесь эти детали служили подставками блюда – столика [Кубарев, 1991, с. 65, 133, рис. 14, табл. XLV, 4-7]. Наконечники этого предмета отличаются два момента. Во-первых, эти ножки более массивные и простые, и в отличие от приведенных выше, они не полые, а имеют углубления приблизительно на две трети высоты для деревянного столбика ножки. Во-вторых, основание копыта расположено перпендикулярно к втулке, т.е. вертикальные ножки столика стояли ровно. С последним экземпляром перекликается и большое бронзовое блюдо – стол прямоугольной формы, найденное близ г. Алма-Ата (Казахстан), известное в археологической литературе как «Семиреченский алтарь». Четыре низкие ножки его тоже завершаются копытами [Артамонов, 1973, с. 38, рис. 43]. Однако в последнем случае ножки иной конфигурации (с явно выделенными гранями), а форма столешницы с горизонтальными ручками и характер объемного декора из 25 крылатых кошачьих хищников, шествующих по рельефному бортику, носят характерные черты регионального изобразительного искусства. Специфические особенности трактовки морды, суховатая моделировка фигуры фантастических существ напоминают ахеменидские образцы. Круг приведенных выше аналогий демонстрирует, что фигурные металлические наконечники различной модификации могли украшать ножки различных типов мебели – от громоздких лож и разного рода мебели для сидения, до различного назначения (в том числе и ритуального) столиков (рис. 15) и миниатюрных подножных скамеечек. Последние, кстати, употреблялись в течение всей античной эпохи. Прямоугольной формы, с вертикальными короткими ножками, они стояли перед креслом или ложем. Часто окончаниям их ножек тоже придавали форму звериных лап (рис. 5, 2-3) [Kорске, 1967, fig. 68-70].

Возвращаясь к знаменской находке, стоит остановиться на конструкции наконечников. Основание копыта у них срезано под острым углом к оси самой втулки. Следовательно, если основание копыта будет стоять (как должно) горизонтально, тогда ножка примет наклонное положение. Основываясь на этом обстоятельстве, мы склонны отнести их к декору складного табурета (δίφοος ὀμλδίας) на Х-образной опоре. Косвенным аргументом в пользу такой реконструкции может служить и упомянутая В.М. Скудновой и Н.И. Сокольским пара небольших бронзовых дисков. Предполагается, что такие шайбы использовались

в системе крепления – в месте пересечения пары ножек, в них просверливалось отверстие, в которое вставлялся металлический штырь. На каждое окончание его нанизывалась шайба, а затем концы штыря расклепывались. То есть металлические диски являлись элементами крепежной системы ножек складных табуретов, придававшими им большую устойчивость и прочность. Такие предметы мебели хорошо известны на территории Египта и Греции. Изображения подобных табуретов с перекрещивающимися ножками, прямыми или фигурно изогнутыми, украшенными наконечниками в форме козьих ножек, встречаются и в вазовой живописи. Причем на этнографически точных рисунках античных художников (рис. 16) округлая деталь крепежа ножек часто как будто акцентирована [Кес, 1981, с. 49].

Погребальный комплекс из кургана у с. В.Знаменка датируется V в. до н.э.

2. Табурет иной конструкции найден в основном погребении (№ 1) **кургана 13 близ того же села Великая Знаменка** (раскопки В.В. Отрощенко 1984 г.). Он стоял в центре большой квадратной ямы (погребальной камеры), на помосте, где лежали двое (?) погребенных и часть сопровождающего инвентаря (рис. 17, 1). Могила с бревенчатым перекрытием. Преимущественно центральная ее часть сильно пострадала из-за ограбления. Тем не менее, в грабительском ходе и камере сохранился большой набор вещей: посуда (три сероглиняные амфоры, розовоглиняная лекана, алабастр в войлочном мешочке, бронзовые лутерий и ойнохоя, каменное блюдо с красной минеральной краской), жертвенное мясо (две боковины коня) с железным ножом; вооружение (пять втоков копий или дротиков, бронзовый наконечник стрелы, развернутый доспех с чешуйчатым покрытием и семью бронзовыми ворварками); украшения (несколько типов нашивных золотых бляшек, украшавших детали костюма – 9357 экз., две золотые подвески, 16 золотых бусин, 18 стеклянных и сердоликовых бусин в золотой оправе, два стеклянных литика и каменный скарабей); предметы туалета и быта (фрагментированное бронзовое зеркало, костяные детали ларца (?), восемь заполированных астрагалов, железные щипцы и четыре крюка). В трех не потревоженных грабителями нишах сохранились соответственно: три деревянных чаши с золотым декором (ниша 1); два бронзовых котла с мясной пищей (ниша 2); 14 амфор, бронзовые сито и черпак, деревянные ритон и цилиндрический кубок с золотым декором и чашечка с бронзовыми заклепками (ниша 3). Кроме того, с этой могилой связано захоронение «стоявшего» взнузданного коня в отдельной яме [Отрощенко, Рассасакин, 1985, с. 285-286].

Авторы отчета оставили следующее описание предмета мебели: «В центре помоста, на дне, между погребенными были зафиксированы остатки деревянных брусков, напоминающих табурет: четыре прямоугольных глубоких отпечатка ножек и отпечатки соединяющих их брусков. Общие размеры квадрата 19,0 x 23,0 см, размеры ножек 4,0 x 6,0 см, глубина их вдавлений от 5,5 до 8,0 см. Внутри отпечатков собрано серебристое вещество и вещество

белого цвета. Рядом с предполагаемым табуретом лежал в войлочном мешочке алабастр, сильно раздавленный обвалом» [Отрощенко, Рассмакин и др., 1985, с. 11].

Судя по вертикальным отпечаткам деревянных ножек в полу камеры, этот табурет относится к типу так называемого дифроса (δίφροσ). Эта разновидность табурета была популярна в Древней Греции в течение всей античной эпохи. Ножки подобных предметов мебели, как правило, круглые в сечении делали точенными. Основу сидения составляла прямоугольная рама из четырех планок, шипами вставленных в гнезда ножек, на которую натягивались перекрещенные кожаные ремни, образующие сетку [Сокольский, 1971, с. 96]. Дифросы различались оформлением ножек [Richter, 1926, с. 30] и, очевидно, размерами рамы-сидения. Оригинальных образцов деревянных греческих дифросов в античных центрах Северного Причерноморья практически не сохранилось. Представление о них дают изображения в вазовой живописи, на барельефах и описания в произведениях греческих авторов. От классических греческих образцов (как правило, с точеными ножками) велико-знаменский экземпляр отличают относительно простые прямоугольные в сечении опоры. Отпечатки планок проножек (?) позволяют реконструировать форму и размеры сидения. Прямоугольной формы сидение сравнительно небольших размеров – 19,0 x 23,0 см при высоте его рамы 2,5 см. Высоту табурета по сохранившимся следам, к сожалению, восстановить невозможно. Здесь можно лишь говорить о том, что высота до проножки составляла не менее 8,0 см.

На основании набора из 17 амфор (из трех центров производства), относящихся к 460-450 гг. до н.э. [Монахов, 1999, с. 106], этот погребальный комплекс датируется серединой V в. до н.э.

3. Табурет подобной конструкции стоял под торцевой стенкой южной (кладовой) камеры центральной могилы **кургана Солоха** (раскопки 1912 г.) (рис. 17, 2). Погребальное сооружение состояло из двух камер – северной погребальной и южной кладовой. Ограблению подверглась только погребальная камера. Наряду с разбросанными костями одного скелета, здесь сохранились деревянная чаша с золотым декором, серебряный килик, красноглиняная амфора, бронзовый киаф, колчан с бронзовым наконечниками стрел, золотая игла, золотые нашивные бляшки нескольких типов от костюма и напутственная мясная пища. В не потревоженной грабителями кладовой стояли: бронзовый котел с деревянным ковшом и железным штырем-вилкой, бронзовая фиала, три амфоры и изящная бронзовая тележка. Н.И. Веселовский отметил в отчете, что деревянный табурет «сильно пострадал от времени и рассыпался при расчистке». Из более чем скудного описания предмета следует, что он напоминает высокий футляр, стенки которого «не были забраны сплошь, а имели местами просветы», а от нижней части сохранились «точеные деревянные столбики и планки, вставленные в рамки табурета» [Манцевич, 1987, с. 39, 127], т.е. планки царги.

В дополнение к этим сведениям С.А. Половцова сообщила о размерах табурета – 0,43 x 0,74 x 0,55 м, и о том, что части его были связаны железными скрепами [Половцова, 1914, с. 3]. Сохранилось две П-образные скрепы (или, скорее, скобы) в виде расширенных в средней части коротких тонких полос металла с загнутыми под прямым углом заостренными концами (рис. 17, 3). Длина их одинакова – 2,7 см, остальные параметры различны: ширина – 0,7 и 1,0 см, длина концов соответственно 1,7 и 1,2 см, и 1,3 и 1,1 см [Манцевич, 1987, кат. 11].

Для реконструкции солохского табурета важна ремарка А.П. Манцевич касательно назначения металлической тележки, стоявшей рядом с ним. Исследовательница отметила, что «...нахождение деревянного предмета в виде *табурета, размеры которого соответствовали площади тележки (выделено нами)*, позволило Н.И. Веселовскому предположить, что «табурет» имел отношение к тележке, быть может, устанавливался на ней». Представленные в каталоге находок размеры тележки: длина – 75,0 см, ширина – 63,0 см, высота – 18,0 см [Манцевич, 1987, с. 38-39]. Сопоставляя эту информацию А.П. Манцевич и данные о размерах табурета, приведенные С.А. Половцовой (0,43 x 0,74 x 0,55 м), можно представить следующую реконструкцию. Табурет был относительно высоким (43 см), с сидением прямоугольной формы, размерами 74 x 55 см. Высота практически оптимальна, соответствуя среднестатистической длине голени человека. В основу разработки стандартных параметров современной мебели для сидения (стульев и табуретов) положена, прежде всего, длина голени человека. Считается, что ножка стула или табурета не должна быть больше голени. Поэтому высота сиденья обусловлена длиной голени со стопой с добавлением 2–3 см на высоту каблука (если сиденье стула будет высоким, ноги будут висеть, уменьшится площадь опоры, соответственно, увеличится нагрузка на бедра; при меньшей высоте стула колени человека будут приподняты над сиденьем, образуя острый угол между голенью и бедром, уменьшится площадь опоры бедра и затруднится кровообращение ног). С учетом современных стандартов, высота сидения составляет, как правило, 42–45 см [Aranovich, Klimov, 2011, p. 20]. Таким образом, табурет из Солохи был достаточно удобен и вполне сопоставим с современными образцами этого типа мебели.

Вертикальные ножки скреплялись в верхней части с широкой рамой сидения (царгой), ниже проножками (поперечными планками) между собой. Сидение, вероятно, было наборным и вместе с проножками и создавало впечатление «просветов стенок», отмеченных Н.И. Веселовским. Догадываться остается и о форме ножек. Думается, в «точеных столбиках» следует видеть круглые в сечении (скорее всего, сложнопрофилированные) ножки. К сожалению, место железных скоб в системе крепления деталей не обозначено. Учитывая малые размеры, можно допустить их использование в фиксации элементов сидения. Среди деталей табуретов подобные металлические скобы как будто не упоминались. В то же время такие детали, наряду с деревянными накладками, скрепляли

отдельные части клисмосов – стульев с серповидными ножками [Соболев, 2000, с. 23]. В любом случае именно эта деталь – соединительные железные П - образные скрепы – отличает солохский экземпляр от прочих, найденных в скифских курганах. Была ли спинка у этого предмета или нет, т.е. стоял ли в могиле стул или табурет? На этот вопрос ответить невозможно. Что же касается конструкции самого предмета мебели, думается, наиболее подходящей иллюстрацией могут служить два изображения на золотом горите из Мелитопольского кургана с широкими вертикально поставленными «перекладинами» (рис. 17, 4-5). Погребальный комплекс датируется концом V в. до н.э.

4. Лучше других сохранился деревянный табурет из **кургана 2 у с. Зеленое** Херсонской области. Он стоял в северной камере №1 основной могилы (№ 3) у ложа погребенного воина (35-55 лет). В набор сопровождающего инвентаря входили защитный доспех с чешуйчатым покрытием, два колчана и отдельно лежащий пучок стрел (в общей сложности 483 стрелы с бронзовыми наконечниками), три копия с железными наконечниками, деревянное блюдо с напутственной мясной пищей и железным ножом, две деревянные чаши, чернолаковый килик и красноглиняный лекиф. Кроме того во входной яме стоял бронзовый котел с частью туши барана [Фиалко, 2010, с. 41; 2011].

Табурет представлял собой конструкцию с четырьмя цельными вертикальными ножками одинакового профиля (сохранилось две) (рис. 18, 1-2). В верхней половине ножки почти цилиндрической формы со слабым сужением книзу и округлым верхним завершением; в нижней трети они приобретают форму граненого конуса с плоским основанием. В верхней части каждой ножки с двух сторон сделаны вертикальные прорезы – пазы прямоугольной формы (размерами 2,8-3,1 x 2,2 см, глубиной 4,1 см) для крепления соединительных перекладин, образующих царгу (рис. 18, 4). Высота ножек 29,8 и 30,3 см; диаметр – 6,5-2,5-6,0-5,4 см. Целиком сохранилась одна перекладина, соединяющая две ножки; длина видимой ее части 21,0 см (реальная длина 29,2 см), высота – 3,3-3,5 см, ширина – 1,4-1,7 см. В перекладине сделано три небольших сквозных наклонных прорезы для крепления перекрещивающихся ремней сидения (рис. 18, 3). Выступающие над рамой сидения округлые окончания ножек, очевидно, предполагают дополнение – набитую травой подушку. Судя по реконструкции художника П.А. Улько (рис. 18, 5), сделанной в поле непосредственно после находки предмета, сидение табурета имело прямоугольную форму. Таким образом, табурет из кургана у с.Зеленое был небольшим – высотой чуть более 30,0 см, с вероятными размерами сидения 27,0-30,0 x 40,0-45,0 см [Фиалко, 2012, рис. 8]. Сравнение этого экземпляра с найденным в кургане Солоха демонстрирует, что в данном случае речь идет о более низком (приземистом) табурете, фактически представляющем собой промежуточный вариант между высоким табуретом и скамеечкой для ног. Примечательно, что близкие по размерам и конструкции табуреты небольшой высоты (30 – 40 см) с плетеным

сидением широко распространены и сегодня в повседневной жизни населения Балкан (рис. 19).

Погребальный комплекс кургана у с. Зеленое датируется в пределах первой половины – второй четверти IV в. до н.э.

5. Еще одна находка происходит из заполнения ограбленного центрального погребального сооружения кургана **Вишневая Могила** Рогачикского курганно-го поля, раскопанного Ю.В. Болтриком в 1976 г. близ пос. Верхний Рогачик Херсонской обл. Исходя из характера инвентаря, можно предположить, что могила служила усыпальницей мужчины и женщины. Среди остатков заупокойного вещевого сопровождения обнаружены: кости от мясной напутственной пищи, портупейный пояс с пластинчатым покрытием, железный меч, не менее пяти копий с железными наконечниками, 26 стрел с бронзовыми наконечниками; россыпь золотых украшений одежды (255 нашивных бляшек различных типов, 90 бусин, 57 пронизей и 4 подвески от сетчатого нагрудника); серебряная булавка, деревянная чаша с золотой обкладкой, фрагментированное костяное веретено, 10 ножей, сероглиняная миска, детали повозки и др.

Здесь уцелела лишь одна фрагментированная деревянная ножка табурета с утраченным нижним основанием (рис. 20, 1). Дерево очень плохой сохранности, предмет не сохранился. Ножка вертикальная, прямая. Верхняя, более широкая ее часть скруглена, здесь она практически ровная, с тенденцией незначительного сужения книзу. В сечении форма ножки близка к овалу или прямоугольнику со сглаженными углами. Высота сохранившейся части 21,4 см, размеры сечения 5,2 x 4,5 см. В верхней части, приблизительно в 3,0 см ниже выпуклого окончания, вырезан широкий паз для фиксации рамы. Высота паза 4,0 см, глубина около 4,0 см. В данном случае система крепления рамы выглядит отличной от той, что хорошо зафиксирована у табуретов из Мельгуновского кургана, Солохи и Зеленого. Обычно для каждой поперечной перекладины в ножке делалась отдельная прорезь, т.е. на ножке вырезались два щелевидных углубления, развернутых внутрь. На ножке из Вишневой Могилы сохранилось единое углубление, как будто подтреугольное в сечении, где концы двух перекладин рамы упирались друг в друга. В случае подобного соединения перекладин прочность конструкции более чем сомнительна. Приведенные выше аналогии ножек табуретов убеждают, что и в этом случае была сделана пара прорезей, «слившихся» в результате разрушения перегородки. Ножка табурета из Вишневой Могилы лишена вычурных фигурных элементов и выглядит гораздо массивнее и проще, чем ножки табурета из Зеленого. По форме сечения она скорее перекликается с табуретом из кургана 13 у с. В. Знаменка. Относительно высоты этого табурета, как, впрочем, и формы, и размеров сидения судить не приходится из-за значительных повреждений единственной детали (рис. 20, 2). Вишневая Могила датируется в пределах последней трети IV в. до н.э.

В сравнении с изящными точеными сложнопрофилированными ножками

табуретов и стульев, изображенных на каменных надгробиях, табуреты из Зеленого и Вишневой Могилы кажутся намного грубее и проще. Не исключено, что скифы могли предпочесть более добротный и основательный вариант мебели, соответствующий их подвижному образу жизни и непростым условиям быта.

С некоторой долей сомнения мы включили в нашу серию находки из еще двух погребальных комплексов.

6. В погребении 2 кургана 14 в уроч. Носаки, раскопанном близ с. Балки Запорожской обл., отмечена деревянная подставка [Черненко, Бессонова, Болтрик и др., 1986, с. 324]. В боковой не пострадавшей от ограбления могиле вместе с костяком погребенной женщины сохранился относительно скромный набор маловыразительных артефактов: напутственная мясная пища с железным ножом, части костяного веретена, колчанный набор (42 стрелы с бронзовыми наконечниками) и еще один железный нож с костяной рукоятью (очевидно, колчанный) (рис. 21). Из более чем краткого описания погребения следует, что «череп скелета лежал на деревянной подставке» в виде квадратной рамки с шириной сторон 0,46 м, «состоявшей из двух продольных скрепляющих планок и восьми поперечных» [Бидзиля и др., 1975, дневник Савовского с. 50-53; 1977, с. 155, рис. 41]. Графическое изображение этой конструкции как будто напоминает решетчатый настил, состоявший из отдельных «плах» шириной около 6-7 см. В тексте полевого дневника И.П. Савовского и публикации этого погребального комплекса следов деревянных плах под скелетом не отмечено. Однако на полевом чертеже между костями правого предплечья и корпуса зафиксированы три коротких (длиной 40-44 см) деревянных «планки», лежавшие практически вплотную [Бидзиля и др., 1975, № 67].

Аргументами против интерпретации этого предмета как решетчатый настил (или помост) могут служить, во-первых, его форма и слишком малые размеры (эта конструкция слишком узка для ложа взрослого человека). Во-вторых, поперечные плахи рамы расположены плотно друг к другу, создавая сплошную плоскость (без характерных просветов).

Думается, в этом погребении стоял какой-то предмет мебели. Это могла быть и маленькая (?) скамеечка, возможно, положенная в могилу в разобранном виде и использованная в качестве подголовника. На эту мысль натолкнули три отдельно лежавшие «планки», длина которых (40-44 см) вполне сопоставима с длиной ножек табуретов. Хотя не исключены и другие варианты толкования этой деревянной конструкции.

Курган датируется IV в. до н.э.

7. В боковой могиле (№ 1) Мелитопольского кургана, находившегося на западной окраине г. Мелитополя Запорожской обл., зафиксированы остатки деревянной конструкции (рис. 22, 1). В сложной катакомбе совершено парное захоронение двух женщин – знатной скифянки в сопровождении служанки, частично ограбленное. Хозяйку погребли в камере на деревянном настиле,

в парадном костюме, все элементы которого были щедро расшиты золотыми бляшками разных типов. Костюм дополняли золотые украшения: сетчатый нагрудник, височное кольцо, щитковый перстень и стеклянные бусы. Кроме того, в разных местах камеры найдены: фрагментированный серебряный килик, две деревянных шкатулки с бусами, амулетами и принадлежностями рукоделия, костяное веретено с несколькими насадками, шило, наконечник стрелы у голени правой ноги. В хозяйственной нише сохранились кости от напуганной мясной пищи, чернолаковая пелика и остатки железных предметов. Служанку похоронили в дромосе на деревянном настиле. Среди личных вещей ее: серебряные кольцевидные серьги, ожерелье и браслеты (два из разнообразных бусин на кожаных ремешках, бронзовый и два железных кольцевидных), железное шило и глиняные пряслица для простого веретена, мисочка с лаковым покрытием. Во входной яме, кроме того, оставлена сопровождающая основную погребенную утварь: металлические детали повозки, бронзовый котел с костями овцы, 11 амфор и потерянные грабителями вещи из камеры [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 25-42, рис. 18].

Почти в центре дромоса, между стоявшими под стенкой амфорами и деревянным настилом с погребенной служанкой, найдены «обработанные деревянные детали... поверх них... горлом на юг, лежала амфора». Зафиксировано 16 деталей, занимавших площадь 0,9 x 1,0 м (рис. 22, 2). «Большинство находок (№ 1-4, 6, 8-13) являлись обломками плашек, не сохранивших определенную форму. Длина их 13-35 см, ширина до 5 см. Толщина различная; один из обломков (№ 12) имеет квадратное сечение. Пять... деталей снабжены сквозными прямоугольными вырезами». Лучше и полнее других сохранились пять деталей. «Предмет № 5 (длина 50 см, ширина 5-6 см, толщина 4,0 см) в сечении прямоугольный. Ближе к концам – два сквозных прямоугольных выреза размерами 6,6 x 1,6 см. Расстояние между отверстиями 25 см. В одном из них сохранилась плоская деревянная вставка. Предмет № 7 сохранился на длину 43 см. Сечение то же. С одной стороны... аналогичный вырез. Предмет № 14. Длина 49 см (концы обломаны), ширина 6-7 см. Также имеет вырез шириной 3,5 см. О длине последнего судить невозможно. Не исключено, что с боков деталь имела поперечные вырезы. Предметы № 15 и 16 лежали в длину один за другим. Форма их схожа. Длина обоих около 40 см. Один из концов утончен на клин, другой – раздвоен, но на разных предметах, на разных плоскостях. Ближе к концу клина, параллельно последнему, выдолблено прямоугольное отверстие размерами 7 x 1,8 см, оформленное с боков значительным утолщением (5-6 см против 3-4 см у другого конца). На предмете № 15 в отверстии сохранилась плоская деревянная вставка» [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 68-69, рис. 66].

А.И. Тереножкин интерпретировал эти детали как остатки ярма [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 25], с чем не соглашался Б.А. Шрамко [Шрамко, 1984, с. 253-254]. Б.Н. Мозолевский предположил их взаимосвязь

с конструкцией повозки [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 69]. В данном случае обращают на себя внимание два обстоятельства: 1 – малое количество и относительная хрупкость деталей; 2 – контекст этой находки, который прямо перекликается с ситуацией в кургане № 13 у с. В. Знаменка и кургане 2 у с. Зеленое, приведенной выше. Думается, описанные обломки из Мелитопольского кургана могли некогда составлять небольшой длинный табурет или скамейку (или столик?) высотой около 50,0 см, размерами приблизительно 90 x 50 см. Нижняя соединительная рама, по-видимому, располагалась в 10 см выше основания ножек. Сидение и здесь могли составлять переплетенные ремни, а возможно, и сетка из деревянных полос (если вспомнить сохранившиеся деревянные детали), которые часто употребляли греки [Сокольский, 1971, с. 89]. В Мелитопольском кургане, как и в курганах у сел В.Знаменка и Зеленое, табурет стоял поблизости от настила с покойным. В погребении В. Знаменского кургана на табурете лежали сосуды – алабастр и, судя по двум округлым пятнам «серебристого вещества», металлические (серебряные?) чаши. В Зеленом на табурете лежал колчан со стрелами. В Мелитопольском кургане на табурет положили амфору. Таким образом, эта амфора, одна из 11 найденных в могиле, оказалась как будто обособленной (остальные стояли под двумя длинными стенками дромоса), акцентированной. Быть может, ее наполнили более дорогим вином, предназначенным непосредственно для главной покойницы. Под тяжестью сосуда, а возможно, и рухнувшего свода, табурет «сложился», потеряв свои очертания. Погребальный комплекс Мелитопольского кургана датируется концом третьей – началом четвертой четверти IV в. до н.э.

* * *

В обиходе у древних греков, как известно, было три основных формы мебели для сидения: скамеечки, обычные и церемониальные (тронообразные) стулья. Для VI в. до н.э. характерна мебель, созданная по образцам азиатских мастеров – с жесткими, прямоугольными каркасами, с металлическим покрытием. Позднее греческая мебель становится проще и в то же время гармоничнее и изящнее. Расцвет греческого мебельного искусства приходится на V - III вв. до н.э. В это время расширяются не только ассортимент предметов мебели, но и варианты ее декорирования. Ранняя форма скамеечки или табурета (дифроса) еще очень проста и довольно громоздка, с четырехгранными или круглыми точеными (фигурными) ножками, утончающимися книзу, и чаще всего плетеной поверхностью для сидения [Кес, 1981, с. 46, 48]. Другая форма – складные табуреты на X-образной опоре, сформировавшиеся в Египте, где они известны в царских погребениях ранней династической эпохи (3400-2980 гг. до н.э.) [Соболев, 2000, с. 10]. Первоначально такие складные табуреты были просты и практичны, без каких-либо нефункциональных элементов. Позже в дворцовом обиходе встречались пышно отделанные образцы. Один из подобных роскошных экземпляров сохранился на изображении сцены охоты – сидя на таком табурете, фараон

Нового царства Тутанхамон стреляет в диких уток. В это же время у египтян появляется новый прием оформления ножек мебели в виде звериных лап (обычно волчьих, львиных; известны и в виде копыт жвачных животных), призванный устранить их первоначальную тектоническую неуклюжесть и грубость [Kaesz, 1979, p. 23, 25]. Такие табуреты египтяне делали из дерева, а ножки вырезали из цельных слоновых бивней [Соболев, 2000, с. 10]. В Греции складные табуреты достигли большого разнообразия [Коеppen, Breuer, 1904, fig. 16]. Позднее манера оформления ножек мебели в виде лап и ног зверей, человеческих ног появляется и у греческих мастеров. Кресла представлены двумя видами. Более ранняя форма близка церемониальным креслам (тронам) жителей Востока – это довольно тяжелое, высокое изделие мебели со спинкой, боковинами и неуклюжими дощатыми ножками, вставленными в раму сидения. Часто этот тип громоздких кресел встречается в произведениях изобразительного искусства – на расписных вазах с многофигурными композициями и на мраморных барельефах. В V в. до н. э. в повседневном пользовании, преимущественно у женщин, появляется легкий, элегантный *клисмос*, напоминающий современные стулья. Характерная черта этого типа мебели – серповидные ножки (рис. 3, 1). Их изогнутые задние ножки держали спинку. Такие стулья изготавливали из гнутой древесины с применением бронзы. Отдельные части таких стульев скреплялись металлическими скобами или деревянными накладками. Привилегией богатых горожан были парадные стулья с украшениями [Кес, 1981, с. 48; Соболев, 2000, с. 10, 23]. Помимо разнообразного металлического декора, в том числе скульптурных наконечников, излюбленным материалом для украшения парадной мебели была кость, особенно слоновая. Этот материал широко применялся в мебельной отделке Египта, а позднее и Греции [Ventris, 1955, p. 109; Павлов, Ходжаш, 1959, с. 138; Сокольский, 1971, с. 94]. На сиденья табуретов и стульев клали тюфячки, декоративные подушки или циновки, иногда их прикрепляли к раме, а на спинку набрасывали шкуру или ткань [Жущиховская, 2010, с. 42]. Такие детали нередко отчетливо обозначены на каменных барельефах и расписных вазах (рис. 3, 1; 4, 3; 6, 2-3; 23).

Судя по сохранившимся в могилах деталям мебели, из всего многообразия античных образцов скифы предпочитали главным образом табуреты. Номады пользовались двумя их разновидностями – с Х-образными и вертикальными ножками, с явным преобладанием последних. Любопытно, что у табуретов с вертикальными опорами из скифских памятников ножки преимущественно расширяются к основанию в отличие от собственно греческих с зауженными книзу ножками. Скорее всего, это объясняется разницей в условиях их эксплуатации. Каменные полы жилищ и дворцов эллинов позволяли использовать мебель с изящными, тонкими, зауженными к основанию ножками. Подвижному образу жизни номадов и преимущественно грунтовым поверхностям более соответствовала мебель с вертикальными, более добротными и устойчивыми ножками, нижняя часть которых была ровной или расширяющейся к основанию.

Относительно половой принадлежности погребенных, среди инвентаря которых найдены предметы мебели, точной информации, к сожалению, не так много. Тем не менее, сводные данные о рассмотренных выше находках (таблица 1) позволяют нам отметить следующую тенденцию. В ранней группе предметов мебели четкие сведения есть лишь для одного случая – в кургане 20 уроч. Холодный Яр похоронен мужчина 60 лет. В трех случаях – Литой, 3/Ш Келермесский и Верхне-Дарьевский курганы (по наличию оружия и отсутствию специфических женских атрибутов) можно предположить мужские захоронения, остальные два комплекса (Криворожский и Келермесский курганы) не дают возможности для каких-либо догадок.

Для поздней группы информации как будто больше. Четкую взаимосвязь с мужским (возраста 35-55 лет) захоронением имеет находка из Зеленого. С мужчинами уверенно можно соотнести также Велико-Знаменский курган (1884 г.) и катакомбу Солохи (1912 г.). На первый взгляд, как будто продолжают эту тенденцию еще два комплекса – центральная могила Вишневой Могила и курган 13 у с. В. Знаменка – парные захоронения мужчины и женщины. Но если относительно первого особых сомнений не возникает, со вторым комплексом картина менее ясна. Могила действительно довольно просторна (размеры ее по дну - 5,2 x 5,5 м) и вполне могла предназначаться для двоих покойников. В научном отчете на этот счет есть следующая информация: «Погребение было парным: мужчины и женщины, лежавших, вероятно, на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. Об этом свидетельствуют сохранившиеся *in situ* левые малая и большая берцовые кости женского скелета. Остальные кости женщины были собраны на дне грабительского колодца вместе с черепом. Весь мужской скелет был, вероятно, вынесен на поверхность» [Отрощенко, Рассамкин и др., 1985, с. 9]. Антропологические исследования Е.А. Шепель подтверждают информацию о наличии в этой могиле костей лишь женского скелета [Круц, Шепель и др., 1986, с. 313]. Однако здесь стоит обратить внимание на то, что, во-первых, захоронение было одноактным (следов подзахоронения здесь нет). Во-вторых, ограбление происходило тогда, когда мягкие ткани и сухожилия женщины уже распались. Поэтому часть скелета осталась на месте в камере, остальные его части отмечали путь (в грабходу), по которому их тащили грабители. Но тогда и состояние мужского скелета должно бы было соответствовать состоянию женского, и в могиле или грабительском лазе должна бы сохраниться хотя бы часть его костей. Однако их вообще нет. Поэтому нельзя исключать, что могила была одиночной. В пользу такого предположения свидетельствует и наличие только одного (а не двух) коня. В таком случае могила соотносится с так называемой амазонкой достаточно высокого ранга (о чем свидетельствуют два котла, обилие золотых украшений и большие размеры погребального сооружения). Смущает здесь лишь одно обстоятельство – присутствие двух полусферических деревянных чаш с золотой плакировкой, которые до сих пор на территории

Европейской Скифии соотносились с мужскими воинскими могилами [Фиалко, 2004, с. 269-272]. В то же время в степях Южного Приуралья известны случаи находок таких чаш и в могилах вооруженных женщин [Яблонский, 2009, с. 262].

Остальные две могилы IV в. до н.э. – курган 14 уроч. Носаки и могила 1 Мелитопольского кургана – принадлежали женщинам (причем в первом случае речь идет о так называемой амазонке). Становится очевидным, что у скифов предметы мебели полагались, главным образом мужчинам. Однако, с середины V в. до н.э. такие вещи постепенно входят в обиход скифянок, в том числе и амазонок.

Хронология скифских памятников, содержащих предметы мебели, как уже отмечалось выше, определяется достаточно широко – в пределах второй половины VII – IV вв. до н.э. Для ранних памятников более характерны тяжелые и вычурные, богато украшенные металлическими и костяными высокохудожественными элементами образцы трonoобразной мебели восточного типа. Из приднепровских памятников V – IV вв. до н.э. происходят изредка довольно легкие изящные табуреты, преимущественно же это рациональные предметы мебели – без особого украшения, удобные, прочные и в то же время относительно легкие, соответствующие условиям быта кочевого сообщества.

Обзор погребальных памятников, в которых найдены предметы мебели, и состав сопутствующего инвентаря в них, явно свидетельствуют о том, что это были преимущественно усыпальницы представителей знати высшего ранга. В то же время присутствие в их захоронениях богато декорированных предметов мебели, часто называемых тронами, демонстрирует распространение в скифской среде представлений о героизации, божественности царя и сакральной роли трона [Бессонова, 1990, с. 33]. Особенно это справедливо в отношении памятников скифской архаики. Высокий статус погребенных, помимо сооружений, подчеркивает также наличие в их сопровождении гривны, котла, вещей из драгоценных металлов, зависимых лиц и сопровождающих конских захоронений. Таким образом, приведенная выборка демонстрирует, что предметы мебели полагались представителям царского рода, высшей аристократии, военачальникам и, возможно, особо отличившимся воинам.

Примечательно, что места находок предметов импортной мебели тяготеют к важным древним магистралям и ключевым поселенческим образованиям близ них (рис. 24). Так, табурет из Литого кургана принадлежит комплексу, впущенному в насыпь эпохи бронзы близ средневекового Черного Шляха, трасса которого, несомненно, использовалась с древности. На закономерность расположения Литого кургана указывает его позиция между Чернолесским городищем и кустом поселенческих структур у сел Макеевка – Пастерское. Его место подчеркивает также ряд элитных скифских курганов (Болтышка, Мартоноша, Защита и др.), находящихся западнее по трассе Черного Шляха. В 80 км к северо-западу от него находится упоминавшийся выше курган №2 у имения Дарьевка. Эти два наиболее ранних комплекса маркируют определенный отрезок трассы Черного

Сводная таблица данных о находках предметов мебели из скифских памятников

группа	№ п/п	Место находки	мебель		Детали мебели	Пол погребен.	Дата погреб. (до н.э.)
			Высота в см	Разм. сидения в см			
1	1	Литой курган	38-42	--	11 серебряных с позолотой деталей 4-х ножек; серебряная розетка; 23 (?) гвоздя	м ?	2/2 7 в.
	2	Криворожский курган	--	--	серебряная головка бычка	?	2/2 7 в.
	3	Келермес, к.3/III	--	--	золотые розетка; 2 двуглавые накладки; серебряная львиная головка	м ?	2/2 7 в.
	4	Келермесские курганы	--	--	2 золотые львиные головки	?	кон. 7в.
	5	Верх. Дарьевка, к.2	--	--	костяная львиная головка	м ?	рубеж 7-6 вв.
	6	Холодный Яр, к.20			костяная львиная головка	м 60 лет	4 в.
2	7	В . Знаменка (1884 г.)			4 бронз. наконечника (козьи ножки), 2 бронз. диска (?)	м ?	5 в.
	8	В.Знаменка, к.13 (1984 г.)	?	23x19	отпечатки 4 дерев. ножек и сидения	ж, 65 лет, амазон.?	сер. 5 в.
	9	Солоха, Центр. катакомба	43-45	74x55	остатки дерева, 2 железные скрепы	м	кон. 5 в
	10	Зеленое, к.2	30	45?x30	2 деревянные ножки и перекладина	м, 35-55 лет	1/2 2/4 4 в.
	11	Вишневая Могила, Центр. погребение	?	--	1 ножка деревянная	м + ж ?	3/3 4 в.
	12	Носаки, к.14	≈ 40 ?	46x46	10 + 3 деревянных «планок»	ж (амазон)	4 в.
	13	Мелитопольский курган, могила 1	≈ 50	90x50	16 деревянных деталей	ж	кон.3/4-нач. 4/4 4 в.

шляха, большей частью проходившего через водораздельное пространство Гнилого Тикича – верховьев Ингула и Тясмина. Памятники, расположенные вдоль этого отрезка шляха, наполнены архаическими импортами. Скорее всего, эти импорты попадали сюда как военные трофеи через Кавказ из Передней Азии [Кисель, 2003, с. 62-66] и из Ольвии как подарки и/или в результате торгового обмена [Болтрик, 2000].

Все прочие находки концентрируются в Левобережье Нижнего Днепра к югу – юго-востоку от Каменского городища. Элитные курганы, в которых найдены следы табуретов и скамеечки, тяготеют к боспорскому отрезку Транскифского пути, функционировавшего в V – III вв. до н.э. [Болтрик, 1990]. Их размещение – ранние близ Днепра, а более поздние глубже в степи, демонстрирует своеобразную горизонтальную стратиграфию, в которой оба кургана у В. Знаменки (1884 г. и № 13) занимают край плато. Эти курганы близки по погребальному обряду (большие квадратные ямы, обложенные и перекрытые деревом). Они отражают ближний к Каменскому городищу круг погребальных памятников V в. до н.э. За ними (дальше в степь) стоит Солоха и на расстоянии в полдня пути от нее – курганы у с. Зеленое и Вишневая Могила. Это расположение курганов служит своеобразной иллюстрацией микроисторических процессов, отраженных в пространстве. Мебель же в этих комплексах, наряду с иными предметами городской цивилизации, отражала те культурные импульсы греческих полисов, которые впитывала скифская аристократия.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н. э. Историко-археологический очерк).- СПб., 1992.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. - СПб., 2003.
- Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага - Ленинград, 1966.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.
- Баллонов Ф.Р. Семантические корреляты изображений на келермесских «украшениях трона» // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 1992. - С. 169-170.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северско-донецкий вариант). - Киев, 2000.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях города Люботина // Люботинское городище. - Харьков, 1998. – С. 143-182.
- Бандуровский А.В., Черненко Е.В. Ахеменидские вещи из Люботинского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. – С. 27-30.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. – II. - Нальчик, 1985. – С. 7-115.
- Бессонова С.С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. - Киев, 1990. - С. 17-40.
- Бидзия В.И., Ляшко С.Н., Отрощенко В.В., Савовский И.П. Отчет о раскопках курганных могиль-

- ников у сел Орлянка, Златополь, Балки, Шмальки, г. Днепрорудный Запорожской обл. в 1974 г. – Научный архив ИА НАНУ, №1974/10. – К, 1975.
- Бидзия В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П.* Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев, 1977. – С. 61-159.
- Бобринский А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – Т. I. – СПб., 1887.
- Бобринский А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – Т. II. – СПб., 1894.
- Болтрик Ю.В.* Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) // СА. – 1990. – № 4. – С. 121-130.
- Болтрик Ю.В.* Основной торговый путь из Ольвии в Днепровское Лесостепное Левобережье // РА. – 2000. № 1. – С. 30-45.
- Бондарь И.В.* Древнее золото. Из собрания Музея исторических драгоценностей УССР. - Москва, 1975.
- Галанина Л.К.* Контакты скифов с ближневосточным миром по материалам Келермесских курганов // АСГЭ. – 31. – 1991. – С. 15-29.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы. Степные народы Евразии. – Т.1. – М., 1997.
- Граков Б.Н.* Скифы. - Москва, 1971.
- Живкова Л.* Казанлыкская гробница. – М., 1976.
- Жутиховская И.С.* История материальной культуры. - Часть 1. - Владивосток, 2010.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы: культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. - М., 2001.
- Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. - Ленинград, 1947.
- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.). – Киев, 1975.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII – IV вв. до н.э. – Киев, 1983.
- Кес Д.* Стили мебели. - Будапешт, 1981.
- Кисель В.А.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. – СПб., 2003.
- Книпович Т.Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис в VII – V вв. до н.э. // ИГАИМК – 1934. – Вып. 104. - С. 90-110.
- Круц С.И., Шепель Е.А., Сегеда С.П., Потехина И.Д., Покас П.М., Назарова Т.А., Литвинова Л.В., Рудич Т.А.* Каталог палеоантропологических коллекций Института археологии АН УССР. – Научный архив ИА НАНУ. - Плановая тема № 118. - Т. 2. – Киев, 1986.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – Т. 2. – СПб., 1993.
- Максимова М.И.* Ритон из Келермеса // СА. – 1956. № 25. – С. 215-235.
- Манцевич А.П.* Головка быка из кургана VI в. до н.э. на р. Калитве // СА. 1958. № 2. – С. 196-202.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. Публикация одной коллекции. – Л., 1987.
- Маразов И.* Ритоните в Древня Тракия. - София, 1978.
- Миллер Г.Ф.* Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. - 1764. Декабрь.
- Минасян Р.С.* Матрица - «формер» // Археологический сборник. – 2010. - № 38. – С. 180-195.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II вв. до н.э. – Саратов, 1999.
- Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. - Киев, 1984.
- ОАК за 1891 г. – СПб., 1893.
- Отрощенко В.В., Рассемакин Ю.Я.* Раскопки скифского кургана у с. Великая Знаменка // АО 1984 года. – М, 1985. - С. 285-286.
- Отрощенко В.В., Рассемакин Ю.Я. и др.* Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1984 г. – Научный архив ИА НАНУ. - № 1984/10. – Киев, 1985.

- Павлов В.В., Ходжаши С.И. Художественное ремесло Древнего Египта. - Москва, 1959.
- Пиотровский Б.Б. Искусство Урарту VIII-VII вв. до н.э. - Л., 1962.
- Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. - Л., 1970.
- Половцова С.А. Курган Солоха // Гермес. - 1914. - № 6-8 (отдельный оттиск).
- Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 года. - МАР. - 1911. - № 31.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. - СПб., 1914.
- Самокасов Д.Я. Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей. - М., 1908.
- Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. - М., 1985.
- Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. - Л., 1988.
- Смирнов Я.И. Восточное серебро. - СПб., 1909.
- Соболев Н.Н. Стили в мебели. - Москва, 2000.
- Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. - МИА. - № 178. - М., 1971.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. - М., 1989.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. - Киев, 1988.
- Тункина И.В. Сокровища Литого кургана и академик Г.Ф. Миллер // Вестник древней истории. 2006. - № 3. - С. 135-155.
- Фиалко Е.Е. Деревянные чаши - знаки воинской доблести скифов // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. - № 11. - Запоріжжя, 2004. - С. 269-272.
- Фиалко О.Є. Скіфські воїнські поховання біля с. Зелене на Херсонщині // Актуальні проблеми археології. Тези Міжнародної наукової конференції на пошану І.С. Винокура. Кам'янець-Подільський, 2010. - С. 40-42.
- Фиалко Е.Е. Античные элементы в погребальном обряде скифов (по материалам кургана 2 у с. Зеленое на Херсонщине) // XII Боспорские чтения. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. - Керчь, 2011. - С. 386-392.
- Фиалко Е.Е. Скифский курган с античными импортами у с. Зеленое // Боспорские исследования. - Вып. XXVI. - Керчь, 2012. - С. 218-254.
- Черненко Е.В. Ближневосточные сосуды из Люботинских курганов на Харьковщине // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego.* - Kraków, 2004. - С. 93-99.
- Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. - Киев, 1986.
- Шрамко Б.А. Модель бычьей упряжки скифского времени // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - Москва, 1984. - С. 251-256.
- Яблонский Л.Т. Амазонка из Прохоровки // Археологические открытия. Европейская Россия 1991-2004 гг. - Москва, 2009. - С. 256-268.
- Aranovich A.M., Klimov O.V. Age peculiarities of tibial lengthening in patients with achondroplasia // Системная интеграция в здравоохранении. - 2011. - №3 (13). - P. 19-22.
- Barnett R.D. Assyrian Sculpture in the British Museum. Toronto, 1975.
- Bothmer D.v. Greek Vase Painting: An Introduction // The Metropolitan Museum of Art. Bulletin. - Vol. XXXI, N. I. - 1972. - P. 1-68.
- Botta P.E., Flandin E. Monuments de Ninive. - 1. - Paris, 1849.
- Conteneau G. Manuel d'archéologie orientale. - III. - Paris, 1931.
- Freyer-Schauenburg B. Elfenbeine aus dem samischen Heraion. Figürliches und Siegel. - Hamburg, 1966.
- Galanina L. Die Kelermes-Kurgane als Quelle für die Erforschung der Kontakte zwischen den Skythen und den altorientalischen Kulturen // Skythika. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. - Phil.-hist. Klasse 98. - München, 1987. - 100 s.

- Ghirshman R.* Tombe princière de Ziwiyé et le début de l'art animalier scythe. - Paris, 1979.
- Jacopi G.* Scavi nella necropoli di Jalisso 1924-1928 // Clara Rhodos. - III. - Instituto storico-archeologico. - Rodi, 1929. - 302 p.
- Kaeszy Gyula.* Ismerjük meg a bútorstílusokat. - Gondolat kiadó - Budapest, 1979.
- Kellner H.-J.* Grouping and Dating of Bronze Belts // Urartu. - A Metalworking Center in the First Millennium B.C. E. Tell Aviv: Sabinsky Press Ltd., 1991. - P. 142-161.
- Koeppen A., Breuer C.* Geschichte des Möbels. Eine Stillerhre für Bau- und Möbeltischler, - Berlin - New York, 1904.
- Kopcke G.* Neue Holzfunde aus dem Heraion von Samos. - AM. - 1967. Bd. 82.
- Layard A.H.* Monuments of Nineveh. - 1. - London, 1853.
- Mark I.S.* The Gods of the East Frieze of Parthenon // Hesperia. - Vol. 33. - 1984. - P. 289-342.
- Merhav R.* Secular and Cultic Furniture // Urartu. - A Metalworking Center in the First Millennium B.C. E. - Jerusalem, 1991. - P. 244-271.
- Mertens J.R.* The Metropolitan Museum of Art (New York). Greece and Rome. - New York, 1987.
- Minns E.* Skythians and Greeks. - Cambridge, 1913.
- Moorey P.R.S.* Ancient Persian Bronzes in the Adam Collection. - London, 1974.
- Ninou K.* Treasures of ancient Macedonia. Catalogue of an exhibition held at the Archaeological Museum of Thessalonik. - Athens, 1979.
- Pharmakowsky B.* Die Funde in Südrussland // Archäologischer Anzeiger. - 20. - Berlin, 1905. - P. 58.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. - Leningrad, 1986.
- Richter G.* Ancient furniture. - Oxford, 1926.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in the South Russia. - Oxford, 1922.
- Schäfer H., Andrae W.* Die Kunst des alten Orients. - Berlin, 1942.
- Svoboda B.* Zur Geschichte des Rhytons // Svoboda B. Cončev D. (eds.) Neue Denkmäler Antiker Toreutik. - Praha, 1956. - P. 9-113.
- Ventris M.* Mycenaean furniture on the Pylos tablets. - Eranos. - Vol. 53, 3-4. Uppsala, 1955. - P. 109-207.
- Vlassova E.V.* The Scythian Drinking - Horn // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum (ed. J. Boardman, S.L. Solovyov, G.R. Tsetschladze). - Leiden - Boston - Köln. - Brill, 2001 (Colloquia pontica, Vol. 7). - P. 71-111.

Ю.В. Болтрик, О.Є. Фіалко

МЕБЛІ ЗІ СКІФСЬКИХ ПОХОВАЛЬНИХ КОМПЛЕКСІВ

Резюме

З античної літератури скіфи постають як суворі воїни, схильні до аскетизму. Проте асортимент знахідок із скіфських могил вочевидь суперечить таким уявленням. У могили аристократів клали не лише необхідні в побуті (у повсякденному житті) предмети, але і дорогі імпорتنі речі. Особливо виразно це проявилось в V-IV ст. до н.е. До числа розкішних речей належить і маленька серія предметів меблів з могил представників скіфської еліти.

Меблі з цих комплексів не відрізняється великою різноманітністю типів. До неї входять табурети, лавочки і крісла (або трони). У «скіфській» серії меблів переважають табурети. Знахідки розподіляються на дві хронологічні групи.

Ранню групу репрезентують предмети з 6 курганів: Литого (або Мельгунівського) кургану, Криворізького кургану, Келермеського кургану 3/Ш, ще одного (?) з Келермеських курганів, кургану поблизу маєтку Верхня Даріївка, кургану 20 в урочищі Холодний Яр. Ці предмети датуються в межах VII - V ст. до н.е.

Пізню групу представляють предмети з 7 курганів: поблизу с. Велика Знам'янка 1884 р., кургану 13 поблизу с. Велика Знам'янка 1984 р., кургану Солоха, кургану 2 поблизу с. Зелене, кургану Вишнева Могила, кургану 14 у уроч. Носаками, Мелітопольського кургану. Ці предмети датуються в межах V-IV ст. до н.е.

Першу групу репрезентують предмети з розкішним декором. До другої групи увійшли предмети більш скромного вигляду. З усього розмаїття античних зразків меблів скіфи надавали перевагу переважно табуретам. Номади користувалися двома їхніми різновидами - з Х-подібними і вертикальними ніжками. При цьому переважали екземпляри другого типу. Найімовірніше, це пояснюється рухомим способом життя кочівників.

Щодо статевої приналежності скіфів, серед реманенту могил яких були предмети меблів, ми можемо відзначити таку тенденцію. У першій групі могили належали переважно чоловікам. У другій групі 4 могили співвідносяться з чоловікам і дві з жінками (одна з них амазонка). Крім того, огляд показав, що предмети меблів покладалися представникам царського роду, вищої аристократії, воєначальникам і, можливо, воїнам, які особливо відзначилися в бойових діях.

Показово, що місця знахідок предметів імпортних меблів тяжіють до важливих стародавніх магістралей і ключових поселенських структур поблизу них. Меблі же в поховальних комплексах номадів, поряд з іншими предметами міської цивілізації, відображали ті культурні імпульси грецьких полісів, які вбирала скіфська аристократія.

МЕБЕЛЬ ИЗ СКИФСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Резюме

В античной литературе скифы представлены как суровые воины, склонные к аскетизму. Однако ассортимент находок из скифских могил явно не согласуется с таким представлением. В могилы аристократов клали не только необходимые в быту (в повседневной жизни) вещи, но и дорогие импортные вещи. Особенно явственно это проявилось в V-IV вв. до н.э. К числу роскошных вещей относится и маленькая серия предметов мебели из могил представителей скифской элиты.

Мебель из этих комплексов не отличается большим разнообразием типов. В нее входят табуреты, скамеечки и кресла (или троны). В серии «скифской» мебели преобладают табуреты. Серия находок распадается на две хронологические группы.

Раннюю группу представляют предметы из 6 курганов: Литой (или Мельгуновский) курган, Криворожский курган, Келермесский курган 3/Ш, еще один из Келермесских курганов, курган у имения Верхняя Дарьевка, курган 20 в урочище Холодный Яр. Эти предметы датируются в пределах VII - V вв. до н.э.

Позднюю группу представляют предметы из 7 курганов: у с. Великая Знаменка 1884 г., курган 13 у с. Великая Знаменка 1984 г., курган Солоха, курган 2 у с. Зеленое, курган Вишневая Могила, курган 14 в уроч. Носаки, Мелитопольский курган. Эти предметы датируются в пределах V-IV вв. до н.э.

В первой группе представлены предметы с роскошным декором. Во вторую группу вошли предметы более скромного вида. Из всего многообразия античных образцов мебели скифы предпочитали главным образом табуреты. Номады пользовались двумя их разновидностями – с X-образными и вертикальными ножками. При этом преобладали экземпляры второго типа. Скорее всего, это объясняется подвижным образом жизни кочевников.

Относительно половой принадлежности скифов, в инвентаре которых были предметы мебели, мы можем отметить такую тенденцию. В первой группе могилы принадлежали главным образом мужчинам. Во второй группе 4 могилы принадлежат мужчинам и две – женщинам (одна из них амазонка). Кроме того, обзор показал, что предметы мебели полагались представителям царского рода, высшей аристократии, военачальникам и, возможно, особо отличившимся воинам.

Примечательно, что места находок предметов импортной мебели тяготеют к важным древним магистралям и ключевым поселенческим структурам близ них. Мебель же в погребальных комплексах номадов, наряду с иными предметами городской цивилизации, отражала те культурные импульсы греческих полисов, которые впитывала скифская аристократия.

Yu.V. Boltryk, E.E. Fialko

THE FURNITURE FROM THE SCYTHIAN BURIAL COMPLEXES

Summary

In ancient literature Scythians were shown as the harsh soldiers, who were inclined to asceticism. However, the range of finds from Scythian tombs is clearly not compatible with this view. The graves of aristocrats contained not only necessary in everyday life things, but also expensive imported things. This became particularly evident in the 5 - 4 cc. BC. Small series of pieces of furniture from the graves of Scythian elite members are among the luxury items.

Furniture of these complexes has no variety of types. It is presented by stools, small benches and arm-chairs (or thrones). Stools prevail in the «Scythian» furniture series. We can divide a series of findings into two chronological groups.

The early group consists of the objects from 6 kurgans. These are Litoi (or Melgunovsky) kurgan; Krivorozhsky kurgan; Kelermess 3/Sh; another one (?) from Kelermess' group; a kurgan near Darievka manor; kurgan 20 in Holodny Yar locality. These items are dated from 7th to 5th c. BC.

The late group is represented by the objects from 7 kurgans. These are two kurgans near V. Znamenka village (a kurgan excavated in 1884 and a kurgan n.13); Solokha kurgan; a kurgan n.2 near Zelenoye village; Vishnevaya Mogila; kurgan n.14 near Nosaki locality; Melitopolsky kurgan. These items are dated from 5th to 4th centuries BC.

In the first group there are the objects of furniture with luxurious decor. The second group includes the more simple specimens. From all the variety of ancient Greek furniture examples the Scythians preferred the stools. The nomads used two species of them – the stools with the X-shaped and vertical legs. But specimens of the second type prevailed. Such situation probably can be explained by the mobile lifestyle of nomads.

Relatively the gender of Scythians, who were buried with the pieces of furniture, we can notice the following tendency. In the first group the tombs belonged mostly to men. In the second group four graves belonged to men and two graves belonged to women (one of them was an Amazon). In addition the survey of findings showed that the furniture was placed in the graves of the royal family members, the aristocracy, the warlords and probably the soldiers who particularly distinguished themselves in a battle.

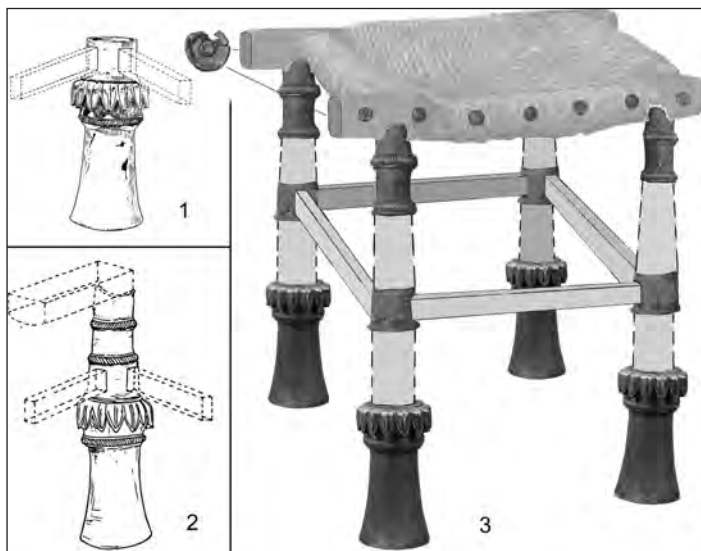
It is noteworthy that the kurgans, where the objects of imported furniture were founded tend to important ancient arterial roads and key settlement structures near them. The furniture in the nomad burial complexes as the other items of urban civilization reflected the cultural impulses of Greek cities, which were absorbed the Scythian aristocracy.

Рис. 1. Детали табурета из Литого кургана.

Рис. 2. Варианты реконструкции деталей табурета из Литого кургана:

1. – А.П. Манцевич; 2. – В.А. Киселя; 3. – Ю.В. Болтрика и Е.Е. Фиалко.

1

3

2

4

Рис. 3. Изображения табуретов и стульев:

1. – килик краснофигурный. Метрополитен Музей, Нью-Йорк; 2. – фриз восточной стены Парфенона. Британский Музей, Лондон; 3-4 – золотая обкладка горита из Мелитопольского кургана. Музей исторических драгоценностей, Киев.

1

2

3

Рис. 4. Изображение подножных скамеечек:

1. – мраморное надгробье. Лувр, Париж; 2. – расписная ваза. Музей искусства и ремесел. Гамбург; 3. – настенная роспись. Казанлыкская гробница (по: Живкова, 1976).

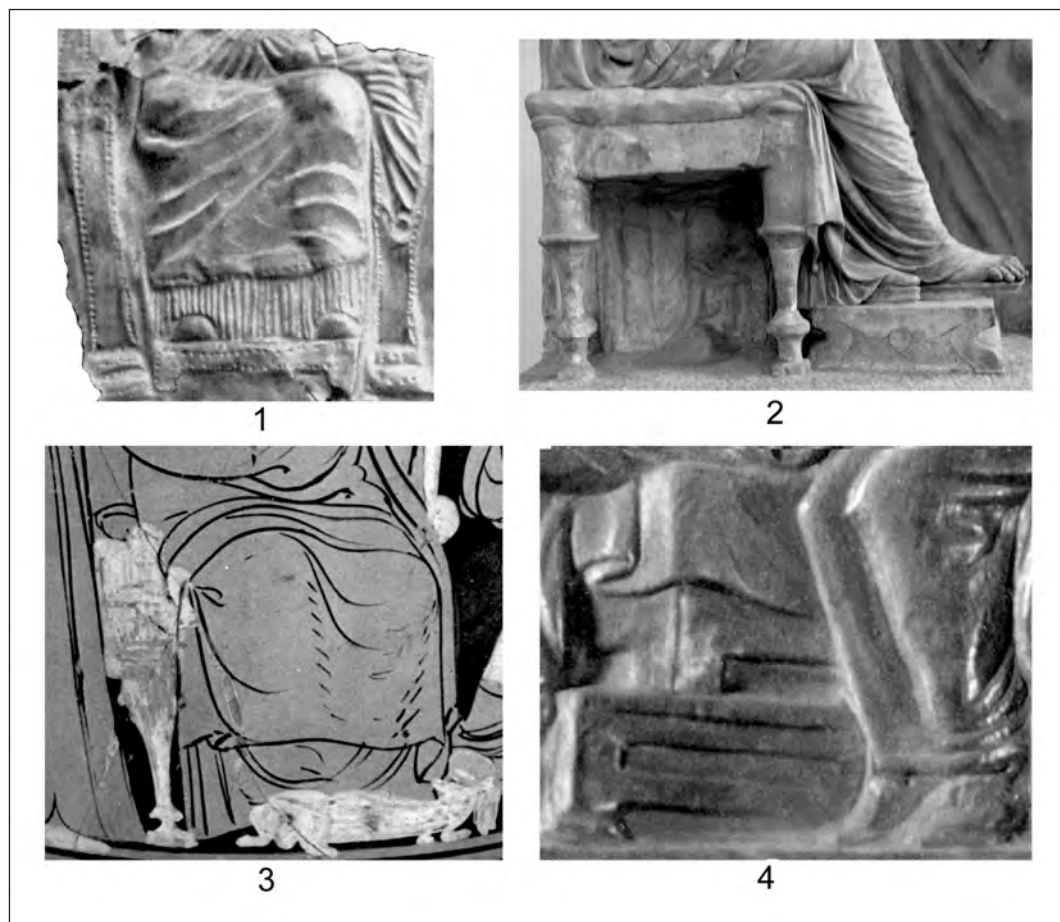

Рис. 5. Соотношение высот табурета и подножной скамеечки на различных произведениях искусства:

1. - золотая пластина ритона. Курган у с. Мерджаны; 2. – мраморное надгробье. Пергамон; 3. – краснофигурная пиксида. Сицилия; 4. – золотая обкладка горита. Мелитопольский курган.

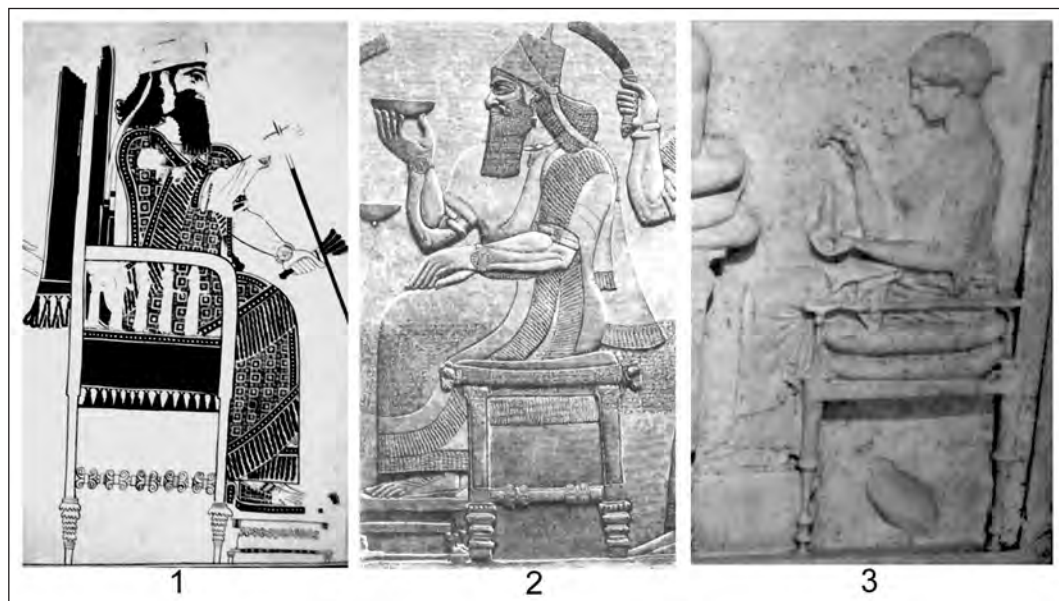

Рис. 6. Высокие подножные скамеечки в художественных традициях различных культур.

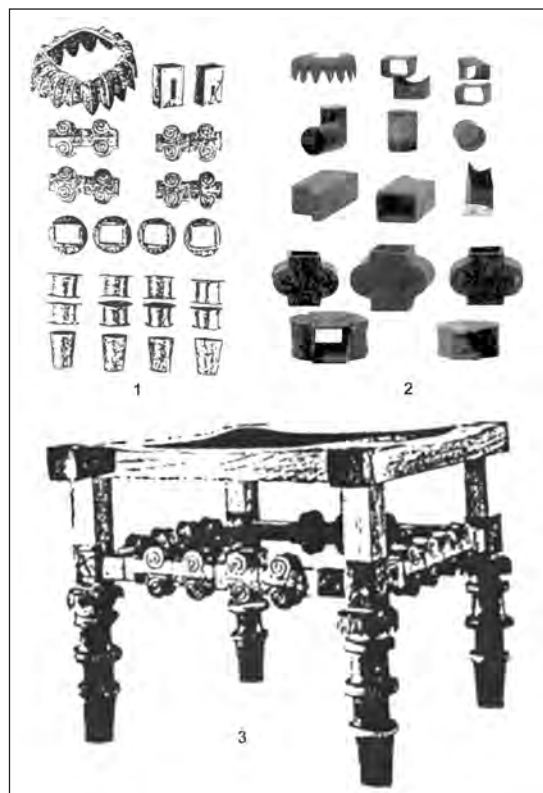

Рис. 7. Детали (1-2) и реконструкция (3) табу-рета. Алтын-Тепе:

1,3. – по: Merhav, 1991; 2. – экспозиция Музея Анатолийских цивилизаций (фото Е.Фиалко).

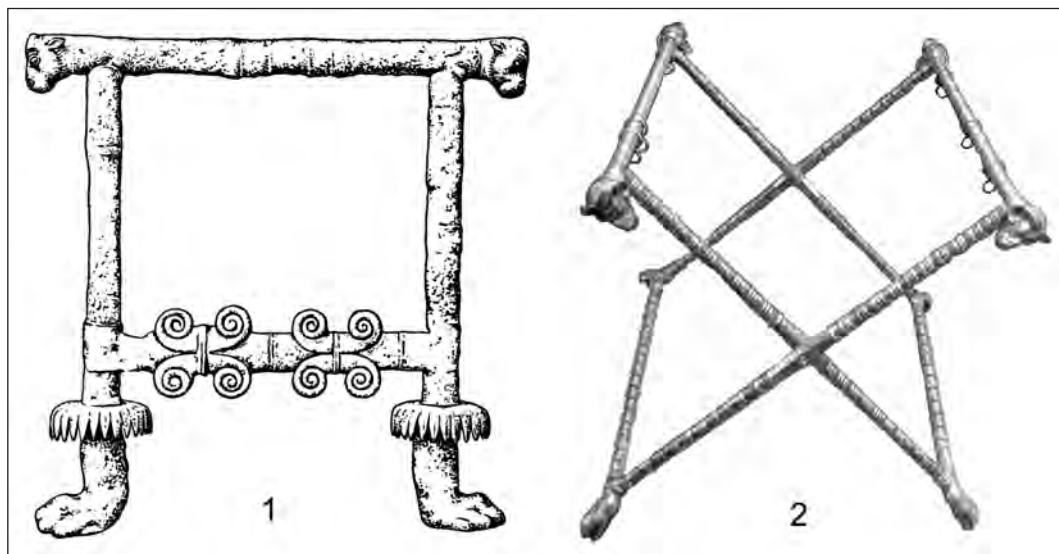

Рис. 8. Металлические табуреты с фигурными зооморфными окончаниями:

1. – Нимруд (по: Манцевич, 1958); 2. – Остия. Лувр (фото Ю. Болтрика).

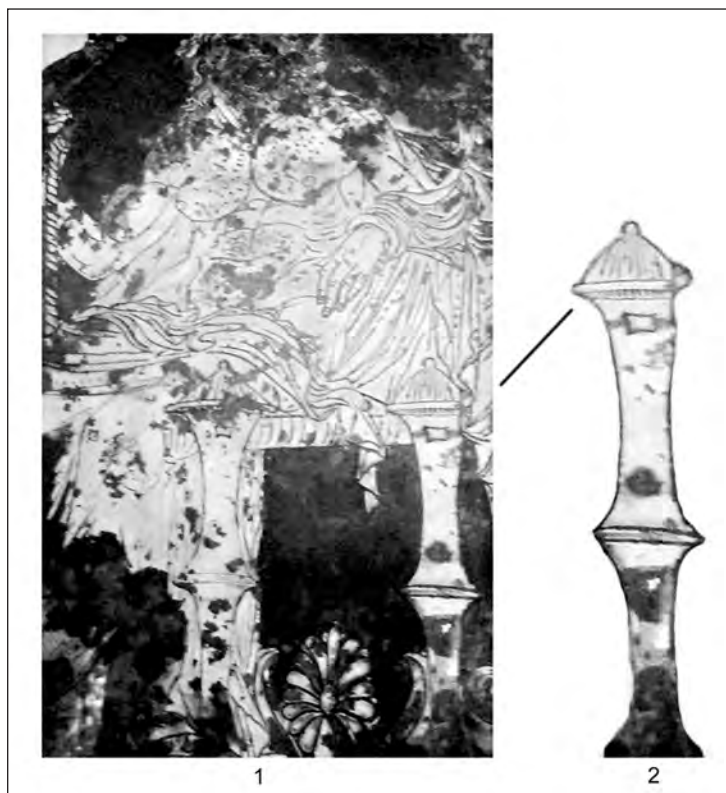

Рис. 9. Изображение округлых окончаний выступов на табурете. Крышка футляра зеркала из Коринфа с гравированным рисунком:

1. – центральная часть рисунка;
2. – деталь изображения. Лувр.

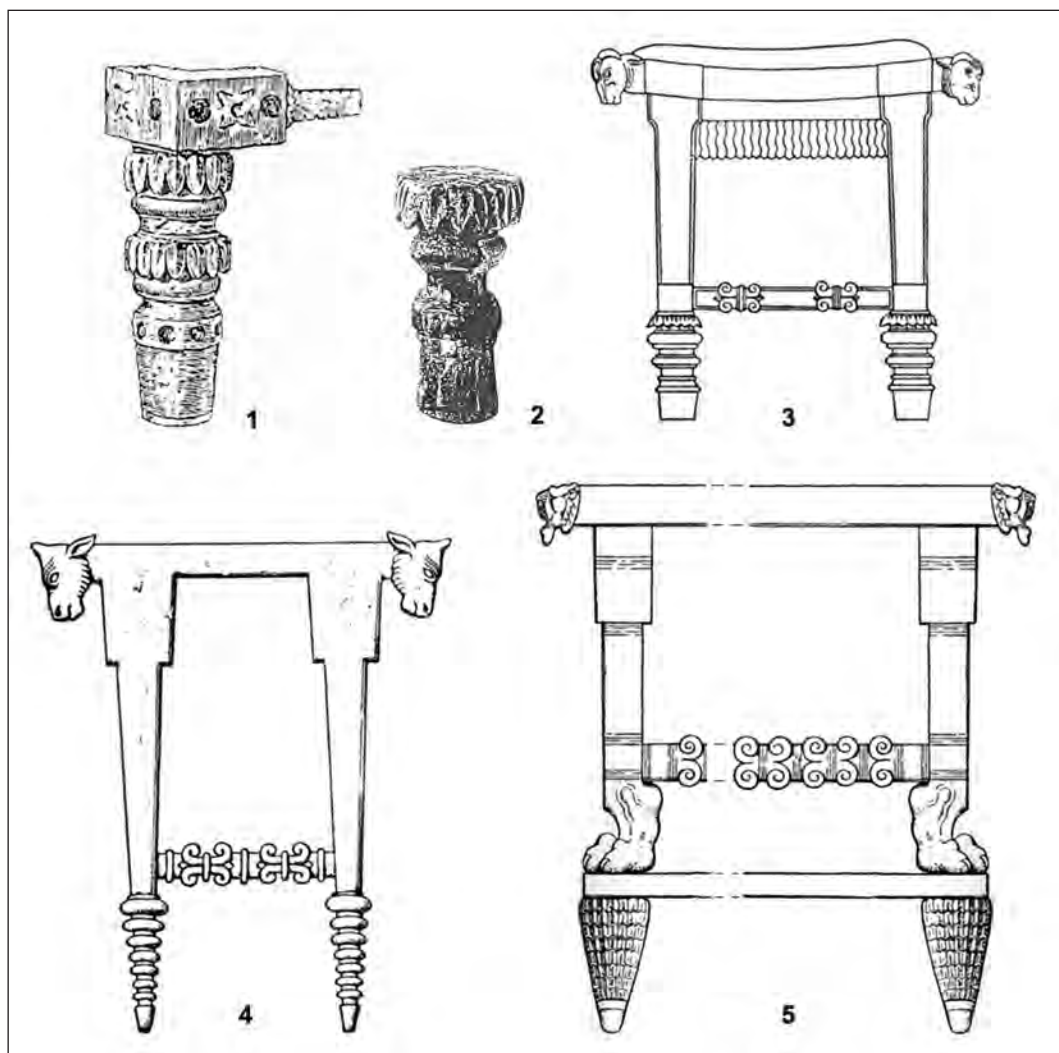

Рис. 10. Варианты оформления ножек мебели:

1. - деталь трона. Топрак-Кале (по: Пиотровский, 1962); 2. - ножка табурета. Кармир-Блур (по: Пиотровский, 1970); 3-5. - изображения на рельефах из Ниневии (по: Манцевич, 1958).

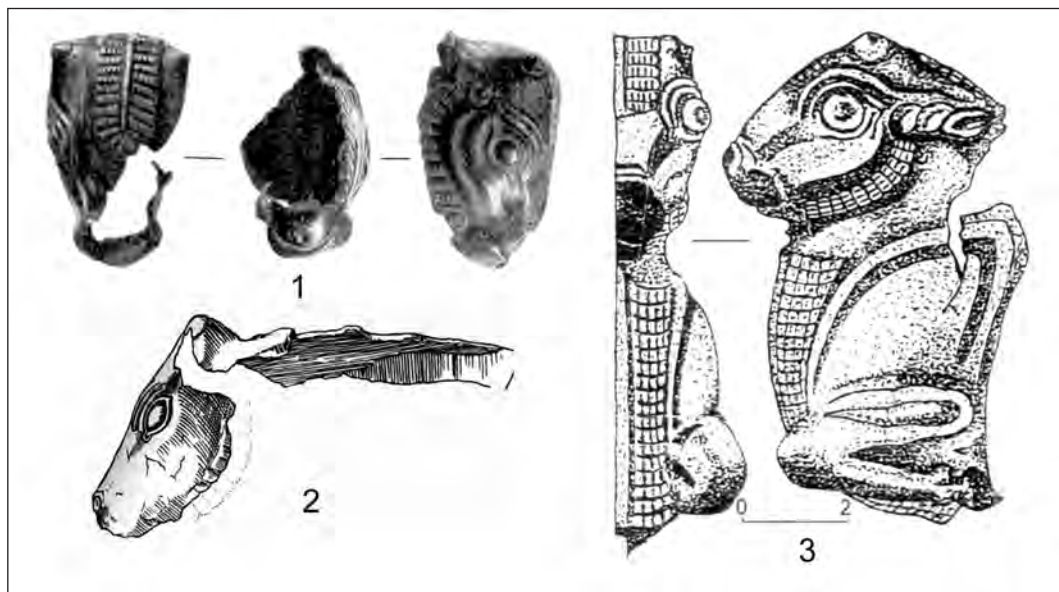

Рис. 11. Скульптурные головки бычков – декоративные элементы мебели:

1. – Криворожский курган; 2. – Нимруд (по: Манцевич, 1958); 3. – курган 2 Люботинского могильника (по: Черненко, 2004).

Рис. 12. Изображения мебели с фигурными ножками и зооморфными набалдашниками на каменном рельефе. Нимруд. Дворец Ашшурнацирпала. Фасад L. (Фото Е. Фиалко).

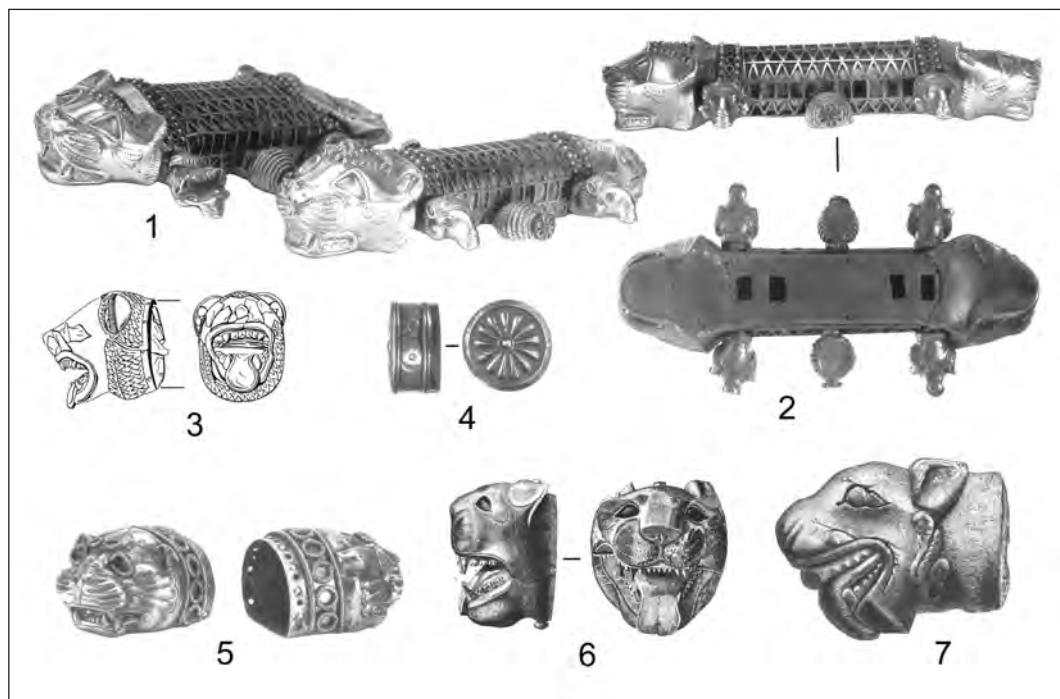

Рис. 13. Детали мебели из памятников 1 группы:

1-4. - Келермесский курган 3/Ш; 5 - : келермесские курганы; 6. - курган 2 близ имения Дарьевка; 7. – курган 20 в уроч. Холодный Яр.

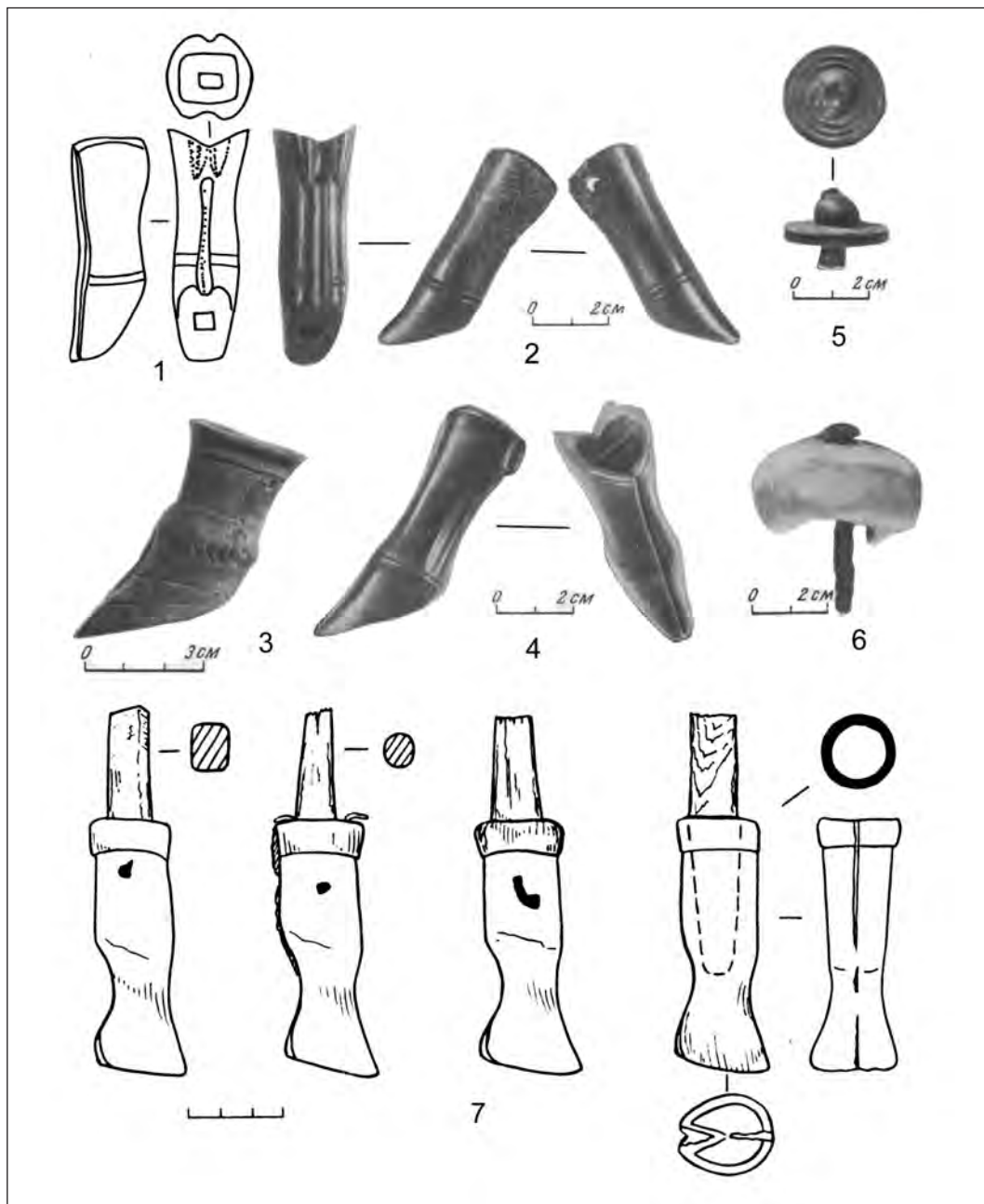

Рис. 14. Фигурные наконечники ножек (1-4, 7) и дисковидные детали мебели (5-6):

1-2. – курган близ с. Великая Знаменка (прорисовка и фото); 3. – Керчь; 4-6. – могила 82 некрополя Ольвии (по: Сокольский, 1971); 7. – курган 19 могильника Юстыд-ХII (по: Кубарев, 1991).

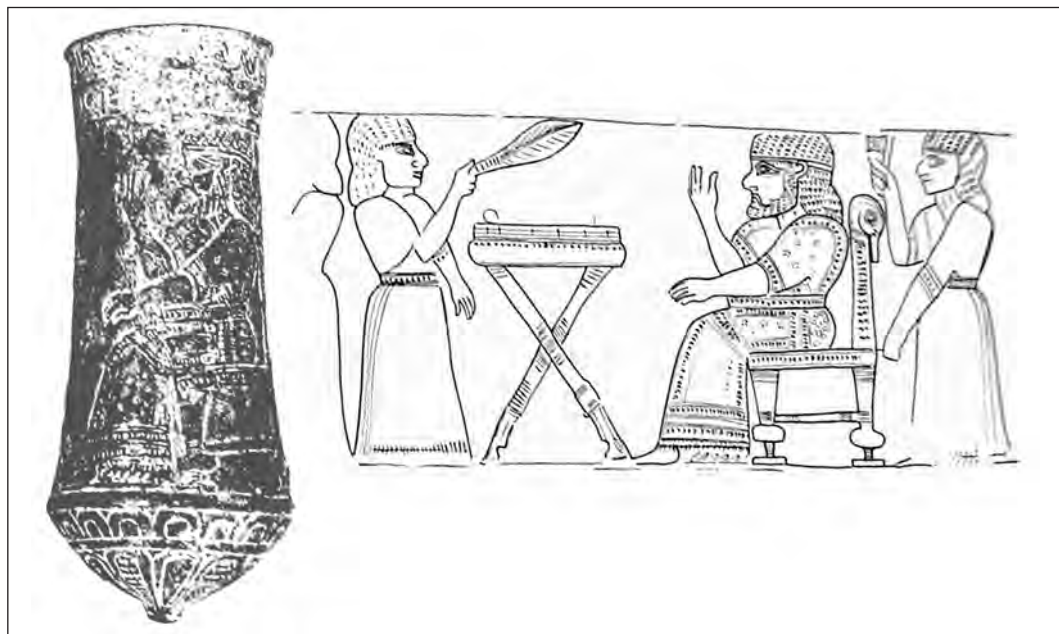

Рис. 15. Гравированный рисунок на бронзовой ситule. Могильник Zalu Ab (по: Moorey, 1974).

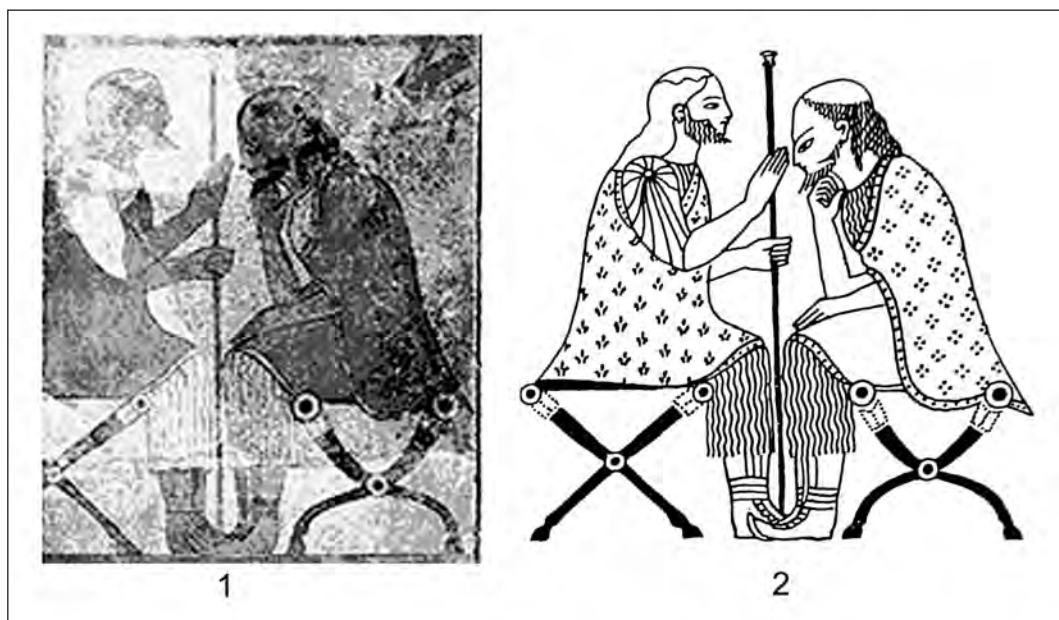

Рис. 16. Изображение крепежных элементов табуретов::

1. – полихромная терракотовая обшивка стен из собрания Лувра; 2. – прорисовка изображения (по Кес, 1981).

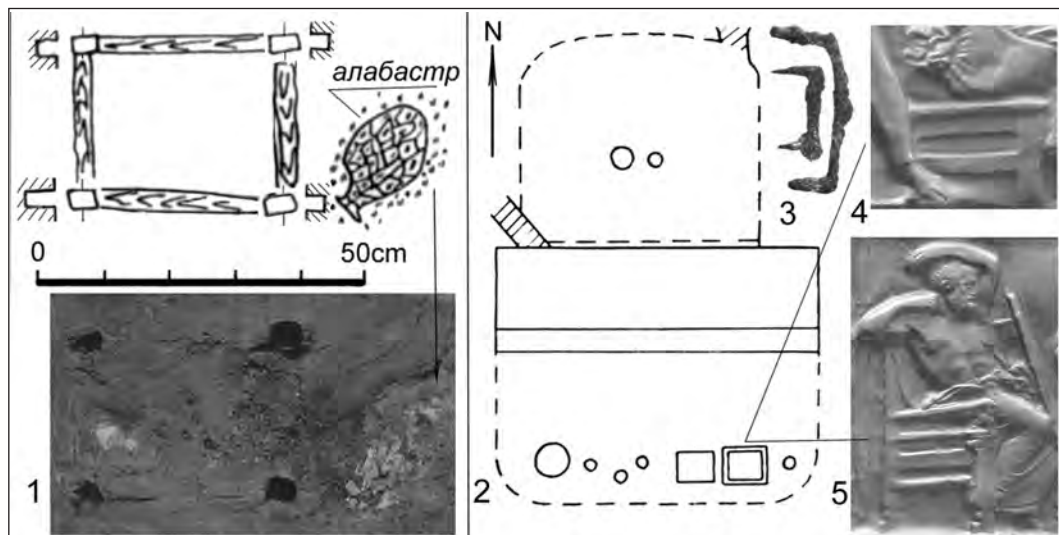

Рис. 17. Остатки табуретов в курганах:

1. – отпечатки табурета из кургана 13 у с. Великая Знаменка (прорисовка и фото); 2. – план центральной могилы кургана Солоха; 3. – железные скрепы (по Манцевич, 1987); 4-5. – варианты конструкции предмета мебели типа Солохской находки (на горите из Мелитопольского кургана).

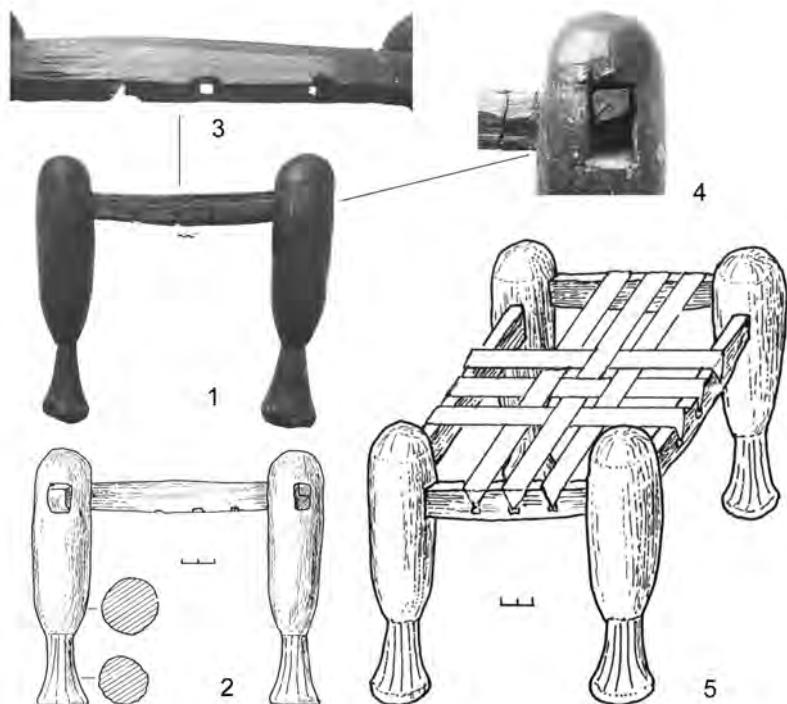

Рис. 19. Варианты конструкции и оформления деталей табуретов:

1. – древняя Македония (по: Ninou, 1979); 2-4 – современная Турция (фото Ю. Болтрика).

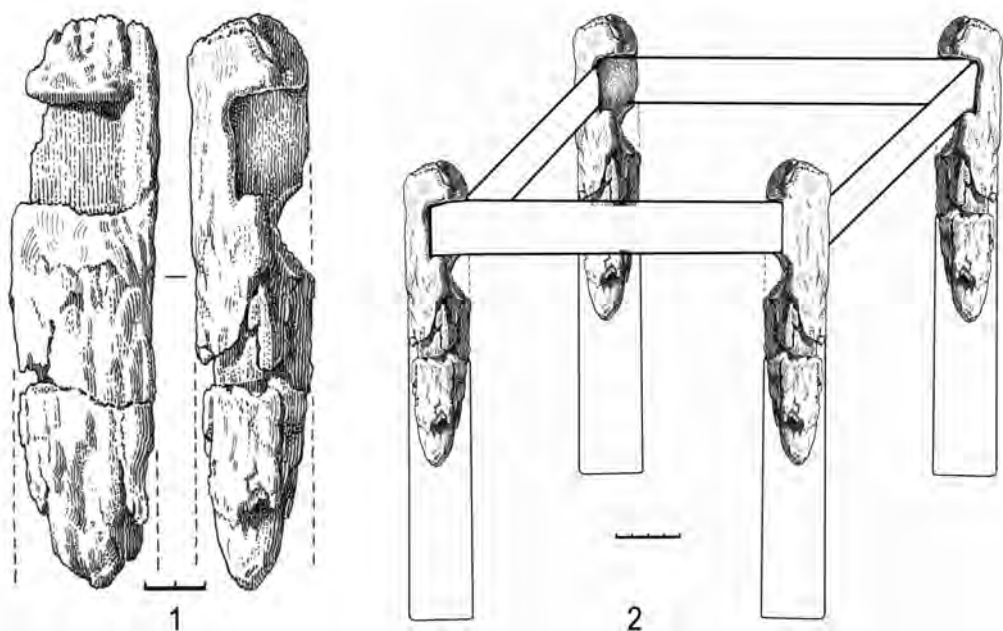

Рис. 20. Курган Вишневая Могила:

1. – деревянная ножка табурета; 2. - условная реконструкция.

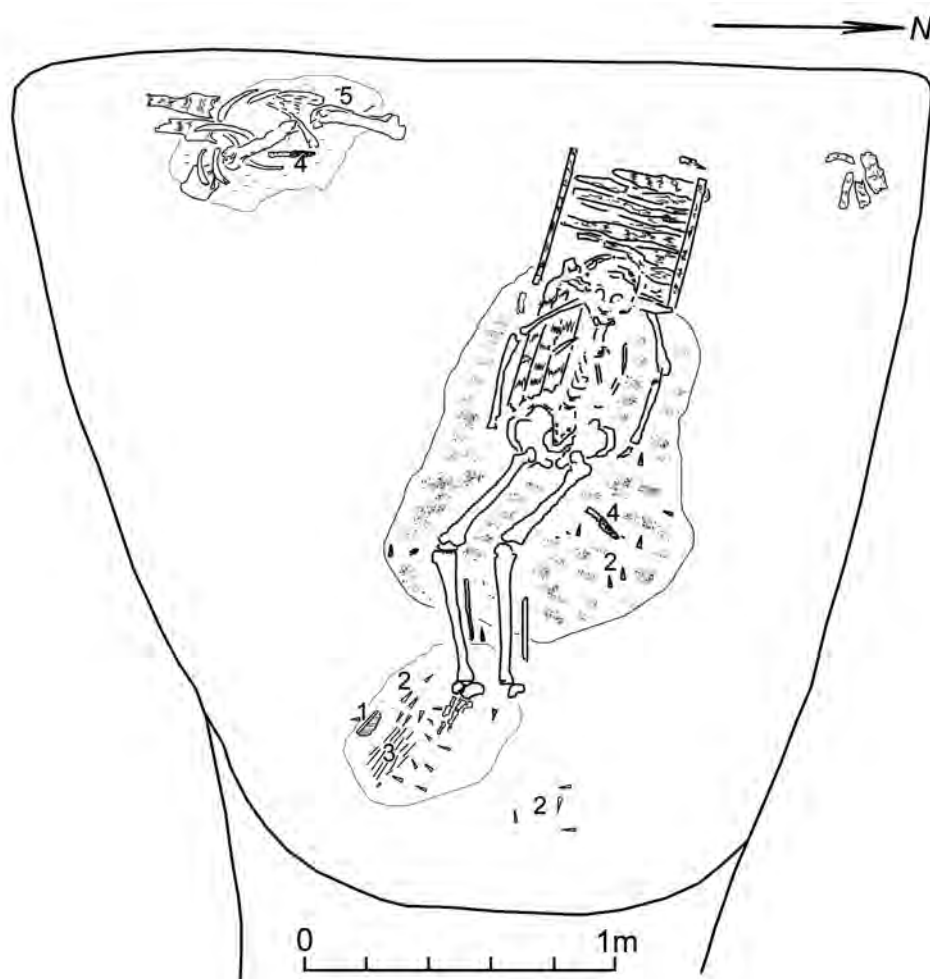

Рис. 21. Курган 14, погребение 2 в уроч. Носаки. План погребения (по: Бидзиля и др., 1977).

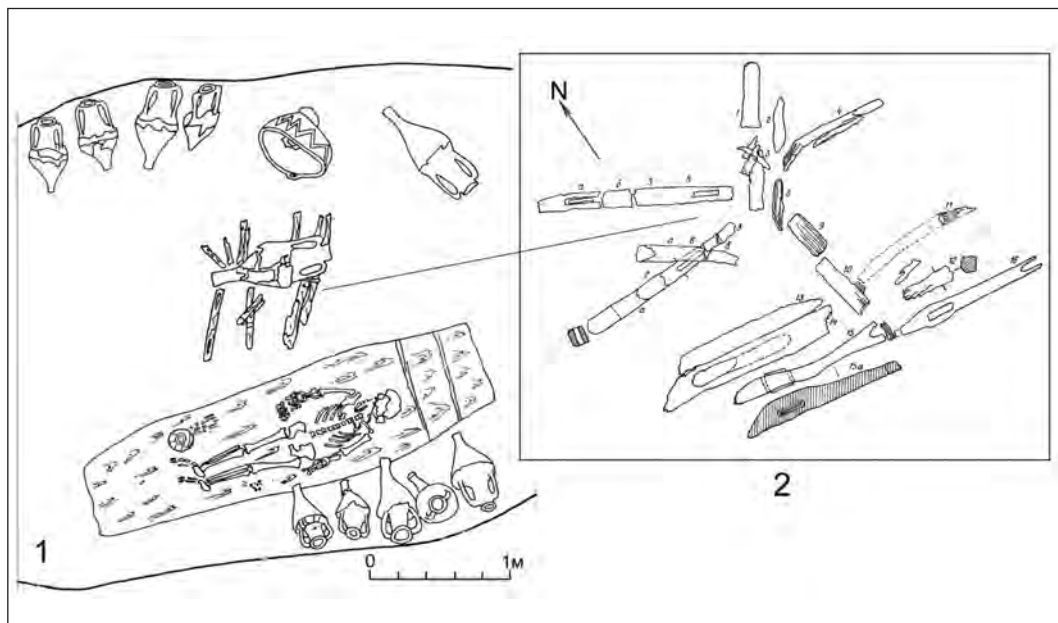

Рис. 22. Мелитопольский курган, могила 1:

1. - план центральной части погребальной камеры (по: Тереножкин, Мозоловский, 1988); 2. - развал деревянного предмета мебели.

Рис. 23. Изображение дополнительных аксессуаров для сидения на предметах мебели:

1. – надгробная стела (Варна); 2-3. – краснофигурные сосуды (Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина); 4. – краснофигурная фиала (Лувр).

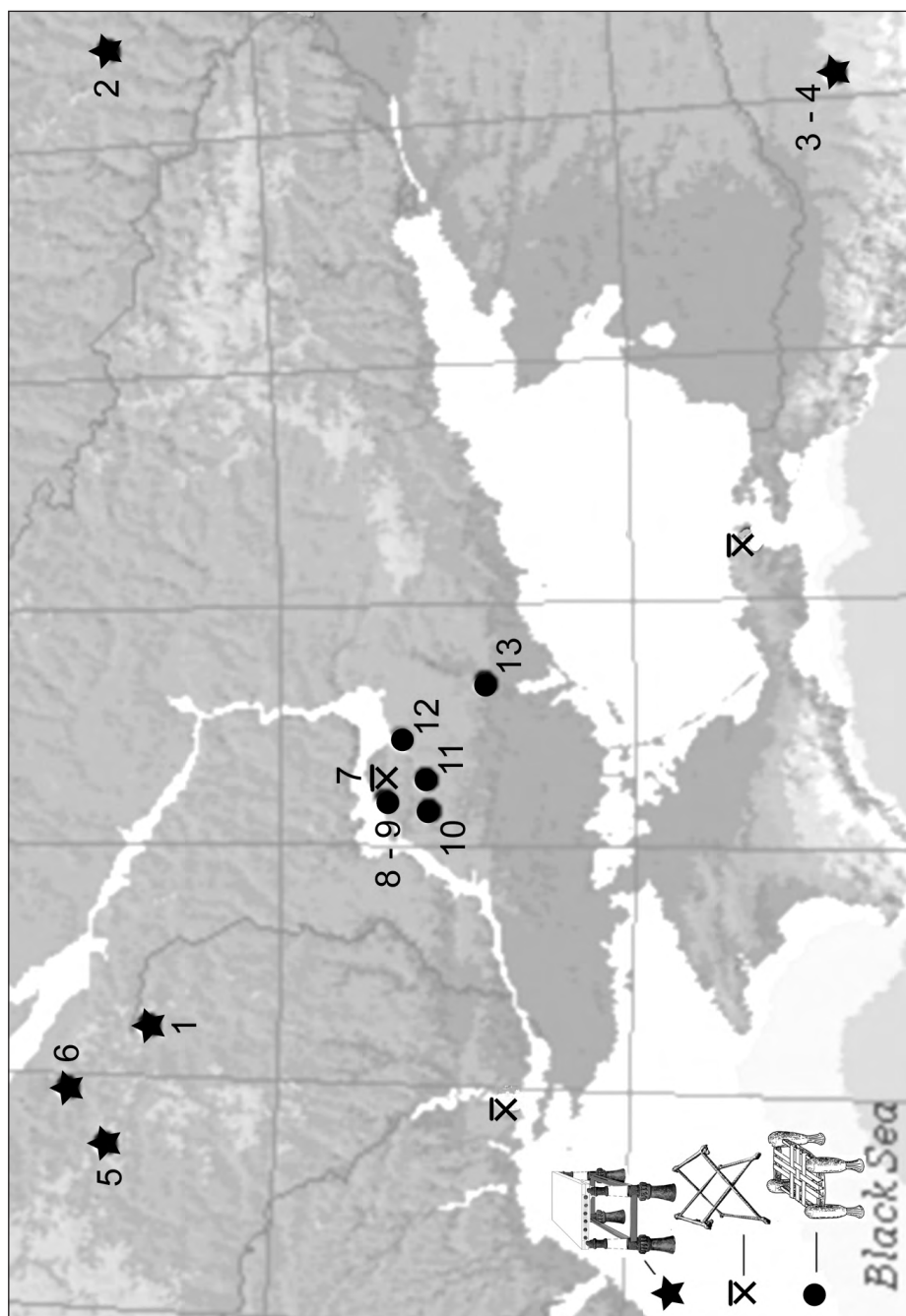

Рис. 24. Карта находок табуретов в погребальных комплексах степной полосы Восточной Европы:

1. – Литой курган; 2. – Криворожский курган; 3. – Келермес, курган 3/III; 4. – келермесские курганы; 5. – именная Верхняя Дарьевка, курган 2; 6. – уроч. Холодный Яр, курган 20; 7. – с. В.Знаменка, курган 1884; 8. – с. В.Знаменка, курган 13; 9. – с. Солоха; 10. – с. Залесное, курган 11; 11. – Вишневая Могила; 12. – уроч. Носаки, курган 14; 13. – Мелитопольский курган (номера на карте соответствуют порядковым номерам в таблице).

Л. А. ГОЛОФАСТ

ПРОСТАЯ ГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ЗОЛЬНИКА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ МИТРИДАТ В КЕРЧИ¹

В 2002 году экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины были проведены раскопки у подножия горы Митридат в Керчи. Площадь раскопа составила 150 кв. м, глубина 3 м от современной дневной поверхности. Появление нижеуказанной отметки грунтовых вод заставило прекратить исследование участка. В ходе раскопок был открыт сегмент зольника римского времени, в котором удалось проследить два стратиграфических горизонта [Голофаст, 2010].

Ядро нижнего зольника 1 образует преимущественно материал I в. н.э., причем около половины амфорного комплекса составляют светлоглиняные узкогорлые амфоры типа С IVA, по С. Внукову, второй четверти – конца I в. н.э. [Внуков, 2006, с. 167], при доминировании позднего варианта 2 60-х гг. – конца I в., и светлоглиняные псевдокосские середины I в. до н.э. – первой трети II в. н.э. (по 25% каждый). Наличие в нем некоторого количества более раннего материала (около 10%) объясняется, по всей видимости, его расположением у подножия горы, что могло привести к сползанию более ранних слоев со склона, хотя не исключено, что зольник 1 начал формироваться еще в позднеэллинистическое время. Судя по присутствию в зольнике некоторого количества светлоглиняных узкогорлых амфор типа С IVC, его формирование закончилось во второй четверти II в.

Ядро верхнего зольника 2 составляет преимущественно материал II в. н.э. Главное отличие состава амфорного комплекса зольника 2 от набора амфор из зольника 1 заключается в значительном преобладании в нем светлоглиняных узкогорлых амфор варианта С IVC второй четверти – конца II в. и наличии типов амфор, датирующихся концом II – первой половиной III вв., равномерно рассеянных по всей его толще. Формирование зольника закончилось, по видимому, около середины III в. В пользу этой даты говорят, с одной стороны, выявленные в зольнике монеты, самые поздние из которых относятся ко времени

¹ Предлагаемая статья продолжает серию публикаций результатов охранных раскопок под руководством А.И. Айбабина, которому автор глубоко признательна за предоставленную возможность публикации материала.

правления Рескупорида II (211-228 гг.) и Котиса III (227-233) или Савромата III (229-231 гг.)², а, с другой, отсутствие в нем т.н. амфор типа Делакеу (Зеест-100 [Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX,100]), появившихся в середине III в. [Абрамов, 1993, с. 49; Алексеева, 1995, с. 9-14; Шаров, 2005, с. 293].

Целью предлагаемой статьи является публикация простой гончарной керамики из обоих зольников.

НИЖНИЙ ЗОЛЬНИК (зольник 1)

Лутерии

Большие открытые сосуды хозяйственного назначения, лутерии или *mortaria*, являются существенным элементом материальной культуры провинций Римской империи, и их употребление считается одним из признаков романизированности, т.к. означает усвоение новых навыков приготовления пищи [Калашник, 1986, с. 45]. Вокруг вопроса о назначении этих сосудов долгое время велась полемика, отразившаяся в их названии у различных исследователей. Так, термин *mortarium* предполагает использование сосуда в качестве ступы, в которой можно было растирать не столько зерно, сколько вареные овощи и бобы. С этой целью внутренняя поверхность сосудов делалась шероховатой – при формовке она покрывалась крупнозернистым песком или кусочками кварца. Кроме того, в них можно было вымешивать тесто; во многих изданиях подчеркивается удобство применения этой посуды для приготовления творога: в такой сосуд можно было налить большую порцию молока, а широкий плоский слив позволял легко отцеживать сыворотку. Такое использование сосуда обусловило употребление рядом исследователей термина *pelvis* (таз). Большинство современных исследователей придерживается тезиса о многоцелевом использовании посуды этого типа: с шероховатой внутренней поверхностью – для растирания овощей, без нее – для приготовления творога [Калашник, 1986, с. 43-44].

Все лутерии из зольника I принадлежат к группе синопских. Судя по многочисленным находкам фрагментов подобных сосудов, в том числе пережженных, одна из мастерских по их производству находилась в районе Демирджи [Alary, Ballet, Kassab Tezgör, 2009]. «Синопские мортарии широко экспортировали, добавляя, по всей видимости, к грузу кораблей, на которых перевозили амфоры»³.

Все лутерии имеют округлые стенки, плавно переходящие в плоское дно без поддона или на невысоком сплошном поддоне (рис. 2, 1-2). Выделяется несколько разновидностей венчиков: подтреугольных очертаний (рис. 1, 1-2, 11), в форме сильно удлиненного овала (рис. 1, 3, 6, 9), уплощенные выпукло-вогнутые (рис. 1, 4, 7), сложной конфигурации (рис. 1, 5, 8, 10). Под венчиками часто имеется

² В статье «Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи» [Голофаст, 2010] ошибочно указаны монеты Рескупорида III (224-235) и Рескупорида IV (242-276), найденные при раскопках помещения 1.

³ Автор глубоко признателен Доминик Кассаб Тезгёр за подробную консультацию по данной группе керамики и разрешение использовать предоставленную информацию в публикации.

более или менее четкий желобок. Вдоль внутреннего края, как правило, идет желобок, реже валик или валик и желобок. На некоторых экземплярах на наружном крае бортика имеется несколько пальцевых вдавлений (рис. 1,3,7,8,10,11).

В Северном Причерноморье синопские лутерии аналогичной формы происходят из комплексов III-I вв. до н.э. [Tolstikov, Zhuravlev, 2004, p. 271, 275, πιν. 95,7; 98,9; Алексеева, 1997, с. 122-124, табл. 53,26-31; 56,16-19]. Похожие светлоглиняные лутерии характерны и для первых вв. н.э. Так, в Танаисе они происходят из слоя II в. н.э. [Арсеньева, Науменко, 1992, с. 18, 80, 81, рис. 77], в Горгиппии – из слоя 240 г. [Алексеева, 2002, с. 29, 30, рис. 5,17,18; 8,4; 9,25; 14,18; 15,17], в Tekija (Восточная Сербия) аналогичные сосуды датируют концом I – II вв. н.э. [Cermanović-Kuzmanović, Jovanović, 2004, s. 119, kat. 52-53]. Однако, по мнению Д. Кассаб Тезгёр, «в Демирджи (Demirci) их производили на протяжении всего периода производства там амфор, т.е. до VII в. включительно, хотя это предположение требует проверки. Причем форма лутериев не менялась веками» (личная консультация).

Кувшины

В зольнике 1 выявлены немногочисленные, в основном мелкие фрагменты кувшинов разных типов, представленных единичными экземплярами:

- фрагмент довольно большого сосуда с подтреугольным в сечении, вертикальным венчиком и слегка припухлым горлом, плавно переходящим в тулово. Уплощенная ручка с тремя глубокими желобками на внешней поверхности прикреплена непосредственно к венчику и верхней части тулова. У места изгиба, с боков – два пальцевых вдавления. Глина красная, плотная, хорошо отмученная, без видимых включений. Поверхность покрыта сероватым ангобом (рис. 2,10);

- фрагмент горла кувшинчика с двухчастным венчиком и желобком на внутренней поверхности на уровне нижнего ребра. Глина светло-красная, с пироксеном (рис. 2,3).

Остальные кувшины сделаны из красной разных оттенков хорошо отмученной глины, без видимых включений (рис. 4,4-6):

- два мелких фрагмента венчиков с уплощенной ручкой с профилированной внешней поверхностью (рис. 2,7-8), возможно, принадлежали кувшинам с воронковидным горлом;

- фрагмент венчика с прикрепленной к нему двуствольной ручкой с двумя округлыми налепами на верхнем изгибе (рис. 2,9).

Несколько выявленных в зольнике 1 крученых ручек диаметром 2,2-3,5 см (рис. 4,11,13-14) и одна рубчатая (рис. 4,12) также могли принадлежать кувшинам. Кувшины с подобными ручками были выявлены в комплексе 8 последней четверти III в. до н.э. из подводных исследований Патрея [Абрамов, Сазонов, 1999, с. 155-156, табл. XI,13-15], в Пантикапее в комплексе конца II – первой половины I вв. до н.э. [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 294, табл. 10,1,3-4; 15,1], в Артюховском кургане, датирующемся серединой II в. до н.э. [Максимова,

1979, табл. II], в помещении А «дома Хрисалиска» второй половины I в. до н.э. [Сокольский, 1976, рис. 53,1]. Кувшин с массивной крученой ручкой был найден в Горгиппии при раскопках гончарной мастерской, погибшей в I в. до н.э. [Кругликова, 1962, с. 221, рис. 3,11]. Перечисленные комплексы позволяют говорить о бытовании кувшинов с кручеными ручками с III в. до н.э. Рубчатые ручки характерны и для более позднего времени. Так, в более позднем верхнем зольнике они представлены в довольно большом количестве.

Бальзамарии

Найдено три фрагмента бальзамариев с высоким цилиндрическим, слегка расширяющимся в верхней части горлом. Край венчика оформлен в форме треугольного в сечении выступа (рис. 3,1-3). Глина красно-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с редкими белыми включениями. Сосуды с такими горлами имели флаконы с яйцевидным туловом и высокой узкой ножкой. Они были широко распространены во всем греческом мире [Robinson, 1959, p. 2, fig. 48], в том числе и в Северном Причерноморье. В качестве предполагаемого центра производства таких сосудов в регионе называют Боспор. На некрополе Золотое подобные сосуды выявлены в погребениях II-I вв. до н.э. [Корпусова, 1983, с. 53, рис. 13,4, табл. V,6; XXIII,4,5; XXXVIII,9]. Один из них найден в погребении 15 I в. до н.э. в Танаисе [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 140, табл. 57,704]. Их находили в Пантикапее в слоях II в. до н.э. [Кругликова, 1957, с. 125-127, рис. 7,1] и конца II – первой половины I вв. до н.э. [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 294, табл. 9,3-12], в Артюховском кургане, датирующемся серединой II в. до н.э. [Максимова, 1979, табл. III], в «доме Хрисалиска» второй половины I в. до н.э. [Сокольский, 1976, рис. 54], в склепе II в. до н.э. на некрополе Калос Лимена [Кутайсов, 2011, с. 23, 28, рис. 72,14; 104,20] и т.д. Самый ранний экземпляр подобного бальзамария, покрытого тусклым лаком коричневого оттенка, происходит из колодца К-4, открытого в Северо-Восточном районе Херсонеса, засыпанном на рубеже IV/III – первой четверти III вв. до н.э. [Стоянов, 2007, с. 257, рис. 7,1].

Сосуд с высоким цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком с вертикальным заостренным краем и небольшим ребром у основания горла (рис. 3,4) выполнен из светло-красной, хорошо отмученной глины, без видимых включений. Похожую форму имели краснолаковые кувшины с биконическим корпусом и кольцевым поддоном, хорошо известные по находкам второй половины I – начала II вв. н.э. в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма (Неаполь, Бельбек IV, Херсонес) и производившиеся, по всей видимости, в Херсонесе [Сымонович, 1983, табл. V,9; Гущина, 1974, с. 35, рис. XIII,35; 1982, с. 21, тип II; Зубарь, 1982, с. 70, рис. 45,7; Пыздровский, 2004, с. 290, рис. 2,1].

Кухонные сосуды

В зольнике 1 был представлен довольно обширный и разнообразный набор кухонной посуды, типология которой была разработана И.Б. Зеест [1957], и с тех пор никак не уточнялась и не пополнялась.

Тонкостенные кастрюли

Выявлено значительное количество фрагментов тонкостенных кастрюль, среди которых можно выделить несколько разновидностей.

Кастрюли с почти горизонтально отогнутым, иногда утолщающимся к внешнему краю бортиком с плоско срезанной верхней поверхностью (рис. 3,15-19). Верхняя часть гладкого тулова либо слегка расширяется книзу, либо имеет почти цилиндрическую форму. Судя по немногочисленным лучше сохранившимся фрагментам, кастрюли с расширяющейся книзу верхней частью тулова имели биконическую форму с острым ребром в месте перехода от верхней к нижней части тулова. Уплощенные, подовальные в сечении или уплощенные, с продольными желобками на внешней поверхности ручки верхним прилепом крепились непосредственно под бортиком, к его нижней поверхности, нижним – к средней части тулова. Данная форма кастрюль бытовала на протяжении довольно длительного периода времени. Биконические круглодонные кастрюли с широким, почти горизонтально отогнутым бортиком, иногда с выемкой-закраиной для крышки известны по раскопкам слоев IV-II вв. до н.э. на хоре Херсонеса [Стржелецкий, 1961, с. 107, рис. 113; 114; Ковалевская, 2005, с. 265, рис. 4,7] и в Пантикапее, где считаются местной продукцией [Гайдукевич, 1952, с. 201, рис. 112; Tolstikov, Zhuravlev, 2004, p. 271, пив. 95,8; 98,8,11,13,14]. Похожие кастрюли известны также по раскопкам слоев IV-III вв. до н.э. на Афинской агоре [Miller, 1983, fig. 6,54]. Отличаются от более поздних экземпляров горизонтальными круглыми в сечении ручками.

Ряд кастрюль имели легкую вогнутость для крышки на верхней поверхности венчика и небольшое ребро вдоль внутреннего края (рис. 3,5-14). Внешний край венчика утолщен, имеет округлые очертания и часто загнут вверх. Диаметр венчика колеблется от 16,0 до 25,0 см. Тулово подобных кастрюль, иногда с горизонтальной желобчатостью, имеет либо сферическую, либо биконическую форму. Биконические тонкостенные кастрюли с отогнутым наружу бортиком и ребром вдоль внутреннего края известны еще с IV в. до н.э. [Кутайсов, 2011, с. 31, рис. 110,14-20,27; Стоянов, 2007, с. 262, 275, рис. 10,2; 18,1-4]. Кастрюли с такой формой венчика обычно датируют довольно широко – с I по IV вв. [Cermanović-Kuzmanović, Jovanović, 2004, s. 134, тип II/21, kat. 52-53]. Однако на Дунайском лимесе они встречаются, в основном, в слоях I-II вв. [Cermanović-Kuzmanović, Jovanović, 2004, s. 134]. Находки подобных кастрюль известны по раскопкам в Мирмекии, где они происходят из слоев I-II вв. [Гайдукевич, 1952, с. 158, рис. 41], Балаклаве [Кленина, 2000, с. 134, 137, рис. 27,1,3], Херсонесе и на его хоре, где датируются II-III вв. н.э. [Золотарев, Коробков, Ушаков, 1997, с. 17, рис. 7,1-4; Ковалевская, 1998, с. 96, рис. 3; Кленина, 2004, с. 75-77, рис. 28-29; Созник, 2005, с. 246-247, рис. 6,1,3,5-9], в Юго-Западном Крыму [Высотская, 1972, с. 134, рис. 40,2-3], среди материалов II в. из Керчи [Журавлев, Ломтадзе, 1999, с. 101, рис. 5,35,36,38,39], в Танаисе, где также происходят из слоев II-III вв. [Арсеньева, Шелов, 1974, табл. XII,2,3,5; Арсеньева, Науменко, 1992, с. 31-32,

43, рис. 61,4,6; 1993, с. 76, рис. 24,1,2,3]; на Козырском городище [Бураков, 1976, с. 83, рис. VII,7-9]; в Ольвии, где они встречаются среди материалов первых веков н.э. [Крапивина, 1993, рис. 33,8]; на Афинской агоре подобные кастрюли выявлены в комплексе вещей II – начала III вв. [Robinson, 1959, p. 56, 67, tabl. 2,57; 14,K93,K95,K96]. По мнению Дж. Хейса, такие кастрюли производились в одном или двух центрах бассейна Эгейского моря и датируются второй половиной II – первой половиной III вв. [Hayes, 1983, p. 105].

Помимо рассмотренных выше сосудов, в зольнике выявлены тонкостенные горшки с простым непрофилированным плавно или резко отогнутым наружу венчиком и уплощенными ручками, которые крепились так же, как и у выше рассмотренных сосудов – либо непосредственно к отогнутому венчику, либо под ним. Некоторые имеют реберчатое тулово (рис. 4,1-10). Судя по закопченной поверхности, эти сосуды также выполняли функции кастрюль.

Ручки

В зольнике 1 найдено большое количество ручек разных форм и размеров, однако преобладали уплощенные, с профилировкой на внешней поверхности. Встречаются также редкие экземпляры овальных в сечении, с гладкой или профилированной внешней поверхностью.

Сковороды

В зольнике 1 выявлен довольно значительный набор сковород. Все они имеют плоское дно, как правило, резко переходящее в слегка отогнутые стенки. На некоторых экземплярах с внешней стороны венчика имеется горизонтальный валикообразный длинный налп с пальцевыми вдавлениями. Диаметр верхней части сковородок варьируется от 20-22 до 34-36 см. Среди них можно выделить несколько разновидностей:

– внешняя поверхность стенок слегка вогнута, внутренняя – прямая или слегка выпуклая. Венчик представляет собой простое утолщение стенки, край выпуклый (рис. 5,1-4). Сковорода похожей формы происходит из слоя II-III вв. на Козырском городище [Бураков, 1976, 84, табл. VII,13]. На Афинской агоре аналогичные сковороды выявлены в слое I – начала II вв. н.э. [Robinson, 1959, p. 33, tabl. 7,114,115; 72,113];

– стенки, прямые с наружной стороны и слегка вогнутые внутри, переходят в слегка утолщающийся вертикальный венчик со скошенной внутрь плоской верхней поверхностью (рис. 5,5-6). Похожие сковороды выявлены в насыпи начала I в. н.э. на городище Артезиан [Винокуров, 1999, рис. 5,3];

– стенки почти вертикальные, прямые или слегка выпуклые с наружной стороны и слегка вогнутые или прямые с внутренней. Массивный валикообразный или подтреугольного сечения венчик горизонтально отогнут. Под венчиком с наружной стороны имеется более или менее четко выраженная вогнутость (рис. 5,7-9). Похожие сковороды известны по раскопкам в Мирмекии, где происходят из слоев I-II вв. [Гайдукевич, 1952, с. 162, рис. 49,2,3];

– сковороды с небольшим подтреугольным в сечении венчиком, часто с желобками на верхней горизонтальной поверхности. Под венчиком – хорошо читающийся широкий желобок (рис. 5,10-11);

– округлые стенки, переходящие в слегка утолщающийся венчик с более или менее четко выраженной закраиной для крышки вдоль внутреннего края (рис. 5,13-17). Похожие сковороды известны по раскопкам в Мирмекии, где происходят из слоев I-II вв. [Гайдукевич, 1952, с. 162, рис. 49,1]; на Афинской агоре точная аналогия происходит из слоя второй половины II в. [Robinson, 1959, p. 93, pl. 72, M100];

– сковороды с горизонтально отогнутым венчиком подтреугольного сечения, с ребром вдоль внутреннего края для крышки (рис. 5,18; 6,1-2). Аналогичные сковороды происходят из подвала II в. н.э. усадьбы 15 из Танаиса [Арсеньева, Науменко, 1992, с. 53, рис. 70,1] и из слоя I-II вв. в Пантикапее. И.Б. Зеест датировала их временем не позднее II в. н.э. [1957, с. 149].

Помимо перечисленных типов, имеются и другие разновидности сковородок (рис. 6,3-7).

Крышки

Практически все крышки, найденные в зольнике 1, имеют форму усеченного, более или менее расплющенного конуса с трапециевидным набалдашником-ручкой с плоской верхней поверхностью, на которой хорошо заметны следы снятия нитью с гончарного круга. В результате этого действия с одной стороны ручки образовывался как бы наплыв, хорошо видимый на всех экземплярах (рис. 6,9-19). Подобные крышки бытовали на протяжении довольно длительного отрезка времени. Так, в Пантикапее самый ранний экземпляр происходит из слоя конца VI – начала V вв. до н.э. [Кругликова, 1957, с. 115, рис. 3,11-17]; похожие крышки были обнаружены среди остатков тризны последней четверти IV в. до н.э. на некрополе сельского поселения близ Мирмекии [Зинько, 2003, с. 195-197, рис. 26,3], а также в комплексе III в. до н.э. на Фанталовском полуострове [Кац, Кузнецова, Монахов, 2005, с. 116, рис. 3,2-3]. Их многочисленные фрагменты встречаются при раскопках слоев конца I – III вв. н.э. в Танаисе [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 164, табл. XXXV,2; Арсеньева, Науменко, 1992, с. 18, 32, 64, рис. 71,3,6; 1993, рис. 25,3; Naumenko, 2005, s. 121, abb. 22,3-6], в слое пожара 240 г. в Горгииппии [Алексеева, 2002, с. 29, рис. 5,14; 7,1]. В Tekija аналогичные крышки происходят из слоя II в. н.э. [Cermanović-Kuzmanoivić, Jovanović, 2004, s. 177-178, kat. 5-8]. В Singidunum и Karataš-Diana их находят в слоях III-IV вв. [Nikolić-Dordevic, 2000, p. 154-155, type VIII/3; Jevremović, 1987, p. 65, t. XIV, type V/7], в Нижней Паннонии их обычно датируют II-IV вв. [Brukner, 1981, p. 111, type 9, t. 131/24,28]. Встречаются крышки аналогичной формы и в византийских слоях. Так, в Saldum на Дунае две аналогичные крышки были обнаружены в слое VI в. [Jeremić, 2009, p. 118, fig. 60,343-344]. К этому же времени относится значительное число фрагментов подобных крышек, выявленных в Sadovec [Uenze, 1992, p. 216, type 2, t. 108/11-20].

Лишь одна крышка имеет фигурную кнопковидную ручку и округлые стенки (рис. 6,8). Подобные крышки считаются продукцией боспорских мастерских и датируются III-II вв. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с. 201, рис. 113; Tolstikov, Zhuravlev, 2004, т. 94,18; Кац, Кузнецова, Монахов, 2005, с. 116, рис. 3,1]. Однако самый ранний комплекс, содержащий подобную крышку, датируется последней четвертью IV в. до н.э. [Кутайсов, 2011, с. 31, рис. 110,31]. Они выявлены также в комплексе конца III – 80-х гг. II вв. до н.э. на усадьбе 106 хоры Херсонеса [Ковалевская, 2005, с. 265, рис. 4,6], в Горгиппии в колодце, засыпанном в ходе нивелировки первых вв. н.э. [Алексеева, 1997, с. 124, табл. 56,25; 57,27], в водосборной цистерне, открытой в ХСVI квартале Херсонеса и засыпанной не ранее конца IV – начала V вв. н.э., хотя там содержится довольно большой процент более раннего материала, включая эллинистический [Золотарев, Коробков, Ушаков, 1997, рис. 7,37].

ВЕРХНИЙ ЗОЛЬНИК (зольник 2)

Лутерии

По сравнению с зольником 1 в зольнике 2 выявлено значительно меньшее количество фрагментов лутериев. Наряду с венчиками, аналогичными найденным в нижнем зольнике (рис. 7; 8,1), здесь были найдены фрагменты лутериев той же синопской группы, но значительно более массивные и более простых очертаний (рис. 8,2-6; 9,1-2). Фрагмент синопского лутерия, аналогичного изображенному на рис. 9,3, найден в яме II в., открытой на акрополе Пантикапея [Журавлев, Ломтадзе, 1999, с. 101, рис. 7,34]. Кроме того, в зольнике был найден фрагмент лутерия с широким отогнутым бортиком с горизонтальной плоской поверхностью, выполненный из красно-оранжевой глины с включением частиц слюды и песка (рис. 9,3). Похожие лутерии найдены на Козырском городище [Бураков, 1976, с. 84, табл. XII,12,15].

Кувшины

В верхнем зольнике среди множества фрагментов кувшинов выделяются несколько разновидностей:

– кувшины с расширяющимся кверху горлом, с нависающим венчиком сложной конфигурации. Иногда горло имеет мелкореберчатую поверхность. Диаметр венчиков варьирует от 5,3 до 12,0 см. Ручки уплощенные, с профилировкой на наружной поверхности (рис. 10,1-8). Находки аналогичных сосудов известны по раскопкам в Горгиппии в слое пожара 240 г. [Алексеева, 1997, табл. 157,34; 2002, рис. 10,1]; в Пантикапее аналогичные, покрытые белым ангобом кувшины происходят из цистерны с засыпью середины II – III вв. [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2005, с. 347, рис. 14,2,3,7,8], на городище Золотое-берег – из слоя разрушения помещений III в. [Винокуров, 1998, рис. 24,28,29], в Танаисе кувшины с аналогичным венчиком происходят из слоя пожара 40-х гг. III в. [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 161, табл. XXXI,3];

– кувшины с расширяющимся кверху горлом, с двуступенчатым венчиком с плоской верхней поверхностью. Диаметр венчиков колеблется от 7 до 10 см (рис. 10,9-12). Похожую форму венчика имел кувшин, выявленный в комплексе середины III в. н.э. из Патрея [Левин, 1994, с. 69, табл. 8,500];

– кувшины со сферическим туловом, плавно переходящим в резко суживающееся кверху горло, в свою очередь резко переходящее в воронку. Уплощенные ручки крепятся верхним прилепом чуть ниже наибольшего сужения, нижним – на плечиках. В зольнике 2 выявлено два фрагмента подобных кувшинов (рис. 10,13-14). Венчики на обоих экземплярах не сохранились, воронка одного декорирована горизонтальными желобками, горло другого имеет реберчатую поверхность;

– кувшины с цилиндрическим или слегка раздутым горлом, с небольшим, горизонтально отогнутым венчиком со слегка вогнутой верхней поверхностью. Ручки уплощенные. Некоторые экземпляры имеют легкую желобчатость на горле (рис. 11,1-5). Диаметр венчиков колеблется от 5,5 до 8,5 см. Они очень похожи на венчики кувшинов, обнаруженных в слое конца I – середины II вв. н.э. в Танаисе [Naumenko, 2005, s. 121, abb. 22,2] и в цистерне с засыпью середины II – III вв. в Пантикапее [Голстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2005, рис. 13,9], хотя танаисский и пантикапейский экземпляры, судя по рисунку, имеют значительно более массивные стенки;

– к одному типу, возможно, относятся два фрагмента слегка раздутых горл с небольшим отогнутым венчиком и широкой уплощенной ручкой (рис. 11,7-8).

Возможно, к кувшинам относится множество выявленных в зольнике мелких фрагментов горл с небольшими венчиками разнообразной формы (рис. 11,6,9-15).

К разряду крупных кувшинов относятся сосуды с раздутым горлом, клювовидным венчиком и уплощенной выпукло-вогнутой ручкой с желобком на наружной поверхности (рис. 12,3-4) и сосуд с узким горлом с небольшим треугольным в сечении венчиком и плоско-выпуклой ручкой с профилировкой на внешней поверхности (рис. 12,6).

Фрагмент горла биконической формы также, по-видимому, принадлежал кувшину (рис. 9,8). Аналогичная форма горла встречается у краснолаковых кувшинов II-III вв. Возможно, рассматриваемый фрагмент относится к тому же времени [Храпунов, Власов, Смокотина, Шапцев, 2009, с. 25, рис. 56,4]. Красноглиняные кувшинчики с аналогичным горлом встречаются в слое пожара первой половины III в. в Танаисе [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 143, табл. XVIII,5; Арсеньева, Наumenko, 1992, рис. 59,5].

В яме, выявленной в центре квадрата 1 на уровне 4 штыка, с заполнением, не отличающимся по составу керамики от верхнего зольника, найден фрагмент фляги с плосковыпуклым в сечении и круглым в плане туловом, петлевидными, овальными в сечении ручками и цилиндрическим горлом (рис. 12,5).

Ойнохои

В зольнике 2 было найдено несколько фрагментов горл ойнохой, сделанных из красной разных оттенков, хорошо отмученной глины, без видимых включений (рис. 12,7-11). В Пантикапее, где они, возможно, производились, ойнохои с горлом, аналогичным изображенным на рис. 12,10-11, обнаружены в цистерне с засыпью середины II – III вв. [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2005, с. 348, рис. 13,1] и в яме с заполнением конца I – первой половины II вв. н.э. [Журавлев, Ломтадзе, 2005, с. 289, рис. 7,6]. Такие же сосуды известны по раскопкам в Танаисе, где происходят из слоя пожара III в. [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 143, табл. XVIII,7; Арсеньева, Науменко, 1992, с. 96-97, рис. 73,2; 74,3], и в Горгииппии, где они также характерны для слоев III в. н.э. [Алексеева, 1997, табл. 213,20; 2002, с. 29, рис. 10,2]. Фрагменты аналогичных сосудов выявлены в комплексе керамики из раскопок круглой башни на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса, предположительно датируемом II-III вв. н.э. [Созник, 2005, с. 247, рис. 6,2].

Открытые светильники-плошки

Высокие конические ножки от открытых светильников-плошек или от кубков из светло-розовой глины (рис. 9,5-6) аналогичны фрагментам, происходящим из слоя пожара середины III в. н.э. из раскопок в Танаисе [Арсеньева, Науменко, 1992, с. 18, 66-67, рис. 73,1,3-5], из ямы с заполнением конца I – первой половины II вв. н.э. и из цистерны с засыпью середины II – III вв. в Пантикапее [Журавлев, Ломтадзе, 2005, с. 289, рис. 7,1; Забелина, 1992, табл. VIII,13; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2005, с. 348, рис. 14,1].

Кухонные сосуды

Кухонная посуда в зольнике 2 представлена обширным набором кастрюль и сковородок.

Кастрюли

Выявлено довольно значительное количество фрагментов тонкостенных кастрюль с почти горизонтально отогнутым венчиком либо с плоской верхней поверхностью, либо с закраиной для крышки в виде вогнутости на верхней поверхности (рис. 13,1-11,13). Уплощенные ручки, иногда со слабой профилировкой на внешней поверхности, верхним прилепом прикреплены либо непосредственно к венчику, либо, чаще, под ним. Судя по фрагментам с сохранившейся значительной частью тулова, большая часть кастрюль имела биконическое тулово с округлой нижней частью. Подобные сосуды были широко распространены в Северном Причерноморье во II-III вв. н.э. [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 135, табл. XII,2,3; Арсеньева, Науменко, 1993, с. 76, рис. 24,1; Журавлев, Ломтадзе, 1999, с. 101, рис. 5,35,36; Алексеева, 2002, рис. 12,11].

Изредка встречаются сосуды с загнутым вверх краем, которые более характерны для зольника 1 (рис. 13,15-16). Следует отметить отсутствие ребра-закраины для крышки вдоль внутреннего края бортика, которое было характерно

для более ранних экземпляров сосудов этого рода. Таким образом, на примере обоих зольников можно проследить, как с течением времени четко выраженные закраины, характерные для эллинистических кастрюль, деградируют до небольшого выступа-закраины в I-II вв. н.э. и, по всей видимости, к III в. н.э. исчезают полностью.

Кастрюли подобной формы были широко распространены по всему Средиземноморско-Причерноморскому региону [Кадеев, 1970, с. 84; Крапивина 1993, с. 101-102; Арсеньева, Науменко, 1993, с. 76; Robinson 1959, p. 67, 56; Abadie-Reynal, Sodini, 1992, p. 37; Riley, 1983, p. 261, 264-265 etc.].

Редкими экземплярами представлены в зольнике 2 горшкообразные сосуды, которые также часто называют кастрюлями, но которые отличаются от последних значительно менее отогнутым (приблизительно на 45 градусов) венчиком с закраиной для крышки (рис. 13,12,14,17,19-21). В Танаисе одноручные сосуды с плоским дном и похожим, но более простым по профилировке венчиком выявлены в слое пожара III в. [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 143, табл. XVIII,4,6].

Выявлены также фрагменты сосудов (кастрюль?) нетипичной формы. Сосуды с округлыми и почти прямыми стенками, суживающимися кверху и книзу, и горизонтальным загнутым вовнутрь венчиком подпрямоугольной формы с горизонтальными верхней и нижней поверхностями (рис. 13,22-23). Редкие экземпляры кастрюль с загнутым вовнутрь венчиком с разной профилировкой на верхней поверхности выявлены в Tekija (Восточная Сербия) (типы II/1,2), где датируются I-II вв. н.э. [Cermanović-Kuzmanoivić, Jovanović, 2004, s. 129, kat. 1-4].

Сковороды

Набор сковород из зольника 2 в какой-то мере повторяет набор подобных сосудов из зольника 1 (рис. 14,1-7), в том числе с прямыми с наружной стороны и слегка вогнутыми внутри стенками, переходящими в слегка утолщающийся загнутый вовнутрь венчик (рис. 14,5-6), и сковороды с почти вертикальными, прямыми стенками и массивным, прямоугольным в сечении венчиком, под которым с наружной стороны имеется более или менее четко выраженная вогнутость (рис. 14,7). Многочисленными экземплярами представлены также сковороды с закраиной для крышки (рис. 14,8-14).

В зольнике 2 появляются и новые типы сковород, среди которых сосуды с почти вертикальными стенками и с а) подтреугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью (рис. 14,15,17) и б) с широким горизонтально отогнутым бортиком (рис. 14,16,18), иногда с ребром-закраиной вдоль внутреннего края и желобком под бортиком (рис. 14,20). Сковороды описанных типов часты в поздних слоях Пантикапея и неоднократно встречаются на уровне жилых домов III в. н.э. и в более поздних слоях [Зеест, 1957, с. 150, рис. 4,3-4]. Так, близкие аналогии сковороде, изображенной на рис. 14,20, происходят из цистерны с засыпью середины II – III вв. [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2005, рис. 15,5] и из слоя I-II вв. [Зеест, 1957, с. 149, рис. 4,2]. Еще одна похожая

сковорода происходит из слоя II в. в Танаисе [Арсеньева, Науменко, 1992, с. 18, 53, рис. 70,1].

Кроме вышеописанных, выявлены и другие разновидности сковород, представленные в зольнике 2 единичными экземплярами (рис. 14,19,21-22).

Найдено также несколько фрагментов ручек сковород, которые крепились к краю сосуда. Ручки имеют вид стержня с винтообразным рифлением и глубоким узким отверстием с одной стороны, в которое, возможно, вставлялась деревянная ручка. Обломки ручек такого типа известны по раскопкам в Мирмекии и Пантикапее, где они происходят из слоев I-II вв. н.э. [Зеест, 1957, с. 149-150, рис. 4,1; Гайдукевич, 1952, с. 169, рис. 62].

Ручки

В зольнике 2 найдено большое количество ручек разных форм и размеров, однако, как и в зольнике 1, преобладали уплощенные, разных размеров, с профилировкой на внешней поверхности. Встречаются также редкие экземпляры овальных в сечении, с гладкой или профилированной внешней поверхностью. Единичными экземплярами представлены ручки других профилей.

Кроме того, найдено несколько крученых ручек, диаметр которых колеблется от 2,2 до 3,2 см (рис. 15,1-3). К ним примыкает единственный выявленный в зольнике экземпляр двуствольной ручки, составленной из двух крученых (рис. 15,4).

Крышки

Все выявленные в зольнике 2 крышки имеют ту же форму усеченного конуса с трапезиевидной набалдашником-ручкой с плоской верхней поверхностью (рис. 15,5-11,13-15), что и крышки из зольника 1. Лишь одна крышка имеет полную ручку с конусообразным углублением (рис. 15,12). Крышка, аналогичная последней, найдена в комплексе III в. до н.э. на Фанталовском полуострове [Кац, Кузнецова, Монахов, 2005, с. 116, рис. 3,4-5].

Как уже отмечалось, подобные крышки бытовали в течение довольно продолжительного времени. В Пантикапее самый ранний экземпляр происходит из слоя конца VI – начала V вв. до н.э. [Кругликова, 1957, с. 115, рис. 3,11-17], в Танаисе они происходят из слоев II-III вв. [Арсеньева, Науменко, 1992, с. 18, 32, 64, рис. 71,3,6]. Крышки такой же формы встречаются и в византийских слоях.

Сравнивая ассортимент простой гончарной керамики из зольников, можно сделать вывод, что наборы форм лутериев и кухонной посуды практически не отличаются, что свидетельствует о консерватизме этих групп керамики, формы которой не менялись на протяжении столетий. Что же касается ассортимента кувшинов, то в верхнем, более позднем, зольнике 2 появляются новые формы, которые иногда повторяют формы краснолаковой посуды.

К сожалению, простая гончарная керамика почти не привлекала внимание исследователей: ее редко публиковали, а ее типология и хронология практически не разработаны, что создает определенные трудности при поиске аналогий и датировке сосудов. Лишь в последнее время стали появляться работы,

в которых эта группа керамики публикуется в составе различных комплексов. Опубликованный материал должен несколько расширить представление об ее ассортименте и помочь в дальнейшей разработке ее типологии и хронологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БСб. 1993. Вып. 3.
- Абрамов А.П., Сазонов Ю.С. Керамика трех подводных комплексов Патрея // БСб. 1992. Вып. 1.
- Алексеева Е.М. Виноделие Горгиипии // БСб. 1995. Вып. 6.
- Алексеева Е.М. Античный город Горгиипия. М., 1997.
- Алексеева Е.А. Центральная часть Горгиипии в первые века нашей эры // ДБ. 2002. Вып. 5.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. М., 2001.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок из подвала МБ II-III вв.н.э. // Вестник Танаиса. Ростов-на-Дону, 1993. Вып. 1.
- Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964-1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Вып. I.
- Бураков А.В. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев, 1976.
- Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.
- Винокуров Н.И. Раскопки городища Артезиан в 1997-1998 гг. (Исследование северо-западного участка раскопа 1) // ДБ. 1999. Вып. 2.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. М., 2006.
- Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-западном Крыму. Киев, 1972.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Голофаст Л.А. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
- Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Европы. М., 1974.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс II в.н.э. с акрополя Пантикапея // ДБ. 1999. Вып. 2.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Новые комплексы римского времени из Пантикапея // БИ. 2005. Вып. VIII.
- Забелина В.С. Античные глиняные светильники из раскопок Пантикапея // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1992. Вып. 10.
- Зеест И.Б. Пантикапейская керамика сарматского времени // МИА. 1957. № 56.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
- Зинько В.Н. Некрополь сельского поселения близ Мирмекия // БИ. 2003. Вып. III.
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн. Севастополь, 1997.
- Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев. 1982.
- Кадеев В.И. Очерки истории Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э. Харьков, 1970.
- Калашиник Ю. Группа керамических клейм римского времени из Ольвии и Херсонеса // СГЭ. 1986. Вып. LI.
- Кац В.И., Кузнецова Е.В., Монахов С.Ю. Новый керамический комплекс раннеэллинистического времени с Фанталовского полуострова // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- Кленина Е.Ю. Тарная керамика // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.

- Кленина Е.Ю. Керамические сосуды II-III вв. н.э. из усадьбы «Близнецы». (Хора Херсонеса Таврического). *Poznan*, 2004.
- Ковалевская Л.А. Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н.э. из раскопок виллы 341 // *ХСб*. Севастополь, 1998. Вып. IX.
- Ковалевская Л.А. Комплекс столовой и кухонной керамики с усадьбы 106 на хоре Херсонеса Таврического // *БИ*. 2005. Вып. VIII.
- Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев, 1983.
- Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993.
- Кругликова И.Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI-III вв. до н.э. // *МИА*. 1957. № 56.
- Кругликова И.Т. О гончарной мастерской Горгиппии // *СА*. 1962. № 2.
- Кутайсов В.А. Курганный некрополь Калос-Лимена. Киев, 2011.
- Левин И.С. Комплекс керамики середины III в. н.э. из Патрея // *БСб*. 1994. Вып. 4.
- Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Пуздровский А.Е. Погребение с фибулой-брошью с изображением женского божества из Усть-Альминского некрополя // *БИ*. 2004. Вып. VII.
- Созник В.В. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического // *БИ*. 2005. Вып. VIII.
- Скоковский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- Стоянов Р.В. Комплекс керамики второй четверти IV – середины III вв. до н.э. из северо-восточного района Херсонеса Таврического // *Hyperboreus*. München, 2007. Vol. 13. Fasc. 1-2.
- Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического: К истории древнего земледелия в Крыму // *ХСб*. Симферополь, 1961. Вып. VI.
- Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // *БИ*. 2003. Вып. III.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // *ДБ*. 2005. Вып. 8.
- Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В., Шапцев М.С. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь, 2009.
- Шаров О.В. О времени появления амфор типа Делакеу // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар, 2005.
- Abadie-Reynal C., Sodini J.-P. La ceramique paleochretienne de Thasos (Alik, Delkos, Fouilles anciennes) // *Etudes Thasiennes*. Paris, 1992. XIII.
- Alary A., Ballet P., Kassab Tezgör D. Les formes céramiques mises au jour dans l'atelier de Demirci près de Sinope // Dupont P. et Lungu V. (eds.) *Les productions céramiques du Pont-Euxin à l'époque grecque. Colloque International (Institut d'Études Sud-Est Européennes, Bucarest, 18-23 Septembre 2004)*. Il Mar Nero VI – 2004-2006. 2009.
- Brukner O. Rimska keramika u u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije. Beograd, 1981.
- Cermanović-Kuzmanović A., Jovanović A. Tekija. Belgrade, 2004.
- Hayes J.W. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // *The Annual of the British School at Athens*. L., 1983. No. 78.
- Jeremić G. Saldum. Roman and Early Byzantine Fortification. Belgrade, 2009.
- Jevremović N. Keramika južnog i zapadnog bedema lokaliteta Diana-Karataš // *Djerdapske sveske*. 1987. IV.
- Miller S. Menon's Cistern // *Hesperia*. Athens, 1983. Vol. XLIII.
- Naumenko S.A. Neue Forschungen sur westlichen Verteidigungsanlage von Tanais // *Kolonisation – Interaktion – Integration. Zur Genese antiker Gemeinwesen am Pontos Euxeinos am Beispiel der Handelsstadt Tanais am Don*. Berlin, 2005.

Nikolić-Dorđević S. Antička keramika Singidunuma // Singidunum. 2000. 2.

Riley J.A. Coarse Pottery // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Vol. II. Suppl. to Libya Antiqua – V. Tripoli, 1979.

Robinson H.S. Pottery of the Roman Period // Athenian Agora. Princeton; New Jersey, 1959. Vol. V.

Tolstikov V., Zhuravlev D. Hellenistic Pottery from Two Cisterns on the Acropolis of Panticapaeum // ΣΤ' ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΙΚΗ ΣΥΝΑΝΤΗΣΗ ΓΙΑ ΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΣΤΙΚΗ ΚΕΡΑΜΙΚΗ. ΑΘΗΝΑ, 2004.

Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). Ergebnisse der deutsch-bulgarisch-österreichischen Ausgrabungen 1934-1937. München, 1992.

Л. О. Голофаст

ПРОСТА ГОНЧАРНА КЕРАМІКА З РОЗКОПОК ЗОЛЬНИКА РИМСЬКОГО ЧАСУ У ПІДНІЖЖЯ ГОРИ МИТРИДАТ У КЕРЧІ

Резюме

У статті розглянуто комплекс простої гончарної кераміки з розкопок римського зольника, відкритого в 2002 році біля підніжжя гори Митридат у Керчі. В зольнику виявлені два стратиграфічних горизонти. Ядро нижнього зольника складає матеріал переважно I ст. н.е. Формування його, судячи з амфорного матеріалу, закінчилося в другій чверті II ст. Формування зольника 2, в якому на відміну від зольника 1 переважали амфори другої чверті – кінця II ст., закінчилося, вочевидь, біля середини III ст. Набори форм лутерієв і кухонного посуду з обох зольників практично не відрізняються, що свідчить про консерватизм цих груп кераміки. Таке неможливо сказати про асортимент глечиків, який характеризується появою нових форм у верхньому, більш пізньому, зольнику.

Л. А. Голофаст

ПРОСТАЯ ГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ЗОЛЬНИКА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ МИТРИДАТ В КЕРЧИ

Резюме

В статье рассматривается комплекс простой гончарной керамики из раскопок римского зольника, открытого в 2002 году у подножия горы Митридат в Керчи. В зольнике выявлены два стратиграфических горизонта. Ядро нижнего зольника составляет материал преимущественно I в. н.э. Формирование его, судя по амфорному материалу, закончилось во второй четверти II в. Формирование зольника 2, в котором в отличие от зольника 1 преобладали амфоры второй четверти – конца II в., закончилось, по-видимому, около середины III в. Наборы форм лутериев и кухонной посуды из обоих зольников практически не отличаются, что свидетельствует о консерватизме этих групп керамики. Это нельзя сказать об ассортименте кувшинов, который характеризуется появлением новых форм в верхнем, более позднем, зольнике.

L. A. Golofast

PLAIN POTTERY FROM THE ROMAN CINDER HEAP
UNCOVERED AT THE FOOT OF MITHRIDATES MOUNT IN KERCH

Summary

The article regards assemblage of plain pottery recovered from the Roman cinder heap uncovered in 2002 at the foot of Mithridates Mount in Kerch. Within the cinder heap two stratigraphical horizons have been revealed. The kernel of the lower one (cinder heap 1) was constituted by the material mainly dated to the 1st century AD. The end of its formation is assigned to the second quarter of the 2nd century AD. In the cinder heap 2 amphorae of the second quarter – late 2nd century prevailed. Its formation seems to have been ceased in the mid-3rd century. The assemblages of kitchen ware and mortaria revealed in both cinder heaps doesn't differ greatly that testifies to the conservatism of these pottery groups. Yet the assortment of jugs is characterized by the appearance of some new shapes in the upper, later cinder heap.

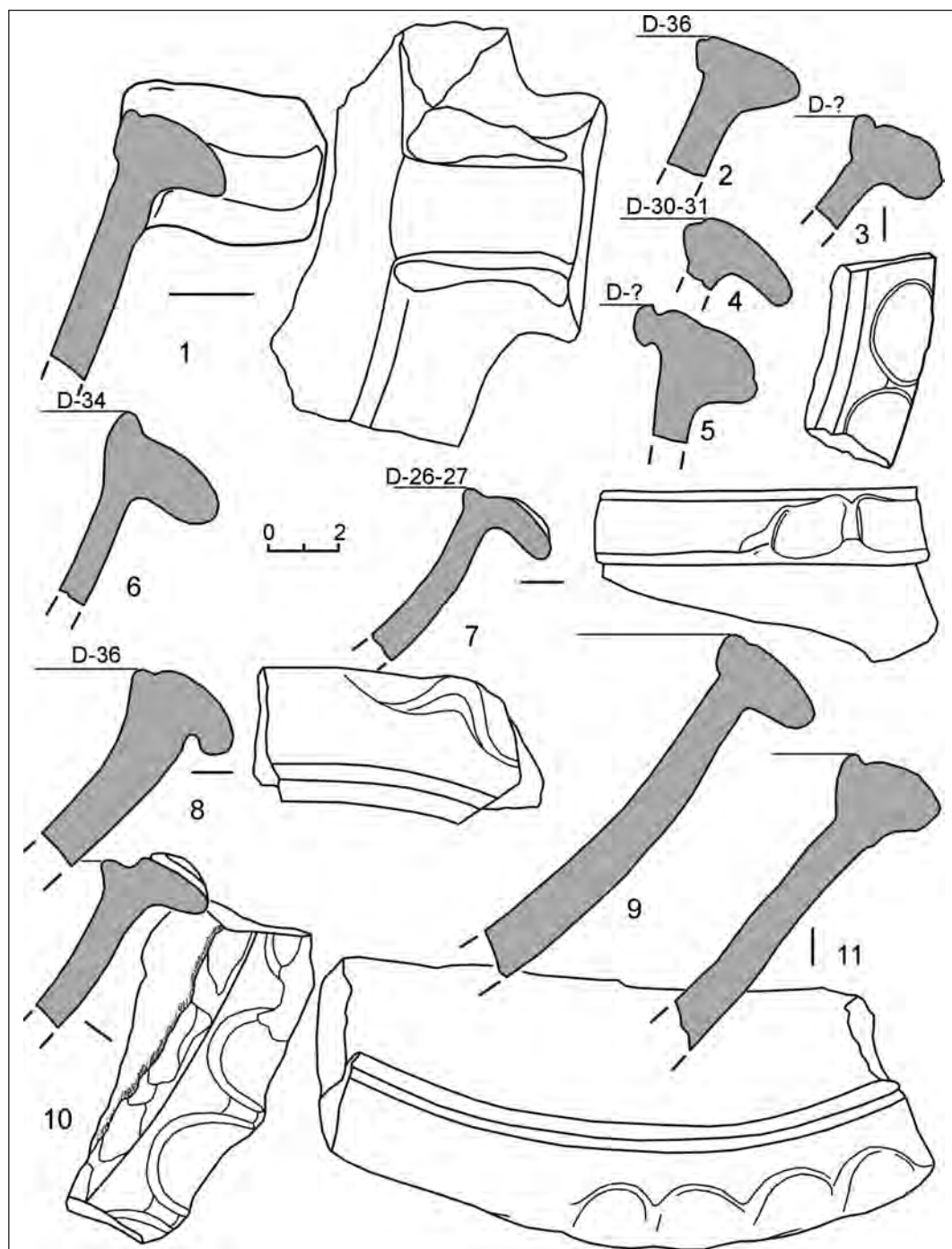

Рис. 1. Зольник 1. Лутерии.

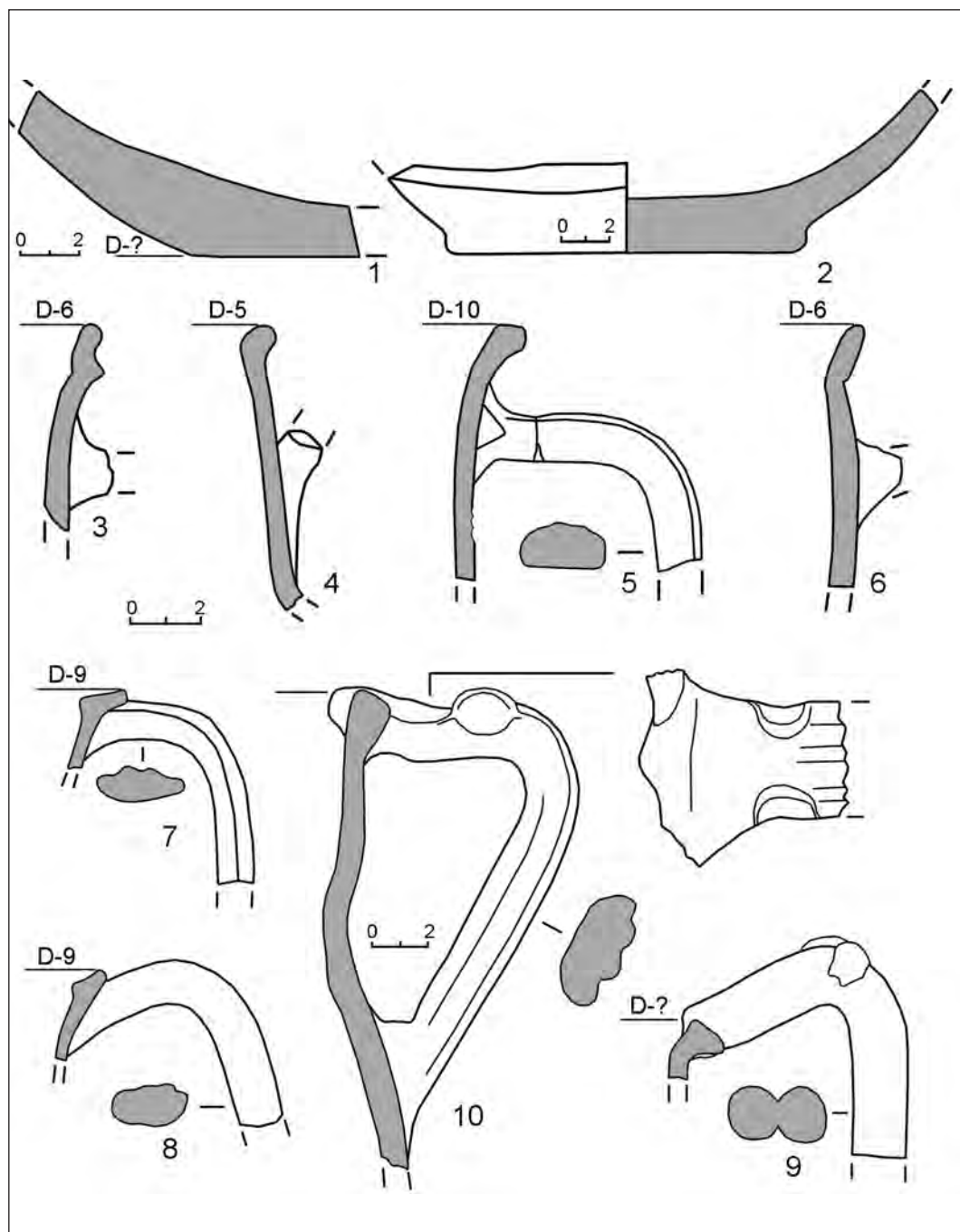

Рис. 2. 1. Зольник 1.

1-2 – лутерии; 3-10 – кувшины.

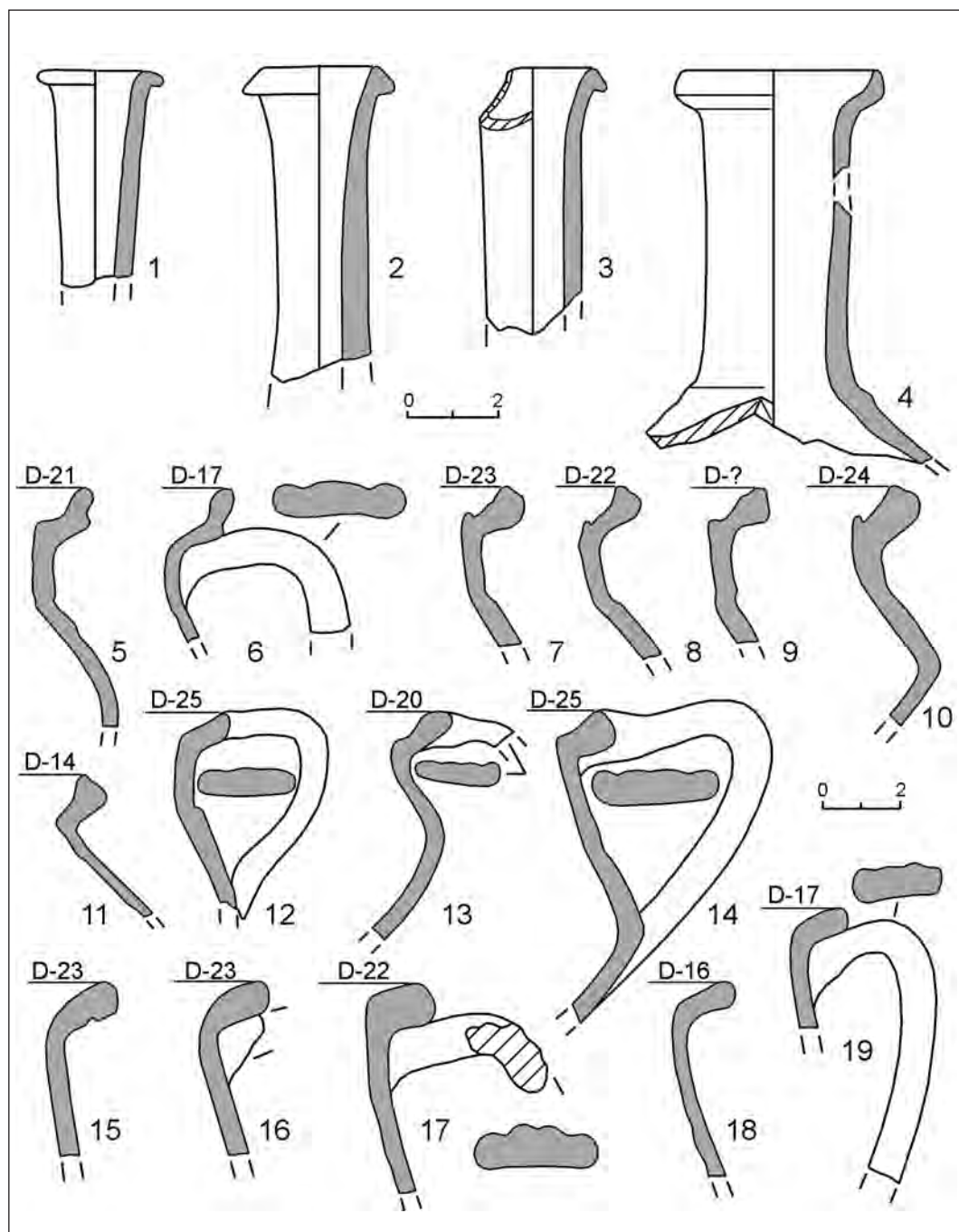

Рис. 3. Зольник 1.

1-4 – бальзамарии; 5-19 – кастрюли.

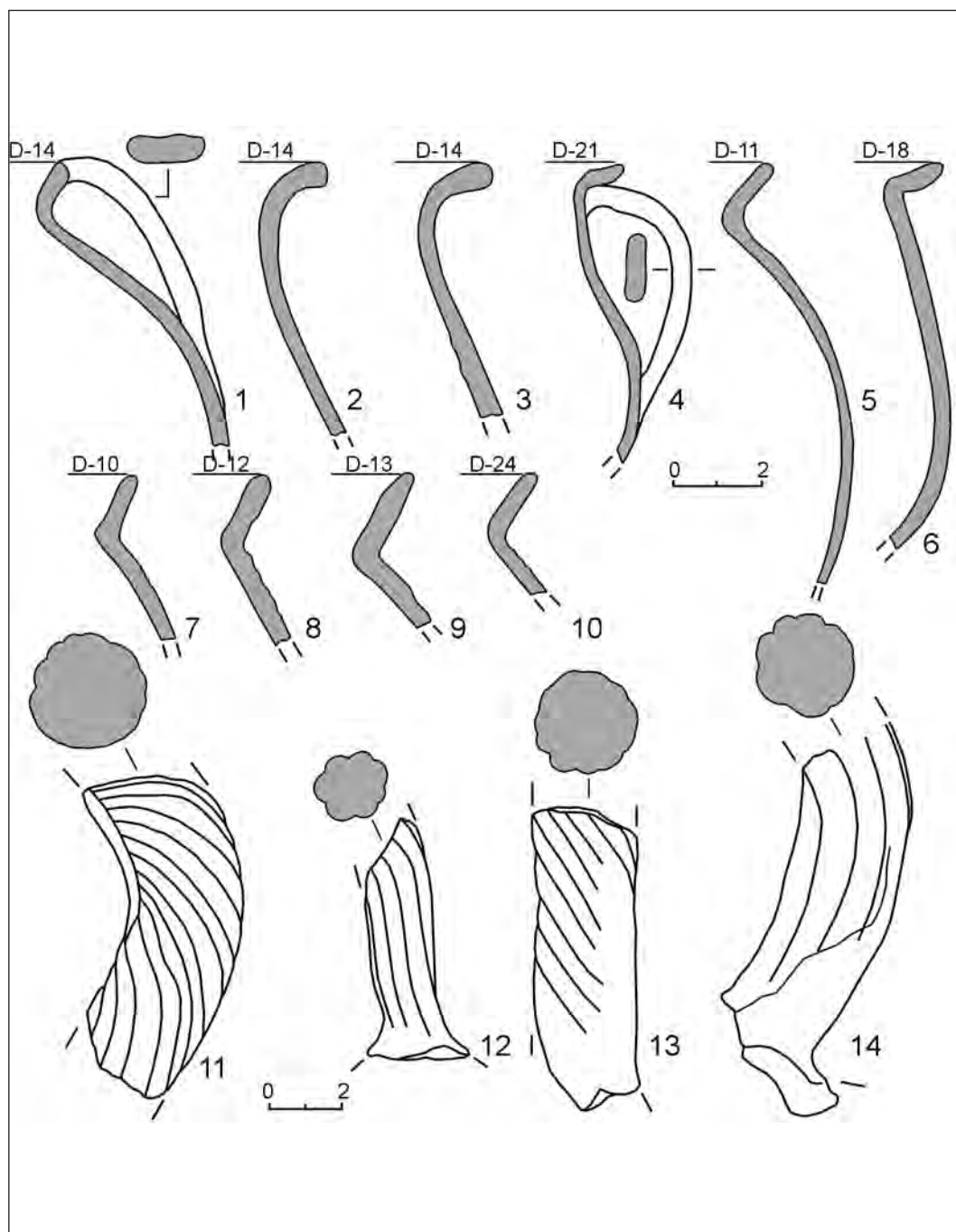

Рис. 4. Зольник 1.

1-10 – горшки; 11-14 – ручки кувшинов.

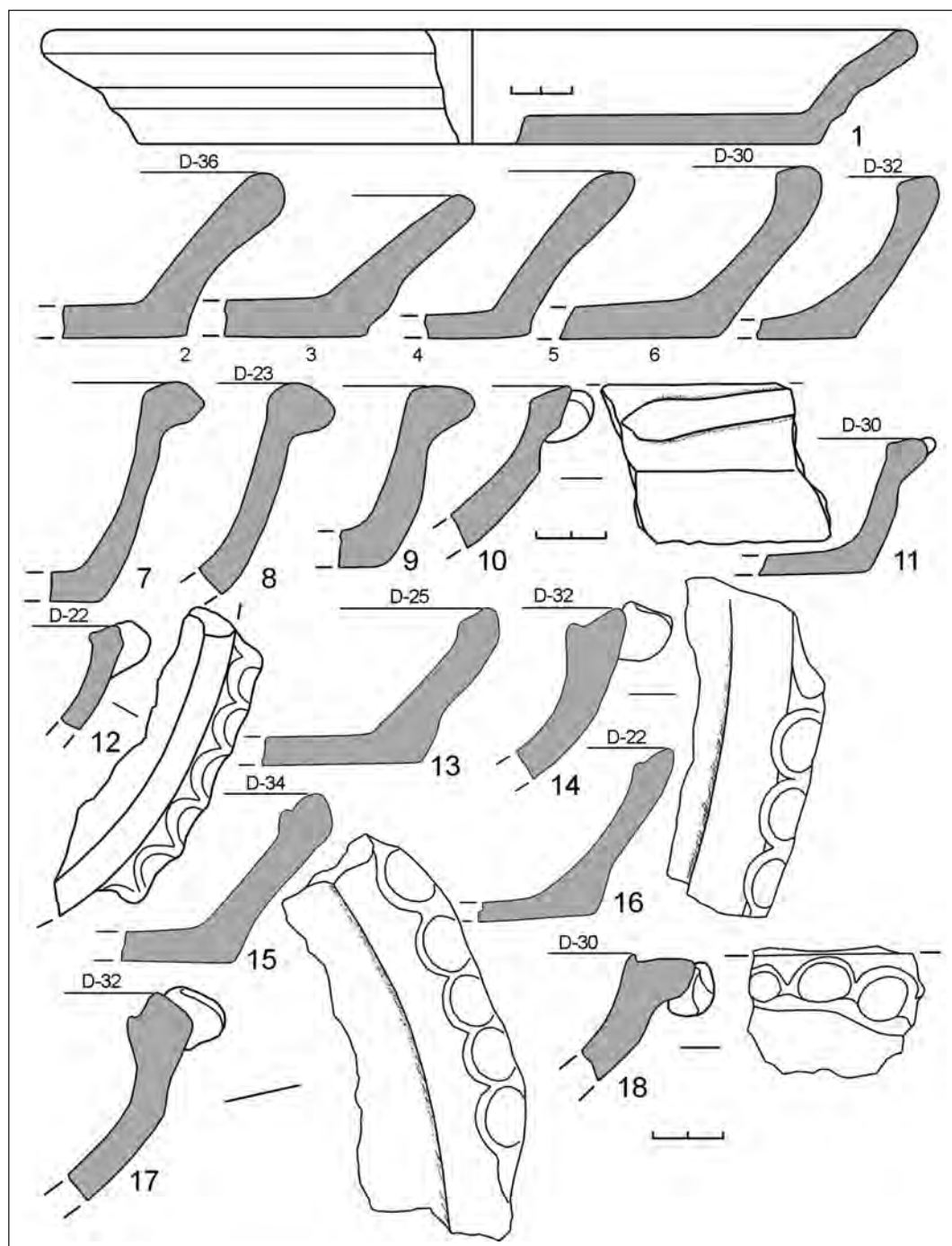

Рис. 5. Зольник 1. Сковороды.

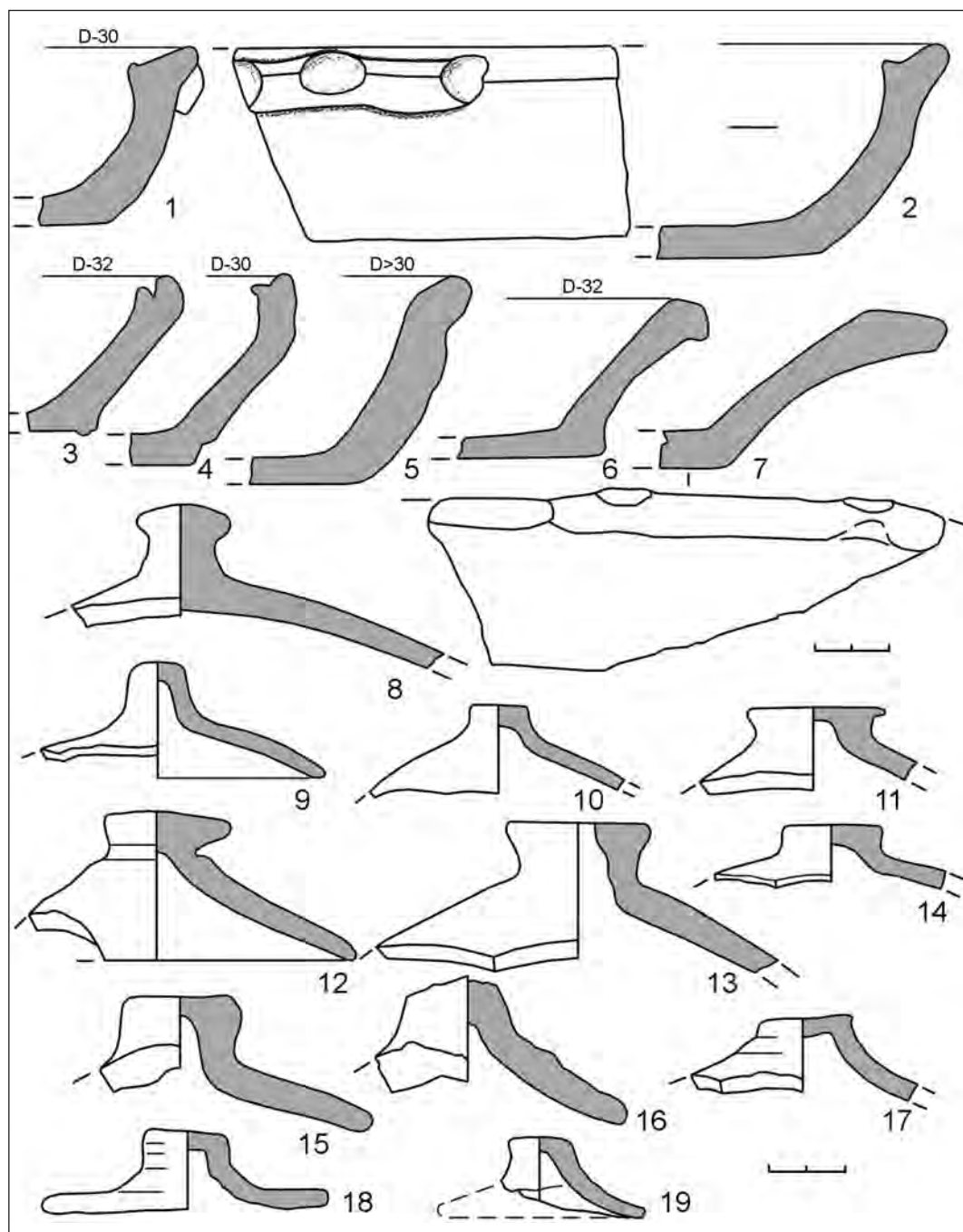

Рис. 6. Зольник 1.

1-7 – сковороды; 8-19 – крышки.

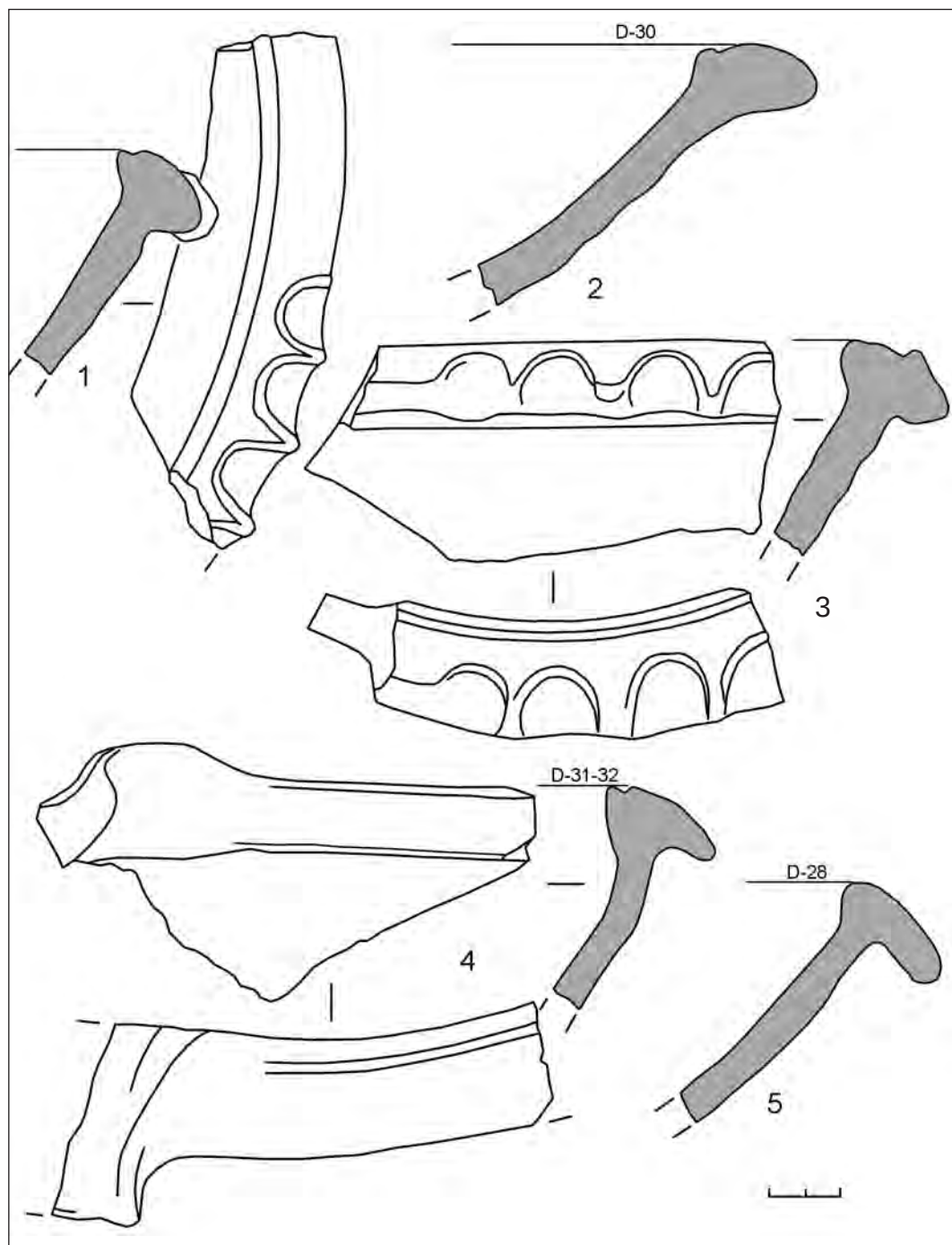

Рис. 7. Зольник 2. Лутерии.

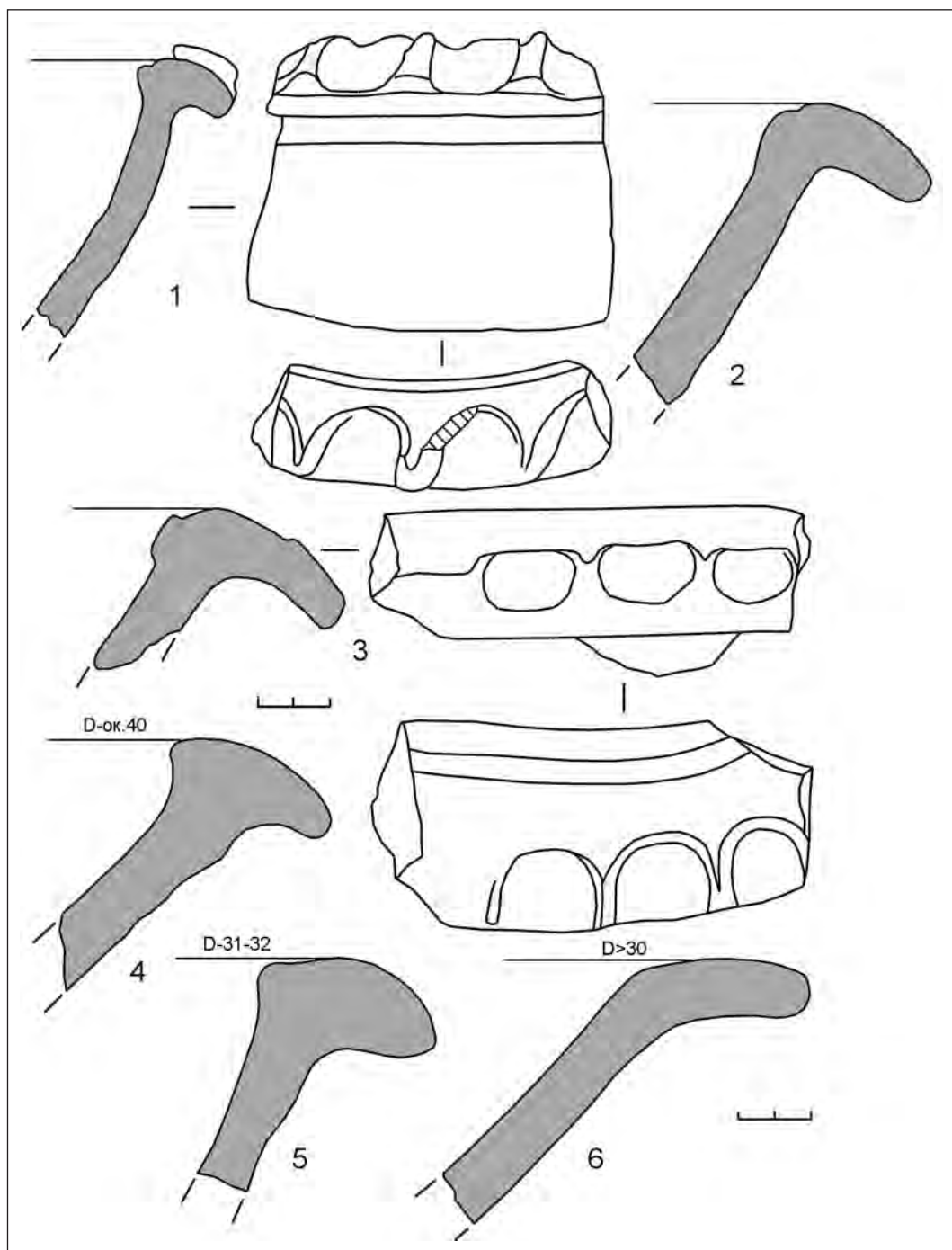

Рис. 8. Зольник 2. Лутерии.

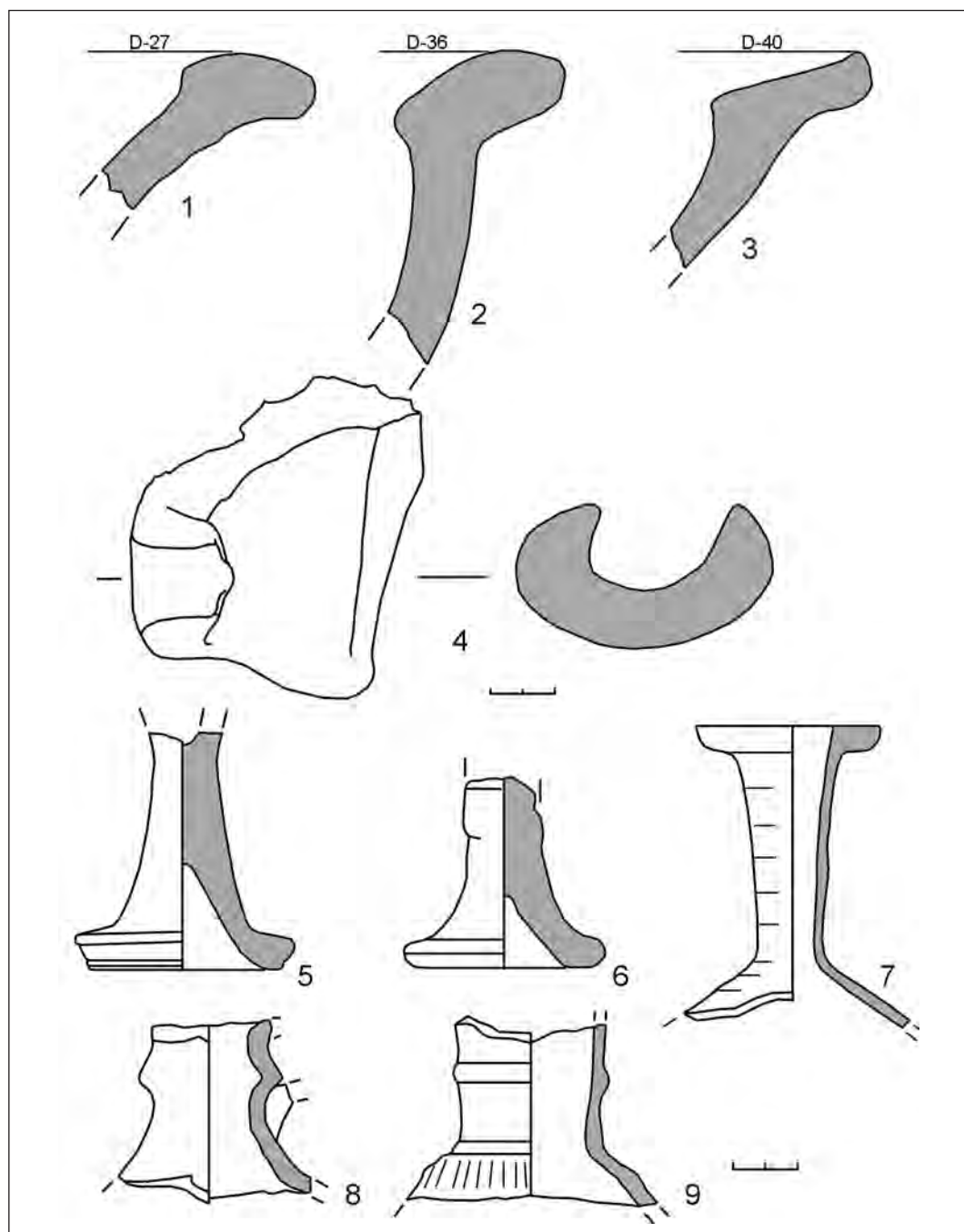

Рис. 9. Зольник 2.

1-4 – лутерии; 5-6 – открытые светильники-плошки; 7-9 – кувшины.

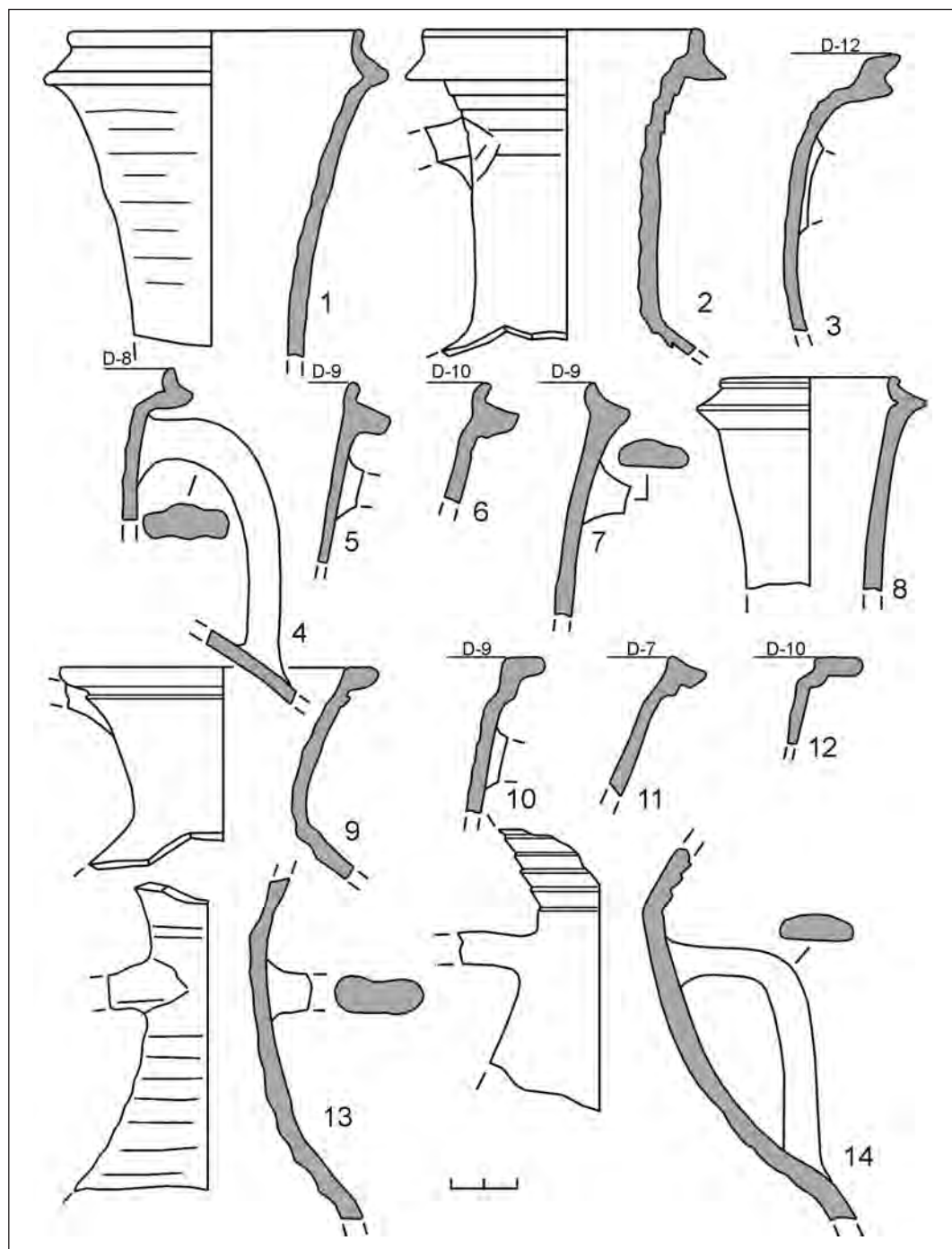

Рис. 10. Зольник 2. Кувшины.

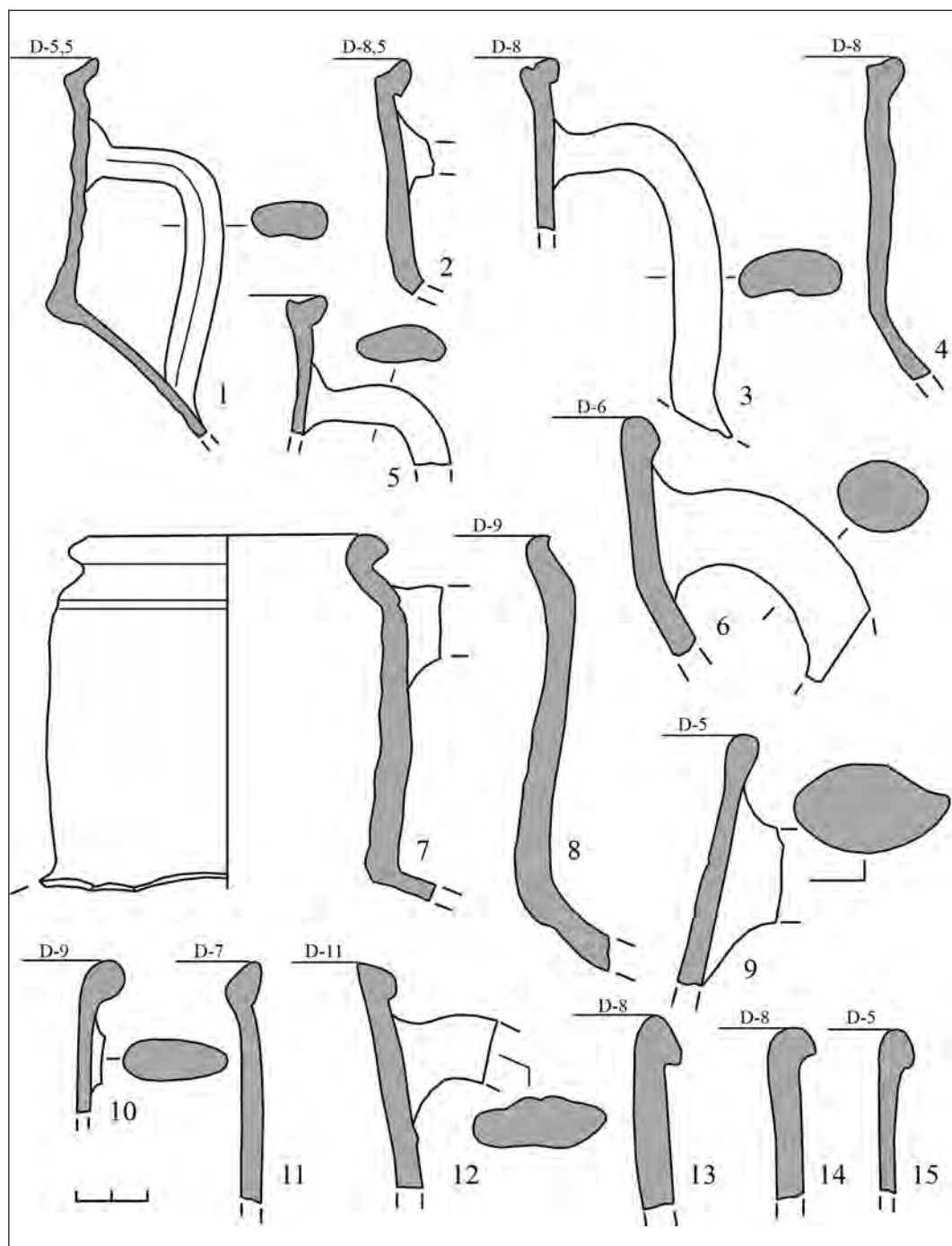

Рис. 11. Зольник 2. Кушины.

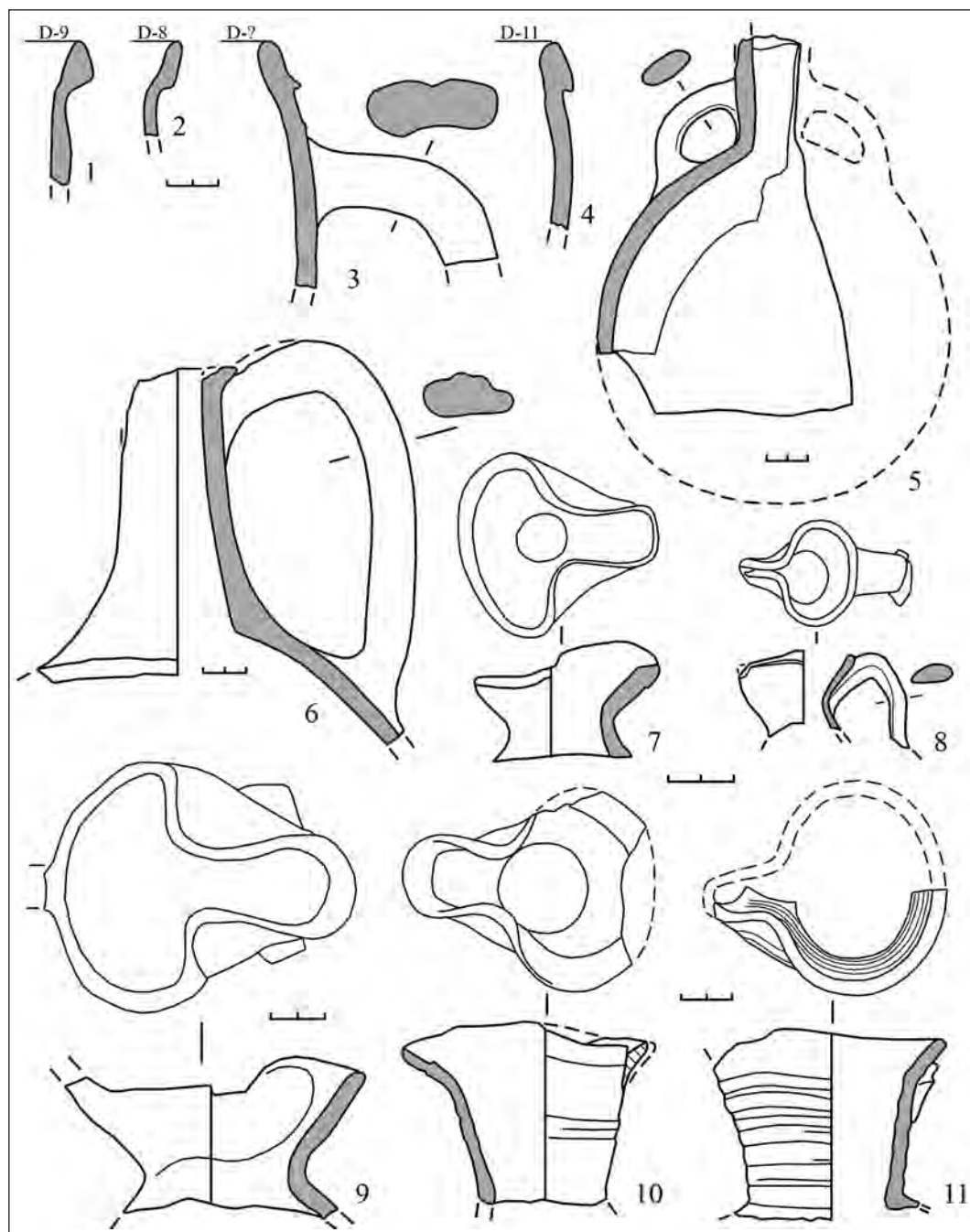

Рис. 12. Зольник 2.

1-4, 6 – кувшины; 5 – фляга; 7-11 – ойнохои.

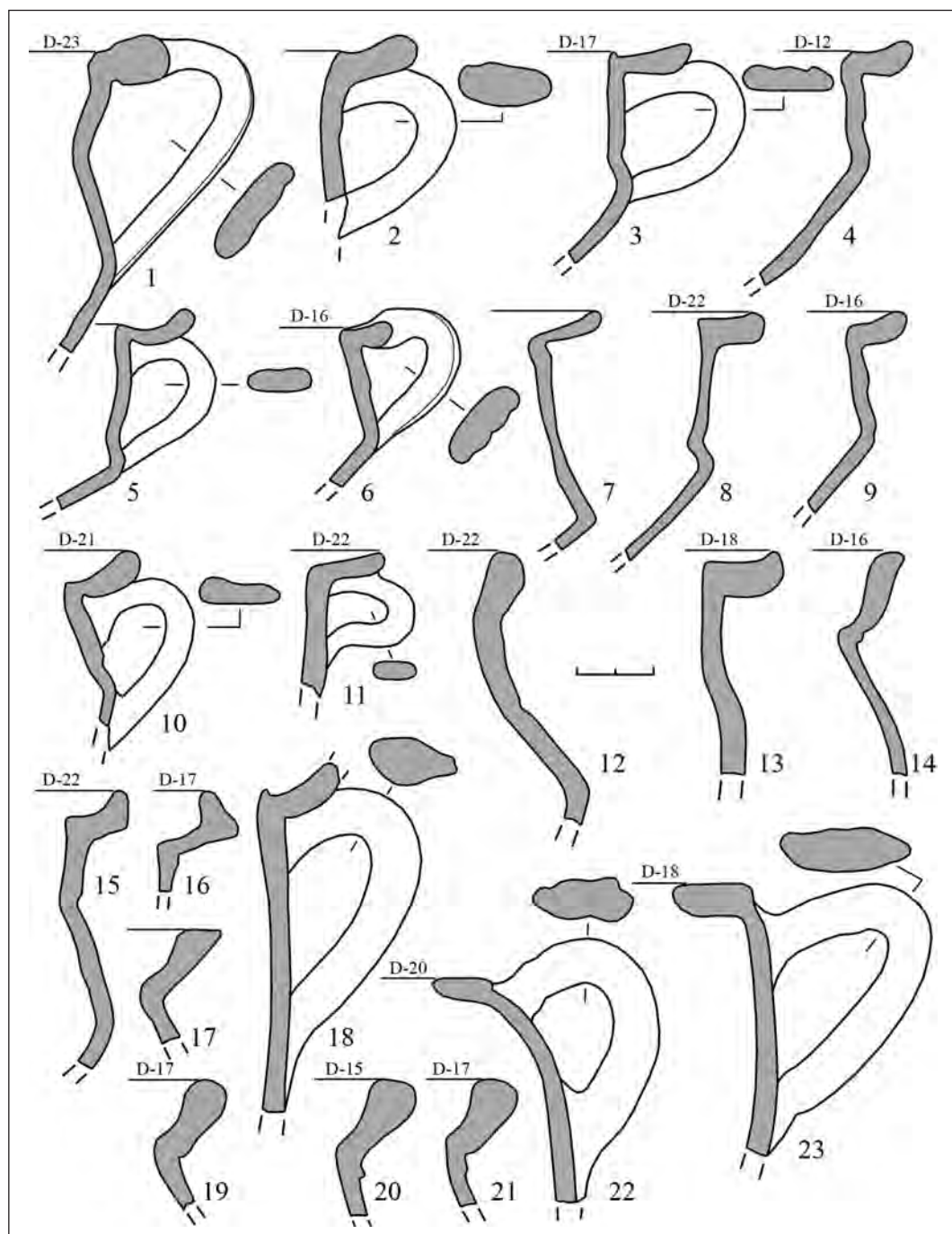

Рис. 13. Зольник 2. Кастриули.

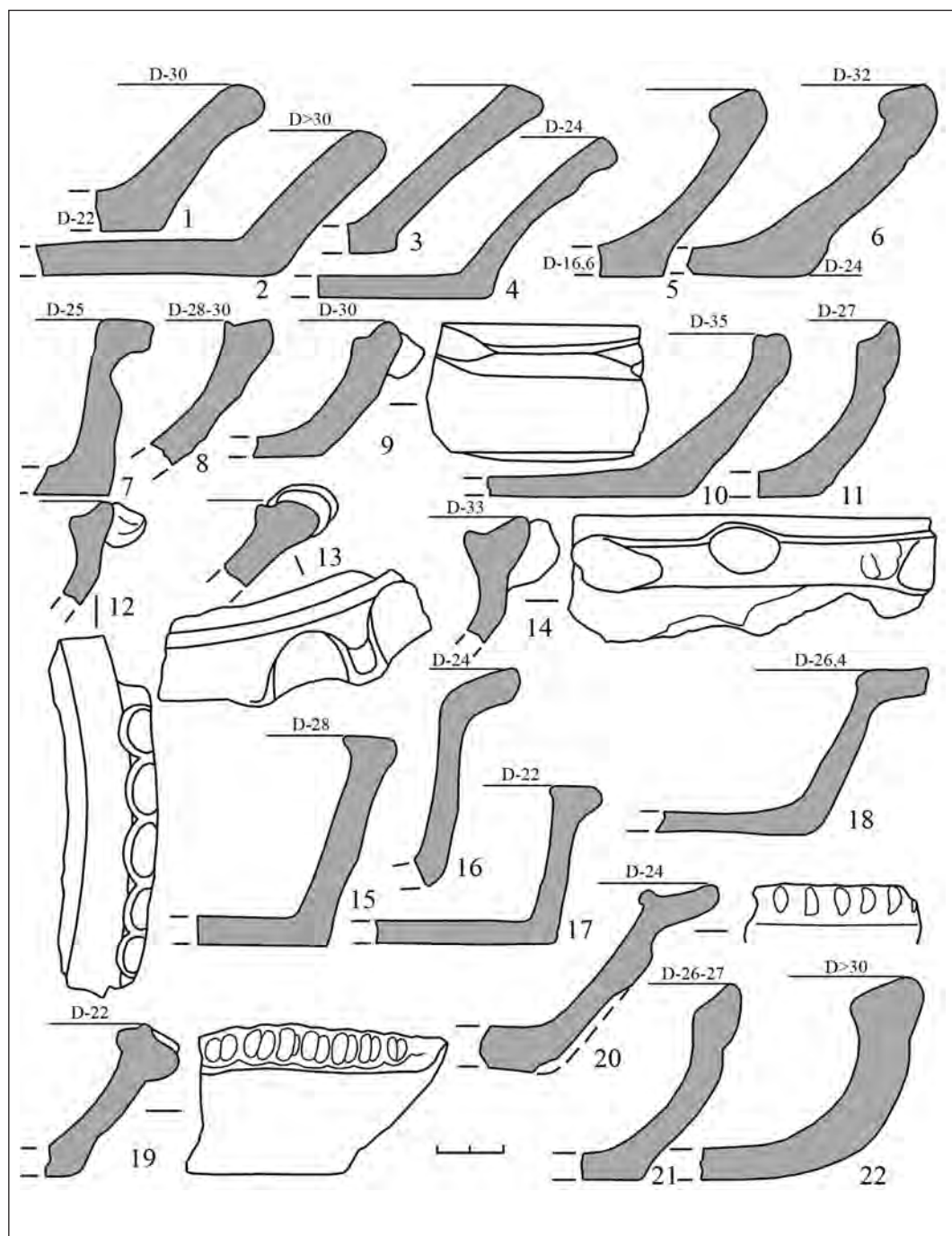

Рис. 14. Зольник 2. Сковороды.

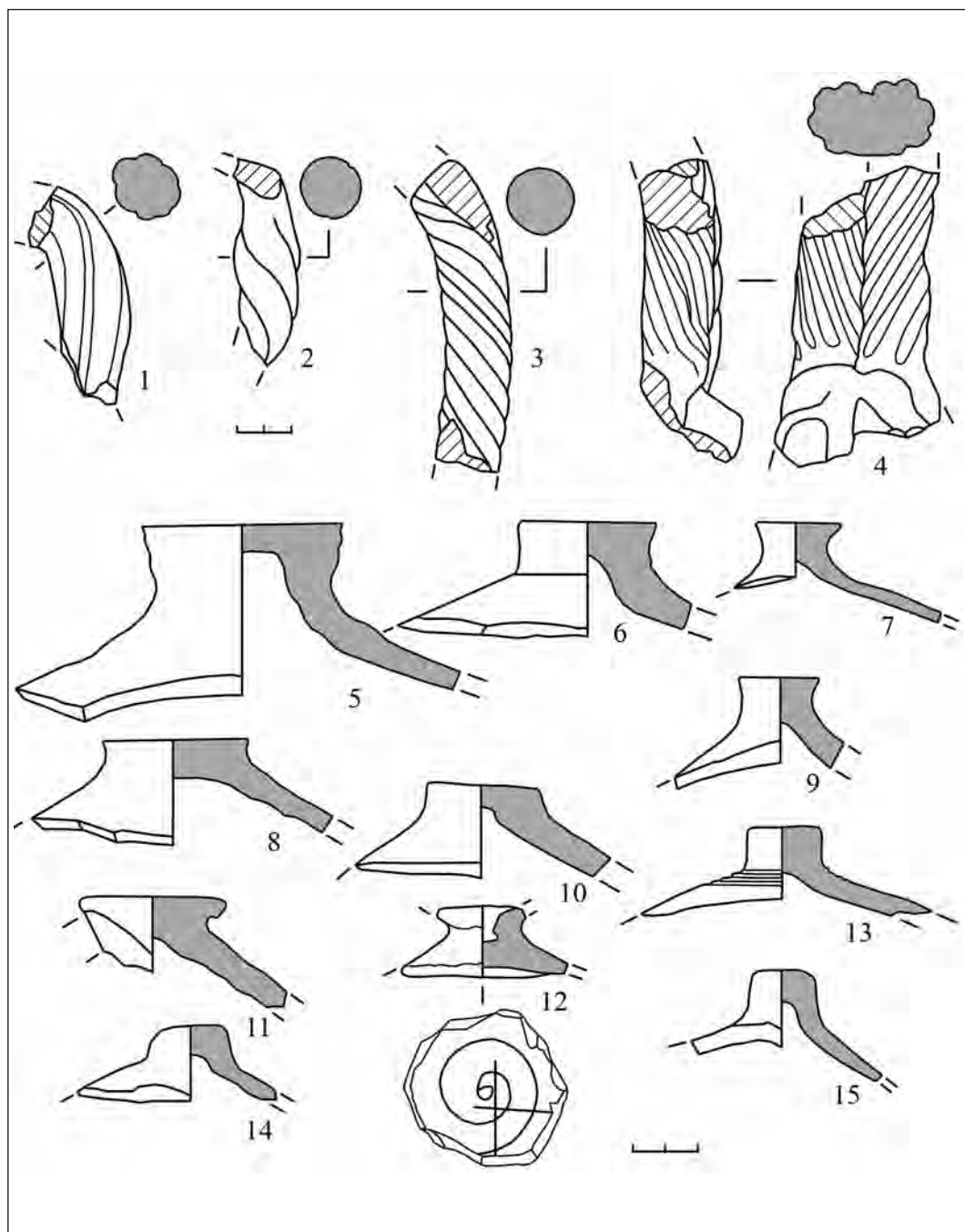

Рис. 15. Зольник 2.
1-4 – ручки; 5-15 – крышки.

Н.А. СОН, А.В. БУЙСКИХ

СООРУЖЕНИЕ С ЛАТИНСКОЙ ПОСВЯТИТЕЛЬНОЙ НАДПИСЬЮ ИЗ ТИРЫ (вариант реконструкции)

Фрагмент известняковой плиты с латинской надписью (рис. 1) был найден в ходе раскопок Тире в 1978 г. в вымостке позднеантичного времени. Сохранившаяся часть трехстрочной надписи читается:

ES T AEL
AVREL VERI C
NCYRA LEG

Расшифровка надписи: [P(ro) s(alute)]

[imp(eratoris) cales(aris) T(iti) Ael(ii)

[Had(riani) Ant(onini) Aug(usti) Pii et] Aurel(ii) Veri c[aes(aris)]

[- - - Fab(ia ?) - - - A]ncyra centurio leg[ionis] V Mac(edonicae ?)]

Перевод надписи: «За здоровье императора цезаря Тита Элия Адриана Антонина Августа Пия и Аврелия Вера цезаря (соорудил, поставил) такой-то из Фабиевой трибы, из Анкиры, центурион V Македонского легиона». Комментарий к этой надписи в честь императора Антонина Пия и его соправителя Марка Аврелия был опубликован в «Вестнике древней истории» (Сон, 1986, с. 60-68).

Плита с частью латинской надписи представляет собой фрагмент тимпана фронтона небольшого ордерного сооружения. Сохранившиеся размеры фронтона: высота 23 – 29,6 см, длина 26 – 37 см, толщина 16,5 – 17 см. Правая боковая сторона гладко отесана, что позволяет предположить его вторичную обработку (распиловку) для использования уже в качестве строительного материала после прекращения существования этого сооружения. По центру тыльной стороны снизу имеется частично сохранившееся, прямоугольное в плане, углубление, полными размерами не менее 15 x 12 см и глубиной 3 см. Вдоль верхнего наклонного края тыльной стороны по всей его длине идет врезка шириной 3,5 – 4,5 см. Описанные конструктивные элементы предназначались для крепления фронтона и всего портика с центральной деревянной балкой и стропилами – частями перекрытия сооружения. Реконструированная длина фронтона по нижней плоскости – 2,20 м, что равно 7,5 римским футам в 29,6 см, высота до конька – не более 35 см (рис. 2).

Стилистические особенности фронтона позволяют предположить, что сооружение, наиболее вероятно, было выполнено в формах римско-дориического

ордера. Это следует из наличия двух уплощенных, геометрических в сечении профилей, обрамлявших сверху и снизу поле тимпана. Архитектурные формы с такими обломами характерны для строительной практики в римской провинции Нижняя Мезия, где известны практически повсеместно. Их можно рассматривать в качестве локального, нижнемезийского, варианта римско-дорического ордера. Такая профилировка деталей типична для архитектуры небольших общественных сооружений и малых форм, прежде всего, алтарей, а также стел во II-III вв. н. э. [см. напр.: Vorbeck, 1980; *Inscriptions grecques et latines de Novae (Mesie Inferieure)*, 1997]. Кроме того, они известны по многочисленным находкам в центрах дислокации римских легионов на территории Нижней Мезии, а также в Тире, Ольвии и Херсонесе [Bujskich, 2010, S. 61, 115-116], причем везде детали, содержащие такие формы, выполнены из местных известняков. Тирский фронтон также изготовлен из среднекристаллического слабоглинистого известняка, выходы которого известны и на территории Одесской области. Это позволяет предположительно говорить об изготовлении фронтона и надписи на месте.

Интересно, что для Тиря речь может идти о массовых находках ордерных деталей этого стиля. Это, прежде всего, также известняковые базы и капители колонн римско-дорического ордера, найденные экспедицией ОАМ НАН Украины при исследованиях здания вексилляции и прилегающей территории [Буйских, 1990, с. 12-14]. В последнее десятилетие неподалеку от этого здания исследовано еще одно монументальное сооружение с портиком по фасаду, нередко находки и отдельных деталей того же ордера [Самойлова, Кожокару, Смольянинова, Богуславский, 2002, с. 239; Самойлова, Остапенко, Савельев, 2010, с. 216].

Сооружение, которому принадлежал реконструированный фронтон, вероятнее всего, было возведено на территории т.н. римской цитадели Тиря, неподалеку от здания вексилляции, возле которого фрагмент фронтона и был найден. Исходя из небольших габаритов сооружения, это мог быть двухколонный портик (рис. 3). Реконструкция портика сооружения, которое увенчивал наш фронтон с латинской надписью, имеет ряд трудностей и потому представляется в значительной степени гипотетической. Ее задача – представить возможные размеры портика и его вероятный внешний вид. Основная сложность состоит в том, что в первые века н.э., в отличие от предшествующего классико-эллинистического времени, типологический набор сооружений, на фасады которых выходили ордерные портики, значительно увеличился. Расширилась сфера применения ордера в малых архитектурных формах, при этом наблюдается повсеместный отход от использования ордерных деталей как отдельных конструктивных элементов. Кроме того, расширилась сфера использования ордера как части декоративного оформления фасада.

Сооружение могло носить как военный, так и гражданский характер (т.е. иметь общественное назначение). Общеизвестно, что усилиями римских вексилляций, дислоцировавшихся в городах, возводились не только военные объекты, но и храмы, дороги, термы, акведуки и прочие постройки. Рассматриваемое

сооружение также было построено силами римского гарнизона, расквартированного в Тире, при попечительстве центуриона V Македонского легиона, командира вексилляции, от имени которого и была вырезана надпись в честь Антонина Пия и Марка Аврелия. Строительство близких и более крупных сооружений с посвящениями римским императорам являлось обычной практикой для военнослужащих, должностных и гражданских лиц. Подобные сооружения известны как в самой Тире [Карышковский, 1979, с. 76-79], так и в Ольвии [IOSPE I², №№ 174, 181, 184].

Латинскую надпись на рассматриваемом фронте можно назвать не только почитательной, но и строительной, поскольку вырезана она на архитектурной детали сооружения, возведенного в честь правителей Рима. Плита с рельефным изображением подобного сооружения с латинской почетной надписью на фронте также в честь Антонина Пия, поставленная легионерами (рис. 4), известна в Британии (Федорова, 1976, с. 76, 104, рис. 97). На территории Северного Причерноморья нам не известны латинские надписи на архитектурных деталях, свидетельствующие о строительстве каких-либо сооружений в честь правящих императоров. Найдены лишь немногочисленные строительные надписи с посвящениями императорам на отдельных каменных плитах, латинские – в Хараксе (Зубарь, 2005, с. 59-63), Херсонесе (Соломоник, 1983, №№ 2, 5), в той же Тире (Карышковский, 1959, с. 116-117), и греческие – в Ольвии (IOSPE I², № 174, 181, 184). Единичные надписи первых вв. н. э. на архитектурных деталях, но только греческие, также известны в Тире (Карышковский, 1979, с. 76-79) и Пантикапее (Блаватский, 1957, с. 68-71, рис. 30, 2; КБН, 1965, № 39). Они, однако, вырезаны на архитравах – такая практика нанесения надписей была характерной для многих античных центров.

На основании различных источников, в частности латинских и греческих надписей в честь императоров, можно сказать, что II в. н. э. был периодом наиболее тесных военно-политических и экономических связей Тире с Римской империей.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945-1949 и 1952-1953 гг. // МИА. - № 56. - 1957. С. 5-95.
- Буйских А. В. К изучению ордерной архитектуры античной Тире // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья. Тезисы докладов конференции. Ч. II. - Белгород-Днепровский, 1990. - С. 12-14.
- Зубарь В. М. Латинские лапидарные надписи римской крепости Харакс // Нумизматика и эпиграфика. - М., 2005. - С. 55-69.
- Карышковский П. О. Надписи Тире // ВДИ. - 1959. - № 4. - С. 11-126.
- Карышковский П. О. Новые тирасские надписи // Античная Тира и средневековый Белгород. - К., 1979. - С. 76-88.
- Самойлова Т. Л., Кожокару В., Смольянинова С. П., Богуславский Г. С. Исследование античной Тире и средневекового Белгорода // Археологічні відкриття в Україні. - К., 2002. - С. 237-239.
- Самойлова Т. Л., Остапенко П. В., Савельев О. К. Новейшие открытия в античной Тире // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. - Москва - Киев, 2010. - С. 216-219.

- Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – 94 с.
Сон Н. А. Новая латинская надпись из Тире // ВДИ. – 1986. - № 4. – с. 60-68.
Федорова Е.В. Латинские надписи. – М., 1976. – 280 с.
Bijtsch A. Die antiken Architekturformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. Herkunft und Entwicklung. – Wiesbaden, 2010.
Inscriptions grecques et latines de Novae (*Mesie Inferieure*). – Bordeaux, 1997.
Vorbeck E. Militärschriften aus Carnuntum. – Wien, 1980
КБН – Корпус боспорских надписей. – М., Л., 1965.
IOSPE - Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. – Petropoli, 1916.

Н.О. Сон, А.В. Буйських

СПОРУДА З ЛАТИНСЬКИМ ПРИСВЯТНИМ НАПИСОМ З ТІРИ (ВАРІАНТ РЕКОНСТРУКЦІЇ)

Резюме

Публікацію присвячено реконструкції фрагмента вапнякового фронтона, знайденого в Тірі. На тимпані фронтона – латинський напис-присвята на честь імператора Антоніна Пія та його співправителя Марка Аврелія. Стилістичні особливості фронтона дозволяють припустити, що він належав невеликій споруді, найімовірніше, виконаній у формах римсько-доричного ордера. Подібні архітектурні форми характерні для будівельної практики в римській провінції Нижня Мезія. Їх можна розглядати в якості локального, нижньомезійського, варіанта римсько-доричного ордера.

Споруда, до якої відносився реконструйований фронтон, могла нести як військовий, так і цивільний характер (тобто мати суспільне призначення) і, найімовірніше, була зведена на території т.зв. римської цитаделі Тіри, неподалік від будівлі вексилляції, біля якої у вимостці пізньоантичного часу фрагмент фронтона і було знайдено. Виходячи з невеликих габаритів споруди, це міг бути двоколонний портик.

Розглянута споруда була побудована силами римського гарнізону, розквартированого в Тірі, при опікуванні центуріона V Македонського легіону, командира вексилляції, від імені якого і було вирізано напис. Цей латинський напис можна назвати не тільки присвятним, але й будівельним, оскільки вирізано його на архітектурній деталі споруди, зведеної на честь правителів Риму.

Н.А. Сон, А.В. Буйских

СООРУЖЕНИЕ С ЛАТИНСКОЙ ПОСВЯТИТЕЛЬНОЙ НАДПИСЬЮ ИЗ ТИРЫ (ВАРИАНТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Резюме

Публикация посвящена реконструкции фрагмента известнякового фронтона, найденного в Тире. На тимпане фронтона – латинская посвятельная надпись в честь императора Антонина Пия и его соправителя Марка Аврелия. Стилистические особенно-

сти фронтона позволяют предположить, что он принадлежал небольшому сооружению, вероятнее всего, выполненному в формах римско-дорического ордера. Подобные архитектурные формы характерны для строительной практики в римской провинции Нижняя Мезия. Их можно рассматривать в качестве локального, нижнемезийского, варианта римско-дорического ордера.

Сооружение, которому принадлежал реконструированный фронтон, могло носить как военный, так и гражданский характер (т.е. иметь общественное назначение) и, вероятнее всего, было возведено на территории т.н. римской цитадели Тиры, неподалеку от здания вексилляции, возле которого в вымостке позднеантичного времени фрагмент фронтона и был найден. Исходя из небольших габаритов сооружения, это мог быть двухколонный портик.

Рассматриваемое сооружение было построено силами римского гарнизона, расквартированного в Тире, при попечительстве центуриона V Македонского легиона, командира вексилляции, от имени которого и была вырезана надпись. Эту латинскую надпись можно назвать не только посвятительной, но и строительной, поскольку вырезана она на архитектурной детали сооружения, возведенного в честь правителей Рима.

N.O. Son, A.V. Buiskykh

STRUCTURE WITH A LATIN DEDICATIVE INSCRIPTION FROM TYRAS (VERSION OF RECONSTRUCTION)

Summary

The publication is devoted to reconstruction of a limestone fronton fragment found in Tyras. There is a Latin inscribed dedication in honour of the emperor Antonius Pius and his co-ruler Markus Aurelius on the fronton tympanum. Stylistic peculiarities of a fronton allow the authors to assume that it belonged to a small structure most probably built in forms of Roman Doric order. Such architecture forms were peculiar for building practice in Roman province Lower Moesia. They can be considered as a local, Lower Moesian, variant of Roman Doric order.

The structure to which the reconstructed fronton belonged could be of military or of civil nature (i.e. of public purpose) and it apparently was erected on the territory of, so called, Roman citadel of Tyras, not far from the vexillatio building near which a fronton fragment was found in the pavement of Byzantine period. Considering the structure's small dimension it could be a two-columned portico.

The structure under the study was built by Roman garrison accommodated in Tyras under the patronage of the Legio V Macedonica centurion, vexillatio commander, from whose name the inscription was made. This Latin inscription can be called not only dedicative, but also building one while it is carved on a fragment of architectural structure erected in honour of the Roman rulers.

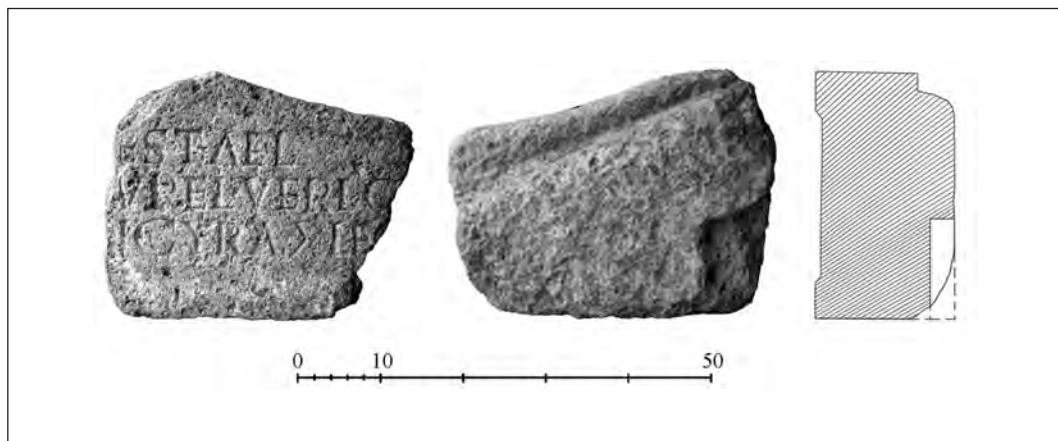

Рис. 1. Фрагмент известнякового фронтона с латинской надписью.

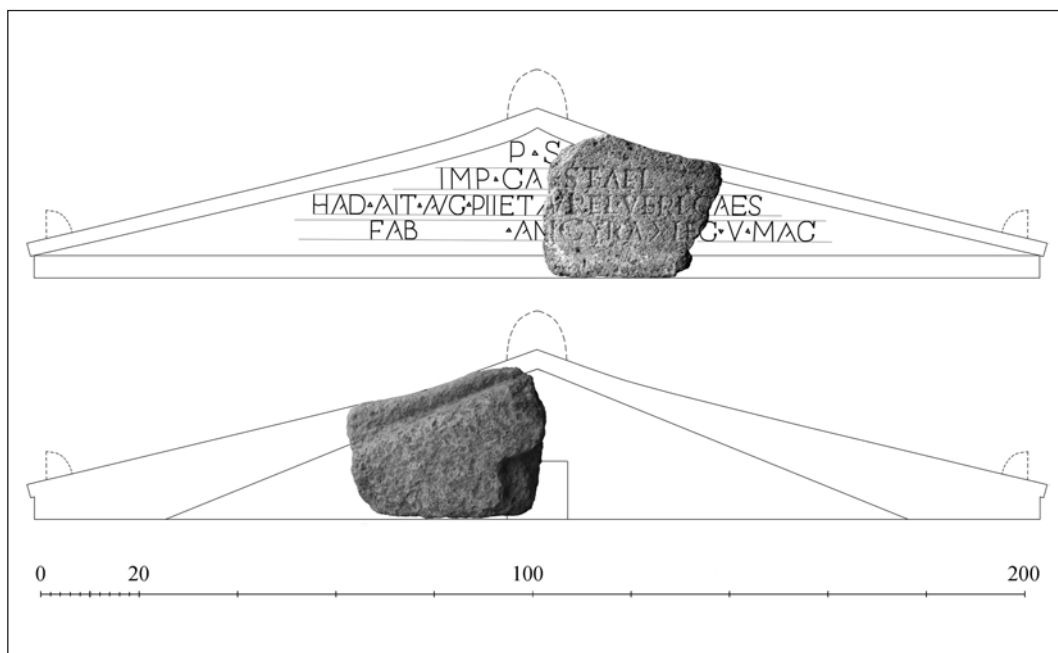

Рис. 2. Реконструкция фронтона.

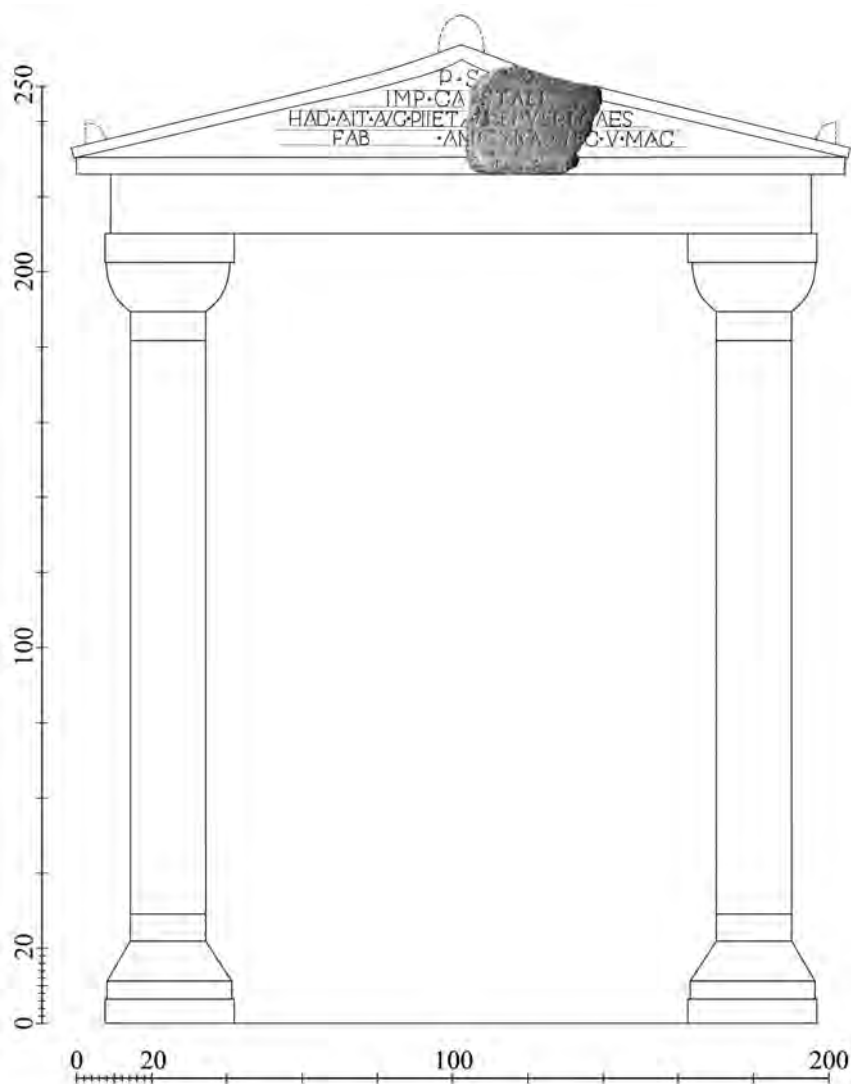

Рис. 3. Вариант реконструкции портика сооружения.

Рис. 4. Плита с рельефом из Британии с надписью в честь Антонина Пия (по Е.В. Федоровой, 1976).

В. Г. ЗУБАРЕВ, Е. Е. СЕДЫХ

ПЛАНИРОВКА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСТРОЙКИ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ» ВО II – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V вв. н. э.

Городище «Белинское» расположено на южной окраине села Державино (ныне нежилого), в 1,5 км от села Белинское (Керченский полуостров) (рис. 1). По уточнённым данным, время его основания относится к началу II в. н.э. [Зубарев, Куликов, 2011, с. 178]. Городище занимало узловое место в системе обороны Европейского Боспора, с одной стороны, а, с другой, находилось на скрещивании путей, ведущих как к северу, в сторону степного Крыма, так и к югу, в сторону Феодосии [Зубарев, 2005, с. 284-285]. Оно значительно выделяется среди подобных поселений, прежде всего своими размерами. Общая площадь распространения культурного слоя более 12 га, площадь внутри периметра оборонительных стен около 9 га (рис. 2) (для сравнения площадь Илурата 2 га, площадь Ново-Николаевского городища – 1,5 га [Масленников, Чевелёв, 1983, с.91]).

Поселение находится в большой естественной котловине на крутом берегу реки Аджиэль. Такой выбор местоположения не случаен: здесь прослеживается традиционное как для Европейского Боспора, так и для всего Северного Причерноморья в целом стремление максимально использовать естественные условия в целях обороны поселения. Однако, как показали раскопки последних лет, естественная конфигурация плато, на котором возникло городище, в древности была несколько иной. Южная часть плато была значительно ниже и почти не возвышалась над окружающей местностью. Это обстоятельство привело к необходимости предварительной ландшафтной перепланировки, в первую очередь, под возводимые по периметру оборонительные стены. Археологически этот этап строительства прослеживается достаточно чётко.

Следует отметить, что место, выбранное строителями для возведения нового населённого пункта, было освоено людьми задолго до времени основания городища. Раскопками 2012 года на южном склоне плато под слоем насыпи, выравнивающей местность, выявлены остатки значительно более раннего поселения. О времени его функционирования пока говорить рано, но ясно, что его и возведённое к началу II в. н. э. городище разделяет не одно столетие. Кроме этого, во время раскопок неоднократно обнаруживались находки керамики эллинистического времени и даже несколько фрагментов

рубежа VI – V вв. до н. э. Они нигде не образуют слоя, но присутствуют в качестве единичных включений в напластованиях римского времени.

Как показали исследования на разных участках, площадь плато, на котором расположено городище, осваивалось одновременно и по единому плану. Археологический материал, накопленный за 17 лет систематических раскопок, в сочетании с данными магнитной съёмки позволяют достаточно уверенно реконструировать общую планировку первоначальной застройки и определить направление эволюции поселения.

Ко времени возникновения городища созданная при Асандре оборонительная линия уже не функционировала, однако система валов была частично восстановлена, причём не только для защиты территории, но и для закрепления здесь в качестве надёжной базы для полномасштабного освоения территории к востоку от вала и активной экспансии на запад [Зубарев, 2008]. Построенное городище в этой новой организации подконтрольной Боспору территории играло если и не ключевую, то, во всяком случае, важнейшую роль.

В зоне непосредственной видимости (сигнальной доступности) от него во II-III вв. н. э. находилась целая сеть меньших по площади, но типологически близких ему городищ, которые А. А. Масленников объединяет в две основные группы. К первой относятся «крепости, укреплённые военные лагеря с сопутствующим «посадам», располагавшиеся на пересечении важных дорог или в иных столь же примечательных пунктах», ко второй – «типичные городища», продолжающие местные предшествовавшие традиции. Городище «Белинское» в этой иерархии занимает вершину «пирамиды» в соседстве с Илуратом и Савроматием и определяется уже скорее как «городок – крепость» [Масленников, 2001, с. 96-97].

В истории городища выделяется три строительных периода. Их уточнённые хронологические рамки выглядят следующим образом:

- 1) начало II в. н. э. – середина – 3-я четверть III в. н. э.;
- 2) последняя четверть III в. н. э. – первая четверть IV в. н. э.;
- 3) 2-я четверть IV в. н. э. – 1-я половина V в. н. э.

Оборонительная система городища.

Первый период.

Основным элементом оборонительной системы городища на начальном этапе его существования являлась мощная оборонительная стена, которая и определяла границы поселения, отделяя его от прилегающей сельскохозяйственной территории и некрополя. Для её возведения часть территории естественного холма была поднята над прилегающей местностью с помощью искусственной насыпи (на южном участке высота насыпи более 1 м, и именно на ней расположены все постройки первого периода на раскопе «Южный», включая юго-восточную оборонительную стену). Кроме того, участки, отведённые под

строительство стен периметра, тщательно выравнивались с помощью плотного покрытия из известковой крошки, которое выявлено на всех исследованных участках как с внешней стороны периметра, так и внутри него.

Участки оборонительной стены (в основном на уровне фундамента) выявлены к настоящему времени по северо-западной, юго-западной и юго-восточной границам холма, на котором располагалось поселение. Северо-восточная граница исследована ещё недостаточно, однако в разрезе грунтовой дороги, проходящей вблизи северного угла городища, хорошо видны остатки фундамента, который вполне может относиться к северо-восточной оборонительной стене. Впрочем, на восточном, наиболее высоком участке холма, имеющем крутой склон в сторону Аджиэльской балки, оборонительной стены вообще могло не быть (рис. 2).

На раскопе «Северный» северо-западная оборонительная стена (№6) прослеживается на длину около 90 м¹ (рис. 3). На раскопе «Западный» выявлен её стык с юго-западной стеной оборонительного периметра (№ 111) (исследованный участок 2,4 м) (рис. 4). На раскопе «Южный» юго-западная стена исследована на участке 13 м до её соединения с юго-восточной оборонительной стеной.² Юго-восточная оборонительная стена (№ 81) прослежена на длину около 25 м (рис. 5).

Толщина фундамента стен на всех исследованных участках составляет 2,5 м. Структура кладки трёхслойная, двухлицевая. Слои внутреннего и внешнего фасов сложены из крупных камней жёлтого ракушечника. Посредине идёт слой забутовки более мелким камнем. Пригонка блоков неплотная. Зазоры между камнями у стыков большие. При возведении стены они сразу забивались мелким бутом, на многих местах впоследствии выпавшем (рис. 6). Кладочный раствор, использовавшийся при возведении стены глинистый, с небольшими элементами песка и рыхлых земляных комочков. Крупные обработанные камни фундамента стены (до 1,5 х 0,6 м) заглублены в материк до 0,4 м. Фундамент северо-западной стены со стороны внешнего фаса был укреплён слоем бутового камня. Ширина данного слоя до 0,8 м. Мощность до 0,6 м. Слой бутового камня располагался на подсыпке из мелкого щебня и известковой крошки мощностью до 0,15 м. Аналогичная подсыпка выявлена и вдоль фундамента юго-западной стены. Юго-восточная стена имела подсыпку лишь на участке стыка с юго-западной стеной. В остальных местах в северо-восточном направлении подобная структура не выявлена. Она либо была разрушена поздними перестройками, либо её вообще не было.

Такая техника кладки оборонительных стен (двухлицевая, трехслойная со

¹ На участках длиной 4 м и 32 м стена выбрана, сохранилась только подсыпка под фундамент из известковой крошки и мелкого щебня.

² Большая часть стены на этом участке выбрана до бутового основания фундамента, но траншея выборки хорошо прослеживается стратиграфически.

средним бутовым слоем) свидетельствует о влиянии позднеэллинистических приемов оборонного зодчества. Она была широко распространена на поселениях хоры Европейского Боспора и всего Северного Причерноморья в первые века н. э. Оборонительные стены таких поселений, как Илурат, Савроматий, Семеновка имеют аналогичную структуру кладки. Ширина их фундаментов варьируется от 1,75 до 2,4 м. В качестве строительного материала также использованы частично обработанные квадры, большие и средние плиты ракушечника и известняка [Гайдукевич, 1958, с. 21; Кругликова, 1970, с. 11, 13; Масленников, Чевелёв, 1983, с. 93-94; Масленников, 1998, с. 240, 242, 254].

Оборонительные стены городища «Белинское» были усилены по угловым стыкам башнями. К настоящему времени такие башни обнаружены на западном и южном участках городища. Северный угол сильно повреждён хозяйственными ямами позднеантичного и хазарского периодов, и остатков каких либо сооружений, относящихся к ранней застройке, здесь выявить не удалось. Восточный угол повреждён воронками времён ВОВ. Кроме того, как уже отмечалось выше, рельеф местности позволяет предположить, что восточной башни могло и не быть вовсе.

Западная башня хорошо сохранилась на уровне фундамента. Она имеет близкую к квадрату форму при площади внутри периметра стен 10,24 кв. м. Располагалась она под острым углом к северо-западной оборонительной стене (рис. 4). Кладка стен двухслойная, двухлицевая. Слои внешних и внутренних фасов сложены из частично обработанных блоков желтого ракушечника местного происхождения. В северном углу башни на фундаменте стены № 114 in situ сохранился один рустованный блок первого ряда кладки (0,9x0,55x0,6, глубина руста 0,05м.) (рис. 7). Условно правильную форму поверхность фундамента внешнего фаса с четко выраженным ложком имеет не весь кладочный материал. Преобладают камни средней величины (0,7x0,7; 0,7x0,6). Кладочный раствор глинистый, с примесью земли.

Часть башни или её крыша, вероятно, были деревянными. Обломков черепицы на раскопе «Западный» за четыре года исследований не найдено, в то время как древесный уголь в завале над башней и с внешней стороны фундамента встречается в большом количестве.

Ближие по размерам и форме башни известны на поселениях как Европейского Боспора, так и в целом в Северном Причерноморье [Крыжицкий, 1993, с. 181-185]. Однако в нашем случае башня расположена с внешней стороны под острым углом к куртине, что позволяет отнести данную конструкцию к системе так называемых «косых куртин», о которых сообщает Филон Византийский (Philon, VIII, 13-15). Аналогов такому устройству на поселениях римского времени в Северном Причерноморье пока не зафиксировано.

На расстоянии 1,5 м к северо-востоку от стены № 114, в северо-западной оборонительной стене выявлен сквозной проход вылазной калитки длиной

2,4 м и шириной 0,7-0,9 м. Основание прохода выложено обработанными плитами прямоугольной формы. Как с внешней, так и с внутренней стороны прохода в плитах имелись углубления под деревянные конструкции - двери внутренней и внешней калиток. Выход из калитки с северо-востока прикрывала ещё одна стена, параллельная башне (рис. 4). Сохранилась на уровне фундамента, ширина которого доходит до 1,5 м. Сложена она из хорошо обработанных блоков белого известняка. Кладка двухлицевая из крупных обработанных блоков. Кладочный раствор глинистый, с большим количеством земли.

Аналогичный проход был выявлен в юго-восточной оборонительной стене на раскопе «Южный» (рис. 5). И так же, как и на западном участке, с внешней стороны он имел защитную стену. Однако, сохранность строительных остатков здесь значительно хуже, что связано, в первую очередь, с интенсивным использованием этой территории в более поздний период. Кроме того, исследования на этом раскопе далеки от завершения, и делать какие либо окончательные выводы пока преждевременно. Можно лишь констатировать наличие здесь южной угловой башни, от которой уцелела часть фундамента.

Ни южный, ни западный участки городища не могут претендовать на роль основного широкого въезда на поселение (слишком узки имеющиеся здесь проходы). Скорее всего, такой въезд был привязан к центральной улице. Она была выявлена в ходе магнитной разведки и частично исследована на раскопе «Центральный» [Зубарев, Смекалов, 2010, с. 233]. В районе северо-западного края городища вектор улицы выходит в разрез грунтовой дороги, где прослеживаются остатки мощного фундамента, выходящего за линию северо-западной оборонительной стены. Это вполне может быть одна из башен возле основного въезда на городище.

Открытым остаётся пока и вопрос о наличии внутри периметра оборонительных стен так называемой «цитадели», характерной, по мнению А.А. Масленникова, для поселений подобного типа [Масленников, 2001, с. 96]. По результатам магнитной разведки в центральной, возвышенной части как будто бы прослеживаются какие-то крупные постройки и довольно большое свободное пространство, возможно, центральный двор, однако, к какому времени они относятся и что собой представляют без конкретных археологических раскопок говорить преждевременно.

С юго-западной стороны холм, на котором расположено городище, отделён от прилегающей территории рвом. Время его сооружения неизвестно, но наиболее вероятным, на наш взгляд, является соотнесение данного рва с периодом строительства оборонительного периметра вокруг городища, когда весь выбранный грунт или его часть ушли на поднятие южного склона плато.

Ещё один небольшой ров и вал прослеживаются с юго-восточной стороны, однако их местоположение значительно ниже основания фундамента оборонительной стены и в непосредственной близости от основного зольника городища,

не позволяют включить данное сооружение в систему фортификации последнего. Скорее всего, юго-восточный ров и вал нужно связывать с более ранним поселением, на месте которого было основано городище римского времени.

Второй период.

Разрушения середины III в. н. э. не привели к окончательной гибели городища. Напротив, к концу III в. н. э. общая территория застройки внутри периметра расширяется. В то же время при сохранении первоначальной территории фортификационные сооружения вокруг городища претерпели существенные изменения. Северо-западная оборонительная стена была восстановлена. Её фундамент укрепляется дополнительной обкладкой из тёсаных блоков жёлтого ракушечника, в результате чего ширина фундамента местами достигает 3 м. Частично восстанавливается и юго-восточная стена. А вот юго-западная оборонительная стена была, по-видимому, полностью разобрана. Вместо неё по краю юго-западного рва параллельно внешнему фасу ранней оборонительной стены возводится новая стена из крупных необработанных камней белого известняка (стена № 110) (рис. 5). Кладка двухслойная, однолицевая, щели между камнями заполнены землёй и мелким бутом, основание на подушке из мелкого хорошо утрамбованного бута. С внутренней стороны стена укреплена плотным слоем бутового камня средних и мелких размеров вперемешку с землёй (рис. 8).

Одновременно со строительством новой юго-западной стены были восстановлены и угловые башни на её флангах. Западная башня укрепляется противотаранным поясом пирамидальной или усеченно-конической формы. Он опоясывал фундамент западной башни полукругом (рис. 4). Пояс был вскрыт на участке длиной до 22,0 м (расстояние по линии фаса). Ширина 2,9 – 3,2 м. Максимальная высота выявленной кладки 1,9 м. Сохранность до 6 рядов кладки. Кладка двухслойная, однолицевая, сложена под острым углом к основанию конструкции. Кладочный материал из слоя фаса представлен крупными необработанными камнями (0,9х0,4х0,5; 1,1х0,4х0,6; 0,8х0,5х0,4) из белого известняка, среди которых выявлены и обработанные каменные изделия вторичного использования: антропоморфное надгробие? (0,4х0,12х?) и известняковый алтарь (0,3х0,2х0,4). Пригонка каменных глыб не плотная. Кладочный раствор содержит большое количество земли (рис. 9). Пространство между фасом противотаранного пояса и непосредственно стенами западной башни заполнено слоем бутового камня мелкого и среднего размеров. При этом участок на стыке северо-западной оборонительной стены с башней («косая куртина») также был перекрыт слоем бутового камня мелкого и среднего размера мощностью до 0,6 м. Подножие противотаранного пояса расположено на слое золы и горелого серо-коричневого суглинка. Самые нижние камни противотаранного пояса, лежащие непосредственно на слое пожара, следов воздействия высоких температур не содержат. С целью изучения технических особенностей противотаранного

пояса он был частично разобран на участке, прилегающем к оборонительной стене № 6 и стене № 117. Под слоем необработанных глыб и бута выявлены крупные обработанные блоки из белого известняка (0,6х0,6х0,9; 0,6х0,4х0,8), специально положенные в основание противотаранного пояса.

Аналогичная конструкция выявлена и на раскопе «Южный», на участке длиной до 3,0 м (расстояние по линии фаса). Со стороны городища эта конструкция была перекрыта каменным завалом. Максимальная высота выявленной кладки 0,7 м. Сохранность до 3 рядов кладки. Кладка двухслойная, однолицевая, сложена под острым углом к основанию конструкции. Кладочный материал из слоя фаса представлен крупными необработанными камнями из белого известняка. Пригонка каменных глыб не плотная. Кладочный раствор содержит большое количество земли. Со стороны городища кладка перекрыта каменным завалом. Скорее всего, это остатки противотаранного пояса южной башни, которая на этом участке не сохранилась.

Пространство внутри западной башни на этом этапе её функционирования было плотно заполнено крупными, в том числе и хорошо обработанными каменными блоками, образовавшими ровную площадку на уровне верхнего края фундамента. Вероятнее всего, башня была переоборудована под бастион, в котором были установлены метательные орудия. Можно предположить, что и южная башня претерпела те же изменения.

Конструкция новой юго-западной оборонительной линии городища имеет аналогии в фортификации римского времени в Крыму. Примером может служить циклопический участок нижней оборонительной стены Харакса, верхняя часть которой была сложена из бута на известковом растворе. Время её сооружения не ранее II в. н. э. [Орлов, 1988, с. 24-25].

Новая фортификационная система городища «Белинское», пришедшая на смену старой в последней четверти III в. н. э., по-видимому, отражает общую тенденцию развития фортификации на Европейском Боспоре в этот период. Так, в конце III в. н. э. дополнительным панцирем были усилены башни в Китее [Молев, 2002, с. 304], а к первой половине IV в. н. э. относится возведение комплекса крепости на горе Опук [Голенко, 2007, с. 107-112, 125].

Третий период.

На последнем этапе своего существования фортификационные сооружения городища, как показали раскопки, подверглись наиболее кардинальным изменениям. Все прежние оборонительные стены и башни были заброшены и по большей части разобраны до уровня фундамента. Поверх него местами было сооружено некое подобие небольшого вала из многочисленных камней, земли, глины, золы и бытового мусора (особенно хорошо эта насыпь фиксируется на северном участке городища). Возможно, продолжал функционировать юго-западный ров. С другой стороны, площадь внутренней застройки сократилась (на

западном участке, например, отсутствует какой-либо материал второй половины IV в. н. э.), и новая оборонительная линия могла проходить как-то иначе. Впрочем, до сих пор археологического подтверждения этому нет.

Жилые и хозяйственные постройки.

Первый период.

Территория внутри периметра оборонительных стен, судя по археологическим данным и данным магнитной съемки, была плотно застроена. Однако, неоднократные перестройки в более поздние периоды, включающие сплошную нивелировку территории, существенно затрудняют восстановление первоначального облика.

Достаточно уверенно можно говорить о регулярном характере первоначальной застройки поселения. К настоящему времени выявлено несколько улиц (включая центральную:; как параллельных, так и пересекающихся под углом, близким к прямому (рис. 3;10). Они имели разную ширину (от 2,5 до 5 м.), но сходное покрытие: светлая известковая крошка, мелкий бут, фрагменты битой керамики с примесью золы толщиной от 0,05 до 0,2 м. Покрытие центральной улицы представляло собой крошку жёлтого ракушечника (толщиной до 0,26 м.) на слое бута.

Улицы делили территорию городища на отдельные сектора (кварталы), внутри которых располагались, по-видимому, достаточно однотипные жилые дома и хозяйственные постройки. В первую очередь, это прямоугольные в плане дома казарменного типа, открытые на северном участке городища. К их числу можно отнести помещения № 7, 8 и 19 (рис. 3). Площадь их внутреннего пространства достаточно велика – более 80 м² и делится перегородкой на две неравные части. Во всех помещениях имелись очаги для отопления. Скорее всего, к этому же типу построек следует отнести и четыре помещения, примыкающие к центральной улице (рис. 10). Однако малая площадь раскопа на этом участке не позволяет ответить на этот вопрос точно.

Из всех жилых помещений первого периода лучше всего сохранилось помещение № 7, непосредственно примыкавшее к оборонительной стене. Оно подверглось меньшим перестройкам и имело чётко стратифицируемые два уровня пола, между которыми находилась прослойка, образовавшаяся в результате пожара середины III в. н. э.

Помещение имело прямоугольную форму с небольшой перегородкой в юго-восточной части. Общая площадь помещения – 85,2 кв. м, площадь огороженной части – 24 кв. м (или 28%). Вход в помещение, шириной 1,7 м, располагался с северо-восточной стороны. Слева от входа помещался очаг (1,65 м X 0,9 м). В северном углу помещения имелась небольшая ниша, которая использовалась в качестве небольшого домашнего алтаря над культовым погребением собаки в основании фундамента. Часть помещения слева от очага, возможно,

выполняла хозяйственные функции, там сохранились небольшой участок вымостки, остатки вкопанного в пол пифоса и хозяйственная яма. Последняя, судя по её заполнению (зола и многочисленные довольно крупные фрагменты краснолаковой посуды), может трактоваться как культовая [Крыжицкий, Лейпунская, 2009, с. 252].

Прочие постройки, связанные с периодом основания городища, выполняли хозяйственные и вспомогательные функции. Часть из них непосредственно примыкала к оборонительным стенам (например, помещение № 45 вблизи западной башни). Другие находились на определённом удалении от неё (рис. 3). Их функциональное назначение было различным. Так, внутри помещения № 1, площадью 12,76 м², имелись кормушки, сложенные из плоских плит, врытых в материк, что указывает на то, что помещение предназначалось для содержания скота в зимний период (помещение отапливалось).

Помещение № 23 имело квадратную форму, его площадь составляла 20 м². В восточном углу, справа от входа располагалась печь размером 1,25 м × 1,05 м, имевшая глиняную обмазку. Пол помещения вымощен. Вход в помещение вел с юго-восточной стороны. Возможно, помещение являлось жилым или использовалось в качестве кухни, о чем свидетельствуют многочисленные обломки лепной и столовой краснолаковой посуды.

Вне вымощенных участков полы помещений - земляные, с примесью золы и мелкой ракушки. Часть стен, по всей видимости, была глинобитной на каменных цоколях. Ширина каменных цоколей – от 0,6 до 0,8, сохранившаяся высота – 0,4 – 0,8 м. Кладка двухслойная, постелистая, иррегулярная, сложенная на глине и грязи, заглублена в материк на 0,1 – 0,2 м. Для оформления углов и дверного проёма в жилых помещениях использовались крупные хорошо обработанные блоки. Для кровли, вероятно, применялись деревянные перекрытия.

Большая площадь помещений, сочетание жилой и хозяйственной функций, а также близость к крепостной стене позволяют предположить, что эти помещения являлись казармами для солдат военного формирования, располагавшегося в Белинском городище на начальной стадии его существования.

Вопрос о составе воинского контингента и времени его пребывания на городище – сложный и в настоящее время не имеет однозначного ответа. Дома казарменного типа как будто бы свидетельствуют в пользу исключительно военного характера поселения, однако такая ситуация продолжалась недолго. Уже к середине – второй половине II в. н. э. на некрополе городища наблюдается довольно большое количество женских и, особенно, детских захоронений. К этому же времени следует отнести и начало перепланировки жилых построек: из домов казарменного типа в многокамерные здания с жилыми, хозяйственными помещениями и домашними святилищами, с вымощенным внутренним двориком или без него. Скорее всего, новая структура внутренней застройки городища в общих чертах сложилась уже к середи-

не III в. н. э., однако археологически в полном объёме её удаётся проследить лишь применительно ко второму строительному периоду.

Второй период.

Общая планировка внутренней застройки городища в этот период почти не претерпела изменений. Направление, ширина улиц и структура кварталов сохранились. Были восстановлены прежние помещения, разрушенные или повреждённые в ходе событий середины III в. н. э. Многокамерные дома формировались путём перегораживания больших помещений казарм, а также в процессе пристройки к ним дополнительных помещений.

Так, к помещению № 7 были пристроены ещё четыре (помещения 4, 2, 3, 5). Связанные внутренним двориком, они образовали одно здание площадью около 200 м². 30% этой площади занимал внутренний дворик (рис. 11.1).

Помещение № 8 вместе с пристроенными к нему помещениями № 9 и № 10 также объединяются в одно здание (рис. 11.2). При этом помещение 8 сохраняет статус жилого, однако часть его отгораживается для хозяйственных нужд. Пол в этой отгороженной части был вымощен, по углам имелись две хозяйственные ямы, а на полу находился развал амфор типа «Делакеу». Площадь помещения 10 сократилась до 48,1 м² из-за возведения новой стены. Хозяйственное назначение имело, скорее всего, и помещение № 10, примыкавшее к помещению № 8 с юго-востока. С северо-запада к помещению № 8 была добавлена небольшая пристройка площадью около 5 м² (помещение № 9). Наличие в его северо-западной части алтаря в виде прямоугольного ларя, составленного из плит и заполненного золой, перемешанной с грунтом, позволяет интерпретировать это помещение как домашнее святилище. Подобные святилища выявлены во всех основных центрах Северного Причерноморья, а также на поселениях их хоры [Крапивина, 2012, с. 204].

Ещё одно здание сформировалось вокруг помещения 19, к которому в результате перестройки были добавлены четыре новых помещения (помещения 24, 25, 31 и 32) и хозяйственный дворик (рис. 11.3). Общая площадь здания составила 106 м². Одно из помещений служило домашним святилищем, два были жилыми и два имели хозяйственное значение.

Все перечисленные выше здания сосредоточены в северной части городища (раскоп «Северный»), которая к настоящему времени наиболее хорошо изучена археологически. Картина на других раскопах менее выразительна, хотя и здесь можно выделить ряд помещений, существовавших на протяжении длительного времени и, возможно, являвшихся частью более крупных построек. На раскопе «Центральный» это помещения № 39-40 и 42-43, а на раскопе «Южный», соответственно, помещение № 38 (рис. 9; 5). Данные археологических раскопок дополняют результаты магнитной съёмки в восточной части городища, где на площади около 1,5 га выявлены аномалии, которые можно интерпретировать

как дома-помещения площадью 80 – 120 м², что вполне согласуется с ситуацией на раскопе «Северный» [Зубарев, Смекалов, 2010, с. 236-237].

Полы в помещениях, за исключением вымощенных хозяйственных участков, как и в первый период, оставались земляными. Конструкция стен также аналогична стенам предыдущего периода с той разницей, что кладки стали грубее и в кладочном растворе встречается больше глины и земли. Возможно, это следствие изменившегося этнического состава населения городища, что нашло отражение и в погребальных традициях (типичные для первого периода грунтовые могилы и склепы с уступчатым перекрытием полностью вытесняются вырубленными склепами с коротким дромосом).

В целом, несмотря на сохранение традиций предшествующего периода, можно отметить определённую деградацию приёмов строительной техники. В частности это отразилось на практике покрытия крыш черепицей.

За всё время раскопок на городище найдено всего несколько десятков фрагментов черепицы. Из них 80% – черепица местного боспорского производства, а 20% – привозная светлоглиняная синопская. Столь малое количество остатков кровельного материала ещё не говорит о том, что черепица была мало распространена. Возможно, после разрушений она была увезена жителями с городища на новые поселения. Подобная ситуация наблюдается и на Илурате [Гайдукевич, 1958, с. 31]. Другое дело – распределение находок по периодам. На городище «Белинское» фрагменты черепицы обнаружены на раскопах «Северный», «Южный» и «Центральный». Большая их часть (60%) найдена в слое I строительного периода, меньшая (30%) происходит из слоя II периода, оставшиеся 10% извлечены из ям позднего перекопа. Такая тенденция во второй половине III – IV вв. н. э. наблюдается даже в некоторых крупных античных центрах Северного Причерноморья, например, в Ольвии. Здесь завал перекрытия одного из так называемых «послеготских» домов показал, что крыша здания второй половины III – IV вв. н. э. была покрыта не черепицей, как это обычно практиковалось в античных населённых пунктах, а соломой и камышом [Зубарь, Сон, 2007, с. 203].

Третий период.

Большинство зданий после разрушений конца первой четверти IV в. н. э. было заброшено. Общая площадь застройки, по-видимому, сильно сократилась. На раскопе «Северный» из прежних построек продолжало функционировать лишь одно здание, включающее помещение 19 и два отдельных помещения (№ 10 и № 23), однако появляется большое количество небольших по площади помещений, в основном имевших хозяйственное назначение. Внутри двух из них находились алтари, что позволяет рассматривать эти помещения как домашние святилища. Кроме того, здесь обнаружены остатки нескольких вымосток (самая большая по площади вымостка № 16), часть из которых могла являться хозяйственными дворами (рис. 3). На остальных раскопах строительные

остатки представлены преимущественно отдельными небольшими стенками и загородками, а также ямами различного назначения.

Новым на этом этапе стало появление больших грушевидных в плане ям, вырубленных в скальном грунте и имеющих каменную обкладку горловины. Из 102 ям, исследованных к настоящему времени на городище, только четыре имеют подобную конструкцию, и все они функционировали в третий строительный период.

Ещё одно изменение, произошедшее в это время, связано с находками артефактов, свидетельствующих не столько об инновациях в застройке поселения, сколько об изменении в занятиях его жителей. Речь идёт о выявленных при раскопках фрагментах переносного тарапана и большом количестве культовых моделей этого атрибута виноделия (23), излечённых из ямы – фависсы вместе с тремя миниатюрными алтариками и крупными фрагментами амфор с дипинти. Подобных находок в слоях и постройках предшествующего времени пока не найдено.

Произошедшие на заключительном этапе существования городища «Белинское» изменения, включая отсутствие долговременных оборонительных сооружений, позволяют сделать вывод об эволюции этого поселения в сторону обычного селища, жители которого занимались преимущественно сельским хозяйством, включая такую его отрасль, как виноградарство.

Благоустройство.

Городище с самого начала имело достаточно высокую степень благоустройства. Помимо хорошего покрытия улиц, имелись открытые водостоки, выходящие за линию оборонительной стены. Один такой водосток был выявлен вблизи западной башни (рис. 4), два других, сохранившихся значительно хуже, на северном участке. Во второй строительный период западный водосток был заброшен, однако, продолжали функционировать водостоки на северном участке, и появился ещё один водосток на востоке городища. Даже на заключительном этапе в жизни городища, несмотря на некоторое запустение (северные водостоки были разрушены и засыпаны мусором), система водостоков продолжала действовать. Сохранился восточный водосток, а вместо разрушенных был построен новый (участок этого нового водостока был обнаружен на раскопе «Северный» вблизи предполагаемого главного въезда на городище).

Ещё одним элементом благоустройства являлась правильная организация застройки территории городища: отсутствие скученности жилых и хозяйственных построек и наличие свободного пространства между ними, дающего доступ воздуху и солнцу. Ни один дом, выявленный в ходе раскопок, по крайней мере, на начальном этапе жизни городища не был построен вплотную к другому. По данным магнитной разведки на восточном участке городища половину площади застроенной территории занимали улицы [Зубарев, Смекалов, 2010, с. 236].

И, наконец, третьим компонентом благоустройства можно считать наличие централизованного места сбора мусора, т. е. свалки. Единственный большой

зольник городища «Белинское» располагался к юго-востоку от него, за пределами оборонительного периметра (рис. 2). Лишь на заключительном этапе существования мусор стал сбрасываться на отдельных, заброшенных к этому времени, участках внутри периметра.

Итак, возникнув как военное поселение, городище «Белинское» достаточно быстро стало изменяться в сторону поселения городского типа. Этому способствовал целый ряд благоприятных факторов: удобное расположение на перекрёстке дорог, относительная близость моря, наличие надёжного источника воды и, что немаловажно, успешная экспансия Боспора в западном направлении, отодвинувшая границы государства от Узунларского вала. Как показали исследования некрополя городища, наиболее ранние захоронения здесь относятся к концу II в. н.э., и среди них есть как женские, так и довольно многочисленные детские погребения.

Изменяется и характер застройки. Появляются многокамерные здания с внутренними дворами, увеличивается количество хозяйственных помещений, резко возрастает число хозяйственных ям. Можно предположить и появление каких-то общественных зданий. Косвенным подтверждением этому могут служить находки на городище фрагмента мраморной строительной плиты и мраморной облицовочной плитки. Процесс эволюции в сторону дальнейшей урбанизации продолжался бы и дальше, однако он был прерван в середине III в. н.э. начавшимся нашествием варваров, а затем и вовсе прекратился.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // МИА. 1958. №85.
- Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа.- Симферополь.- 2007.
- Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М. 2005.
- Зубарев В. Г., Смекалов С. Л. К вопросу о планировке и численности населения городища «Белинское» на начальном этапе его существования // ДБ. 14. М. – 2010. С. 233-243.
- Зубарев В.Г., Куликов А.В. Монетные находки с городища «Белинское» // ДБ. 15. 2011. - С. 173-178.
- Зубарь В. М., Сон Н. А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху.- Симферополь.- 2007.
- Кративина В. В. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // БИ.- Вып. XXVI.- Симферополь-Керчь.-2012.- С. 182-217.
- Кругликова И. Т. Раскопки поселения у дер. Семеновка. // МИА. 1970. №155.
- Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – Киев. 1993.
- Крыжицкий С. Д., Лейтунская Н. А. Об интерпретации культурных напластований в жилых домах (на примере жилых кварталов эллинистического времени в Ольвии) // БЧ.- Х.- Керчь.- С. 249-253.
- Масленников А. А., Чевелёв О. Д. Охранные раскопки на Ново-Николаевском городище.// КСИА. 174. М. 1983. – С. 91-95.
- Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М. 1998.
- Масленников А. А. Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. – Вып. I. – Симферополь. 2001. – С.75-100.
- Молев Е. А. Система обороны Китея. // БИ.- Вып. II.- Симферополь.- 2002. С.297-312.
- Орлов К. К. Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев. – 1988.- С.16-27.

В.Г. Зубарев, Е.Е. Седых

ПЛАНУВАННЯ ТА ОСНОВНІ ЕТАПИ ЗАБУДІВЛІ
ГОРОДИЩА «БЕЛІНСЬКЕ» У II – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ V ст. Н. Е.

Резюме

В статті аналізуються основні етапи забудівлі городища «Белінське» у Східному Криму на протязі всього часу його існування. Розглядаються особливості оборонної лінії городища, дається характеристика будівельних залишків житлових та господарських споруд, зачіпаються питання благоустрою. Автори припускають, що городище, яке виникло як військове поселення-фортеця, поступово розвивалось у бік поселення міського типу. Цей процес був перерваний у середині III ст. н. е. почавшимся навалом варварів, а потім і зовсім припинився.

В. Г. Зубарев, Е. Е. Седых

ПЛАНИРОВКА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСТРОЙКИ
ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ» ВО II – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V вв. Н. Э.

Резюме

В статье анализируются основные этапы застройки городища «Белинское» в Восточном Крыму на протяжении всего времени его существования. Рассматриваются особенности оборонительной линии городища, даётся характеристика строительных остатков жилых и хозяйственных построек, затрагиваются вопросы благоустройства. Авторы предполагают, что, возникшее как военное поселение-крепость, городище постепенно развивалось в сторону поселения городского типа. Этот процесс был прерван в середине III в. н. э. начавшимся нашествием варваров, а затем и вовсе прекратился.

V.G. Zubarev, E.E. Sedykh

PLANNING AND THE MAIN STAGES OF BUILDING
THE SETTLEMENT BELINSKOYE IN THE 2nd – FIRST HALF OF THE 5th cc. BC

Summary

The main stages of building up the settlement Belinskoye in the eastern Crimea during the whole period of its existence are analyzed in the article. The authors observe peculiar features of the defensive line of the settlement, characterize remains of residential buildings and household structures, and relate to the matters of improvement. The authors suggest that the settlement, which appeared as a military settlement-fortress, gradually developed towards an urban settlement. This process was interrupted in the middle of the 3rd century AD, when the invasion of the barbarians began, and then completely stopped.

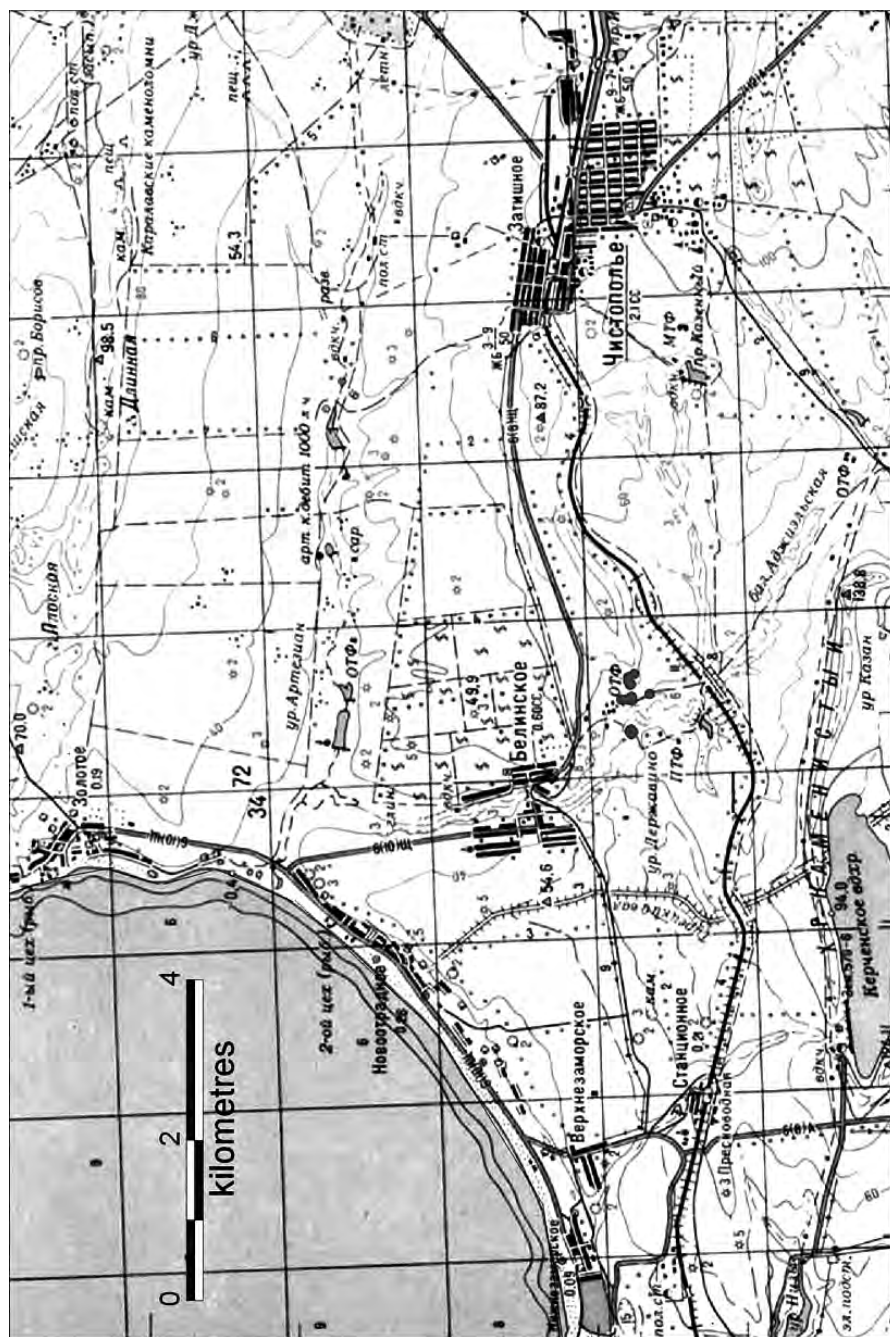

Рис. 1. План расположения городища «Белинское» и его некрополя на местности.

Рис. 2. Контур внутренней части городища и раскопы 1996 – 2012 гг.

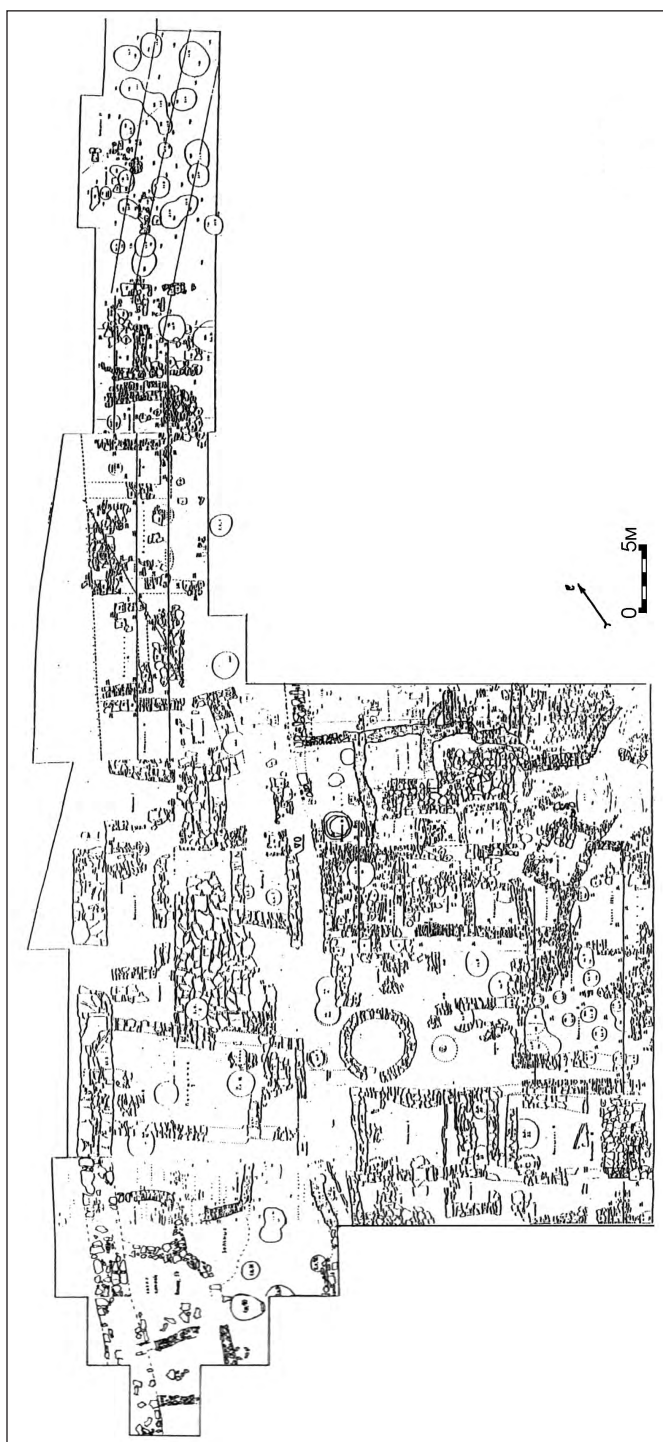

Рис. 3. План-схема раскопа «Северный».

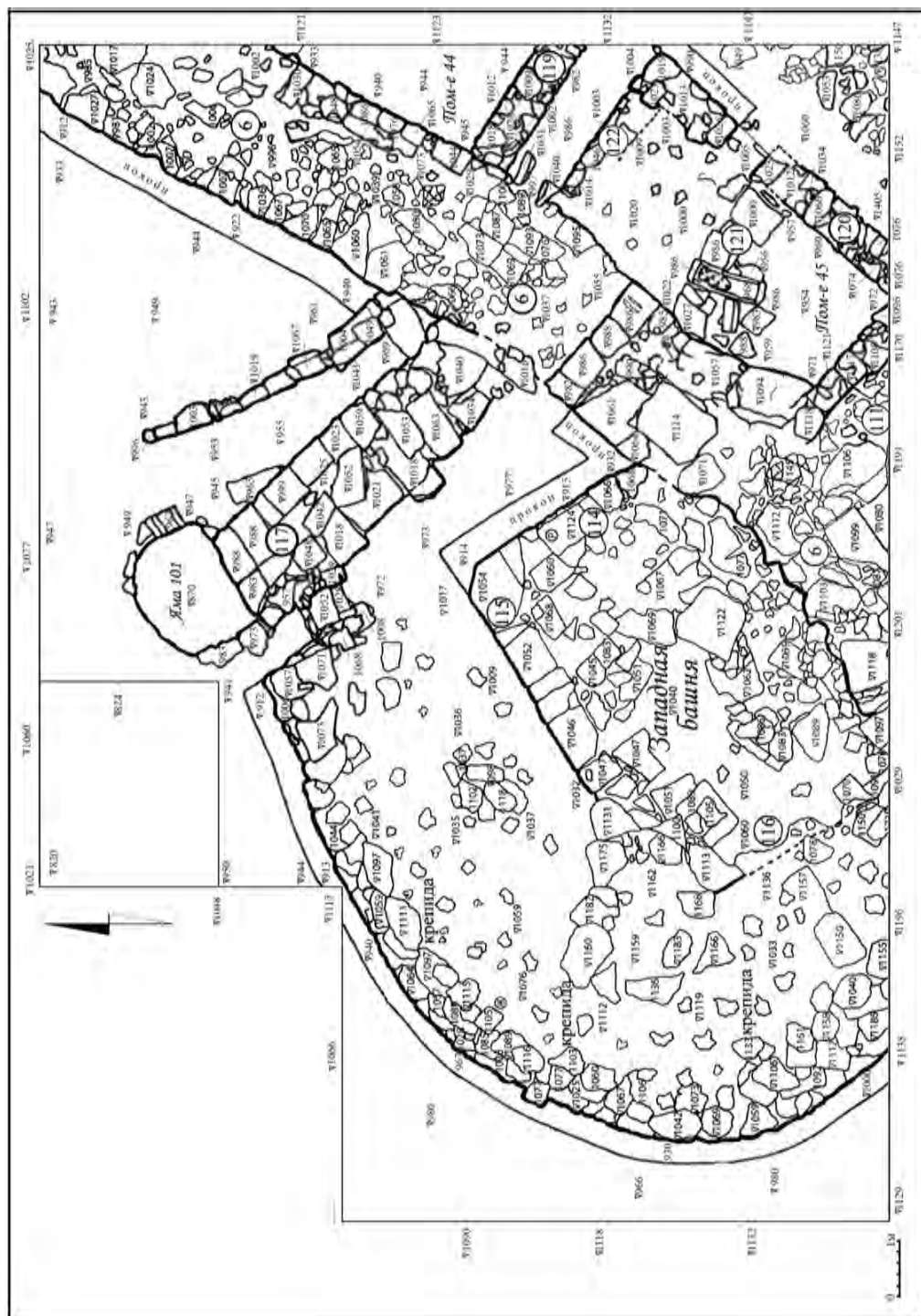

Рис. 4. План-схема раскопа «Западный».

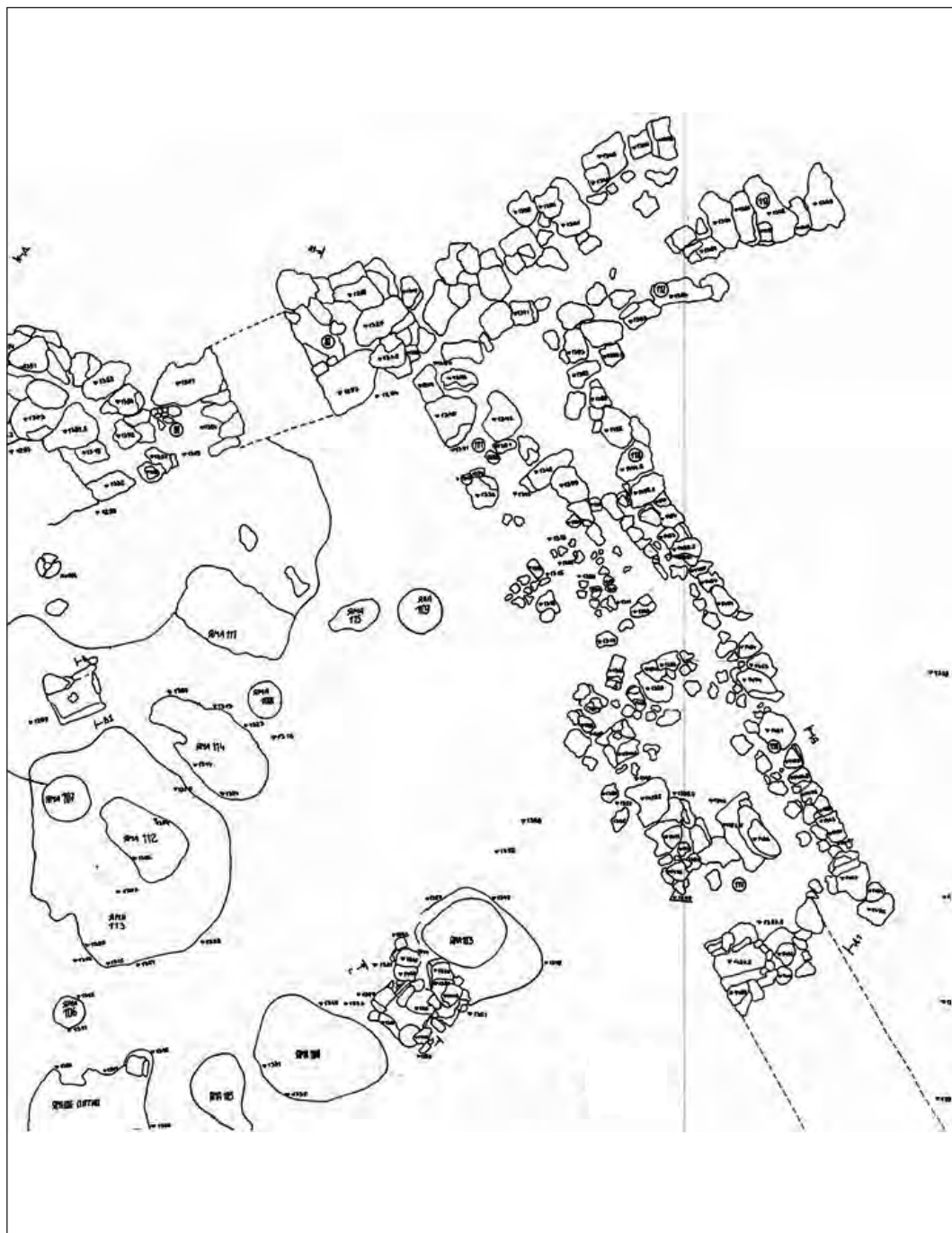

Рис. 5. План-схема раскопа «Южный».

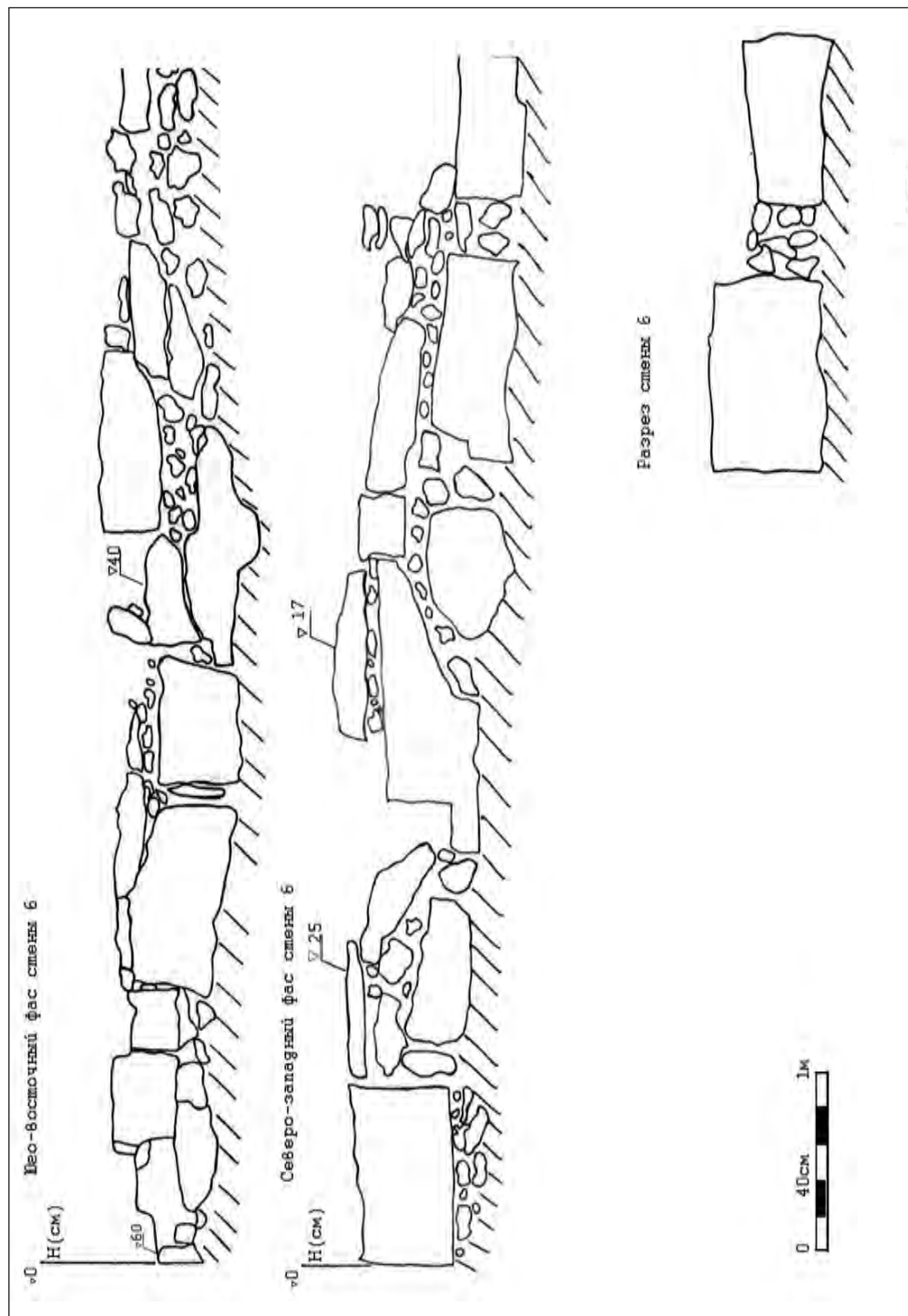

Рис. 6. Фасы и разрез северо-западной оборонительной стены.

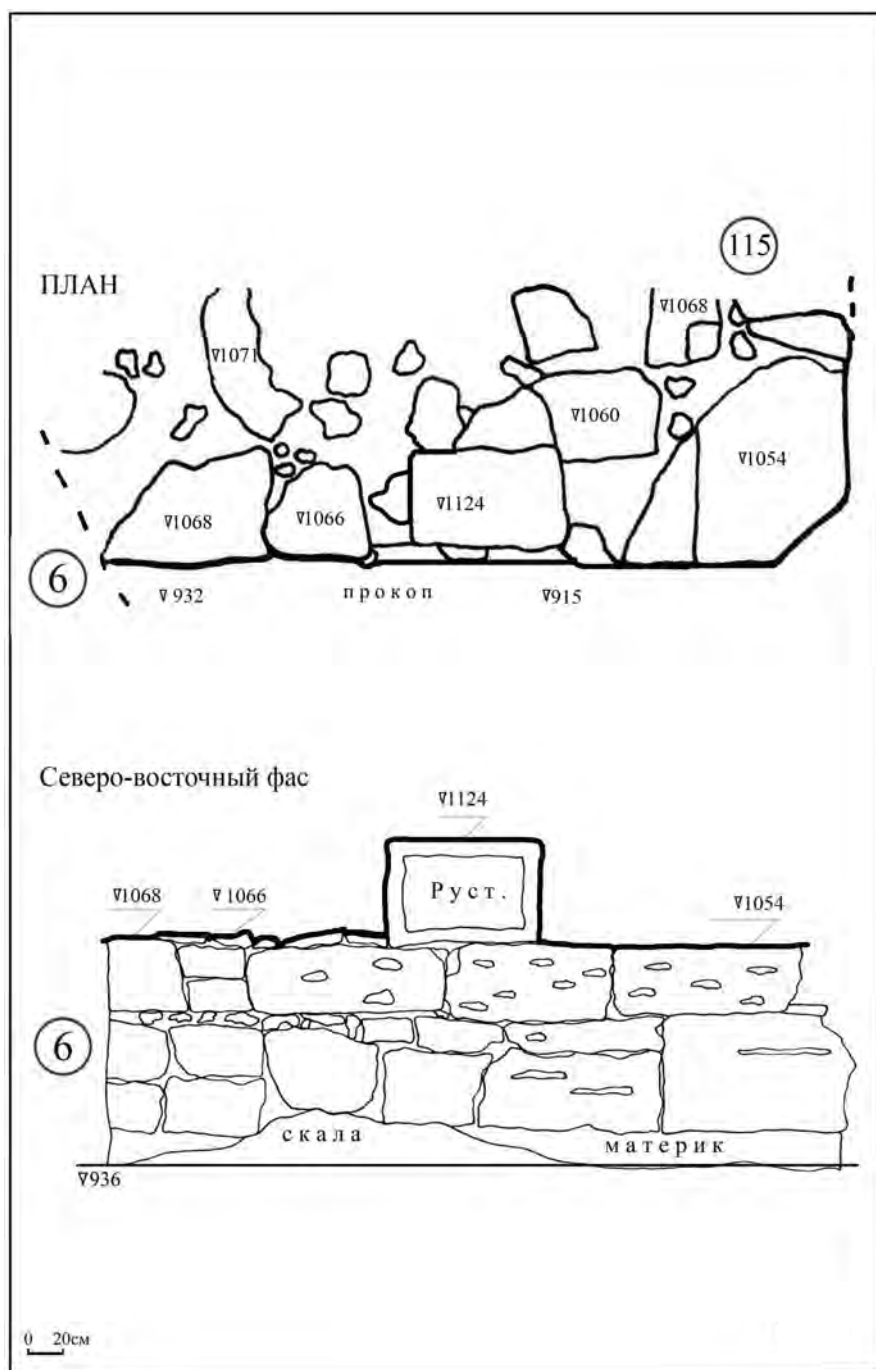

Рис.7. Северо-восточная стена западной башни с рустованным блоком первого ряда кладки.

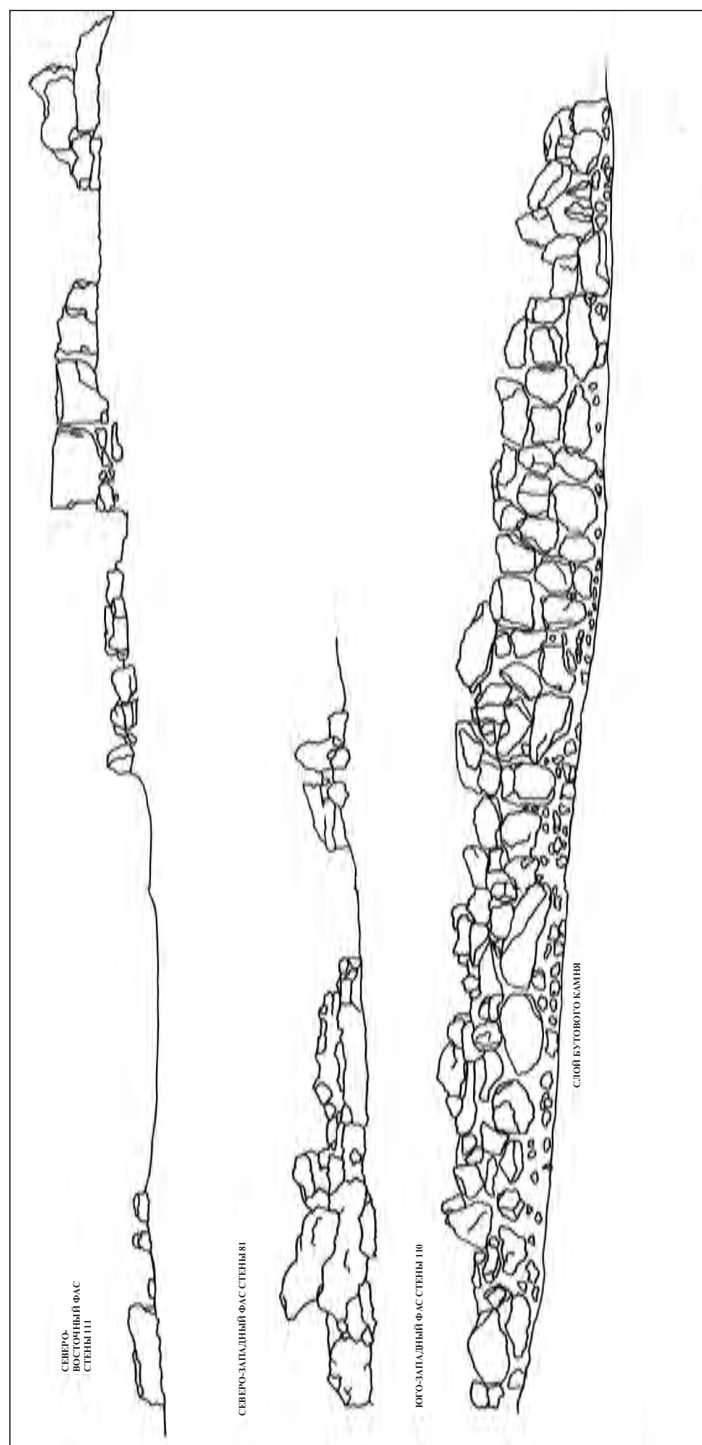

Рис. 8. Фасы юго-западной и юго-восточной оборонительных стен и стены № 110.

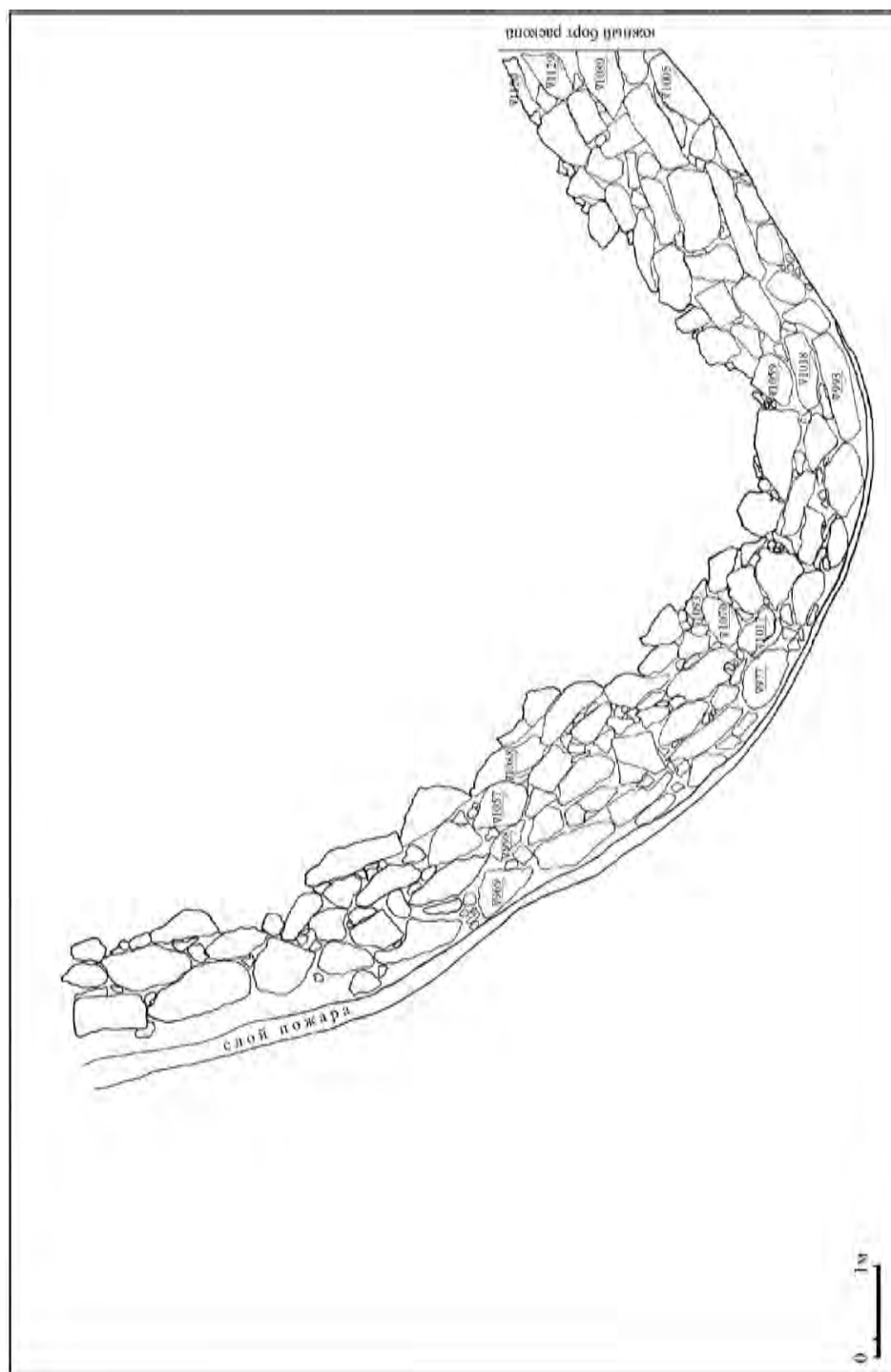

Рис. 9. План и фас противотаранного пояса западной башни.

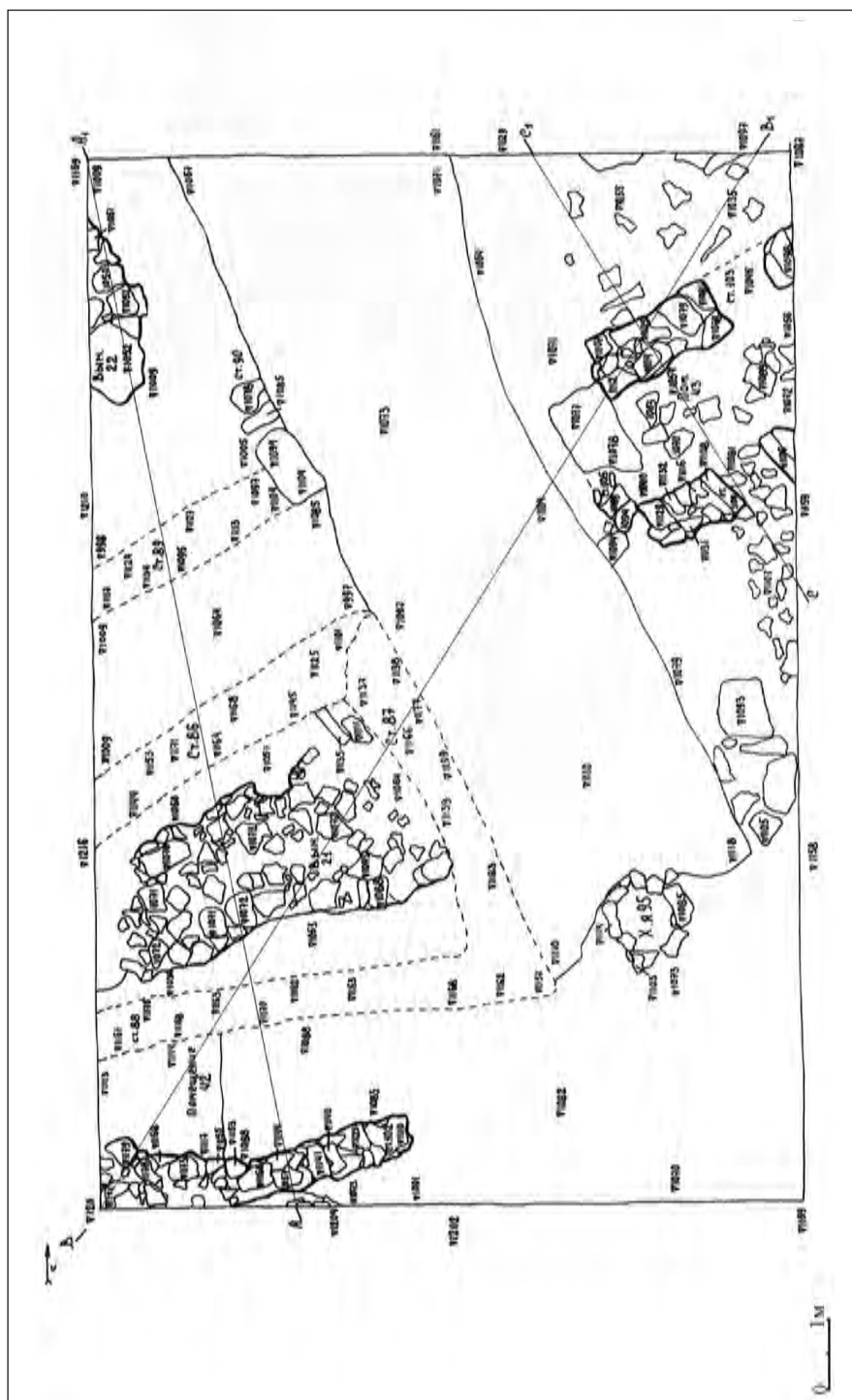

Рис. 10. План-схема раскопа «Центральный».

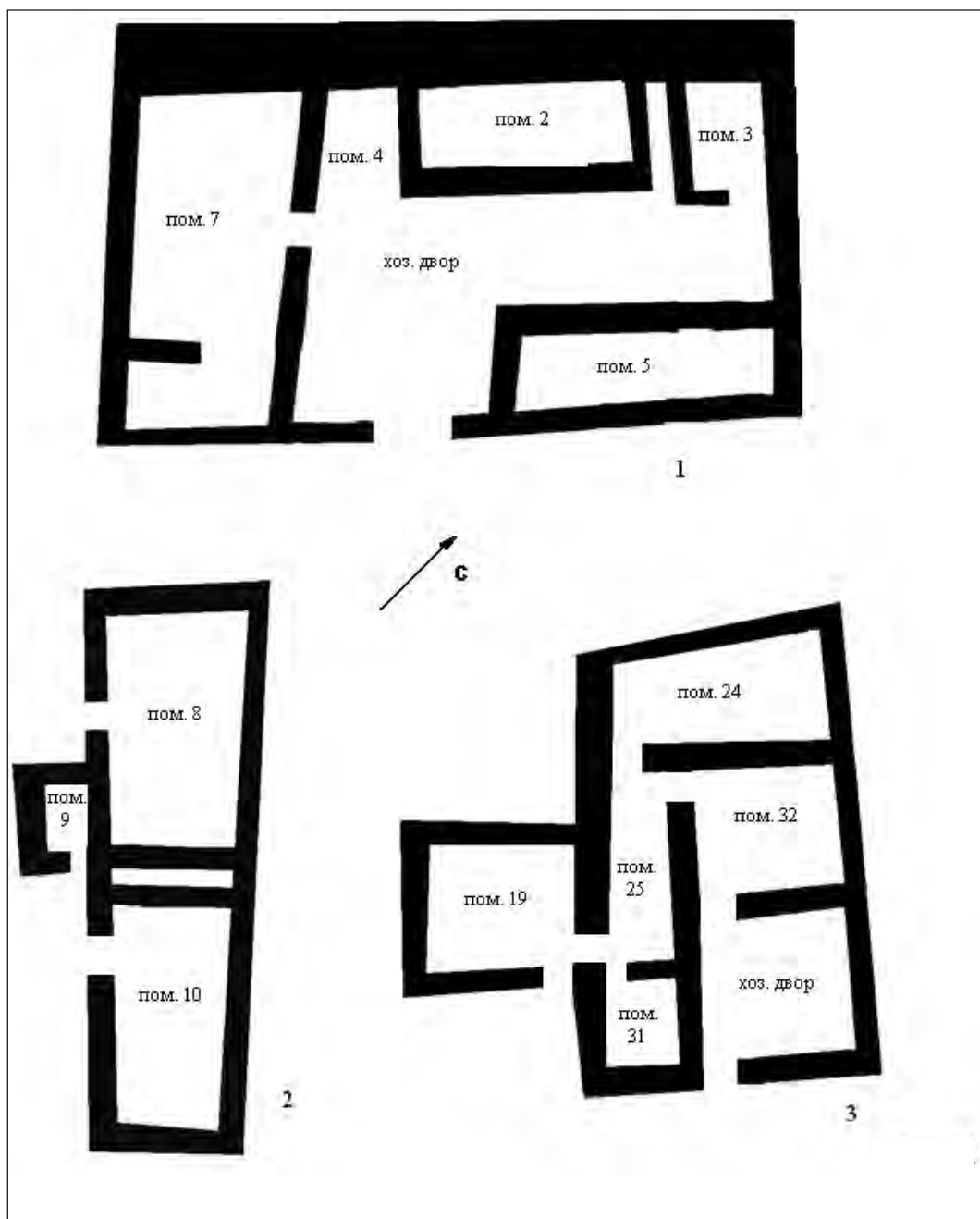

Рис. 11. Планы зданий второго строительного периода.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

**РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА
В АРЕАЛЕ ИНТЕРЕСОВ ИМПЕРСКИХ ТАМОЖЕН
(находки моливдовулов коммеркиариев как отражение процесса развития
крымских городских центров в «темные века»)**

Для решения проблем, связанных с формированием средневековых городских центров в период раннего средневековья, немаловажную роль играют факторы, отражающие их урбанистическую составляющую: наличие управленческих структур, развитых ремесел и активного товарооборота. Участие в широкомасштабных торговых операциях, в том числе и международных, является одним из наиболее важных аспектов в этом вопросе. На фоне весьма скудных данных письменных источников о формировании городских центров Таврики в VII-VIII вв. поистине неоценимый вклад здесь вносят византийские моливдовулы.

Данные памятников сфрагистики, происходящих из различных регионов Византийской империи, свидетельствуют, что ранневизантийская Таврика в период т.н. «темных веков» активно участвовала в защите экономических интересов империи. С полной уверенностью можно говорить, что, по крайней мере, в двух портах - Херсоне и Сугдее, осуществлялся государственный контроль над товарами заморских купцов еще задолго до создания здесь военно-административной области - фемы и организации специализированной службы коммеркиариев в Херсоне. [Алексеев, 2004, с. 92-102; Алексеев, 2005, с. 1592-1626; Alekseyenko, 2007, p. 121-164].

Как известно, самые ранние печати коммеркиариев Херсона (с инвокативной монограммой на аверсе) не выходят за границы середины IX в. [Alekseyenko, 2012, с. 181-185, nos. 95-101].

В то же время находки печатей чиновников провинциальных таможенных складов предшествующего времени свидетельствуют о том, что в крымских портах осуществлялся государственный контроль над товарами заморских купцов уже в VII в., а Таврика находилась в ареале интересов имперских секретов-инспекций, контролировавших экспорт-импорт товаров в припонтийском регионе.

В финансовом управлении Византийского государства коммеркиариям с самого начала была отведена важная и значительная роль. Термин коммеркиарий (сохранившийся от прежних *comites commerciorum*) появляется в перечне византийских чиновников около 500 г. при императоре Анастасии I (491-518). Известна антиохийская печать этого периода [Brandes, 1983, p. 171-177]. В круг обязанностей рассматриваемого чиновника главным образом входил надзор

над торговлей и производством шелка в Византии [Сюзюмов, 1949, с. 63, § 2.; Antoniadis-Bibicou, 1963, p. 225-238; Hendy, 1985, p. 624-634, 654-662; Dunn, 1993, p. 3-24]. Позже к этому добавилось взимание специального 10% налога – коммеркиона - с импорта-экспорта товаров и торговли ими на всей территории империи [Oikonomides, 1991, p. 242-243].

Изменение государственной политики во внешней торговле в конце VIII в. и практическое упразднение монополии на шелкопродажу привели к потере основной функции коммеркиариев [Oikonomides, 1986a, p. 38-39]. Но имперские власти, очевидно, не полностью упразднили шелковую монополию. Либерализация условий экспортно-импортных операций вовсе не означала отказ властей от контроля над ними [Сорочан, 1998, с. 296]. Напротив, проведенные мероприятия дополнительно позволили получать с купцов-иностранцев еще и таможенные пошлины, взимание которых вошло в компетенцию коммеркиариев [Сорочан, 1998, с. 296-297]. Последних как сборщиков таможенных пошлин именно в портовых городах отмечали в свое время еще Г. Шлюмберже и Н.П. Лихачев [Schlumberger, 1884, p. 470-471; Лихачев, 1924, с. 154].

Сбор налогов и пошлин осуществлялся на государственных таможнях – фемных императорских коммерциях, непременным условием существования которых было прохождение через них сухопутных или же морских торговых трактов [Йорданов, 1992, с. 23]. В этих условиях стратегически выгодно расположенные Сугдея и Херсон являются яркими примерами такого положения. Еще со времен античности через Таврику проходили традиционные караванные пути, связывавшие Север и Юг, а в византийский период обеспечивавшие связи Византии с Древней Русью, Западной Европой и кочевниками Северо-востока. Один из таких караванных путей указывает нам Константин Багрянородный. Причем, описывая путь из Фессалоник через Северное Причерноморье на Кавказ, император ясно дает понять о существовании двух его маршрутов – морского и сухопутного [Константин Багрянородный, 1991, с. 171-177]. Вне всякого сомнения, торговые караваны не могли миновать Херсон и Сугдею.

Здесь важно замечание Н. Икономидиса, говорившего о внешней торговле Византийского государства и участия в ней Херсона, являвшегося завершением важной коммерческой магистрали Востока, которая пересекала степи, и отмечавшего, что совсем не случайно, здесь так же, как в Трапезунде (Халдия), другом главном завершении наземной дороги из Персии, появился коммеркиарий [Oikonomides, 2000, с. 320]. Это было обусловлено и географическим положением этого центра, и, безусловно, его экономическим развитием, способным поддержать достаточный объем товарооборота с северными соседями.

Наличие таможенной службы в том или ином пункте, вне всякого сомнения, влияло на усиление его урбанистических тенденций. Присутствие заморских купцов в первую очередь обуславливало необходимость создания соответствующей инфраструктуры: таможенного управления, где сохранялась путевая

документация, соответствующей портовой службы, складов для хранения товаров, постоянных дворов и, очевидно, даже каких-то банковских структур. В качестве примера можно отметить, что в портовой части Херсона выявлен целый квартал, который, по мнению исследователей, являлся местом пребывания русских купцов и мастеров [Колесникова, 2005, с. 78-86; Колесникова, 2006, с. 129-150], а на северном берегу городища открыт большой постоялый двор [Рыжов, 1999, с. 168-180].

Находки печатей коммерciareв в Крыму очерчивают вполне определенный ареал контактов местных чиновников со своими коллегами и тем самым указывают на вполне определенные связи Таврики с регионами империи, откуда приходили экспортируемые товары.

Одна из последних находок в Херсоне [Алексеев, 2012а, с. 7-12] также не выходит за рамки этого ареала (подробнее об этом ниже). И она полностью соответствует одному из сугдейских моливдовулов. Печать имеет достаточно хорошую сохранность, что позволяет восстановить полный текст представленной на ней легенды. Кроме того, этот моливдовул, датируемый началом второй четверти VIII в., является самой поздней из известных булл главных коммерciareв таможенных складов, найденных в Херсоне (рис. 1).

Аверс. Погрудное изображение двух императоров (Лев III и Константин V) в парадных хламидах, накинутых поверх хитонов, застегнутых на правых плечах крупной фибулой, в правых руках держащих сферы, увенчанные крестами. На головах стеммы, также увенчанные крестами. По сторонам в поле: слева - знак обозначения индикта - †; справа - Н = «индикт 8». Внизу под изображениями императоров-соправителей остатки четырехстрочной надписи:

..ΝΑϚ..	...νασ.....
...ΑϚ.	ασ...
...ΒΑ.	βα...
...	...

Реверс. Восьмистрочная надпись, из которой сохранилось только семь строк:

..S...	(καί) ...
..ΘΚΟΜΜΕΡ	...κ(οῦ) κοῦμμερ
ΚΙΑΡΙΘΑΠΟΘΗ	κιαρ ου ἀποθή
ΚΗΝΟΝΟΡΙΑΔ	κης Ὀνοριάδ
ΟΨΑΦΛΑΓΟΝ	ος Παφλαγον
ΙΑϚΤΗΝΠΑ	ας (καί) τῆς πα
ΡΑΛΙΑϚΤΘ	ράλιας τ(οῦ) ...
...	...

[᾽Α]νασ[τασί]ου ὑπάτου βα[σ]ιλικοῦ βα[λν] τορος] καί [τοῦ γενικ]οῦ κοῦμμερκιαρ ου ἀποθήκης Ὀνοριάδος Παφλαγον ас κα) τῆς παράλιας τοῦ ... -

Анастасия, ипата, императорского валнитора и главного коммеркиария аптеки Онориады, Пафлагонии и приморского (побережья)

Последняя строка легенды оборотной стороны печати восстанавливается по аналогичным экземплярам из коллекции Н.П. Лихачева и одной из сугдейских находок - <Πόντου μέχρι Τραπεζούντας> - Понта до Трапезунта [См.: Лихачев, 1991, с. 214-215, № 3; Šandrovskaja, 1993, p. 86, nr. M-12458].

Таким образом, исходя из легенды моливдовула, в ведении коммеркиария Анастасия находилась обширная территория практически всего южного побережья Понта, от Вифинии и Халдии.

Присутствие на печати индикта позволяет ее датировать с точностью до одного года. В совместное правление Льва III и Константина V (720-441 гг.) восьмой индикт выпадает на 724/25 г.

К сожалению, сохранность моливдовулов коммеркиариев, обнаруженных в разное время на территории византийской Таврики, далеко не всегда позволяет с уверенностью говорить о географической принадлежности этих находок. Тем не менее, присутствие близких аналогий в других регионах империи (Малая Азия и Балканы) дает все основания полагать, что, вероятнее всего, эта группа печатей принадлежала тому же или очень близкому кругу адресантов, т.е. чиновникам апотек округа Константинополя, Геллеспонта, Малоазийского или Балканского Причерноморья.

Об активном участии Таврики в экспортно-импортной торговле империи свидетельствуют и некоторые другие памятники сфрагистики.

К тому же VIII в. относится уникальная печать буллотира Иерона [Алексеевко, 1997, с. 126-127, № 3; Алексеевко, 2004, с. 268, рис. 7], относившегося к ведомству епарха Константинополя, в чьи обязанности входило от имени последнего опечатывать товары, подлежащие таможенному контролю и проходившие через столицу империи [Oikonomidès, 1972, p. 112-113, 321].

О контактах Таврики с приморскими районами Южного Понта и Геллеспонта свидетельствуют и два моливдовула т.н. «комитов проливов», двух основных морских таможен Византии: Иерона и Абидоса [Алексеевко, 1997, с. 127-128, №№ 4-5; Алексеевко, 2004, с. 269, рис. 8-9], стратегически выгодное местоположение которых в проливах, соединяющих Черное и Средиземное моря (Иерон на Боспоре, а Абидос в Дарданеллах), обеспечило создание всех необходимых условий для обеспечения непосредственного контроля над транзитом грузов из Черного моря в Средиземное и обратно.

К этим находкам необходимо добавить и не вполне обычный моливдовул херсонского коммеркиария, вероятно, первой половины X в., изданный в свое время В.И. Булгаковой как «неизвестный чиновник администрации Херсона» с ошибочным чтением легенды [Булгакова, 2008, с. 309, № 16], чьи полномочия, судя по представленной на нем легенде, распространялись и на какую-то часть Понта [Алексеевко, 2012б, с. 279-281, рис. 7]. Указанный экз. в настоящее время стал самым поздним из коммеркиариев, найденных в Судаке.

Возвращаясь к владельцу нашего моливдовула, следует отметить, что

коммеркиарий Анастасий, надо полагать, обладал весьма незаурядными способностями в своем деле, в результате чего, судя по его сохранившимся буллам, он сделал достаточно успешную карьеру таможенника, в юрисдикции которого за время службы находились не только несколько центральных областей империи, но и неоднократно сама столица Византии [Zacos-Veglery, 1972, p. 158, nable 13; Cf. Laurent, 1952, p. 124; Antoniadis-Bibicou, 1963, p. 125-127].

Свою карьеру он, скорее всего, начинает с приходом к власти Льва III Исавра (717-741). Во второй год правления (индикт 2 = 718/19 г.) новый император отправляет его осуществлять таможенный контроль над восточными провинциями. На одной из самых ранних печатей Анастасия он фигурирует в качестве императорского валнителя и главного коммеркиария аптеки Исаврии и Sillayon (часть провинции Памфилии) [Панченко, 1908, с. 1-4, № 1, табл. 1.1; Лихачев, 1924, с. 176, № 5; Лихачев, 1991, с. 214, прим. 3]. Однако, видимо, очень скоро он был отозван в столицу на аналогичную должность, о чем красноречиво свидетельствует печать с указанием того же второго индикта, но с указанием аптеки Константинополя [Zacos-Veglery, 1972, p. 300-301, nr. 223].

При совместном правлении Льва III и Константина V (720-741) через год (4 индикт = 720/21 г.) наш персонаж получает титул ипата и по-прежнему возглавляет аптеку Константинополя [Zacos, Veglery, 1972, p. 303-304, nr. 224a-b; cf. Laurent, 1952, p. 123-126, nr. 116].

На следующий год (индикт 5 = 721/22 г.) он получает новое назначение на должность главного коммеркиария аптеки Азии, Кари и всех островов Геллеспонта [Лихачев, 1924, с. 168, таб. IX. 9; Лихачев, 1991, с. 216-217, № 5-6; Zacos, Veglery, 1972, p. 306-307, nos. 226-227].

В 723/24 г. (индикт 7) он вновь возвращается в столицу на должность главного коммеркиария аптеки Константинополя [Лихачев, 1991, с. 215-216, № 4], но спустя некоторое время был переведен в Фессалоники [Zacos-Veglery, 1972, 309-310, nr. 230].

В следующем году (индикт 8 = 724/25 г.) он продолжает занимать пост главного коммеркиария аптеки Фессалоники [Zacos, Veglery, 1972, p. 310-311, nr. 231a-b], но затем снова получает новую должность. Теперь его переводят в новый регион. В юрисдикцию Анастасия попадает обширная территория Южного Понта – от Онориады (Вифиния), по побережью Пафлагонии, до Трапезунта [Лихачев, 1924, с. 165-166, № 3, таб. IX. 3; Лихачев, 1991, с. 214-215, № 3; Šandrovskaja, 1993, p. 86-87, nr. M-12458 и б/№ и наш херсонский экз.]. Находки его печатей в Судак и Херсоне свидетельствуют о том, что, вероятно, в сферу его влияния каким-то образом входили и заморские территории далекой Таврики.

Возможно, позже он вновь был возвращен в столицу, о чем могут говорить две печати, на которых издатели полагали присутствие самого позднего индикта - 13-го (729/30 г.) [Лихачев, 1924, с. 167-168, № 5; с передатировкой Zacos, Veglery, 1972, p. 158 (720-ca. 727), 304, nr. 224b].

Особый интерес импортно-экспортного ведомства империи в крымском

регионе подчеркивают и находки других представителей византийской таможенной, найденные в Крыму.

Так, в Херсоне известны моливдовулы Феодора, апоипата и коммеркиария неизвестной аптеки времени совместного правления Ираклия с сыновьями (632-641 гг.) [Алексеевко, 2004, с. 265-266, рис. 1-2]; Сергия и Феодора, апоэпарха и главного коммеркиария неизвестной аптеки периода единоличного правления Костанта II (641-654) [Алексеевко, 2004, с. 266-267, рис. 3; ср. Zacos, Veglery, 1972, p. 218, nr 135]; Стефана, патрикия и главного коммеркиария аптеки Абидоса [Алексеевко, 1997, с. 122-126, № 1-2; Алексеевко, 2004, с. 267, рис. 4-5], а также Феодора <...главного коммеркиария...> [Алексеевко, 1997, с. 123-126, № 2] времени Костанта II с сыновьями (659-668).

А в Сугдее - печати Кириака, апоипата и главного логофета аптеки Константинополя рубежа VII-VIII вв. [Šandrovskaja, 1995, p. 153-154]; Иоанна, ипата и главного коммеркиария аптеки Онориады, Пафлагонии и приморского побережья Понта [Šandrovskaja, 1993, p. 88-89, nr. M-12457] императорской коммеркии Полемониака¹ 735/36 г. [Stepanova, 2003, p. 126, nr. 6] и пока не расшифрованной буллы [Степанова, 2001, с. 100, прим. 9] периода совместного правления Льва III и Константина V (720-741); императорской аптеки богохранимого императорского Опсикия (4 индикт = 745/46 г.) правления Константина V (741-775 гг.) [Šandrovskaja, 1993, p. 89-90, nr. M-12456]; а также Космы, главного коммеркиария Понта около середины IX столетия [Stepanova, 1999, p. 56, nr. 20; Степанова, 2001, с. 101, прим. 12].

Надо полагать, что значительное увеличение товарооборота на трассе Понт – Таврика в начале IX столетия обусловило и появление в Херсоне официальной должности коммеркиария, подобно тому как это происходило и в других византийских центрах. В этой связи совсем не удивляет обилие найденных и в Херсоне и в Сугдее печатей других важных чиновников финансового ведомства империи, - логофетов геникона [Šandrovskaja, 1993, p. 90-93; Stepanova, 1999, p. 55-56, nos. 17-19; Смычков, 2000, с. 28-30; Степанова, 2001, с. 101, прим. 14; Stepanova, 2003, p. 123, nr. 2; Алексеевко, 2003, с. 174-205, Alekséenko, 2003, p. 77-79, nos. 2-4; Булгакова, 2008, с. 298-299, 306-308, №№ 3, 10-14].

Не вызывает сомнения, что наличие моливдовулов как высокопоставленных столичных чиновников, так и представителей провинциального аппарата – бесспорное свидетельство активной позиции местных структур власти в экономической жизни не только крымского региона, но и Византии в целом или, по крайней мере, ее причерноморских провинций.

¹ Здесь, очевидно, уместным будет отметить, что в свое время Н.П. Лихачев при публикации известной ему печати главного коммеркиария Понта, датируемой первой половиной IX в. [Лихачев, 1991, с. 145, № 7 (M-6231)], отмечал, что регион юрисдикции данного чиновника скорее распространялся на старую провинцию - епархию Понта Полемониака (ἐπαρχία Πόντου Πολεμονιακῆ) [ср.: Honigmann, 1939, p. 37-7023].

Таким образом, подводя итоги, мы можем констатировать, что Таврика в период VII – начала IX вв. по-прежнему остается в центре особого внимания имперского государственного аппарата. Анализируя данные памятников сфрагистики не трудно прийти к заключению, что и в «темные века» Херсон вместе с Сугдеей не только не были обделены вниманием различных имперских и провинциальных ведомств, но, очевидно, продолжали играть весьма заметную роль и в международной торговле причерноморского региона. Находки здесь печатей таможенных чиновников Константинополя, Пафлагонии, Абидоса, Иерона, Понта и, весьма вероятно, других центров, имена которых, к сожалению, не сохранились на печатях плохой сохранности, – очевидное свидетельство сохранения активной экспортно-импортной деятельности этих центров на всем протяжении рассматриваемого периода. Поступление значительной прибыли в казну от таможенных сборов выделяло такие центры в особый разряд привилегированных городов, развитию и процветанию которых уделялось особое внимание со стороны византийского государства. И, очевидно, совсем не случайно Феофан упоминает об облегчении таможенного гнета как раз таки для Абидоса и Иерона [Феофан, 1883-1885, р. 475].

В этой связи и Таврика в целом, и собственно Херсон и Сугдея нам представляется прекрасными местами транзитного товарообмена, способствовавшего не только проникновению византийских экспорта на Север, но и получению необходимых импортных товаров как для самой Византии, так и для других стран Средиземноморья, что, вне всякого сомнения, способствовало превращению таможенных пунктов в крупные торгово-экономические центры с развитой городской инфраструктурой. А это, соответственно, давало дополнительный толчок для развития урбанистических тенденций во всем регионе и как следствие появления новых городов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко Н.А. Моливдовулы адресантов Херсона VII-IX вв. // Древности 1996. - Харьков, 1997:
- Алексеевко Н.А. Печати главных логофетов из Херсонского архива // АДСВ 34. - Екатеринбург, 2003: 174-205.
- Алексеевко Н.А. Коммерция и коммерцииарии Херсона в IX - X вв. // Сфрагистика и история культуры. - Санкт-Петербург, 2004: 92-102.
- Алексеевко Н.А. Таможня и коммерцииарии Херсона // в: Сорочан С.Б. Византийский Херсон Т. 2. - Харьков, 2005: 1592-1626.
- Алексеевко Н.А. Раннесредневековая Таврика в ареале интересов имперских коммерций: к проблеме развития городских центров в «темные века» // Боспорские чтения XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. - Керчь, 2012а: 7-12.
- Алексеевко Н.А. Находки печатей херсонских чиновников в византийской Сугдее (к проблеме атрибуций и датировок) // Сугдейский сборник V. – Киев-Судак, 2012б:
- Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004-2005 гг.) // Сугдейский сборник III. – Киев-Судак, 2008: 296-330.

- Йорданов И. Печатите на коммеркиарията Девелт // Поселищни проучвания II. София, 1992.
- Колесникова Л.Г. Уникальная ткань из Херсона-Корсуна (к вопросу о русско-корсунских связях) // Символ в религии и философии. Сборник научных трудов. - Севастополь, 2005: 78-86.
- Колесникова Л.Г. Связи Херсона-Корсуна с племенами Восточной Европы в домонгольского времени // ХСб. XV. - Севастополь, 2006: 129-150.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. - М., 1991.
- Лихачев Н.П. Датированные печати Византии // ИРАИМК III. - 1924: 153-224.
- Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. // Научное наследство 19. - М., 1991.
- Панченко Б.А. Каталог моливдовулов. - София, 1908.
- Рыжов С.Г. Средневековая усадьба XIII в. в Северном районе Херсонеса (постояльный двор) // Древности, 1997-1998. - Харьков, 1999: 168-180.
- Смычков К.Д. Новые находки моливдовулов главных логофетов X в. в Херсонесе // Нумизматика і фалеристика 2(14). - Київ, 2000: 28-30.
- Сорочан С.Б. Византия IV-IX вв. Этюды рынка. - Харьков, 1998.
- Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ 32. - Екатеринбург, 2001: 97-109.
- Сюзюмов М.Я. Книга эпарха. - Свердловск, 1949.
- Alekséenko N. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson // SBS 8. - München-Leipzig, 2003: 75-83.
- Alekseyenko N. La douane du thème de Cherson au IXe-Xe siècle: les sceaux des commerciales // Kiev - Cherson - Constantinople. Ukrainian Papers at the 20th International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19-25 August 2001) / ed. by A. Aibabin and G. Ivakin. - Kyiv-Simferopol-Paris, 2007: 121-164.
- Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. - Paris, 2012.
- Antoniadis-Bibicou H. Recherches sue les douanes a Byzance. L' «octavia», le «Kommerkion» et les commerciales. - Paris, 1963.
- Brandes W. Überlegungen zur Vorgeschichte des Thema Mesopotamien // BSl. 44/2 - 1983: 171-177.
- Dunn A. The Kommerkiarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios, and the West // BMGS 17. - 1993: 3-24.
- Hendy M. Studies in Byzantine Monetary Economy. - Cambridge, 1985.
- Honigmann E. Le Synecdèmes d'Hiéroclès et l'opuscule géorraphique de Georges de Chypre. - Bruxelles, 1939.
- Laurent V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. - Paris, 1952.
- Oikonomidès. Les Listes de préséance byzantines des IXe - Xe siècles. - Paris, 1972.
- Oikonomides N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi // DOP XL. - 1986a: 33-53.
- Oikonomides N. Le kommerkion d'Abidos, Thessalonique et le commerce Bulgair au IXe siècle // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. T. II. - Paris, 1991: 241-248.
- Oikonomides N. Le «système» administratif byzantin en Crimée aux IXe-Xe s. // МАИЭТ VII. - Симферополь, 2000: 318-323.
- Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. - Paris, 1884.
- Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS 3. - Washington, 1993: 85-98.
- Šandrovskaja V. Die Neuen Funde an byzantinischen Bleisiegel auf der Krim // SBS 4. - Washington, 1995: 153-161.
- Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS 6. - Washington, 1999: 47-58.
- Stepanova E. New finds from Sudak // SBS 8. - München-Leipzig, 2003: 123-130.
- Theophanis. Chronographia / Rec. C. de Boor. Vol. 1. - Lipsiae, 1883-1885.
- Zacos G., Vegliery A. Byzantine Lead Seals. Vol. 1. - Basel, 1972.

Н.О. Олексієнко

**РАННЬОВІЗАНТІЙСЬКА ТАВРИКА
В АРЕАЛІ ІНТЕРЕСІВ ІМПЕРСЬКИХ МИТНИЦЬ
(ЗНАХІДКИ МОЛИВДОВУЛОВ КОМЕРКІАРІЇВ ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ ПРОЦЕСУ
РОЗВИТКУ КРИМСЬКИХ МІСЬКИХ ЦЕНТРІВ У «У ТЕМНІ СТОЛІТТЯ»)**

Резюме

Аналіз даних пам'яток сфрагістики показує, що і в «темні століття» візантійська Таврика не тільки не була обділена увагою різних імперських та провінційних відомств, але, ймовірно, продовжувала грати вельми помітну роль і у міжнародній торгівлі причорноморського регіону. Знахідки на її території буллі комеркіаріїв різних апотек VII – межі VIII/IX ст. окреслює цілком визначений ареал контактів місцевих чиновників із своїми колегами і тим самим вказує на цілком визначені зв'язки Таврики з регіонами імперії, звідки приходили експортовані товари, та свідчить про збереження активної експортно- імпоротної торговельної діяльності цих центрів на всьому протязі розглянутого періоду.

У цьому зв'язку і Таврика в цілому, і Херсонес, і Сугдея зокрема, представляється чудовим місцем транзитного товарообміну, який сприяв не тільки проникненню візантійського експорту на північ, але і отриманню необхідних імпортних товарів як для самої Візантії, так і для інших країн Середземномор'я, що, без усякого сумніву, сприяло перетворенню митних пунктів у крупні торгово-економічні центри з розвинутою міською інфраструктурою. А це, відповідно, давало додатковий поштовх для розвитку урбаністичних тенденцій у всьому регіоні і, як слідство, появи нових міст.

Н.А. Алексеенко

**РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА
В АРЕАЛЕ ИНТЕРЕСОВ ИМПЕРСКИХ ТАМОЖЕН
(НАХОДКИ МОЛИВДОВУЛОВ КОММЕРКИАРИЕВ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ КРЫМСКИХ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ
В «ТЕМНЫЕ ВЕКА»)**

Резюме

Анализ данных памятников сфрагистики показывает, что и в «темные века» византийская Таврика не только не была обделена вниманием различных имперских и провинциальных ведомств, но, очевидно, продолжала играть весьма заметную роль и в международной торговле причерноморского региона. Находки на ее территории буллы коммеркиариев различных апотек VII - рубежа VIII/IX вв. очерчивают вполне определенный ареал контактов местных чиновников со своими коллегами и тем самым указывают на вполне определенные связи Таврики с регионами империи, откуда приходили экспортируемые товары, и свидетельствуют о сохранении активной экс-

портно-импортной торговой деятельности этих центров на всем протяжении рассматриваемого периода.

В этой связи и Таврика в целом, и Херсон и Сугдея в частности, представляется прекрасным местом транзитного товарообмена, способствовавшего не только проникновению византийских экспорта на Север, но и получению необходимых импортных товаров как для самой Византии, так и для других стран Средиземноморья, что, вне всякого сомнения, способствовало превращению таможенных пунктов, в крупные торгово-экономические центры с развитой городской инфраструктурой. А это, соответственно, давало дополнительный толчок для развития урбанистических тенденций во всем регионе и как следствие появлению новых городов.

N.A. Alekseyenko

EARLY BYZANTINE TAURICA IN THE AREA OF INTEREST OF IMPERIAL CUSTOMS

(FINDS OF COMMERCIUM COLLECTORS' MOLYBDOBOULLOS AS A
REFLECTION OF THE DEVELOPMENT PROCESS OF THE CRIMEAN CITY
CENTERS IN THE "DARK AGES")

Summary

Analysis of Sphragistics monuments shows that in the Dark Ages, Byzantine Taurica was not deprived of the attention of various imperial and provincial departments. Byzantine Taurica apparently continued to play a very important role in the international trade of the Black Sea region. Finds of commercium collectors' hanging seals of different apothekes of the 7th – the turn of the 8th and 9th cc in the territory outline a definite area of local officials' contacts with their colleagues, and thus indicate a definite connection of Taurica with the regions of the empire, where from the exported goods came, and reflect persistence of the active export and import trading activities of these centers throughout the period under review.

In this regard, Taurica in general, and Kherson and Sugdeya in particular is a great place of transit trade goods contributing not only to the penetration of the Byzantine exports to the north, but also to the necessary import of goods as well as for Byzantium, and for other Mediterranean countries, that undoubtedly promoted transformation of customs offices into major commercial and business centers with a developed urban infrastructure. In addition, that accordingly gave additional impetus to urban development trends in the region and, as a consequence, the appearance of new cities.

Рис. 1. Моливдовул Анастасия, ипата, императорского валнителя и главного коммеркиария аптеки Онориады, Пафлагонии и приморского (побережья) Понта до Трапезунта из Херсонеса. Индикт 8 - 724/725 г.

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

КОСТЮМ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРА В VII-VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке)

Важной составляющей материальной культуры городского населения является одежда. Наряду с утилитарной функцией – защиты человека от нежелательного воздействия природной среды, одежда несет знаковую систему, позволяющую различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной или социальной принадлежности [Древняя, 1986, с. 4].

В письменных источниках отсутствуют сведения об одежде жителей ранне-средневекового Боспора; нет и изображений горожан этого времени. Поэтому все наши знания о костюме боспорцев основываются на археологических материалах, происходящих, в основном, из погребений, выявленных на склонах горы Митридат [Айбабин, 1999, с. 40, рис. 15, 4]. На северном склоне горы Митридат в старых семейных склепах вплоть до конца VII в. хоронили представителей знати. В начале VII в. на северном, восточном и южном склонах горы Митридат появился новый городской некрополь с грунтовыми и плитовыми могилами, впущенными в засыпь разрушенных жилых кварталов, часть из которых погибла в результате вторжения тюрков [Айбабин, 1999, с. 141]. Однако в опубликованных отчетах о раскопках этих некрополей отсутствуют планы многих погребальных сооружений, не выделены комплексы вещей, происходящих из отдельного захоронения, и нет рисунков многих найденных предметов. Зачастую присутствие вещей только обозначено («простая бронзовая пряжка», «стеклянные бусы» и т.д.) [Шкорпил, 1907, с. 6, 8, 40, 43, 46, 58; Шкорпил, 1909, с. 3,4,6,18,25; Шкорпил, 1910, с. 32-33; Блаватский, 1962, с. 7, 32-38, 49-51, 62, 65, 71, 73-74, рис. 1, 2,3,5,8,10,11; 45]. Некоторые комплексы VII в. или отдельные находки из некрополей на горе Митридат опубликованы в специальных работах А.К. Амброза, А.И. Айбабина и И.П. Засецкой, посвященных хронологии керченских древностей раннесредневекового времени [Амброз, 1992; Айбабин, 1990; Айбабин, 1999; Засецкая, 1998;]. Благодаря этим исследованиям мы имеем представление об отдельных функциональных предметах одежды и украшениях, однако говорить о реконструкции костюма в целом не представляется возможным.

В ходе раскопок 2007-2009 гг. на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке на территории, выделенной под строительство нового корпуса музея, экспедицией Крымского отделения Института

востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина [Айбабин, Хайрединова, 2009, с. 15-16] исследован участок городского некрополя с 99-ю могилами VII-VIII вв. Большинство могил не было разграблено в древности и не было разрушено в результате поздней жизнедеятельности, поэтому удалось *in situ* зафиксировать не только погребальный обряд и конструкцию сооружения, но и расположение каждой вещи на костяке. Почти в половине погребений выявлены функциональные детали одежды, украшения и орудия труда. Полученный в ходе раскопок палеоантропологический материал полностью исследован [Радочин, 2012, с. 370-373]. Поэтому материалы из раскопок в Босфорском переулке стали ценным источником для изучения раннесредневекового костюма.

Умерших хоронили в прижизненной одежде, а не в специально сделанном для погребения одеянии. На металлических аксессуарах видны следы поношенности и ремонта. Так, на многих бронзовых пряжках типа «Сиракузы» поломанные литые язычки заменены кусками железной или бронзовой проволоки (рис. 1, А1,2). Однотипные происходящим из захоронений пряжки выявлены и на поселениях [Бейлин, Пономарев, 2012, с. 24, рис. 2, 1], что тоже свидетельствует об их использовании в повседневной жизни. Текстиль в погребениях сохранился только в виде фрагментов на окисленных металлических элементах одежды, находившихся с ним в соприкосновении. По этим остаткам восстановить фасон одежды и ее покрой невозможно. Костюм можно изучать только по металлическим деталям одежды и различным украшениям. По зафиксированному *in situ* их расположению на костяке можно судить о типе одежды. Для реконструкции костюма важно определить место украшений и способы их ношения. Необходимо учесть содержащиеся в сочинениях византийских авторов сведения об одежде современниц и обо всем, что связано с производством тканей, одежды, украшений и их торговлей, а также привлечь обширный иконографический материал, представленный на византийских фресках. В названных источниках отражены общие, характерные для многих народов тенденции в развитии одежды интересующего нас времени.

Мужской костюм. В некоторых мужских погребениях в области пояса и таза лежали две пряжки (рис. 1; 2). Одна пряжка предназначалась для поясного ремня, вторая – для ремня от штанов или для поясной сумочки. В качестве застежек для ремня, подпоясывавшего верхнюю одежду, использовали бронзовые цельнолитые пряжки типа «Сиракузы» (рис. 1, А1) или железные трапециевидные пряжки (рис. 2, 8; 3, 2). Пряжки типа «Сиракузы» бытовали в VII в., а железные трапециевидные – еще и в VIII в. Бронзовые пряжки выявлены в погребениях мужчин 35-40 лет, тогда как железные пряжки носили мужчины помоложе – 25-35 лет. Поясные ремни делали из куска кожи, ширина которого не превышала 2,5 см. Цельнолитые бронзовые пряжки крепили на ремне при помощи 2-3 пластинчатых петель, напаянных на обороте щитка. В петли вставляли бронзовый,

деревянный или железный стержень (рис. 1, В). У бесщитковых железных пряжек ремень крепился на тыльной стороне рамки.

К поясному ремню, справа подвешивали небольшую кожаную или тканую сумочку, заменявшую карман (в те времена карманы в одежде не делали) (рис. 2, II,III; 3, В). Ее застегивали небольшими железными пряжками с трапециевидной рамкой (рис. 2, II,III,2) или просто завязывали ремешками (рис. 3, В). Для застегивания сумочки использовали пряжки, аналогичные по форме поясным, но меньших размеров. Они предназначались для ремешков шириной 1,2 см. В поясных сумочках носили наборы для высекания огня, состоявшие из кресала и одного или нескольких кремней (рис. 2, 4; 3, 7-9), шило (рис. 2, 5; 3, 6), монеты (рис. 2, I7; 3, 3). В качестве кресала использовали небольшие железные пластины различных форм. Это могли быть обломки старых ножей или других орудий труда. В поясной сумке погребенного в могиле 63 также лежали бронзовые рыболовные крючки (рис. 2, 6) и подставка от ножки стеклянной рюмки (рис. 2, 3), а в могиле 71 – обломки бронзовых пластин и железных стержней (рис. 3, 4,5,10).

Особый интерес представляет происходящая из могилы 63 костяная пластина (рис. 2, 1). Аналогичные изделия найдены в Константинополе, в слоях с керамикой VI в. [Gill 1986, P. 253, Pl. 343/394], на памятниках византийских провинций VI – начала VII вв. в Подунавье [Uenze, 1992, S. 194-195, Taf. 12, 12-17; Кондић / Поповић, 1977, tabl. VI, 12; Milinković, 2002, S. 98, 120, Abb. 23, 2; 35, 4,5], а также в погребениях VII в. из Юго-Западного Крыма [Репников, 1906, с. 27, 73, рис. 65; Хайрединова, 2010, с. 162, 193-194, рис. 16, 7; 17, 1] и из Северо-Восточного Причерноморья [Археология, 2003, с. 245, табл. 78, 97].

Такие костяные предметы обычно рассматривают в качестве накладок на поясные сумочки [Uenze, 1992, S. 194-195, Abb. 16]. В предложенной 3. Уенце реконструкции через отверстия на концах костяной накладки продевались ремешки, на которых сумка подвешивалась к поясу. Недавние крымские находки костяных накладок с зафиксированным *in situ* положением в погребениях позволяют высказать ряд новых наблюдений по поводу их использования и способа крепления. На склоне Эски-Кермена, в склепе 273, на костяке 4 накладка лежала на тазовых костях, рядом с ножом и кресалом с кремнями, в могиле 371 – около левой тазовой кости, вместе с шилом, кресалом с кремнем, железной пряжкой и ножом [Хайрединова, 2010, рис. 16, I], а в Керчи, в Босфорском переулке, в могиле 63 – под правой локтевой костью, вместе с бронзовыми рыболовными крючками, монетой, кресалом с кремнем, шилом, железной пряжкой и подставкой под ножку стеклянной рюмки (рис. 2, I,1-6). Все эти предметы помещались в кожаную или тканую сумочку, остатки которой фиксируются в виде темно-коричневого органического тлена. В одной из плитовых могил, раскопанной на северо-восточном склоне горы Митридат, В.Д. Блаватский отметил присутствие «на верхней части левого бедра остатки кожаного кошелька» [Блаватский, 1962, с. 33].

Обратим внимание на то, что в двух из описанных случаях среди содержимого сумочек, или рядом с ним, лежат дополнительные маленькие железные пряжки, предназначавшиеся для узких ремешков. В могиле 63 из Керчи такой пряжкой, скорее всего, застегивали сумку (рис. 2, II, III, 2). При этом костяная накладка, укрепленная в верхней части сумки, могла служить деталью застежки, удерживающей конец ремешка (рис. 2, II). Возможно и другое применение костяной пластины – в качестве поясной накладки (рис. 2, III), в петли которой продевались ремешки для подвешивания сумки. К поясу костяная накладка могла пришиваться тонкими ремешками. В погребении из могилы 371 со склона Эски-Кермена маленькой пряжкой застегивался ремешок, на котором нож подвешивали к поясу, что подтверждается расположением застежки около рукояти ножа [Хайрединова, 2010, рис. 16, I, 1, 4; 17, II]. Длинный нож не помещался в поясную сумочку, его носили отдельно. При помощи костяной накладки застегивали сумочку. Костяные накладки, декорированные циркульным орнаментом, служили также и для украшения поясных сумок.

На обратной стороне накладки из Керчи прочерчена крестовидная фигура (рис. 2, 1). Возможно, таким образом утилитарной и декоративной детали сумки была придана еще и функция оберега. С VI в. в Византии и на сопредельных территориях распространился обычай украшать все предметы, роскошные, или повседневные, христианскими сюжетами и символами [Гийу, 2005, с. 361; Мусин, 2006, с. 181].

Помимо сумочки, боспорцы носили на поясе и другие предметы, необходимые в повседневной жизни. Прежде всего, это маленький острый нож, служивший для разрезания пищи. По существу, это был столовый прибор, единственный для той эпохи [Горбачева, 2000, с. 28]. Длина лезвия такого ножа – 8,0-9,0 см. Рукоять чаще всего делали из дерева – ее остатки зафиксированы на черенках многих ножей. Иногда деревянную рукоять закрепляли железной заклепкой или бронзовым гвоздиком с фигурной шляпкой, тем самым украшая ее. На лезвии многих ножей присутствуют остатки дерева или дерева и кожи от ножен. Возможно, деревянные ножны обтягивали кожей. Следы ножен, обтянутых тканью, отмечены в одной из могил на северо-восточном склоне горы Митридат [Блаватский, 1962, с. 7, 38]. В могиле 71 рядом с предметами, лежавшими в сумочки, зачищен каменный оселок с круглым отверстием в верхней части (рис. 3, 1). Наверняка оселок подвешивали на ремешке к поясу (рис. 3, В). В могиле 63 в области пояса слева найден бронзовый крючок (рис. 2, 9), который крепился к поясному ремню и предназначался для подвешивания каких-то предметов (рис. 2, III).

В двух мужских погребениях найдено по паре пряжек типа «Сиракузы» (рис. 1, А). На костях они лежали на расстоянии 0,1 м друг от друга, одна – на поясничных позвонках, вторая – на крестце. Скорее всего, одной из них застегивали поясной ремень, вторая же предназначалась для ремня на штанах. О том, как ремень фиксировался на штанах, можно судить по иконографическим

данным. На фресках гробницы IV в. из Силистры (Дуросторума) изображены слуги, подающие одежду своему господину (рис. 1, D) [Frova, 1943, fig. 9]. У одного из слуг через плечо перекинuty господские штаны, и хорошо видно, что ремень на них продет через специально нашитые поверх штанов петли – шлевки (рис. 1, D1) и застегнут на пряжку (рис. 1, D2). Шлевки удерживали ремень в определенном положении.

Некоторые мужчины носили украшения: по одной серьге в левом ухе (могила 33), по одному бронзовому браслету на правой руке (могилы 13 и 20) (рис. 1, E5,6) или по одному железному перстню на правой руке (могилы 8а, 21, 32, 33) (рис. 1, E1-4). Браслеты из мужских погребений изготовлены из овального в сечении стержня с сомкнутыми гладкими концами. Все мужские перстни сделаны одинаково: с узкой пластинчатой шинкой и плоской овальной жуковиной. Одновременно и в Юго-Западном Крыму некоторые представители мужского населения использовали подобные украшения в своем костюме [Khairédinova, 2007, p. 15, 29, fig. 2, II]. Вообще, в эпоху средневековья мужчины многих народов Евразии носили браслеты и серьги [Амброз, 1994/1995, с. 43; Рабинович, 1986, с. 87]. На византийских мозаиках известны изображения святых с серьгой в мочке левого уха [The World, 2004, p. 452, fig. 455].

Женский костюм. Женщины подпоясывали верхнюю одежду узким ремнем с пряжкой – бронзовой цельнолитой типа «Сиракузы» (рис. 4, б) или железной с трапецевидной рамкой (рис. 4, 2,7-9). Отметим, что и мужчины, и женщины носили однотипные пряжки. Однако большинство железных пряжек из женских погребений меньше размерами, чем аналогичные поясные застегжки из мужских захоронений. Мужской ремень с железной пряжкой был шириной 2,2 см, тогда как женский редко превышал 1,75 см. Женский пояс застегивали справа налево, так же, как и мужские пояса (рис. 4, А,В). В некоторых женских погребениях пряжки отсутствуют (рис. 5, 38). Видимо, эти женщины носили платье не подпоясанным (рис. 5, 38), либо использовали тканые пояса, которые не застегивали пряжкой, а просто завязывали узлом. О присутствии пояса без пряжки свидетельствуют находки ножей – их подвешивали к поясу или заправляли за него. Нож из могилы 47 висел не на самом ремне, а на специальной петле, сделанной из бронзовой пластины (рис. 4, А,1). На его черенке сохранилась железная заклепка – гвоздик с небольшой полусферической шляпкой, при помощи которой части деревянной рукояти крепились к черенку (рис. 4, 4).

Верхней одеждой у жительниц Боспора было платье туникообразного покроя с перегибом по плечам. Для его пошива использовали ткацкий кусок ткани, согнутой пополам. В месте сгиба полотна прорезали горловину, которая, скорее всего, была глухой. Согласно данным иконографии и письменной традиции, именно такой фасон женской одежды был распространен повсеместно в эпоху раннего средневековья. На фресках христианских катакомб IV в. из Рима и гробницы из Силистры женщины изображены в далматике – разновидности

туники, широкой одежде с широкими рукавами. Длина далматики разная: на одних фигурах ее подол достигает пола [Беляев, 1926, с. 213-214, рис. 10; Ferrua, 1991, p. 120, fig. 108], на других – доходит до середины голени или до щиколотки [Dimitrov, 1962, p. 37-38, fig. 1; 3; 4; 7; Ferrua, 1991, p. 92-93, 110-111, 146, fig. 71; 92; 93; 140]. Далматика полностью скрывает нательную одежду – тунику. Лишь на некоторых женских фигурах в разрезе горловины далматики виден край белого ворота туники [Овчаров, Ваклинова, 1978, рис. 36, 37]. Для иллюстрации раннесредневекового одеяния также интересны изображения Святой Агнии на мраморном рельефе и на двух золотых стеклянных донышках из катакомб, носящих ее имя. На рельефе женская фигура одета в нижнюю тунику с длинными узкими рукавами и широкую верхнюю одежду до пят, с широкими рукавами и не подпоясанную. На стеклянном донышке на святой изображено, поверх длинной туники, короткое верхнее платье, подпоясанное под грудью [Кондаков, 1998, с. 86]. В одежде такого же покроя изображены простые женщины на фресках церкви Сант Аполлинаре Нуово из Равенны. Их верхнее, широкое платье подпоясано узким пояском. Из-под коротких и широких рукавов выступают узкие рукава нижней туники [Martinelli, 1969, p. 23, 24; fig. 2; 4-6].

И туника, и далматика сделаны по одному принципу – в виде сложенного пополам прямоугольного полотна ткани, вертикальные стороны которого сшиты. В этих боковых швах оставлены отверстия для рук или для рукавов, которые пришивались дополнительно. Форма прорезанной в месте сгиба полотна горловины могла быть различной [Kalamara, 1995, p. 38]. Тунику и далматику украшали различными полосами (клавами), каемками, круглыми сегментами [Беляев, 1926, с. 213; Кондаков, 1998, с. 64]. Шитая туника появилась на рубеже III-IV вв. и стала настоящей революцией в одежде [Кондаков, 1929, с. 226]. Считается, что туника восточного происхождения – ее древние образцы происходят из Ура и Персии [Kalamara, 1995, p. 38, 198, note 76, 669]. В III в. она еще расценивалась как нечто экстравагантное, но впоследствии получила широкое распространение – в Византии ее носили все независимо от пола, возраста и социального положения [Kalamara, 1995, p. 198, note 668]. Шитая туника имела неоспоримое преимущество над господствовавшей в античном мире драпированной одеждой: она облегала тело и была более практична, ее изготовление требовало меньше ткани [Kalamara, 1995, p. 200].

Григорий Назианзин, живший в IV в., так описывает одежду своих современников: длинное, до самых щиколоток одеяние, подвязанное поясом, и накидка на голове [Kalamara, 1995, p. 33, note 64; Gregorius, t. 37, col. 1370]. Его современник, Иоанн Златоуст отмечает, что голова женщины должна быть покрыта постоянно, а не только во время молитвы [Kalamara, 1995, p. 27-28; Joannes Chrysostomus, t. 61, col. 217-218]. Легкая накидка из прозрачной ткани покрывает голову и спадает на плечи на изображениях женщин в позе Оранты с фресок из катакомб на Виа Латина [Ferrua, 1991, p. 120, 146, fig. 108; 140]. На дип-

тихе Стиликона из слоновой кости 395 г. на левое плечо Серены, племянницы императора Феодосия, наброшена длинная узкая накидка [Theune-Grosskopf, 1995, S. 191, Abb. 154-155; Kat.Nr. H8]. Замужние женщины носили покрывало – мафорий. Он окутывал весь верх фигуры, покрывая голову, грудь и руки [Кондаков, 1998, с. 86, 116]. Богоматерь Оранта на серебряной бляшке с креста Равеннского архиепископа Аньелла, умершего в 566 г., облачена в длинное подпоясанное платье и мафорий, покрывающий ее голову и плечи и застегнутый фибулой на груди [Кондаков, 1998, с. 96-97, рис. 74].

Женскую верхнюю одежду подвязывали поясом. Известно, что в Византии пояс в женской одежде имел большое значение. Иоанн Златоуст говорит о женской одежде, подвязанной под грудью так, что ткань образует много складок [Kalamaga, 1995, p. 56-57]. Форма женского пояса различна. У одной из прислужниц на фреске из Силистры далматика подвязана под грудью широким простым поясом, который, вероятно, закреплялся или завязывался узлом на спине. У самаритянки с фресок церкви Сант Аполлинаре Нуово широкое верхнее платье охвачено узким пояском. Одежда знатных дам опоясана широким декорированным ремнем. На девушках из свиты дочери фараона из базилики Санта Мария Маджоре одет гладкий, узкий ремень с расположенной по центру большой круглой бляхой [Oakeshott, 1977, s. 73, ris. X]. На Богоматери из этой же базилики и Святых Мученицах из церкви Сант Аполлинаре Нуово изображены широкие ремни, богато украшенные, как и центральные круглые бляхи, камнями [Кондаков, 1998, с. 114-119, рис. 80; 84].

В качестве украшений в VII-VIII вв. боспорянки носили серьги, ожерелья, браслеты, кольца и перстни. Серьги в основном были проволочными (рис. 6). Наиболее часто встречаются серьги с проволочным кольцом и с припаянными в форме пирамидки тремя мелкими и одной крупной зернинками (рис. 5, 1; 6, 65). Этот тип серег появился в Византии в VI в. [Baldini-Lippolis, 1999, p. 88, kat. N1.b] и впоследствии широко распространился у многих народов на сопредельных империи территориях. В Крыму названные серьги вошли в моду во второй половине VI в. [Хайрединова, 2000, с. 98, 130, тип 3, рис. 16, 3,4; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 38, рис. 20, 8]. Их массовые находки связаны с комплексами VII-IX вв. [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 183-184, вариант 6; Айбабин, 1993, с. 123, 371, рис. 6, 33; Борисова, 1959, с. 177, 183, табл. V,3; Веймарн, 1963, с. 46, 58, рис. 5,1; Лобода, Чореф, 1974, с. 101, рис. 1,6; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 35, 37, 40, 60, 64, рис. 18, 14; 19, 1,2; 21, 4; 29, 11; 31, 1]. На Северном Кавказе они известны в погребениях VII-VIII вв. [Дмитриев, 1982, с. 96, 100, 101, рис. 11, 24; 12, 4; Ковалевская, 1981, с. 179, рис. 62, 98]. В VIII - начале IX вв. этот тип украшения был в моде у авар [Garam, 1995, S. 280, Abb. 148, 19-21; 162].

Серьги носили по-разному: по одной в правом ухе (рис. 6, 50, 77), по одной в левом ухе (рис. 6, 98), по одной в каждом ухе (рис. 6, 65) или по две в каждом ухе (рис. 6, 28). Отметим, что, начиная со второй четверти VII в., жительницы

Юго-Западного Крыма тоже стали носить по две, а то и по три разных серьги в каждом ухе.

Шею женщины украшали ожерельем из небольших бусин, среди которых преобладают стеклянные полихромные (рис. 7). Иногда в состав ожерелья включали подвески из различных материалов (рис. 7, 9а). Длина низки с бусами невелика и, вероятно, свидетельствует о том, что ожерелья не охватывали всю шею, а служили украшением только спереди. Бусы и подвески нанизывали на толстую нить или тонкий кожаный ремешок, концы которых завязывали, либо закрепляли на небольшом проволоочном колечке (рис. 7, 7а). Отметим, что и на фресках, и на мозаиках раннесредневекового времени шеи женщин украшены короткими ожерельями. Ожерелье в виде одной низки из нескольких крупных бусин плотно охватывает шею на портрете покойной из Виминация [Корац, 1991, р. 118, 120, fig. 12; 14]. Короткие ожерелья из мелких разноцветных бусин украшают шеи Святых мучениц и дам из свиты Феодоры на мозаиках из Равенны [Лазарев, 1986, рис. 57; 59].

В ожерельях первой половины VII в. присутствуют янтарные бусы (рис. 7, 4-6). Ожерелья более позднего времени полностью состоят из стеклянных бусин (рис. 7, 1-3, 8, 9). В могиле 73 в области шеи лежала пронизь из египетского фаянса бирюзового цвета в виде лягушки, сидящей на подставке овальной формы (рис. 7, 4). Ее носили на кожаном шнурке, один конец которого был привязан к колечку из железной проволоки (рис. 7, 7а). Пронизь, видимо, долго была в употреблении: она фрагментирована и сильно потерта. Отметим, что такие пронизи массово встречаются в Пантикапее, в комплексах I-II вв. [Алексеева 1975, с. 43, тип 57, табл. 11, 9-11]. По наблюдениям Е.М. Алексеевой, изделия из египетского фаянса были особенно популярны в Пантикапее в первые века нашей эры [Алексеева 1975, с. 29, табл. 1]. Находка пронизи в погребении из Босфорского переулкa показывает, что такие изделия продолжали носить и в эпоху раннего средневековья. Отметим, что и в Юго-Западном Крыму изделия из бирюзового египетского фаянса – шаровидные ребристые бусы – встречаются в погребениях конца VI – первой четверти VII вв. [Хайрединова, 2000, с. 124, рис. 10, 34; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 241, 309, табл. 107, 9; 175, 7].

В могилах 30 и 47 удалось зафиксировать *in situ* порядок бус, лежавших в области шеи. Ожерелье из могилы 47 состояло из чередующихся длинных цилиндрических бусин с фестонобразным орнаментом и бусин, образованных витком желтой или синей стеклянной нити (рис. 7, 2). Интересно, что такое же расположение бус в ожерельях отмечено в женских погребениях второй половины VII в. из Лучистого [Хайрединова, 2000, с. 123, рис. 9, 3]. Ожерелье из могилы 30 образовано чередующимися стеклянными шаровидными и 14-гранными бусинами. В центре располагалась бронзовая сферическая подвеска (рис. 7, 9). С точно такими же подвесками во второй половине VII в. делали серьги (рис. 10, 1) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 167, табл. 33, 1]. В.Д. Блаватский отметил

присутствие в одной из женских могил ожерелья из 20 стеклянных бусин и стеклянной подвески в виде амфориска [Блаватский, 1962, с. 34].

Руки женщины украшали браслетами, кольцами и перстнями. Преобладают браслеты из овального в сечении стержня с заходящими или сомкнутыми ровными концами (рис. 5, 5). В VIII в. появились пластинчатые браслеты с закрученными концами (рис. 5, 3,4). Браслеты носили парами, по одному на каждом запястье (рис. 8, 9). В некоторых погребениях найдено только по одному браслету на костях предплечья левой руки (рис. 5). На внутренней стороне многих браслетов зафиксированы отпечатки истлевшей ткани рукава. Возможно, длинный рукав платья собирали в складки у запястья и обхватывали браслетом.

Среди перстней преобладают железные с плоской овальной или круглой жуковиной. Особо отметим бронзовые литые перстни из могил 17 и 46, на овальной жуковине которых представлены христианские сюжеты (рис. 8, 1,4,5). На одном перстне выгравировано схематичное изображение ангела в рост с опущенными крыльями (рис. 8, 4). Аналогичные перстни, место находки которых неизвестно, хранятся в Эрмитаже. На одном из них над изображением ангела прочерчено имя – Михаил. По наблюдению В.Н. Залесской, такое изображение появляется на монетах при императоре Юстине I (518-527), когда Ника на реверсах солидов заменяется архангелом [Залесская, 2006, с. 84, кат.№№ 78,79].

На жуковине перстней из могил 17 и 46 также схематично выгравировано изображение святого всадника (вокруг его головы – нимб), держащего крест (рис. 8, 1,5). В Юго-Западном Крыму аналогичные перстни найдены в погребениях VII в. из могильников у с. Лучистое и на склоне плато Эски-Кермен [Репников, 1932, с. 173, рис. 40, 1]. Подобный перстень хранится в Эрмитаже. В.Н. Залесская предположила, что на нем изображен Христос из сцены «Второе пришествие» [Залесская, 2006, с. 86, кат.№90].

Как правило, женщины носили по одному кольцу или перстню на правой руке (могилы 18, 21, 23, 32, 33, 37, 38, 51, 54) (рис. 5, 37,40). В могиле 46 найдено три перстня – два на костях пальцев правой руки, один – на левой (рис. 8, 46), а в могиле 47 – два перстня на костях пальцев правой руки (рис. 4, 47). В могиле 17 похоронили женщину, руки которой были украшены пятью перстнями (рис. 8, 17).

Интересны свидетельства письменных источников об отношении женщин к украшениям в эпоху раннего средневековья. Куда бы ни шла женщина, даже в баню, она надевала на себя массу драгоценностей, хотя в банях их нередко воровали. Женщины настолько были привязаны к своим украшениям, что, по мнению Иоанна Златоуста, «любят их почти так же, как собственных детей» [Поляковская, Чекалова, 1986, с. 84; Joannes Chrysostomus, t. 48, col. 787-788]. Наиболее популярным украшением были серьги [Райс, 2003, с. 116]. Иоанн Златоуст говорит относительно женщин: «чего бы они только не сделали, чтобы заполучить красивые серьги» [Поляковская, Чекалова, 1986, с. 83; Joannes

Chrysostomus, t. 48, col. 787]. По данным иконографии, византийские женщины носили парные серьги, сделанные в виде небольшого кольца с подвесками различных форм. У одной из прислужниц на фресках гробницы из Силистры по два тонких, скорее всего, проволочных браслета на каждой руке [Dimitrov, 1962, p. 38, fig. 4]. Два массивных браслета, по одному на каждой руке молящейся женщины изображены на фресках катакомбы “Вигна Массима” [Беляев, 1926, с. 214, рис. 10].

Детский костюм. По антропологическим материалам не всегда удастся установить пол погребенных детей. Происходящие из детских погребений наборы вещей можно условно разделить на «мужские» и «женские». Так, в могиле 23 одновременно рядом друг с другом были захоронены двое детей – 6 и 4-5 лет. На первом ребенке были выявлены украшения, характерные для женского костюма – четыре серьги, ожерелье, перстень (рис. 10, 5-10), на втором – только одна бронзовая пряжка типа «Сиракузы» (рис. 9, 1). Видимо, первое погребение принадлежало девочке, второе – мальчику. В детских погребениях с «женским» набором украшений пряжки отсутствовали. Видимо, девочки не носили поясной пряжки (рис. 10). Захоронение двухлетнего мальчика зачищено в могиле 51 (рис. 9). В его изголовье лежал наконечник копья (рис. 9, 6), в области пояса – большая железная пряжка с трапецевидной рамкой (рис. 9, 5), а вдоль левой локтевой кости железный нож, который, скорее всего, висел в ножнах на ремне (рис. 9, 7). Наряду с «мужскими» атрибутами (оружие, пояс с пряжкой), в погребении найдено и типично «женское» украшение – бусы (рис. 9, 3). По наблюдениям этнографов, минимальное различие полов характерно для детских традиционных костюмных комплексов [Кузнецов, 1995, с. 44].

В детском костюме присутствуют украшения. Девочки носили серьги – по одной (рис. 10, 82) или по две (рис. 10, 23) в каждом ухе. Все найденные серьги – не парные (рис. 10, 1, 2, 6-9). Ожерелья из детских погребений образованы, в основном, стеклянными бусинами (рис. 7, 3; 9, 3). Своим составом отличается ожерелье из могилы 23. В нем, наряду со стеклянными, было около двух десятков каменных бусин – из сердолика, халцедона и горного хрусталя (рис. 10, 23). В погребении бусы лежали в два ряда, что свидетельствует о наличии двух нитей.

В состав ожерелий из детских погребений входили колокольчики (могилы 23, 51) (рис. 9; 10). Колокольчики известны в детских могилах и на участках плитового некрополя, раскопанных В.Д. Блаватским [Блаватский, 1962, с. 32]. Колокольчики считаются одним из самых распространенных видов амулета-оберега в погребениях древних народов Северного Причерноморья и Кавказа. В древности колокольчики пришивали или подвешивали на цепочке к одежде. Считалось, что колокольный звон отгонял злых духов и тем самым отворачивал несчастья от человека [Гущина, Засецкая, 1994, с. 22, 50, кат. 148, табл. 15, 148]. В детских погребениях (могилы 18 и 34) на восточном склоне горы Митридат среди бус были найдены и подвески из старых потертых монет с отверстием. По

наблюдениям В.Д. Блаватского, в отверстии одной из них сохранились остатки шнура, ко второй монете было прикреплено «ушко с остатками нитки» [Блаватский, 1962, с. 33, 36].

Девочки носили парные бронзовые браслеты: с концами, расплюснутыми штампом с рельефным орнаментом в виде «елочки» (могила 54) (рис. 10, 12) или с закрученными концами (могила 82) (рис. 10, 3, 4). Браслеты, подобные найденным в могиле 54, бытовали в Юго-Западном Крыму с конца VI в. и на протяжении всего VII в. [Хайрединова, 2000, с. 104, 133, рис. 19, 2]. В одном из детских погребений, исследованных В.Д. Блаватским, зачищено по три бронзовых браслета на каждой руке [Блаватский, 1962, с. 49].

Некоторые дети носили на правой руке железный перстень или кольцо (могилы 18, 23, 51, 54). Перстни и браслеты из детских погребений были небольших размеров, то есть специально сделанными для детей (рис. 9, 4; 10, 10, 11). Для сравнения отметим, что детские украшения из Юго-Западного Крыма, в большинстве своем, переделаны из взрослых.

Покрой детской одежды, скорее всего, был таким же, как и у взрослых. По данным иконографии, детский костюм отличался от взрослого аксессуарами, но не фасоном. На фреске из погребальной ниши семьи Теотекния в катакомбе Святого Януария VI в. в Неаполе изображены рядом мать – Гилария и дочь – Ноноса, что дает возможность сравнить одежду замужней женщины и девочки-подростка [Theune-Grosskopf, 1995, S. 193, Abb. 155]. На Ноносе одето длинное, до пят платье – туника из красной ткани с узкими и длинными закрывающими запястья рукавами. Полукруглый ворот платья украшен круглыми камнями или бусинами, расположенными в три ряда. Высоко, под грудью платье подвязано поясом с бляхами. Мать одета в платье того же типа, что изображено на дочери. Но ее голова, плечи и руки окутаны темным покрывалом – мафорием, являющимся атрибутом замужества. Выглядывающие из-под мафория руки Геларии закрыты до самого запястья узкими рукавами темного платья.

Изготовление тканей и одежды. На некоторых металлических аксессуарах сохранились небольшие, прикипевшие к окислам, фрагменты полотняной ткани (рис. 5, 4). В одной из плитовых могил, исследованных В.Д. Блаватским на восточном склоне горы Митридат, зачищены «обрывки ткани красновато-коричневого цвета» [Блаватский, 1962, с. 35]. Остатки «холщевой» ткани или «полотняной материи» найдены на металлических вещах и в одновременных погребениях из Юго-Западного Крыма [Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 19, 8; 68, 6; 101, 13; Репников, 1906, с. 48; Репников, 1932, с. 164, 168]. Ткани, выполненные в этом переплетении, ткали из разных нитей: льна, шерсти, шелка и других [Иерусалимская, 2005, с. 34]. С эпохи античности в Северном Причерноморье отдавали предпочтение шерстяным тканям. Сырья для их изготовления было достаточно, поскольку овец разводили повсеместно [Герцигер, 1973, с. 87]. В двух захоронениях первой половины V в. из керченского склепа 154 сохранились об-

рывки гофрированной ткани коричневого цвета из шерстяной материи сложного плетения в виде ромбов и фрагмент коричневой шерстяной материи простого полотняного плетения [Засецкая, 1993, с. 75, 78, кат. 226, 248]. Из шерстяной материи в позднеримское время шили одежду и жители окрестностей Херсонеса. Шерсть эта была низкого качества, что подтверждается и свидетельствами древних авторов об отсутствии тонкорунных овец в Понте [Крупа, 2000, с. 119]. В позднеримском могильнике Килен-Балка из округа Херсонеса зафиксированы остатки текстиля растительного происхождения, а также смешанные ткани из растительных и шерстяных волокон [Крупа, 2000, с. 115, 116, табл. 2]. На Боспоре в римское время также использовали льняные ткани [Герцигер, 1973, с. 87, 97, кат. 33]. Однако неизвестно, были ли они привозными или местными. О возделывании в древности в Крыму льна для тканей никаких письменных данных нет. Опираясь на сообщение Геродота о выращивании в Скифии конопли, некоторые исследователи предполагают, что в Северном Причерноморье производили конопляные ткани подобно тому, как это делали во Фракии [Гайдукевич, 1952, с. 396; Герцигер, 1973, с. 87]. Отметим, что в Византии, где в равной степени использовали шерстяные и льняные ткани, одежда из льна считалась более богатой и дорогой, чем шерстяная [Kalamara, 1995, p. 161, 163; Полякова, Чекалова, 1989, с. 146].

В Херсонесе и его округе в римское время носили одежду из привозных тканей: натурального шелка и шелковой парчи [171, с. 119]. В эпоху раннего средневековья шелковые ткани ввозили в Херсон из Византии, о чем свидетельствуют находки на городище печати VII в. коммеркиария Исидора – чиновника, в ведении которого были торговые операции с шелком [Соколова, 1991, с. 202]. Однако приобретать дорогие шелковые ткани имели возможность лишь зажиточные жительницы города [Кадеев, 1996, с. 59]. В Византии из богато разукрашенных шелковых тканей шили одежду для знати. Стоимость шелка была неимоверно высокой, приравнивавшейся к золоту [Иерусалимская, 1992, с. 3].

Боспоряне, в основном, шили одежду из домотканой материи. Находки пряслиц – грузиков для веретен, свидетельствуют о производстве пряжи, а вместе с тем и о ткацком деле, для которого выделка пряжи была необходимой подготовительной стадией [Гайдукевич, 1952, с. 396]. Прядение было широко распространенной отраслью хозяйственной деятельности, им занимались почти в каждой семье. Обилие находок ткацких пирамидальных грузил позволило В.Ф. Гайдукевичу прийти к заключению о том, что ткачество на Боспоре было делом не только отдельных специальных мастерских, изготавливавших ткани на продажу, но и широко было распространено как составная часть домашнего хозяйства [Гайдукевич, 1952, с. 410]. Отметим, что на некрополе в Босфорском переулке в засыпи могилы 54 найдено керамическое ткацкое грузило.

В эпоху раннего средневековья использование домотканых тканей было распространено повсеместно. Например, в Византии во многих богатых городских

домах существовали собственные ткацкие мастерские, иногда довольно крупные [Курбатов, 1971, с. 86]. В Дигестах Юстиниана – своде гражданского права VI в., в разделе «О дарении между мужем и женой» – есть интересные свидетельства о домашнем производстве тканей и одежды: «...если муж подарил жене шерсть, и жена сделала себе из этой шерсти одежду...» [Дигесты, 1984, с. 389, D.24.I.29.§1]; «Но если муж сделал из принадлежащей ему шерсти одежду для жены ... жена в этом деле выступила в качестве как бы хозяйки ткачих»; «Если жена сделала женскую одежду для себя из принадлежащей ей шерсти, но использовала труд рабынь мужа, то одежда принадлежит жене...» [Дигесты, 1984, с. 390, D.24.I.31.§1]. По агнографическим источникам известно, что, например, в Египте бедные женщины добывали себе средства к жизни, занимаясь прядением льна на стороне [Рудаков, 1997, с. 149]. Несмотря на то, что служанки ткали в доме, одежду и ткани также приобретали на рынке у ремесленников [Курбатов, 1971, с. 49]. Либаний пишет об обилии мелких торговцев на площадях, толпах ткачей, предлагающих дешевые ткани, торговцах готовой одеждой [Курбатов, 1971, с. 97]. Синесий Киренский в письме к своему брату в Аполлонию сообщает: «Прибыл из Афин некий продавец башмаков, у которого ты в прошлом году купил башмаки. Теперь же, говорят, он привез больше товара, привез аттические одежды и подобающую тебе и мне летнюю верхнюю одежду. Поэтому прежде, чем он успеет все или лучшие вещи распродать, призови чужестранца и купи мне три или четыре костюма» [Курбатов, 1971, с. 52; Чекалова, 1984, с. 646; Synesii, t. 66, col.1380]. В Константинополе были магазины торговцев шелком и лавки привозных сирийских материй [Рудаков, 1997, с. 129]. Либаний сообщает, что в больших деревнях есть ремесленники, живущие за счет своего ремесла. Среди них – сапожники, ткачи и портные [Курбатов, 1971, с. 31]. Крестьяне, прибывшие в город Тримифунт (Кипр) поклониться мощам преподобного Спиридона, на местном рынке покупали себе одежду [Рудаков, 1997, с. 115]. Наверняка и боспорцы приобретали некоторые одежды на рынке у ремесленников.

В целом, характеризуя костюм городского населения Боспора в VII-VIII вв., отметим следующее. На исследованном участке некрополя хоронили не самых богатых, рядовых горожан. Их пряжки и украшения сделаны из дешевых материалов – из бронзы или железа. В одновременных погребениях из склепов боспорской знати на северном склоне горы Митридат присутствуют серебряные пряжки и фибулы, а также сделанные из серебра или золота детали поясных наборов [Айбабин, 1999, с. 141-142]. Детали поясного набора VII в. из низкопробного серебра выявлены в плитовой могиле 31/1952 на северо-восточном склоне горы Митридат [Блаватский, 1962, с. 33; Айбабин, 1990, рис. 48, 22; 50, 36].

Можно выделить несколько костюмных комплексов, характерных для разных половозрастных групп. Мужской костюм состоял, скорее всего, из штанов и рубахи, подпоясанной ремненным поясом с пряжкой. Мужчины 25-35 лет носили неширокий застегнутый железной пряжкой ремень, к которому привешивали нож

в ножнах и сумочку с необходимыми вещами (рис. 2; 3). Среди них, помимо обычных, необходимых в повседневном быту вещей (кресало с кремнем, шило), могут присутствовать и предметы, свидетельствующие о занятиях владельца (как, например, рыболовные крючки). Мужчины постарше – 35-40 лет – носили два одинаковых ремня с бронзовыми пряжками, один – поверх рубахи, второй – на штанах (рис. 1). Этот костюмный комплекс престижней и, вероятно, характерен для боспорцев побогаче. Из этнографических наблюдений известно, что костюмные комплексы имущих, как правило, включают больше компонентов одежды [Кузнецов, 1995, с. 45]. Отметим, что мужчины с двумя бронзовыми пряжками похоронены в плитовых могилах, тогда как носители поясов с железной пряжкой – в простых грунтовых могилах. Не исключено, что различия в двух костюмных комплексах связаны не только с имущественным, но и с общественным положением владельца.

Описанные комплексы мужского костюма характерны для гражданского населения. Единственное погребение воина, зачищенное на исследованном участке, принадлежало, скорее всего, не боспорцу. Оно выявлено в грунтовой могиле 13, с нехарактерной для городского некрополя ориентировкой. Инвентарь включал типичные для кочевнических погребений предметы: лук, колчан со стрелами, согнутый меч. Изучение костюма воина – кочевника не входит в задачи данной работы и требует специального отдельного исследования. Воинский костюм боспорцев известен по находкам из склепов и плитовой могилы на северном склоне горы Митридат [Айбабин, 1999, с. 141]. В VII в. основным его компонентом был наборной пояс, который обкладывали металлическими геральдическими бляшками и часто снабжали свисающими узкими короткими ремешками с металлическими наконечниками. Представители боспорской знати, служившие офицерами в византийской армии, носили привезенные из Византии серебряные литые или золотые штампованные из пластин и украшенные зернью детали поясных наборов [Амброз, 1992, с. 82-83; Айбабин, 1999, с. 141-142, табл. XXXI, 83,84; Andrási J., Aibabin, 2008, Pl. 47-49, cat.N90-92]. Воины рангом ниже использовали поясные наборы из низкопробного серебра [Блаватский, 1962, с. 33; Айбабин, 1990, рис. 48, 22; 50, 36].

В костюме рядовых боспорянок можно выделить два комплекса. Основным компонентом одного из них был пояс с пряжкой (рис. 4). В состав второго входили только украшения, поясная пряжка в нем отсутствует (рис. 5, 38). В отличие от мужских, выявленные на основании полученного материала женские костюмные комплексы невозможно четко дифференцировать по возрасту и социальному положению их владелиц. Оба костюмных комплекса встречаются в разных возрастных группах и во всех типах погребальных сооружений. Отсутствие или наличие поясной пряжки не указывает и на имущественное положение. Так, например, у погребенной в могиле 17 женщины отсутствие поясной пряжки компенсировалось сравнительно богатым набором украшений,

включавшим ожерелье, пару бронзовых браслетов и пять перстней – четыре бронзовых и один железный (рис. 8, 17).

Из этнографических наблюдений известно, что женский костюм более подчинен этническим различиям [Кузнецов, 1995, с. 44]. Обычно именно женщины носят традиционные украшения и элементы одежды, указывающие на их этническую принадлежность. Известно, что на Боспоре со второй четверти VI и до конца VII вв. в моде был женский восточногерманский костюм с большой пряжкой, предназначенной для широкого пояса, и парой фибул, которыми застегивали накидку на плечах. Он появился после 528 г., когда прибывшие для подавления восстания гуннов с византийскими полками из Подунавья готы поселились на Боспоре с семьями. Они привезли с собой характерные для остготов Италии большие пряжки с прямоугольным щитком различных типов и пальчатые фибулы типа Удине-Планис, а также гепидские орлиноголовые застёжки [Айбабин, 1999, с. 100-101, рис. 36]. Пряжки с прямоугольным щитком не получили широкого распространения на Боспоре, зато орлиноголовые застёжки стали популярными: со второй половины VI в. городские мастера начали серийно изготавливать их местные варианты. Боспорский костюм с орлиноголовой пряжкой оставался неизменным на протяжении всего времени бытования – со второй половины VI в. и до конца VII в. Жительницы Боспора в наборе с орлиноголовой пряжкой использовали пару фибул типа Удина-Планис. Зачастую носили и одну пряжку, без наплечных застёжек [Амброз, 1992, с. 81-82; Айбабин, 1999, с. 100, 142]. Костюм дополняли украшения: серьги с литым или ажурным многогранником, низка бус из стекла, янтаря и сердолика, пара браслетов с утолщенными гладкими или декорированными концами. Местный колорит костюму придавали золотые нашивные бляшки – «городки», украшавшие горловину платья. Этот костюмный комплекс с большой пряжкой и парой пальчатых фибул зафиксирован как в склепах на северном склоне горы Митридат, так и в плитовом могильнике [Айбабин, 1999, с. 100-104, 142, рис. 37; 38]. Отдельные его детали – пряжки и, особенно, пальчатые фибулы в VII в. массово импортировали в Юго-Западный Крым [Айбабин, 1990, рис. 35, 1,2; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 22, 25, 28, 40, рис. 12, 38,39; 15, 22; 21, 15]. Выявленные на исследованном участке плитового могильника в Босфорском переулке женские костюмные комплексы совершенно лишены характерных этнических особенностей. Видимо, в VII в. на Боспоре традиционный женский костюм могли носить только представительницы имущих слоев населения, рядовые же горожанки перешли на урбанизированную одежду, включавшую платье, подпоясанное узким ремешком с небольшой бронзовой пряжкой, или без нее, и минимум украшений: небольшую низку стеклянных бусин, серьги и изредка – браслеты. Так в то время одевались жительницы многих городов Византийской империи.

Процесс постепенной замены женской традиционной одежды на византийскую можно проследить и в других регионах распространения восточногерманского ко-

стюма. Так, у визиготов Испании костюм с большой пряжкой и парой фибул вышел из моды в конце VI в. [Dohijo, 2007, p. 148, fig. 5, 188] и, уже начиная с VII в., визиготские женщины отдают предпочтение византийской одежде [Ripoll López, 1991, Tab. 1, IV, V; Ripoll López, p. 60]. У жительниц поселений и крепостей Юго-Западного Крыма процесс «византинизации» женского костюма и утраты им этнического своеобразия завершился только к концу VII в. [Хайрединова, 2008, с. 172-173].

Детей боспоряне одевали так же, как и взрослых. Одежда мальчиков походила на мужскую, гражданскую (рис. 9). Девочки носили одежду, подобную женской, только без поясной пряжки (рис. 10). Однако только в детском костюме присутствуют обереги – колокольчики (рис. 9, 2; 10, 5).

У костюмов всех половозрастных групп есть общие элементы. Прежде всего, это пояс с пряжкой. Ширина его незначительно варьировалась в зависимости от пола и возраста носящего. Обратим внимание на популярность у жителей Боспора в VII в. византийских поясных бронзовых цельнолитых застёжек, среди которых преобладали пряжки типа «Сиракузы» со стилизованным изображением листьев аканфа на щитке (рис. 1, А, 1, 2; 4, 6; 9, 1). Это один из самых распространенных видов византийских застёжек, бытовавших на широком пространстве от Пиренейского полуострова до Северо-Восточного Причерноморья [Чаллань, 1954, с. 329; Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2, 122; 42, 6, 7; Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 176, Abb. 62; Хайрединова, 2008, с. 165-167]. Пряжка типа «Сиракузы» была универсальной застёжкой – ее носили и мужчины, и женщины, и дети. Бронзовые цельнолитые пряжки представлены распространенными стандартными типами, производившимися в литейных мастерских по всему византийскому миру. Пряжки были предметом массового производства, рассчитанным на торговлю. По мнению И. Вернера, однообразие типов византийских пряжек и отсутствие индивидуальных черт работы свидетельствуют о том, что их производили ремесленники [Werner, 1955, S. 38]. Популярность византийских пряжек у боспорян – яркий показатель влияния византийской моды на городской костюм. Можно говорить о том, что в VII-VIII вв. городское население Боспора одевалось так же, как и жители Византийской империи.

Среди украшений отметим железные перстни с овальной или круглой жуковинной, которые носили все рядовые горожане независимо от возраста (рис. 1, Е, 1-4; 4, 3; 5, 2; 8, 3, 0; 9, 4). Различались перстни только размерами, что свидетельствует об их изначальном изготовлении в расчете на разных заказчиков.

На исследованном участке городского некрополя хоронили, в основном, христиан, что ярко выражено в погребальном обряде (плитовые могилы, ориентация могилы по оси запад – восток, с сезонными отклонениями). На плитах, закладных, или выложенных вдоль бортов могилы, часто встречаются прочерченные либо высеченные кресты разных форм. При этом влияние христианства на костюм не прослеживается. Только в двух женских могилах найдены перстни

с христианской символикой (рис. 8, 1,4,5). Предметы личного благочестия – кресты – тельники или медальоны отсутствуют. Хотя сами индивидуальные предметы культа этого времени известны по хранящимся в коллекциях Эрмитажа керченским находкам [Залесская, 2006, с. 102-1-3, кат.№143; Andrási, Aibabin, 2008, р. 62, katN86]. Видимо, на Боспоре, как и в Юго-Западном Крыму в эпоху раннего средневековья нательный крест не был обязательным атрибутом христианина; в повседневном костюме его носили не все и не всегда клали в погребения [Хайрединова, 2007, с. 176-178].

Высказанные нами наблюдения базируются на материалах, происходящих со сравнительного небольшого участка некрополя, и, безусловно, не могут полностью характеризовать костюм боспорцев. Дальнейшие исследования некрополей Боспора помогут расширить наши представления о раннесредневековом костюме городских жителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – Вып. I. – Симферополь, 1990.
- Айбабин А.И. Могильники VIII - начала X в. // МАИЭТ. – Вып. III. – Симферополь, 1993.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982-1984 гг.). – Симферополь, Керчь, 2008.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007-2008 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. X Боспорские чтения: Материалы междунар. научной конф. – Керчь, 2009.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – Вып. Г1-12. – М.: Наука, 1975.
- Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. – Вып. 1. – М., 1992.
- Амброз А.К. Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. – Вып. IV. – Симферополь, 1994/1995.
- Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003.
- Бейлин Д.И., Пономарев Л.Ю. К изучению раннесредневековых памятников Северо-Восточной оконечности Керченского полуострова (поселение Завал – Восточное) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Материалы междунар. научной конф. – Керчь, 2012.
- Беляев Н.М. Украшения позднеримской и ранневизантийской одежды // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. – Prague, 1926.
- Блатовский И.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей. – МИА. – №103. – М., 1962.
- Борисова В.В. Могильник у высоты “Сахарная головка” // Херсонесский сборник. – Вып. V. – 1959.
- Веймарн Э.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. – 1963. – Т. XIII.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. – Киев, 1993.

- Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // Боспорские города. – МИА. – №25. – М.-Л., 1952.
- Герцигер Д.С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. – Л., 1973.
- Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
- Горбачева Л.М. Костюм средневекового Запада: от нательной рубахи до королевской мантии. – М., 2000.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. “Золотое кладбище” римской эпохи в Прикубанье. – СПб., 1994.
- Дигесты Юстиниана / Избранные фрагменты в переводе с примечаниями И.С. Перетерского. – М., 1984.
- Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюurso // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. – М., 1982.
- Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к историко-этнографическому атласу. – М., 1986.
- Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. – СПб., 2006.
- Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. – Вып. III. – Симферополь, 1993.
- Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. – Вып. VI. – Симферополь, 1998.
- Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. – СПб., 1992.
- Иерусалимская А.А. Словарь текстильных терминов. – СПб., 2005.
- Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура. – Харьков, 1996.
- Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-и томах. – М., 1981.
- Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. – Прага, 1929.
- Кондаков Н.П. Иконография Богоматери: в 2-х т. – Т. 1. – М., 1998.
- Кондић В., Поповић В. Царичин Град. – Београд, 1977.
- Korać M. Late Roman Tomb with Frescoes from Viminacium // Старинар. – Т.XLII. – 1991.
- Крупа Т.М. Застосування методів природничих наук при дослідженні текстилю IV ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами Криму) // Археологія. – №3. – 2000.
- Кузнецов И.В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. – М., 1995.
- Курбатов Г.А. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. – Л., 1971.
- Лазарев В.Н. История византийской живописи. – М., 1986.
- Лобода И.И., Чореф М.Я. Вновь открытый в Бельбекской долине раннесредневековый могильник // КСИА. – Вып. 140. – М., 1974.
- Мусин А.Е. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб. 2006.
- Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV-VII век. – София, 1978.
- Поляковская М.А., Чекалова. А.А. Византия: быт и нравы. – Свердловск, 1989.
- Рабинович М.Г. Одежда русских XIII-XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к историко-этнографическому атласу. – М., 1986.
- Радочин В.Ю. К вопросу о населении раннесредневекового Боспора (по результатам раскопок в Босфорском переулке в 2007-2009 гг.) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Материалы междунар. научной конф. – Керчь, 2012.
- Райс Д.Т. Византийцы. Наследники Рима. – М., 2003.
- Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. – 1906. – Вып. 19.

- Ретников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. – Т. XII, 1-8. – 1932.
- Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – СПб., 1997.
- Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – Т. 52. – 1991.
- Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. – Вып. VII. – Симферополь, 2000.
- Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – Вып. XIII. – Симферополь, 2007.
- Хайрединова Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. – Вып. XIV. – Симферополь, 2008.
- Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006-2008 гг. // МАИЭТ. – Вып. XVI. – Симферополь, 2010.
- Чаллань Д. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства, ч. I // Acta Antiqua Hungarica. – II, 3-4. – 1954.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. – Вып. 25. – 1907.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // ИАК. – Вып. 30. – 1909.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. – Вып. 35. – 1910.
- Чекалова А.А. Быт и нравы византийского общества // Культура Византии. IV – первая половина VI вв. – М., 1984.
- Andrási J., Aibabin A. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. – London, 2008.
- Baldini-Lippolis I. L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. – Bari, 1999.
- Dimitrov D.P. Le système décoratif et la date des peintures murales du tombeau antique de Silistra // Cahiers archéologiques. – Т. XII. – 1962.
- Dohijo E. La necropolis hispanovisigoda del area foral de Termes // Pyrenae. – 38/1. – 2007.
- Ferrua A. The Unknown Catacomb. – Florence, 1991.
- Frova A. Pittura Romana in Bulgaria. Roma, 1943.
- Garam E. Das awarenzeitliche Graberfeld von Tiszafured. Cemeteries of the Avar Period (567-829) in Hungary. – Vol. 3. – Budapest, 1995.
- Gill M.V. The small Finds // Excavations at Sarāḥane in Istanbul. – V.1. – Princeton, 1986.
- Gregorius Theologus vulgo Nazianzenus // J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. – Т. 35-38. – Paris, 1863.
- Joannes Chrysostomus. Opera omnia // J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. – Т. 47-64. – Paris, 1863.
- Kalamara P. Le système vestimentaire à Byzance du IVe jusqu'à la fin du XIe siècle. Thèse du Nouveau Doctorat. – Т. I. – Paris, 1995.
- Khairédinova E. Le costume des barbares aux cinfins septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople. – Kiev, Simferopol, Paris, 2007.
- Martinelli P.A. Il costume femminile nei mosaici Ravennati // Corsi di cultura sull'arte Ravennate e Bizantina. – N16-29, Marzo. – Ravenna, 1969.
- Milinković M. Die Byzantinische Höhenanlage auf der Jelica in Serbien – ein Beispiel aus dem Nördlichen Illyricum // Старинар - LI/2001 – 2002.
- Oakeshott W. Mozaici Rima. – Beograd, 1977.
- Ripoll López G. Materiales funerarios de la Hispania visigoda: problemas de cronología y tipología // Gallo-Romains, Wisigoths et Francs en Aquitaine, Septimanie et Espagne. – Rouen, 1991.
- Ripoll López G. Toréutica de la Bética (Siglos VI y VII d.c.). – Barcelona, 1998.
- Schulze-Dörrlam M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. – Mainz, 2002.

- Synesii Opera* // J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. – Paris, 1863.
- Theune-Grosskopf B.* Auswahl antiker Darstellungen von Trägern der Zwiebelknopfbeln // Die Schraube zwischen macht und Pracht. Das gewinde in der Antike. – Stuttgart, 1995.
- Uense S.* Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. – Bd. 43. – München, 1992.
- Werner J.* Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergard // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. – 1. – 1955.
- The World of the Byzantine museum.* Athens, 2004.

Е.А. Хайредінова

КОСТЮМ МІСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ БОСПОРУ У VII-VIII ст. (ПО ЗНАХІДКАХ З НЕКРОПОЛЯ У БОСФОРСЬКОМУ ПРОВУЛКУ)

Резюме

Джерелом для вивчення ранньосередньовічного костюму боспорян були матеріали, отримані у ході розкопів 2007-2009 рр. ділянки міського некрополя з 99-ома могилами VII-VIII ст. на нижній терасі південно-східного схилу гори Мітрідат у Босфорському провулку на території, виділеної для будівництва нового корпусу музею, експедицією Кримського відділення Інституту сходознавства НАН України під керівництвом О.І. Айбабіна.

На дослідженій ділянці некрополя ховали не самих багатих, рядових городян. Чоловічий костюм складався з штанів та сорочки, підперезаний ремінним поясом з пряжкою. Чоловіки 25-35 років носили неширокий, застебнутий залізною пряжкою ремінь, до якого привішували ніж у піхвах тасумочку з необхідними речами (мал. 2,3). Чоловіки постарше – 35-40 років – носили два однакових ремені з бронзовими пряжками, один поверх сорочки, другий – на штанях (мал. 1). Цей костюмний комплекс більш престижний та, ймовірно, характерний для боспорців побагатше.

У жіночому костюмі виділено два комплексу: з пряжкою (мал. 4) та без неї (мал. 5, 38). На основі отриманого матеріалу жіночі костюмні комплекси не можливо чітко диференціювати за віком та соціальним положенням їх власниць. Обидва костюмні комплекси зустрічаються у різних вікових групах і у всіх типах похоронних споруд. Жіночі костюмні комплекси абсолютно позбавлені характерних етнічних особливостей. У VII ст. на Боспорі традиційний жіночий костюм могли носити тільки представниці заможних верств населення, рядові же городянки перейшли на урбанізований одяг, який включав сукню, підперезану вузьким ремінцем з невеликою бронзовою пряжкою, або без неї, та мінімум прикрас: невелику низку скляного намиста, сережки та зрідка - браслети. Так в той час одягались жителями багатьох міст Візантійської імперії.

Дітей боспоряни вдягали так, як і дорослих. Одежа хлопчиків походила на чоловічу, громадську (мал. 9). Дівчатка носили одяг, подібну жіночий, тільки без поясної пряжки (мал. 10). Тільки у дитячому костюмі присутні обереги – дзвіночки.

Э.А. Хайрединова

КОСТЮМ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРА В VII-VIII вв.
(ПО НАХОДКАМ ИЗ НЕКРОПОЛЯ В БОСФОРСКОМ ПЕРЕУЛКЕ)

Резюме

Источником для изучения раннесредневекового костюма боспорян стали материалы, полученные в ходе раскопок 2007-2009 гг. участка городского некрополя с 99-ю могилами VII-VIII вв. на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке на территории, выделенной под строительство нового корпуса музея, экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина.

На исследованном участке некрополя хоронили не самых богатых, рядовых горожан. Мужской костюм состоял из штанов и рубахи, подпоясанной ремненным поясом с пряжкой. Мужчины 25-35 лет носили неширокий, застегнутый железной пряжкой ремень, к которому привешивали нож в ножнах и сумочку с необходимыми вещами (рис. 2; 3). Мужчины постарше – 35-40 лет – носили два одинаковых ремня с бронзовыми пряжками, один – поверх рубахи, второй – на штанах (рис. 1). Этот костюмный комплекс престижной и, вероятно, характерен для боспорцев побогаче.

В женском костюме выделено два комплекса: с пряжкой (рис. 4) и без нее (рис. 5, 38). На основании полученного материала женские костюмные комплексы не возможно четко дифференцировать по возрасту и социальному положению их владелиц. Оба костюмных комплекса встречаются в разных возрастных группах и во всех типах погребальных сооружений. Женские костюмные комплексы совершенно лишены характерных этнических особенностей. В VII в. на Боспоре традиционный женский костюм могли носить только представительницы имущих слоев населения, рядовые же горожанки перешли на урбанизированную одежду, включавшую платье, подпоясанное узким ремешком с небольшой бронзовой пряжкой, или без нее, и минимум украшений: небольшую низку стеклянных бусин, серьги и изредка – браслеты. Так в то время одевались жительницы многих городов Византийской империи.

Детей боспоряне одевали так же, как и взрослых. Одежда мальчиков походила на мужскую, гражданскую (рис. 9). Девочки носили одежду, подобную женской, только без поясной пряжки (рис. 10). Только в детском костюме присутствуют обереги – колокольчики.

E.A. Khairedinova

CLOTHES OF THE URBAN POPULATION OF THE BOSPORUS IN THE 7th – 8th centuries
(BY THE FINDS FROM THE NECROPOLIS AT THE BOSPHORSKY LANE)

Summary

Materials obtained in the course of excavation 2007-2009 of the section of an urban necropolis with ninety-nine tombs of the 7th – 8th cc. on the lower terrace of the southeastern slope of Mount Mithridates, in the Bosphorsky Lane, allocated for a new building of the museum, by the expedition of the Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine under the leadership of Aibabin A.I., have become a source for the study of early medieval clothes of the Bosporus citizens.

Not rich, ordinary citizens were buried at the explored site of the necropolis. Male outfit consisted of pants and a shirt, belted with a leather belt with a buckle. Men aged 25-35 wore not wide belts fastened with iron buckles. A knife in a sheath and a small bag with necessary things was hung to the belt (fig.2;3). Older men of 35-40 years wore two similar belts with bronze buckles: one belt – over the shirt, the second one – on the pants (fig.1). This prestigious outfit complex is probably typical for richer Bosporus citizens.

Two complexes are identified in the outfit of women: with a buckle (fig.4) and without it (fig. 5, 38). Based on materials obtained, female outfit complexes cannot be clearly differentiated by age and social status of their owners. Both costume complexes are found in different age categories and in all types of burial structures. They do not have any specific ethnic features. In the 7th century in the Bosporus only representatives of propertied class could wear the traditional woman's costume. Ordinary urban women wore urbanized clothes, which included a dress, belted with a narrow strap with a small bronze buckle or without it, and a minimum of jewelry: a small string of glass beads, earrings, and occasionally – bracelets. Women of many cities of the Byzantine Empire were dressed this way.

Bosporus citizens dressed children like adults. Boy's clothes looked like civil clothes of men (fig. 9). Girls wore clothes similar to clothes of women, but without belt buckles (fig 10). There were amulets – bells in children's clothes only.

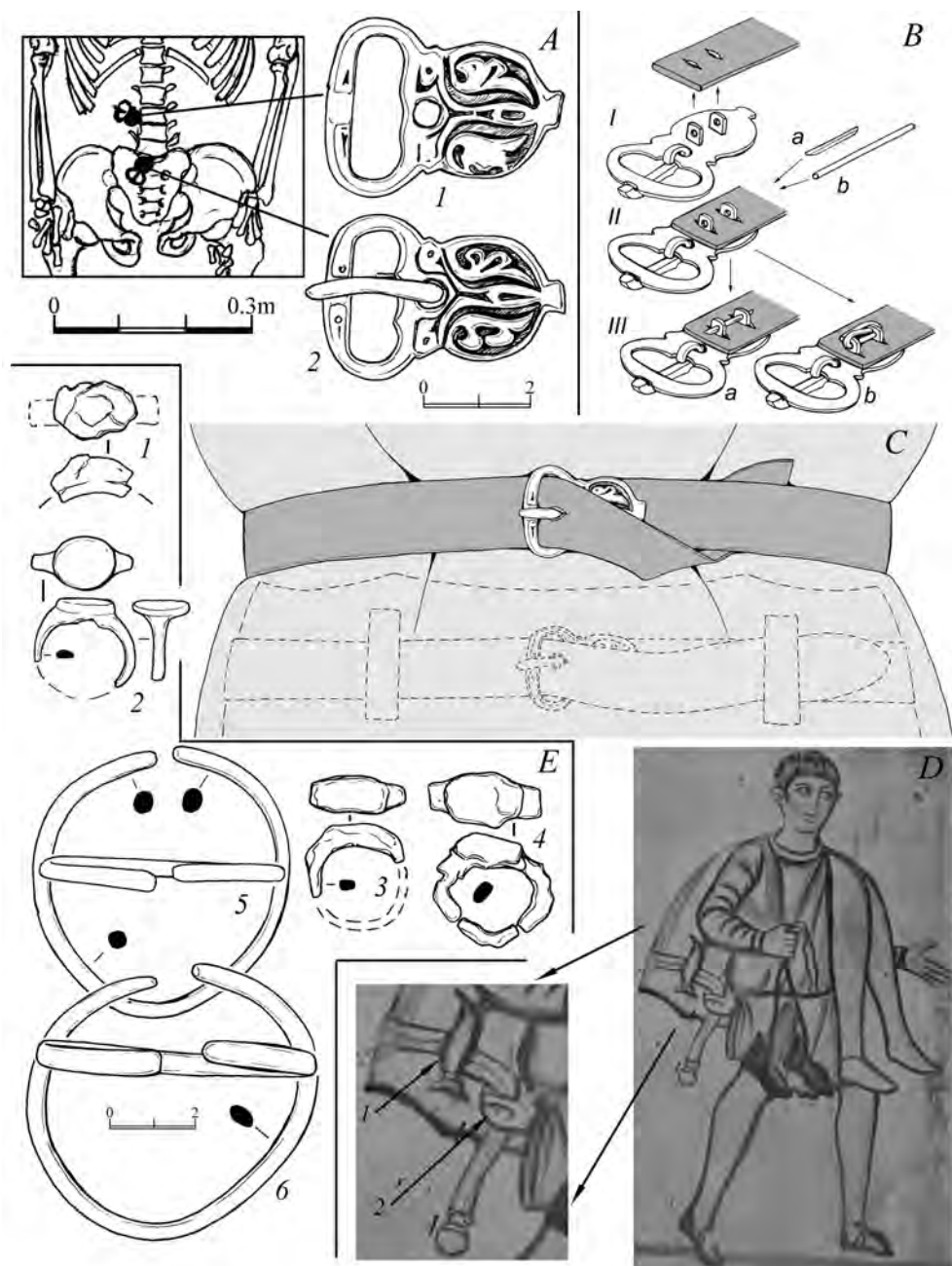

Рис. 1. Элементы мужского костюма.

А, С – некрополь в Босфорском переулке, могила 42 (А – схема расположения пряжек в могиле; С – реконструкция одежды погребенного); В – схема крепления ремня на бронзовых цельнолитых пряжках; Д – фреска из гробницы IV в. из Сидисы [по Frova, 1943, fig. 9]; Е – украшения из мужских погребений (1 – могила 21; 2 – могила 33; 3 – могила 8а; 4 – могила 32; 5 – могила 20; 6 – могила 13).

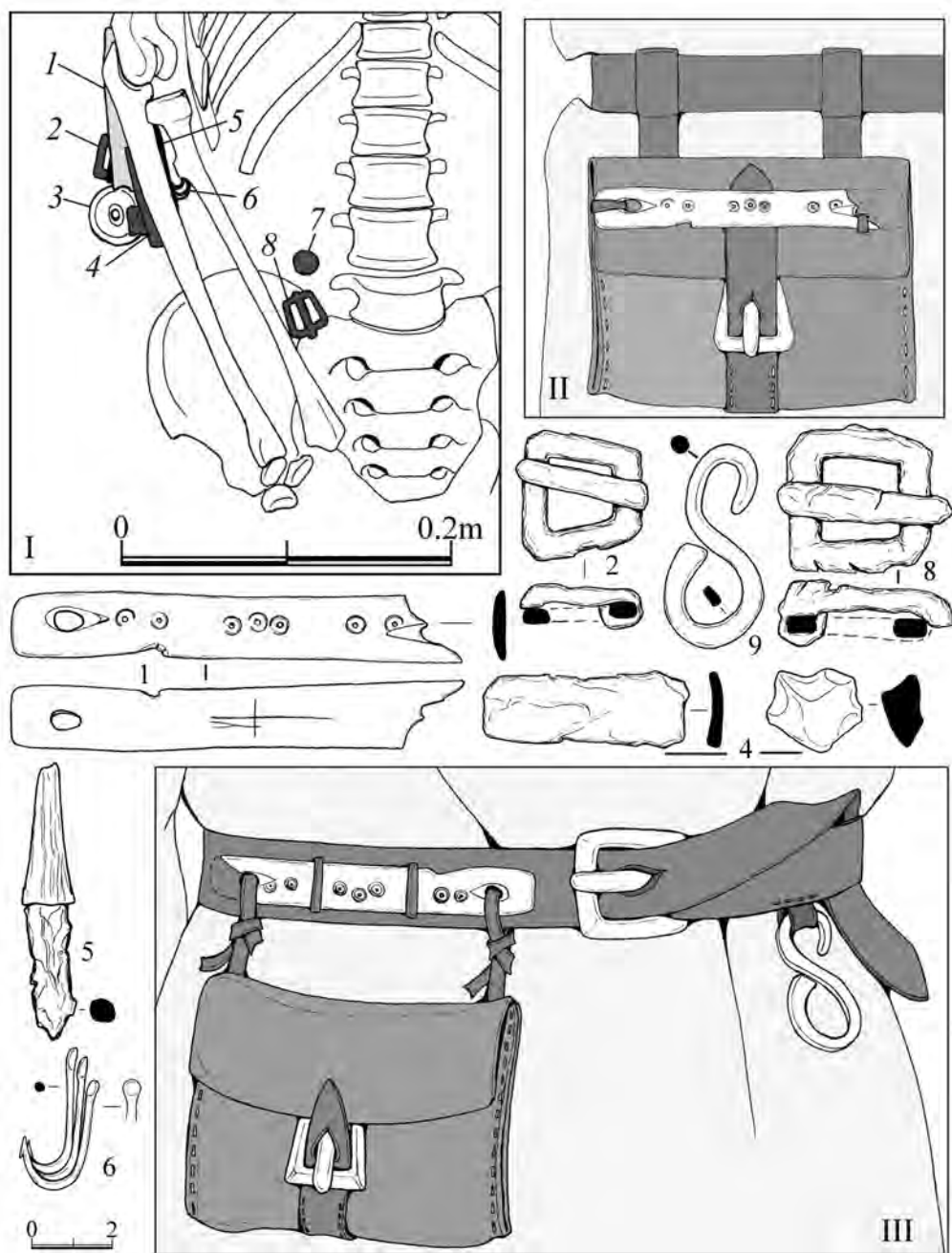

Рис. 2. Могила 63.

1-9 – находки из погребения; I – план расположения предметов в погребении; II, III – варианты реконструкции пояса с сумкой.

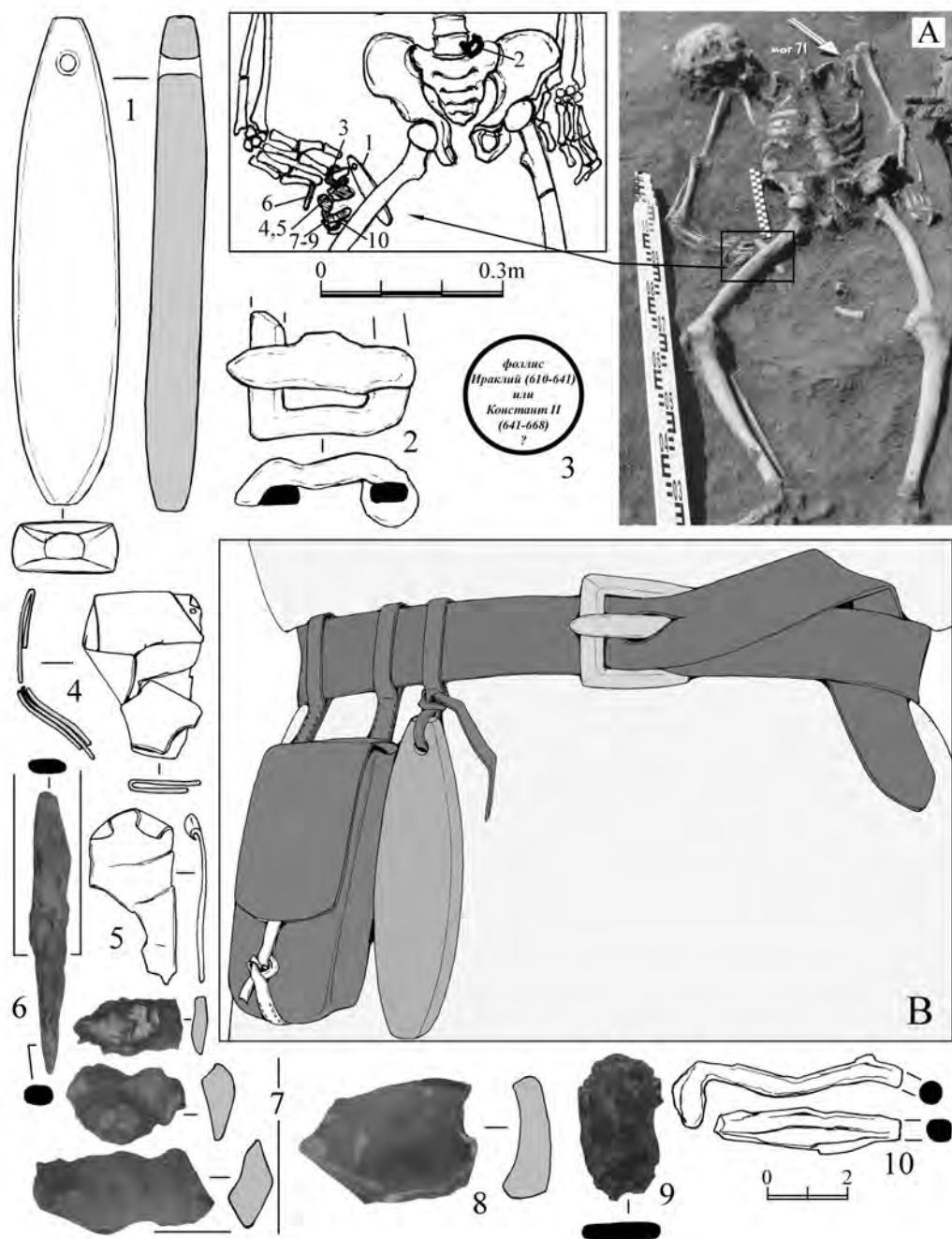

Рис. 3. Могила 71.

1-10 – находки из погребения; А – фото погребения и схема расположения в нем предметов; В – вариант реконструкции пояса с сумкой.

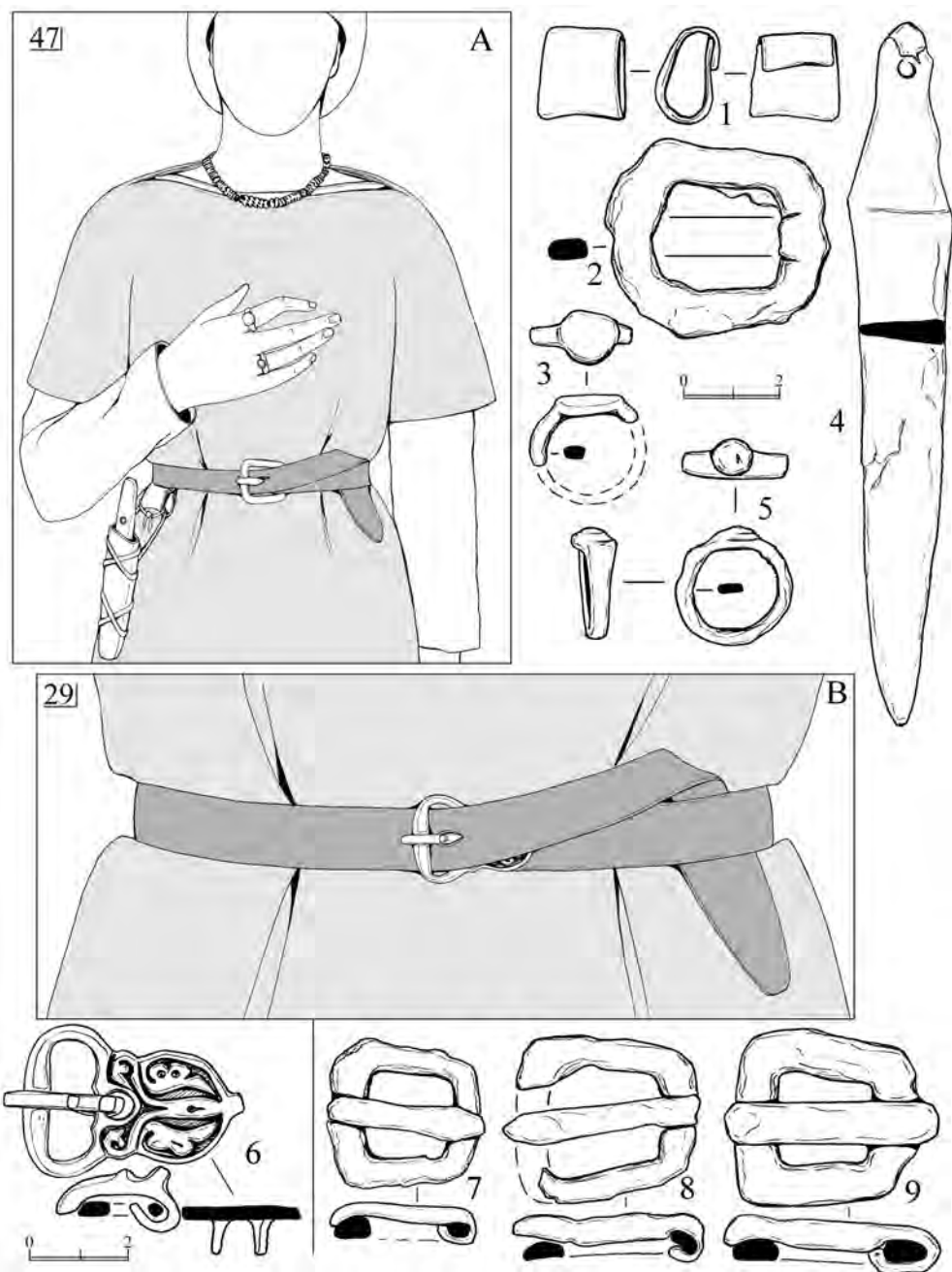

Рис. 4. Женский костюм.

А, 1-5 – могила 47 (А – реконструкция костюма; 1-5 – инвентарь из погребения); В, 6 – могила 29 (В – реконструкция пояса погребенной, 6 – пряжка из погребения); 7-9 – поясные пряжки из женских погребений (7 – могила 28; 8 – могила 46; 9 – могила 52).

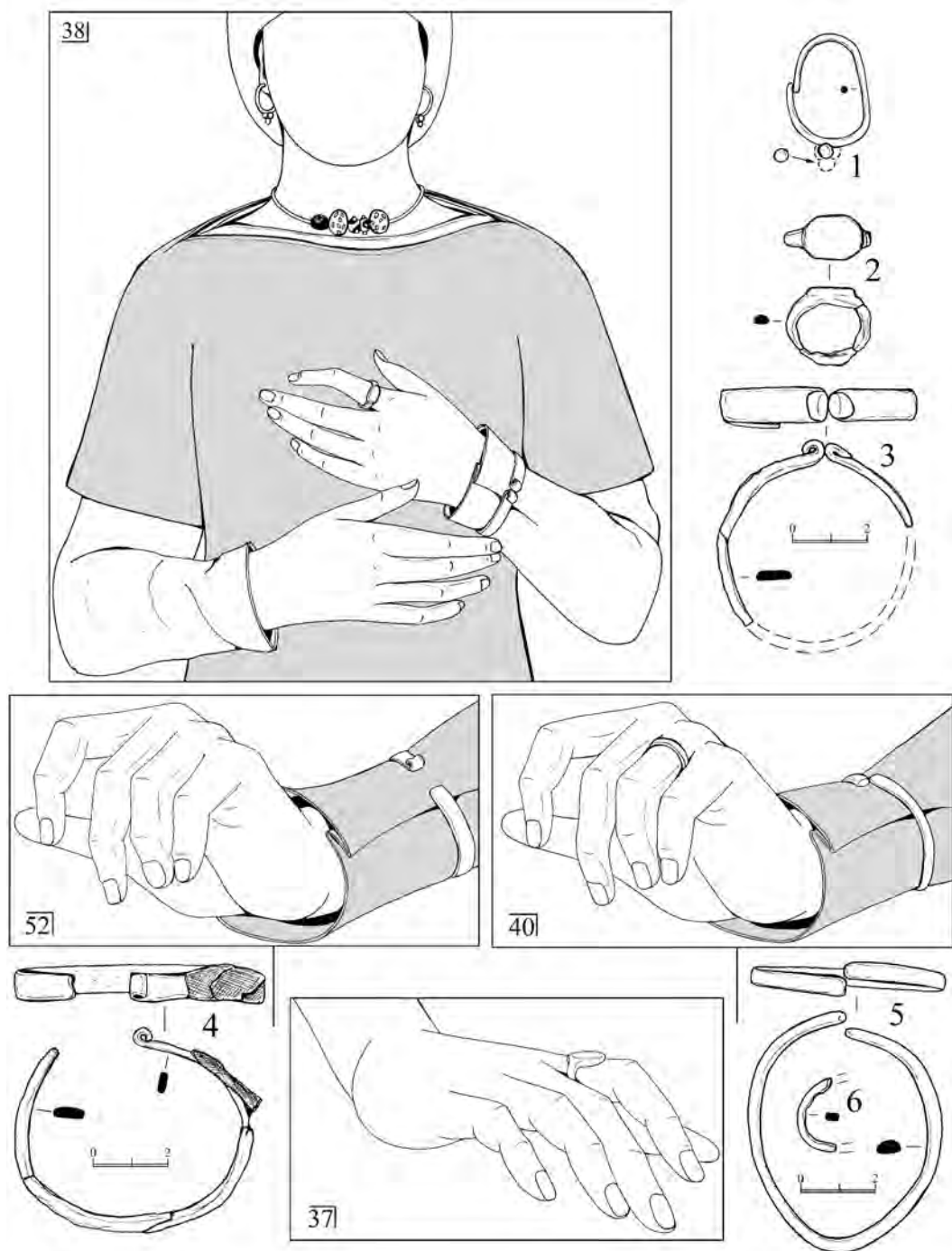

Рис. 5. Украшения из женских погребений 37, 38, 40, 52 и способы их ношения.

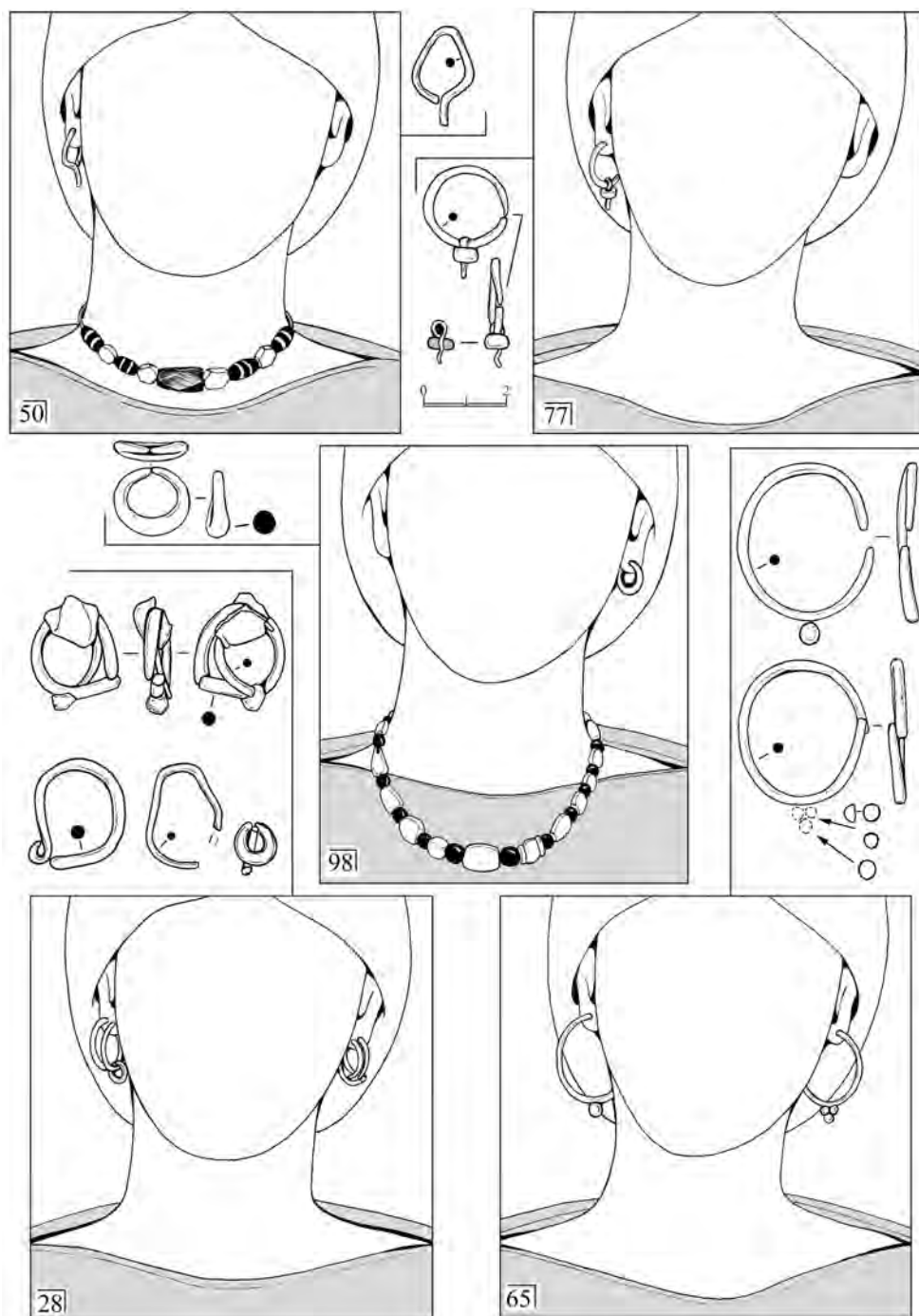

Рис. 6. Серьги из женских погребений 28, 50, 65, 77, 98 и способы их ношения.

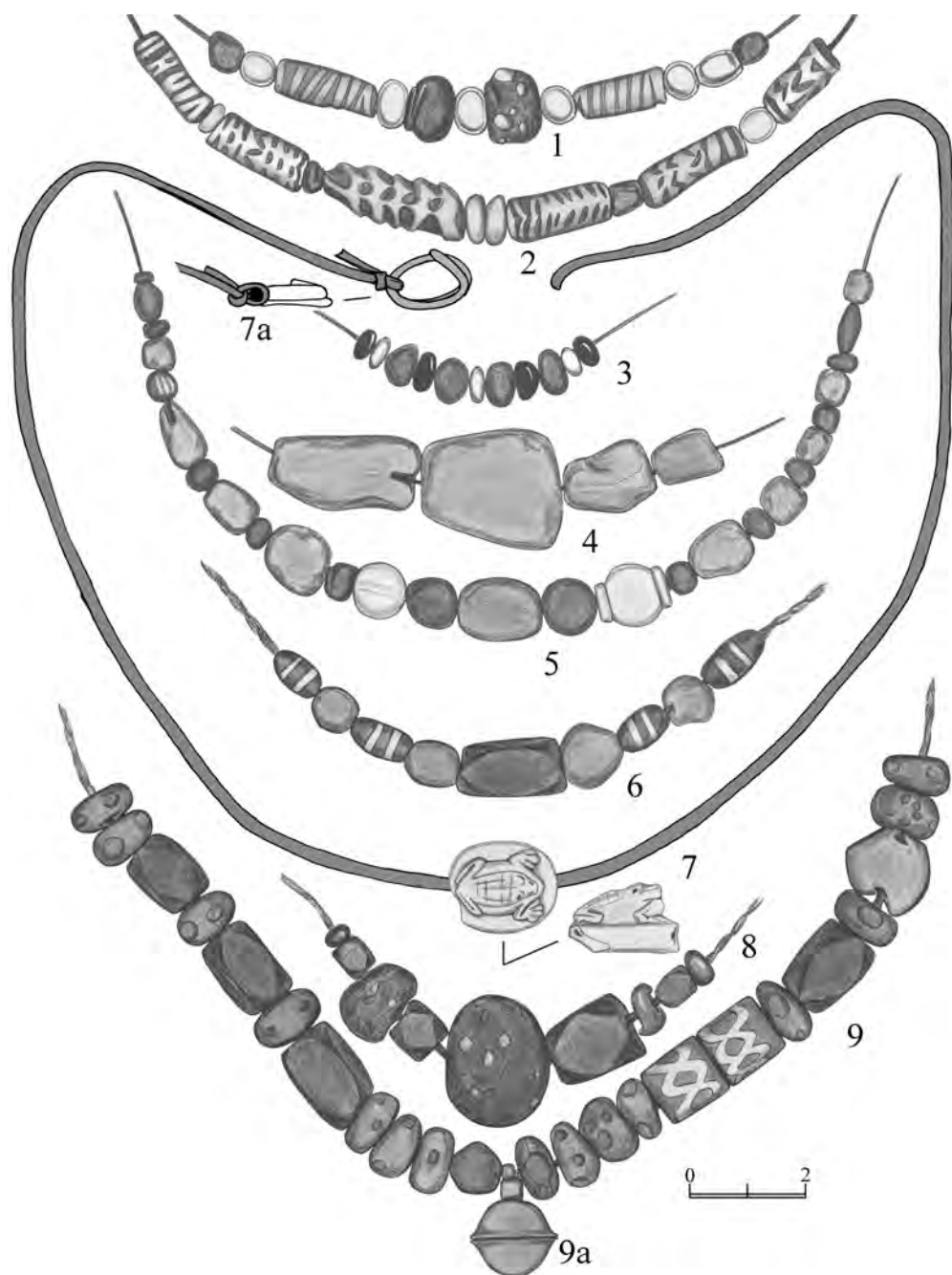

Рис. 7. Ожерелья из детского (3) и женских (1,2,4-9) погребений.

1 – могила 6; 2 – могила 47; 3 – могила 41; 4 – могила 97; 5 – могила 98; 6 – могила 50; 7 – могила 73; 8 – могила 84; 9 – могила 30.

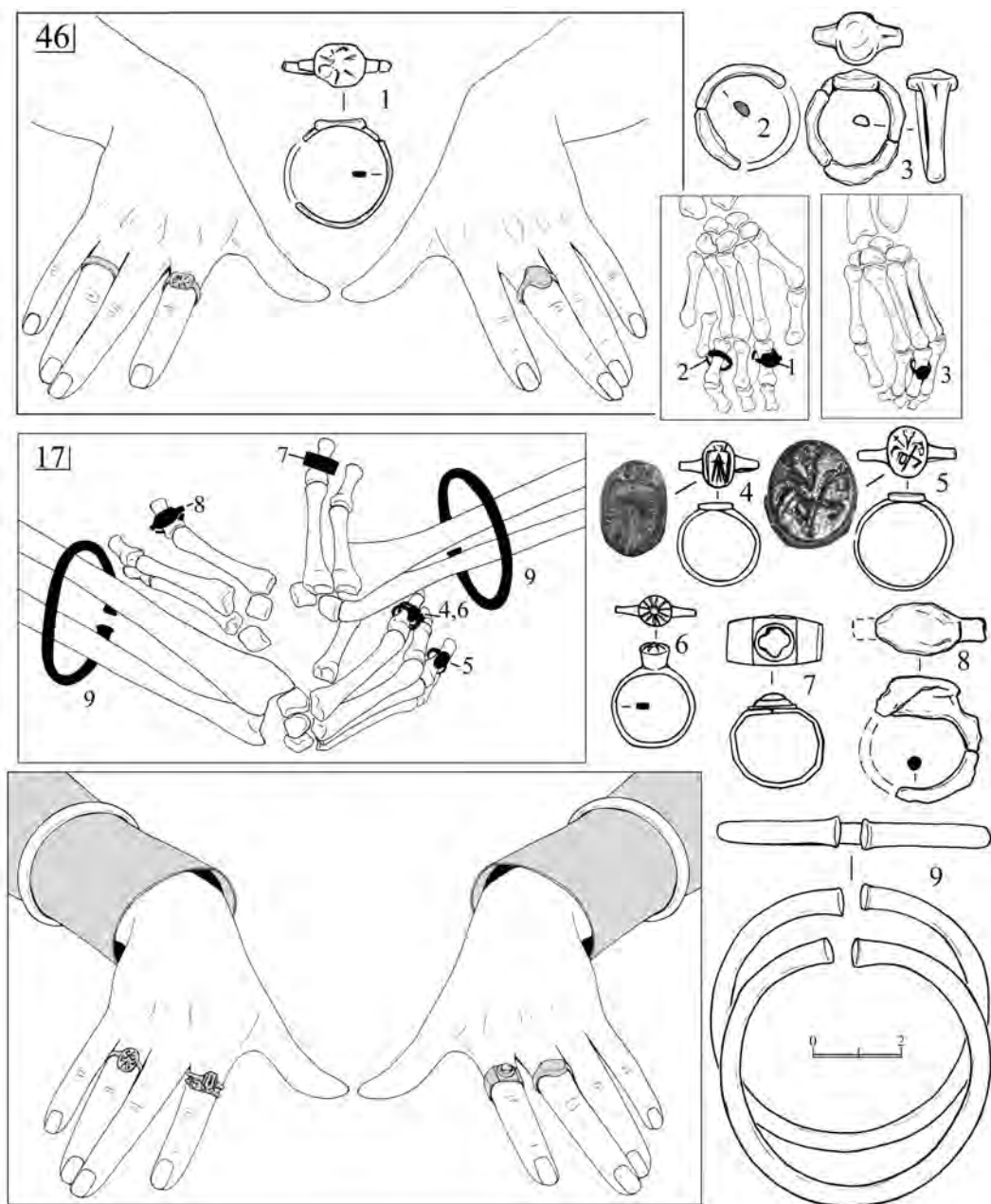

Рис. 8. Перстни и кольца из женских погребений 17 и 46 и способы их ношения.

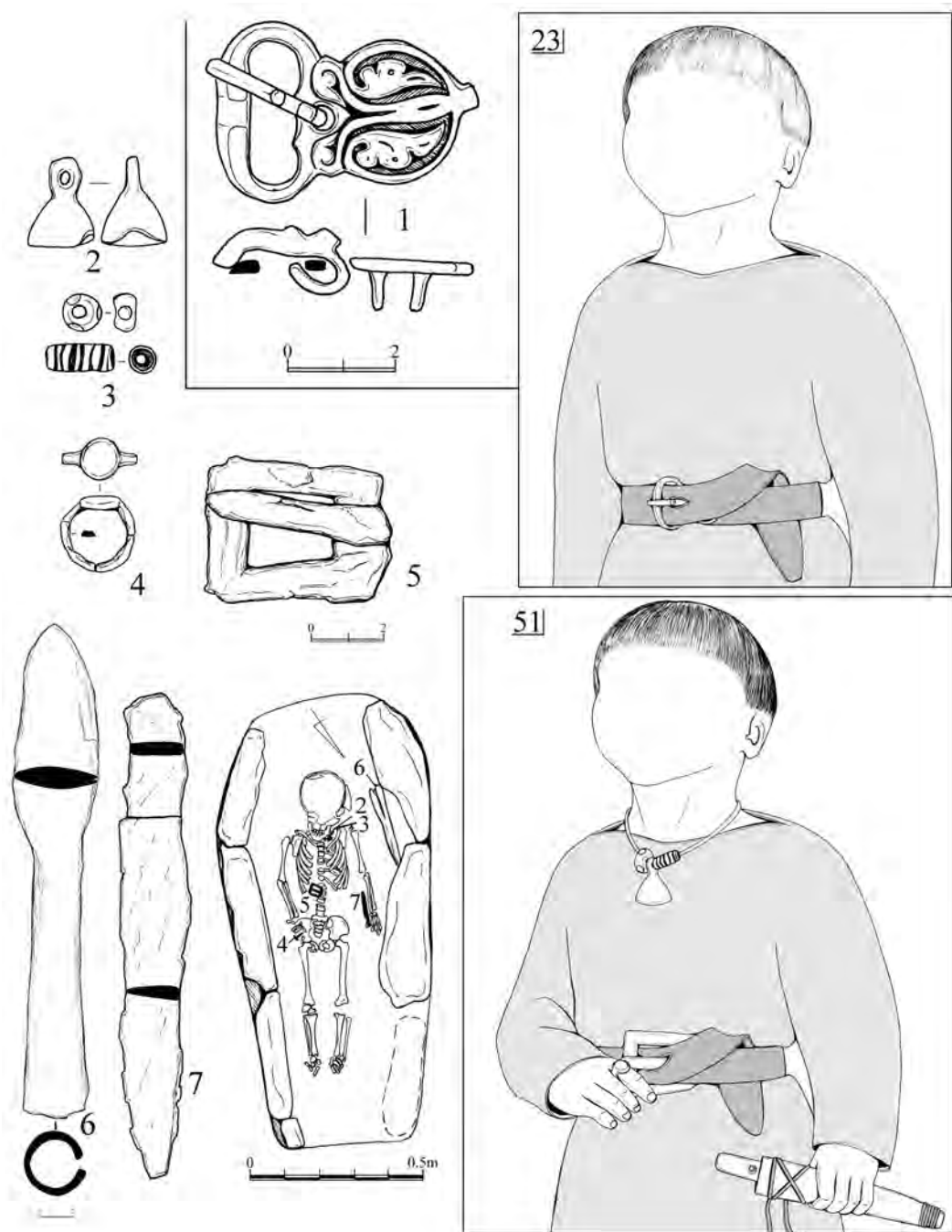

Рис. 9. Находки из могил 23 (1) и 51 (2-7) и реконструкция детского костюма.

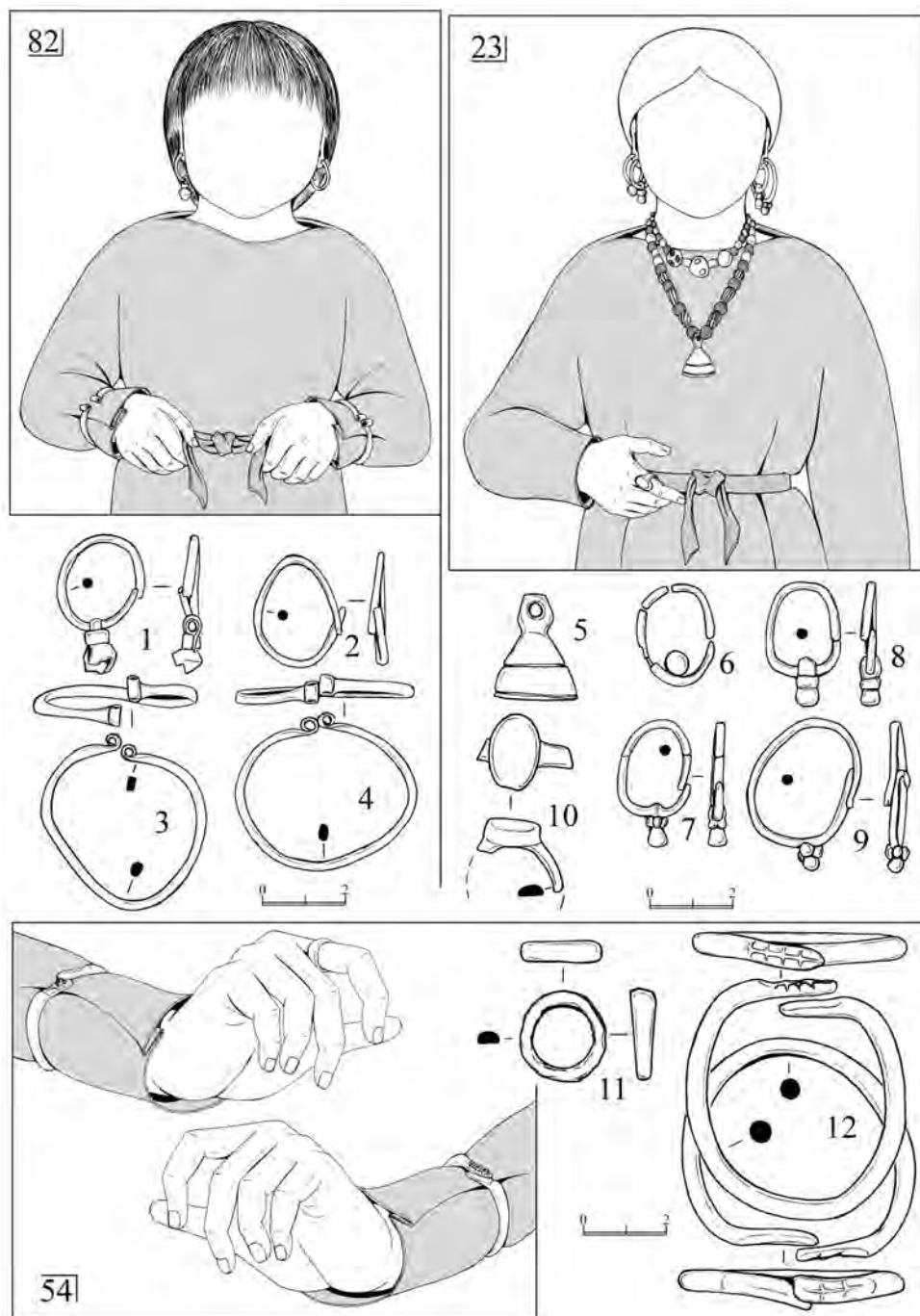

Рис. 10. Находки из могил 82 (1-4), 23 (5-10) и 54 (11,12) и реконструкция детского костюма.

О. Б. БУБЕНОК

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ САРКЕЛА В СТЕПЯХ ВОЛГО-ДОНЬЯ

Крепость Саркел, отождествляемая современными археологами с Левобережным Цимлянским городищем в степном Подонье, буквально с момента ее основания заняла важное место в истории не только Хазарского каганата, но и соседних государств, в первую очередь Византии. Поисками места крепости, а затем её идентификацией с обнаруженными на Нижнем Дону поблизости от станицы Цимлянской остатками кирпичных стен и сооружений занимались многие исследователи (рис. 1). Но окончательным подтверждением того, что хазарская крепость Саркел находилась именно здесь были раскопки М.И. Артамонова в 1934–1936, 1949–1951 годах [Артамонов, 1940]. Однако для К.В. Кудряшова такая локализация Саркела оставалась неубедительной, потому что это не согласовывалось с его концепцией о нахождении этой крепости в местах прохождения важных коммуникаций, которые, по его мнению, Саркел должен был защищать [Кудряшов, 1948, с. 9–41].

До настоящего времени у исследователей так и не сложилось единого мнения относительно предназначения хазарской крепости Саркел, хотя уже сегодня ученые единодушно отождествляют Саркел с Левобережным Цимлянским городищем. Так, наиболее распространенным является мнение, что крепость Саркел должна была отражать нападение венгров, которые из союзников превратились во врагов хазар. Этого мнения придерживались А. Е. Крымский [Кримський, с. 170–171], А. П. Новосельцев [Новосельцев, 1990, с. 131–132], К. Цукерман [Цукерман, 1998, с. 663–668] и многие другие исследователи. Однако они так и не объяснили, каким образом Саркел, расположенный на левом берегу Дона, мог препятствовать продвижению венгров вглубь Хазарского каганата?

М. И. Артамонов считал, что крепость Саркел была построена хазарами для обороны от нападений западных соседей, которыми в начале IX в. стали славяне, создавшие “Русское государство” [Артамонов, 1962, с. 296–297]. Весьма характерно, что данная гипотеза с некоторыми изменениями в настоящее время отстаивается Л. В. Войтовичем, который, однако, видит в этих руинах не славян, а викингов.¹

¹ Данную идею Л. В. Войтович высказал в рукописи статьи «Чи володіла Хозарія Середнім Подніпров'ям у 839-860 рр.?,» выход которой планируется в 11-м томе «Хазарского альманаха».

Однако эти исследователи так и не объяснили, как Саркел мог препятствовать продвижению русов по водным коммуникациям в центр каганата?

В соответствии же последним выводам С. А. Плетневой, хазарская крепость Саркел возникла, прежде всего, как торговый центр, который находился на пересечении важных сухопутных торговых путей (рис. 2). Эти же функции Белая Вежа, по мнению исследователя, продолжала выполнять и в древнерусский период. В качестве доказательства этого С. А. Плетнева привела результаты раскопок караван-сараев на территории Саркела, а также сведения о древних степных путях, проходивших вблизи от крепости [Плетнева, 1996, с. 142–158]. Однако С. А. Плетнева так и не объяснила, как это увязывается с расположением Саркела на левом берегу Дона?

«Торговой» концепции придерживался также академик А. Е. Крымский, который по этому поводу отметил: «...мадяри та “хазари-кавари”, дарма що принципово не одкидали хазарського сюзеренітета (це бо з Костянтина Порфирородного видко як-найвиразніші), показувалися для столичних орударів хазарської держави не зовсім любимими західноукраїнними сусідами, щоб таких васалів держати справді в своїх руках або не давати їм спромоги псувати своєю хижацькою самоволею, добре налагоджене торгове життя хаканату, випадало поставити проти їх на кордоні їхньому міцну твердиню, грізний неприступний форт, звідки можна б було кожного разу негайно припинити їхні самовільні вибрики» [Кримський, арк. 269–281]. Аналогічного мнения придерживался также А. П. Новосельцев, который по этому поводу выразился еще более определенно: “Район Саркела имел важное значение, так как здесь проходил путь с Дона на Волгу” [Новосельцев, 1990, с. 131]. Однако упомянутые исследователи так и не объяснили, как мог Саркел, расположенный на левом берегу Дона, способствовать развитию торговли в Волго-Донье?

Эта неопределенность заставляет обратиться к анализу не только сведений письменных источников и политической ситуации в регионе в начале IX в., но и данным топографического характера, характеризующим местность, где была построена византийско-хазарская крепость Саркел.

Так, относительно причин и обстоятельств сооружения данного укрепления именно в Нижнем Подонье Константин Багрянородный сообщает, что поводом к строительству Саркела на берегу Танаиса (Дона. – О. Б.) была просьба хазар, и ее построил византиец Петрона “по прозвищу Катамир” [Константин, 1991, с. 170–171]. Продолжатель Феофана отмечает, что крепость Саркел разделяла печенегов и хазар [Продолжатель Феофана, 2009, с. 84]. Иоанн Скилица и Георгий Кедрин отмечают, что защита от нападений печенегов была целью сооружения Саркела [Ioanus Scylitzes, 1973, с. 73; Georgius Cedrenus, 1839, с. 130]. Однако необходимо учесть, что Продолжатель Феофана написал продолжение хроники Феофана Исповедника в 950 г., Иоанн Скилица и Георгий Кедрин написали свои сочинения в конце XI – начале XII вв., т. е. они

во временном контексте были более отдалены от событий первой половины IX, чем Константин Багрянородный. Поэтому имеет смысл поддержать мнение С. А. Плетневой и К. Цукермана, что в данной ситуации византийские авторы перепутали печенегов с венграми, которые в первой половине IX в. стали угрожать хазарам с запада [Плетнева, 1996, с. 142; Цукерман, 1997, с. 664].

Однако Константин Багрянородный не сообщает о венгерском факторе, как о поводе к строительству Саркела, что позволяет считать данный вопрос еще не решенным до конца. Несмотря на это, большинство исследователей придерживается мнения, что угроза исходила со стороны венгров, которые начали угрожать владениям хазар в 30-е годы IX в. Наличие угрозы извне подтверждают сведения Константина и Продолжателя Феофана о военном гарнизоне Саркела в триста человек, сменяемых ежегодно [Константин, 1990, с. 170–171; Продолжатель Феофана, 2009, с. 84]. Исходя из этого, получается, что Саркел был построен как военная крепость для защиты от нападения со стороны соседей.

Большой интерес представляет и дата сооружения Саркела. Константин Багрянородный сообщает, что Саркел был построен во времена византийского императора Феофила, который царствовал с 829 г. по 842 г. [Константин, 1991, с. 170–171]. Георгий Кедрин и Продолжатель Феофана уточняют, что эта крепость была построена между 834 и 837 гг. [Theophanes Continuatus, 1838, с. 122–124; Georgius Cedrenus, 1839, с. 130]. В свое время Ф. И. Успенский пытался доказать, что византийские историки неправильно указали дату постройки Саркела, из чего следовало, что Саркел был построен византийцами при императоре Льве Мудром, т. е. около 904 года [Успенский, 1889]. Однако В. Г. Васильевский подверг эти утверждения справедливой критике и показал, что Саркел должен был быть построен в 30-е гг. IX в., но не в начале X в. [Васильевский, 1889, с. 273–289]. Однако К. Цукерман по поводу даты строительства крепости высказался более категорично: «Что же касается хазарского посольства, прибывшего с ходатайством о помощи Византии в постройке Саркела, то оно было принято императором Феофилом в конце лета 839 г.» [Цукерман, 1997, с. 666]. Таким образом, получается, что Саркел должен был быть построен после 839 г. С какими событиями в Северном Причерноморье это было связано?

Исследователи неоднократно отмечали, что именно в этот период письменными источниками было зафиксировано первое появление венгров в степях Северного Причерноморья, на запад от Днепра. Именно этот фактор должен был значительно сблизить интересы хазар и византийцев в первой половине IX в., ибо воинственные венгры оказались не только на границах Хазарского каганата, но и на подступах к Византийской империи.

Так, уже в 836–837 гг. венгры стали участниками событий в Северо-Западном Причерноморье, о чем сообщили византийские информаторы. Продолжатель Георгия Амартола и другие византийские авторы сообщают, что в 813 г. двенадцать тысяч «македонцев» (византийцев. – О. Б.) попали в болгарский плен

под Адрианополем и были переселены болгарами на северную сторону Дуная, между Серетом и Днестром. Однако впоследствии пленные подняли мятеж с целью вернуться в Византию на кораблях, присланных с родины. Болгары, которые были заняты войной с Византией, не смогли остановить мятежников и были ими отбиты. Тогда болгары обратились за помощью к уграм (венграм), которые напали на греков. Однако греки победили угров и вернулись на родину. Именно это событие состоялось во время византийско-болгарской войны 836–837 гг. [Артамонов, 1962, с. 341–343; Цукерман, 1998, с. 664]. Следовательно, уже в 30-е годы IX в. часть венгров оказалась в степях на запад от Днестра, и тогда у хазар и византийцев появился общий враг – венгры, что произошло накануне строительства крепости Саркел. Поэтому исследователей всегда интересовал вопрос, касающийся причин строительства данного укрепления именно в том месте, где находилась Левобережная Цимлянская крепость.

В свое время М. И. Артамонов исследовал на правом берегу Дона, напротив того места, где был построен Саркел, остатки небольшой, но крепкой крепости, которая получила впоследствии название Правобережное Цимлянское городище. Она была расположена на высоком правом берегу Дона и контролировала переправу. По наблюдениям М. И. Артамонова, «по времени возникновения крепость, судя по всему, не выходит за пределы VIII в.» [Артамонов, 1962, с. 321]. Следовательно, эта крепость была построена для того, чтобы мешать переправе врага с востока. Получается, что в те времена наибольшую опасность для хазарских территорий могли представлять нападения кочевников, которые могли перейти Волгу и двигаться дальше на запад через Дон вглубь хазарской территории. Как это могло происходить в зимний период на примере гузов в первой половине X в. описывает ал-Мас'уди [Минорский, 1963, с. 198–199]. Следовательно, хазары почти были бессильны против нападений кочевников в этом районе в зимний период. Но в период навигации ситуация была иной.

В связи с этим большой интерес представляют время и обстоятельства гибели Правобережного Цимлянского городища. Буквально до недавнего времени исследователи, в основном, полагались на результаты исследований М. И. Артамонова, который на основе анализа материала нумизматического характера, найденного около скелетов погибших защитников крепости, сделал предположение, что «крепость была разгромлена в первой трети, если не четверти, IX в., во всяком случае до строительства Саркела» [Артамонов, 1962, с. 322]. И этот вывод долгое время являлся аксиомой для многих исследователей. Необходимо учесть, что угры-венгры выступили в качестве противников византийцев в византийско-болгарской войне 836–837 гг., т. е. прекратили подчиняться хазарам и начали проводить самостоятельную политику. Получается, что тогда Правобережную крепость могли разгромить мадьяры, вышедшие из-под власти хазар. Если следовать именно этой логике, то должно получиться, что Саркел был задуман как защита от венгров, проживавших на запад от Дона. Казалось бы, это могут подтверждать данные топографии.

По наблюдениям К. В. Кудряшова, более 60 лет назад, т. е. до строительства Цимлянского водохранилища, ситуация выглядела следующим образом (рис. 2): “Правобережное городище, находящееся в 7 км ниже станицы Цимлянской, расположено на самом берегу Дона и заключено между двумя глубокими балками”; “Левобережное городище расположено восточнее предыдущего на невысоком берегу старого русла Дона в 4 километрах от современного русла реки” [Кудряшов, 1948, с. 11].

Особенности последнего (рис. 1) М. И. Артамонов охарактеризовал следующим образом: “Саркельское городище находилось на невысоком мысу коренного берега реки, образовывавшей здесь небольшую излучину. Этот мыс, имевший около 10 га площади, был отрезан от прилегающей части берега широким и глубоким рвом и оставшимся не законченным валом. Конец мыса, площадью не более 3 га, был отделен вторым рвом, за которым и помещалась кирпичная крепость. Произведенными здесь раскопками установлено, что она имела в плане форму прямоугольника длиною в 186 и шириною в 125 м” [Артамонов, 1962, с. 300].

Поэтому следует обратить внимание на наблюдение М. И. Артамонова относительно назначения крепости: „Саркел был построен не на речном, а на сухопутном пути при переправе через реку, и он должен был укрепить положение хазар, которое пошатнулось в их западных и северо-западных владениях, куда вел путь из центра Хазарии – Итиля на Нижнюю Волгу. Находясь при самой переправе и имея добрые коммуникации с тылом, то есть собственно Хазарией, крепость была защищена от врагов, которые появлялись с запада, не только стенами, но и широкой рекой” [Артамонов, 1962, с. 299–300].

Аналогичную ситуацию в хазарское время мы можем наблюдать, например, в лесостепном Подонье. Так, относительно назначения салтовских укреплений в бассейне Северского Донца в своей специальной статье Г. Е Свистун отметил следующее: «Как правило, салтовские городища размещались на высоких правых берегах вблизи переправ. Именно этим объясняется то, что целый ряд таких фортификационных пунктов устраивался и в дальнейшие времена возобновлялся на одном и том же месте в различные исторические периоды.... В подтверждение роли городищ как пунктов контроля переправ может служить совпадение их местоположения с бродами. Так, например, на отрезке Оскола, где броды отсутствовали, салтовские городища неизвестны.» [Свистун, 2012, с. 153].

Таким образом, наблюдения М. И. Артамонова позволяют считать, что Саркел и более ранняя Правобережная крепость находились по берегам переправы через Дон и соответственно политической ситуации должны были оборонять территории каганата от набегов кочевников сначала с востока, а потом со стороны запада, ибо кочевникам было удобно переправляться через переправу именно здесь [Артамонов, 1962, с. 299–300]. Следовательно, первоначальной функцией местного салтовского населения в конце VIII – в начале IX в. были

охрана и обслуживание переправы через Дон. Однако это была не единственная переправа через Дон.

Именно на это обратил внимание К. В. Кудряшов, который использовал данные летописного описания путешествия Пимена по Дону в 1389 году (рис. 3), где указано, что путешественники миновали “град Серкелию”, а также “перевоз”. Основываясь на собственных расчетах, отличных от наблюдений М.И. Артамонова, К.В. Кудряшов сделал следующий вывод: «По смыслу текста “Хождения” Саркел и Перевоз находятся в непосредственной близости друг к другу. “Великую Луку” Дон образует там, где его течение, сближаясь с Волгой, упирается в известную Волго-Донскую переволоку, т. е. возвышенность или водораздел, проходящий здесь между бассейном Волжским и Донским. В месте наибольшего сближения Дона с Волгой расстояние между ними не превышает 60 километров. Самое название этого водораздела “переволокой” объясняется совпадением его с местом древнейшего волока при переправе судов из бассейна Черного моря в Каспийский» (рис. 4) [Кудряшов, 1948, с. 28]. Как доказательство этого К. В. Кудряшов видит в “Перевозе” остров Перевозный из Атласа Корнелиуса Крюса (рис. 5), находящийся там же [Кудряшов, 1948, с. 30]. Стало быть, К. В. Кудряшов считал, что Саркел должен был находиться возле переволоки и охранять подступы к ней. Однако за неимением археологических данных исследователь так и не смог определить точное нахождение Саркела именно в том месте.

В данной ситуации обращает на себя внимание то, что недалеко от Левобережного Цимлянского городища находился волок между Доном и Волгой. О важности данной коммуникации свидетельствуют некоторые мусульманские географы начала X в. До начала X в. мусульманская географическая традиция находилась под значительным воздействием представлений времен античности, и поэтому в своих сочинениях ученые халифата обычно отмечали, что Черное и Азовское моря были соединены проливом с Каспийским морем и таким образом представляли собой одно целое. Однако с активизацией торговой и военной деятельности русов мусульманские географы в своих сочинениях в начале X в. уже начали косвенно отмечать существование сухопутного сообщения между Доном и Волгой. К числу таких сочинений историко-географического характера следует отнести трактат ал-Мас‘уди “Мурудж аз-Захаб”.

Сам анализ сведений ал-Мас‘уди о сообщении Черного и Азовского морей с Каспийским свидетельствует о том, что в его сочинении были использованы две системы знаний: книжная традиция, уходящая своими корнями во времена античности; свежая информация, полученная непосредственно от купцов и очевидцев описанных событий. К первой системе следует отнести утверждения ал-Мас‘уди, согласно которым Черное и Азовское моря соединены с Каспийским посредством пролива.

Так, уже в начале 17-й главы своего сочинения ал-Мас‘уди отмечает, что

Волга “вытекает из верхних частей тюркских земель”. При этом ал- Мас’уди подчеркивает, что “от нее рукав течет в направлении страны бургар (*нахва билад ал-Бургар*) и впадает в Майтас (Мэотис)”. Именно такой вариант дословного перевода предложил Барбье де Мэнар. В. Минорский же считал это ошибкой, потому что был уверен, что страна булгар находилась лишь на севере, на Средней Волге” [Минорский, 1963, с. 192–193]. Далее сведения ал-Мас’уди выдержаны в более традиционном духе: “В верхней части хазарской реки (Волги – О. Б.) есть проток (масабб), вливающийся в залив моря Нитас (Понт) – море русов” [Минорский, 1963, с. 196–197]. Эта же информация повторяется в начале повествования о походе русов на Каспий после 300 г. х. (912 г.): “500 судов (маркаб) их прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта), соединенный (муттассил) с Хазарским морем.... Иногда рукав, который соединяет реку хазар (Волгу) с проливом Понта, замерзает...” [Минорский, 1963, с. 198]. Таким образом, можно согласиться с тем мнением исследователей, что под проливом, упомянутым ал-Мас’уди, следует подразумевать волок – сухопутный путь для перетягивания кораблей от Дона к Волге в месте наибольшего сближения этих рек, недалеко от хазарского Саркела [Минорский, 1963, с. 196, прим. 32, с. 198, прим. 45].

О том, как могли купеческие суда преодолевать волок между Волгой и Доном, К. В. Кудряшов, основываясь на данных первой половины XIX в., отмечает: “переправлялись целые суда, разбираемые на Волге и вновь собираемые на Дону, причем небольшие суда перевозились на колесах неразобранными. Не напрасно, таким образом, один русский ученый (И. Забелин. – О. Б.) предполагал, что русы X в. перевозили свои суда по Волго-Донскому волоку на колесах” [Кудряшов, 1948, с. 29]. Однако данное предположение не соответствует информации византийских авторов. Так, Константин Багрянородный в 9 главе своего сочинения “Об управлении империей” отмечает способ преодоления русами порога Аифор или Неасит: “Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают” [Константин, 1991, с. 49–51]. На реконструкции Й. Хермана (рис. 6) показано, что у викингов такой вид транспортировки судна был весьма трудоемок и требовал дополнительно еще бревна, что в степи было весьма трудно найти.

О том, как использовали русы волок между Доном и Волгой, может свидетельствовать следующая информация ал-Мас’уди о походе русов на Каспий после 300 г. х. (912 г.). По данным ал-Мас’уди, согласовав свои действия с хазарским царем и пообещав ему часть добычи, русы “вошли в пролив, достигли устья реки (Дона. – О. Б.) и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались

до Хазарской реки (Волги. – *О. Б.*), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море...”. Находясь в Каспийском (Хазарском) море, русы занимались грабежом мусульман. По возвращении русы были встречены в районе Атиля войсками хазарских мусульман, среди которых ведущее место принадлежало хазарским наемникам “ларисийа”, которые не знали об уговоре хазарского царя с русами. В результате победу над русами одержали хазарские мусульмане [Минорский, 1963, с. 199–200; Гаркави, 1870, С. 131–132; Голб, Прицак, 1997, с. 167–168]. Дальнейшие события в переводе А. Я. Гаркави, который наиболее близок к арабскому тексту, развивались следующим образом: “Около же 5 000 из них спаслись и отправились на судах в страну, примыкающую к стране Буртас, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них кто был убит жителями Буртаса, а кто попался к мусульманам в стране Бургар и те убили их” [Гаркави, 1870, с. 133]. В связи с этим имеет смысл вспомнить замечание М. И. Артамонова, согласно которому русы “высадились на берег, вероятно, для того, чтобы перебраться на Дон прежней своей дорогой” [Артамонов, 1962, с. 370].

Отсюда следует, что буртасы проживали возле волока между Волгой и Доном, а одно из болгарских племен проживало недалеко от них (рис. 7). Вполне вероятно, что именно об этих буртасах ал-Мас‘уди сообщал следующее: “Здесь же хазарским царем поставлены в большом количестве люди, которые удерживают приходящих этим морем (Найтасом – *О. Б.*), также приходящих сухим путем с той стороны, где полоса Хазарского моря соединяется с морем Найтас”” [Минорский, 1963, с. 131]. А это означает, что недалеко от Саркела хазарской администрацией было специально оставлено население, в функцию которого входил контроль над волоком между Доном и Волгой, что предполагало и защиту близлежащих переправ от вторжений кочевников (напр. переправа на о. Перевозном выше по течению Дона).

В нашей ситуации нельзя согласиться с мнением М. И. Артамонова, А. А. Тортики и некоторых других исследователей, что переволока начала использоваться как „транзит для русов” лишь с конца IX в. [Артамонов, 1962, 299; Тортика, 2006, с. 479]. Этому противоречит информация о миссии Константина Философа ко двору хазарского кагана. По данным Жития, около 861 г., т. е. менее чем через 30 лет после сооружения Саркела, “Сев на корабль, [Константин] отправился на хазарскую землю между Меотийским озером и Каспийскими воротами Кавказских гор” [Житие Константина]. Исследователи единодушны во мнении, что в этой информации содержится указание на то, что Константин направился из Азовского моря в Каспийское именно благодаря сухопутному волоку, который соединял Дон и Волгу. Текст Жития Константина Философа свидетельствует о том, какими маршрутами могли византийцы добираться до хазарской столицы – г. Итиля: водным, благодаря существованию переволоки между Доном и Волгой; сухопутным – через степи Северного Кавказа.

Вероятнее всего, что в столицу Хазарии из Византии попадали, прежде всего, византийские купцы.

К. В. Кудряшов привел примеры того, насколько уязвимым был этот сухопутный путь из Дона на Волгу: “В 1374 г. итальянский пират Луккино Тариго с вооруженным отрядом на нескольких лодках вышел на Дон, по волоку проник на Волгу, где стал нападать на торговые суда и нагребил богатую добычу. На обратном пути итальянцев через степь часть добычи у них отбили...”; “Сознавая важное военно-стратегическое значение Волго-Донского волока, Петр I приказал устроить здесь для защиты от кочевников укрепленную Царицынскую линию, которая в виде рва и вала, укрепленного палисадом, протянулась в 1717 г. от Царицына до самого Дона к нынешней Качалинской станице” [Кудряшов, 1948, с. 28–29]. К. В. Кудряшов верил в существование возле волока не только Саркела, но и упомянутого укрепления в хазарский период. На основании этого он сделал следующий вывод: “Построение крепости на Дону в этом месте имело большое значение. Саркел и начинавшийся от него ров могли служить защитой Хазарии как от азиатских кочевников, подступавших к Волге, так и от степняков, грозивших со стороны Дона, из причерноморских степей...” [Кудряшов, 1948, с. 29]. Однако в районе волока не найдены следы такого вала и рва хазарского времени, как и не обнаружены на берегу Дона следы крепости, которую можно было бы отождествить с Саркелом.

Поэтому можно представить ситуацию, если бы на месте переправы возле ст. Цимлянкой, отстоящей на незначительном расстоянии от волока между Доном и Волгой, в хазарское время не было бы Левобережной крепости. Путешествующие водным путем купцы во время перетягивания кораблей сушей могли бы стать легкой добычей кочевников, перешедших беспрепятственно с правого берега Дона на левый. Тактика кочевников предполагает быстрое отступление обратным путем после совершения грабительского рейда. Если учитывать расстояние одного дневного перехода конного воина в 40 км, то путь от Саркела до волока кочевники могли преодолевать за 3–4 дня.

С учетом важности волока при продвижении в Нижнее Поволжье из Дона имеет смысл обратить внимание на данные письменных источников о походах русов против хазар, приведших к падению каганата. Поэтому обратим сначала внимание на сведения “Повести временных лет” о походе Святослава против хазар в 965 г., где в большинстве списков этой летописи сказано: “В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изидоша проитиву с князем своим Коганом, и соступишоса оboи; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победи и Касоги” [Воскресенская, 1956, с. 287; Ипатьевская, 1843, с. 246]. По мнению М. Грушевского [Грушевский, 1994, с. 462], Т. М. Минаевой [Минаева, 1971, с. 199], А. П. Новосельцева [Новосельцев, 1990, с. 220], Г. Ф. Турчанинова, [Турчанинов, 1971, с. 75], войско Святослава двигалось с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на

Нижнем Дону, а касогов – в Прикубанье или в низовьях Дона (рис. 7). Выходит, что русы в 965 г. захватили лишь Нижний Дон, от устья до переволоки, создав плацдарм для последующей экспансии на Хазарский каганат. Дальнейшие события нашли описание в сочинении Ибн Хаукаля: „И произвели нашествие на все это русы и погубили все, что принадлежало на реке Итиле всем созданиям божьим из хазар, болгар и бургасов и овладели ими...” [Бартольд, 1940, с. 35]. А.П. Новосельцев считал, что Ибн Хаукаль упоминает поход, который состоялся не в 965 г., а чуть позже – в 968 г. [Новосельцев, 1990, с. 220]. Таким образом, получается, что тот, кто владеет Саркелом, тот имеет контроль над волоком от Дона к Волге.

Такое объяснение могло бы быть приемлемым, если бы после 839 г. была построена лишь одна Левобережная крепость, а Правобережная в этот период и вовсе не функционировала, как это пытался обосновать М. И. Артамонов. Однако опубликованные в 1995 г. в IV выпуске МАИЭТа результаты исследований Правобережного Цимлянского городища, проведенные С. А. Плетневой [Плетнева, 1995] и В. С. Флеровым [Флеров, 1995], позволяют усомниться в выводах М. И. Артамонова, а значит, и по-другому взглянуть на решение проблемы.

Так, С. А. Плетнева на основе анализа материалов, полученных при раскопках Правобережного Цимлянского городища в 1958–1959 гг., пришла к нетрадиционному выводу, что на Правобережном городище после его разрушения «жизнь на поселении возникла, судя по монетному кладу, во всяком случае не ранее начала IX в. и длилась по вторую его половину, то есть не более 50 лет» [Плетнева, 1995, с. 333]. Далее С. А. Плетнева утверждает, что это поселение вскоре было разрушено, а потом снова заселено. Последние дни Правобережного поселения исследователь представляет следующим образом: «Видимо, между этими двумя событиями прошло примерно 10-15 лет, то есть через 40-50 лет после постройки Саркела» [Плетнева, 1995, с. 334]. Остается только уточнить, на чем базируется данное предположение?

Во-первых, для самой ранней датировки стал важен клад, обнаруженный на Правобережном поселении. На основании этих находок С. А. Плетнева сделала вывод, что «поздние дирхемы все же дают нам право говорить о том, что они попали на поселение примерно в начале IX в.» [Плетнева, 1995, с. 332].

Во-вторых, С.А. Плетнева обратила внимание на присутствие на Правобережном поселении кирпичей из Саркела: «Поселение, очевидно, было синхронно Саркелу времени постройки крепости и возникновения в ее стенах городка, когда там началась частичная перепланировка и разборка кирпичных, ставших ненужными, построек. Последнее подтверждается тем, что в нескольких жилищах (№№ 2, 4, 8, 16, 20, 36) на полу, обычно в качестве части какой-то “обстановки”, находились саркельские кирпичи стандартных для этой крепости размеров (24 x 24 x 5), причем с остатками немного соскобленной или отколотой извести. Такие же кирпичи были обнаружены и в заполнении жилищ (№№ 25, 37,

39), а это значит, что они относились к тому же культурному слою, который окружал жилище и затем, после его гибели, заполнял котлован. Обломки кирпичей толщиной в 5 см обнаружены в заполнении еще пяти жилищ (№№ 5, 25, 36, 37, 38). Очевидно, все эти кирпичи попали на Правобережное поселение из Саркела – просто были утаены владельцами жилищ, когда там разбирали ту или иную кладку» [Плетнева, 1995, с. 332].

В-третьих, С. А. Плетнева руководствовалась анализом керамики из Правобережного поселения: «Для установления (хотя бы приблизительно) времени гибели поселения следует учитывать практически полное отсутствие на нем красноглиняных кувшинов (найден всего один обломок) и поливной ранней зеленой керамики. Кувшины получили распространение в Саркеле с самого начала существования (вернее, образования) городка, то есть с середины IX в., а полива – с первых десятилетий X в. Отсутствие этих же категорий керамической посуды в Фанагории, в то время как в соседней Тмутаракани обломки их заполняли культурный слой, естественно, привело меня к выводу о том, что Фанагория просто не дожидая до распространения этой керамики. То же, видимо, произошло и с Правобережным поселком – он погиб примерно в 70-х IX в. Его жители не успели освоить красноглиняные кувшины и, видимо, так и не увидели ни одного поливного сосуда» [Плетнева, 1995, с. 333].

В четвертых, С.А. Плетнева обосновывает последнее заселение Правобережного поселка уже в конце IX в. присутствием в нескольких жилищах поселения белокаменных блоков местного, а не саркельского происхождения. По ее словам, «полное отсутствие стандартизации и сходства с прекрасно обработанными крепостными блоками с очевидностью свидетельствуют об отсутствии каких-либо связей со строительными приемами или со строителями крепости владельцев жилищ, в которых были обнаружены меловые блоки» [Плетнева, 1995, с. 334].

Однако не все аргументы С. А. Плетневой, как и М. И. Артамонова, оказались убедительными для В. С. Флерова, автора раскопок Правобережного Цимлянского городища в 1987–1988, 1990 гг. Так, мнение исследователя о времени существования Правобережной крепости несколько отличается от предположений С. А. Плетневой: «1) крепость не была разгромлена печенегами, появившимися позже; 2) гражданская война в Хазарии относится к первой трети IX в.; добавлю, что вызванные ею столкновения наверняка продолжались и дольше; 3) Правобережная крепость была уничтожена самими хазарами в результате внутренней борьбы. Однако, в отличие от М. И. Артамонова, я допускаю (в частности, в связи с нерешенной проблемой происхождения кирпичей), что крепость была разрушена не перед строительством Саркела, а несколько позже. М. И. Артамонов же полагал, что “самое построение Саркела было следствием разрушения Правобережной крепости”... Мое уточнение носит частный характер и не оспаривает тот факт, что с 834 г. и вплоть до 965 г. главным опор-

ным пунктом Хазарии на излучине Дона был Саркел. Что же касается находок из раскопок городища, то мы пока не в состоянии разделить их на относящиеся к первой трети и к середине IX в. Во всяком случае, массовый археологический материал показывает, что до X в. крепость не дожила» [Флеров, 1995, с. 488].

Как видим, наличие кирпичей из Саркела на территории Правобережного городища заставили В. С. Флерова придерживаться версии, близкой к гипотезе С. А. Плетневой. По этому поводу исследователь, в частности, отметил: «Приходится признать, что кирпичи начинают поступать в Правобережную крепость сразу же, как только было налажено их изготовление для Саркела, начало строительства которого М. И. Артамонов относил к 834 г. Итак, кирпичи в Правобережной крепости не только противоречат датированию ее по монетам не позднее середины IX в., но и позволяют внести важное уточнение: крепость какое-то время сосуществовала с ранним Саркелом» [Флеров, 1995, с. 486]. Однако, бросается в глаза, что В. С. Флеров говорит о Правобережной крепости, а С. А. Плетнева – о Правобережном поселении. Это расхождение существенно препятствует ответу на вопрос: для какой цели была построена Левобережная Цимлянская крепость напротив Правобережной, на месте которой к 30-40-м гг. IX в. мог возникнуть уже неукрепленный поселок?

Таким образом, получается, что во времена строительства Саркела угрозы с запада могло и не быть, ибо на противоположном правом берегу существовал неукрепленный поселок. Если же в это время продолжала функционировать Правобережная крепость, то угроза нападения могла быть значительной и исходить она могла не только от кочевников. В итоге получается, что строительство Саркела могло иметь различные причины. Поэтому имеет резон, прежде всего, проанализировать выводы С. А. Плетневой, согласно которым на ранних этапах существования Саркела на противоположном правом берегу существовало неукрепленное поселение. Вопрос в том, какие функции это поселение должно было выполнять? Непонятно также, почему враждебные хазарам кочевники-венгры сразу же его не уничтожили?

В связи с этим уместно вспомнить наблюдение М. И. Артамонова, что „Саркел был построен не на речном, а на сухопутном пути при переправе через реку» [Артамонов, 1962, с. 299–300]. При этом не следует сбрасывать со счетов мнение С. А. Плетневой, что хазарская крепость Саркел возникла, прежде всего, как торговый центр, который находился на пересечении важных сухопутных торговых путей, которые в хазарский период проходили через Дон в местах расположения Саркела и Правобережного поселения (рис. 2) [Плетнева, 1996, с. 142–158]. С этим наблюдением С. А. Плетневой согласуется другое ее же предположение, что в первые десятилетия существования Саркела на противоположном правом берегу функционировало неукрепленное поселение [Плетнева, 1995, с. 333–334]. Однако это было бы невозможно, если бы в этот период отношения между хазарами и венграми отличались военной конфронтацией.

Существование неукрепленного поселения на правом берегу можно объяснить тем фактором, который не зависел от политической борьбы между хазарами и венграми и имел для обеих сторон важное значение. Речь идет о торговле. О том, насколько купцы были желанны среди кочевников, например, свидетельствует Ибн Фадлан, который пишет о посещении мусульманскими купцами огузов в начале X в.: «И не может ни один мусульманин проехать через их страну без того, чтобы не сделать кого-либо из них своим другом, у которого он останавливается. Он привозит для него из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, изюма, орехов. Когда же он прибудет к другу, то тот разобьет для него юрту и доставит ему овец сколько может» [Ковалевский, 1956, с. 126–127]. По сведениям Ибн Фадлана, мусульманские купцы могли оставить у друзей-тюрок своих верблюдов и лошадей и на обратном пути забрать их [Ковалевский, 1956, с. 126–127]. Аналогичное отношение кочевников к купцам наблюдаем во многих кочевых социумах. Достаточно вспомнить привилегированное положение согдийских купцов на землях Тюркского каганата, или покровительство купцам со стороны Чингиз-хана и его потомков на землях Монгольской империи. Стало быть, это является характерной чертой кочевых обществ. Поэтому не стоит даже сомневаться, что в 30–40-е гг. IX в. к купцам относились благосклонно не только хазары, но и венгры, которые были очень заинтересованы в функционировании переправы через Дон, где находился Саркел. Таким образом, получается, что в неукрепленном поселении на правом берегу могли проживать те люди, которые занимались обслуживанием переправы через Дон.

Естественно, что неукрепленное правобережное поселение на правом берегу не могло помешать кочевникам форсировать брод через Дон, где на левом берегу им преграждала путь Левобережная крепость. Но кочевники в месте брода могли мешать сезонной навигации, ибо по мелководью они могли преграждать путь судам, идущим в направлении волока или обратно. Поэтому было бы оправданным одновременное сосуществование Правобережной и Левобережной крепостей. Как уже отмечалось, этой идеи одновременности крепостей придерживается В. С. Флеров [Флеров, 1995, с. 486].

Не следует сбрасывать со счетов то, что одновременное сосуществование на обоих берегах Дона двух крепостей могло также способствовать контролю над проходящими по реке судами, ведь мелководье на месте переправы задерживало продвижение кораблей, которые могли стать легкой мишенью для гарнизонов обеих крепостей. И эти суда могли быть отнюдь не торговыми. Не исключено, что с этим фактором могло быть связано следующее сообщение ал-Мас'уди о нахождении военного гарнизона в районе сухопутного волока между Доном и Волгой: “Здесь же хазарским царем поставлены в большом количестве люди, которые удерживают приходящих этим морем (Найтасом – О. Б.), также приходящих сухим путем с той стороны, где полоса Хазарского моря соединяется с морем Найтас” [Минорский, 1963, с. 131]. Стало

быть, Правобережная и Левобережная Цимлянские крепости вместе с гарнизоном в районе переволоки должны были защищать важнейший отрезок Волго-Донского пути не только от нападений кочевников в местах переправ, но и от военных кораблей предполагаемого противника. Неужели были правы те исследователи, которые считали, что крепость Саркел была построена хазарами в первой половине IX в. для обороны от нападений кораблей русов [Артамонов, 1962, с. 296–297]?

Необходимо отметить, что для восстановления сведений о роли Саркела в обороне Хазарской земли может иметь значение дата прекращения функционирования поселения, или укрепления, на противоположном правом берегу. Ведь его разрушение было кому-то выгодно. Так, В. С. Флеров считает, что Правобережная Цимлянская крепость прекратила свое существование к середине IX в. и «была уничтожена самими хазарами в результате внутренней борьбы» [Флеров, 1995, с. 488]. Однако зачем хазарам было уничтожать свою же крепость, защищавшую подходы к Саркелу? Хазарам было бы более удобно после захвата крепости лишь сменить в ней гарнизон. Полное уничтожение Правобережной крепости было выгодно не хазарам, а их конкурентам.

Как уже отмечалось, С. А. Плетнева на основе анализа керамики пришла к выводу, что Правобережный поселок, а не крепость, «погиб примерно в 70-х IX в.» [Плетнева, 1995, с. 333]. Назвать предполагаемых разрушителей поселения С. А. Плетнева так и не решилась. К. Цукерман склонен считать, что «нет оснований датировать разрушение поселения позднее 50-х гг. IX в., как всегда, с возможной поправкой в несколько лет в ту или другую сторону». «Это период, — отмечает далее исследователь, — наиболее напряженных отношений между венграми и Хазарским каганатом» [Цукерман, 1998, с. 683].

Если верить наблюдениям С.А. Плетневой, то последнее заселение Правобережного поселения состоялось еще в конце IX в., что подтверждается, по ее словам, присутствием в нескольких жилищах поселения белокаменных блоков местного, а не саркельского происхождения [Плетнева, 1995, с. 334]. Относительно времени функционирования этого позднейшего Правобережного поселения, возникшего на месте предыдущего поселка, С. А. Плетнева не смогла выразиться определенно: «Видимо, между этими двумя событиями прошло примерно 10–15 лет, то есть строительство началось где-то в 80–90-х гг. IX в., то есть через 40–50 лет после постройки Саркела. Поскольку разницы между материалами нижнего и верхнего горизонта Правобережного городища нам установить не удалось, датировать более точно и четко верхний слой в настоящее время не представляется возможным» [Плетнева, 1995, с. 334].

Со своей стороны, К. Цукерман склонен доверять предположению С.А. Плетневой о существовании этого позднейшего Правобережного поселения, но видит это несколько в ином ракурсе: «... появились новые поселенцы, вероятно, в конце 860-х годов. Занимались они ловлей рыбы, о чем свидетельствуют

отнесенные С. А. Плетневой ко второму слою горы рыбьей чешуи. В отличие от предшественников, их капитальные вложения были невелики: ни скотом, ни посевами они не рисковали. С другой стороны, в отношениях между хазарами и венграми был достигнут определенный *modus vivendi*, отразившийся в женитьбе Лебедии на знатной хазарке» [Цукерман, 1998, с. 683]. К сожалению, нам так и не известна верхняя дата существования этого позднейшего Правобережного поселения, но одно несомненно – это следует связывать с возобновлением функционирования переправы через Дон, которая продолжала выполнять свои функции и в более поздний печенежский период.

Весьма характерно, что в X в. Саркел стал важным экономическим центром не только для хазар, византийцев, русов, но и для кочевников. М. И. Артамонов считал, что эти кочевники составляли военный гарнизон крепости и могли оставить после себя, в отличие от салтовцев, не грунтовой, а курганный могильник. Исследователь высказал мнение, что эта часть населения Саркела состояла из принятых на службу к хазарам узов и печенегов, которые оставили после себя ранние подкурганные захоронения вблизи хазарского Саркела. Таким образом, если следовать логике М. И. Артамонова, то получается, что Саркельский курганный могильник мог возникнуть уже в первой половине IX в. [Артамонов, 1962, с. 308, 312]. Однако С. А. Плетнева в своей специальной статье, вышедшей еще в 1963 г. и посвященной курганному могильнику Саркела, отметила: “При изучении инвентаря бросается в глаза то, что в нем не встречено ни одной вещи, выходящей за рамки конца IX–XI вв. Все наиболее характерные вещи из могильника находят себе аналогии в хазарском или славянском слоях городища и на Беловежском кладбище. Это обстоятельство свидетельствует об одновременном существовании могильника и городища” [Плетнева, 1963, с. 258]. Что же касается этнической атрибуции погребенных на курганном могильнике, то С. А. Плетнева, как и М. И. Артамонов, придерживалась того мнения, что “в основном могильник представляет собой памятник, оставленный двумя народами – печенегами и торками (гузами)” [Плетнева, 1963, с. 259].

Однако со временем мнение С. А. Плетневой несколько изменилось, и в вышедшей в 1990 году специальной монографии она отметила, что “кочевнический курганный могильник возник, видимо, как и кладбища на насыпях-холмах, после взятия Саркела Святославом” [Плетнева, 1990, с. 95]. Что же касается происхождения кочевников, оставивших курганный могильник вблизи Саркела – Белой Вежи, то С. А. Плетнева существенно не изменила своего мнения: «... печенежское соединение, кочевавшее в окрестностях Саркела, пополнилось выходцами из огузских племен. Произошло “воссоединение” печенегов и огузов на новой занятой ими земле – в Нижнем Подонье. Этот процесс сложения в восточно-европейских степях печенежо-огузской коалиции удалось, как мне кажется, проследить на частном конкретном примере – на беловежском курганном могильнике” [Плетнева, 1990, с. 95]. Само появление печенегов

в окрестностях Саркела С. А. Плетнева отнесла к рубежу IX–X вв. [Плетнева, 1990, с. 95]. Что же касается происхождения более поздних кочевников, находившихся в окрестностях Белой Вежи в конце X – начале XI вв., то в одной из своих последних монографий “Древнерусский город в кочевой степи” С.А. Плетнева отметила, что в городе служил гарнизон, состоявший “из двух народов – печенегов и гузов” [Плетнева, 2006, с. 245].

Данные некоторых письменных документов позволяют считать, что уже в хазарский период отдельные группы печенегов могли поселиться вблизи Саркела, чему способствовало наличие переправы через Дон. Так, Константин Багрянородный в начале 42-й главы своего сочинения “Об управлении империей” следующим образом описал ситуацию в первой половине X в.: “От понизовья реки Дунай, против Дистры начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно” [Константин, 1990, с. 170–171]. Само замечание Константина о том, что в первой половине X в. восточная граница кочевий печенегов достигала хазарского Саркела, позволяет именно с ними связать начало функционирования курганного могильника вблизи крепости. Кроме того, анонимный автор компилятивного трактата “Худуд ал-‘Алам” отмечает существование на территории Хазарского государства во второй половине X в. особых “хазарских печенегов”, которые проживали на север от северокавказских аланов: “На восток от них горы хазар; на юг от них аланы; на запад от них море Гурз (Азовское. – О. Б.); на север от них страна Мирват” [Minorsky, 1937, p. 160]. Современные исследователи единодушны во мнении, что владения данной группы печенегов доходили до хазарского Саркела. О. Прицак считал, что этими „хазарскими печенегами” стало приазовское печенежское племя воротолмат [Pritsak, 1976, p. 14].

С. А. Плетнева с пребыванием печенегов возле Белой Вежи связала именно западный участок кочевнического могильника (19 насыпей), для погребений которого были присущи следующие черты (рис. 9) : 1) „под каждой насыпью в неглубокой могиле был похоронен на спине с руками вдоль туловища, ориентированный головой на юго-запад один умерший”; 2) „основная часть погребенных европеоиды-брахикраны”; 3) „преобладал обычай укладывать останки коня (чучело из головы, ног, отчлененных по пятый сустав, и шкуры) рядом с покойником”; 4) „пользовались жесткими удилами без перегиба” [Плетнева, 2006, с. 245].

Результаты археологических раскопок свидетельствуют о том, что в древнерусский период вблизи Белой Вежи продолжал функционировать курганный могильник, и тогда же возник восточный участок могильника. Этот некрополь был расположен на север и на северо-запад от христианского кладбища. Всего был раскопан 41 курган, из которых 9 не содержали погребений людей (кенотафы), в отличие от остальных курганов. Практически было раскопано 53 погребения

кочевников вблизи Белой Вежи (рис. 10). Погребения там, в основном, осуществлялись в могильных ямах под небольшими земляными насыпями, хотя иногда встречались и впускные погребения [Плетнева, 1963, с. 216–240; Плетнева, 1990, с. 5–41]. По данным С.А. Плетневой, во второй группе коня клали выше покойника – на приступку или прямо над умершим (рис. 11). Важно отметить и различия в форме удила: если в первой группе пользовались жесткими удилами без перегиба, а во второй удила были обычные – двухсоставные с перегибом. Эти факты позволили С. А. Плетневой связать восточный участок могильника с торками-огузами [Плетнева, 2006, с. 245].

Однако анализ погребального обряда на обоих участках курганного могильника свидетельствует о более сложной ситуации. Необходимо указать, что захоронения чучела коня рядом покойником в могильной яме (рис. 9) встречаются в обеих курганных группах в обратной последовательности: немного в западной (европеиды-брахикраны), например, в кургане № 54; и довольно часто в восточной (монголоиды и смешанные) под насыпями курганов №№ 5, 8, 16, 35, 48, 60 и т. д. Ситуация с погребением чучела коня, расположенного выше могильной ямы, на приступке (рис. 11), выглядит следующим образом: западная группа (европеиды) – курганы №№ 37, 40, 41, 43, 53, 45 и т. д.; восточная группа (монголоиды и смешанные) – курганы №№ 21, 34 и т. д. [Плетнева, 1990, с. 5–26, 73–78]. Таким образом, получается все наоборот: для западной группы было присуще преобладание тех погребений, где коня клали выше покойника – на приступке (рис. 11); в восточной группе преобладали те погребения, где в могильной яме рядом с покойником были положены остатки коня (рис. 9), хотя иногда встречались погребение первого типа.

Довольно интересно, что присущее для западной группы преобладание подкурганных захоронений, где коня клали выше покойника – на приступке (рис. 11), по наблюдениям самой С. А. Плетневой, получили распространение в севернопричерноморских степях в X – в начале XI вв., т. е. в печенежский период. Что же касается отдельных захоронений восточной группы Беловежского кочевнического могильника, где в могильной яме рядом с покойником были положены остатки коня (рис. 9), то это напоминает некоторые погребения в степях Северного Причерноморья, связываемые С. А. Плетневой с торками, где остатки коня клали в засыпку могильной ямы, но сверху над покойником [Плетнева, 1981, с. 218, 262, рис. 85, 5].

Исходя из свидетельств этнографического характера, можно говорить о том, что в кочевой степи отношения кочевников и жителей стационарных поселений не базировались на политическом доминировании последних. Так, в Аравии кочевники-бедуины традиционно занимали господствующее положение относительно земледельцев-феллахов, с которых они собирали не только дань, но и защищали их от набегов других кочевников. Каждое кочевое племя имело свой населенный пункт, где кочевники обменивали продукцию животноводства

на продукты земледельцев. Бедуины посещали такие поселения в определенное время года – мусабилы. Представители обедневших бедуинских родов могли оставаться жить в этих стационарных поселениях в степи [Бодянский, 1971, с. 85].

Таким образом, в интересующей нас ситуации было бы удивительно, если бы кочевые печенеги и торки-огузы не стремились прокладывать маршруты своих передвижений вблизи от Саркела, который мог являться не только крепостью, но и крупным экономическим центром. Следовательно, периодическое появление кочевников у стен города должно было диктоваться, в первую очередь, экономическими интересами. Именно это и способствовало тому, что кочевники надолго задерживались в городе, где осуществляли торговый обмен своей животноводческой продукции на товары, привозимые купцами издалека. Именно это и привело к значительной концентрации курганных захоронений вблизи стен Саркела – Белой Вежи. Не исключено, что в древнерусский период маршруты кочевий печенежских и торческих родов в определенное года пересекались у стен города, что и привело к установлению между ними родственных связей, в результате чего появился общий (восточный) участок курганного могильника.

Как видим, несмотря на нерешенность вопросов стратиграфии и хронологии Правобережного Цимлянского городища, следует признать, что это укрепление продолжало существовать во время строительства Левобережного городища (Саркела). Необходимо отметить, что местоположение Саркела, в комплексе с Правобережным укреплением и линией обороны сухопутного волока от Дона к Волге, было выбрано очень удачно. Находясь на переправе, Саркел и Правобережная крепость, с одной стороны, преграждали путь кочевникам с запада к Волго-Донскому волоку, а, с другой стороны, могли контролировать проходящие по Дону суда. Возможна и мирная функция двух находящихся на противоположных берегах реки поселений – в обязанности их жителей входило обслуживание переправы, что со временем привело к тому, что Саркел стал важным экономическим центром не только для купцов, но и для кочевников. В данном случае хотелось бы признать перспективными исследования аналогичных двойных салтовских поселений и в других местах Хазарского каганата (например, в бассейне Северского Донца Салтовское городище и Нетайловское поселение).

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления Хазарии // СА. 1960. № 6.
 Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
 Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Вып. 1.
 Бодянский В. Л. Современный Кувейт. М., 1971.
 Васильевский В. Г. О построении крепости Саркела // ЖМНП. 1889 (октябрь). Ч. CCLXV. СПб., 1889.
 Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VII. СПб., 1856.
 Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.

- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.–Иерусалим, 1997.
- Грушевський М. Історія України-Руси. Т. I. К., 1991.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843.
- Житие Константина. Житие и деяния блаженного нашего учителя Константина Философа, первого наставника славянского племени // <http://ru.pravoslavie.bg/?p=3427>
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г.г. Харьков, 1956.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.
- Кримський А. Ю. Історія хазарів // Інститут рукописів Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського. Ф. I. № 25500.
- Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.
- Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). №109. М., 1963.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1981.
- Плетнева С. А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М., 1990
- Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995
- Плетнева С.А. Саркел и „шелковый путь”. Воронеж, 1996.
- Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфические исследования. Воронеж, 2006.
- Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. I. М.–Л., 1950.
- Продолжатель Феофана. СПб, 2009.
- Свистун Г. Е. К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне Северскодонецкого микрорегиона // Хазарский альманах. Вып. 10. К. –Харьков, 2012.
- Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
- Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М., 1971.
- Успенский Ф. И. Византийские владения на берегу Черного моря к IX–X вв. // Киевская старина. Т. XXV. К., 1889.
- Худуд ал-'Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
- Флеров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987-1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Georgius Cedrenus. / Ed. I. Bekker. Т. II. Bonn, 1839.
- Ioanus Scylitzes. Synopsis Historiarum. / Ed. I. Thum. Berlin, 1973.
- Minorsky V. Hudud al-Alam. The regions of the world. London–Oxford, 1937.
- Pritsak O. The Pečenegs. Case of Social and Economic transformation. Cambridge Mass., 1976.
- Theophanes Continuatus. / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838.

О. Б. Бубенок

СТРАТЕГІЧНЕ ПОЛОЖЕННЯ САРКЕЛА В СТЕПАХ ВОЛГО-ДОННЯ

Резюме

Автор статті згоден з тими дослідниками, які вважають, що Правобережне Цимлянское городище продовжувало існувати за часів будівництва Лівобережного городища (Саркела). Місце розташування Саркела, в комплексі з Правобережним укріпленням і лінією оборони сухопутного волока від Дона до Волги, було вибрано дуже вдало. Знаходячись на переправі, Саркел і Правобережна фортеця, з одного боку, перегороджували шлях кочівникам із заходу до Волго-Донського волока, а, з іншого боку, могли контролювати судна, що проходили по Дону. Можлива і мирна функція двох поселень, що знаходилися на протилежних берегах ріки, – в обов'язки їхніх жителів входило обслуговування переправи, а це привело до того, що Саркел став важливим економічним центром не лише для купців, а й для кочівників: угорців, печенігів та торків.

О. Б. Бубенок

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ САРКЕЛА В СТЕПЯХ ВОЛГО-ДОНЬЯ

Резюме

Автор статьи согласен с теми исследователями, которые считают, что Правобережное Цимлянское городище продолжало существовать во времена строительства Левобережного городища (Саркела). Местоположение Саркела, в комплексе с Правобережным укреплением и линией обороны сухопутного волока от Дона к Волге, было выбрано очень удачно. Находясь на переправе, Саркел и Правобережная крепость, с одной стороны, преграждали путь кочевникам с запада к Волго-Донскому волоку, а, с другой стороны, могли контролировать проходящие по Дону суда. Возможна и мирная функция двух находящихся на противоположных берегах реки поселений – в обязанности их жителей входило обслуживание переправы, что привело к тому, что Саркел стал важным экономическим центром не только для купцов, но и для кочевников: венгров, печенегов и торков.

O. B. Bubenok

STRATEGIC POSITION OF SARKEL IN THE STEPPES OF THE VOLGA-DON BASINS

Summary

The author of this article agrees with those researchers, who consider that the Right-bank Cymliansk fortress continued to exist in the days of building of the Left-bank fortress (Sarkel).

The place for Sarkel, in a complex with the Right-bank fortress and a line of defense of land from the Don to the Volga, was chosen very successfully. Being on a ford, Sarkel and Right-bank fortress, from one side, blocked up a way to the nomads from the west to the Volga-Don land way, and, on the other side, ships passing along the Dong could be controlled. The peaceful function of two settlements situated on the far banks of the river was possible – maintenance of ford was included in the duties of their habitants. As a result, Sarkel became an important economic center not only for merchants but also for nomads – the Hungarians, Pechenegs, and Torks.

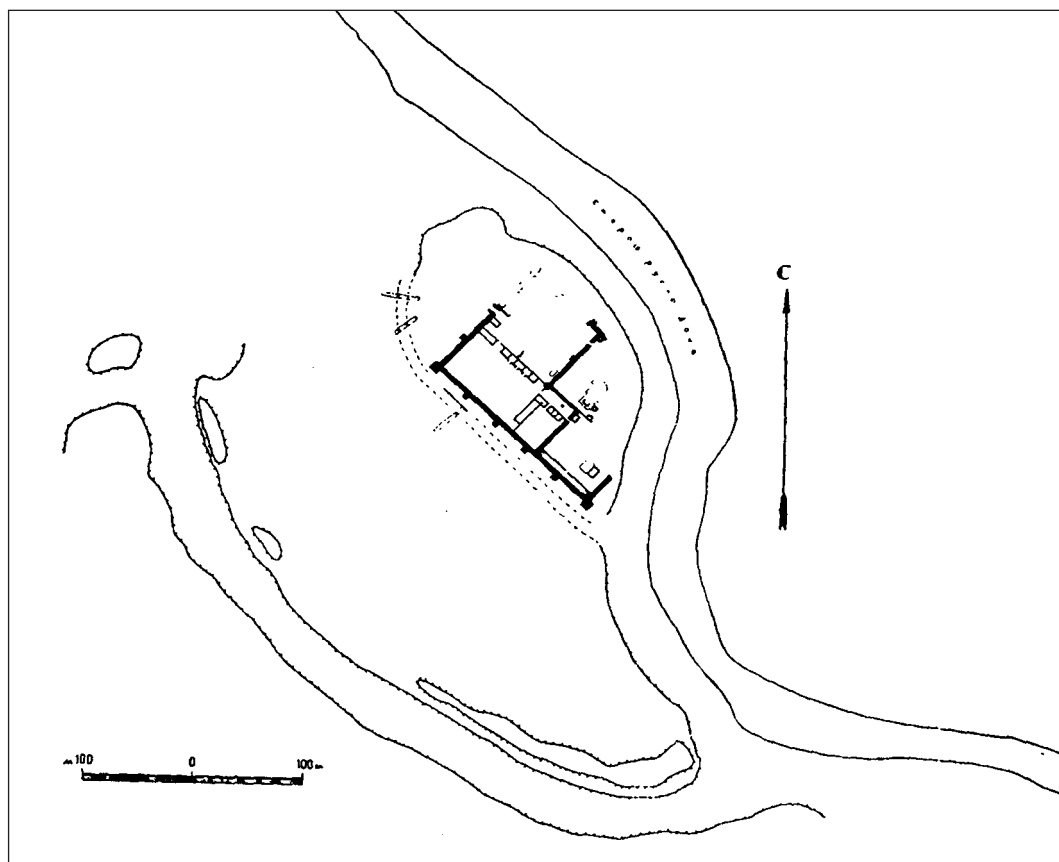

Рис. 1. План крепости Саркел (по данным М. И. Артамонова).

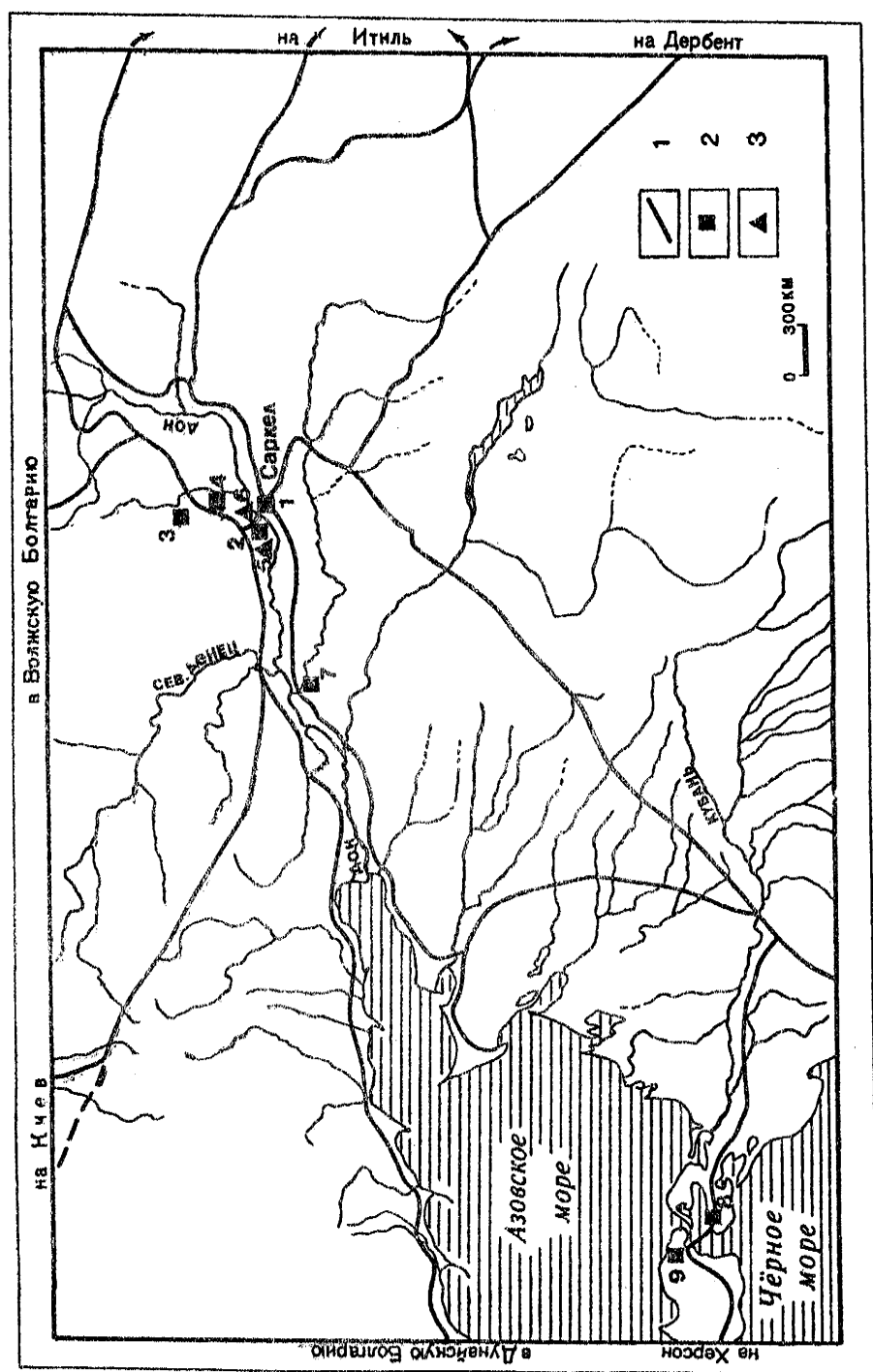

Рис. 2. Дороги, идущие от Саркела на юг, восток и запад (по данным С. А. Плетневой):

№ 1 – Саркел; № 2 – Правобережное Цимлянское городище; № 3 – Карнаухово; № 4 – Средний; № 5 – Крутой; № 6 – Потайновский; № 7 – Семикаракоры; № 8 – Таматарха (Тамань); № 9 – Самкерц (Керчь); 1 – дороги; 2 – укрепления; 3 – селища.

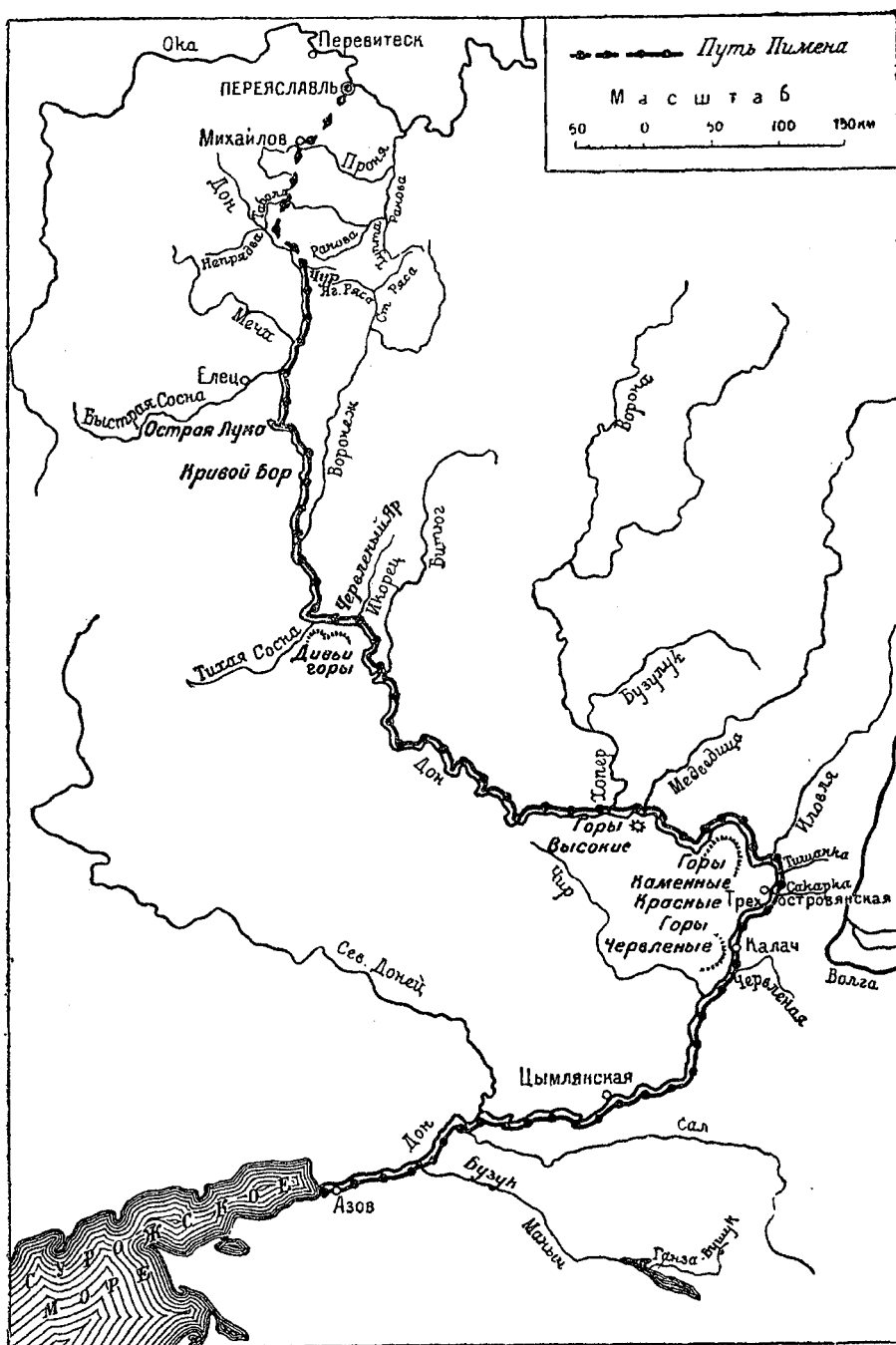

Рис. 3. Хождение Пимена по Дону в 1389 г. (по данным К. В. Кудряшова).

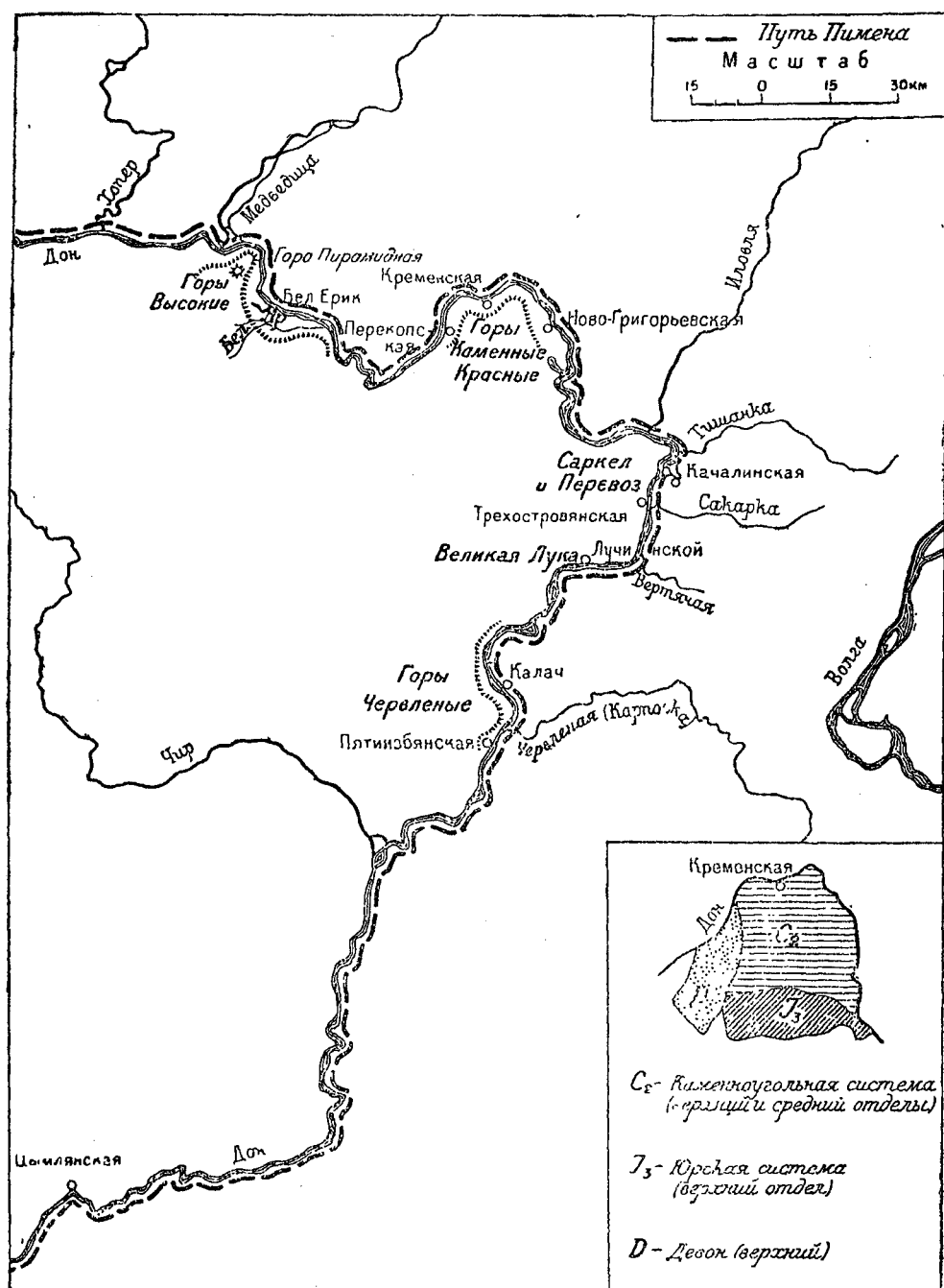

Рис. 4. Хожение Пимена по Дону в 1389 г. от устья Медведицы до Цимлянской (по данным К. В. Кудряшова).

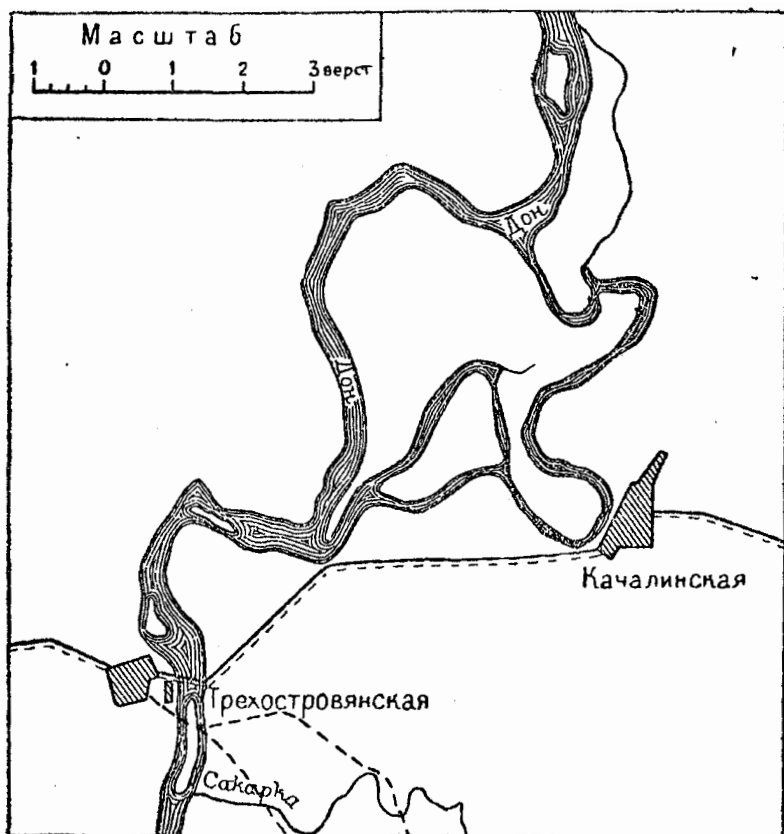

Рис. 5. Трехостровьянская станица и остров Перевозный (по данным К. В. Кудряшова).

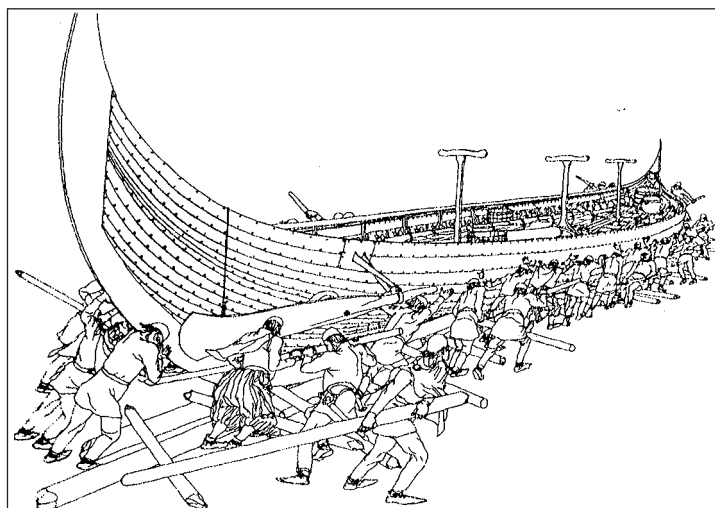

Рис. 6. Преодоление сухопутной преграды викингами (по данным Й. Хермана).

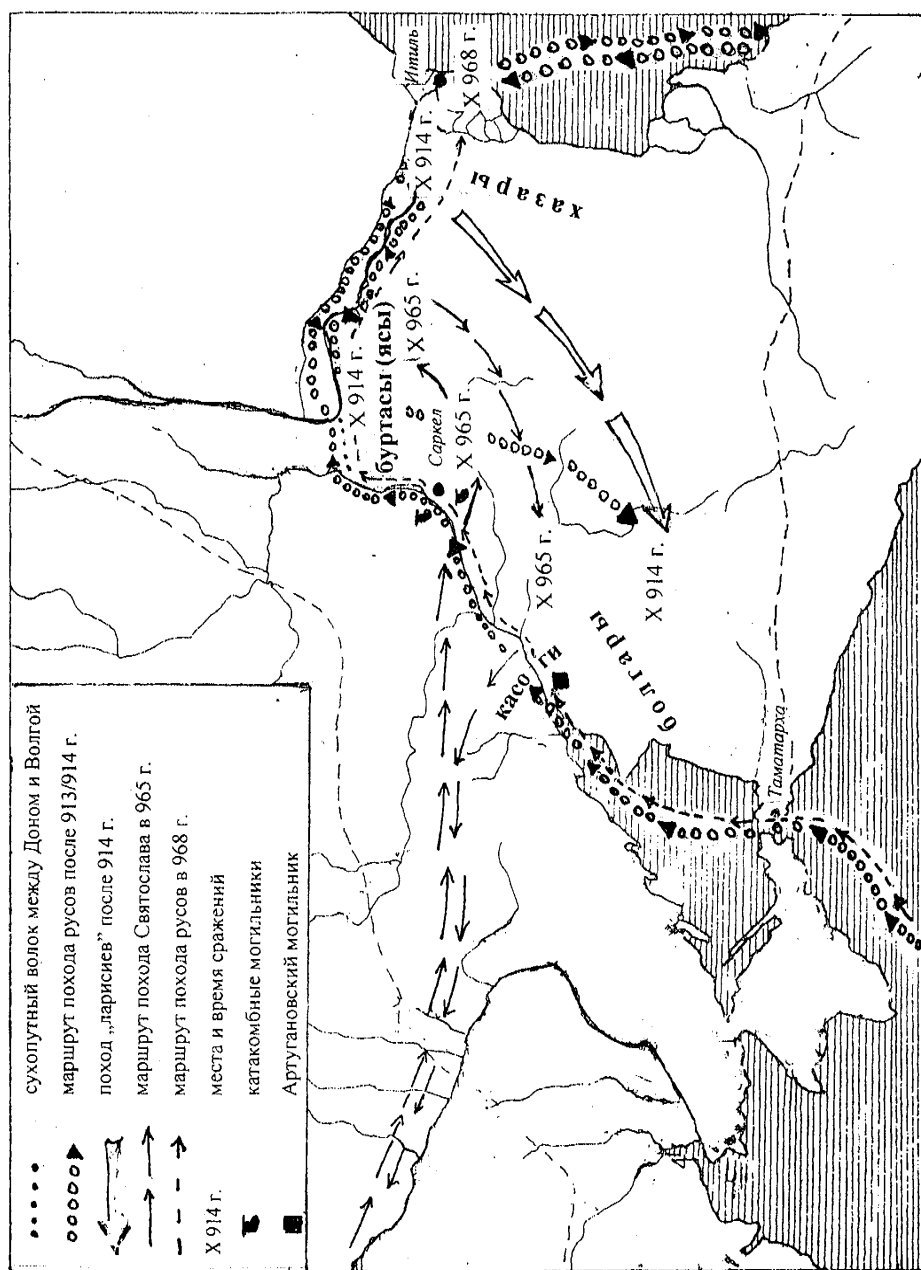

Рис. 7. Функционирование Волго-Донского пути в X в.

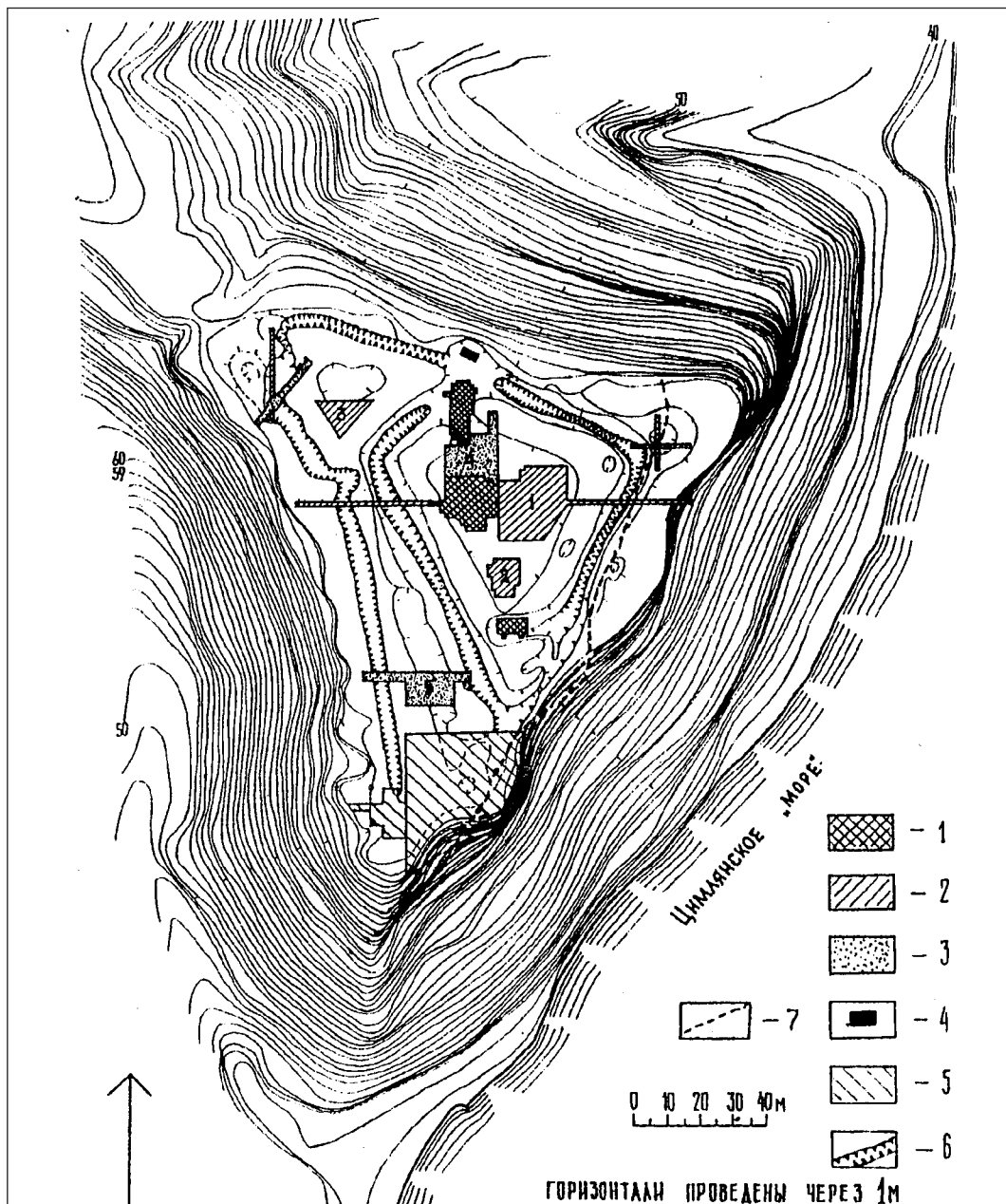

Рис. 8. План Правобережного Цимлянского городища с нанесенными на него раскопами (по данным С. А. Плетневой):

1 – раскопы И. И. Ляпушкина; 2 – раскопы С. А. Плетневой 1958 г.; 3 – раскопы С. А. Плетневой 1959 г.; 4 – башня на северо-восточной стене; 5 – раскопы В. С. Флорова; 6 – «выемки» от разобранных стен крепости; 7 – линия берегового обрыва в 1989 г.

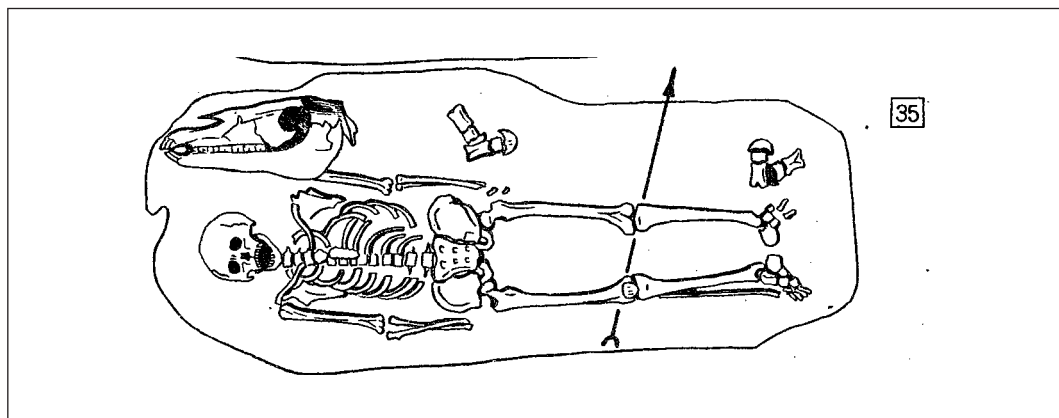

Рис. 9. Захоронение чучела коня рядом с покойником в могильной яме под насыпью кургана № 35 в восточной части кочевнического могильника возле Саркела – Белой Вежи (по данным С. А. Плетневой).

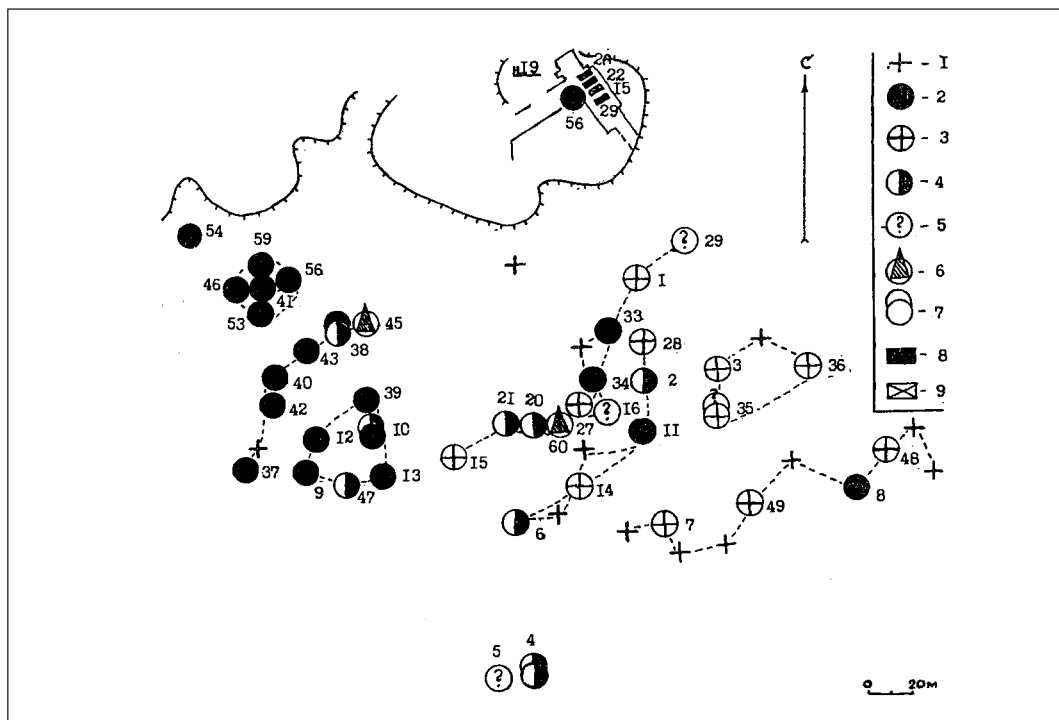

Рис. 10. План курганного могильника вблизи Саркела и распространение на нем основных антропологических типов (по данным С. А. Плетневой):

1 – нераскопанные курганы; 2 – курганы с захоронениями европеоидов; 3 – курганы с захоронениями монголоидов; 4 – курганы с захоронениями людей смешанного типа; 5 – курганы с антропологически неопределимыми погребениями; 6 – курганы с захоронениями останков коней (кенотафы); 7 – курганы с впускными захоронениями; 8 – погребения европеоидов в насыпи 19; 9 – погребение монголоида в насыпи 19.

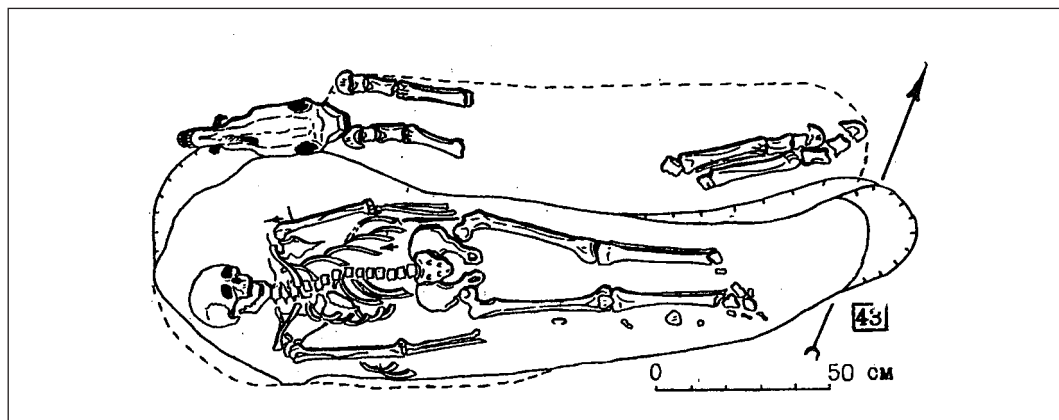

Рис. 11. Захоронение останков коня на приступке выше покойника под насыпью кургана № 43 в западной части кочевнического могильника возле Саркела – Белой Вежи (по данным С.А. Плетневой).

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФАКТОРОВ,
ПРЕДОПРЕДЕЛЯВШИХ ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УПАДОК
ИТАЛЬЯНСКИХ КОЛОНИЙ НА ПОБЕРЕЖЬЕ
АЗОВСКОГО МОРЯ В XIII-XV вв.**

К настоящему времени научная школа изучения истории участия итальянских городов-республик в колонизации Черноморско-Азовского побережья в средние века достигла высокого уровня [Карпов, 1994, с. 5-10; Еманов, 1995, с. 98-146]. Опубликован значительный массив данных анализа постановлений государственных органов и нотариальных актов, который позволил раскрыть многие аспекты этого сложного социально-политического явления [Карпов, 2000, с. 11-18]. Но складывается впечатление, что чем больше привлекается документов, тем в большей мере происходит обособление получаемых на их основе представлений от данных средневековых портоланов. Из документов следует, что важнейшими опорными базами венецианцев в Черноморско-Азовском регионе являлись Константинополь, Трапезунд и Тана, а генуэзцев – Каффа и Тана. Возникает естественный вопрос: каким был статус многочисленных факторий и поселений, появлявшихся, судя по портоланам, в разные периоды на восточном и северном побережьях Азовского моря. Понятно, что существовали государственные приоритеты, оформляемые постановлениями сената и нотариальными актами. Параллельно существовала частная инициатива, реализуемая в тех регионах моря, которые государствами не охватывались. Но и в этом случае целесообразно выстроить систему исторических представлений, показывающих единую картину колонизации побережья. Это сделать необходимо еще и потому, что освоение ресурсов новых территорий происходило под патронажем католической церкви, в рамках созданных ею епархий. То есть колонизация регулировалась не только политическими и экономическими интересами, но и религиозными.

Еще сложнее соотношение выводов, основанных на документах и портоланах, с материалами географических построений. Крупномасштабные природные процессы в некоторые периоды должны были бы затормозить или даже прекратить хозяйственную деятельность и мореплавание в Азовском море. Но подобный вывод не всегда согласуется с документами. Это обстоятельство делает неудовлетворительной ситуацию, при которой природная компонента существует сама по себе, а социально-политические и экономические процессы на пространстве «Средиземное – Черное – Азовское моря» – сами по себе.

В 1169 г. генуэзцы первыми добились от императора Мануила I Комнина указа, по которому им разрешалось торговать в Черном море [Хотко, 2002, с. 193-205]. Но в 1203-1204 гг. венецианцы приняли участие в нападении крестоносцев на Константинополь, после чего обрели право плавания и беспопышленной торговли в Черном и Азовском морях [Мишо, 2004, с. 194]. Прежде доступ венецианцев сюда воспрещался. Неизвестно, какое количество факторий в этом регионе они основали за период с 1204 по 1260 гг., когда после взятия Константинополя греками вновь потеряли завоеванные права. Упоминаются остров Кандия, колонии во Фракии и торговая фактория Тана в устье Дона [Фелицын, 1899, с. 1-24]. На картах ал-Идриси (1154 г.) и портолане «Компассо да навигаре» (1250-1265 гг.), кроме ряда колоний между Кафрой и Судакон (Soldania, Meganome, Callita, Sipidimma), показаны города в Керченском проливе (Zavida, Cavalarij, Dutar – Vospro, Pondicopera) [Фоменко, 2007, с. 401-402]. В Азовском море нанесены фактории на следующих участках побережья: Kumania al sud – San Georgi (Бейсугский лиман), Palastra (оконечность Белосарайской косы), Nahr rusija (коса Кривая), Rusia – Casale de Rossi (дельта Дона), Cabardi (Миусский лиман), Tario (коса Долгая), Рехе (северный фланг пересыпи Ханского озера), Сора (город на правом берегу устья Гипаниса – Кубани), Matraha - Matrega (Тамань) [Фоменко, 2007, с. 401-402]. Можно предполагать, что венецианцы за период чуть более 50 лет создали разветвленную сеть факторий, перевалочных пунктов, хотя ее назначение исследователями не раскрывается.

В 1260 г. Генуэзская республика, давний соперник Венеции, оказала военное содействие претенденту на византийский престол М. Палеологу во взятии Константинополя. Согласно договору 1261 г. в Нимфее, в благодарность генуэзцы получили от императора исключительные права в проливе и Азово-Черноморском бассейне [Фелицын, 1899, с. 1-24]. Венецианцы же потеряли доступ в эти моря. К 1290-1300 гг. Венеция после длительного запрета вновь стала осуществлять торговлю на берегах Черного и Азовского морей. Судя по портоланам П. Весконтe (1311-1318), Ф. Пицигано (1367) и ряда других авторов, на побережье Азовского моря появились новые латинские топонимы [Carte nautiche ...; Facsimile..., Portolano del...]. Обращает на себя внимание местоположение некоторых факторий на неустойчивых участках побережья. И.К. Фоменко на сводной карте расположил эти фактории следующим образом: San Ziorzi – на косе Обиточной, La Cachi – Белосарайской, Tar Magno – Долгой, Tar Parvo – Ясенской, в пределах морского края дельты Кубани – Рехерия, Lo Cисора и др. [Фоменко, 2007, с. 401-402].

Город Генуя и порт города Пизы располагались на изрезанном, гористом побережье, как и многие греческие города. Венецианская же республика развивалась в пределах обширного лагунного побережья, осложненного дельтой р. По и устьями многочисленных мелких рек. Для венецианцев строительство и жизнь на песчаных, нередко заболоченных и подтопляемых берегах – дело

обычное. Может быть, перечисленные фактории на неустойчивых участках побережья как раз и заложены венецианцами. Но это предположение требует доказательств на основе документов или лоций.

Если к анализу исторической канвы событий привлечь палеоокеанологические данные, решения византийских императоров, предоставлявших льготы то одним, то другим итальянским городам-государствам, оказываются не столь губительными для империи, как об этом иногда пишут исследователи. Огромную роль в преобразовании природы Азовского моря в течение последних 2 тыс. лет играли колебания уровня поверхности, изменения гидрологического и гидрохимического режимов моря, в том числе обусловленные и климатическими причинами. На фазах похолодания могло происходить аккумулятивное атмосферных осадков в северных регионах европейской территории и в пределах горных систем. Последний процесс проявлялся в размерах и количестве горных ледников. В этих условиях реки поставляли значительно меньшее количество воды, чем в периоды потепления климата. Этот факт доказан океанологическими исследованиями. В Черном море, например, тренд современных многолетних колебаний уровня контролируется атмосферными осадками и речным стоком [Горячкин, 2011, с. 252-256]. Нет сомнения, что эта же закономерность была свойственна и средневековью, когда климатообусловленное сокращение речного стока вело к падению уровня в Черном, а тем более в Азовском морях.

На рис. 1В показаны кривые колебаний уровня Черного и Азовского морей в период с V в. н.э. до 1900 г. Кривая Азовского моря построена автором на основе радиоуглеродных датировок ракушечных проб, отобранных из тел азовских кос, пересыпей и террас [Артюхин, 2012 (А), с.8-9]. Используются также достоверные литературные данные о падении уровня в некоторые периоды средневековья. Предоставление льгот венецианцам и генуэзцам на право плавания по обоим морям происходило в период, когда уровень этих водоемов снизился как минимум на 3-4 м (рис. 1). Если для Черного моря такое падение было несущественным, учитывая приглубость подводного склона, особенно в бухтах, то для Азовского моря создавало серьезную проблему для мореплавания. Рубрук в 1253 г., например, указывал: «...река ... образует на севере как бы некое море, имеющее в ширину и длину семьсот миль, но нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (passus); поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают [оттуда] свои лодки до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков и других рыб в беспредельном количестве....» [Путешествие..., 1957]. Причины такого снижения уровня видны из рис. 1Б. В XIII в. прослеживается значительное похолодание, по уровню сопоставимое с XVI и даже с XVII веками. Но этот факт в документах, характеризующих, в частности, торговлю зерном и солью, не нашел отражения. Это странно, поскольку на фазах похолодания в степной зоне всегда отмечалось падение урожайности зерновых,

нередко до «сам-2» (на меру посеянной пшеницы собирали всего 2 меры урожая), а садка солей в естественных лагунах снижалась до ничтожных значений.

На рис. 1 показано падение уровня всего на 3-4 м, а не на 8-9 м, как об этом свидетельствовал Рубрук. Из его текста непонятно, идет ли речь о глубинах вдоль восточного побережья или принимались во внимание и глубины в центральной и западной частях открытого моря. Падение уровня даже на 3-5 м сокращала площадь средневекового Азовского моря на 3-5 тыс. км², не говоря уже о снижении водной поверхности на 8-9 м (рис. 2). Резкое уменьшение площади водоема как раз и вызвало насмешливую реплику «как бы некое море». Следовательно, формально итальянцы хоть и получали права на плавание и торговлю, но в условиях значительного обмеления моря они могли использовать ресурсы, лишь прибегая к многократным перевалкам грузов на мелкосидящие плавсредства.

Можно предположить, что большая часть городов и факторий, появившихся на восточном берегу открытой части акватории Азовского моря в этот период (Tar Magno, Tar Parvo, Pexo, San Ziorzi, Bagtati, Copa), представляли собой как раз перевалочные пункты. В их пределах крупные суда итальянских городов-государств перегружали товары либо на мелкосидящие лодки, либо на подводы, доставлявшие их в Азак и обратно. Может быть, именно в условиях трудностей отправления и получения грузов из Таны при возникающих обмелениях моря генуэзцы и стали строить дорогу, следы которой существовали в Кубанской области еще в начале 60-х гг. XIX в. [Зевакин, Пенчко, 1938, с. 87]. Собственно, таким же способом османы в 1637-1641 гг. доставляли войска, оружие и боеприпасы от береговых промежуточных пристаней на восточном берегу к крепости Азов [Челеби, 1979, с. 205]. Ситуация начала меняться в конце XIII в., когда уровень моря приблизился к современным отметкам (рис. 1). Это обстоятельство, скорее всего, явилось решающим для возникновения Азака.

Как только уровень позволил напрямую плавать из Керченского пролива к устью Дона, перечисленные перевалочные пункты превратились в наиболее активные торговые фактории в бассейне Азовского моря. Можно полагать, что они уже приспособились к комбинированию не только морских, но и сухопутных операций. Даже непродолжительные климатические катаклизмы показывали необходимость такого сочетания приемов перевалки грузов. В середине XIV в. произошло временное похолодание. Например, в 1326 г. замерзла часть Средиземного моря, а по Черному морю местные жители на санях преодолевали пространство от устья Днепра до Румелии.

При анализе средневековых портоланов исследователи нередко напрямую коррелируют конфигурацию Азовского моря того периода с современной береговой линией. Это в корне неверно, поскольку за истекшие 5-8 веков толща береговых пород под воздействием моря разрушалась иногда с темпом до 10-20 м/год [Артюхин, 2007, с. 313-328]. Если взять за основу подобные оценки,

то получим, что в XIII-XV вв. подошва береговых обрывов располагалась на 2-4 км мористее современной береговой линии (рис. 2). Даже морские суда могли подходить к обрывистым берегам сравнительно близко благодаря значительно меньшей ширине отлогого подводного склона, чем в настоящее время. На локальных участках береговая линия была выдвинута еще дальше в море из-за действия систем грязевых вулканов (Голубицкий останец), тектонического выдавливания со дна пластичных пород (мысы Ахиллеон-Пеклы), антиклинальных купольных структур (участок между косами Долгой и Камышеватской) и др.

Анализ эволюции кос на основе реконструкции древних генераций береговых валов с помощью математических зависимостей и радиоуглеродных датировок отложений свидетельствует, что длина многих кос в средние века была меньше, чем в настоящее время. Исключение составляет коса Федотова-Бирючий остров. Она была крупным аккумулятивным телом уже в римское время [Артюхин, 2012, с. 454-455, Б]. Естественнонаучные данные позволяют предположить, что некоторые венецианские фактории располагались на островах, которые на последующих этапах эволюции включены в состав кос. Например, к ним относятся остров в пределах оконечности современной косы Обиточной (уже существовавший в IV-V вв. н.э.) и остров посередине пролива, соединявшего Таганрогский залив и Азовское море (на подводном склоне косы Долгой) (рис. 2). Гипотеза об островном положении некоторых факторий не согласуется с нагрузкой портоланов. На них города и фактории надписывались в пределах суши, а не на пространстве морской акватории. Даже вблизи островов ни в одном случае нет поясняющих надписей. Но города на коренных обвальных берегах вряд ли могли долго существовать в условиях постоянной угрозы нападения кочевников и разрушающего действия моря. Еще меньше для этой цели подходили прикорневые участки кос, террасы. В настоящее время их превышение над уровнем моря не может гарантировать от затопления строения даже при обычных штормовых нагонах, не говоря уже об ураганах или в условиях подъема уровня выше современных отметок на 2-3 м.

Скорее всего, на острове, лежащем на подводной отмели косы Долгой, находилась фактория *Tag Magno*. Ее островное положение, вероятно, обеспечивало безопасность, а поэтому, по свидетельству И.К. Фоменко, между этим поселением и городами на берегах Керченского пролива существовало наиболее оживленное морское сообщение. Исследователи нередко показывают *Tag Magno* на современной оконечности косы Долгой, что не согласуется с имеющимися данными по динамике формы. Оконечность косы неоднократно в последние 300-400 лет прорывалась, перестраивалась, изгибалась, что отчетливо видно как по рельефу, геологическому строению тела, так и возрасту ракушечных отложений. Большой остров же, видимо, характеризовался значительной пространственной устойчивостью, поскольку покоился на мощном аккумулятивном фундаменте

промежуточной дельты палео-Дона. Именно поэтому в его пределах долгое время существовала морская фактория. Остров отчетливо показан на картах А. Шхонебека и С. Беллина [Carte redut...; Незнамов, 1941, с. 74-77]. Причем на карте С. Беллина остров, в отличие от всех других, имел собственное название – Мандар.

Беллин помогает определить местоположение фактории Заккария, которую некоторые исследователи называют гаванью около Ейска [Еманов, 1995, с. 101]. Французский картограф на карте 1772 г. поместил надпись Sakareja над Песчаными островами, располагающимися на 1/3 расстояния между Ейским лиманом и косой Кривой. Причем он помечает, что острова осушались только с 1712 г. Почти наверняка можно утверждать, что колония была основана в пределах этой обширной подводной банки в период низкого стояния уровня в средние века. Только в этих условиях и можно было здесь размещать жилые строения и причалы. С.П. Карпов считает, что генуэзский род Дзаккария имел в Приазовье собственную факторию, занимаясь, в числе прочих, торговлей квасцами. Расположение Песчаных островов таково, что суда могли в условиях низкого стояния уровня подняться вверх по течению р. Ея и максимально приблизиться к дороге, ведущей на Большой Зеленчук. Видимо, оттуда и шла поставка этих минералов.

На этнолингвистической карте Черного и Азовского морей показаны две другие фактории – Tar Parvo и Рехо, к которым также направлялась большая часть судов, выходивших из Керченского пролива [Фоменко, 2007, с. 400-401]. И.К. Фоменко помещает Tar Parvo на оконечности косы Ясенской, а Рехо – в северной части пересыпи Ханского озера, где-то у современного с. Шиловка. В XIII-XIV вв. как таковой косы Ясенской еще не существовало, зато в полукилометре западнее ее современной центральной части располагался конус выноса р. Бейсуг. Река его сформировала на низком стоянии уровня моря. Затем на фазе эвстатического подъема уровня поверхности конус выноса был переработан морем и превратился в песчано-ракушечный остров, лежащий на аллювиально-илистых отложениях. Глубины на подходе к острову были намного больше, чем в настоящее время у наветренного берега косы Ясенской. Это могло способствовать расцвету морской торговли и превращению основанного на острове городища Tar Parvo в полноценный перевалочный пункт. Пересыпи Ханского озера в рассматриваемый период не было. Зато абразионный берег, выдвинутый почти на километр западнее, имел мысообразную конфигурацию, способствовавшую образованию петлевидной косы, с двух сторон защищавшей глинистый мыс от волнового размыва. Возможно, это обстоятельство способствовало появлению здесь торгового порта Рехо, игравшего важную роль в морской торговле.

На месте современного морского края дельты Кубани в эпоху средневековья сформировалась сложная аккумулятивно-лагунная система. Пространство

современных внутренних лагун и лиманов было больше, и они не были столь заболочены, что обеспечивало некоторую возможность плавания даже морских судов. Южная часть этой акватории отделялась от собственно Азовского моря аккумулятивной формой, подобной пересыпи, которая сформировалась путем накопления песчано-ракушечных наносов между глинистыми останцами и купольными структурами тектонического происхождения. Фрагменты лессовидных останцов и квазикуполов фиксировались в теле Вербяной косы скважинами, пробуренными еще во второй половине 1930-х годов. Скорее всего, в средние века размеры таких структур были больше, и они располагались как минимум в 0,5-1 км западнее современной Вербяной косы. Можно предполагать, что именно в пределах подобных образований, возвышающихся над уровнем моря на 1,5-2,0 м, был основан торговый центр Сора. Его местоположение исследователи безуспешно пытаются найти в рамках существующего рельефа южного фланга морского края дельты Кубани или в пределах русла Протоки [Еманов, 1995, с. 102; Волков, 1999, с. 34-37]. Пространство Вербяной косы между современным Куликовским и Соловьевским гирлами, участок Чайкинского мелководья и примыкающие к ним акватории лиманов приурочены к Индоло-Кубанскому прогибу. Все геологические и морфологические образования в его пределах испытывают погружение с темпом не менее 3-3,5 мм/год, а в отдельные периоды и того более. В условиях погружения, осложненного прекращением поставки на берега створок раковин, Вербяная коса только за период 1970-2005 гг. местами сместилась вглубь дельты на 250-350 м. Соответственно, масштабы смещения с XIII-XIV вв. значительно больше. Следовательно, центр активной торговли Сора угасал по причине медленного погружения в акваторию. Что же касается р. Протоки и участка Славянска, еще необходимо доказать, что в XIII-XV вв. этот рукав не только соответствовал современному плановому положению, но и вообще существовал как полноценная речная артерия.

Северный фланг дельты Кубани в средние века имел облик своеобразной косы изгиба, располагавшейся мористее современной береговой линии на 5-6 км [Артюхин, Федорова, Артюхина, 2010, с. 39-43]. Древняя Ачуевская коса выдвигалась под действием волн и течений на север и северо-восток, постепенно заливая и перекрывая существовавший к востоку от нее Курчанско-Сладковско-Ахтарский залив (условное название). Как и во всех подобных случаях, море перестраивало наветренные берега аккумулятивной формы. Если в XI в. длина косы, считая от современного пос. Ачуево, составляла всего 12-13 км, то к XIII-XIV вв. она возросла на 3 км. При этом наветренный берег сместился на восток на 2-2,5 км. К XV-XVI вв. коса отступила под натиском моря еще на 3-4 км, а ее оконечность выдвинулась на север почти на 8 км. Именно в результате такой пространственно-временной переработки древней Ачуевской косы были уничтожены колония *Lo Cincora*, *Pixeria* и ряд других итальянских факторий.

Рассматривая историю возникновения итальянских факторий в пределах

побережья открытого моря, желательно устанавливать приуроченность некоторых поселений к перспективным участкам минерального сырья. Так, например, в первой четверти XX в. разведаны циркон-грантовые россыпи на восточном побережье Белосарайской косы. Источником ценных минералов являются гранитоиды Донецкого кряжа, эродированного р. Кальмиус и её притоками. Нет сомнения, что и в средние века этот процесс шел весьма активно. Он мог побуждать разрабатывать пески Белосарайской террасы в целях добычи полудрагоценных минералов. Не являлась ли эта деятельность приоритетом Паластры? В пределах морского края дельты Кубани в XX в. неоднократно фиксировалось отложение после штормов на пляжах концентратов тяжелых минералов, обогащенных зернами алмазов. Нельзя исключать, что и этот весьма ценный природный концентрат мог добываться на продажу. На карте И.К. Фоменко показан месторождение соли в пределах акватории небольшой лагуны на западном берегу современного Утлюкского залива (с. Фрунзе). Естественное выпадение солей из пересыщенных растворов могло возникать в пределах разных частей Арабатской стрелки и лагун Сиваша. Местоположение солевых разработок менялось, поскольку под влиянием соотношений температуры воздуха и солёности водной массы садка соли могла происходить в любой мелководной, хорошо прогреваемой акватории.

На портоланах XIII-XVI вв. в пределах побережья древнего Таганрогского залива, в основном, встречаются топонимы береговых поселений тюрков и других кочевых народов [Фоменко, 2007, с.400-401]. Латинские фактории сосредоточены на участках оконечности кос, в устьях рек или на дельтовых островах. Ширина Таганрогского залива в средневековье была меньше как минимум на 10-15 км. Это обстоятельство существенно усложняло навигацию, поскольку при жестких (скорость ветра свыше 20-25 м/с) и продолжительных (до 15-18 суток подряд) северо-восточных и восточных ветрах в устье древнего Таганрогского залива возникали мощные течения, осложненные поперечными биениями волновых полей. В этих условиях далеко не всегда мореходы имели возможность даже за месяц пройти пространство от входа в Таганрогский залив до Таны. Вероятнее всего, им приходилось отстаиваться в Ейском лимане. В средние века это была фактически подтопленная морем нижняя часть долины р. Ея. Ейская коса имела небольшие параметры (длина не более 0,2-0,3 км), но лишена была изогнутой оконечности. Поэтому при северо-восточных и восточных ветрах суда здесь укрываться не могли. Кубанские историки располагают факторию или гавань Базиначи (в их интерпретации Бальзамиха) на Ейской косе [Трехбратов, 2005, с. 94]. Но такие построения ничем не обоснованы, поскольку наибольший интерес с точки зрения устройства перевалочного пункта и рейда для отстоя судов представляла древняя Сазальникская коса. Ныне она имеет облик треугольной террасы, расположенной на продолжении линии уреза южного побережья Таганрогского залива. В средневековье аккумулятивная

форма, видимо, имела облик косы изгиба, сначала формировавшаяся к юго-западу от мыса Сазальник (рис. 2). То есть древняя Сазальникская коса прикрывала с северо-запада вход в узкий Ейский лиман. Тем самым внутренняя акватория, защищенная с севера аккумулятивным телом, а с востока высоким береговым откосом, позволяла укрываться судам от жестких штормов. Bazinagui имела и важное торговое значение. В периоды некоторого падения уровня моря сюда было легко доставлять товары сухопутным путем из Таны. В средневековые таких фаз снижения уровня, видимо, было несколько, а их гидрологические характеристики отличались. Можно предполагать, что расположенное восточнее тюркское поселение Agaria использовалось в качестве второго перевалочного пункта на фазе небольшого подъема уровня моря, при котором суда имели возможность пройти восточнее Bazinagui, но не достигали устья Дона.

На рис. 1 и 2 показаны не только колебания уровня, но и площади водоема в периоды похолоданий, сопровождавшихся снижением водной поверхности. Возврат к обычным гидрологическим условиям происходил медленно, что было характерно, в частности, для XIII в. Соответственно, линия уреза восточной части Таганрогского залива перемещалась примерно от косы Кривой до меридиана современной дельты Дона. Это обстоятельство объясняет причины неопределенности местоположения порта Пизано. Порт мог при одном режиме обустриваться на участке устья или приустьевой косы р. Самбек, другом – у косы Петрушина. При значительном падении уровня причалы этого порта могли возводить в устье р. Миус или у расположенного западнее мысовидного участка, сложенного прочными известняками.

В каких условиях существовали причалы Таны при подъеме уровня моря на 2 и даже 3 м выше современного? Во-первых, еще не факт, что русло Старого Дона, в настоящее время прижатое к береговому откосу г. Азова, в XIII-XV вв. имело такие же плановые очертания. Есть основание предполагать, что русло проходило севернее и впадало в море либо в центральной, либо в северной части дельты или в обширную озероподобную акваторию дельты. Обращает на себя внимание фраза из старинного первоисточника: «...от устья реки Танаиса плыли вверх 18 миль (31,2 км), где на азиатском берегу находился город Тана (terra de la Tana)» [Еманов, 1995, с. 127]. Такой временный перенос Таны почти до меридиана р. Темерник (г. Ростов-на-Дону) был бы оправдан в случае значительного подъема уровня средневекового Азовского моря. С одной стороны, новый уровень не позволял нормально функционировать старой Тане, с другой – создавал предпосылки для получения гораздо больших объемов рыбной продукции с нового займища на азиатском берегу, залитого водой (ныне это пространство левобережья Дона, вплоть до г. Батайска).

Следует рассмотреть еще одно существенное обстоятельство торговой деятельности итальянских факторий на побережье Азовского моря – быстрый и весьма значительный подъем уровня Каспийского моря, по одним оценкам на 5-7 м,

по другим – 12-15 м с 1200-1320 гг., продолжившийся до конца XVII в. (рис. 1 А). Оценки подъема уровня Каспия могут отличаться и уточняться. Однако факт затопления, например, столицы Золотой Орды подтверждается нахождением строений этого периода под толщей морских илов мощностью свыше 2 м. Упадок экономики и инфраструктуры Золотой Орды в результате затопления обширных пастбищ Северного Прикаспия, караванного пути через Дербентский коридор и плато Устюрт-Мангыстау привел к уменьшению либо полному прекращению поставок ряда восточных товаров в Тану [Артюхин, 2012, с. 320-323, В]. Ухудшил конъюнктуру торговли разгром Таны и других торговых баз на «шелковом пути», учиненный войсками Тимура в 1395 г. Анализ исторических сведений, приведенных в книгах персидских авторов Шами и Йезди и ряде других источников, позволил высказать предположение, что войска Тимура, продвигаясь от Азака на запад, к Кубани, целенаправленно уничтожали приморские поселения европейцев [Нарожный, 2005, с. 188-189]. Тана в начале XV в. была восстановлена, хотя и после некоторого перерыва [Бурлака, 2005, с. 46-47]. С.П. Карпов в таблице, указывающей сроки стоянок судов «линии» в Тане, отразил этот перерыв с 1395 г. по 1397 г. [Карпов, 1994, с. 64]. Но колонии на пространстве от Ейского до Ахтанизовского лиманов почему то так и не возобновили свою деятельность.

Анализ зарубежных источников позволил зафиксировать ряд изменившихся факторов плавания и торговли в Тане [Фомичев, Бурлака, 2003, с. 54-59]:

- с 1394 г. стали использоваться для захода в Тану крупные суда кокки (может быть, это следствие значительного подъема уровня моря, что видно из графика на рис. 1?);

- примерно с 1398-1400 гг. из Таны европейцы стали вывозить, в основном, товары Приазовья (не произошло ли это в результате временного прекращения поставки восточных товаров в условиях затопления Каспием огромных прибрежных пространств?);

- в 1409-1410, 1411, 1412, 1427 годах Тана подвергалась нападению и разграблению татарскими отрядами (в предшествующий период все путешественники отмечали безопасность на пространстве Золотой Орды. Возможно, активизация хищничества объяснялась упадком экономики Орды и ослаблением центральной власти в условиях природных катаклизмов?);

- примерно с 1430 г. стали отмечаться случаи оледенения судов в порту Таны. В 1434 и 1435 гг. галеи венецианцев в Тану не приходили (можно ли эти факты объяснять только возрастанием суровости климата? Если «да», то таких случаев должно быть гораздо больше);

- после 1439 г. не только ремень, но и другие специфические товары из Китая и других восточных стран все реже стали попадать на рынки Таны.

В XIII-XV вв. колонизация побережья Азовского моря происходила в условиях климатического оптимума в Европе, включая Приазовье-Причерноморье. В отдельные короткие периоды могли возникать суровые зимы. Но в целом

климат характеризовался сравнительно теплым летом, мягкой и непродолжительной зимой. Это позволяло осуществлять морские перевозки между портами Азовского, Черного и Средиземного морей с апреля по октябрь-ноябрь. Но уже в начале XV в. климатические условия начинают меняться. В некоторые годы отмечались очень холодные зимы – 1402, 1408, 1422, 1445, 1477, 1493, 1496 гг. [Борисенков, Пасецкий, 1983, с. 95-102]. К XVI в. суровость климата еще более возросла. В полной мере проявился так называемый малый ледниковый период (рис. 1 Б). В подобных условиях уровни Черного и Азовского морей понижаются. Поскольку уровень обоих водоемов изменялся синхронно, то компенсированного притока вод из Черного моря в Азовское не происходило. Уменьшение глубины моря, прежде всего в Таганрогском заливе, даже на 2-3 м приводило в условиях лютых морозов к глубокому промерзанию акваторий с пресными и распресненными водами. Как показывают натурные наблюдения в реальных условиях суровых зим середины XX в., сравнительно более мягких чем в XVII в., в Таганрогском заливе могут возникать ледовые поля большой мощности, осложненные грядами высоких торосов. Торосы образуются и на участках с хорошо выраженными подводными отмелями, валами. На пространстве от Ейского лимана до дельты Дона даже сейчас еще можно проследить 5 подводных барьеров. 200-300 лет назад они были гораздо более рельефными.

Первый барьер располагался непосредственно на предустьевом взморье Дона. По нашим оценкам, морской край дельты Дона в XIII-XV вв. находился примерно в 7-9 км восточнее современного его положения (примерно меридиан с. Рогожкино). Барьер формировала глубокая ложбина в зоне гидравлического скачка речных вод, обрамленная с морской стороны многочисленными отмелями и валами. Второй барьер простирался от мыса Таган-Рог к Очаковской косе, третий – от косы Петрушина к надводной оконечности косы Чумбурской. Четвертый барьер формировала подводная гряда, соединявшая отмели кос Чумбурской и Беглицкой. Пятый барьер, имевший наибольшую площадь и сложную конфигурацию, включал Песчаные острова с многочисленными банками, подводное продолжение косы Сазальникской и отчасти конус выноса р. Миус. В пределах барьеров в эпоху малого ледникового периода неизбежно возникали ледово-ракушечные заторы, которые таяли только к середине июня, а в годы с возвратом холодов летом могли существовать до следующей зимы. Это обстоятельство делало практически нереальной навигацию от косы Долгой до Таны.

С.П. Карпов, опираясь на данные изучения документов, показал, что сенат Венеции в осложняющихся природно-климатических условиях предпринимал попытки регулирования мореходства. С одной стороны, требовалось обеспечить поступление доходов в казну, с другой – гарантировать сохранность судов и экипажей. Но флот как Венеции, так и Генуи нес потери, обусловленные штормами, туманами [Карпов, 1994, с. 31-43]. Однако не совсем понятно,

какую тактику выбирали патроны галей в условиях надвигающегося малого ледникового периода. Нет убедительных свидетельств, происходило ли комбинирование морских и сухопутных перевозок или итальянские республики вообще отказались от «азовского» пути доставки специй и других ценных грузов. Наконец, фаза морской торговли в Азовском море после захвата Азака Османской империей рассматривается почему-то вне контекста радикальных природно-климатических изменений. Нельзя исключать, что именно поэтому Азов приобрел статус обособленной крепости, а пространство между Азовом и крепостью Копыл (среднее течение р. Протока) османами длительное время вообще не осваивалось.

Таким образом, совокупность данных, накопленных историческими и естественно-научными дисциплинами, требует разработки такой концепции истории колонизации Азовского побережья в средние века, в рамках которой социально-политические, экономические, этнические явления непротиворечиво увязывались бы с природно-климатическими процессами. Видимо, требуется повторный анализ документов, который должен сопровождаться не просто качественными описаниями, а нанесением строго установленных фактов на хронологическую шкалу. То есть новая теория может базироваться только на оценке «статистического веса» наиболее радикальных явлений и процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Арсланов Х.А., Балабанов И.П., Гей Н.А. и др. Методы и результаты картирования и геохронологической привязки древних береговых линий на суше и шельфе Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманского района // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. – М, Наука. – 1982.
- Артюхин Ю.В. Перестройки береговой зоны Азовского моря как фактор некоторых исторических событий XVIII-XX вв. / Историко-географический сборник. – Вып. 1. – Краснодар, ООО «Карика», 2007.
- Артюхин Ю.В. (А). Сопряженный анализ антично-средневековых и современных оценок многовековой изменчивости уровня и морфометрии Азовского моря // Географические исследования Краснодарского края. – Вып. 7. – Краснодар, изд-во КубГУ, 2012.
- Артюхин Ю.В. (Б). Античные и средневековые географические представления о природе Азовского и Черного морей в свете некоторых современных естественнонаучных данных // ИАИАИАНД. – Вып. 26. – Азов, 2012.
- Артюхин Ю.В. (В). Природные катаклизмы как одна из причин «Великой замятни» в Золотой орде и возникновения Азака // БИ. – Вып. XXVI. – С. – Керчь, 2012.
- Артюхин Ю.В. Федорова С.И., Артюхина О.И. Эволюция рельефа северного фланга дельты реки Кубани // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. – 2010. – № 10.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI-XVII вв. – Л., Гидрометеиздат, 1983.
- Бурлака В.О. Азов – город с тысячелетней историей. – Азов, 2005.
- Варуценко С.И., Варуценко А.Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Изв. АН. СССР. Сер. географическая. – 1984. – № 4.
- Вознесенский А.В. Изменение уровня Каспийского моря. // Природа. – 1927. – № 10.
- Волков И.В. О возможностях локализации Копы (Копарио – Лю Копы) // Древности Кубани. – Декабрь. 1998.

- Горячкин Ю.Н.* Связано ли повышение уровня Черного моря с повышением уровня Мирового океана? // Геосистемы: факторы развития, рациональное природопользование, методы управления. – Материалы конф. – Краснодар, 2011
- Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII-XV вв. – Тюмень, 1995.
- Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. – 1938. – № 3
- Карпов С.П.* Путиями средневековых мореходов. – М.: «Восточная литература». – 1994.
- Карпов С.П.* Древнейшие постановления сената Венецианской республики о навигации в Черном море. // Причерноморье в средние века. – Вып. 4. – 2000.
- Мишио Г.* История крестовых походов. – СПб. – 2004.
- Нарожный Е.И.* О походе Тимура через «область черкесов» (отрезок пути; Азак – Таманский полуостров) // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – 2005.
- Незнамов П.А.* Карта Азовского моря 1699 года // Труды ГИМ. – Вып. XIV. – М, 1941.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957.
- Трехбратов Б.А.* История Кубани с древнейших времен до конца XVIII в. – Краснодар. ОИПЦ «Перспективы образования». – 2005.
- Фелицын Е.Д.* Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. – Т. 5. – 1899.
- Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье (конец XIII-XVII в.). – М. «ИНДРИК». – 2007.
- Фомичев Н.М., Бурлака В.О.* Тана – центр региональной и международной торговли в XV в. // Очерки истории Азова. Азов – древнейший порт России. – Вып. 7. – Азов. 2003.
- Хотко С.Х.* Генуя и Черкессия: политическое и культурное взаимодействие в XIII-XV вв. // От Тмутаракани до Тамани. Т. 4 (152). – М. «Русская панорама». – 2002.
- Челеби Э.* Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – Вып. 2. – М. 1979.
- Facsimile del Portolano di Giacomo Girolodi di Venezia dell' anno 1426. Venezia, MDCCCLXXXI.
- Carte nautiche di Batista Agnesse dell'anno 1554. Venezia. MDCCCLXXXI.
- Carte Reduite de la mer Noire. Par le Bellin ingeneur de la marin. 1772. РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 427.
- Portolano del XIV secolo. Venezia MDCCCLXXXI.

Ю.В. Артюхин

**ПРОБЛЕМА СПІВВІДНОШЕННЯ ФАКТОРІВ, ЯКІ ЗУМОВЛЮЮТЬ
ВИНИКНЕННЯ ТА ЗАНЕПАД ІТАЛІЙСЬКИХ КОЛОНІЙ НА УЗБЕРЕЖЖІ
АЗОВСЬКОГО МОРЯ У XIII – XV ст.**

Резюме

Обговорюється проблема слабого взаємопроникнення природничо-наукових даних та історичних уявлень про середньовічну колонізацію узбережжя Азовського моря, заснованих на вивченні документів. В деяких випадках історична теорія ігнорує факти існування в минулому природних катаклізмів. Зображені деякі особливості побудови узбережжя Азовського моря у середні століття, можливе місцезнаходження важливіших факторій та механізми їх знищення природними процесами.

Ю.В. Артюхин

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФАКТОРОВ, ПРЕДОПРЕДЕЛЯВШИХ
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УПАДОК ИТАЛЬЯНСКИХ КОЛОНИЙ
НА ПОБЕРЕЖЬЕ АЗОВСКОГО МОРЯ В XIII-XV вв.**

Резюме

Обсуждается проблема слабого взаимопроникновения естественно-научных данных и исторических представлений о средневековой колонизации побережья Азовского моря, основанных на изучении документов. В некоторых случаях историческая теория игнорирует факты существования в прошлом природных катаклизмов. Показаны некоторые особенности строения побережья Азовского моря в средние века, возможное местоположение важнейших факторий и механизмы их уничтожения природными процессами.

Y.V. Artyukhin

**PROBLEM OF CORRELATION OF THE FACTORS, DETERMINING RISE AND
FALL OF ITALIAN COLONIES ON THE SEA OF AZOV COAST IN THE 13th-15th cc.**

Summary

The problem of weak interpenetration of the natural data and historical understanding of medieval colonization of the Sea of Azov, based on the study of documents, is discussed in the article. In some cases, the theory ignores the historical facts of existence of natural disasters in the past. Some of the structural features of the coast of the Azov Sea in the Middle Ages, and the possible location of the most important factories and mechanisms of their destruction by natural processes are shown.

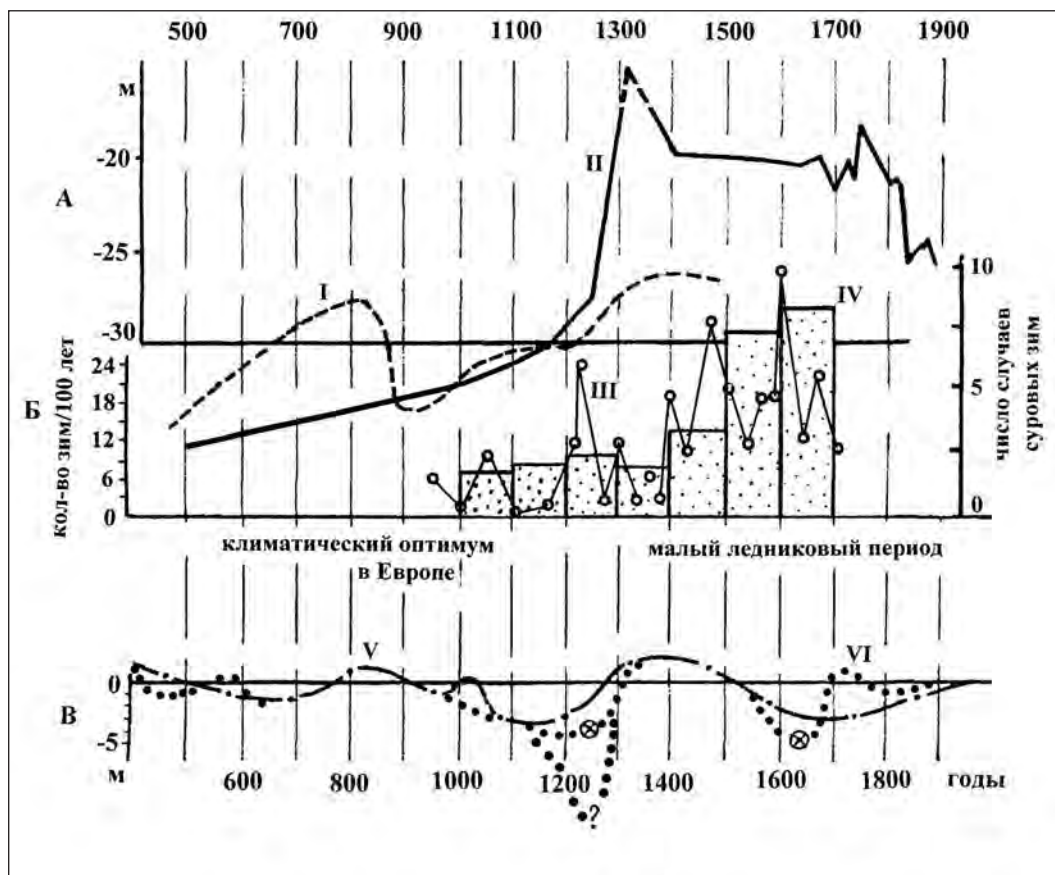

Рис. 1. Изменение природных условий в бассейнах Черного, Азовского и Каспийского морей в V-XIX вв.

А – изменение уровня Каспийского моря по данным Варушенко, Варушенко, 1984 (I), Вознесенского, 1927 (II).
 Б – изменение числа случаев суровых зим по скользящим двадцатилетиям (III) и количества зим в столетие по данным выборки из русских летописей (IV) [по: Борисенков, Пасецкий, 1983]. В – колебания уровня Черного (V) [по: Арсланов и др., 1982] и Азовского (VI) морей.

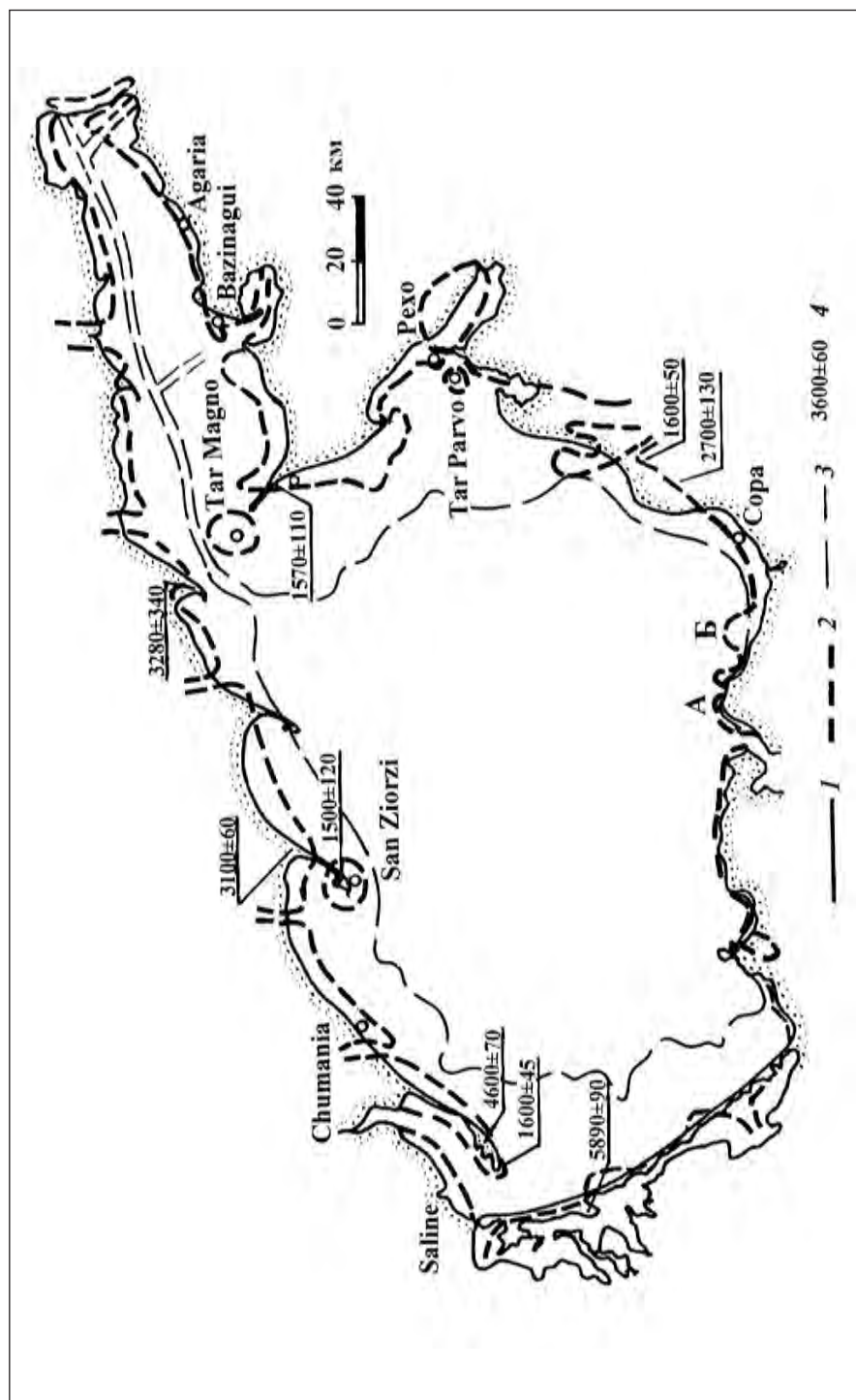

Рис.2. Изменение конфигурации и размеров Азовского моря в средние века.

1 – современная береговая линия; 2 – береговая линия, примерно соответствующая XII-XIII вв.; 3 – примерные очертания и размеры водоема по описанию Рубрика; 4 – радиоуглеродные датировки ракушечных проб из тел аккумулятивных форм. При вычислениях абсолютного возраста за «0» отсчета принимать 1985 г. Буквами обозначены мысовидные участки, возникшие в результате тектонического выдавливания пород подводного склона (А) и деятельности нескольких грязевых вулканов (Б).

А.А. ДУШЕНКО

КРЕСТ ИЗ РОГА ОЛЕНЯ С МОНОГРАММОЙ ИЗ РАСКОПОК БОЛЬШОЙ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Большая базилика Мангу́па – один из ключевых памятников археологии средневекового Крыма – неоднократно привлекала внимание исследователей. История археологического изучения базилики началась в 1853 г., когда граф А.С. Уваров раскопал в районе памятника несколько гробниц (Бармина, 2009, с. 410)¹. В 1890 г. приват-доцент Петербургского университета Ф.А. Браун провел на базилике небольшие по объему раскопки (Браун, 1891, с. 15). Первые масштабные работы на территории памятника проводились в 1912-1914 гг. под руководством директора Херсонесского музея Р.Х. Лепера (Моисеев, 1918, с. 72-79). Несмотря на довольно низкий, с точки зрения современного исследователя, методический уровень раскопок заслугой Р.Х. Лепера можно однозначно считать снятие первого, весьма схематичного, плана базилики. Исследователь датировал постройку храма VI в., основываясь на сходстве Мангупской базилики с ранневизантийскими херсонесскими базиликальными комплексами. Дополнительным доказательством такой датировки послужила находка фрагмента известняковой плиты с именем Юстиниан, которую В.В. Латышев отнес ко времени правления императора Юстиниана I (527–565 гг.) (Латышев, 1918, с. 18-19). Кроме того, Р.Х. Леперу удалось установить наличие, как минимум, двух строительных периодов в истории памятника (Моисеев, 1918, с. 73-74).

Археологические исследования базилики были возобновлены в 1938 г. под руководством М.А. Тихановой. Результаты работ, по мнению исследовательницы, в целом подтвердили выводы Р.Х. Лепера о хронологии памятника. Постройку базилики М.А. Тиханова датировала VI в., второй строительный период – второй половиной XIV в. (Тиханова, 1953, с.387). К вопросу хронологии Мангупской базилики обращался А.Л. Якобсон, который, анализируя архитектурные особенности памятника и упомянутую выше эпиграфическую находку с именем Юстиниана, датировал постройку базилики VI в. Позднейшее

¹ История изучения Мангупской базилики до конца 30-х гг. XX в. подробно рассмотрена Н.И. Барминой в одной из ее недавних работ (См. Бармина Н.И. Археологическое изучение Мангупской базилики в 1850-1930-е годы (источниковедческий аспект) // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 409-422).

восстановление храмового комплекса исследователь связывал со строительной деятельностью князя Феодоро Алексея в 20-е гг. XV в. (Якобсон, 1940, с. 212, 216).

Систематические исследования базилики Мангупской археологической экспедицией под руководством Е.В. Веймарна начались в 1967 г. С 1976 г. они проводились под руководством Н.И. Барминой. Результаты этих исследований частично опубликованы в ряде научных статей и сообщений (Бармина, 1995; Она же, 2005; Она же, 2008а; Она же, 2008b; Бармина, Пономарев, 2001). Однако на данный момент работы, обобщающей результаты многолетних работ и вводящей в научный оборот весь накопленный археологический материал, не существует.

Подводя итоги краткому обзору истории изучения Мангупской базилики, следует отметить, что вопрос хронологии памятника для современных исследователей остается дискуссионным. По мнению Н.И. Барминой, Большая базилика возводится на месте более раннего христианского храма не ранее конца IX – начала X вв. и существует вплоть до 1475 г., неоднократно подвергаясь ремонту. После захвата столицы Феодоро, по мнению исследовательницы, южный неф базилики восстанавливается и функционирует в качестве самостоятельного храма до начала XVI в. (Бармина, 2008а, с. 310-312). А.Г. Герцен относит строительство базилики ко времени правления Юстиниана I (527-565 гг.), а ее перестройку датирует 20-30 гг. XV вв. (Герцен, 2003, с. 102, 107). Близкой точки зрения по поводу датировки строительства базилики придерживается А.И. Айбабин (Айбабин, 1999, с. 123-124). Очевидно, окончательно прояснить хронологические этапы истории Мангупской базилики позволит ее полное археологическое исследование, а также введение в научный оборот всей информации, накопленной за десятилетия исследований памятника.

Среди археологических материалов из раскопок базилики Мангупа довольно значительное место занимают предметы, изготовленные из рога и кости. Среди них есть как рядовые изделия, аналогии которым известны на других участках Мангупского городища, так и уникальные артефакты². К последним, безусловно, относится крест из рога оленя с врезными греческими буквами, найденный при раскопках базилики в 1968 г. и находящийся на хранении в фондах КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».

Изделие представляет собой крест с расширяющимися ветвями, нижняя (предположительно, удлинённая) обломана (ширина креста 51 мм, толщина ветвей 11 мм) (рис. 4, 1). В верхней ветви имеется выступающая петля с отверстием для подвешивания (диаметр 2 мм). Предмет выпилен из разветвляющейся части рога оленя. Лицевая сторона отполирована, оборотная – зашлифована. На ветвях лицевой стороны прорезаны буквы IC NI KA, на ветвях оборотной стороны – Φ Φ Π. Над буквами нанесены горизонтальные риски (над IC ри-

² См., например, накладку из слоновой кости, обнаруженную в ходе исследования базилики в 1938 г. (Тиханова, 1953, рис. 18, г).

ска двойная). Место пересечения вертикальной и горизонтальной ветвей креста украшено с обеих сторон косым крестом.

Надпись на лицевой стороне креста представляет собой монограмму $\text{Ι(ησοῦς) Χ(ριστός) Νικά}$ - «Иисус Христос победитель» (Дончева-Петкова, 2011, с. 268). Криптограмма на оборотной стороне изделия представляет собой известную христианскую формулу $\text{Φ(ῶ) Χ(ριστοῦ) Φ(αίνει) Π(άσιν)}$, которая переводится как «Свет Христа да воссияет навсегда» (Алексеев, Яшаева, 2003, с. 81) или «Свет Христов просвещает всех» (Дончева-Петкова, 2011, с. 268)³. Очевидно, на лицевой стороне обломанной ветви креста были вырезаны буквы ХС, на оборотной – Х. В современной православной церкви монограмма ИС ХС НИКА наносится штампом на просфоры, а формула «Свет Христов просвещает всех» звучит во время литургии преждеосвященных даров (Алексеев, Яшаева, 2003, с. 81). Авторство формулы $\text{Φ(ῶ) Χ(ριστοῦ) Φ(αίνει) Π(άσιν)}$ приписывают папе Григорию VI (1045-1047 гг.) (Дончева-Петкова, 2011, с. 268). В Крыму подобные надписи известны на мраморной колонне из Херсонеса (Юргевич, 1879, с. 10; Латышев, 1896, с. 20-21, №10), в росписи интерьера башни Сюйреньского укрепления (Латышев, 1896, с. 59-60, №50), на бронзовой иконке рубежа XI/XII – второй половины XIII вв. из горного Крыма (Алексеев, Яшаева, 2003, с. 81).

Круг аналогий кресту, найденному на Мангупской базилике, весьма узок. Ближайшие происходят с территории Турции и Болгарии. В ходе раскопок квартала Сарачханы в Стамбуле в слое современного происхождения был обнаружен стеатитовый крест с прямоугольными ветвями и отверстием для подвешивания. На лицевой стороне изделия имеются буквы ИС Х N К, надпись на оборотной стороне не читается (Gill, 1986, Р. 269, №629). По мнению Л. Дончевой-Петковой на оборотной стороне вырезаны буквы Φ Χ Φ Π (Дончева-Петкова, 2011, с. 263).

Сочетание монограммы ИС Х N К и криптограммы Φ Χ Φ Π известно также на двух стеатитовых крестах из Болгарии, которые датируются XIII – XIV вв. (Дончева-Петкова, 2011, с. 263; №№1330, 1331). Кроме того, подобная надпись имеется на кресте, изготовленном из кварца и украшенном позолоченными втулками, обнаруженном при раскопках патриархата в Велико Търново. Монограмма ИС ХС NI КА на этом предмете отличается тем, что буквы ХС перевернуты вверх ногами. Крест из Велико Търново датирован XIV в. (Дончева-Петкова, 2011, с. 268; №1343).

Описанный выше крест был найден в ходе археологических исследований Мангупской базилики в 1968 г. в заполнении гробницы №3, открытой в северном нефе базилики (рис. 3). Северной стеной гробницы является фундамент северной стены нартекса, западной – стена гробницы №1, южная и восточная сложены из известняковых плит (высота до 0,70 м, ширина 0,16 – 0,18 м),

³ Благодарю Н.А. Алексеев и М.А. Курышеву за консультацию по данному вопросу.

установленных на поверхность материковой скалы. Гробница ориентирована с востока на запад, размеры – 1,80 х 0,48 м. Погребения *in situ* не зафиксированы. Заполнение представляло собой грунт серого цвета, насыщенный мелким бутовым камнем, обломками человеческих костей (Веймарн, 1968, с. 18)⁴.

В разделе отчета, посвященном исследованиям базилики, автором которого была Н.И. Бармина, отмечено, что в заполнении гробницы №3 были обнаружены следующие археологические материалы (Веймарн, 1968, с. 18):

Табл. 1

№	Наименование	Количество
1	Обломков плоской кровельной черепицы	38
2	Обломков калиптеров	3
3	Простой гончарной посуды	29
4	Поливной посуды	4
5	Лепной посуды	1
6	Обломков круглого серебряного зеркала	2
7	Маленькое золотое колечко	1
8	Обломок перстенька	1
9	Пуговицы-подвески бронзовые	5
10	Костяной крест с обломанным нижним концом	1

Однако, среди материалов раскопок Мангупа в 1968 г., находящихся на хранении в фондах КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» удалось обнаружить лишь часть упомянутых в отчете предметов. Керамические изделия из заполнения гробницы №3 представлены двумя фрагментами керамид (одна с меткой в виде буквы Н), фрагментом стенки лепного сосуда и венчиком поливного тувака. Группа индивидуальных находок включает 4 однотипные бронзовые пуговицы, кольцо из золотой проволоки, фрагментированное серебряное зеркало и описанный выше крест из рога оленя.

Практически целая красноглиняная керамида (рис. 4, 2) изготовлена из плотного, хорошо промешанного теста с примесью известняка, шамота, покрыта светлым ангобом, имеет подпрямоугольный в сечении верхний (высота 0,43 м) и трапециевидный боковой бортики, хорошо выраженный коленчатый изгиб.

Фрагмент керамиды с меткой (рис. 4, 5) сформован из плотного теста кирпично-красного цвета, с примесью известняка, шамота, железистых частиц. Оба изделия относятся к группе кровельной черепицы, характерной для культурных горизонтов XIV – третьей четверти XV вв. Мангупского городища (Герцен и др.,

⁴ Более детальная информация о конструкции погребального сооружения, а также его полевые чертежи и фотографии в отчете Е.В. Веймарна отсутствуют.

2006, с. 380; Герцен, Науменко, 2009, с. 394). Технологически и морфологически близкие керамики известны также на других позднесредневековых центрах Юго-Западного Крыма (Романчук, 2004, с. 42-43 (группа 1); Завадская, 2008, с. 295-296 (группа 1)).

Лепной сосуд, фрагмент стенки которого найден в заполнении гробницы №3, изготовлен из рыхлого теста серого цвета с примесью известняка, шамота, частиц органического происхождения носит следы пребывания в огне. Размеры фрагмента не позволяют установить форму или тип сосуда, частью которого он являлся, и, соответственно, делают его датировку невозможной.

Фрагмент венчика красноглиняного тувака (рис. 4, 6) из засыпи гробницы №3 покрыт монокромной глазурью зеленого цвета. На территории Мангупского городища туваки характерны для слоев времени существования княжества Феодоро, т.е. второй половины XIV – третьей четверти XV вв. (Герцен, Науменко 2005, с. 261; рис. 6, 6, 7; Герцен, Науменко, 2009, с. 397). Наиболее ранние находки туваков на территории Крымского полуострова происходят из комплексов конца XIII – середины XIV вв. поселения Бокаташ (Крамаровский, Гукин, 2006, табл. 115, 4; Крамаровский, Гукин, 2007, с. 18; табл. 127, 1, 2). Фрагменты сосудов этого типа известны также в комплексах более позднего времени – в горизонте пожара 1475 г. крепости Фуна (Кирилко, 2005, рис. 56, 2), а также слое XVII в. Чембало (Адаксина, Мыщ, Ушаков, 2012, с. 124; рис. 54, 1). За пределами Таврики туваки достаточно широко распространены на памятниках золотоордынского круга (Масловский, 2006, с. 352; рис. 15, 11; 60, 8; Федоров-Давыдов, 2001, с. 164-167; табл. 90)⁵.

Однотипные бронзовые пуговицы (рис. 4, 3) из засыпи гробницы №3 имеют шаровидную форму (диаметр 0,80 – 1,08 см), снабжены петельками для крепления из проволоки. Аналогичные по форме пуговицы, сделанные из рога оленя, были обнаружены в слое конца XV – XVI вв. в ходе исследований базилики в 1938 г. (Тиханова, 1953, с. 345, 348; рис. 9, 2). Предметы из гробницы 3 соответствуют типу 1, виду 1 по классификации пуговиц Чембало, бытующему в течение довольно долгого хронологического периода (Столяренко, 2010, с. 293 – 294). Ареал распространения пуговиц этого типа также достаточно широк. Они известны среди материалов позднесредневекового храма на окраине с. Малый Маяк в Южном Крыму (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 266; рис. 12, 11), в погребении XIV в. некрополя базилики Малой Преспы (Everyday Life..., Р. 397, №491), в слое XI – XIII вв. квартала Сарачханы (Gill, 1986, Р. 264; №№546-550), слое конца XVII – начала XVIII вв. Белградской митрополии (Поповић, Бикић, 2004, с. 192; Сл. 114, 242).

Фрагментированное серебряное зеркало (рис. 4, 4) из гробницы №3 имеет округлую форму (диаметр 8,3 см), сечение плоское, расширяющееся к краю,

⁵ Следует отметить, что в монографии Г.А. Федорова-Давыдова этот тип сосудов обозначен как «сунаки».

на обратной стороне припаяна петля для подвешивания в форме полуовала. Г.А. Федоров-Давыдов относит круглые зеркала без орнамента к типу II отдела А, бытующему в течение всего золотоордынского периода (Федоров-Давыдов, 1966, с. 78). Близкие по форме зеркала с ручками из собраний музеев Саратовской области датированы XIV в. (Недашковский, Ракушин, 1998, с. 90-91; рис. 2, 2).

Кольцо (рис. 4, 7) изготовлено из рельефной проволоки желтого металла. Внешний диаметр изделия 1,2 см, внутренний – 1 см, толщина проволоки 0,2 см. Аналогий изделию не найдено.

Подводя итог анализу археологических материалов из засыпи гробницы №3, следует отметить, что практически все предметы имеют широкий хронологический диапазон бытования, что затрудняет датировку сооружения гробницы и формирования ее заполнения. Стратиграфическая ситуация в северном нефе базилики, где было открыто погребальное сооружение, окончательно не ясна. В отчете об археологических исследованиях в 1968 г. на участке зафиксировано 2 культурных горизонта. Верхний (первый), сформировавшийся после разрушения базилики, и нижний (второй) – слой плотного коричневого грунта, обозначенный как «слой, на поверхности которого строилась базилика и в который были впущены ее фундаменты» (Веймарн, 1968, с. 14-15). Там же отмечено, что контуры гробницы №3 были зафиксированы после снятия верхнего (первого) слоя (Веймарн, 1968, с. 15). Видимо, ко времени разрушения базилики в 1475 г. заполнение гробницы №3 уже сформировалось. Индикаторами для нижней хронологической границы функционирования погребального сооружения следует считать предметы золотоордынского круга – фрагментированное серебряное зеркало и венчик тувака. Таким образом, формирование заполнения гробницы №3 произошло в период между концом XIII – третьей четвертью XV вв. Принимая во внимание тот факт, что культурные горизонты XIII в. на Мангупе до сих пор не выявлены (Герцен, Науменко 2005, с. 261), а также паузу в жизни городища, продолжавшуюся с XI до середины XIV вв. (Герцен, 2003, с. 105), датировка засыпи гробницы №3 Мангупской базилики может быть сужена до середины XIV – третьей четверти XV вв. Погребения с инвентарем, датированным серединой XIV в., известны среди материалов новейших исследований памятника (Крамаровский, 2009, с. 463).

ЛИТЕРАТУРА

- Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.Б. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб. – Симферополь, 2012;
- Алексеев Н.А., Яшаева Т.Ю. Бронзовая иконка с сюжетом «Этимасии» из горного Крыма // Восток-Запад: Межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003;
- Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. 1995. Вып. 27;

- Бармина Н.А. Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) // АДСВ. 2005. Вып.36;
- Бармина Н.И. Этапы жизни Мангупской базилики // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа. XLII. СПб., 2008а;
- Бармина Н.И. Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // АДСВ. 2008b. Вып. 38;
- Бармина Н.И. Археологическое изучение Мангупской базилики в 1850-1930-е годы (источниково-ведческий аспект) // АДСВ. 2009. Вып. 39;
- Бармина Н.И., Пономарев Д.Ю. Антропологические особенности погребений некрополя Мангупской базилики // АДСВ. 2001. Вып. 32;
- Браун Ф.А. Рукописный отчет о раскопках на Мангупе // ОАК за 1890 г. СПб, 1891;
- Веймарн Е.В. Отчет о работах Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии АН УССР // Научный архив КРУ БИКЗ. 68/1.2.Е.В. Дело №2;
- Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34;
- Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч.2;
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV;
- Дончева-Петкова Л. Средневековни кръстове-енколпиони от България (IX-XIV в.). София, 2011;
- Завадская И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV;
- Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны 1423-1475 гг., Киев, 2005;
- Крамаровский М.Г. Мангупская находка: сельджукские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. XV;
- Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ (Результаты полевых исследований Золотоордынской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. СПб. 2006;
- Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 г. СПб. 2007;
- Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб, 1896;
- Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1918. Вып. 65;
- Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАИАНД. Вып. 21. Азов, 2006;
- Моисеев Л.А. Отчет о работах на Мангупе 1912–1914 гг. // ОАК за 1913-1915 гг. СПб., 1918;
- Недашковский Л., Ракушин А. Бронзовые зеркала второй половины X – XIV вв. из музеев Саратовской области // Татарская археология. №2 (3). Казань, 1998
- Поповић М., Бикић В. Комплекс средњовековне митрополије у Београду. Београд. 2004;
- Столяренко Е.Н. Пуговицы из захоронений «Консульской церкви» крепости Чембало (XIV – XV вв.) // Древности. 2010. Вып. 9;
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов. Киев, 2004;
- Тиханова М.А. Базилика // МИА М.-Л., 1953. №34;
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. – М. 1966;
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика, торговля, быт. М. 2001;
- Юревич В.Н. Примечания о двух новых херсонских надписях // ЗООИД XI. Одесса, 1879;
- Everyday Life in Byzantium. Athens – Thessaloniki – Mystras, 2002;
- Gill M.V. The Small Finds // Harrison R.M. Excavations at Sarahane in Istanbul. Vol.1. Princeton, 1986.

О.А. Душенко

ХРЕСТ З РОГУ ОЛЕНЯ З МОНОГРАМОЮ З РОЗКОПІВ ВЕЛИКОЇ МАНГУПСЬКОЇ БАЗИЛІКИ

Резюме

Велика базиліка Мангупу неодноразово привертала увагу дослідників. Незважаючи на те, що розкопи пам'ятки продовжуються з середини XIX ст., питання хронології базиліки залишається дискусійним. На думку Н.І. Барміной, комплекс побудовано не раніш кінця IX – початку X ст. та існує до кінця XV ст., періодично подаючись ремонтуванню. Дослідники, які дотримуються іншої точки зору, датують споруду базиліки VI ст. Для уточнення хронології пам'ятки необхідне його повне археологічне дослідження та публікація всього комплексу археологічних матеріалів.

В ході розкопів базиліки у 1968 р. в заповненні гробниці №3 було знайдено хрест з рогу оленя. На лицьовій стороні вирізана монограма $\text{I}(\eta\sigma\upsilon\varsigma)\text{X}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o})\varsigma\text{N}\acute{\iota}\kappa\acute{\alpha}$ - «Ісус Христос переможець», на зворотній – криптограма $\Phi(\acute{\omega})\text{X}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\upsilon)\Phi(\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota)\Pi(\acute{\alpha}\sigma\iota\nu)$, яка перекладається як «Світло Христа да засяє назавжди». Хрести з аналогічним сполученням монограм Ісуса Христа та криптограм ФХФП відомі в горизонтах XIII–XIV ст. на території Болгарії, Турції. Гробниця №3, де був виявлений хрест, розташована у західній частині північного нефу базиліки. Супутній археологічний матеріал дозволяє датувати формування заповнення гробниці №3 другою половиною XIV – третьою чвертю XV ст.

А.А. Душенко

КРЕСТ ИЗ РОГА ОЛЕНЯ С МОНОГРАММОЙ ИЗ РАСКОПОК БОЛЬШОЙ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Резюме

Большая базилика Мангупа неоднократно привлекала внимание исследователей. Несмотря на то, что раскопки памятника продолжаются с середины XIX в., вопрос хронологии базилики остается дискуссионным. По мнению Н.И. Барминой, комплекс построен не ранее конца IX – начала X вв. и существует до конца XV в., периодически подвергаясь ремонтам. Исследователи, придерживающиеся другой точки зрения, датируют постройку базилики VI в. Для уточнения хронологии памятника необходимы его полное археологическое исследование и публикация всего комплекса археологических материалов.

В ходе раскопок базилики в 1968 г. в заполнении гробницы №3 был найден крест из рога оленя. На лицевой стороне вырезана монограмма $\text{I}(\eta\sigma\upsilon\varsigma)\text{X}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o})\text{N}\acute{\iota}\kappa\acute{\alpha}$ - «Исус Христос победитель», на оборотной – криптограмма $\Phi(\acute{\omega})\text{X}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\upsilon)\Phi(\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota)\Pi(\acute{\alpha}\sigma\iota\nu)$, которая переводится как «Свет Христа да воссияет навсегда». Кресты с аналогичным сочетанием монограммы Иисуса Христа и криптограммы ФХФП известны в горизонтах

XIII-XIV вв. на территории Болгарии, Турции. Гробница №3, где был обнаружен крест, расположена в западной части северного нефа базилики. Сопутствующий археологический материал позволяет датировать формирование заполнения гробницы №3 второй половиной XIV – третьей четвертью XV вв.

A.A. Dushenko

A CROSS MADE OF AN ANTLER WITH A MONOGRAM FROM EXCAVATIONS OF THE BIG BASILICA OF MANGUP

Summary

The Big Basilica of Mangup repeatedly attracted the attention of researchers. Despite the fact that the excavations of the monument are being led since the middle of the 19th century, the question of its chronology is still under discussion. According to N.I. Barmina, the complex was built not earlier than the end of the 9th – beginning of the 10th century and existed until the end of the 15th century, being periodically repaired. Researchers, who have different point of view, date the construction of the basilica to the 6th century. Full archaeological research and publication of the whole complex of archaeological material could clarify the chronology of the monument.

During the excavation of the basilica in 1968, the cross, made of the antler, was found in the filling of the tomb №3. Its front side has a carved monogram Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστός) Νικά – “Jesus Christ the Victorious”, on the back side – a cryptogram Φ(ώ) Χ(ριστοῦ) Φ(αίνει) Π(άσιν), which is translated as “The Light of Christ so shine forever”. Crosses with the same combination of Christ’s monogram and the cryptogram Φ Χ Φ Π, are known from the layers of the 13th – 14th cc. in Bulgaria and Turkey. The tomb №3, where the cross was found, is located in the western part of the northern aisle of the basilica. The archeological material allows dating the filling of the tomb №3 to the second half of the 14th – the third quarter of the 15th century.

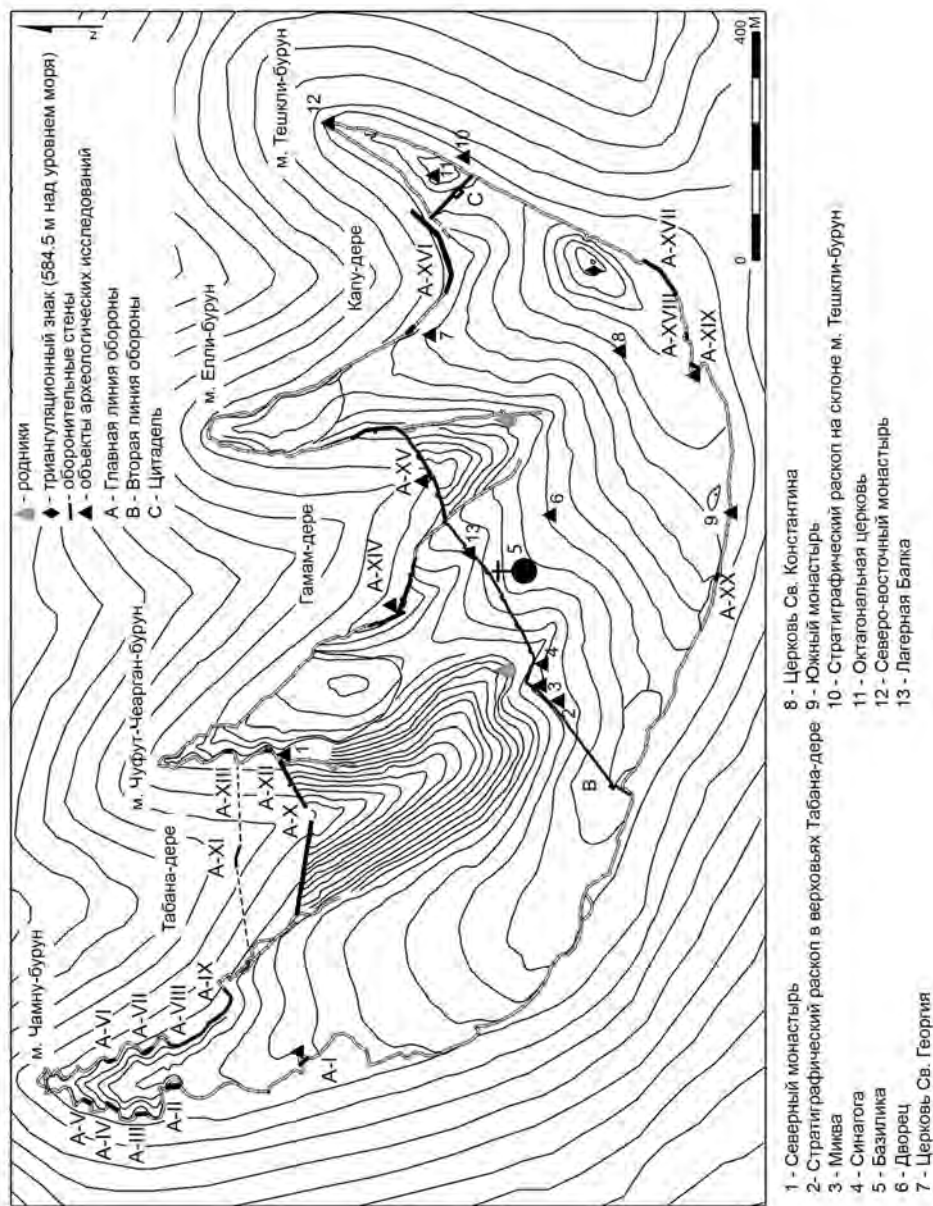

Рис. 1. Ситуационный план Мангульского городища с указанием основных объектов археологических исследований.

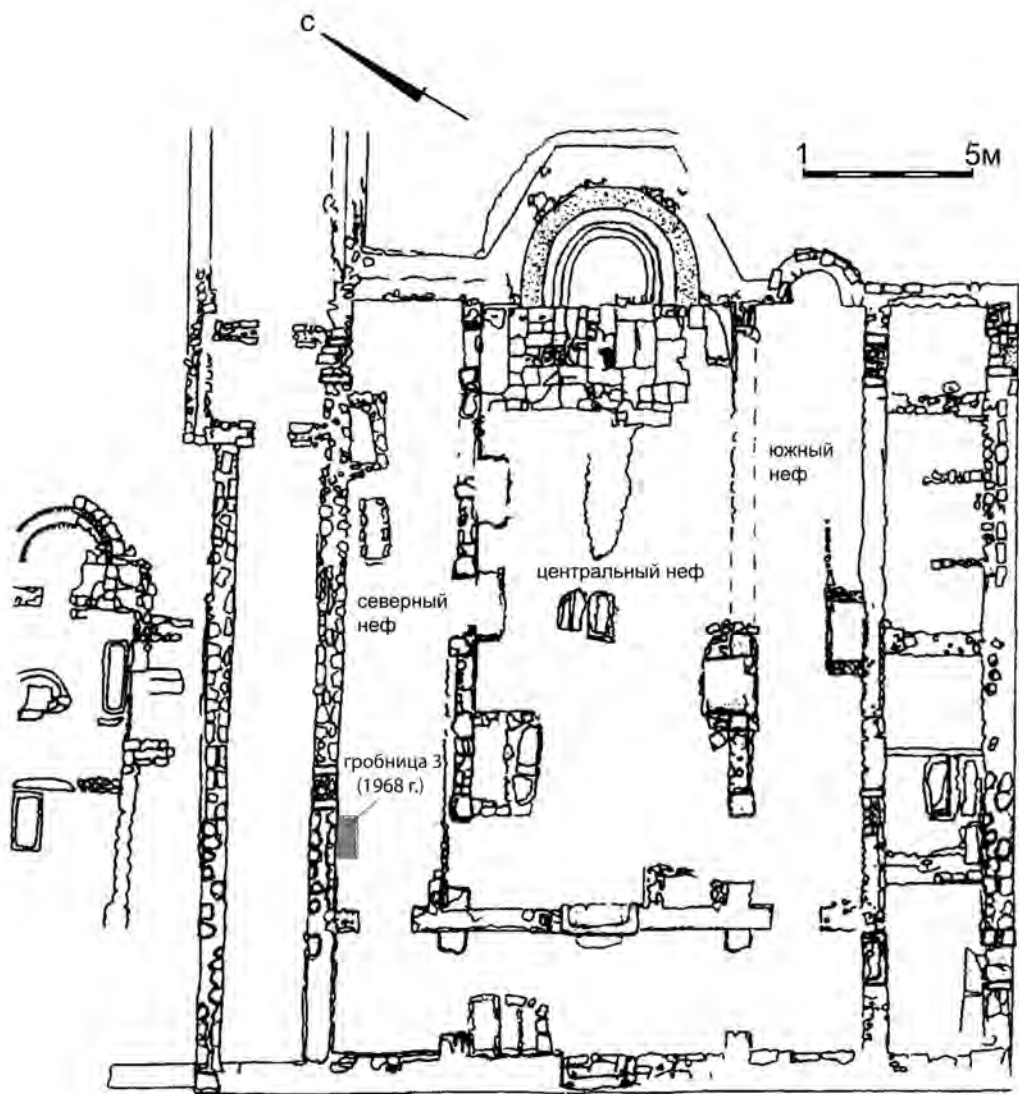

Рис. 2. План Мангупской базилики с указанием местоположения гробницы №3 (по Бармина, 2008b, рис. 1).

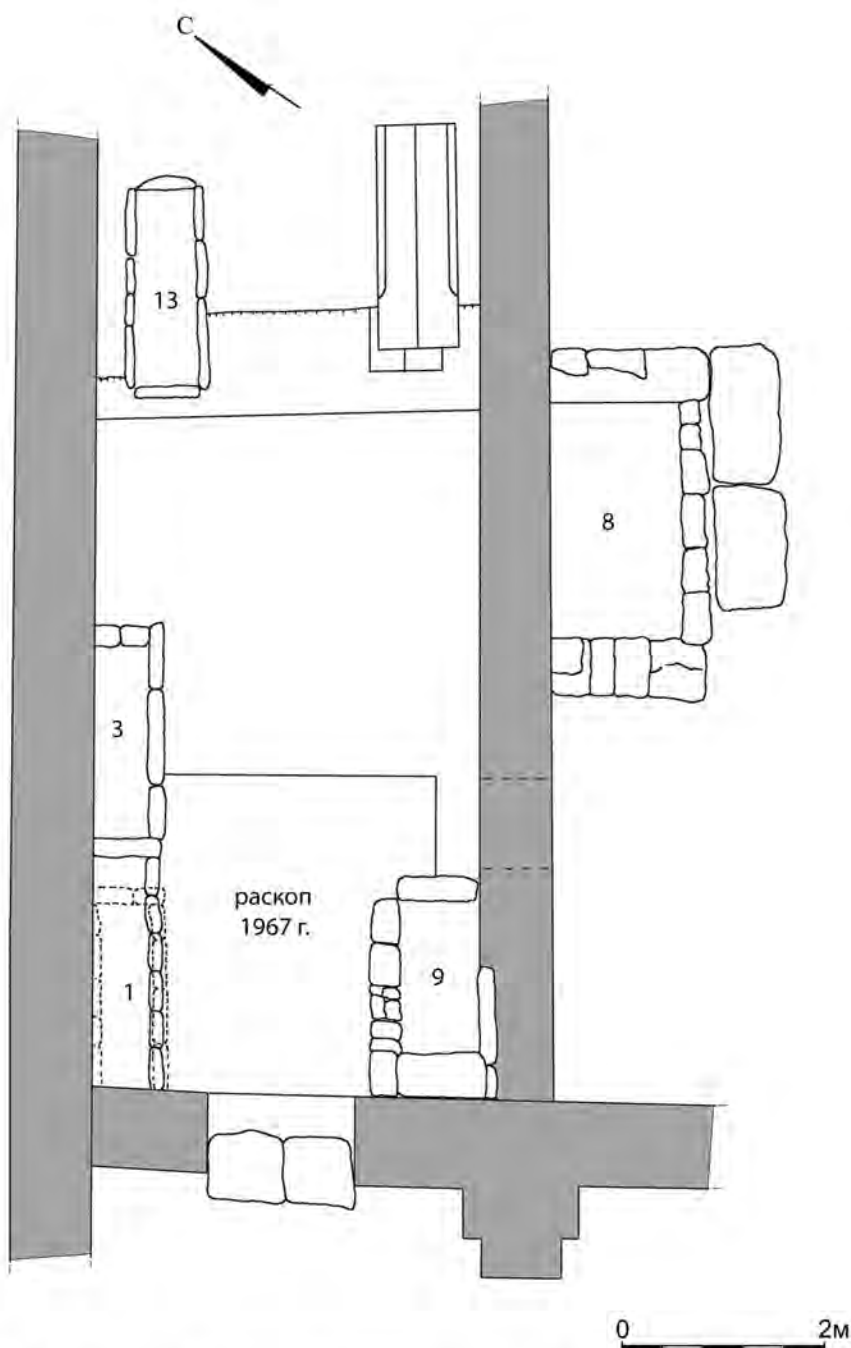

Рис. 3. План-схема западной части северного нефа Мангупской базилики (по Веймарн, 1968, табл. 21. Арабскими цифрами отмечены номера гробниц).

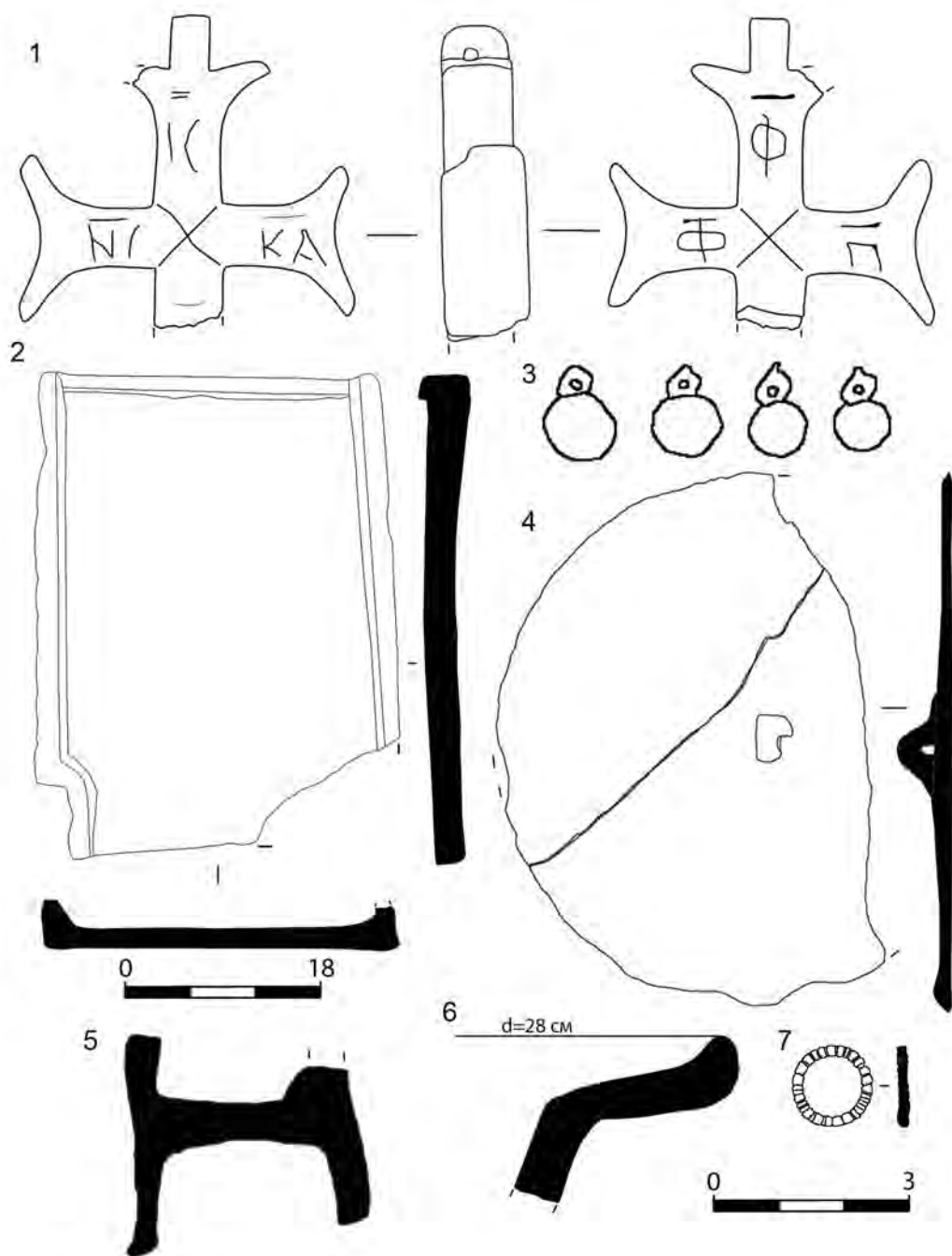

Рис. 4. Инвентарь из заполнения гробницы №3.

СЛУЖИЛАЯ ЗНАТЬ ТУРЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КРЫМУ В XVII–XIX веках: СЕМЕЙСТВО МАЧИНСКИХ

В фонде Таврического Губернского Дворянского Депутатского Собрания Государственного архива АР Крым обнаружено три дела, которые касаются происхождения, службы и борьбы за сословные привилегии семейства Мачинских.

Следует отметить, что Мачинские относятся к той категории крымской знати, которая именуется «агами» т.е. служилой военной знати, чьи дела наиболее широко представлены в архиве. Хотя иногда «агами» также именовали начальников некоторых групп придворных слуг. Особенностью же этого семейства было то, что оно имело турецкое происхождение.

Наиболее ранние материалы находятся в деле №389 «О предоставлении документов на доказательство дворянства Мустафы аги Мачинского. Художественное изображение родословного древа рода Дервиша Мегмет аги» и относятся к концу XVIII – началу XIX века [ГААРК, ф. 49, д. 389, 80 л.].

В прошении, поступившем в Таврическое Дворянское Депутатское Собрание (далее ТДДС) в августе 1811 года от армии поручика Мустафы аги сына Джемиля Мачинского о причислении его к сословию дворян Таврической губернии, изложена история его семьи.

Как следует из документа, предок просителя Дервиш-Мегмет ага был уроженцем города Амасьи, расположенного в северной Турции, и «в 1083 эгире, по христианскому 1674 [году], вступил на службу к покойному Хаджи Селим Гирей хану Крымскому, бывшему тогда с армиею в общей с турками войне противу поляков» [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.1.]. Действительно, крымский хан Селим-Гирей I в период первого своего правления 1671-1678 гг. принимал участие в турецкой кампании по взятию Каменца-Подольского весной-летом 1672 года [Андреев, 99-100]. 1083 год хиджры соответствует 1672/73 году, таким образом, Мустафа ага при передаче даты переезда своего предка в Крым ошибся примерно на год.

После взятия Каменца-Подольского и по окончании войны Дервиш-Мегмету аге поступило предложение переехать в Крым, где он и служил чиновником при хане Селим-Гирее I, «который царствовал 4 раза», и при преемниках – его родных детях, до своей смерти в 1104 г.х. (1693) [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.1].

Таким образом, начиная со времени переезда в Крым Дервиша-Мегмета аги, его род верой и правдой служил как крымским ханам, так и российской державе.

Сын Дервиша-Мегмета аги, Мустафа ага в 1110 г.х. = 1699 р.х. при хане Девлет-Гирее II (1699 – 1702 – первый период правления) поступил на службу и был пожалован чином первого «баш-булюк баши» и прослужил в этом чине до вступления на престол хана Каплан-Гирея. Очевидно, до 1707 года, так как хан Каплан-Гирей I трижды занимал ханский трон в 1707–1708, 1713–1715, 1730–1736 годах. Французский дипломат Шарль де Пейсонель, описывая в XVIII веке ханское войско, «булюк-башами» называет командиров отрядов ханской стражи (гвардии) - «сейменов», получающих жалование из Порты. Сеймены «... делятся на *байраки*, или отряды, в тридцать человек. Стража хана состоит из двадцати байраков в мирное время и из сорока в военное время. Эти отряды управляются булюк-баша, или капитанами, под начальством полковника стражи, которого называют *баш-булюкбаша*» [XVIII...2009, 220]. Следует отметить, что в документах, представленных в этом деле, термин «булюк-баша» имеет разное написание: «булюк баши», «буйлюк баши» [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.1, 1об.]. В свидетельстве ж о благородном происхождении Джемиля аги, отца Мустафы аги (просителя), указано, что «дед его Муса и отец Ильяс были в войске ханском булюк башами чина капитанского» [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.18].

Сын Мустафы аги – Муса ага, прадед просителя, поступил на службу также «буйлюк башею» при хане Девлет-Гирее II во время его вторичного восшествия на престол, то есть, очевидно, в 1708 году (вторично Девлет-Гирей II правил с 1708–1713 г.г.). Прослужил Муса ага в этой должности до своей смерти – до начала правления хана Менгли-Гирея [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.1.], очевидно, до 1724 года, начала первого правления Менгли-Гирея II, так как этот хан, так же, как и его предшественники, неоднократно занимал трон – в 1724–1730 и 1737–1740 гг.

Сын Мусы аги – Ильяс ага вступил на службу в 1149 г.х. = 1736 р.х. при хане Каплан-Гирее и пожалован чином «колджу буйлюк баши т.е. городовым начальником по военной и гражданской части». В правление Каплан-Гирея участвовал в сражении против россиян. Речь, очевидно, идет о военной кампании Х.А. Миниха в 1736 году, в результате которой были взяты Гезлев, Акмечеть, Кинбурун, сожжен Бахчисарай. Что касается значения слова «колджу», то колджи (колчи, колчу) значит «тот, кто держит за руку, надзиратель» [Шильтбергер, 1984, прим. 235].

В 1155 г. х. = 1742/43 г. по представлению хана Селим-Гирея II (1743-1748) за усердие, верность к службе и особые услуги пожалован от турецкого султана пенсией, сверх получаемого им жалования, каждый день по 40 акче «не только по смерть его, но и до тех пор, пока наше поколение кончится». После хана Селим-Гирея II Ильяс ага продолжал службу при крымских ханах непрерывно до 1184 г. х. = 1770/71 и награждался ханами и военным командованием чинами подобно чиновникам в российском войске, то есть предки просителя именовались

«аджи-бек-таши-аджи-аги именуемые, что значит происхождение чиновных воинов» [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.1об.].

Из истории семейства, изложенной в прошении, следует, что Ильяс ага имел троих сыновей: Джемиль агу, отца просителя, Асан агу, Абдиль (Абдул)-Фета (Фетла) агу.

Излагая заслуги отца, Мустафа ага отмечает, что Джемиль ага в 1185 г. х., что соответствует 1771 г., ханом Сагип-Гирем, очевидно, Сахиб-Гирем II (1771-1775) был послан ко двору Екатерины II в составе посольства мурз в качестве переводчика, что подтверждается имеющимися в деле документами [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.1об., 4-5, 13-13 об.]. Хотя в этих документах есть некоторые различия. Так, например, в оригинале свидетельства, за подписью 13 мурз о благородном происхождении «Джемиля сына Ильясова» говорится, что Джемиль Ильяс употребляем был ханом Шангиреем в нужные государственные должности, а в 1776 году послан к всероссийскому императорскому двору депутатом с прочими мурзами» [ГААРК, ф. 49, д. 389, 13-13 об.] В копии, выполненной 22 января 1798 года и заверенной в Симферопольском нижнем земском суде, вместо «Шангиреем» написано «Сагип-Гиреем», а последняя цифра в дате посольства исправлена на «2» т.е. 1772 г. [ГААРК, ф. 49, д. 389, 4-5]. Таким образом, скорее всего, речь идет о посольстве хана Сахиб-Гирея II в Санкт-Петербург 1771 года, в составе которого находился калга Шагин-Гирей.

Что касается второго сына Ильяс аги, то в прошении сообщается, что Асан ага с 1770 года два года служил при Аджи-Гирей Султане (видимо, один из принцев дома Гиреев; султанами называли ханских сыновей) казначеем в турецком владении в Румелии, при Бахты-Гирей Султане четыре года в разных должностях. Речь идет, скорее всего, о старшем сыне крымского хана Керим-Гирея, Бахты-Гирее, который в 1770 году был назначен нурэддином новым крымским ханом Каплан-Гиреем II, в 1770 году Бахты-Гирей был назначен калгой-султаном при новом крымском хане Максуд-Гирее. В 1789 году турецкое правительство назначило Бахты-Гирея крымским ханом в Буджаке (1789–1792). [Гайворонский].

За усердную службу, по представлению Бахты-Гирей Султана, от турецкого государства Асан аге была пожалована пенсия в день по 40 акче сверх получаемого им жалования. После он служил при хане Шагин-Гирее «киятин килерджи (то есть секретарь в конторе съестных припасов), имеет о службе своей от хана документы» [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.1об.]. В турецком языке *kauit* значит – «запись регистрация, отметка», *kilerci* (ист.) – «заведующий провизией, эконоом, ключник».

Третий сын Ильяс аги, упомянутый в прошении, Абдиль-Фетла (Фета) ага с 1779 года находился в турецком владении при Селим-Гирей Султане в должности казначея, и, как указывает Мустафа ага в своем прошении в июле 1811 года, «где и до ныне оную продолжает» [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.1об.].

Мустафа ага в прошении также описывает свои собственные заслуги перед российским государством, а именно, что с 1794 года по собственному желанию поступил на службу в Симферопольский нижний земской суд переводчиком с «татарского диалекта на русский» и от суда за добропорядочную службу неоднократно был представлен к награждению чином. Первого апреля 1801 года Мустафа ага был уволен из суда и отправлен в Санкт-Петербург вместе с начальником ногайских орд, коллежским советником Баязет беем, где 7 августа 1801 года по представлению генерал-прокурора А.А. Беклешева награжден чином коллежского регистратора. После возвращения из Санкт-Петербурга Мустафа ага принял вновь сформированный ногайский казачий полк в должности сотника, утвержден в этой должности указом от 30 апреля 1802. По представлению министра внутренних дел графа В.П. Кочубея 23 сентября 1807 года произведен в звание от армии поручика [ГААРК, ф. 49, д. 389, л. 2].

В 1810 году во время пребывания Мустафы аги вместе с коллежским советником Мегметчи мурзою Кипчатским в Санкт-Петербурге, они были представлены его императорскому величеству и награждены: Кипчатский – бриллиантовым перстнем, Мустафа ага – 300 рублями [ГААРК, ф. 49, д. 389, л. 2]. Вся вышеперечисленная информация, кроме награждения 300 рублями, подтверждается представленными ТДДС документами, ныне сохранившимися в деле.

Из семейного списка Мачинских, составленного в июне 1811 года, следует, что поручик Мустафа ага, 32 лет, вместе с женой Мерзией, 22 лет и сыновьями Азизом-Челеби и Селямий-Челеби в возрасте 1 года и своим братом, чиновником 14 класса Мегмет агою, 22 лет проживали в г. Бахчисарае. Семейство крестьян не имело, но владело недвижимым имением в Симферопольском уезде при разных деревнях, в том числе имело пахотную и сенокосную земли, фруктовые сады, лесные дачи; на момент составления семейного списка должностей не занимали [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.3, 3об., 11].

В числе документов, доказывающих благородное происхождение, братьями представлены оригинал и копия свидетельства о дворянском происхождении их предков за подписью 13 мурз Таврической области, выданного в январе 1798 года. В частности в свидетельстве подтверждено, что предки уроженца Таврической области города Бахчисарая Джемиля сына Ильясова – дед Муса и отец Ильяс служили в ханском войске «булюк башами» т.е. в чине капитана, а сам Джемиль «употребляем был ханом Шангиреем в государственных должностях и в 1776 году послан к российскому императорскому двору депутатом с прочими мурзами» [ГААРК, ф. 49, д. 389, л. 4-5, 13, 13 об.].

Что касается службы Мустафы аги, то, как видно из аттестата, выданного Ак-Мечетским нижним земским судом 1 апреля 1801 года – Мустафа Челеби Джемилев ага Мачинский служил в указанном суде «письмоводителем татарского диалекта» с 1794 года по апрель 1801 года. Он занимался переводом различных предписаний, рапортов и т.п. на татарский язык и с татарского языка,

которые направлялись из суда в волостные правления, так как в этих правлениях не было российских писарей, которые знали бы татарский язык. Многие годы Мустафа ага отлично справлялся с этими обязанностями [ГААРК, ф. 49, д. 389, л. л.6-6об.].

В августе 1801 года Мустафа Челеби Мачинский был отправлен в Санкт-Петербург, где получил чин коллежского регистратора. В это время он находился при «начальнике Ногайских орд коллежском советнике Баязет бее» [ГААРК, ф. 49, д. 389, л. л.7]. По возвращении принял командование вновь сформированным ногайским казачьим полком в должности сотника (указ от 30 апреля 1802 года). В 1802 году были сформированы два ногайских конных полка (по 5 сотен в каждом).

С 1802–1804 гг. служил полковым сотником 2 сотни 1 ногайского казачьего полка под командованием начальника ногайских орд и командира 2-х ногайских казачьих полков Баязет бея, о чем свидетельствует копия указа об отпуске Мустафы аги в «г. Симферополь и прочие крымские места... впредь до востребования.», выданная 25 июня 1803 года в Молочных водах и подписанная Баязет беем [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.л. 2, 8]. Указ подписан в Молочных водах, т.е. в долине р. Молочной, которая протекает по территории современной Запорожской области и впадает в Молочный лиман Азовского моря. Река и ее окрестности в XVIII и XIX веках нередко назывались также «Молочными водами». В XIX веке эта территория входила в состав Таврической губернии, а река Молочная разграничивала Бердянский и Мелитопольский уезды.

Следующий указ об отпуске полкового сотника 1 ногайского казачьего полка 2 сотни Мустафы аги Мачинского до востребования в г. Бахчисарай и другие места Таврической губернии за подписью начальника ногайских орд полковника Тревогина выдан 20 ноября 1804 года в ауле Единохта (ставке начальника ногайских орд) [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.л. 2, 8 об.] и свидетельствует о процессе расформирования ногайских казачьих полков. 18 ноября 1804 года вместо Баязет бея на должность начальника ногайских орд был назначен приставом полковник Тревогин, который 20 ноября начал изъятие оружия у ногайцев, продлившееся до мая 1805 [Грибовский], 13 мая 1805 года ногайские конные полки были упразднены [Галушко].

Служба Мустафы аги продолжалась, очевидно, до 1810 или начала 1811 года, где именно он служил, информации нет, но из документов видно, что в 1807 году был произведен в армии поручики, о чем свидетельствует копия указа о производстве сотника Мустафы аги Мачинского в армии поручики 23 сентября 1807 г. Указ выдан в Санкт-Петербурге 20 мая 1811 г., копия заверена 25 июля 1811 года в Бахчисарайской городской полиции [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.л.8 об., 9, 14-15]. Как видно из его прошения, в 1810 году он находился в Санкт-Петербурге, где был награжден за усердную службу 300 рублями [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.2]. Очевидно, что документы собирались именно для подачи в ТДДС, так как в

Собрание они поступили в августе 1811 года, а в июне 1811 года Мустафа ага, как следует из его семейного списка, на службе не состоял [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.л.2, 3, 11].

В 1820 году при подаче повторного прошения в ТДДС Мустафы аги Мачинского уже не было в живых. Но из дела №733 «О взятии под дворянскую опеку имения оставшегося после смерти губернского секретаря Мустафы аги Мачинского» видно, что в период с 1811 по 1820 годы он служил на должности губернского секретаря. В 1823 году была произведена опись имения, которое было передано в ведение Симферопольской дворянской опеки [ГААРК, ф. 49, д. 733, л.1-3].

В июле 1820 года брат Мустафы аги – помещик Симферопольского уезда чиновник 14 класса Мемет ага Мачинский подает еще одно прошение в ТДДС с предоставлением дополнительных документов [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.л.12-12об.].

В семейном списке помещика Симферопольского уезда Мемета аги Мачинского за 1820 год значится, что он холост, имеет недвижимое имение в г. Бахчисарае и других местах, проживает в г. Бахчисарае, имеет чин 14 класса в отставке. Также в семейном списке значатся два сына его родного умершего брата – Абдул-Азис, 10 лет, который находился у него на воспитании, и Селямий, 9 лет, находящийся на воспитании у своей матери [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.л.16-17].

Среди документов Мемет ага представил копию указа от 3 апреля 1808, которым по представлению Херсонского военного губернатора генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье за усердие при формировании в Крыму татарских полков «Мемет ага Джеминов Мамайский» среди прочих мурз произведен в чин 14 класса [ГААРК, ф. 49, д. 389, л.л.13а-13а об.]. В копии указа фамилия значится «Мамайский» вместо «Мачинский», очевидно, это ошибка переписчика.

15 июля 1838 года Мемет ага Мачинский обратился в ТДДС с прошением выдать ему выписку (выпись) о признании его дворянином на основании положительного решения Комиссии по разбору греческих и магометанских дел 17 декабря 1820 года [ГААРК, ф. 49, д. 1364, л.1].

ТДДС на заседании 16 июля 1838 года, рассмотрев прошение Мемет аги Мачинского, заключило, что действительно 17 декабря было принято решение о внесении его в родословную книгу, 25 декабря решение было представлено в Сенат по герольдии через Херсонского военного губернатора, но ответа из герольдии получено не было. ТДДС постановило выдать Мемет аге Мачинскому выписку, выписка для доставления просителю была получена 25 июля 1838 года неким коллежским регистратором Мачинским [ГААРК, ф. 49, д. 1364, л.2-2 об.].

До 1858 года никаких более данных о семействе в деле нет. В 1858 году в ТДДС поступило отношение командира лейб-гвардии крымско-татарского эскадрона полковника Муфтизаде от 31 января 1858 года за №59. При нем препровождалась переписка инспекторского департамента военных поселений от

31 декабря 1857 года о дворянстве рода Мачинских для определения прав в военной службе некого Мачинского при его поступлении на службу в лейб-гвардии крымско-татарский эскадрон [ГААРК, ф. 49, д.389, л. 19-23 об.].

После рассмотрения этого вопроса 27 июня 1858 года ТДДС сообщило Муфтизаде об обстоятельствах рассмотрения дела о дворянстве рода Мачинских. В частности о том, что бывшая при Собрании комиссия по разбору магометанских и греческих родов, рассмотрев доказательства, представленные Мачинскими, 17 декабря 1820 года заключила, что «...хотя все упомянутые лица, служившие во время ханского владения Крымом, действительно по заслугам их благородны, поскольку они составляли особый класс людей от беев и мурз настоящих здешних, то не признавая их в дворянском звании, представить документы вместе с протоколом на усмотрение высшей власти». 25 декабря 1820 года дело Мачинских было представлено через Херсонского военного губернатора на рассмотрение Правительствующего Сената по герольдии. После выхода 27 марта 1840 года мнения Государственного Совета дело о дворянстве Мачинских в числе прочих дел было возвращено для дополнения документами, но от Мачинских дополнительных документов представлено не было [ГААРК, ф. 49, д.389, л.19-23 об., 24].

Эти документы свидетельствуют о том, что потомок Мачинских определялся на службу в крымско-татарский эскадрон. Определение на военную службу было невозможным без дворянского звания или статуса «из доказывающих дворянство». Остается открытым вопрос, когда и в связи с чем у Мустафы аги, сына Джемилаева появилась фамилия Мачинский? Ведь до Мустафы, как видно из документов, фамилия нигде не упоминается. Никакого упоминания о фамилии Мачинских нет и в поколенной росписи родословной предка Мачинских – Дервиш-Мегмет аги, доведенной до Мустафы и Мемета, выполненной в 1820 году и представленной при втором прошении [ГААРК, ф. 49, д.389, л.19-23 об.].

Кроме того, как следует из родословной рода Дервиш-Мегмет аги, Мустафа ага, излагая историю своего рода и семейства в прошении, упустил некоторые детали. Например, что Дервиш Мегмет ага, кроме Мустафы аги имел еще 2-х сыновей – Темир Казы агу Байрахтар и Абдыш агу. К тому же Ильяс ага, дед просителя, как следует из родословной, имел еще одного сына, Ибрагим агу, не упомянутого в прошении, который в свою очередь имел сыновей: Хайредина и Сейфедина. Сын же Ильяс аги Асан ага имел троих сыновей: Мустафу-Челеби, Дервиша-Мегмета и Ильяс ага [ГААРК, ф. 49, д.389, л.18].

Изучение истории семейств иных ветвей рода Дервиш-Мегмета аги дало бы возможность пролить свет на место и роль служилой знати турецкого происхождения в социальной структуре Крыма в XVII-XIX веках.

ЛИТЕРАТУРА

- Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК), ф. 49. Таврическое Губернское Дворянское Депутатское Собрание, оп. 1, д. 389. 80 л. О предоставлении документов на доказательство дворянства Мустафы аги Мачинского. Художественное изображение родословного древа рода Дервиша Мегмет аги.
- ГААРК, ф. 49. Таврическое Губернское Дворянское Депутатское Собрание, оп. 1, д. 733. 5 л. О взятии под дворянскую опеку имени оставшегося после смерти губернского секретаря Мустафы аги Мачинского.
- ГААРК, ф. 49. Таврическое Губернское Дворянское Депутатское Собрание, оп. 1, д. 1364. 4 л. О выдаче чиновнику 14 класса Мамету аге Мачинскому копии свидетельства о дворянстве
- Андреев А.Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. Режим доступа: <http://www.voroncov.net/krym/?act=1>
- Гайворонский А.* Созвездие Гераев. – Симферополь: Доля, 200. Режим доступа: http://www.hansaray.org.ua/r_geray_imena.html
- Галушко Ю.* Ногайские полки // Казачьи войска России. М. 1993. ИАА «Русский мир». Режим доступа: <http://www.imha.ru/2012/06/19/nogayskie-polki.html#.UO4LbUcdjTo>
- Грибовский В.В.* Ногайське козацьке військо: передумови і процес формування. Режим доступа: http://www.cossackdom.com/articles/g/gribovskyi_nogayitsi.htm
- Фрагменти праці французького дипломата Шарля де Пейссонеля “Записка про Малу Татарію” із свідченнями про вищих урядовців Кримського ханату // Історія державної служби в Україні в пяти томах. Том 4. Документи і матеріали 1775–1913. К.: Ніка-Центр, 2009. – 872 с.
- Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке.– Баку: Элм, 1984. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger/primtext2.phtml>

О.С. Мавріна

СЛУЖИЛА ЗНАТЬ ТУРЕЦЬКОГО ПОХОДЖЕННЯ В КРИМУ
В XVII–XIX СТОЛІТТЯХ: СІМЕЙСТВО МАЧІНСЬКИХ

Резюме

В статті досліджуються документи фонду Таврійського Дворянського Депутатського Зібрання Державного архіву Автономної Республіки Крим, що стосуються процесу отримання „агами” тобто колишньою служилою військовою знаттю Кримського ханства дворянських привілеїв. Виявлено, що у формуванні служилої військової знаті Кримського ханства певну роль відіграли турецькі „аги”, котрі інкорпоровались в соціальну структуру кримськотатарської держави, а пізніше і Російської імперії.

О.С. Маврина

СЛУЖИЛАЯ ЗНАТЬ ТУРЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КРЫМУ
В XVII–XIX ВЕКАХ: СЕМЕЙСТВО МАЧИНСКИХ

Резюме

В статье исследуются документы фонда Таврического Дворянского Депутатского Собрания Государственного архива Автономной Республики Крым, касающиеся процесса получения «агами» т.е. бывшей служилой военной знатью Крымского ханства дворянских привилегий. Выяснено, что в формировании военной служилой военной знати Крымского ханства определенную роль сыграли турецкие «аги», которые инкорпорировались в социальную структуру крымскотатарского государства, а в последствии и Российской империи.

O.S. Mavrina

SERVING ARISTOCRACY OF TURKISH ORIGIN IN THE CRIMEA
IN THE 17th – 19th centuries: THE MANCHINSKYS

Summary

Fund documents of Taurida Noble Deputies Assembly of the State Archive of the Autonomous Republic of the Crimea about the receipt of the privileges of the nobility by the former serving aristocracy of the Crimean Khanate are examined in the article. It was found that Turkish “agas”, who incorporated into

the social structure of the Crimean Tartar state, and later into the Russian Empire, played a certain role in the formation of the serving military aristocracy of the Crimean Khanate.

ПУБЛИКАЦИИ

И. Н. ШЕЙКО

РЕДКИЕ ТИПЫ СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ ОЛЬВИИ

Светильники, или менее принятый термин в русскоязычной археологической науке термин – “лампочки”, составляют значительное количество находок, найденных при раскопках античных городов и поселений, а также их некрополей. Ольвия в этом плане не является исключением. Однако, как верно отметил Д. В. Журавлев – изучение массового керамического материала никогда не было основным заданием отечественной научной школы [Журавлев, 2011, с. 237]. Этим она в значительной степени отличается от западных исследований, в которых детальные разработки отдельных составляющих материальной культуры античных городов Средиземноморья традиционно занимают значительное место. Исследования, которые включали публикацию и предметное изучение ольвийских светильников доримского времени, до сих пор составляют всего одну монографию [Вальдгауер, 1914]. Впоследствии – это лишь упоминания о светильниках из раскопок Ольвии, при публикации отдельных комплексов [Книпович, 1940, с. 141-146; Козуб, 1974, с. 106-107, 143; Парович-Пешикан, 1974, с. 111-117; Крыжицкий, 1975, с. 184; Скуднова, 1988, кат. 264; Hojте, 2010, р. 423-437]. Таким образом, ольвийская коллекция светильников еще до их пор остается неизвестной для широкого круга исследователей.

В данной публикации вводятся в научный оборот 11 светильников и их фрагментов с датировкой от V в. до н. э. вплоть до позднеэллинистического времени, возможно, и I в. н. э., найденных на территории Ольвии в разные годы¹.

Из имеющихся в наличии редких форм светильников, найденных на территории Ольвии, прежде всего следует отметить два так называемых **светильника-аска**. Их форма по основному морфологическому признаку – внутренней трубке – повторяет популярную форму кольцевого аска, специального керамического изделия для масла, широко распространенного в VI – первой половине V вв. до н.э. Только, в отличие от асков, вместо горла с широким венчиком, куда заливалось масло,

¹ Благодарю Н. А. Сон и Т. Н. Шевченко (Научные фонды Института археологии НАНУ), Л.И. Иванченко (Музей археологии ИА НАНУ) и Т. Н. Шевченко (Научные фонды НИАЗ «Ольвия») за содействие в обработке материалов. Светильники происходят из раскопок Ольвии и некрополя под руководством Л. М. Славина, а также Н. А. Лейпунской, В. В. Крапивинной, А.В. Буйских, В.И. Назарчука, А. В. Ивченко.

светильники имеют стандартный рожок. Кроме того, у них, скорее всего, отсутствовала характерная для асков перекидная ручка. Первый фрагмент (Кат. № 1; рис. 1, 1) без покрытия, но с залощенной поверхностью является, с нашей точки зрения, местной имитацией привозного типа. На это также может указывать примесь известняка в тесте глины. Второй фрагмент (Кат. № 2; рис. 1, 2) имеет меньший диаметр; поверхность покрыта черно-коричневым густым лаком. Кроме того, во вместилище светильник имеет незначительный керамический брак. Этот светильник, скорее всего, принадлежит к категории импортов. Это отдельный тип светильников (*Askoslampe*), действительно редкий даже в пределах средиземноморского ареала (тип 26B по Howland). Три таких светильника были найдены в Афинах, где они датируются второй половиной IV в. до н.э. [Howland, 1958, p. 84-85, Type 26 B, Cat. Nr.372-374]. Близкая аналогия по форме и темному лаковому покрытию происходит из раскопок Селинунта [Hermanns, 2004, SL 20393, Taf. 6]. В одном из каталогов античной керамики из Керameйкоса есть также тип светильников-асков – они все чернолаковые, но датируются в рамках 350-300 гг. до н. э. и имеют, в отличие от ольвийских, профилированное дно-подставку [Scheibler, 1976, № 229-232]. Еще один светильник-аск на плоской подошве и с утраченной ручкой происходит из раскопок Трои [Barr, 1996, fig. 17-18, cat. Nr 64]. Однако там этот светильник обнаружен вне соответствующего контекста, что затрудняет его датировку. Представляется, что оба ольвийских светильника можно продатировать в пределах V в. до н. э., скорее всего, не позднее его первой половины, т.к. прототип их формы – кольцеобразные аски позднее уже не встречаются.

На территории Ольвии также были найдены целые и фрагментированные светильники с цилиндрическими втулками, но со сквозными отверстиями в ней – **светильники с втулкой-рожек** (*Leucterlampe* или *Zentraltüllenlampe* по Лешке). В доказательство того, что втулка одновременно являлась и рожком, может свидетельствовать большой слой копоти по краям и в особенности близ сквозных отверстий. В Ольвии данные светильники представлены разной глиной: коричнево-рыжей с серолощенной поверхностью (Кат. № 3; рис. 2, 1), светло-коричневой (Кат. № 6; рис. 3, 1), и оранжевой (Кат. № 7; рис. 3, 2). Визуальные характеристики сосудов и их глины – отсутствие лакового покрытия, примесь фрагментов известняка и даже частичек кварца и песка дают возможность предполагать их местное производство. Д.В. Журавлев и Н.П. Турова в работе, посвященной публикации светильников из Ялтинского историко-литературного музея, опубликовали подобный светильник, называя его “светильник-свечник” [Журавлев, Турова, 2012, с. 379-380]. Датировка выходит далеко за рамки существования светильников раннего времени, поскольку, авторы подразумевают обиход таких изделий в III – IV вв. н. э., опираясь на находки “свечников” в Херсонесе. Кроме того, С. Б. Сорочан также обратил внимание на “светильники-свечники” в ранневизантийском Херсонесе [Сорочан, 1999, с. 101-114].

Однако, морфология “свечников” из Ольвии все же несколько отличается

от изделия из Ялты, а именно: форма втулки четко цилиндрическая, в отличие от представленной в каталоге Д. В. Журавлева и Н. П. Туровой, с расширением вверх и без намека на ручку; ольвийские фрагменты более толстостенные; поддон отсутствует, дно плоское либо закругленное; в тесте присутствуют различные примеси. Такие особенности, а также открытая форма ольвийских светильников дают возможность предположить их более раннее производство. К тому же, светильник под № 7 нашего каталога был найден в закрытом комплексе, засыпь которого датируется не позднее V в. до н.э. [Крапивина, Буйских, Кузьмищев, 2011, с. 54]. Помимо втулки, светильник имеет типичную форму миниатюрной одноручной чашечки, характерной для местного керамического производства того же времени.

Однако представляется, что не все светильники с втулкой-рожек из Ольвии могут датироваться столь ранним временем. Скорее всего, это тот рубеж, который дает нижнюю (или близкую нижней) дату их производства и существования. По материалам нижнедунайских памятников известно, что светильники такой формы доживали до II в. н. э., причем везде относясь к местному керамическому производству. В частности, по материалам Виндониисы известно, что такие светильники находились в широком употреблении во второй половине I – II вв., повторяя раннюю «греческую» форму [Loeschke, 1919, S. 498, Typus XIV, Kat. Nr 1049]. Скорее всего, поэтому, пока не будут найдены целые формы, можно говорить о широкой датировке остальных ольвийских светильников, а их существование датировать широко, включая позднеэллинистическое время и вплоть до I-II вв. н. э.

К раннему времени следует отнести также два фрагмента светильников, представленных в нашем каталоге под № 4 (рис. 2, 2) и № 5 (рис. 2, 3). Первый фрагмент сероглиняный, без визуальных примесей, имеет цилиндрическую по форме втулку, с незначительным расширением вверх, за счет двух вертикальных разрезов, сделанных по сырой глине. Открытая форма светильника, серый обжиг и наличие цилиндрической втулки со сквозным отверстием на дне², дают возможность предполагать его раннее производство. К тому же, ранние сероглиняные открытые светильники не имеют пока аналогий среди коллекций этих изделий в других городах Северного Причерноморья. Первым, кто обратил внимание на то, что они характерны только для Ольвии и поселений ее сельской округи, была В. В. Крапивина [Крапивина, 2007, с. 105, рис. 8 (14, 15); см. также: Krapivina, Lejpuskaja, 2009, fig. 4]. Также в 2011 г. на Березанском поселении был обнаружен керамический производственный комплекс VI в. до н.э., который включал и две печи для обжига керамических изделий. В заполнении одной из печей были обнаружены 11 сероглиняных однорожковых светильников

² Ранние светильники из разных центров античного мира имеют характерную открытую форму и цилиндрическую втулку и датируются VI в. до н.э.

[Крутилов, Смирнов, Бондаренко, 2012, с. 233-237], что подтверждает давнее мнение о местном производстве данной категории изделий.

Второй фрагмент (Кат. № 5, рис. 2, 3) также открытый, с высоким выступом в центре дна. Значительное и неровное по форме углубление на дне изделия, под выступом, указывает на то, что это должна была быть втулка со сквозным отверстием. Видимо, в ходе изготовления мастер просто зажал пальцами верх втулки, в результате чего получился неровный выступ. Грубая поверхность и примеси в тесте глины (известняк и песок) также свидетельствуют о местном производстве.

Особый интерес представляет светильник пирамидальной в разрезе формы (Кат. № 8; рис. 4, 1). Изделие довольно высокое, но рожек находится почти у основания; также не ясным остается предназначение (возможно, дополнительных) отверстий, расположенных над рожком. Различные включения и массивность изделия указывают на местное ольвийское производство. Датировать такое изделие непросто, поскольку аналогий нами пока найдено не было; так же, как и судить о том, к какому типу отнести этот светильник: открытого или же закрытого, поскольку верх отсутствует. Нельзя исключать, что это – местная интерпретация известной по средиземноморским памятникам формы многорожкового светильника – в виде высокой, конической формы подставки, по окружности которой в несколько рядов располагались рожки. Именно такой светильник происходит из святилища Деметры Malophoros в Селинунте [Hermanns, 2004, Abb. 9, NI 6398]. Еще одна реплика такой же формы, но эллинистического времени происходит из раскопок Саламина на Кипре [Oziol, 1977, cat. Nr 155, pl. 9]. Если такое предположение в дальнейшем подтвердится, то тогда ольвийский светильник также следует относить к типу многорожковых и датировать догетским временем.

В нашем каталоге также имеется светильник на высокой ножке-подставке (Ständerlampe) (Кат. № 9; рис. 4, 2), который имеет аналогии в коллекциях светильников из других центров античного мира. Предположение о том, что наш экземпляр представляет собой ольвийское производство подтверждается иным покрытием, грубой поверхностью и примесью известняка в тесте глины. В известных нам аналогиях подобные светильники покрыты черным густым лаком. Ольвийский светильник покрыт красной краской плохой сохранности. Прямой аналогией данному светильнику является светильник из Селинунта [Hermanns, 2004, T. 15, NI 6614], Истмии [Broneer, 1977, cat. Nr 137] и Керамейкоса, где он датируется II в. до н.э. [Scheibler, 1976, taf. 93, № 358]; представлены также различные экземпляры подобных, но двухрожковых светильников [Knigge, 2005, Abb. 53, kat. Nr 175]; с несколькими выступами на ножке [Bouzek, 1990, p. 138], либо без них [Zimmer, Furtwängler, 2003, T. 2, i.21]; с вертикальной ручкой [Bouzek, 1990, p. 138]. Подобные светильники датируются исследователями довольно широко, однако в пределах эллинистического времени: III – I вв. до н. э.

Следующий фрагмент светильника имеет слегка загнутые в середину края-плечики и типологически относится к категории светильников-чаш (Schalenlampen) (Кат. № 10; рис. 5, 1). Края были вдавлены по сырому тесту, отчего форма такого светильника слегка напоминает устье иного сосуда с загнутыми краями – ойнохои. Глина серого цвета также указывает на ольвийское производство. Светильники с загнутыми краями часто имеют также разную датировку – VII – IV вв. до н.э., III – II вв. до н.э. [Menzel, 1954, Abb. 1; Oziol, 1977, Fig. 2; Zeischka, 1997, p. 16], либо вообще серединой бронзового века – 2200 – 1550 гг. до н.э. [Rosenthal, Sivan, 1978, p. 76]. Считается, что светильники-чаши ведут свое происхождение от финикийских ламп-чаш, находки которых широко представлены в Средиземноморье в позднеархаическое – классическое время [Oziol, 1977, pl. 1-3; Hübinger, 1995, Kat. Nr 1-9]. Следует при этом учесть, что ольвийский экземпляр отличается от подобных светильников прежде всего низкой формой и лишь слегка загнутыми краями. А комплекс, в котором он был найден, датируется в пределах V в. до н.э.³ Несмотря на то, что в Ольвии до сих пор не найдены финикийские светильники, возможно, они могли быть известны местному гончару.

Последний представленный в данной статье светильник (Кат. № 11; рис. 5, 2) также не имеет пока аналогий в других городах Северного Причерноморья и Средиземноморья. Хотя изделие изготовлено крайне аккуратно, плечики немного разной высоты. К тому же, полузакрытая форма светильника указывает на III – I вв. до н.э. Лощение поверхности под цвет металла и серая глина с примесью слюды дают возможность в предположительной форме говорить о местном производстве, хотя полностью нельзя исключать и его импорт, в частности, из Эфеса.

Каталог

1. *Фрагмент светильника-аска* (рис. 1, 1). Сохранились часть рожка и 2/3 вместилища. Часть сохранившегося рожка имеет овальную форму; по краям следы копоти. На рожке прослеживаются следы красного лака, плохой сохранности. Вместилище полностью закрыто, с внутренней трубкой-перегородкой по центру. Близ рожка находится маленькое отверстие округлой формы со сглаженными краями (возможно, служило для наливания масла). Поверхность светильника залощена. Глина оранжево-розовая, с примесью частичек известняка и мелкими фрагментами слюды.

Размеры: d – 8,5 см, d отверстия – 2,0 см, h – 2,5 см.

Происхождение: Ольвия. О-49. НИАЗ «Ольвия».

2. *Фрагмент светильника-аска* (рис. 1, 2). Сохранилась половина вместилища. Вместилище полностью закрыто, с внутренней трубкой-перегородкой по центру. Внешне поверхность светильника покрыта черно-коричневым лаком.

³ Раскопки на участке Р-25 в 2012 г., благодарю А. В. Буйских за предоставленную информацию об условиях находки.

Внутри вместилища имеется небольшой керамический брак. Глина светло-оранжевая, с мелкими включениями известняка.

Размеры: d – 7,0 см, d отверстия – 2,0 см, h – 2,2 см.

Происхождение: Ольвия. О-87/ЮЗА/105. АМ НАНУ.

3. *Фрагмент открытого светильника с цилиндрической втулкой* (рис. 2, 1). Сохранились две трети вместилища с частью втулки. По краям втулки прослеживается незначительная канелюра. В стенке втулки имеется круглое сквозное отверстие. Края втулки и сквозного отверстия покрыты копотью. Светильник толстостенный. Дно изделия в центре втулки более тонкое и вогнутое. Поверхность светильника серолощенная. Глина коричнево-рыжего цвета, с включениями известняка и песка.

Размеры: d втулки – 2,8 см, d отверстия втулки – 1,8 см, h – 2,5 см.

Происхождение: Ольвия. О-56/482. НИАЗ «Ольвия».

4. *Фрагмент открытого светильника с цилиндрической втулкой* (рис. 2, 2). Сохранились две трети вместилища с втулкой. Втулка имеет сквозное отверстие; края несколько наклонены за счет двух вертикальных разрезов, расположенных напротив друг друга и сделанных по сырой глине. Светильник имеет плоский поддон. По поверхности лощение серого цвета. Глина светло-серого цвета.

Размеры: d – 9,5 см, d втулки – 3,0/2,5 см, d поддона – 4,5 см, h – 3,5 см.

Происхождение: Ольвия. О-57/1938. НИАЗ «Ольвия».

5. *Фрагмент открытого светильника с выступом в центре вместилища* (рис. 2, 3). Сохранилось две трети светильника с выступом в центре. Выступ сделан по сырой глине; сохранился отпечаток большого пальца руки гончара на одной из сторон выступа. На дне изделия незаконченное отверстие. Поверхность светильника грубая, незаглаженная. Глина светло-коричневого цвета со значительными включениями известняка и песка.

Размеры: d – 9,0 см, d отверстия на дне – 1,8 см, h – 3,5 см.

Происхождение: Ольвия. О-70/2471. НИАЗ «Ольвия».

6. *Фрагмент открытого светильника с цилиндрической втулкой-рожек* (рис. 3, 1). Сохранились две трети вместилища с втулкой-рожком в центре. Втулка-рожек имеет два сквозных отверстия друг напротив друга, сделанных по сырой глине. Края втулки со следами копоти. Светильник толстостенный. Глина светло-коричневого цвета, с различными включениями: известняк, кварцит, слюда, песок.

Размеры: d – 9,0 см, d втулки – 2,0 см, h – 4,7 см.

Происхождение: Ольвия, некрополь. О-2008/Некр/360. НИАЗ «Ольвия».

7. *Светильник открытый с цилиндрической втулкой-рожек* (рис. 3, 2). Плечики не выражены, следы копоти почти по всей окружности, кроме места расположения ручки. Ручка треугольной формы, несколько приподнята вверх. Втулка-рожек в центре вместилища имеет форму цилиндра; полностью покрыта копотью. Втулка имеет два сквозных отверстия друг напротив друга, сделанных по сырой глине. Глина оранжевая, с примесью известняка.

Размеры: d – 8,5 см, h – 2,5 см, d втулки – 3,0 см, h втулки – 2,7 см, h ручки – 3 см.

Происхождение: Ольвия. О-2011/Р-25/1751. НИАЗ «Ольвия».

8. *Фрагмент светильника-«чайника»* (рис. 4, 1). Сохранилась половина светильника с рожком. Рожок со следами копоти. Над рожком в стенке размещены два отверстия, сделанных по сырой глине; отверстия сделаны путем вдавливания в середину, сохранились остатки глины по краям. В центре вместилища незначительный выступ. Поверхность изделия грубая. Полностью покрыт красным лакообразным покрытием. Светильник толстостенный. Глина оранжево-розовая, с включениями известняка, кварцита и слюды.

Размеры: d – 5,0 см, h – 5,7 см, h рожка – 2,8 см.

Происхождение: Ольвия. О-79/ЮЗА/228. НИАЗ «Ольвия».

9. *Фрагмент однорожкового светильника на высокой ножке* (рис. 4, 2). Светильник имеет дно; ножка внутри монолитная. С боку тулова изделия находится небольшой выступ с основой для сквозного отверстия. На ножке также присутствует острый профиль по всей окружности. Светильник покрыт красной краской плохой сохранности. Поверхность изделия грубая. Глина бежево-светло-коричневого цвета, с включениями известняка.

Размеры: d – 4,5 см, d – 2,0 см, d ножки – 1,8 см, h – 7,0 см.

Происхождение: Ольвия. О-62/1700. ИА НАНУ.

10. *Фрагмент открытого светильника* (рис. 5, 1). Сохранилась половина светильника, собран из двух частей. Плечики плавно завернуты в середину по сырой глине. Изделие очень обгорело; поверхность грубая. Глина серого цвета, с примесью известняка и песка.

Размеры: d – 8,5 см, h – 2,3 см.

Происхождение: Ольвия. О-2012/Р-25/906. НИАЗ «Ольвия».

11. *Светильник полузакрытый* (рис. 5, 2). Часть рожка и ручка не сохранились. По краю плечиков выпуклая канелюра. Светильник на низком кольцевом поддоне. Сохранились основания от двухствольной ручки. По бокам изделия присутствует рельефный декор в виде двух дельфинов. Поверхность светильника имеет черно-серо-коричневое лощение. Глина серого цвета, с включениями мелких фрагментов слюды.

Размеры: d – 1,5 см, d – 5,5 см, d поддона – 3,5 см, h – 2,6 см, h рожка – 2,9 см.

Происхождение: Ольвия. О-96/Т-3/722. НИАЗ «Ольвия».

Таким образом, представленные редкие формы светильников и их фрагментов были преимущественно изготовлены в Ольвии. Немаловажным остается и тот факт, что часть из представленных светильников не имеет пока прямых аналогий в других средиземноморских центрах. Поэтому они не только расширяют наши представления о типах этой категории керамической продукции в Ольвии догетского времени, но и дают возможность судить о развитии местного керамического производства этого массового вида продукции, призванного удовлетворять ежедневные запросы обитателей города в течение нескольких столетий.

ЛИТЕРАТУРА

- Вальдгауер О. Ф. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники // О. Ф. Вальдгауер. – СПб., 1914. – 128 с.
- Журавлев Д. В. Новые находки позднеэллинистических керамики и светильников из Пантикапея / Д. В. Журавлев // ПИФК. – 2011. - № 4 (34). – С. 221 – 263.
- Журавлев Д. В., Турова Н. П. Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея // БИ. – 2012. – Вып. XXVI. – С. 335 – 400.
- Книпович Т. Н. Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия / [отв. ред. Ячменев Н. И.]. – Т. 1. – К.: Издательство Академии Наук УССР, 1940. – С. 129 – 170.
- Козуб Ю. І. Некрополь Ольвії V – IV ст. до н.е. / Ю. І. Козуб. – К.: Наукова думка, 1974. – 181 с.
- Крапивина В. В., Буйских А. В., Кузьмищев А. Г. Отчет о работах на участке Р-25 в Ольвии в 2011 г. // НА ИА НАНУ. – 2011.
- Кравівіна В. В. Сіроглиняна кераміка Ольвії VI – V ст. до н.е. / В. В. Кравівіна // Археологія. – 2007. - № 1. – С. 98 – 106.
- Крутилов В. В., Смирнов А. И., Бондаренко Д. В. Керамический производственный комплекс середины VI в. до н.э. на Березанском античном поселении // БЧ XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 233 – 237.
- Ольвия : [сб. научн. ст. / отв. ред. Крыжицкий С.Д.]. – К.: Наукова думка, 1975. – 246 с.
- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени / М. Парович – Пешикан. – К.: Наукова думка, 1974. – 218 с.
- Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. – Л.: Искусство, 1988.
- Сорочан С. Б. Светильники и свеча в ранней Византии, или две эпохи осветительных приборов // Древности (1997 – 1998). Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков: АО “Бизнес Информ”, 1999. – С. 101 – 114.
- Barr R. L. Greek and Hellenistic Lamps from Ilion / Regan L. Barr // Studia Troica. – 1996. – Bd. 6. – S. 159-200.
- Bouzek J. Studies of Greek Pottery in the Black Sea Area. – Prague: Charles University, 1990. – 138 p.
- Broneer O. Terracotta Lamps / Oscar Bronner. (Isthmia III). – Princeton, N.J., 1977.
- Hermanns M. H. Licht und Lampen im westgriechischen Alltag. Beleuchtungsgerät des 6. – 3. Jhs. v. Chr. in Selinunt / Internationale Archäologie. – Bd. 87. – 2004.
- Hojte J. M. Lamps // Hojte J. M. The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. – Aarhus, 2010. – P. 423 – 437.
- Howland R. H. Greek Lamps and their Survivals (The Athenian Agora. Vol. IV). - Princeton, 1958.
- Hübinger U. Die antiken Lampen des Akademischen Kunstmuseums der Universität Bonn / Ulrich Hübinger. – Berlin, 1993.
- Knigge U. Der Bau Z (Kerameikos. Bd. XVII). – München: Hirmer Verlag, 2005. — 252 S.
- Krapivina V., Lejpunskaja N. Grey Table Ware from Late Archaic – Early Classical Complexes of the Central Quarter of Olbia Pontica // Pontic Grey Wares. International Conference. Bucarest – Constantza, September 30th – October 3rd 2008 (Pontica XLII. – Suppl. I). – 2009. – P. 67-76.
- Loeschcke S. Lampen aus Vindonissa / Siegfried Loeschcke. – Zürich, 1919. – 546 S.
- Menzel H. Antike Lampen im Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz / Katalog 15. – Mainz, 1954.
- Oziol Th. Les Lampes du Musee de Chypre / Salamine de Chypre. – VII. – 1977.
- Rosenthal R., Sivan R. Ancient Lamps in the Schloessinger Collection / Qedem. - № 8. – 1978.
- Scheibler I. Griechische Lampen / Ingeborg Scheibler (Kerameikos. – Bd. 11). – Berlin: W. de Gruyter & Co, 1976. – 200 S.
- Zeischka A. Licht durch die Jahrtausende. –Trier: Sonnenburg-Verlag, 1997.
- Zimmer G., Furtwängler A. Hellenistische Bronzegusswerkstätten, Lampenproduktion und -Importe, Amphorenfunde / Demetrias. – Bd. 6. – Würzburg: Ergon Verlag, 2003.

I. M. Шейко

РІДКІСНІ ТИПИ СВІТИЛЬНИКІВ З ОЛЬВІЇ

Резюме

У статті розглядаються рідкісні форми глиняних світильників з Ольвії доримського часу. Переважна більшість з представлених світильників складають невідомі широкому науковому загалу екземпляри. У каталозі до статті подано детальний опис виробів. Також вміщено певні міркування з приводу датування та можливого походження світильників.

И. Н. Шейко

РЕДКИЕ ТИПЫ СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ ОЛЬВИИ

Резюме

В статье рассматриваются редкие формы глиняных светильников из Ольвии доримского времени. Большинство из представленных светильников составляют неизвестные широкому кругу исследователей экземпляры. В каталоге к статье подается детальное описание изделий. Также изложены некоторые выводы по поводу датировки и возможного происхождения светильников.

I.N. Sheiko

RARE LAMP FORMS FROM OLBIA

Summary

Rare lamp forms of pre-Roman time from Olbia are examined in the article. Most of the presented lamps make unknown specimens to the researchers. In the catalogue, there are detailed descriptions of the vessels. In addition, there is a recounted certain summary about dating and probable origin of the lamps.

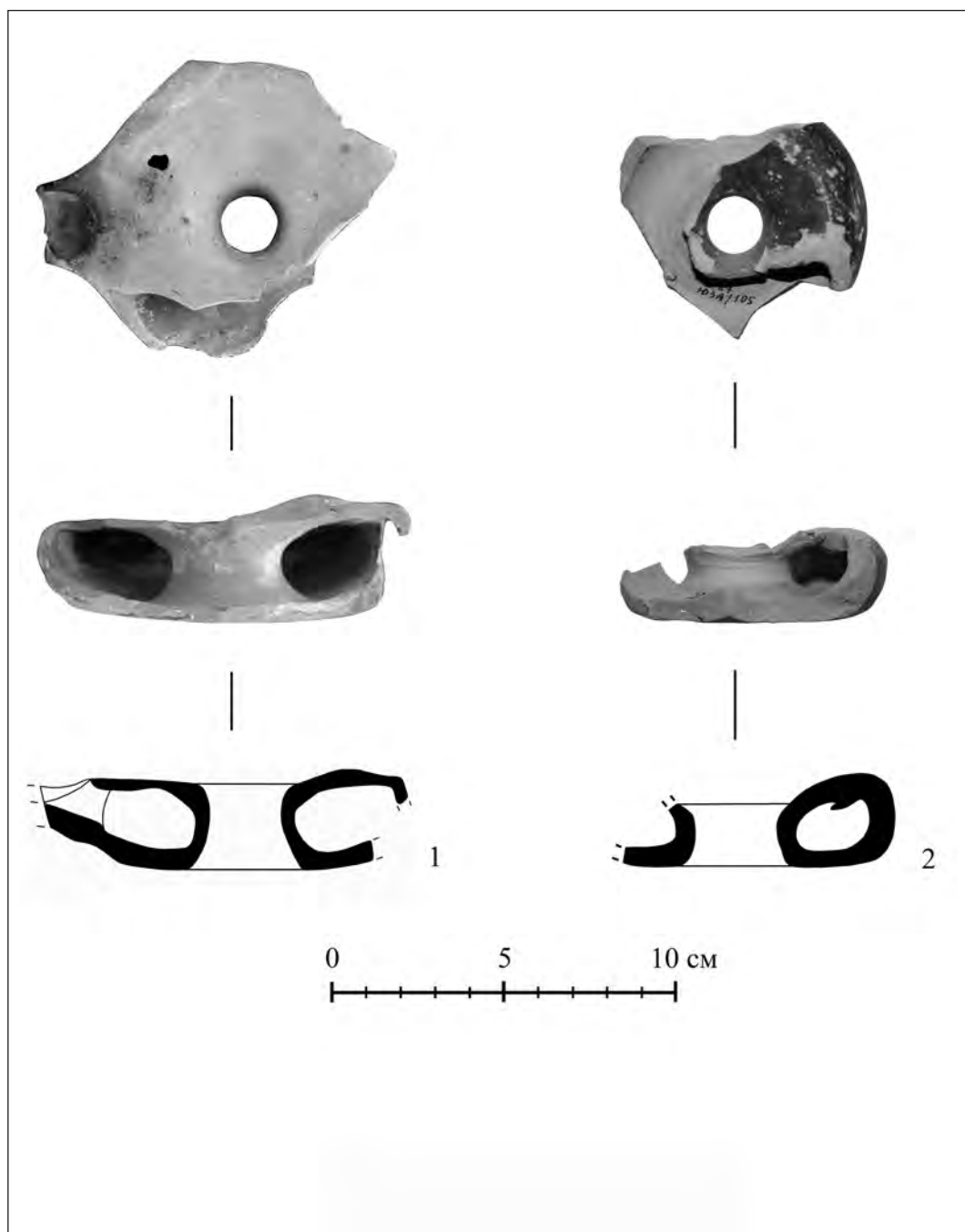

Рис. 1. Местные ольвийские светильники.

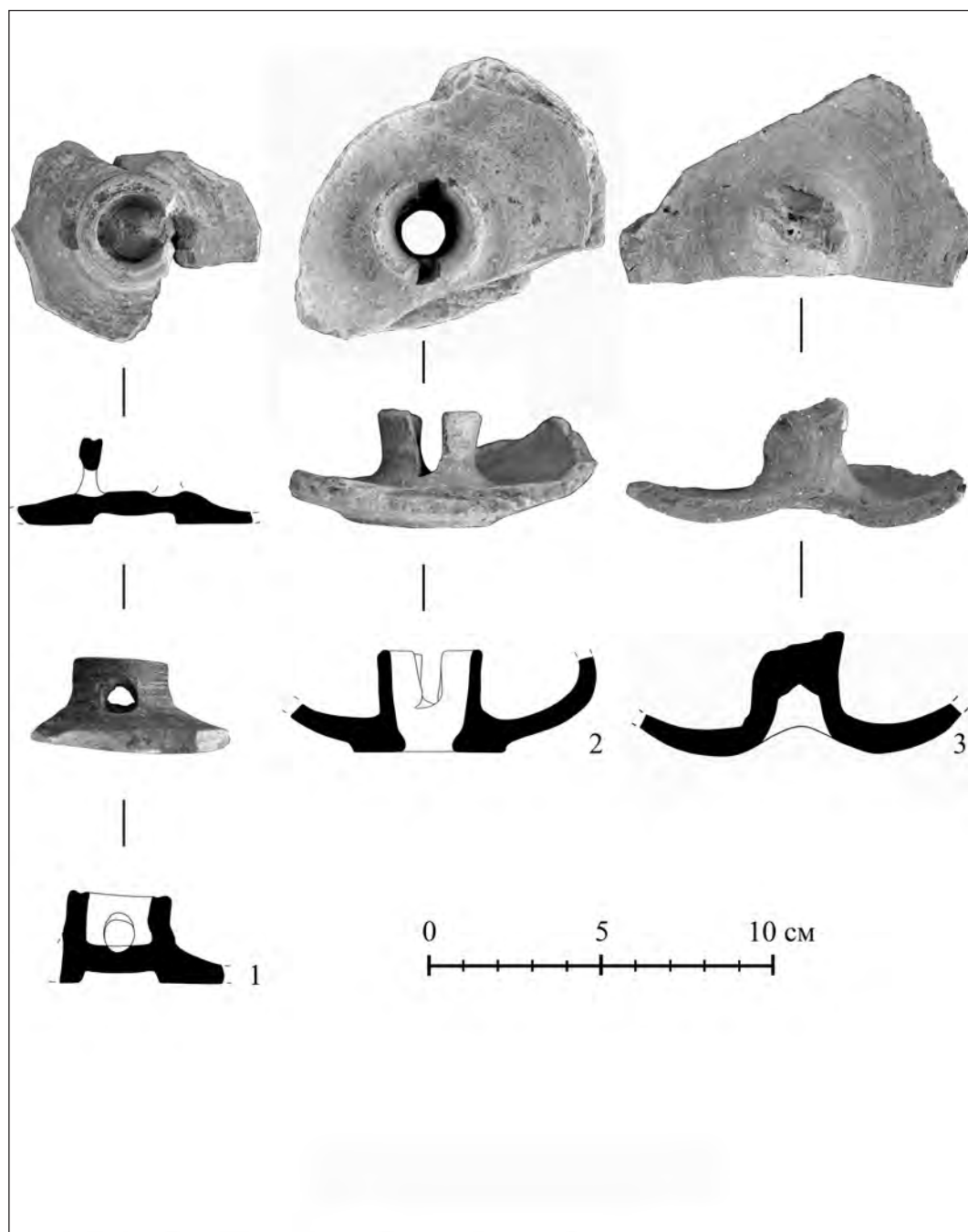

Рис. 2. Местные ольвийские светильники.

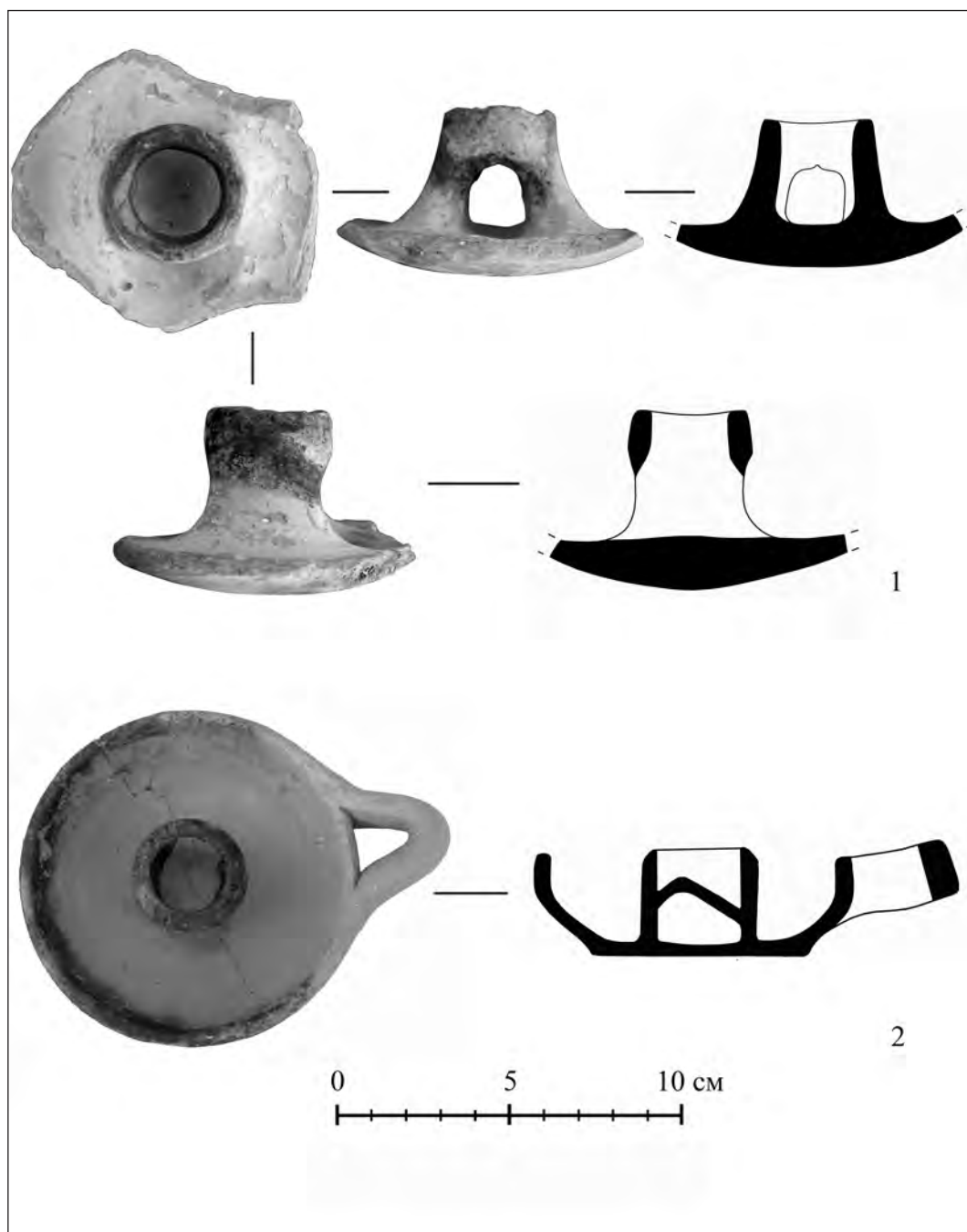

Рис. 3. Местные ольвийские светильники.

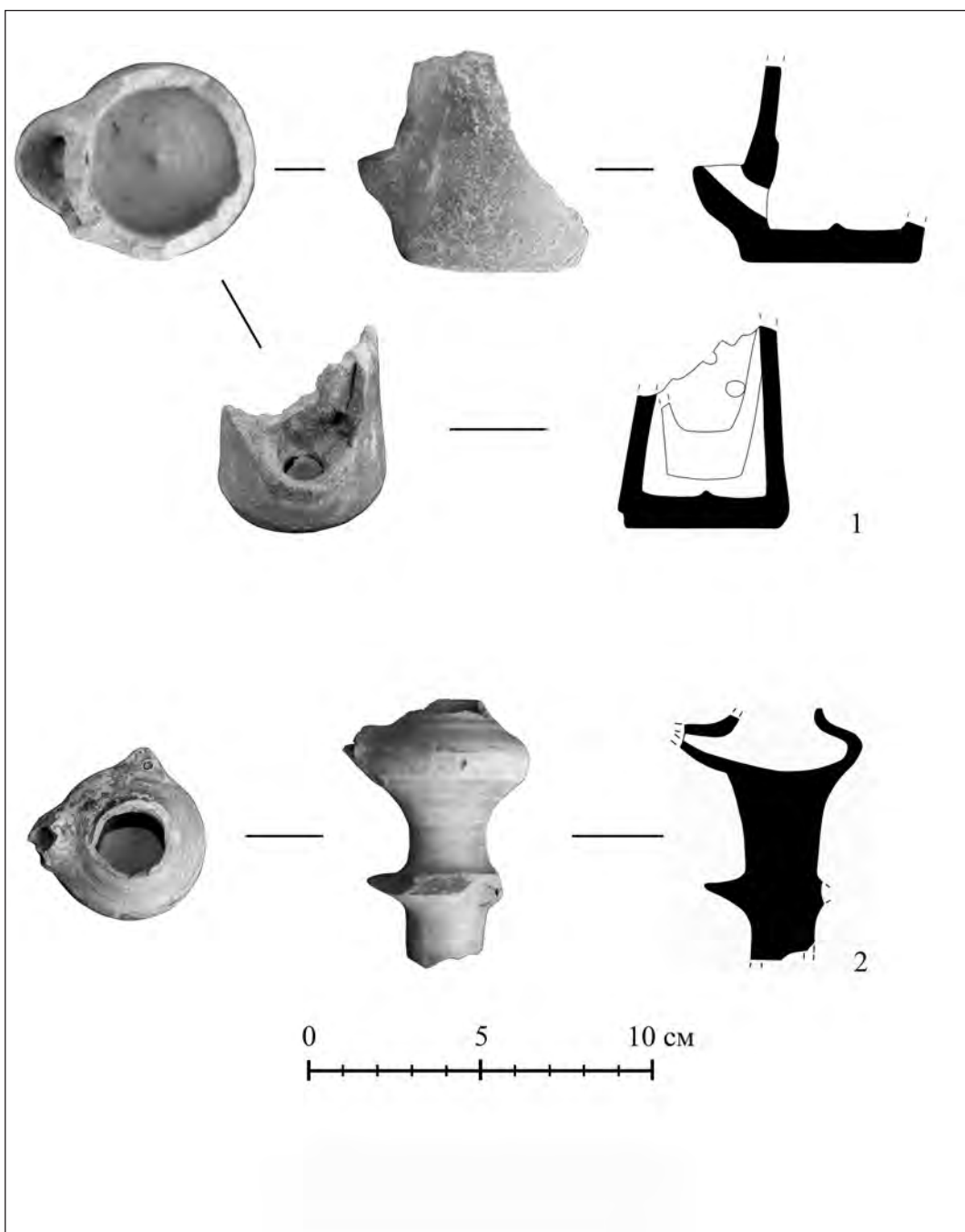

Рис. 4. Местные ольвийские светильники.

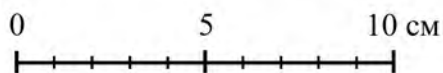

Рис. 5. Местные ольвийские светильники.

Е.С. САВЕЛЬЕВА

**НЕСКОЛЬКО ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК
ДИОНИСА И ЕГО СВИТЫ
(из коллекции Одесского археологического музея)**

В коллекции терракот Одесского археологического музея выделяется группа статуэток с характерными атрибутами Диониса и его спутников. Особенностью этих терракот являются отверстия в темени и по бокам, предназначенные для подвешивания.

Статуэтки этого типа в боспорской коропластике получили распространение в позднеэллинистическое время. В литературе подобные терракоты часто определяются термином «марионетки». По мнению И. Д. Марченко, эти статуэтки предназначались для разыгрывания различных уличных спектаклей и изображали действующих лиц представлений, связанных с культом Диониса (Марченко, 1974, с. 40).

В коллекции музея имеется девять терракот. Все они происходят из Пантикапея, за исключением двух, сведения о месте находки которых утрачены. Мы предполагаем, что они также были найдены в Пантикапее.

1) Голова молодого Диониса в венке из листьев плюща с двумя коримбами (рис. 1, 1). Высота 4 см. Статуэтка изготовлена в двух формах. Глина красно-коричневая с блестками. Найдена в Пантикапее, подарена Археологической комиссией в 1901 г. Инв. №21136.

2) Голова молодого Диониса или Силена в венке из листьев плюща с двумя коримбами (рис. 1, 3). Высота 3,8 см. Изготовлена в двух формах из светло-коричневой глины, серой на поверхности. Задняя сторона обработана. Левая сторона лица повреждена. Найдена в Пантикапее, подарена Археологической комиссией в 1901 г. Инв. № 21135.

3) Пан, играющий на сиринге (рис. 1, 2). В левой руке держит сирингу, в правой руке ветвь. Одежда состоит из набедренной повязки из листьев, через правое плечо переброшена шкура животного (спутники Диониса носили шкуру пантеры). На голове венок из листьев плюща. Над лбом два маленьких рога. В темени и внизу по бокам сделаны отверстия. Высота 11 см. Статуэтка изготовлена в двух формах из светло-коричневой глины. Задняя сторона обработана. Детали лица, инструмента и повязки доработаны инструментом. Найдена в Пантикапее. В музей поступила в 1895 г. Инв. № 20546. Опубликована (Деревицкий, Павловский, Штерн, 1897, с. 31, табл. XII,5; Марченко, 1974, с. 40).

Аналогичная статуэтка найдена в позднеэллинистических слоях Пантикапея (Марченко, 1974, с. 40, табл. 53, 6).

5) Бородатый Силен (рис. 1, 4). На голове венок из листьев плюща с коримбами. На бедрах повязка из шкуры (?). Правая рука согнута в локте и поднята к голове. Сохранилась передняя сторона статуэтки. В темени сохранилась часть отверстия. Левая рука отбита. Правая сторона терракоты повреждена. Высота 8,8 см. Изготовлена в форме из светло-коричневой глины, серой на поверхности. Место находки неизвестно. Инв. № 24298.

6) Бородатый Силен (рис. 2, 1). Верхняя часть статуэтки. На голове венок с коримбами. Над лбом пучок волос. В левой руке, прижатой к груди, оставлено отверстие для какого-то предмета, возможно, факела или тирса. Высота 7,7 см. Правая сторона отбита. Глина красно-коричневая с блестками. Изготовлена в двух формах. Найдена в Пантикапее, подарена Археологической комиссией в 1901 г. Инв. № 21273.

7) Предположительно к этой же группе относится часть головы бородатого Силена в венке с коримбами (рис. 2, 2). Фрагмент не позволяет определить, было ли в голове отверстие. Высота 3,9 см. Глина красная с блестками. Найдена в Пантикапее, подарена Археологической комиссией в 1901 г. Инв. № 21131.

8) Бородатый Силен (рис. 2, 3). Верхняя часть статуэтки. На голове венок с коримбами. Над лбом пучок волос. В левой руке отверстие. Высота 7,9 см. Изготовлена в двух формах из красно-коричневой глины. Найдена в Пантикапее, подарена Археологической комиссией в 1901 г. Инв. № 24205.

9) Голова Сатира (рис. 2, 4). Детали лица выполнены не четко. На голове венки из листьев с коримбами. Высота 4 см. Изготовлена в двух формах из плотной светлой глины. Место находки в документации музея не указано. Инв. № 24126.

Появление на Боспоре группы статуэток, связанных с культом Диониса в позднеэллинистическое время, отражает всплеск почитания бога в это время. Это связано с введением в понтийском царстве и на Боспоре официального культа Диониса и обожествлением царя как нового Диониса (Сапрыкин, 2009, с. 334). В этот период увеличивается производство терракотовых масок и других типов изображений этого бога и его свиты. Дионис и его атрибуты присутствуют также на монетах понтийских полисов (Сапрыкин, 2009, с. 95).

Возможны разные интерпретации сюжета терракот: они могут изображать мифологических персонажей либо участников каких-то культовых действий. Дионисийские праздники в Северном Причерноморье сопровождались обрядами, во время которых могли применяться статуэтки наряду с масками и другими типами изображений Диониса и его фиаса.

Предложенная И. Д. Марченко датировка этой группы терракот (I в. до н. э. – I в. н. э.) пока остается широкой, поскольку нам не известен археологический контекст находок.

Публикуемые терракоты дополняют представление об иконографии Диониса и его фиаса. Наряду с другими материалами они могут быть исполь-

зованы для реконструкции обрядов культа этого бога на Боспоре в позднеэллинистическое время.

ЛИТЕРАТУРА

- Деревицкий А. Н., Павловский А. А., Штерн Э. Р.* Терракоты Одесского музея. – Вып. I. – Одесса. – 1897.
- Марченко И. Д.* Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. III. САИ Г1–11. – М. – 1974. – С. 38 – 53.
- Сапрыкин С. Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. – Москва – Тула: Гриф и К. – 2009.

О.С. Савельева

ДЕКІЛЬКА ТЕРАКОТОВИХ СТАТУЕТОК ДІОНІСА ТА ЙОГО СВИТИ (З КОЛЕКЦІЇ ОДЕСЬКОГО АРХЕОЛОГІЧНОГО МУЗЕЮ)

Резюме

В статті розглядаються статуетки Діоніса, Сілена та Пана з колекції Одеського археологічного музею. Можливі різні варіанти інтерпретації сюжету теракот: вони зображують міфологічних персонажів або учасників культових дій. Теракоти можуть бути використані для реконструкції обрядів культу Діоніса на Боспорі у I ст. до н.е. – I ст. н.е.

Е.С. Савельева

НЕСКОЛЬКО ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК ДИОНИСА И ЕГО СВИТЫ (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Резюме

В статье рассматриваются статуэтки Диониса, Силена и Пана из коллекции Одесского археологического музея. Возможны разные интерпретации сюжета терракот: они изображают мифологических персонажей либо участников культовых действий. Терракоты могут быть использованы для реконструкции обрядов культа Диониса на Боспоре в I в. до н. э. – I в. н. э.

E.S. Savelyeva

A FEW TERRACOTTA FIGURINES DIONYSUS AND HIS RETINUE FROM THE COLLECTION OF THE MUSEUM OF ARCHAEOLOGY ODESSA

Summary

Statuettes of Dionysus, Silenus and Pan from the collection of the Museum of Archaeology Odessa are considered in the article. Peculiarities of construction of the statuettes (suspended legs) indicate their use in cultic practice. They show an increase of the cult of Dionysus in the Bosphorus in the Ist centuries BC – Ist centuries AD.

Рис. 1.

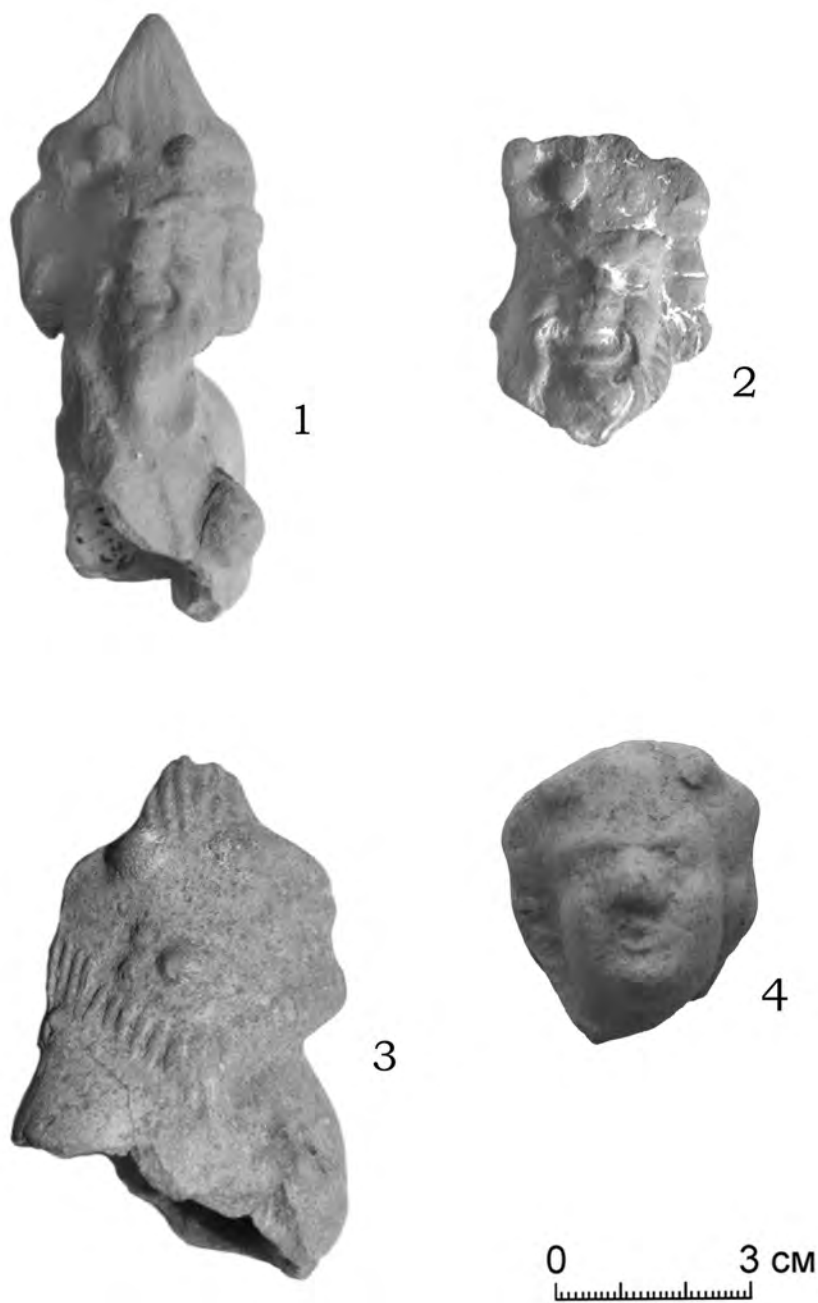

Рис. 2.

**ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ С ПОДВЕСНЫМИ
КОНЕЧНОСТЯМИ ИЗ ТИРИТАКИ
(раскопки 2002 – 2012 гг.)¹.**

В ходе археологического исследования городища Тиритака, проводимого с 2002 г. Боспорской охранно-археологической экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины и Центра археологических исследований Фонда «Деметра», среди многочисленных находок были найдены различные терракоты, которые включают в себя ряд статуэток с подвесными конечностями и их фрагменты. Все рассматриваемые терракоты обнаружены на раскопе № XXVI и происходят из слоев и комплексов, датируемых II в. до н.э. – пер. пол. VI в. н.э. (за исключением № 8, который происходит с раскопа № XXVIII, из хозяйственной ямы, датируемой III в.). Следует отметить, что прямых указаний на то, что находки относятся к святилищам или к каким-либо иным культовым сооружениям на данном этапе исследования нет. Терракоты найдены преимущественно в заполнениях помещений и хозяйственных ям².

Марионетки с подвесными конечностями появляются в боспорской коропластике в период эллинизма и получают развитие и распространение на рубеже эр и в первые века нашей эры [Денисова, 1981, с. 78 – 79; Финогенова, 1992, с. 249 – 250], а некоторые группы статуэток датируются и более поздним временем – III–IV вв. [Марченко, 1974, с. 40 – 41]. Изучению марионеток посвящен ряд работ, в которых основным спорным моментом являлся вопрос происхождения данных образцов коропластики [Гайдукевич, 1949, с. 391; Кругликова, 1966, с. 114; Марченко, 1974; Сазанов, 1985, с. 18–22; Желтикова, 2002, с. 88 – 94; Ильина, Муратова, 2008, с. 300 и др.]. Несмотря на различные версии и аргументы в пользу средиземноморского или местного происхождения статуэток с подвижными конечностями, вопрос остается открытым, хотя, несомненно, что на их изготовление оказали влияние средиземноморские традиции [Ильина, Муратова, 2008, с. 300].

¹ Автор выражает благодарность начальнику БОАЭ В.Н. Зинько за предоставленную возможность опубликовать материал.

² На подобную ситуацию указывает В.Г. Зубарев, рассматривая терракоты с городища «Белинское» [Зубарев В.Г., 2007, с. 186]. Также относительно терракот с подвесными конечностями из Илурата, писал Н.П. Кондаков, что ряд подобных статуэток был обнаружен в помещениях домов II–III вв. [Кондаков Н.П., 1871, с. 108].

Боспорские терракоты с подвесными конечностями традиционно ассоциируются исследователями с культом Великой богини, который получил широкое распространение в начале нашей эры, о чем, кроме всего прочего, свидетельствуют многочисленные, грубые по исполнению изображения богини, сидящей на троне [Ханутина, 2011, с. 224]. Статуэтки с подвижными конечностями выступали в качестве воплощения слуг богини, ее жрецов, участников различных религиозных обрядов, а также могли иметь самостоятельное значение, являясь покровителями сил природы, выполнять функции апотропеев [Кузина, 2012, с. 407].

Тиритакские экземпляры, как и ранее известные боспорские марионетки, выполнены из вариаций местной боспорской глины. Подвижными у них были только нижние конечности – для этого по бокам корпуса и в темени статуэтки имелись сквозные отверстия для крепления и подвешивания. Основываясь на классификации, разработанной И.Д. Марченко, статуэтки с подвесными конечностями из Тиритаки можно разделить на несколько групп.

К первой группе – статуэток типа «дионисийского танцора» [Ильина, Муратова, 2008, с. 299], или «танцующего юноши-мима» [Марченко, 1974, с. 40] относятся 3 экземпляра (кат. 1, 2, 4, рис. 1. 1, 2, 4). У статуэток, принадлежащих к данной группе – венок из листьев и ягод плюща на голове, на груди – перевитая повязка, концы которой завязаны на плечах. Тело «танцора» имеет легкий изгиб, правая рука поднята вверх, а левая лежит на поясе. На бедрах – набедренная повязка, завязанная узлом спереди или сбоку. К низу корпуса прикреплялись ноги и фалл. Особое внимание обращают на себя кат. 1 и кат. 2 – высоким мастерством проработки черт лица, с легкой улыбкой, а также мускулатуры торса и иных деталей. Датируется данная группа – II до н.э. – I в. н.э. [Марченко, 1974, с. 40]. Этой датировке не противоречит дата слоев, из которых происходят рассматриваемые марионетки. «Танцоры», по всей видимости, относились к религиозным обрядам и действия, связанного с дионисийским культом [Финогенова, 1992, с. 250; Ильина, Муратова, 2008, с. 299].

Ко второй группе относятся статуэтки так называемого «жертвователя» [Марченко, 1974, с. 41], которые несут или держат в руках какую-либо жертву богине. Данный вид имеет колоколовидный корпус, подвесные ноги и фалл. Характерным признаком являются большие оттопыренные уши³. К данному типу относятся кат. 3 и кат. 5 – «жертвователь», прижимающий к себе сосуд или предмет прямоугольной формы, и голова марионетки, с большими оттопыренными ушами (рис. 1. 3, 5). Хронологические рамки данного типа – примерно I – III вв.

³ В некоторых публикациях данный тип статуэток именуется – «ушастыми демонами» [Желтикова, 2002, с. 88 – 93; Ермолин, 2007, с. 101 – 106]. На наш взгляд, это общее название затрудняет классификацию марионеток, т.к. указанные авторы к «ушастым демонам» относят и «жрецов», и «жертвователей», и «музыкантов», и др., основываясь лишь на одном отличительном признаке – наличии больших оттопыренных ушей.

К третьей группе относятся статуэтки типа «жреца» - кат. 6, 7, 8 (рис. 2. 6, 7, 8). Данные терракоты имеют отличительную особенность – трехлопастный головной убор и большие оттопыренные уши (кат. 8), либо пятилопастный «венец» (кат. 7) [Желтикова, 2002, с. 93]. Такое различие, по всей видимости, объясняется эволюцией головного убора. Одежда «жрецов» - колоколовидная рубаха, к корпусу, как и у статуэток предыдущих групп, крепятся ноги и фалл. Отличительным атрибутом «жрецов» было изображение великой богини на передней стенке (кат. 6, 8), что подчеркивает их связь с культом и особенное положение. М.М. Кобылина указывает на связь подобных изображений и традиций праздника в честь Кибелы и Аттиса, который сопровождался грубым маскарадом, прославлявшим силы природы и ее возрождение. Оканчивалось празднество процессией, которая направлялась купать и очищать в ручье статую богини. Возможно, эта составляющая культа повлияла на иконографию «жрецов» [Кобылина, 1978, с. 13]. Датируется данная группа культовых статуэток примерно III – IV вв.

Кроме статуэток, принадлежащих к указанным группам, следует отметить фрагмент торса марионетки (кат. 9; рис. 2. 9), который из-за фрагментарности и плохой сохранности не удалось более точно идентифицировать, а также подвесные конечности – две ноги и фалл (кат. 10, 11, 12; рис. 2. 10, 11, 12).

Рассмотрев статуэтки с подвесными конечностями и их фрагменты, можно сделать вывод, что данная группа терракот вполне отражает общую тенденцию развития боспорской коропластики, а также демонстрирует культовые представления, распространенные в среде жителей Тиритаки. С первых веков нашей эры происходит трансформация массового религиозного сознания, оно усложняется, отображая страх перед мистическим, сверхъестественным [Зубарь, 2007, с. 100]. Идолоподобные, грубые ритуальные статуэтки наделяются, вероятно, в первую очередь мистическим содержанием, которое становится важнее формы.

Каталог

1. Фрагмент (голова) марионетки

Описание: Терракотовая голова мужчины в венке, с выбивающимися из-под него волосами (на лбу и висках). Лицо овальное, большие глаза, выраженные надбровные дуги, высокий лоб, плотно сжатые губы, округлый подбородок. Большие, оттопыренные уши. Сверху, на темени, имеется круглое сквозное отверстие для протягивания шнура. Голова достаточно хорошо проработана.

Дата: I в. до н. э. - I в. н. э.

Размеры: 4,2×3,7 см.

Место находки: городище Тиритака, раскоп XXVIII, заполнение помещения II А. К.О. № 8.

Место хранения: КИКЗ (Керченский историко-культурный заповедник); КТ-4567, КП-181524.

Материал и техника изготовления: глина местная, с мелкими блестками (Боспор); цвет по Munsell: 5YR 6/6 (reddish yellow). Оттиск в двусторонней форме с последующей доработкой стекой.

Сохранность: сколы в нижней части.

Аналогии: точных аналогий не найдено; близкие по стилю: Пругло, 1974, табл. 45, 2 (Мирмекий, I в. до н. э.); Денисова, 1981, табл. XXIII, ж, М-187 (Мирмекий, I в. н. э.).

2. Фрагмент (голова и верхняя часть торса) марионетки танцора-мима

Описание: на голове актера-мима веночек из листьев и ягод плюща. Лицо овальное, миндалевидные глаза, выраженные надбровные дуги, широкий, короткий нос, маленький рот с плотно сжатыми губами. Черты переданы мягко. Выражение лица – чуть улыбающееся. На голове – веночек из четырех листьев и двух кластеров ягод плюща. На темени имеется круглое сквозное отверстие для протягивания шнура. Голова немного склонена вправо, шея – короткая, на ней – перевитая повязка. Судя по сохранившимся правому и левому плечам, – правая рука была согнута в локте и поднята вверх, а левая была опущена вниз и упиралась в бок (как у аналогичных марионеток). Торс хорошо моделирован, имеется естественный изгиб, подчеркнуты мускулы груди и спины.

Дата: II в. до н. э. - I в. н. э.

Размеры: 6,7×6,4 см.

Место находки: городище Тиритака, раскоп XXVIII, заполнение помещения IV, сырцово-каменный завал. К.О. № 17.

Место хранения: КИКЗ; КТ-4569, КП-181526.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), цвет по Munsell: 5 YR 7/6 (reddish yellow), в изломе серая, с мелкими светлыми включениями и блестками. Оттиск в форме, соединительные швы заглажены стекой. Также стекой срезаны поверхности листьев плюща на венке с правой стороны.

Сохранность: нижняя часть и руки ниже плеч – отбиты; сзади, с левой стороны, на венке скол.

Аналогии: Кобылина, 1974, табл. 33, 3, 4, 6 (Фанагория, I в. до н. э. - I в. н. э.); Марченко, 1974, табл. 53, 4 (Пантикапей, II – I вв. до н. э.); Пругло, 1974, табл. 45, 2 (Мирмекий, I в. до н. э.); Денисова, 1981, табл. XXIII, е, Т-18 (Тиритака, I в. н. э.).

3. Фрагмент (торс и руки) марионетки

Описание: марионетка в виде мужской фигурки, руки согнуты в локтях и прижимают к животу сосуд или предмет прямоугольной формы. На кистях рук выделены пальцы. Торс моделирован, выделяются мышцы груди, плеч, живота, спины. В верхней части торса имеется небольшое отверстие для протягивания нити.

Дата: II – III вв.

Размеры: 6.0×6.1 см.

Место находки: городище Тиритака, 2005, раскоп № XXVI, заполнение СК XXIII и СК XXIV, К.О.149.

Место хранения: КИКЗ; КП-163075, КТ-3707.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), цвет по Munsell: 5YR 5/6 (yellowish red), в изломе серая, с мелкими темными включениями; обе стороны оттиснуты в формах, затем совмещены, швы заглажены; обжиг.

Сохранность: отбиты голова, верхняя часть торса с оборотной стороны. Сколы на поверхности. Фрагмент потерт.

Аналогии: Марченко, 1974, САИ, табл. 55, 3 (Пантикапей, мужская фигура с сосудом в руках, II – III вв.).

4. Фрагмент (торс) марионетки

Описание: марионетка в виде мужской фигурки. Правая рука согнута в локте и поднята вверх, левая – согнута в локте и уперта в бок. На груди широкая перевитая повязка, концы которой завязаны на плечах. Моделированы мышцы спины и груди. Внутри полая, по бокам имеются два сквозных круглых отверстия для крепления подвесных конечностей.

Дата: II в. до н.э. - II в. н. э.

Размеры: 6.7×7.8 см.

Место находки: городище Тиритака, 2009, раскоп № XXVI, К.О.95.

Место хранения: КИКЗ; КП-176097, КТ-4413.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), цвет по Munsell: 5YR 6/6 (reddish yellow), в изломе серая, с мелкими светлыми включениями и блестками; оттиск в форме с последующей доработкой; обжиг.

Сохранность: отбиты голова, правая рука, нижняя часть марионетки. Сколы на поверхности. Фрагмент потерт.

Аналогии: Наливкина, 1952, рис. 18,2 (актер из Тиритаки, первые века н. э.); Марченко, 1974, табл. 53,4 (Пантикапей, мим-актер, II – I вв. до н.э.); Денисова, 1981, табл. XXIII, ж, е (марионетки из Мирмекия и Тиритаки, I в.); Финогенова, 1992, рис. 27 (мим-акробат из Гермонассы); Ильина, Муратова, 2008, илл. IV, 1 (Пантикапей, танцор, вт. пол. II в. до н.э.).

5. Фрагмент (голова) марионетки.

Описание: голова полая внутри, большие, округлые оттопыренные уши. Черты лица грубые – крупный, прямой нос, глаза едва намечены, острый подбородок. За ушами процарапаны мелкие полосы (волосы?). В темени сохранился фрагмент круглого отверстия для протягивания шнура.

Дата: I – III вв.

Размеры: 5.2×6.1 см.

Место находки: городище Тиритака, 2006, раскоп № XXVI, заполнение ямы №32, К.О. 91.

Место хранения: КИКЗ; КТ 3953, КП-167035.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), внутри - цвет по Munsell: 7.5YR 7/4 (pink); сверху покрыта ангобом – 2.5Y 7/3 (pale brown); оттиск в форме с последующей доработкой, на поверхности есть отпечатки пальцев корошаста; обжиг.

Сохранность: скол в верхней части головы, трещина на подбородке, отбита ниже шеи. Потерта.

Аналогии: Наливкина, 1952, рис. 21 (статуэтки из Тиритаки и Мирмекия, II – III вв.); Марченко, 1974, САИ, табл. 55; 3, 8 (Пантикапей, мужская фигура с сосудом в руках; мужская фигура с гусем и богиней, II – III вв.); Хачатурова, 1987, стр. 161 (голова ритуальной мужской фигуры с подвесными ногами, I–III вв.); Финогенова, 1992, рис. 25а (Пантикапей, актер, I – II вв.).

6. Фрагмент (торс) марионетки (жрец с богиней на груди).

Описание: крупная марионетка, представляющая собой жреца с богиней на груди. Внутри полая. Руки подняты вверх, чуть согнуты и расставлены по сторонам. Богиня на груди стилистически близка богиням на троне II–III вв.: на голове полос, с наброшенным на него покрывалом, черты лица различимы слабо, прямой нос, острый подбородок. Грудь моделирована слабо. На одежде – рельефные полосы, из-под нижнего края видны ноги богини.

Дата: III в.

Размеры: 11.2×8.1 см.

Место находки: городище Тиритака, 2004, раскоп № XXVI, заполнение ЦР I, К.О.56.

Место хранения: КИКЗ; КП-160183.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), цвет по Munsell: 7.5YR 7/4 (pink), с мелкими белыми включениями и блесками; оттиск в форме с последующей доработкой; обжиг; на поверхности (богиня) сохранились остатки розовой краски.

Сохранность: отбиты голова, руки, нижняя часть марионетки, руки у богини. Сколы на поверхности, трещины. Потерта.

Аналогии: Марченко, 1974, табл. 55,7; табл. 56,1 (Пантикапей, мужские фигуры с изображением богини, II–III вв.); Кобылина, 1978, рис. 18 (статуэтка жреца со статуей богини на груди, III в.).

7. Фрагмент (голова и часть торса) марионетки (жрец).

Описание: лицо продолговатое, острый, выдающийся подбородок. Черты грубые. Высокий лоб, крупный нос, большие, круглые, ассиметрично расположенные глаза. Рот едва намечен. На голове персонажа – пятилопастный головной убор. Верхняя лопасть отбита. В голове сверху имеется сквозное отверстие для протягивания нити; рядом с ним есть еще маленькое, возможно, технологическое. Торс выполнен грубо. Сохранился фрагмент правого плеча. Спереди, на груди - имеется выступ, возможно, часть предмета, который держал «жрец».

Дата: III – IV вв.

Размеры: высота – 13 см.

Место находки: городище Тиритака, 2005, раскоп № XXVI, суглинистый желтый слой участка хозяйственного двора к северу от ЖХК 1, вымостки XXXIII, К.О.90.

Место хранения: КИКЗ; КП-163019, КТ-3698.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), цвет по Munsell: 5YR 6/6 (reddish yellow), в изломе серая, с мелкими блестками; оттиск в форме, с последующей доработкой стекой; обжиг.

Сохранность: склеена из двух частей; утрачены нижняя часть терракоты, руки. Сколы на лопастях «венца» и в верхней части головы.

Аналогии: Гайдукевич, 1958, рис. 75 (Илурат, III в.); литература: Пругло, 1970, САИ, табл. 55,5 (Илурат, III в.), Денисова, 1981, табл. XXVI, в (Илурат, III в., «жрица»); Ханутина, 2011 (некрополь Илурата, голова терракоты в уборе с пятью выступами, ГМИР Ф. II. Инв. А-1238/21а-в, 22). Близкие по стилю, но с другими предметами: Марченко, 1974, табл. 56; 2,4 (Пантикапей, мужские фигуры с наконечниками копья и птицами, III – IV вв.).

8. Фрагмент (лицевая сторона) марионетки (жрец).

Описание: на голове марионетки – пятилопастный головной убор. Лицо овальное, черты грубые. Крупный, прямой нос, острый подбородок, выражены надбровные дуги, глаза едва намечены. Судя по сохранившимся фрагментам плеч – руки были подняты вверх. Колоколовидная одежда. В нижней части марионетки сохранился фрагмент изображения (богиня?).

Дата: III в.

Размеры: 16.2×7.8 см.

Место находки: городище Тиритака, 2012, раскоп № XXVIII, заполнение ямы № 11, К.О. 79.

Место хранения: КИКЗ.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), цвет по Munsell: от 5YR 6/4 (light reddish brown) до 10YR 7/3 (very pale brown), с мелкими белыми включениями; оттиск в форме с последующей доработкой; обжиг.

Сохранность: склеена из двух частей; отбиты левая часть лица, руки, часть изображения на груди, нижняя часть одежды, утрачена задняя стенка статуэтки. Сколы на поверхности. Потерта.

Аналогии: аналогична кат. № 7; Гайдукевич, 1958, рис. 75 (Илурат, III в.); литература: Пругло, 1970, САИ, табл. 55,5 (Илурат, III в.), Денисова, 1981, табл. XXVI, в (Илурат, III в., «жрица»); табл. XXVI, б (Мирмекий, III в.). Близкие по стилю, но с другими предметами: Марченко, 1974, табл. 56; 2,4 (Пантикапей, мужские фигуры с наконечниками копья и птицами, III – IV вв.).

9. Фрагмент (часть торса) марионетки.

Описание: часть торса человеческой фигуры в одежде. Сохранилась также верхняя часть плеча правой руки. Имеется сквозное отверстие для протягивания шнура.

Дата: контекст находки – кон. III – пер. пол. VI вв.

Размеры: 3.8×4.6 см.

Место находки: городище Тиритака, 2005, раскоп № XXVI, СК I, помещение 3, К.О.70.

Место хранения: КИКЗ; НВФарх.-5019.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), цвет по Munsell: 5YR от 6/4 (light reddish brown) до 6/6 (reddish yellow); обе стороны были оттиснуты в форме, затем скреплены, швы заглажены; обжиг.

Сохранность: отбиты верхняя и нижняя части; потерт; на поверхности – следы известкования.

10. Подвесная нога марионетки.

Описание: в верхней части сохранился фрагмент круглого отверстия для крепления к марионетке. Нога хорошо проработана: рельефно выделяются икроножная мышца, колено. Пятка обозначена в виде острого выступа.

Дата: по имеющимся аналогиям – I – III вв.

Размеры: 7,1×1,2 см.

Место находки: городище Тиритака, раскоп XXVIII, помещение IV, сырцовый развал. К.О. № 22.

Место хранения: КИКЗ; НВФ-11254.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), цвет по Munsell: 5YR 6/8 (reddish yellow); мелкие белые включения и блестки. Лепка, затем нога была заглажена, обжиг.

Сохранность: сколы в верхней части, отбита передняя часть стопы.

Аналоги: Николаева, 1974, табл. 11, 4 (Кепы, I – II вв. н. э.); Кобылина, 1974, табл. 52, 9, 12 (терракоты из Тасуново, I – III вв. н. э.); Зубарев, 2007, рис. 1,7 (городище «Белинское», фрагмент подвесной ноги статуэтки, слой вг. пол. III - пер. пол. IV вв.).

11. Фрагмент подвесной ноги марионетки.

Описание: фрагмент ноги, чуть согнутой в колене, моделирована икроножная мышца, в верхней части конечности сохранился фрагмент сквозного отверстия для протягивания шнура.

Дата: по контексту находки – конец III – пер. пол. VI вв.

Размеры: 5.8×1.7 см.

Место находки: городище Тиритака, 2006, раскоп № XXVI, хозяйственная яма №58/3, К.О.341.

Место хранения: Центр археологических исследований БФ «Деметра».

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), в изломе серая, с мелкими блестками и темными включениями; цвет по Munsell: 5YR 6/4 (light reddish brown) – 5/4 (reddish brown); ручная лепка с последующей доработкой стекой; обжиг, поверхность заглажена.

Сохранность: сколы в верхней части, отбита ниже щиколотки, сколы на поверхности, потерта.

Аналогии: Зубарев, 2007, рис. 1,1 (городище «Белинское», фрагмент подвесной ноги статуэтки, слой вт. пол. III - сер. IV вв.).

12. Подвесной фалл марионетки.

Описание: изогнут, в верхней части сплюснен, имеется круглое сквозное отверстие для подвешивания.

Дата: по аналогии - конец II в. – нач. III в.

Размеры: 4.4 см.

Место находки: городище Тиритака, 2007, раскоп № XXVI, заполнение хозяйственной ямы №84, К.О.50.

Место хранения: КИКЗ; КП-170600, КТ-4247.

Материал и техника изготовления: глина местная (Боспор), с мелкими блестками и белыми включениями; цвет по Munsell: 5YR 6/6 (reddish yellow); ручная лепка; обжиг.

Сохранность: потерт.

Аналогии: Ермолин, 2007, рис. 1,9 (шурф по пер. Пантикапейскому, 16/1, г. Керчь, конечности «ушастых демонов», конец II в. – нач. III в.).

ЛИТЕРАТУРА

Бритова Н.Н. Греческая терракота. М., 1969.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948 – 1953 гг. / МИА. 1958. № 85.

Денисова В.И. Кородластика Боспора. Л, 1981.

Ермолин А.Л. Мастерская коропласта II в. н. э. в Пантикапее // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. С. 101 – 106.

Желтикова А.Л. «Ушастые демоны» из коллекции терракотовых статуэток фондов КГИКЗ // III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 88 – 94.

Зубарев В.Г. Терракотовые и лепные статуэтки городища «Белинское» и его некрополя // Древности Боспора. Вып. 11. М., 2007. С. 185 – 194.

Зубарь В.М. Кородластика Боспора первых веков нашей эры и характер религиозных верований // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб, 2007. С. 99 – 101.

Ильина Т.А., Муратова М.Б. Вотивные терракоты из храма на акрополе // Древности Боспора. Вып. 12. М., 2008. С. 287 – 339.

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.

Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978.

Кобылина М.М. Мастерские пантикапейских коропластов. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. САИ. Ч. III. Г1-11. М., 1974.

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. САИ. Ч. IV. Г1 – 11.

Кобылина М.М. Терракоты из Тасуново. Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Ч. II. Г1-11. М., 1974.

Конадков Н.П. Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии, быту // ЗООИД. Т. XI. 1871.

Кругликова И.Т. Терракоты из Горгииппии. Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. САИ. Ч. IV. Г1 – 11. М., 1974.

- Кузина Н.В., Молева Н.В., Матукина А.Н. Комплекс терракотовых статуэток из Китейского святилища (раскопки 2007 – 2009 гг.) // Древности Боспора. Вып. 14. М., 2010. С. 277 – 311.
- Кузина Н.В. Комплекс терракот из раскопок античного святилища на поселении «Полянка» в Крымском Приазовье // Боспорские исследования. Вып. XXVI, 2012.
- Марченко И.Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. САИ. Ч. III. Г1-11. М., 1974.
- Молев Е.А., Молева Н.В. Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь-Керчь, 2003. – С. 252 – 263
- Наливкина М.А. Терракоты Мирмекия и Тиритаки // МИА, № 25. М.-Л., 1952. – С. 327 – 347.
- Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп. Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. САИ. Ч. IV. Г1 – 11. – М., 1974.
- Пругло В.И. Статуэтки из Мирмекия. Терракоты Северного Причерноморья. – САИ. Ч. II. Г1-11.
- Пругло В.И. Терракоты из Илурата. Терракоты Северного Причерноморья. – САИ. Ч. II. Г1-11.
- Пругло В.И. Терракоты из Тиритаки. Терракоты Северного Причерноморья. – САИ. Ч. II. Г1-11.
- Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI – I вв. до н.э.). Киев, 1982.
- Сазанов А.В. Происхождение одной группы боспорских ритуальных терракот // КСИА. Вып. 182. М., 1985.
- Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. САИ. Ч. III. Г1-11. М., 1974.
- Финогенова С.И. Терракоты Гермонассы (по материалам раскопок 1968 – 1981 гг.) // Археология и искусство Боспора. Вып. 10. М., 1992. С. 257 – 283.
- Финогенова С.И. Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. Вып. 10. М., 1992. С. 237 – 256.
- Ханутина З.В. Терракоты из погребально-поминальных комплексов Илуратского плато // Боспорский феномен. СПб., 2011.
- Хачатурова Е.А. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев // Тайны терракоты. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 1987. С. 103 – 176.
- Хмара Е.Б. Терракотовые статуэтки из Анапского историко-археологического музея // Тайны терракоты. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 1987. С. 80 – 102.

А.В. Котіна

ТЕРАКОТОВІ СТАТУЕТКИ З ПІДВІСНИМИ КІНЦІВКАМИ З ТІРІТАКИ (РОЗКОПИ 2002 – 2012 pp.)

Резюме

У ході археологічних досліджень городища Тірітака було знайдено ряд теракотових статуеток з підвісними кінцівками та їх фрагменти (всього 12 екз.). Всі теракоти виявлені на розкопі XXVI і походять з шарів та комплексів, які датуються II ст. до н. е. – першою половиною VI ст. н. е. (за винятком кат. 8, який знайдений у розкопі XXVIII у господарській ямі, яка датується III ст.). Ці статуетки з підвісними кінцівками можна поділити на декілька груп. До першої групи відносяться маріонетки типу

«діонісійського танцюриста» (3 шт.), до другої – статуетки «жертводавця» (2 шт.), до третьої – статуетки «жреця» (3 шт.). Також серед знахідок присутні неідентифіковані фрагменти торсу маріонетки та нижніх кінцівок (4 шт.). Не зважаючи на відносно невелику численність статуєток, вони дають певну уяву про особливості боспорської коропластики та релігійного життя мешканців Тіритакі.

А.В. Котина

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ
С ПОДВЕСНЫМИ КОНЕЧНОСТЯМИ ИЗ ТИРИТАКИ
(РАСКОПКИ 2002 – 2012 гг.)

Резюме

В ходе археологического исследования городища Тиритака был найден ряд терракотовых статуэток с подвесными конечностями и их фрагменты (всего – 12 экз.). Все терракоты обнаружены на раскопе XXVI и происходят из слоев и комплексов, датируемых II в. до н.э. – пер. пол. VI в. н.э. (за исключением кат. 8, который найден в раскопе XXVIII в хозяйственной яме, датируемой III в.). Эти статуэтки с подвесными конечностями можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся марионетки типа «дионисийского танцора» (3 шт.), ко второй – статуэтки «жертвователя» (2 шт.); к третьей – статуэтки «жреца» (3 шт.). Также среди находок присутствует не идентифицированные фрагменты торса марионетки и нижних конечностей (4 шт.). Несмотря на относительно небольшую численность статуэток, они дают определенное представление об особенностях боспорской коропластики и религиозной жизни жителей Тиритаки.

A.V. Kotina

TERRACOTTA FIGURINES
WITH SUSPENDED LIMBS FROM TYRITAKE
(2002 – 2012 excavations)

Summary

In the course of archaeological research of Tyritake settlement a number of terracotta figurines with suspended limbs and their fragments (twelve samples in general) were found. All terracotta items were found at the excavation site 26. They come from the layers and complexes dated back to the 2nd century BC – the first half of the 6th century AD (except for the cat.8, which was found in the excavation site 28 in a household pit dated from the 3rd century). These figurines with suspended limbs can be divided into several groups. Puppets of the “Dionysian dancer” type (3pcs.) belong to the first group. Figurines of the “donator” type (2pcs.) belong to the second group. Statuettes of the “priest” type (3pcs.) belong to the third group. There are also unidentified fragments of a torso and lower limbs of a puppet among the findings. Despite the relatively small number of statuettes, they give some idea about the features of the Bosphorus coroplastics and religious life of Tyritake citizens.

Рис. 1. Статуэтки с подвесными конечностями из Тиритаки.

Рис. 2. Статуэтки с подвесными конечностями из Тиритики.

М. А. КОТИН

КОМПЛЕКС ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ЯМЫ № 11 ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ

С 2002 г. Боспорская охранно- археологическая экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАНУ проводит археологические исследования боспорского города Тиритака [Зинько, Бейлин, Зинько, 2008, с. 106-108]. При проведении раскопок в 2012 г. северной куртины городища (раскоп № XXVIII) была исследована хозяйственная яма №11. В заполнении ямы были обнаружены 833 фрагмента строительной, транспортной, красноглиняной и лепной керамики (которая в процентном соотношении составляет 18,78% от общего количества керамики). Транспортная керамика представлена красноглиняными амфорами II – III вв. н. э. [Зеест, 1960, с. 113, с. 115, табл. XXXI, 75; табл. XXXIV, 83], южно-понтійскими светлоглиняными узкогорлыми амфорами т. «С» II в. н. э. [Шелов, 1978, с. 18, рис. 6], боспорскими розовоглиняными амфорами II – III вв. н. э. [Зеест, 1960, с. 119-120, табл. XXXVIII, 96,97], оранжевоглиняными амфорами первых веков н. э. [Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX, 96, 97]. Исходя из довольно четко датирующего амфорного материала, лепная керамика, о которой речь пойдет ниже¹, также должна относиться к периоду II – III вв. н. э.

Весь комплекс лепной керамики представлен фрагментами сосудов закрытых и открытых форм². Большую часть из них удалось реконструировать и склеить.

ГОРШКИ

Тип 1. Горшок с овалоидным туловом и расширяющимся усеченно-коническим горлом (рис. 2, 2). Представлен сосудами 2 ТГ (ТГ - технологической группой). Аналогии данному типу можно найти среди сарматских погребений Нижнего Поволжья, слоев III – I вв. до н. э., Фанагории, а также погребального инвентаря первых веков н. э. могильника Заветное [Скрипкин, 1984, рис. 8,4; Кругликова, 1951, с. 93, рис. 2,5; Дашевская, 1991, с. 30, табл. 50,10].

Тип 2. Горшок с эллипсоидным туловом и усеченно-коническим горлом

¹ Благодарю начальника БОАЭ В.Н.Зинько за предоставленную возможность опубликовать материал.

² В основу нашей классификации положена классификация В. П. Власова, изложенная в его статье «Лепная керамика позднескифского Булганакского городища».

(рис. 6, 1). Представлен сосудами 2 ТГ. Подобные горшки были обнаружены на некрополе Черная речка, в могиле второй половины III в. н. э. [Бабенчиков, 1963, с. 98, табл. V,8; XI,1], а также среди погребального инвентаря погребений последней четверти IV в. н. э. некрополя Танаиса [Казакова, Каменецкий, 1974, с. 141,142, табл. III,5].

Тип 3. Горшок со сферическим туловом и гиперboloидным горлом (рис. 3; 4). Представлен сосудами 2-3 ТГ. Аналогии типу находятся среди слоев и комплексов I в. до н. э. и рубежа эр Булганакского городища [Власов, 1997, с. 227, табл. II,2].

Тип 4. Горшок с округло-биконическим туловом и гиперboloидным горлом (рис. 5). Представлен сосудами 2-3 ТГ. Аналогии типу можно найти среди комплексов I – II вв. н. э. Калос – Лимена, I в. н. э. Южно Донузлавского, городища Булганак [Дашевская, 1991, с. 18, табл. 18,2,4; Уженцев, 1997, с. 196, 198, рис. 5,1; Власов, 1997, с. 228-229, табл. II,8].

МИСКИ

Тип 1. Миска плоскодонная с усеченно-коническим туловом, расходящимися краями и иногда ручками-упорами (рис. 6, 1; 7). Представлен сосудами 2 – 3 ТГ. Наиболее широко распространен на позднескифских памятниках и в могильниках позднеримского времени [Высотская, 1979, с. 100, рис. 34, 25; Дашевская, 1991, с. 16-18, табл. 13,5,7,8; 16,16,22; 24,2; Власов, 1997, с. 236, 283, табл. III,18-20,24,27,28; X,1,15].

Самые ранние экземпляры данного типа в Крыму встречаются среди памятников кизил-кобинской культуры [Крис, 1981, с. 26, табл. 24,2]. Довольно широко встречаются и на Боспоре [Кастанаян, 1981, с. 34,39,40,48,50,62,64,93,96, табл. II,5; V,1; VI,10; VII,1; IX,3; XIII,3,4; XXXV,4,5,10; XXXVII,3; Кругликова, 1954, с. 88,99,104, табл. I,29,31; II,9,13,37; III,12,13; Кругликова, 1966, рис. 31,5,12; Кругликова, 1970, с. 21, рис. 13,4,5; Корпусова, 1973, с. 38, рис. 6,1,2; 7,1; Корпусова, 1983, с. 45, рис. 12, 1-5,11; Зубарев, Крайнева, 2005, табл. III, 2,3].

Тип 2. Миска плоскодонная с гиперboloидным туловом и расходящимися краями (рис. 8). Представлен сосудами 2 – 3 ТГ. Аналогии данному типу встречаются в слоях III – II вв. до н. э. и II – III вв. н. э. Неаполя и Альма – Кермена, а также в погребениях III – IV вв. н. э. некрополей Дружное и Совхоз 10 [Высотская, 1979, с. 100, рис. 35,1; Высотская, 1972, рис. 26,45; Дашевская, 1991, табл. 16,9; Айбабин 1994, с. 90, 92, рис. 21,6; Высотская, 1998, с. 257, 266, 271, рис. 3, 12].

Тип 3. Миска плоскодонная с полусферическим туловом и загнутыми краями (рис. 9). Представлен сосудами 2 – 3 ТГ. Данный тип встречается в скифских поселениях III – II вв. до н. э. - II – III вв. н. э., а также среди некрополей IV – V вв. н. э. Озерное III, Совхоз 10, Черная речка [Высотская, 1979, с. 102,

рис. 36,18; Дашевская, 1991, с. 16, 17, табл. 11, 13, 15; 13,4; 17,14; Власов, 1997, с. 249, табл. V,7,8; Лобода, 1977, с. 246, 250, рис. 6,6; Высотская, 1998, с. 266, 271, рис. 3,18; Бабенчиков, 1963, табл. V, 15; X, 4].

Тип 4. Миска с полусферическим туловом и отогнутыми краями (рис. 10). Представлен сосудами 2 – 3 ТГ. Среди тиритакских экземпляров данный тип существует в нескольких вариациях: с ручками в виде уплотнений и выступов (так называемые ручки-упоры) (рис. 10, 2), без ручек (рис. 10, 1) и с выступом на венчике, под крышку (рис. 10, 3). Наиболее ранние аналогии данному типу на территории Крыма обнаруживаются в IV в. до н. э. на поселении Шпиль [Храпунов, Власов, 1995, с. 10, рис. 5,9]. Широкое распространение этих мисок относится к рубежу эр [Высотская, 1979, с. 100, рис. 34,26; Дашевская, 1991, с. 17, 18, табл. 16,13; 22,7; Власов, 1997, с. 243, табл. IV,11-17; Яценко, 1983, с. 58, рис. 5,7]. Верхней датой бытования данных мисок в Крыму считается раннее средневековье [Корпусова, 1983, с. 107, табл. III, 7; Кругликова, 1954, с. 88-89,99, табл. II,14; III,39; Кругликова, 1966, рис. 30,10; Кастанаян, 1981, с.49, 62, 69, 93, 94, рис. 13, 1; табл. IX,2; XIII,2; XXXV,3; XXXVI,6; Айбабин, 1990, рис. 2].

Тип 5. Миска плоскодонная с полусферическим туловом и отогнутыми краями (рис. 11). Представлен сосудами 2 – 3 ТГ. Как и предыдущий тип, бытует в Крыму, начиная с IV в. до н. э., вплоть до средневековья [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 70, рис. 8,2; Кругликова, 1954, с. 99, 104, табл. II,38; III,14,15; Кастанаян, 1981, с. 49,50,93, табл. VIII,6; X,5; XXXV,7; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 95,101,155,193, рис. 68,6; 74,4; 110,11].

КРУЖКИ

Тип 1. Кружка с овалоидным туловом и гиперболоидным горлом (рис. 2). Представлен сосудами 2 – 3 ТГ. На Боспоре подобные сосуды встречаются в римское время [Кругликова, 1954, с. 87-88, табл. II,4]. Подобные сосуды известны слоях III – середины II вв. до н.э. Южного Донузлава и конца II в. до н.э. – I вв. н. э. Беляусского могильника, на поселении I в. до н. э. – первых веков н. э. Золотое Ярмо и в могиле конца II – III вв. н. э. Неапольского некрополя [Дашевская, 1991, с. 17,28, табл. 17,6; 48,8; Храпунов, Власов, Молодцов, Мульд, 1994, с. 101, рис. 6,1; Сыманович, 1983, с. 66,80, табл. III, 8].

Тип 2. Кружка с биконическим туловом и усеченно-коническим горлом (рис. 1). Представлен целым сосудом 2 ТГ. Сосуды данного типа встречаются с IV – I вв. до н. э. в Нижнем Побужье, а с рубежа эр появляются и у скифов Нижнего Днепра, в Крыму наиболее поздние находки данного типа встречаются в могильнике Скалистое [Диамант, Левина, 1991, с. 90, рис. 1,21; Марченко, 1988, с. 94, рис. 25,4; Вязьмитина, 1972, с. 78,125, рис. 36,2; 61,12; Гаврилюк, Абикулова, 199, рис. 4; Айбабин, 1990, с. 17-18, рис. 2; 7,5; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 51,193, рис. 31,18].

* * *

Фиксируемые визуально технико-технологические особенности лепной керамики из хозяйственной ямы №11, несмотря на малочисленность, позволяют говорить, что изделия – посуда небольших размеров - изготавливались из целого куска формовочной массы, а большие сосуды с помощью спирального метода. Практически все сосуды изготавливались из плохо отмученной глины. Среди отошителей для приготовления теста применялись: толченый известняк, ракушка, песок, шамот, злаки. Почти вся керамика довольно грубая и по степени обработки поверхностей относится ко второй и третьей технологической группе, по К. К. Марченко, то есть «...керамика со слабым, подчас едва заметным лощением.... заглажена с помощью мокрой тряпки, пучка травы», и «...керамика с более или менее тщательно заглаженной поверхностью без следов лощения. При заглаживании стенок употреблялись мокрая тряпка, пучок травы...» [Марченко, 1988, с. 63].

Таким образом, в результате изучения лепной керамики из комплекса хозяйственной ямы №11, несмотря на то, что реконструировать удалось большую часть лепного материала, проблема фрагментарности и немногочисленности керамики затруднила объективную систематизацию материала, в связи с чем некоторые из экземпляров не были учтены и рассмотрены. Однако, несмотря на этот факт, лепная керамика из хозяйственной ямы расширяет наши представления о керамическом комплексе городища Тиритака и Боспорского царства в целом. Большая часть аналогий тиритакской керамике обнаруживается среди крымских памятников скифской – позднескифской культуры. В свою очередь, эти сосуды также были привнесены в скифскую – позднескифскую культуры с территории Нижнего Днепра, Нижнего Побужья и Нижнего Поволжья. В связи с чем некоторые типы сосудов могут быть отнесены, помимо скифской, еще и к сарматской этногенитической группе. Появление сосудов данных групп связано с миграционными процессами и постепенной инфильтрацией варварских элементов в города Боспорского царства. Также среди сосудов присутствует этнически нейтральная генетическая группа, которая связана с выработкой наиболее удобных форм посуды у различных этносов, преимущественно к данной группе (из рассматриваемой нами керамики) относятся открытые сосуды – миски.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь: Таврия. 1990. Вып. I.
- Айбабин А. И.* Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. Симферополь: Таврия. 1994. Вып. IV.
- Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник // АП. 1963. Т. XIII.
- Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К.: Наук. Думка. 1988.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. К.: Наук. Думка. 1993.
- Власов В. П.* Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Власов В. П.* Этнокультурные процессы в Крыму в III в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам лепной керамики). Дис. на соискание ученой степени кандидата ист. наук. Симферополь. 1999.
- Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К. 1972.
- Высотская Т. Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. К. 1979.
- Высотская Т. Н.* Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. 1998. Вып. IV.
- Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. К.: Наук. Думка. 1972.
- Гаврилюк Н. А., Абикумова М. И.* Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья. Ч. II. К. 1991.
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д 1-7.
- Диамант Э. И., Левина Э. А.* Лепная керамика Кошарского поселения // Северо – Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.: Наук. Думка. 1991.
- Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. №83.
- Зинько В. Н., Бейлин Д. В., Зинько А. В.* Исследования Боспорской охранный археологической экспедиции в 2006-2007 г. // Археологічні дослідження в Україні 2006-2007 рр.
- Зубарев В. Г., Крайнева А. А.* Лепная керамика городища «Белинское» // ДБ. 2005. № 8.
- Казакова Л. М., Каменецкий И. С.* Охранные раскопки некрополя Танаиса в 1968 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. 1974. Вып. II.
- Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука. 1981.
- Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Д 1-7. 1981.
- Корпусова В. М.* Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. - №8.
- Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). К.: Наук. Думка. 1983.
- Кругликова И. Т.* Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. 1951. № 19.
- Кругликова И. Т.* О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 1954. №33.
- Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической истории). М.: Наука. 1966.
- Кругликова И. Т.* Раскопки поселения у дер. Семеновка // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М., 1970.
- Лобода И. И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. №4.
- Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I вв. до н. э. (по материалам лепной керамики). Л.: Наука. 1988.
- Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века н. э. Саратов. 1984.
- Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). К.: Наук. Думка. 1983.
- Уженицев В. Б.* Постройки типа мегарон из раскопок Калос-Лимена // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Храпунов И. Н., Власов В. П.* Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь: Таврия. 1995.

- Храпунов И. Н., Власов В. П., Молодцов О. Э., Мульд С. А.* Позднескифское поселение Золотое Ярмо // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия. 1994.
- Шеллов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156.
- Яценко И. В.* Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1874-1975 гг.) // Население и культура Крыма в первые века н. э. К.: Наук. Думка. 1983.

М. А. Котін

КОМПЛЕКС ЛІПНОЇ КЕРАМІКИ ЯМИ № 11 З РОЗКОПІВ ТІРІТАКИ

Резюме

У 2012 р. Боспорська охоронно-археологічна експедиція Кримського відділення Інституту сходознавства НАНУ проводила археологічні дослідження південної куртини городища Тірітака. Поряд з іншими комплексами тут була досліджена господарська яма № 11. У заповненні ями були знайдені 833 фрагменти будівельної, транспортної червоноглиняної та ліпної кераміки (яка складає 18,78% від загальної кількості кераміки). Виходячи з доволі чітко датуємого амфорного матеріалу, ліпна кераміка відноситься до періоду II – III ст. н.е. Весь комплекс ліпної кераміки представлений фрагментами посудин закритих та відкритих форм. Більшу частину з них вдалося реконструювати та склеїти. Ліпна кераміка з господарської ями № 11 поділяється на декілька генетичних груп: пізнескифська, сарматська та етнічно нейтральна.

М. А. Котин

КОМПЛЕКС ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ЯМЫ № 11 ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ

Резюме

В 2012 г. Боспорская охранны-археологическая экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАНУ проводила археологические исследования северной куртины городища Тиритака. Наряду с другими комплексами здесь была исследована хозяйственная яма №11. В заполнении ямы были обнаружено 833 фрагмента строительной, транспортной, красноглиняной и лепной керамики (которая составляет 18,78% от общего количества керамики). Исходя из довольно четко датирующего амфорного материала, лепная керамика относится к периоду II – III вв. н. э. Весь комплекс лепной керамики представлен фрагментами сосудов закрытых и открытых форм. Большую часть из них удалось реконструировать и склеить. Лепная керамика из хозяйственной ямы № 11 делится на несколько генетических групп: позднескифская, сарматская и этнически нейтральная.

M.A. Kotin

COMPLEX OF MOLDED CERAMICS FROM THE PIT NUMBER 11
FROM EXCAVATION OF TYRITAKE

Summary

In 2012, the Bosporan archaeological expedition of the Crimean branch of the Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences conducted archaeological investigations of the northern curtain in Tyritake settlement. Along with other complex the household pit number 11 was investigated here. Eight hundred and thirty-three fragments of building, transport, red-clayed molded ware (which is 18.78% of the total ceramics) were found in the pit filling. Based on the quite clearly dating amphorae material, molded ceramics belongs to the period of the 2nd – the 3rd cc. AD. The whole complex of ceramics is represented by fragments of molded vessels of open and closed forms. We managed to reconstruct and stick together most of them. Molded ceramics from the household pit number 11 is divided into several genetic groups: the Late Scythian, Sarmatian and ethnically neutral.

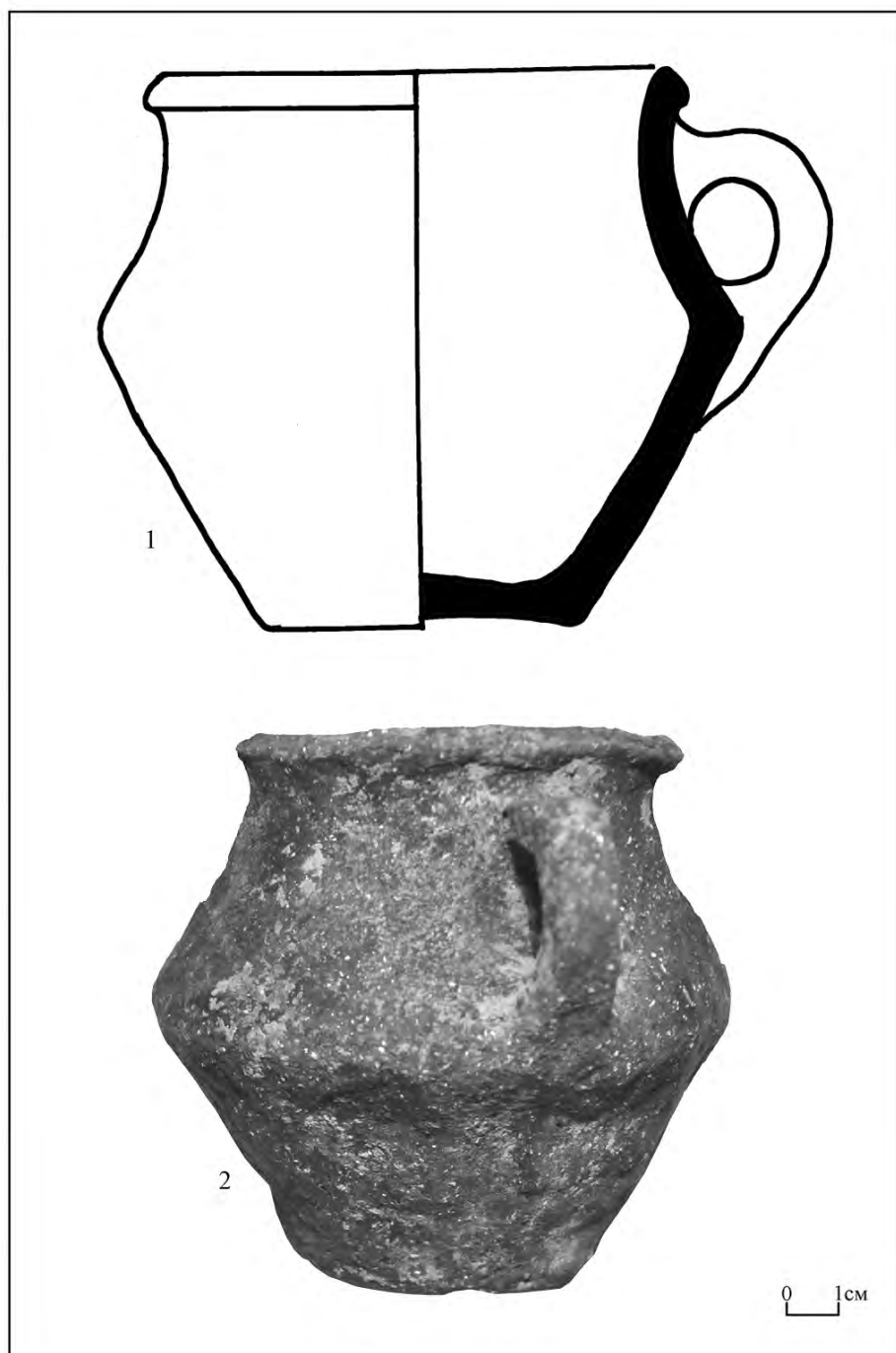

Рис. 1. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

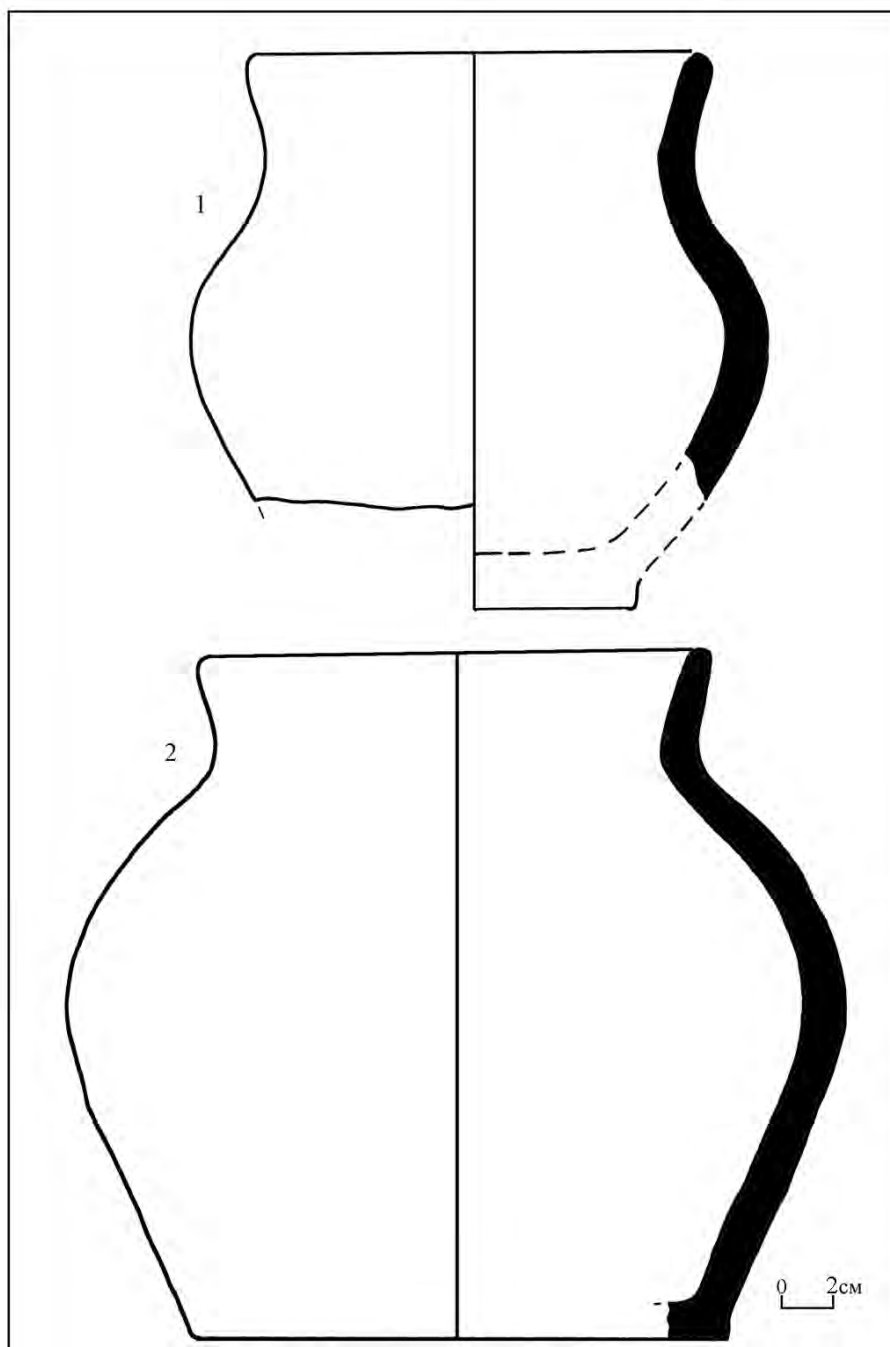

Рис. 2. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

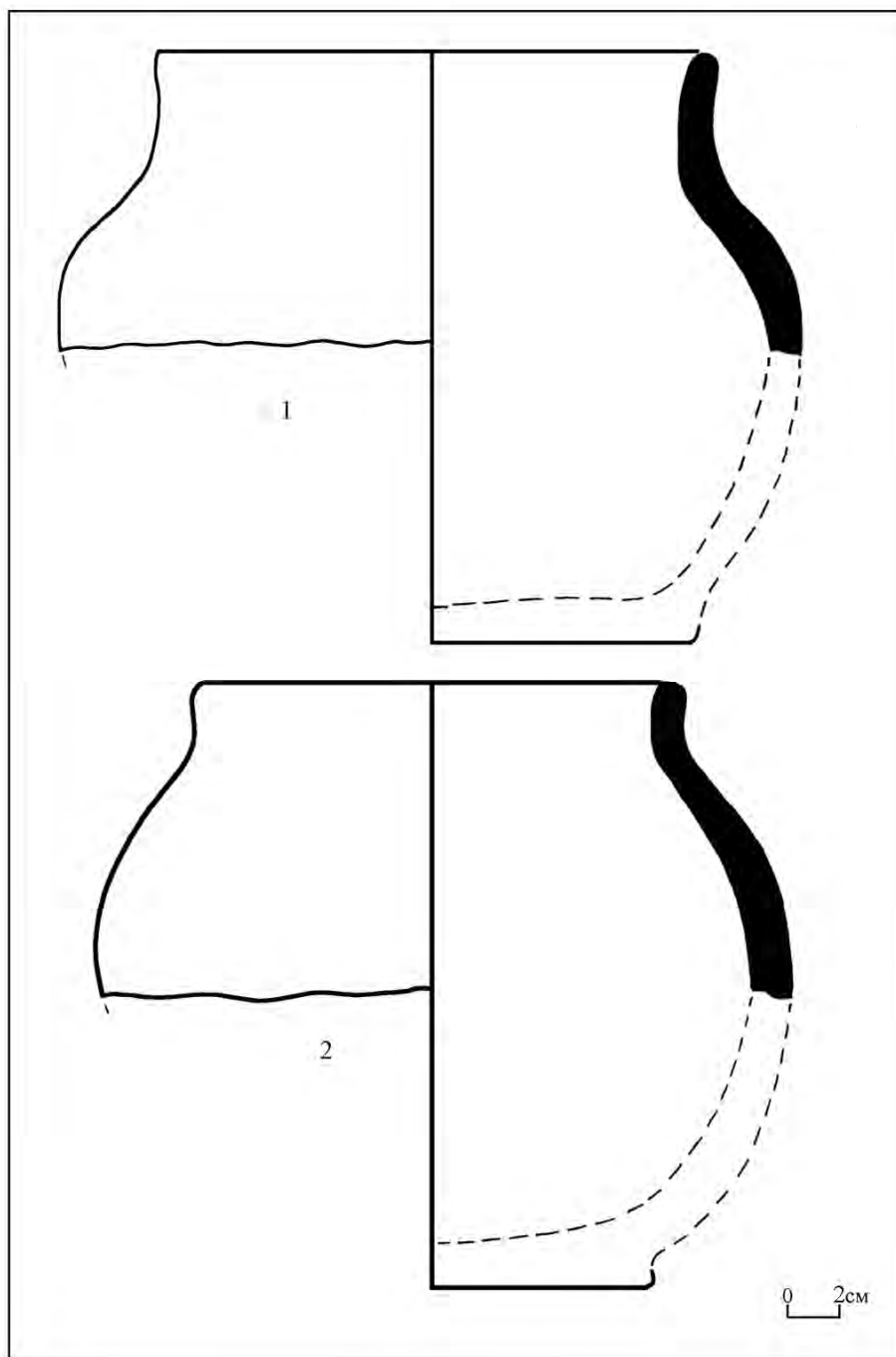

Рис. 3. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

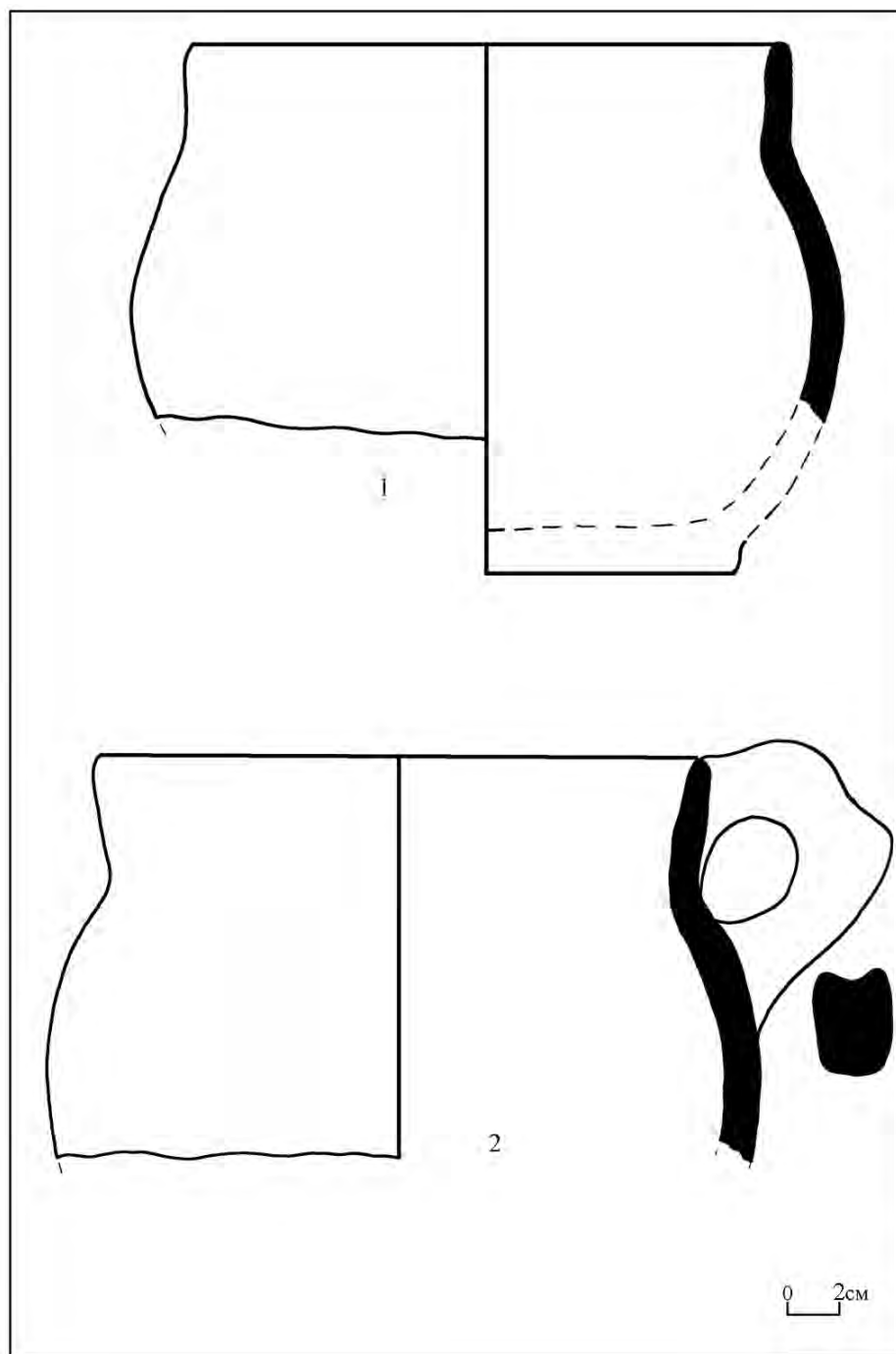

Рис. 4. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

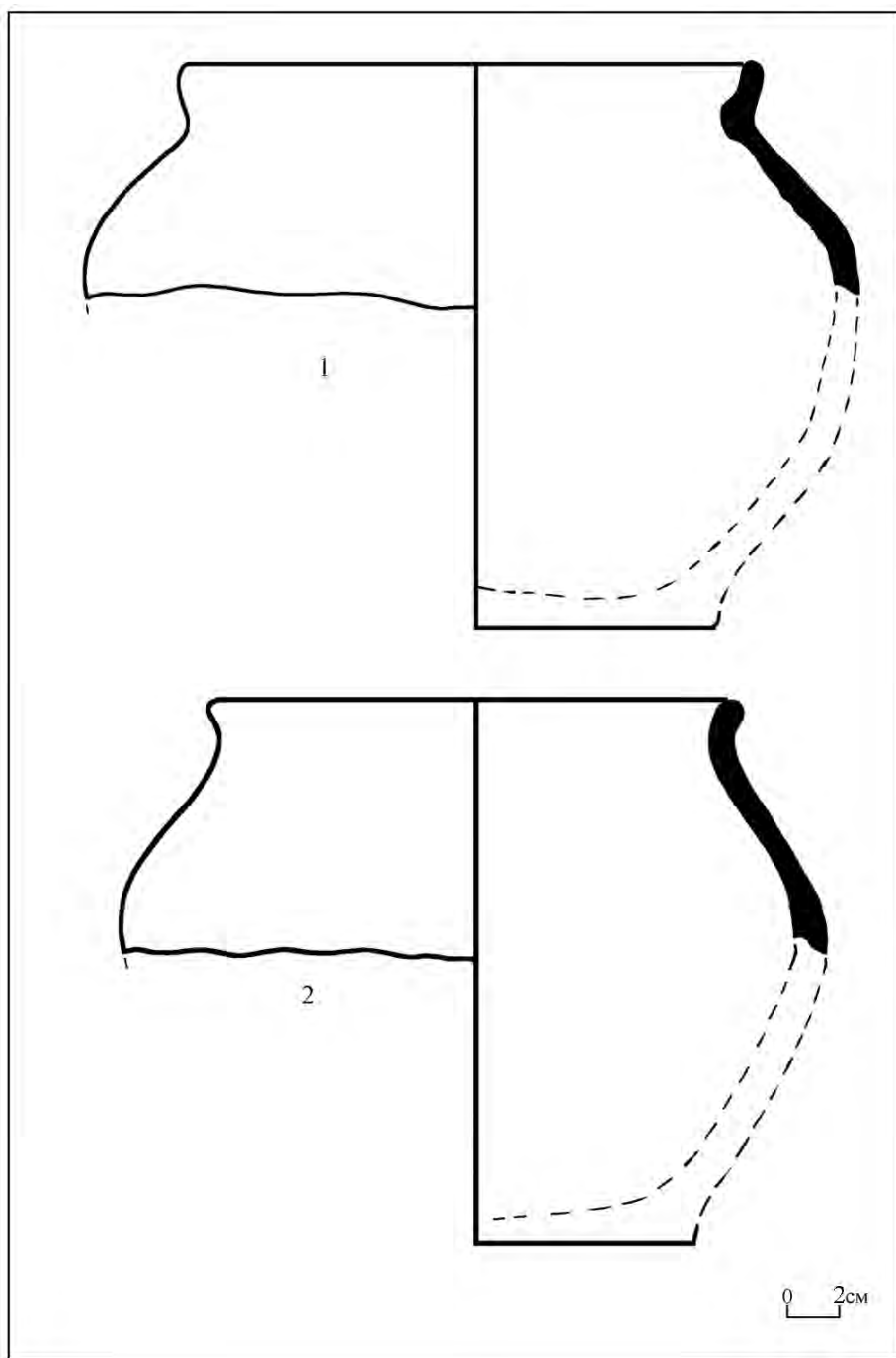

Рис. 5. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

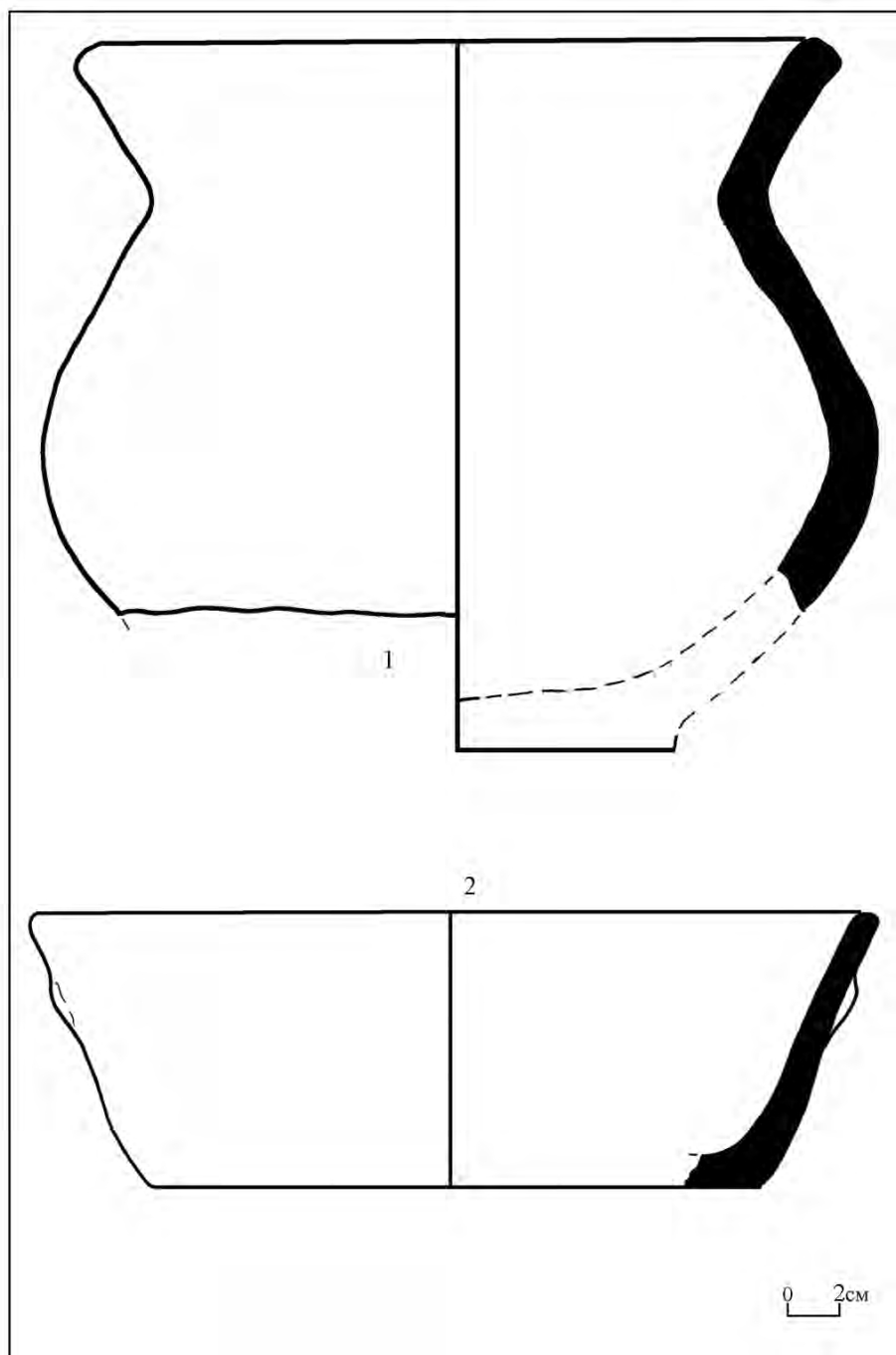

Рис. 6. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

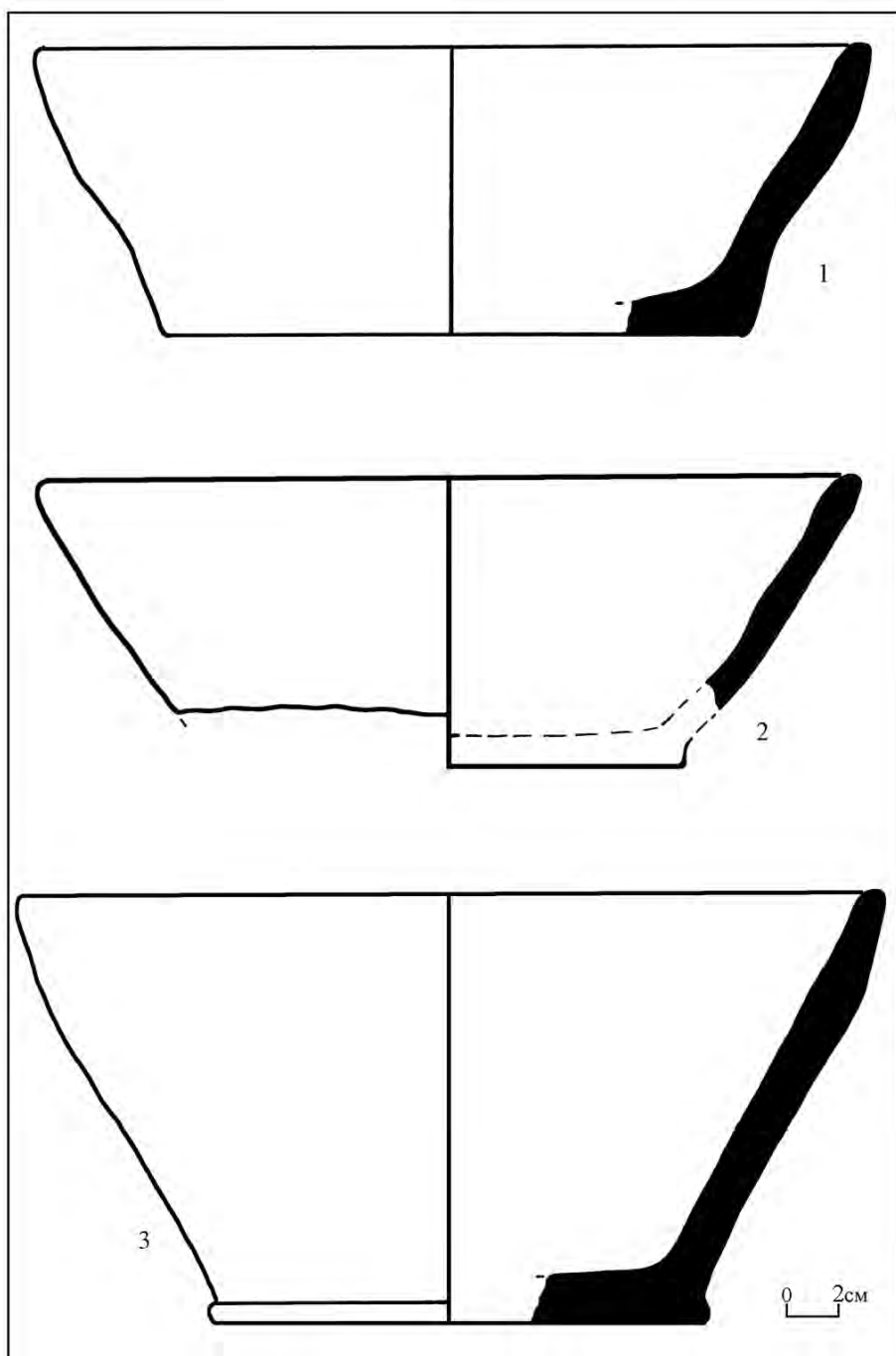

Рис. 7. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

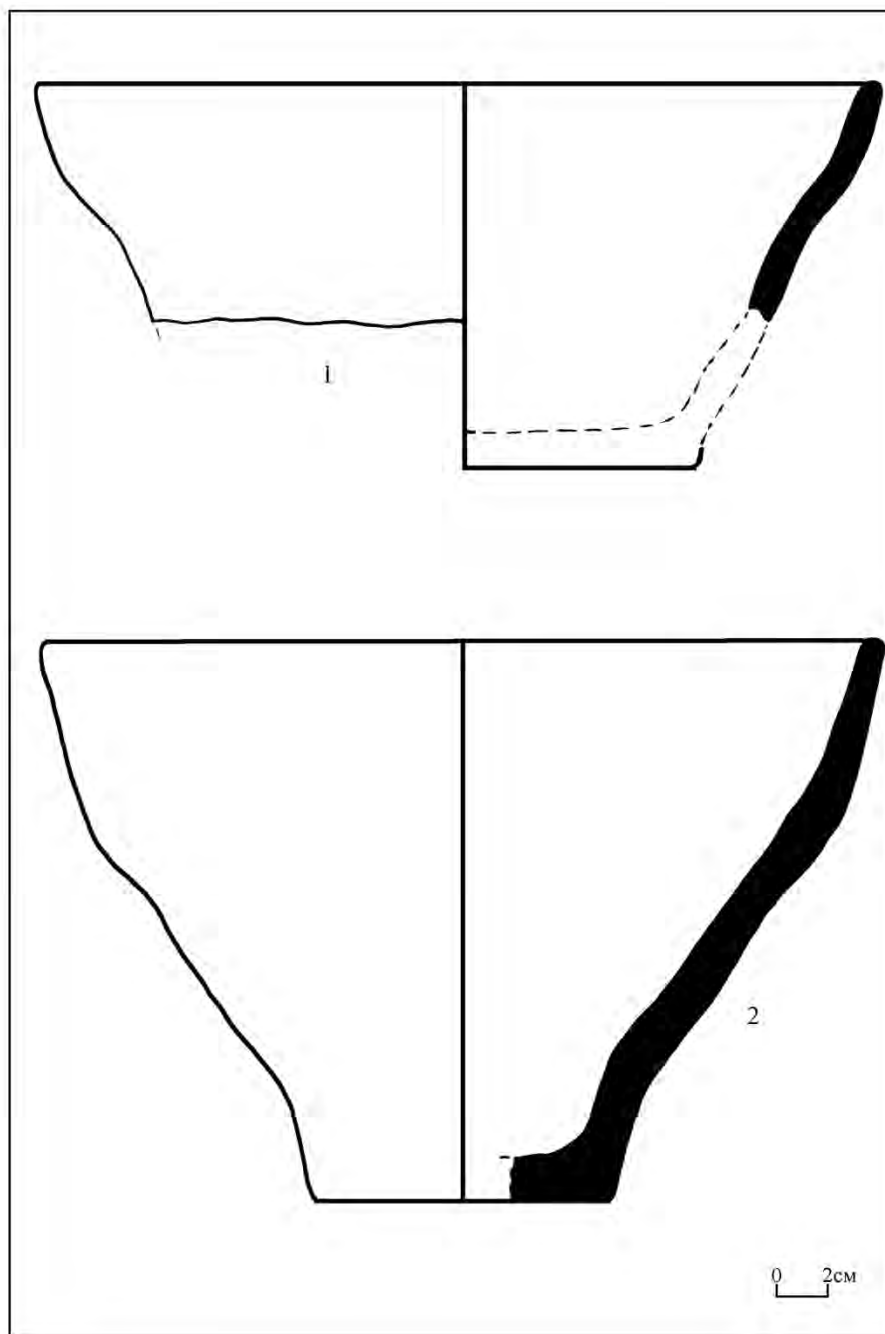

Рис. 8. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

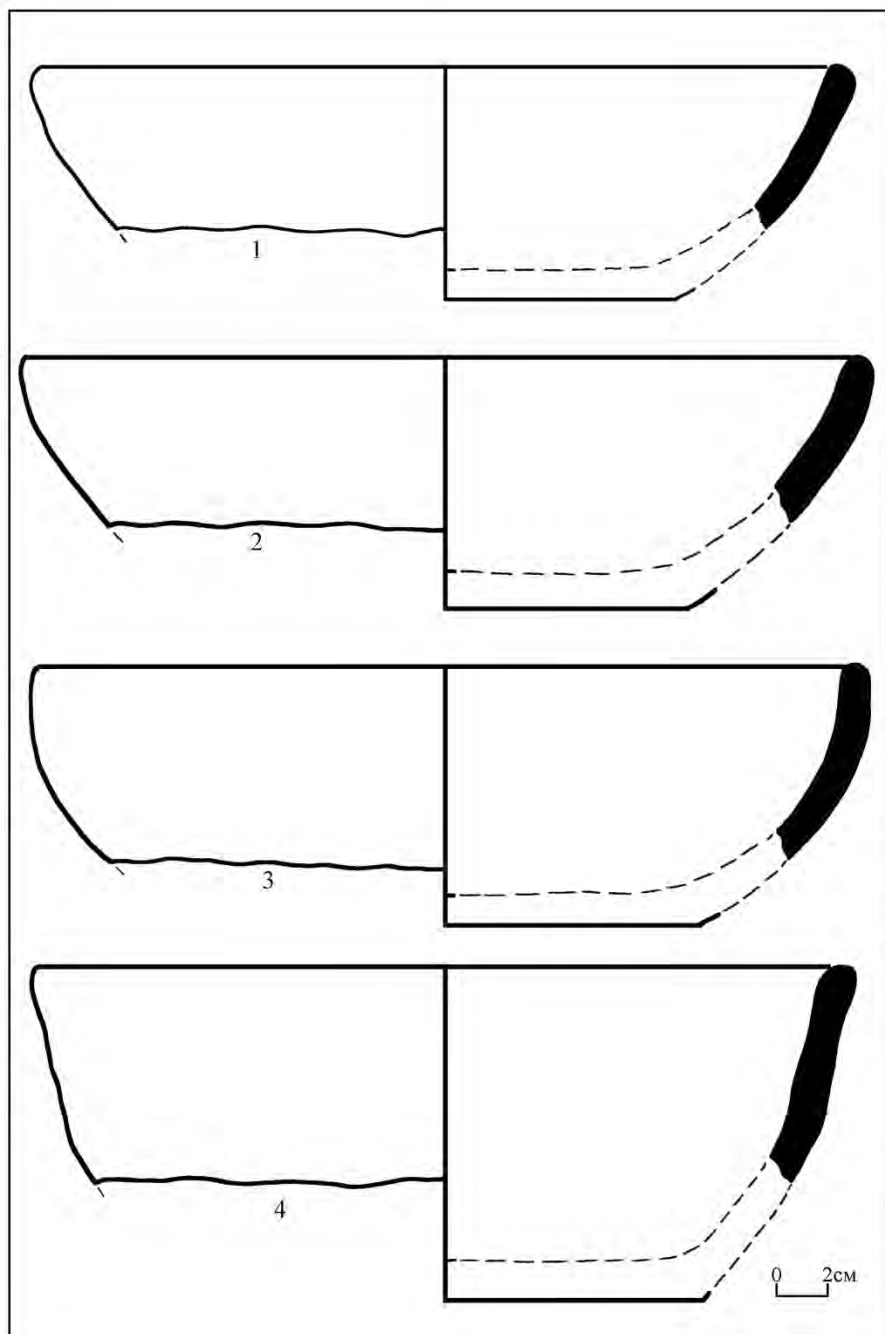

Рис. 9. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

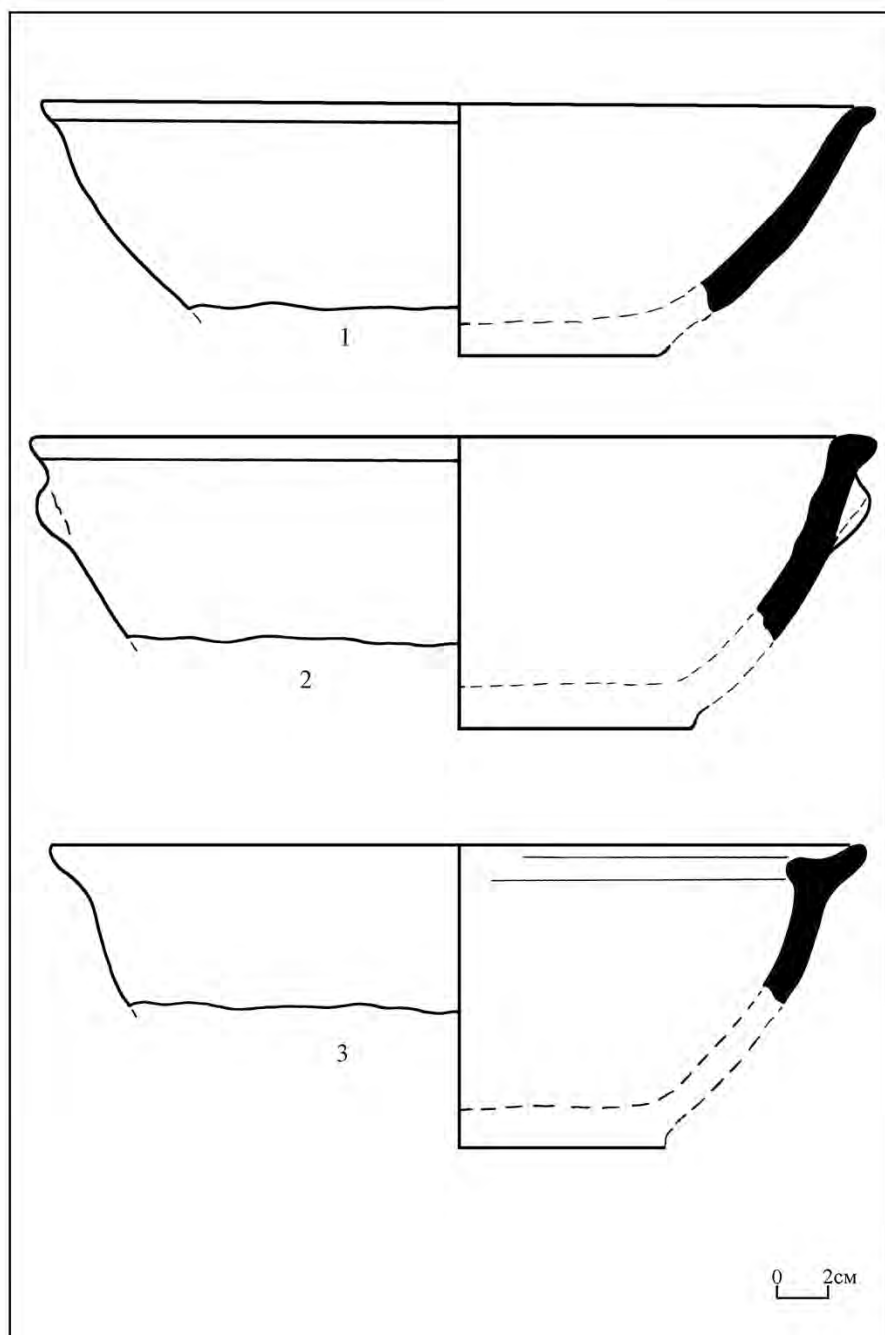

Рис. 10. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

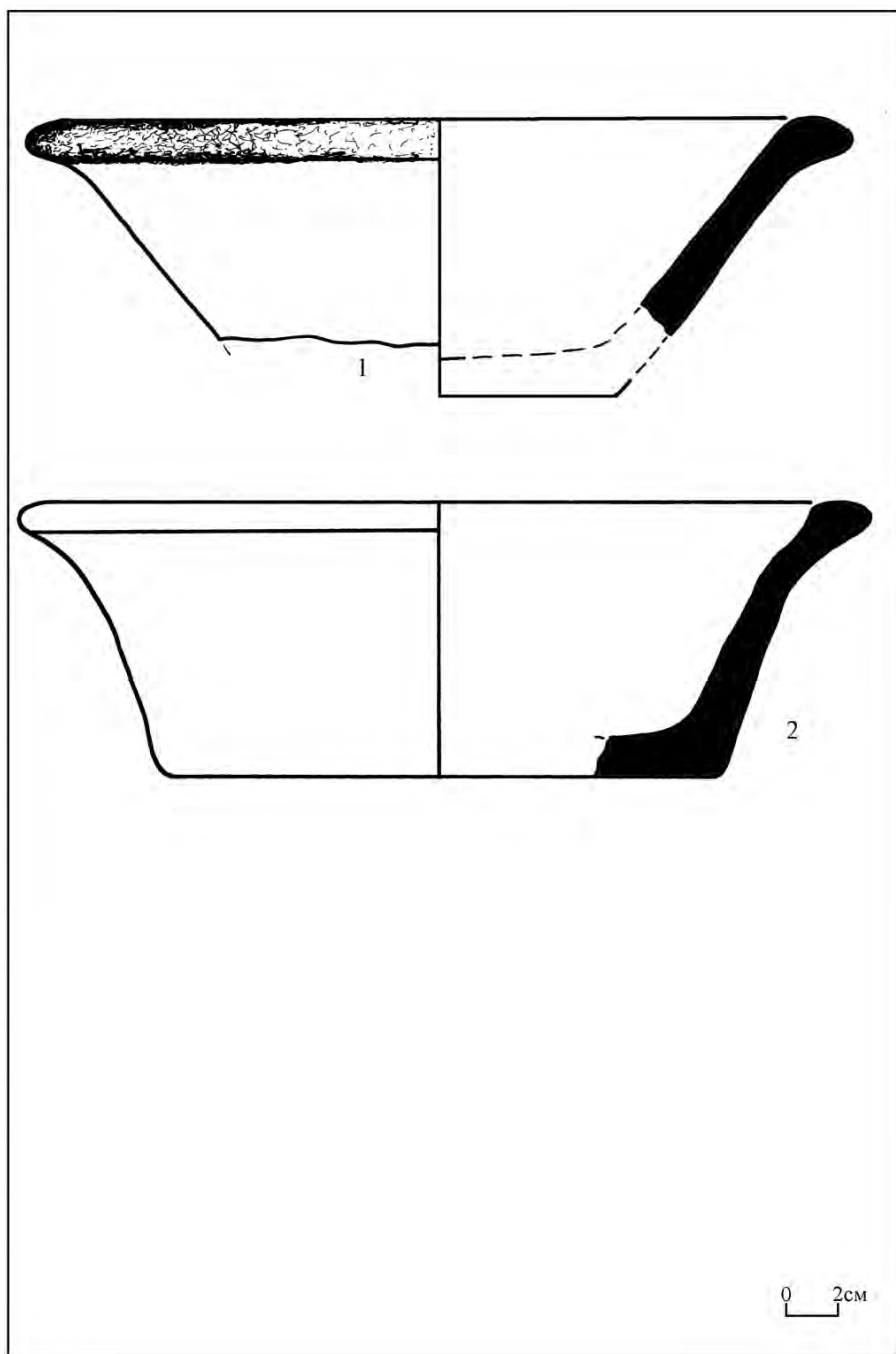

Рис. 11. Лепная керамика из хоз. ямы № 11 городища Тиритака.

ИСТОРИЯ НАУКИ

В.Н. ЗИНЬКО, Л.Ю. ПОНОМАРЕВ

РАЗВЕДКИ А.В. ГАДЛО НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1962 г. (в свете современных археологических данных)

В 1960 г. первую попытку составления подробной археологической карты раннесредневековых памятников Керченского полуострова предпринял Д.Л. Талис [Талис, 1960]. Однако его экспедиция отработала только один полевой сезон, к тому же результаты ее исследований не были своевременно введены в научный оборот. В 1962 г. разведки раннесредневековых поселений на Керченском полуострове продолжил Приазовский археологический отряд Ленинградского Государственного университета под руководством А.В. Гадло (рис. 1) [Гадло, 1963; Гадло, 1968ба, с. 59–60; Гадло, 1968б, с. 78; Гадло, 2004, с. 71; Пономарев, 2008, с. 255–256]¹. Поставленная перед ним задача предусматривала изучение раннесредневековых памятников в районах, примыкающих к Азовскому морю с севера и юга. План работ включал в себя: обследование известных и выявление новых памятников салтово-маяцкой культуры, поиск хронологически и генетически предшествующих им памятников, а также памятников эпохи Тмутараканского княжества.

На Керченском полуострове экспедиция проработала с 9 сентября по 5 октября 1962 г.² Работы велись методом маршрутных разведок, привязанных, в основном, к открытым в 1956–1961 гг. В.В. Веселовым раннесредневековым памятникам, и сводились к визуальному их осмотру, составлению глазомерного плана и сбору подъемного материала. В связи с открытием на Дону поселения XI–XII вв. у хутора Казачий Ерик [Гадло, 1964а], приоритетным для Керченского полуострова первоначально избрали «тмутараканское» направление³, поэтому особое

¹ С 1 августа по 7 сентября работы велись в нижнем течении р. Дон, где были обследованы первая надпойменная терраса от ст. Кривянской до ст. Бессергеновской, территория строительства Новочеркасской ГРЭС и проведены раскопки кочевья IX–X вв. близ ст. Заплавской и многослойного поселения у хутора Казачий Ерик [Гадло, 1963, с. 2]. Краткая версия отчета о разведках на Керченском полуострове хранится в фондах КГИКЗ [см. отчет о работе средневекового археологического отряда ЛГУ на территории Керченского полуострова в 1962 году // НА КГИКЗ. Опись № 2. Ед. хр. 347].

² В состав отряда входили: А.В. Гадло (начальник, аспирант кафедры археологии ЛГУ) и студенты – Ю.П. Калашник, П.И. Морозов, Н.Н. Юркина, А.А. Орлов. Существенную помощь экспедиции оказал В.В. Веселов.

³ На отсутствие должного внимания к памятникам этого периода на Керченском полуострове еще в 1950 г. указал П.Н. Шульц [Шульц, 1950, с. 156].

внимание сосредоточили на его северо-восточной оконечности – прибрежных участках от м. Ени-Кале до м. Фонарь, где еще в XIX – начале XX вв. были найдены моливдовулы наместника князя Всеволода в Тмутаракани Ратибора и архонтиссы «России» ФеофаноМузалон [Орешников, 1903, табл. II. 15; Лопарев, 1894, с. 159–166]⁴. Допускалось также, что памятники этого времени могли находиться на мысе Казантип, в северо-восточной части которого, на поселении Маяк, был случайно найден горшок с клеймом на дне, аналогичный, по мнению А.В. Гадло, «русским горшкам X–XIII вв.» [Талис, 1960, с. 15; Веселов, 2005, с. 73, № 303/404.-5; Гадло, 1963, с. 3]⁵. Однако, памятников эпохи Тмутараканского княжества на Керченском полуострове найти так и не удалось. Лишь на одном поселении, обнаруженном на северной окраине с. Репьевка, был найден фрагмент светлоглиняной амфоры, которую исследователь отнес к XI–XII вв. [Гадло, 1963, с. 4]⁶. В связи с этим основные работы были развернуты на салтово-маяцких памятниках, открытых незадолго до этого В.В. Веселовым. В северной части полуострова были обследованы поселения в окрестностях с. Калиновка, с. Азовское, с. Мысовое, с. Королево⁷, а в центральной и восточной частях – поселения у с. Новониколаевка, пос. Героевское, с. Пташкино, с. Приозерное, с. Репьевка и в районе Золотого кургана. Отдельные находки керамики VIII–первой половины X вв. удалось зафиксировать в окрестностях крепости Ени-Кале. На археологическую карту полуострова также были нанесены два плитовых и плитово-грунтовых ранне-средневековых могильника в окрестностях с. Пташкино и пос. Героевское. В юго-восточной части полуострова разведками охватили прибрежную полосу шириной 3 км между Тобечикским и Узунларским солеными озерами. Однако, южнее с. Заветное, где было обследовано открытое за несколько лет до этого М.М. Кублановым и В.В. Веселовым поселение на северном берегу озера Яныш, новых памятников VIII– первой половины X вв. обнаружить не удалось. Не дали положительных результатов и разведки на северном берегу Тобечикского озера

⁴ Около 1912 г. в районе Ени-Кале был также найден моливдовул византийского аристократа и высокопоставленного чиновника Иоанна Ангела, датированный Е.В. Степановой, Н. и В. Зайбт около 1185 г. [Степанова, 2007, с. 367–369, рис. 5].

⁵ Горшок обнаружен местным жителем в 1954 г. и поступил на хранение в Керченский музей. Представляет собой обычный салтово-маяцкий горшок, украшенный горизонтальным и волнообразным рифлением на тулове, с клеймом на дне в виде креста в круге. Но в конце 40-х – середине 50-х гг. прошлого столетия само понятие салтово-маяцкая культура было практически изъято из научного обихода. В публикациях тех лет, вслед за А.В. Арциховским, А.П. Смирновым и В.В. Мавродиным, памятники VIII–X вв. Восточного Крыма и Таманского полуострова зачастую относились к «раннеславянскому времени» или считались «русскими поселениями» с «керамикой, аналогичной керамике Киева и Новгорода XI–XII вв.» [см.: Гадло, 1960, с. 96; Баукова, 2008, с. 191].

⁶ В настоящее время на Керченском полуострове поселений, которые можно было бы датировать второй половиной X – XII вв., обнаружить не удалось [Пономарев, 2004, с. 167].

⁷ В отчет описание этих памятников не включено, поскольку за два года до А.В. Гадло их обследовал Д.Л. Талис [Талис, 1960].

в окрестностях с. Челядиново, хотя спустя несколько десятилетий здесь удалось обнаружить несколько салтово-маяцких поселений.

Практически все исследованные А.В. Гадло поселения оказались многослойными памятниками, но описание и фотографии античной керамики, за исключением нескольких клейменных ручек амфор, в отчет не вошли. Однако, в заключительной его части приведено краткое описание памятников эпохи бронзы, обследованных в окрестностях с. Королево, с. Мысовое, пос. Героевское, с. Пташкино, с. Репьевка и с. Марфовка [Гадло, 1963, с. 15–16].

В дальнейшем разведочные работы на Керченском полуострове А.В. Гадло более не предпринимал, но в 1963–1964 гг. на поселениях у с. Пташкино и пос. Героевское им были проведены стационарные раскопки [Гадло, 1968а, с. 70–77; Гадло, 1969, с. 160–168; Гадло, 1980, с. 130–145]⁸.

Северо-восточная часть полуострова

1. Район крепости Ени-Кале [Гадло, 1963, с. 5, № 1]. На плато к северу от турецкой крепости Ени-Кале А.В. Гадло были найдены два обломка стенок причерноморских амфор с мелким зональным рифлением VIII–XI вв. (рис. 17, 1; 2, 8, 9). Других находок, указывавших на то, что здесь могло располагаться раннесредневековое поселение, зафиксировать не удалось [Гадло, 1963, с. 5, рис. 3]. До А.В. Гадло район крепости, насколько нам известно, был неоднократно обследован В.В. Веселовым. В пределах пос. Сипягино он обнаружил многослойное поселение, подъемный материал с территории которого был представлен керамикой IV–III вв. до н. э., I–III вв. н. э., VIII – первой половины X вв. и позднего средневековья [Веселов, 1952, с. 236; Веселов, 1959, с. 230; Веселов, 2005, с. 16, 108, № 21/15.-1]. К востоку от крепости на протяжении 0,2 км к юго-востоку от восточного бастиона вдоль береговой террасы в пределах пос. Опасное им были прослежены обнажения слоя с керамикой I–III вв. н. э. и отдельными находками, относящимися ко времени функционирования крепости, в том числе чугунными ядрами и монетами XVIII в. [ср.: Куликов, Бейлин, 2010, с. 251]⁹.

2. Поселение Войково [Гадло, 1963, с. 6, № 2]¹⁰. Расположено в 2 км к северу-

⁸ В 1965 г. раскопки на поселении Пташкино продолжила В.Д. Рыбалова, передавшая впоследствии материалы своих раскопок А.В. Гадло. Этот историографический нюанс длительное время оставался неизвестным [Гадло, 2004, с. 77].

⁹ См. «Веселов В.В. Альбом. Древние поселения на мысу Фонарь (с. Глейки, Карьер)». Этот альбом, включавший в себя краткое описание, фотографии и схематические планы обнаруженных В.В. Веселовым памятников, хранился в керченской городской библиотеке им. А. Белинского. В настоящее время он утерян.

¹⁰ По всей видимости, именно этот памятник нанесен на карты А.В. Гадло и И.А. Баранова под № 51 и № 4 [Гадло, 1968а, с. 60, № 51; Баранов, 1990а, рис. 1, 4]. Соотнести его с одним из поселений, открытых В.В. Веселовым, С.А. Семеновым и В.Э. Куниным в окрестностях с. Войково и указанных в монографии И.Т. Кругликовой, не удалось [Веселов, 2005, с. 27–31, № 70–75, 307, 343, 469, 471–474; Кругликова, 1975, № 48–58; Семенов, Кунин, 1962, с. 259–260, № 8, 11, 13].

западу от с. Войково (бывш. Катерлез), на западном берегу р. Катерлез (рис. 18, 2). На распаханых участках встречались невыразительные обломки лепной керамики, вероятно, эпохи бронзы. Здесь же, на пересечении полевой дороги, идущей из села на северо-запад, и небольшой балки, вытянутой в направлении север-юг, было найдено несколько фрагментов черепиц, датированных А.В. Гадло IX–X вв.¹¹ В 0,1 км к югу от места их находки обнаружены фрагменты амфор IV–VII вв., в том числе с рифлением в виде «набегающей волны» (рис. 2, 2–6) [Гадло, 1962, рис. 4, а-д; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 29–30, класс 12]. Поскольку никаких следов культурного слоя обнаружить не удалось, характер памятника исследователь оставил открытым.

3. Поселение Золотой курган [Гадло, 1963, с. 6, № 3; Гадло, 1968а, с. 60, № 52; Веселов, 2005, с. 39, 143, № 132/329.-3]. Расположено в 0,55 км к юго-западу от Золотого кургана (Алтын-Оба, 0,7 км к северу от с. Джерджава) у подножия Митридатского хребта в 20 м к северу от шоссе Симферополь-Керчь (рис. 18, 2). Открыто в 1960 г. В.В. Веселовым, в этом же году обследовано А.В. Гадло. На протяжении 200 м вдоль южной террасы небольшой обводненной балки обнаружены немногочисленные обломки керамики VIII – первой половины X вв., в основном, причерноморских амфор и высокогорлых кувшинов с плоской ручкой. Отсюда же, по сведениям А.В. Гадло, происходят немногочисленные фрагменты амфор I–III вв. н. э. В свою очередь В.В. Веселов отметил невыразительные обломки лепной посуды, возможно, эпохи бронзы.

Северная часть полуострова

4. Поселение Новониколаевка [Гадло, 1963, с. 6-7, № 4; Гадло, 1968а, с. 60, № 68; Веселов, 1961–1962, с. 22, № IX; Веселов, 2005, с. 162, № 535]. Расположено на западной и юго-западной окраине с. Новониколаевка (Ново-Николаевка). С юго-востока к нему примыкает искусственный пруд (рис. 17, 3). Открыто в 1960 г. В.В. Веселовым, в этом же году обследовано А.В. Гадло. Подъемный материал выявлен на площади 250 × 150 м и представлен фрагментами лепной посудой эпохи бронзы, амфор IV–III вв. до н. э., а также керамики VIII – первой половины X вв., в том числе причерноморскими амфорами, салтово-маяцкими горшками и стенками ойнохойбаклинского типа, украшенными росписью белым ангобом¹².

¹¹ На салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова они относятся к одной из самых редких категорий находок. Однако в отчете А.В. Гадло содержатся сведения о находках обломков черепиц IX–X вв. сразу на трех памятниках – поселениях в районе с. Войково, с. Заветное и пос. Героевское [ср.: Гадло, 2004, с. 124, прим. 67], но фотографии некоторых из них позволяют усомниться в их датировке.

¹² На южной и юго-восточной окраине села В.В. Веселов обнаружил еще нескольких поселений VIII – первой половины X вв. [Веселов, 1961–1962, с. 22]. В 1983 г. в центральной части села В.Н. Холодковым частично раскопан плитовый могильник этого же времени [Холодков, Иванина, Пономарев, 2005, с. 332–337].

Восточная и юго-восточная часть полуострова

5. Поселение Репьевка [Гадло, 1963, с. 7, № 5; Веселов, 2005, с. 164, № 553; Баранов, 1990а, рис. 1, 24; Айбабин, 1999, рис. 78, 87]¹³. Расположено на северной окраине ныне не существующего с. Репьевка (в археологической литературе упоминается так же, как с. Репьево, бывш. Айман-Кую, в 4 км к юго-востоку от с. Горностаевка), к западу от дороги, соединяющей шоссе Симферополь-Керчь и с. Пташкино (рис. 17, 3). Открыто в 1962 г. В.В. Веселовым, в этом же году обследовано А.В. Гадло. У подножия возвышенности собрана немногочисленная керамика IV–III вв. до н. э., VIII–первой половины X вв. и позднесредневекового времени. Подробная характеристика подъемного материала в отчете не приведена.

6. Поселение Репьевка [Гадло, 1963, с. 4]. Расположено у южного подножия возвышенности на северной окраине с. Репьевка, в 0,3 км к востоку от дороги, соединяющей шоссе Симферополь-Керчь и с. Пташкино (рис. 17, 3). На пашне среди камней обнаружены два обломка высокогорлых кувшинов с плоской ручкой и обломок «светлоглиняной амфоры с мелким рифлением», относящейся, по мнению А.В. Гадло, к «известному типу амфор XI–XII вв.» (рис. 2, 7) [Гадло, 1963, с. 4, рис. 2; Гадло, 1968а, с. 64; Гадло, 2004, с. 116]. К какому конкретно из них, автор, к сожалению, не уточнил. Подобного рода немногочисленные находки, и, прежде всего, монеты периода правления византийского императора Иоанна Цимисхия с городища Киммерик [Марти, 1928, с. 4–5], позволили А.В. Гадло прийти к выводу, что жизнь на некоторых поселениях VIII–X вв. «теплилась до конца X – начала XI вв.» [Гадло, 1968б, с. 79; Гадло, 1968а, с. 64].

7. Поселение Приозерное [Гадло, 1963, с. 9–10, № 7, рис. 28; Гадло, 1968а, с. 60, № 55; Баранов, 1990а, рис. 1, 20]. Расположено на юго-западном берегу Чурубашского озера (урочище «Чурубашские скалки») в 1 км к юго-востоку от с. Приозерное (рис. 17, 2; 3). На территории площадью около 1 кв. км А.В. Гадло были зафиксированы остатки жилищ в виде всхолмлений и скоплений мелкого камня, а также сильно «измельченная керамика VIII–X вв.», преимущественно обломки салтово-маяцких горшков.

8. Поселение Пташкино [Гадло, 1963, с. 7–9, № 6; Гадло, 1968а, с. 60, № 59; Якобсон, 1970, с. 28, пункт 78, рис. 1, 78; Баранов, 1990а, рис. 1, 14; Айбабин, 1999, рис. 78, 76; Пономарев, 2011а, с. 361, № 35]. Расположено в 0,8 км к югу от с. Пташкино (бывш. с. Джелькеджи-эли, на некоторых картах Джеркеджели), на восточном берегу обводненной балки Шаклар (рис. 19, 2; 4). Занимает северо-

¹³ На карте А.В. Гадло ему, по всей видимости, соответствует пункт под № 53 (в р-не Горностаевки) [Гадло, 1968а, с. 60, № 53]. В выборочную сводку раннесредневековых памятников Крыма, опубликованную в 1970 г., А.Л. Якобсон включил еще одно поселение – Репьевка с подъемным материалом «III–IV вв. и VIII–IX вв.», обследованное им в 1963 г. к югу от села [Якобсон, 1970, с. 28, пункт 77, рис. 1, 77].

восточный край низменной равнины, прикрытой с севера холмистой грядой, а с юга и запада ограниченной балками, ориентированными в направлении СВ–ЮЗ и запад-восток. Открыто поселение в 1961 году В.В. Веселовым [Веселов, 1961; Веселов, 1961–1962, с. 21–24; Веселов, 2005, с. 59, 157, № 485/486.-1]. В 1962 г. оно обследовано А.В. Гадло, а спустя год осмотрено А.Л. Якобсоном [Гадло, 1963, с. 7–9; Якобсон, 1970, с. 28, пункт № 78, рис. 1, 78]. Площадь поселения составляет около 15–16 га, по обмерам А.В. Гадло, 300 × 500 м. На пашне А.В. Гадло зафиксировал 10 невысоких всхолмлений с развалами необработанных камней, представлявших собой остатки построек. В свою очередь, В.В. Веселов их насчитал не менее двадцати. Они располагались двумя вытянутыми с севера на юг рядами, расстояние между ними варьировалось в пределах 70–100 м. К юго-востоку от них находились зольники диаметром от 15 до 30 м и высотой до 0,5 м. Подъемный материал представлен разнообразной керамикой VIII–первой половины X вв., концентрирующейся, в основном, в пределах зольников и развалов камней. В ней преобладали фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 5, 1–4, 8), красноглиняных пифосов, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 5, 5), салтово-маяцких горшков (рис. 6, 1–4; 7; 8), чернолощеной и серолощеной столовой посуды (рис. 6, 5–8) [Гадло, 1963, рис. 9–16]. Гораздо реже встречались фрагменты выючных фляг (рис. 5, 7) и ойнохойбаклинского типа, часть которых украшена горизонтальными полосами, нанесенными белым ангобом (рис. 5, 6). К числу редких находок относился фрагмент котла с внутренними ручками-ушками, обнаруженный В.В. Веселовым. Помимо керамики, были найдены обломки стеклянных бокалов и рюмок [Гадло, 1963, с. 9]. Отсюда же происходят единичные фрагменты гераклейских амфор IV в. до н. э., а также обломки лепных сосудов с налепными валиками, датированные В.В. Веселовым и А.В. Гадло эпохой бронзы, отщепы кремня и шаровидный каменный терочник [Веселов, 2005, с. 59].

В 1964 г. А.В. Гадло заложил на поселении несколько шурфов и два раскопа. На раскопах I и II им были открыты строительные остатки VIII – первой половины X вв., относящиеся как минимум к трем строительным периодам [Гадло, 1971, с. 69–71; Гадло, 1980, с. 130–145; Гадло, 2004, с. 82].

9. Плитовый могильник Пташкино [Гадло, 1963, с. 8; Пономарев, 2011а, с. 362, № 38]. Расположен в 0,2–0,4 км к северо-западу от поселения Пташкино и 1 км к юго-западу от с. Пташкино (рис. 19, 2; 4). Открыт в 1961 г. В.В. Веселовым [Веселов, 1961–1962, с. 24, № VII; Веселов, 2005, с. 59–60, 158, № 487/488.-3]. Занимает северо-восточный и восточный склоны г. Шаклар, но границы могильника определить не удалось, поскольку в 50-е – 60-е годы прошлого столетия он был практически полностью уничтожен гипсовым карьером. На схеме из полевого дневника В.В. Веселова за 1961–1962 гг. территория могильника обозначена к северо-востоку от здания управления карьера [Веселов, 1961–1962, с. 21], а на плане-схеме А.В. Гадло, опубликованной в 1980 г., показан

только северо-восточный его участок, примыкавший к искусственному пруду [Гадло, 1980, рис. 1, 4]. Из некоторых разрушенных погребений рабочей карьера В.В. Веселову были переданы несколько находок, в том числе прорезная подвеска из белого металла (рис. 9, 8), серьга из белого металла, украшенная «вставками из цветных камней и стекла», а также глазчатые и полосатые овально-биконические, цилиндрические и округлые бусины из стеклянной пасты, халцедона и сердолика (рис. 9, 1–7) [Веселов, 1961; Веселов, 2005, с. 59; Гадло, 1963, с. 8, рис. 7–8; Гадло, 2004, с. 107–108]¹⁴. В одной из разрушенных могил был найден крупный фрагмент горла причерноморской желобчатой амфоры. В 1962 г. у подошвы г. Шаклар на берегу искусственного ставка А.В. Гадло зачистил обнажившуюся в береговом откосе частично разрушенную плитовую могилу (рис. 9, 9). Однако, костяка и погребального инвентаря в ней не оказалось [Гадло, 1963, рис. 5]. В 30 м к западу от нее он раскопал хозяйственную яму, заполненную золой, на дне которой были найдены обломок известнякового ротационного жернова (рис. 16, 4), а также фрагменты салтово-маяцкого горшка и причерноморской амфоры [Гадло, 1963, с. 5]. На основании находок, переданных В.В. Веселову рабочими карьера, А.В. Гадло датировал могильник VIII–IX вв. [Гадло, 1963, с. 8; Гадло, 2004, с. 107].

10. Поселения на юго-западной окраине и к югу от пос. Эльтиген (поселение Героевское, по А.В. Гадло). Особое внимание А.В. Гадло уделил раннесредневековым памятникам, обнаруженным в 1956 г. В.В. Веселовым на юго-западной окраине пос. Эльтиген (бывш. Героевское) и к югу от него вдоль берегового обрыва до пересыпи Тобечикского озера (рис. 18, 1; 10) [Веселов, 1956, с. 12; Веселов, 2005, с. 41–42, 116, № 141/84.-1, (168) 142/85.-2; Гадло, 1963, с. 10–13, № 8; Зинько, Пономарев, 2000, рис. 2]¹⁵. Результаты, полученные в процессе разведок, позволили ему предположить, что в конце VII – конце IX / начале X вв. на этой территории находилось одно большое селище (рис. 10). В научный оборот оно вошло как поселение Героевское (Героевка), но уже давно название памятника не отражает археологических реалий [ср.: Гадло, 1968а, с. 60, № 48; Якобсон, 1970, с. 28, пункт 80, рис. 1, 80; Баранов, 1990а, рис. 1, 8; Айбабин, 1999, рис. 78, 79; Гадло, 2004, с. 121–122, прим. 36].

Протяженность его, по мнению А.В. Гадло, в направлении север-юг достигала

¹⁴ На фотографии в отчете А.В. Гадло приведены 7 бусин из стеклянной пасты и подвеска из белого металла. Бусины округлой формы, диаметром 8–12 мм, украшены «глазками» коричнево-желтого оттенка. Бусина овально-биконической формы, длиной 23 мм, украшена полосатым орнаментом, но расцветка неизвестна [Веселов, 2005, с. 59]. По определению З.А. Львовой и Ю.Л. Щаповой, их следует датировать VIII–IX вв. [Гадло, 1963, с. 8]. Рисунок серьги в отчете не приведен, а рисунок подвески предоставлен В.В. Веселовым.

¹⁵ Отдельные находки керамики VIII – первой половины X вв. А.В. Гадло зафиксировал на протяжении всего поселка, включая и территорию античного городища Нимфей [Гадло, 1963, с. 10; Гадло, 1964б, с. 5].

3,5–3,7 км, а площадь составляла не менее 160 га [Гадло, 1963, с. 10; Гадло, 1964б, с. 4; Гадло, 1968б, с. 78]. Южная граница была определена в 0,2 км к югу от курганной группы Челябиново-Восточное, расположенной на северной окраине поселения Героевка-1, в верхнем горизонте которого в 1956 г. И.Т. Кругликова проследила слой VIII–X вв. [Гадло, 1963, с. 10; Гадло, 1968б, с. 78, прим. 1; Зинько, 2003, рис. 97, 1; Пономарев, 2009, с. 509]. Северную границу А.В. Гадло проложил южнее построек Верхне-Бурунского маяка, находящихся на западной окраине пос. Эльтиген [Гадло, 1963, с. 11; Зинько, Пономарев, 2000, с. 187, рис. 1, 1, 17]. В зависимости от особенностей рельефа и других топографических особенностей исследователь разделил поселение на две условные части.

Южная часть поселения протяженностью около 2 км вытягивалась узкой, шириной не более 0,2 км, полосой вдоль высокого, подверженного абразии берегового клифа. За исключением прилегающего к обрыву задернованного участка, ограниченного с запада полевой дорогой, эта часть поселения уже к концу 50-х гг. XX в. была полностью распахана. На отдельных его прибрежных участках, в обрывах и оползнях, был прослежен раннесредневековый культурный слой серо-пепельного оттенка с прослойками золы и камнями. Большей частью он залегал на материковом суглинке, а в некоторых случаях перекрывал напластования «эллинистического времени». Местами в обрыве фиксировались остатки построек, хозяйственные ямы и скопления керамики VIII – первой половины X вв., приуроченные, по мнению А.В. Гадло, к отдельным усадьбам, находившимся на расстоянии до 100–150 м друг от друга. В настоящее время на указанной территории выделяют три крупных (античных и салтово-маяцких) поселения – Героевка-1, Героевка-2, Героевка-3 и еще несколько других более мелких поселений и отдельных усадеб [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15, 43–48; Зинько, Пономарев, 2000, с. 188–190, рис. 1. 1, 2, 3, 13, 15–19].

Северная часть поселения занимала прибрежную террасу вдоль западной и юго-западной окраины пос. Героевское. Западная ее граница пролегла по холмисто-скальной гряде с курганными насыпями, северная – южнее Верхне-Бурунского маяка, а южная условно проведена по насыпи ныне не существующей узкоколейной железной дороги, сооруженной в начале XX в. К началу 60-х годов прошлого столетия практически вся эта территория была распахана под зерновые и засажена виноградником. Соответственно, глубина вспаханного слоя составляла 0,27–0,35 м и 0,80–0,90 м. Протяженность участка в направлении север-юг достигала 1,5 км, а в направлении запад-восток варьировалась в пределах 0,2–0,8 км. На этой территории, в пределах которой на современной археологической карте размещают поселения Героевка-6 и Эльтиген Юго-Западное [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 49–52; Зинько, Пономарев, 2000, с. 189, рис. 1, 6], А.В. Гадло выделил 12 зольников диаметром до 30 м и 40 развалов каменных построек, прослеженных в виде скоплений необработанного камня, диаметром до 50–70 м, располагавшихся на

расстоянии 100–200 м друг от друга (рис. 10)¹⁶. При этом некоторые каменные развалы и зольники группировались «гнездами», вытянутыми с севера на юг, параллельно берегу моря. В промежутках между ними подъемный материал был представлен немногочисленными, а порою единичными фрагментами керамики. Характер расположения остатков построек и тяготевших к ним зольников позволил исследователю прийти к выводу, что каждый из этих комплексов представлял собой отдельную усадьбу или «хозяйственную бытовую единицу» [Гадло, 1964б, с. 5; Гадло, 1968б, с. 78].

Подъемный материал, в основном, был собран в северной части поселения в пределах зольных пятен и развалов камней. За исключением немногочисленных находок амфор IV–III вв. до н. э., большая его часть была представлена керамикой VIII – первой половины X вв. [Гадло, 1963, с. 12]. Среди тарной керамики преобладали фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением на тулове. Помимо них, были найдены фрагменты гладкостенных и желобчатых пифосов, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой и выючных фляг. Столовая керамика была представлена, в основном, фрагментами ойнохойбаклинского типа. Часть принадлежащих им стенок покрывал характерный для этих сосудов орнамент в виде горизонтальных полос, нанесенных белым ангобом. К этой же категории керамики относились фрагменты лощеных сосудов, тип которых определить не удалось, и обломки красноглиняных лощеных мисок. Одна из них морфологически близка миске с отогнутым наружу венчиком из раскопок Фанагории (рис. 8, 6) [Атавин, 1992, с. 185, рис. 15, 1]. Основную массу салтово-маяцкой нелощеной керамики составляли сероглиняные кухонные горшки и более крупные толстостенные тарные горшки с массивными венчиками, украшенными пальцевыми защипами или скрученными в виде жгута [ср.: Зинько, Пономарев, 2009, с. 67]. Венчики некоторых кухонных горшков украшены оттисками многозубчатого штампа, вдавлениями, насечками и врезным орнаментом, а тулово – сплошным и зональным, горизонтальным и волнообразным рифлением. Среди находок, не имеющих аналогов, следует отметить красноглиняную лепную воронку (рис. 8, 12) [Гадло, 1963, рис. 16, 20]. К числу редких изделий салтовских керамических мастерских относится обломок крышки сосуда с округло-конической ручкой (рис. 11, 2) [Гадло, 1963, рис. 24; ср.: Пономарев, Пономарева, 2010, с. 461–462, рис. 3, 7, 8].

Индивидуальные находки представлены немногочисленными изделиями из глины, камня и стекла. В одном из зольников был обнаружен амулет в виде глиняной «лепешки» диаметром 6,3 см, представлявшей собой «восьмиконечную звезду» [Гадло, 1963, рис. 22]. На одну из ее сторон до обжига был нанесен

¹⁶ Всего же на территории поселения были визуальнo зафиксированы 69 каменных развалов построек и 18 зольников [Гадло, 1964б, с. 6, прим. 3; Гадло, 2004, с. 73]. Все они показаны на плане-схеме, нанесенной на горизонтали военно-топографической карты 1909 г. (рис. 10) [Гадло, 1964б, с. 6, рис. 1].

рисунок в виде решетки, внутри ячеек которой оттиснуты вдавления треугольной формы (рис. 11, 1)¹⁷. Остальные изделия из глины представлены пряслицами дисковидной и цилиндрической форм (рис. 12, 1–4) [Гадло, 1963, рис. 26–27], а также поделкой – крышкой(?) диаметром 4,5 см, изготовленной из стенки амфоры (рис. 11, 5) [Гадло, 1963, рис. 26]. Отсюда же происходят обломки бокалов и рюмок, выдутых из светло-зеленого, оливково-зеленого и изумрудно-зеленого стекла с пузырьками. Рюмки имели трапецевидный корпус с утолщенным краем и невысокую полую ножку на круглой плоской подставке [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 194–195, тип II]. Тип бокалов определить гораздо сложнее. В верхней части их корпус имел форму цилиндра или усеченного конуса, а в нижней округло-сферическую форму. При этом совершенно отсутствуют фрагменты стенок с декором в виде рельефных полос. Дно бокалов, как правило, вогнуто [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 194, вариант 1-1; 2-1].

Особый интерес представляют две каменные подвески [Гадло, 1963, рис. 23; 24]. Одна из них, высотой 5,3 см, представляет собой примитивное антропоморфное изображение и напоминает фигуру (в профиль) сидящего на корточках человека (рис. 11, 3). Вторая подвеска, размерами 4,7 × 5,3 см, имеет форму, близкую к треугольнику, с небольшим полукруглым выступом сверху (рис. 11, 4). Аналогов этим изделиям обнаружить не удалось.

Среди находок античного времени А.В. Гадло выделил четыре клейменные ручки амфор. Судя по описанию места находки, они были обнаружены на поселении Героевка-6. Три из них принадлежали амфорам Синопы (рис. 13, 1–3). Четвертое – однострочное клеймо в прямоугольной рамке, оттиснуто на ручке южнопонтийской амфоры I–II вв. н. э., сформованной из глины, приобретшей после обжига красно-коричневый оттенок (рис. 13, 4) [Гадло, 1963, с. 11, рис. 18–21]¹⁸. Гораздо сложнее датировать тарелку конической формы на плоском дне (рис. 8, 7) [Гадло, 1963, рис. 16, 12]. По своим морфологическим особенностям она напоминает тарелки из слоя пожара XI–XII вв. в портовом районе Херсонеса [Романчук, 1975, с. 8–10, рис. 1].

Из находок в южной части поселения А.В. Гадло отметил обломки черепиц IX–X вв., обнаруженные в окопе, в 0,2 км к югу от кургана I могильника Челябиново-Восточное. Одно из них имеет рельефное клеймо в виде креста (рис. 12, 5) [Гадло, 1963, с. 11, рис. 17]¹⁹.

¹⁷ В 1994 г. подобная «лепешка» была обнаружена на поселении Эльтиген Юго-Западное, но, в отличие от найденной в 1962 г. А.В. Гадло, она представляла собой двенадцатизубчатый диск диаметром 3,9 см, на одну из сторон которого были нанесены косые насечки [Пономарев, 2005, с. 98, рис. 1, 3].

¹⁸ 1. ΦΟΡ[.....] 2. [...]ΙΜΑΧΟΥ 3. [...]Ω 4. [...]ΙΜΑΡΧΟΥ
ΑΞΧ[.....] ΑΣΤΥΝΟ [.....]Ω→стригиль(?)
ΑΣΤ[.....]ΠΟΣΕΙΔΩ→цветок лотоса

¹⁹ Могильник расположен на северо-западной окраине поселения Героевка-1 [Зинько, 1998, с. 173–174, рис. 1; 2; Зинько, 2003, с. 226].

На основании подъемного материала А.В. Гадло датировал поселение VIII–X вв., но затем, с учетом данных, полученных в процессе его раскопок, скорректировал хронологические рамки в пределах конца VII – рубежа IX–X вв. [Гадло, 1963, с. 10; Гадло, 1968б, с. 79].

11. Плитово-грунтовый могильник на поселении Героевка-2 [Гадло, 1963, с. 13; Пономарев, Пономарев, 2009, с. 508, № 44; 2011б, с. 287–295]. Расположен на краю берегового обрыва в 1,5 км к югу от пос. Эльтиген (рис. 18, 1; 10)²⁰. Большая часть могильника, по видимому, уничтожена абразией. Впервые о нем в 1956 г. упоминает В.В. Веселов, в дневниках разведок которого содержится запись о плитовых могилах, обнажившихся в береговом обрыве на глубине 1–1,2 м. Здесь же он зафиксировал обнажения культурного слоя с античной керамикой, на основании чего отнес могильник к эллинистическому времени [Веселов, 2005, с. 42, 116, № 145/88.-5]. В 1962 г. прилегающие к могильнику участки побережья обследовал А.В. Гадло. Южнее большого оврага, к северу от которого спустя год на поселении Героевка-3 им были заложены раскопы I–IV [Гадло, 1969, рис. 1], исследователь обнаружил боковые плиты трех, ориентированных в направлении запад–восток могил, практически полностью разрушенных абразией. По мнению А.В. Гадло, они представляли собой обычные для христианских захоронений средневекового Крыма плитовые погребения [Гадло, 1963, с. 13]. Весной 1963 г. он повторно осмотрел их совместно с М.А. Фронджуло, но, как оказалось, незадолго до этого остатки могил были вскрыты и ограблены [Гадло, 1964б, с. 6]. Позднее обрушились и последние уцелевшие могильные плиты. В этом же году в 2 м к северу от них на краю берегового обрыва А.В. Гадло заложил разведочный раскоп VI размерами 2,5 × 2,5 м. В процессе раскопок на глубине 0,40–0,55 м в слое, «перекрывшем остатки эллинистического поселения», им были открыты две грунтовые могилы [Пономарев, 2011б, с. 288–289, рис. 2]. На следующий год были раскопаны еще пять плитовых могил и одно грунтовое погребение. В конечном итоге на исследованном участке могильника было открыто 11 погребений, в том числе 8 плитовых (включая 3 разрушенных абразией) и 3 грунтовых могилы. На основании немногочисленного инвентаря могильник был вначале датирован А.В. Гадло VIII–X вв. и VIII–IX вв., а затем IX в. [Гадло, 1963, с. 13; Гадло, 1964б, с. 49; Гадло, 2004, с. 106–107]²¹.

²⁰ Установить его местонахождение удалось благодаря схематической карте, включенной в иллюстративную часть отчета А.В. Гадло о раскопках 1963 г. (рис. 10) [Гадло, 1964б, рис. 1]. Могильник находится в северной части поселения Героевка-2, примерно в 100 м к югу от кургана, на вершине которого в 1996 г. была раскопана постройка VIII–X вв. [Зинько, Пономарев, 2005, с. 244, рис. 16; 17]. К югу от могильника В.Н. Зинько раскопаны усадьба IV–VI вв., несколько жилищных и хозяйственных комплексов VIII–X вв., а также курган, где, помимо погребений IV в. до н. э., была зачищена плитовая могила VIII–X вв. [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 44–47, fig. 48; Зинько, 2003, с. 191–195; Зинько, Пономарев, 2005, с. 236–245, рис. 10; 11; 19].

²¹ К сожалению, материалы раскопок могильника при жизни исследователя в полном объеме

12. Поселение Ченгелек (Костырино-I) [Гадло, 1963, с. 13, № 9; Кругликова, 1957, рис. 1, 37; Кругликова, 1975, с. 18, 95, № 154; Кругликова, 1984, № 154; Веселов, 2005, с. 49, 121, № (154) 181/124.-10; Баранов, 1990а, рис. 1, 9; Зинько, 2003, рис. 5, № 6; Пономарев, 2011а, с. 350, № 1]. Расположено в 0,1 км к востоку от с. Костырино (бывш. Ченгелек Русский). Занимает территорию небольшого мыса, вдающегося с юга в Тобечикское озеро и прилегающие к нему с северо-запада и юго-востока две небольшие бухты (рис. 19, 1). Площадь мыса 10–12 га, размеры в направлении запад-восток 120–130 м, в направлении север-юг 230 м [Веселов, 2005, с. 49]. У основания мыса прослеживаются ров и вал. Открыто поселение в 1936 г. разведочным отрядом Боспорской экспедиции ГАИМК под руководством Ю.Ю. Марти. К сожалению, часть материалов экспедиции была утрачена во время войны, уцелели лишь карта, краткие аннотации к ней и планы открытых памятников. По мнению Ю.Ю. Марти, укрепленная часть поселения, площадью около 8 га, представляла собой «крепостцу греко-римского и византийского времени». С юго-западной – напольной стороны мыса его прикрывал ров и стена, небольшой участок кладки которой обнажился в насыпи «вала» (рис. 14). Мощность культурного слоя, прослеженного в береговых обрывах, достигала 1,5 м. Среди подъемного материала он отметил «черепки чернолаковые, красноглиняные римские», обломки ранневизантийских желобчатых амфор и «черепки с зеленой поливой» [Гайдукевич, 1959, с. 213, № 6, рис. 81]. В 1956 г. поселение обследовал В.В. Веселов, который в отличие от Ю.Ю. Марти считал укрепленную часть мыса «акрополем обширного эллинистического поселения». Среди подъемного материала, помимо фрагментов кровельной черепицы и амфор IV–III вв. до н. э., он отметил немногочисленные обломки керамики «римского и раннесредневекового времени» [Веселов, 1956, с. 2, № 6; Веселов, 2005, с. 49]. В этом же году разведочные раскопки на поселении провела И.Т. Кругликова. Полученный материал позволил исследовательнице датировать памятник концом V/IV в. до н. э. – III в. н. э. [Кругликова, 1975, с. 18, 95]. С наблюдениями В.В. Веселова и И.Т. Кругликовой вполне согласуются выводы В.Ф. Гайдукевича, по мнению которого, укрепление функционировало с V в. до н. э. и до конца античной эпохи. Повторно же мыс был заселен только в VIII–IX вв. [Гайдукевич, 1959, с. 213]. В 1962 г. в план своих разведок поселение включил А.В. Гадло. При осмотре мыса и прилегающих к нему бухт он отметил обломки «позднебоспорской керамики» и несколько ручек амфор IV–VII вв. с рифлением в виде «набегающей волны» [Гадло, 1963, с. 13, рис. 4 е]. Однако керамики VIII – первой половины X вв. ему обнаружить не удалось, что, впрочем,

опубликованы не были. Впервые о нем упомянул И.А. Баранов, но, по видимому, с результатами раскопок 1964 г., когда была раскопана основная часть плитовых погребений, ему ознакомиться не удалось. Поэтому он ошибочно включил его в археологическую карту грунтовых салтово-маяцких могильников Крыма второй половины VII–X вв. [Баранов, 1989, с. 159–160, рис. 1; Баранов, 1990а, с. 109, 117, рис. 37, 3; Баранов, 1990б, с. 72, 74, рис. 1, 1].

не помешало исследователю нанести его на карту памятников конца VII – начала X вв. [Гадло, 1968а, с. 60, № 56]. В 1998 г. разведки на поселении провела Боспорская охранно-археологическая экспедиция (БОАЭ) Крымского отделения Института востоковедения РАНУ под руководством В.Н. Зинько. Среди собранного археологического материала преобладала керамика IV–III вв. до н.э., в том числе обломки боспорских керамид. Немногочисленные находки керамики VIII – первой половины X вв., преимущественно стенки салтово-маяцких рифленых горшков, были найдены с напольной стороны вала у основания мысы [Зинько, Пономарев, 1999, с. 6].

13. Поселение Заветное (Яныш-Такиль I) [Гадло, 1963, с. 14, № 10; Гадло, 1968а, с. 60, № 49; Якобсон, 1970, с. 28, пункт 79, рис. 1, 79; Баранов, 1990а, рис. 1, 10; Айбабин, 1999, рис. 78, 78; Пономарев, 2011а, с. 352–353, № 10]. Расположено на северном берегу соленого озера Яныш между с. Набережное и с. Заветное. Занимает обширный пустырь, ограниченный с юга котловиной озера и балкой Чикграл-Джилга (рис. 19, 1; 15). Площадь поселения не менее 0,8 кв. км. Открыто в 1956 г. М.М. Кублановым и В.В. Веселовым [Кубланов, 1961, с. 92, 94, № 7; Веселов, 2005, с. 47, 119, № 173/116.-2]. В прибрежной части поселения М.М. Кубланов проследил античный культурный слой и торцы двух мощных стен. В кладке одной из них был обнаружен обломок дна чернолакового блюда, позволивший датировать постройку IV в. до н. э. Выше были зафиксированы многочисленные обломки «желобчатых амфор VIII–IX вв.». В некоторых из них оказались человеческие (детские) кости. На основании их находок исследователь предположил, что на этом участке поселения располагался раннесредневековый могильник [Кубланов, 1961, с. 92, 94]. В этом же году поселение обследовал В.В. Веселов. Среди подъемного материала, собранного в 0,35 км к западу от берега моря и 0,2 км к востоку от с. Заветное в обрыве балки Чикграл-Джилга, он отметил фрагменты керамики IV–III вв. до н. э., I–III вв. н.э. и VIII– первой половины X вв. [Веселов, 2005, с. 47, 119].

На момент обследования памятника А.В. Гадло территория поселения была частично застроена домами, другая же часть представляла собой пустырь, изрытый окопами, траншеями и ямами, следы которых прослеживаются на его поверхности и по нынешний день. Культурный слой мощностью 0,7–1,0 м, зафиксированный в береговых обрывах, содержал камни, золу и обломки керамики IV–III вв. до н.э. Среди подъемного материала преобладала керамика VIII– первой половины X вв., в том числе обломки плоских черепиц, датированных А.В. Гадло IX–X вв., фрагменты пифосов, причерноморских амфор, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, часть которых украшена «семечкообразными» вдавлениями (рис. 16, 1), ойнохойбаклинского типа, кувшинов с отверстием на месте верхнего прилепа ручки (рис. 16, 3)²², лощеных сосудов и салтово-маяцких горшков [Гадло, 1963, рис. 32].

²² Эти редкие кувшины, помимо поселения Заветное, обнаружены на поселениях Осовины-I и Героевка-2 [Зинько, Пономарев, 2005, с. 239, рис. 5,3; Пономарев, Зинько, 2007, с. 187, рис. 2, 1].

Керамика ранневизантийского периода представлена фрагментом горла с верхним прилепом ручки амфоры типа 103, по И.Б. Зеест IV–VII вв. (рис. 16, 2) [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 103]. Местами встречались обломки керамики «римского времени», большая часть которых принадлежала амфорам боспорского производства, но каким исследователем не уточнил.

В 1994 г. разведочные работы на поселении провела экспедиция КГИКЗ под руководством А.В. Куликова. Собранный подъемный материал он разделил на две хронологические группы: VII–X вв. и XI–XV вв. [Куликов, 1997, с. 160]. Спустя четыре года поселение было обследовано Боспорской ОАЭ. Основная масса находок была представлена керамикой VIII – первой половины X вв. (причерноморские амфоры и салтово-маяцкие горшки), обломками амфор и поливной посуды, украшенной техникой с граффити XIV–XV вв., а также фрагментами поливной и красноглиняной столовой посуды XVII–XVIII вв. Здесь же были найдены фрагменты амфор IV–III вв. до н. э. и обломок ножки амфоры типа 103, по И.Б. Зеест IV–VII вв. [Зинько, Пономарев, 1999, с. 4-5; Зеест, 1960, табл. XXXIX, 103].

С учетом данных палеогеографических исследований динамика изменений границ поселения, представляется следующим образом. В античную эпоху, когда уровень моря был гораздо ниже, на месте озера Яныш находилась речная долина, связанная с обширной сетью оврагов и балок [Куликов, 1997, с. 160]. В устьевой ее части находилось городище Акра, а к северу от него поселение IV–III вв. до н. э. (восточная часть поселения Заветное), культурные напластования которого были зафиксированы в береговых обрывах М.М. Кублановым и А.В. Гадло. В эпоху максимального развития нимфейской трансгрессии (середина I тыс. н. э.) речная долина, включая и территорию занимаемую городищем Акра, была затоплена [Куликов, 1997, с. 160]. Его население могло переместиться на северный берег морского залива (озера Яныш), в пределах которого ныне локализуется поселение Заветное. По всей видимости, этот процесс пришелся на ранневизантийскую эпоху, на что указывают немногочисленные находки амфор IV–VII вв. В VIII – первой половине X вв. на берегу залива разместилось салтово-маяцкое поселение. Спустя довольно длительный период, не ранее конца XIII в., а вероятнее всего в XIV в., на этом же месте появилось крупное поселение, отождествленное С.Г. Бочаровым с пунктом Кавалари, указанным на средневековых картах-портоланах [Бочаров, 2001, с. 158, рис. 1, 1, 2]. Многочисленные находки позднесредневековой керамики указывают на то, что, возможно, с небольшими перерывами это поселение существовало до конца XVIII в.

В Юго-Западном Крыму они найдены в комплексах VIII–IX вв. и второй половины – конца IX в. на городище Кыз-Кермен и поселении у подножия Мангупа [Белый, 1993, с. 54, рис. 9, 3, 4; Науменко, 1997, с. 338, рис. 4, 10].

Таким образом, в результате разведок А.В. Гадло на Керченском полуострове было обследовано девять поселений VIII – первой половины X вв., из них семь оказались многослойными памятниками. На трех поселениях обнаружена керамика эпохи бронзы, на шести поселениях – керамика IV–III вв. до н. э., на трех – керамика I–III вв. н. э., на двух – керамика IV–VII вв. и на двух поселениях – позднесредневековая керамика. Еще одно крупное поселение VIII – первой половины X вв. было открыто в окрестностях пос. Эльтиген, но впоследствии оказалось, что оно представляло собой несколько отдельных античных и раннесредневековых поселений [Scholl, Zin'ko, 1999]. Помимо них, на археологическую карту раннесредневековых памятников Керченского полуострова А.В. Гадло нанес два плитовых и плитово-грунтовых могильника VIII – первой половины X вв.

К сожалению, работы по составлению карты на этом прекратились, и, как оказалось, надолго. Следующие два полевых сезона А.В. Гадло сосредоточил усилия на раскопках поселений у с. Пташкино и пос. Эльтиген, а затем переключил основное внимание на средневековые памятники Северного Кавказа. Тем не менее, в отличие от Д.Л. Талиса, основные результаты его раскопок нашли отражение в нескольких публикациях. [Гадло, 1968, с. 70–77; Гадло, 1969, с. 160–168; Гадло, 1980, с. 130–145], а материалы разведок были использованы при составлении карты «Южное Приазовье в период Хазарского каганата (конец VII – начала X вв.)», опубликованной автором в 1968 г. [Гадло, 1968а, с. 60], и карт салтово-маяцких памятников Крыма И.А. Баранова и А.И. Айбабина [Баранов, 1981, рис. 1; Баранов, 1990, рис. 1; Айбабин, 1999, рис. 78; Айбабин, 2003, рис. 4].

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И.* Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье IV–XIII века. М., 2003.
- Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. М., 1992. Вып. 1.
- Баранов И.А.* Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2.
- Баранов И.А.* Грунтовые могильники второй половины VIII–X вв. в Крыму // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1989.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990а.
- Баранов И.А.* Население Крымской Хазарии (по материалам грунтовых могильников VII–X вв.) // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990б.
- Баукова А.Ю.* Археологічна діяльність Керченського музею у другій половині 40-х – у 50-х рр. XX ст. // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2008. Вып. II.
- Белый А.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии геноузской Газарии XIV–XV веков // 175 лет Керченскому Музею Древностей. Материалы межд. конф. Керчь, 2001.

- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К., 1993.
- Веселов В.В. Древние городища в районе Сипягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфимия) // АИБ. Симферополь, 1952. Т. I.
- Веселов В.В. Восточно-Крымский отряд Причерноморской экспедиции ИИМК АН СССР, 1956 г. Дневник В.В. Веселова. Разведки // Рукопись.
- Веселов В.В. Разведки на Керченском полуострове 1957 г. // Рукопись.
- Веселов В.В. Археологические исследования 1959 г., май-июнь. Тетрадь № 1 // Рукопись.
- Веселов В.В. Крупное средневековое поселение // «Знамя коммунизма». 3. 08. 1961. № 196.
- Веселов В.В. Разведки 1961–1962 гг. // Рукопись.
- Веселов В.В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. Т. XXIX–XXX.
- Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. Supplementum. Т. II. М., 2005.
- Гадло А.В. О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерского // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Л., 1964.
- Гадло А.В. Отчет о работе средневекового археологического отряда Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году. Л., 1963 // НА ИА НАНУ, № 1962/41.
- Гадло А.В. Поселение XI–XII вв. в дельте Дона // КСИА. 1964а. Вып. 99.
- Гадло А.В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). Л., 1964б // НА ИА НАНУ, № 1963/32.
- Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник Ленинградского университета. Л., 1968а. Т. 14. Вып. 3. Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 года) // КСИА. 1968б. Вып. 113.
- Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1.
- Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Свердловск, 1980. Вып. 17.
- Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
- Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. 1959. № 69.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
- Зинько В.Н. Погребальные комплексы с хоры Нимфея // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Отчет о работе Боспорской охранно-археологической экспедиции в 1998 г., Керчь, 1999 // НА КГИКЗ.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея / БИ. Симферополь-Керчь, 2003. Вып. IV.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // БИ. Симферополь-Керчь, 2005. Вып. X.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. 1. Археологические комплексы VIII–X вв. // БИ. Supplementum. Т. II. Симферополь-Керчь, 2009.

- Кругликова И.Т.* Исследование сельской территории европейского Боспора (По материалам работ Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1953–1956 гг.) // СА. 1957. № 1.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Кругликова И.Т.* Сельская территория // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Кубланов М.М.* Археологические разведки в районе Коп-Такиля // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Куликов А.В.* Археологические разведки на городище Акра // Археологические исследования в Крыму 1994 год. Симферополь, 1997.
- Куликов А.В., Бейлин Д.В.* Исследования крепости Ени-Кале // Археологічні дослідження в Україні. К., 2010.
- Лопарев Х.* Византийская печать с именем русской княгини // ВВ. 1894. Т. 1.
- Марти Ю.Ю.* Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китэй, Акра) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т. II (59). Отд. отт.
- Науменко В.Е.* Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Орешиников А.В.* Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. М., 1903. Т. III.
- Пономарев Л.Ю.* О населении Керченского полуострова во второй половине X – XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской межд. науч. конф. К.; Судак, 2004. Ч. II.
- Пономарев Л.Ю.* Глиняные лепешки с соллярно-небесной символикой из салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Символ в религии философии. Сборник научных трудов по материалам VI Международной Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2005.
- Пономарев Л.Ю.* К истории археологического изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова (30–60 гг. XX в.) // БИ. Симферополь-Керчь, 2008. Вып. XIX.
- Пономарев Л.Ю.* К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // БИ. Симферополь-Керчь, 2009. Вып. XXI.
- Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А.* Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2010. Вып. IV.
- Пономарев Л.Ю.* К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // БИ. Симферополь-Керчь, 2011а. Вып. XXV.
- Пономарев Л.Ю.* Плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения. Вып. XII. Керчь, 2011б.
- Романчук А.И.* Керамический комплекс XI–XII вв. из раскопок портового района Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 12.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона // Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки. Ч. 2. Екатеринбург, 1995.
- Семенов С.А., Кушин В.Э.* Разведки на Керченском полуострове // АИБ. Симферополь, 1962. Т. II.
- Степанова Е.В.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
- Талис Д.Л.* Отчет о работе Восточно-Крымской экспедиции Государственного исторического музея в 1960 г. // НА ИА НАНУ, № 1960/42.

Холодков В.Н., Иванина О.А., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый могильник в с. Ново-Николаевка // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Боспорские чтения. Вып. VI. Керчь, 2005.

Шульц П.Н. Историко-археологические исследования в Крыму (1920-1950 гг.) // «Крым». 1950. № 6.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.

Scholl T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.

В.М. Зінько, Л.Ю. Пономарьов

РОЗВІДКИ О.В. ГАДЛО НА КЕРЧЕНСЬКОМУ ПІВОСТРОВІ У 1962 р. (В СВІТЛІ СУЧАСНИХ АРХЕОЛОГІЧНИХ ДАНИХ)

Резюме

У 1962 р. розвідки ранньосередньовічних пам'яток на Керченському півострові провів Приазовський археологічний загін ЛДУ під керівництвом О.В. Гадло. У процесі робіт було обстежено дев'ять поселень VIII – першої половини X ст., з них сім виявилися багатошаровими пам'ятками. На трьох поселеннях була виявлена кераміка епохи бронзи, на шести поселеннях – кераміка IV – III ст. до н.е., на трьох – кераміка I – III ст. н.е., на двох – кераміка IV – VII ст. та на двох поселеннях – пізньосередньовічна кераміка. Ще одне велике поселення VIII – першої половини X ст. було відкрито в околицях пос. Ельтиген, але згодом виявилось, що воно уявляло з себе декілька окремих античних та ранньосередньовічних поселень. Крім них, на археологічну карту ранньосередньовічних пам'яток Керченського півострову О.В. Гадло наніс два плитових та плитово-грунтових могильника VIII – першої половини X ст.

В.Н. Зинько, Л.Ю. Пономарев

РАЗВЕДКИ А.В. ГАДЛО НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1962 г. (В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ)

Резюме

В 1962 г. разведки раннесредневековых памятников на Керченском полуострове провел Приазовский археологический отряд ЛГУ под руководством А.В. Гадло. В процессе работ было обследовано девять поселений VIII – первой половины X вв., из них семь оказались многослойными памятниками. На трех поселениях была обнаружена керамика эпохи бронзы, на шести поселениях – керамика IV–III вв. до н. э., на трех – керамика I–III вв. н. э., на двух – керамика IV–VII вв. и на двух поселениях – позднесредневековая керамика. Еще одно крупное поселение VIII – первой половины X вв. было от-

крыто в окрестностях пос. Эльтиген, но впоследствии оказалось, что оно представляло собой несколько отдельных античных и раннесредневековых поселений. Помимо них, на археологическую карту раннесредневековых памятников Керченского полуострова А.В. Гадло нанес два плитовых и плитово-грунтовых могильника VIII – первой половины X вв.

V.N. Zinko, L.Y. Ponomarev

FIELD RECONNAISSANCE OF A.V. GADLO ON THE KERCH PENINSULA IN 1962
(IN THE LIGHT OF MODERN ARCHAEOLOGICAL DATA)

Summary

In 1962, Azov region archaeological detachment of the LSU led by A.V. Gadlo carried out field reconnaissance of early medieval monuments on the Kerch Peninsula. Nine settlements of the 8th – first half of the 10th cc. were researched during the works. Seven of them were layered sites. Bronze Age pottery was found in three settlements; ceramics of the 4th - 3rd cc BC was discovered in six settlements; pottery dated back to the 1st - 3rd cc AD was unearthed in three settlements; pottery of the 4th - 7th cc was found in two settlements, and Late Bronze Age pottery was found in two settlements. One more big settlement of the 8th – the first half of the 10th cc was discovered near the village Eltigen, but later it turned out it was a number of separate ancient and early medieval settlements. Besides them, A.V. Gadlo plotted two ancient cemeteries with gravestones and without mounds on the archaeological map of early medieval sites of the Kerch Peninsula.

Рис. 1. Карта памятников, обследованных на Керченском полуострове Приазовским археологическим отрядом ЛГУ (по А.В. Гадло).

Рис. 2. Подъемный материал (по А.В. Гадлю).

1 – Поселение Ченгелек; 2–6 – Поселение Войково; 7 – Поселение Репьевка; 8–9 – Крепость Ени-Кале.

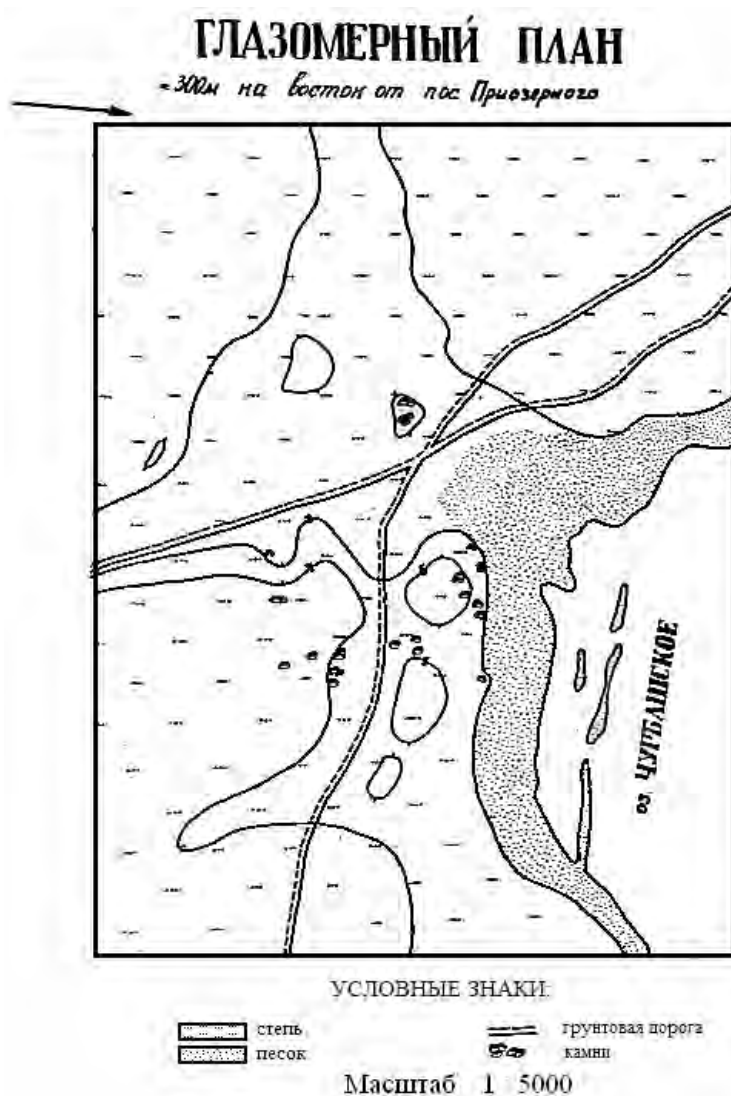

Рис. 3. План-схема поселения Приозерное (по А.В. Гадло).

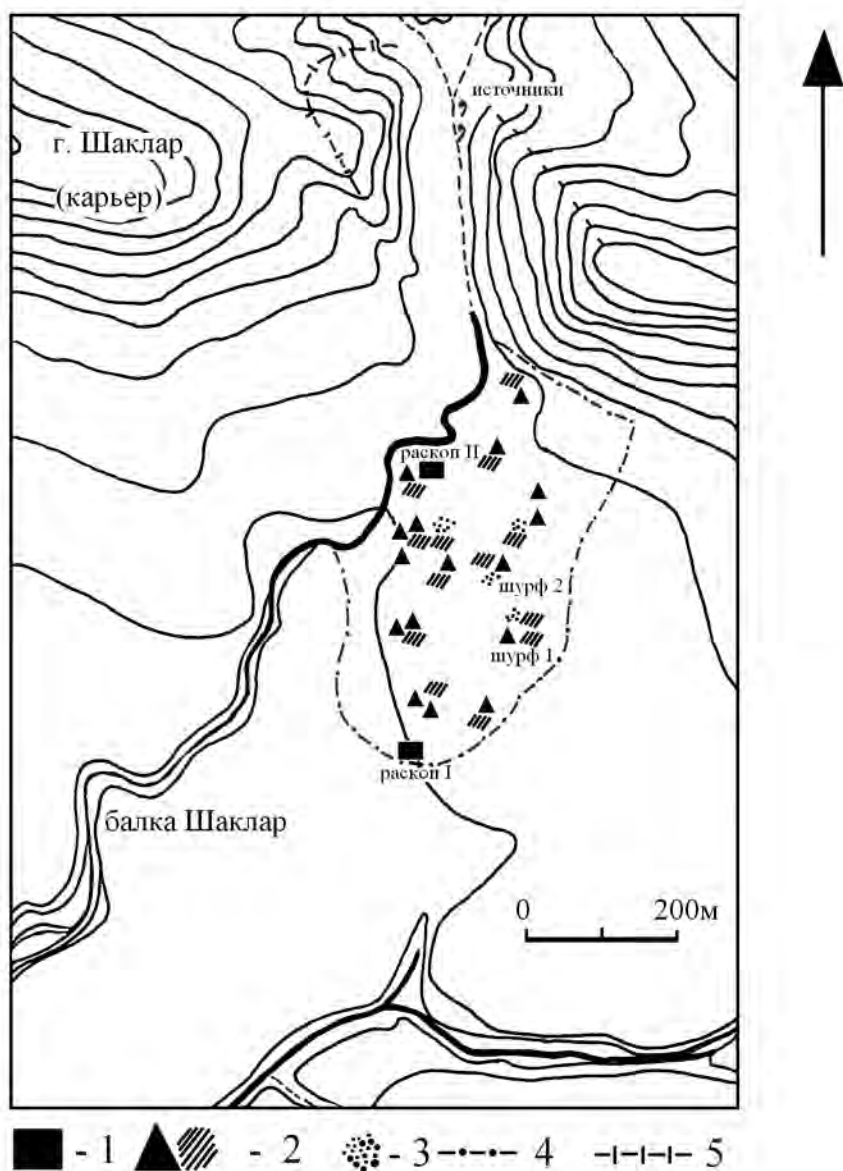

Рис. 4. План-схема поселения и могильника в окрестностях с. Пташкино (по А.В. Гадло).

1 – Раскопы; 2 – Остатки построек; 3 – Зольники; 4 – Границы поселения; 5 – Северо-восточный участок могильника.

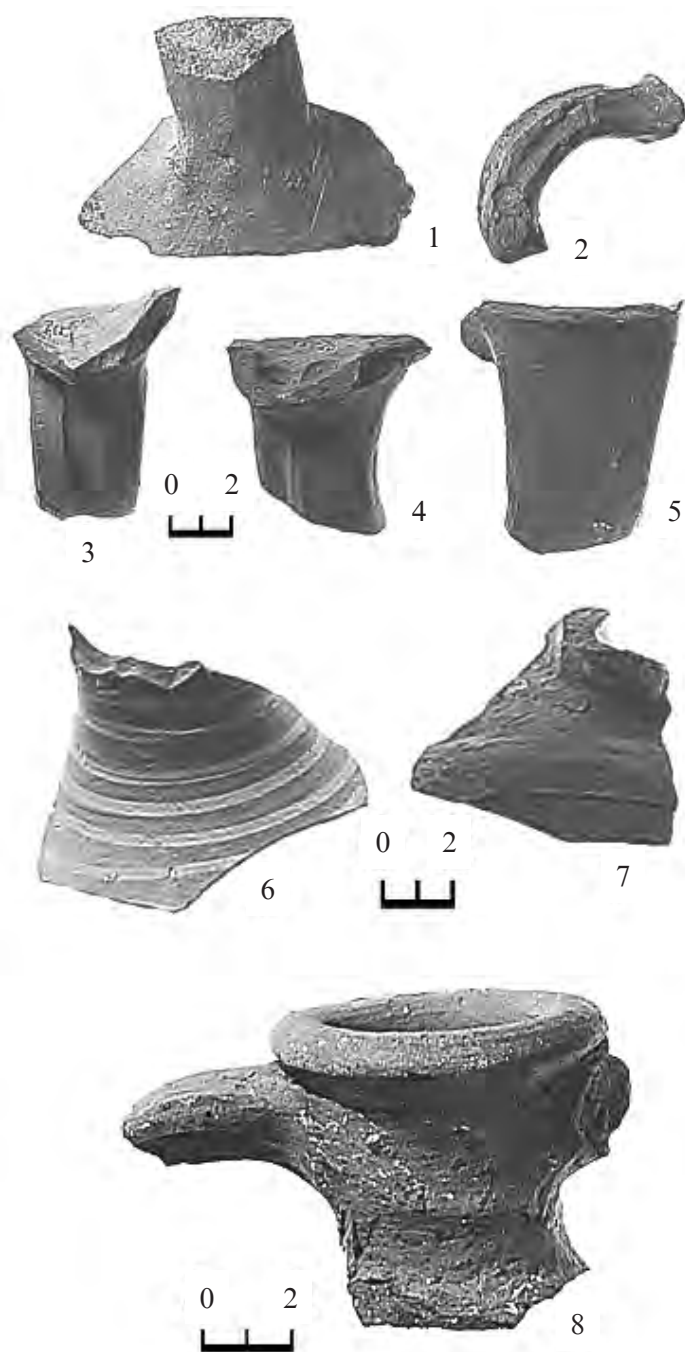

Рис. 5. Поселение Пташкино. Подъемный материал (по А.В. Гадло).

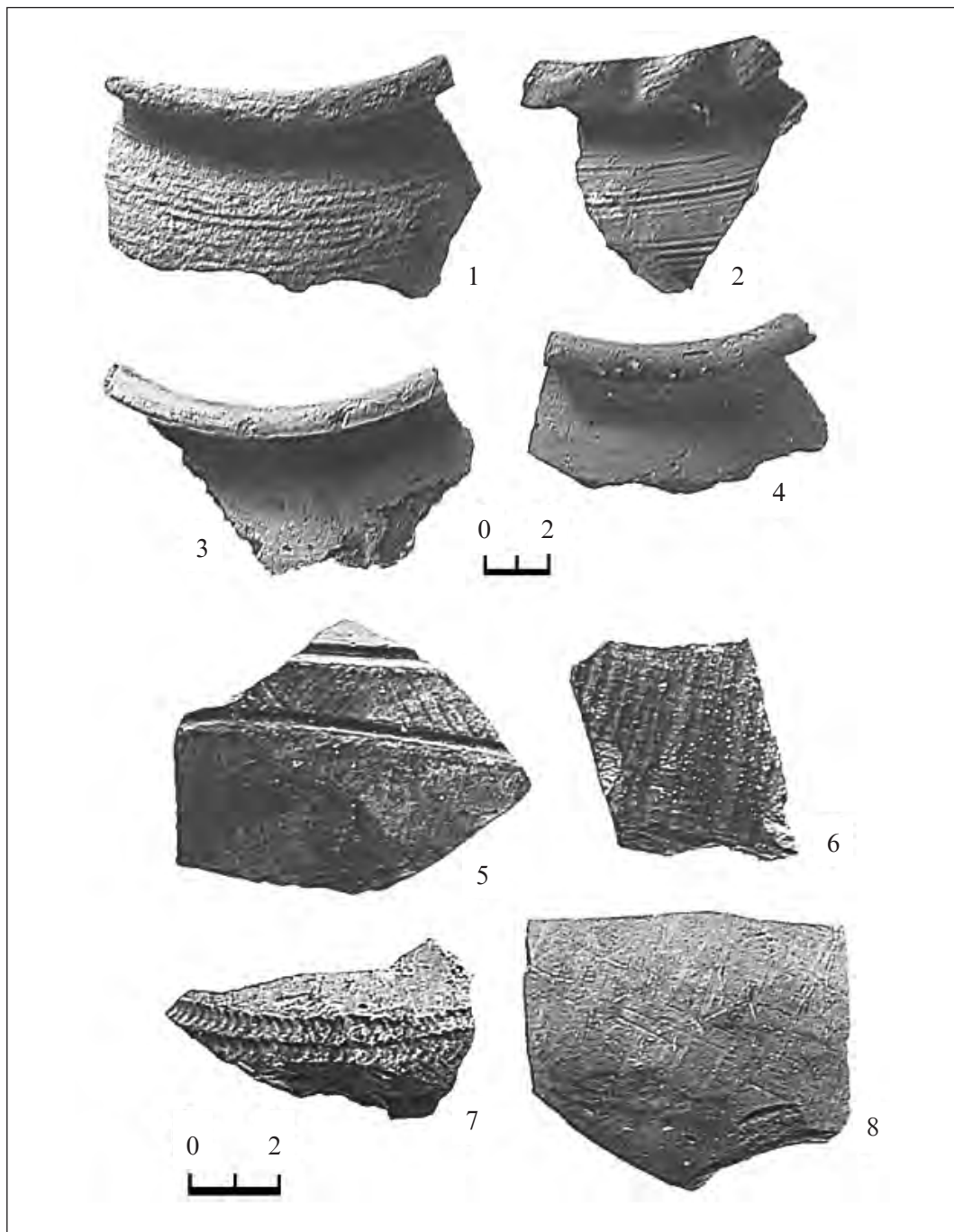

Рис. 6. Поселение Пташкино. Подъемный материал (по А.В. Гадло).

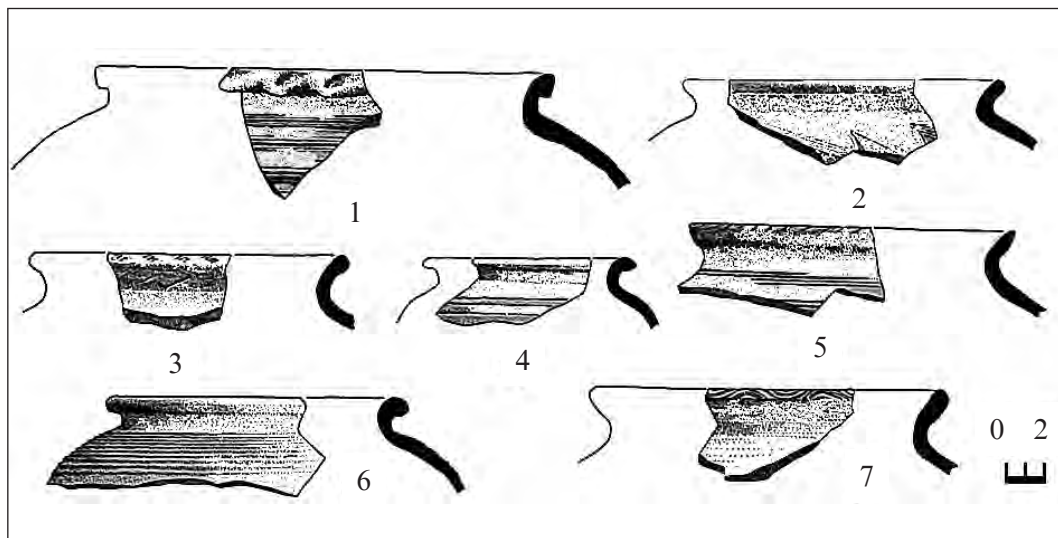

Рис. 7. Поселения Пташкино и Героевское. Подъемный материал (по А.В. Гадло).

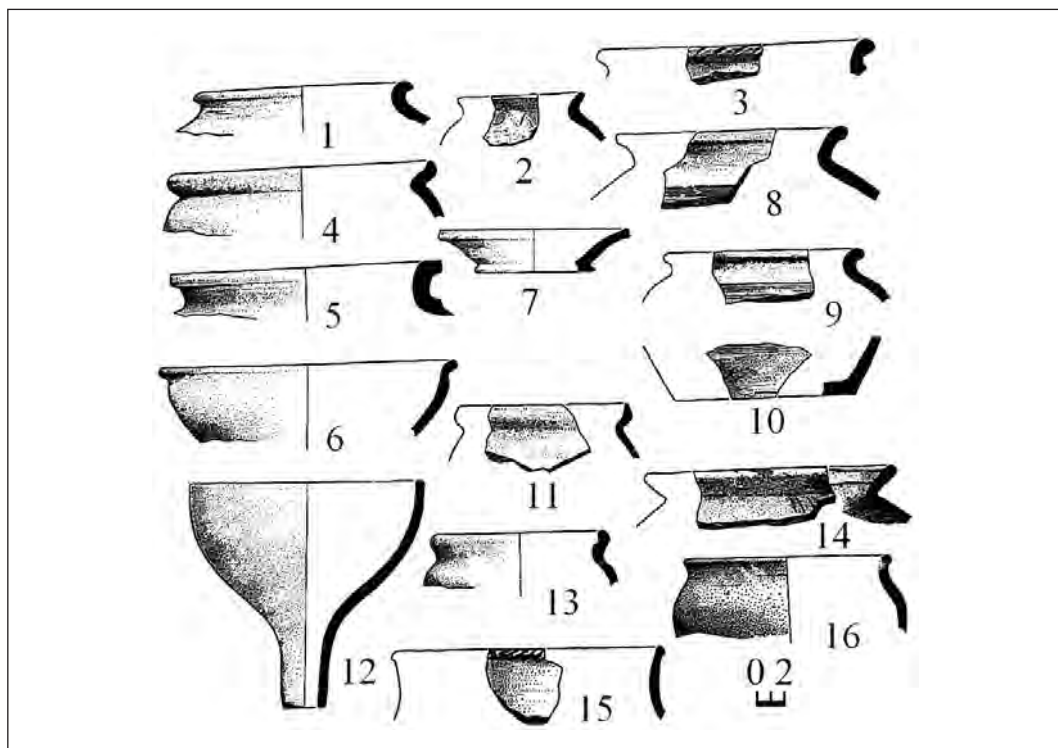

Рис. 8. Поселения Пташкино и Героевское. Подъемный материал (по А.В. Гадло).

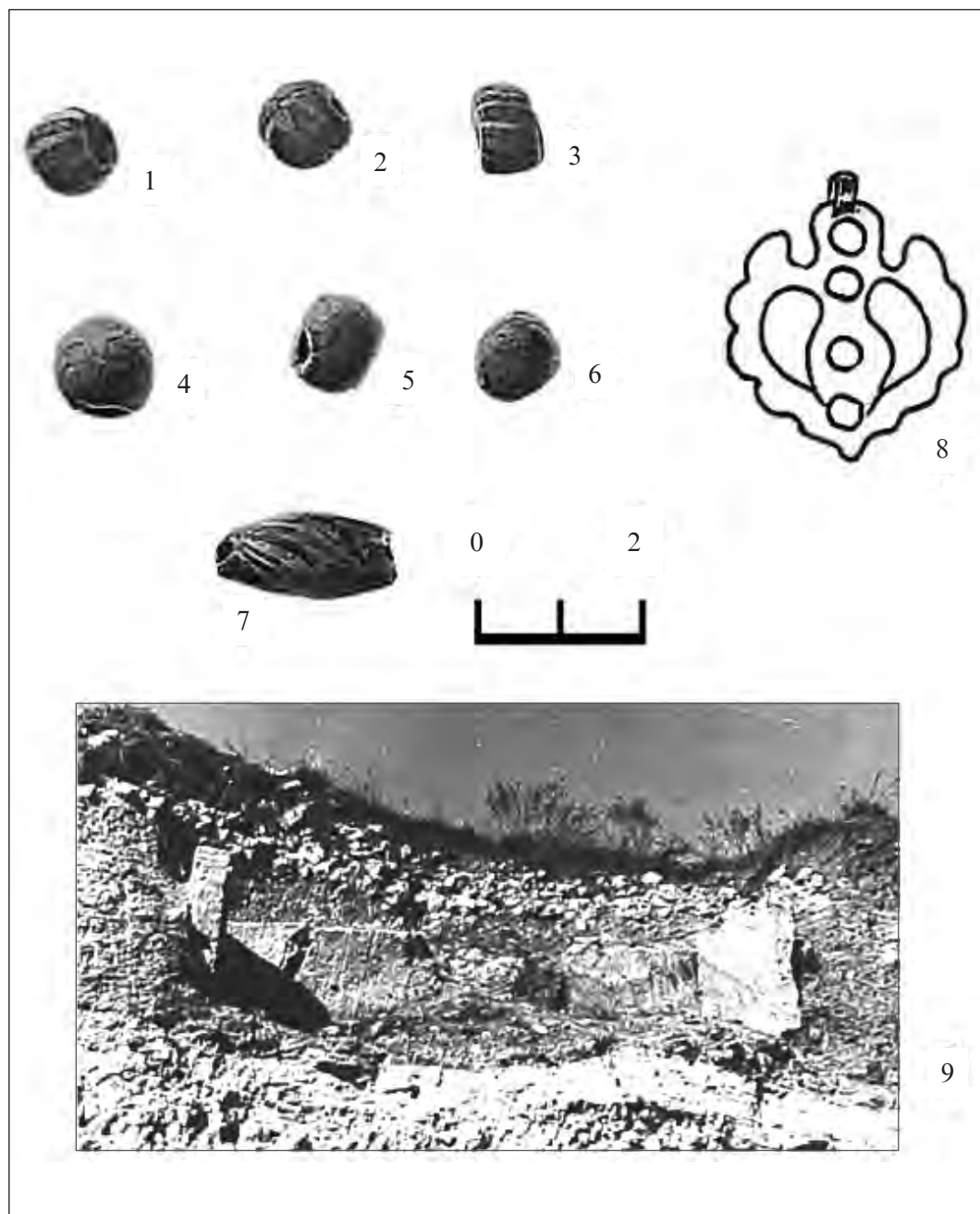

Рис. 9. Могильник Пташкино.

1–8 – Бусины и подвеска из разрушенных погребений (по А.В. Гадло и В.В. Веселову); 9 – Могила, обследованная в 1962 г. А.В. Гадло (по А.В. Гадло)

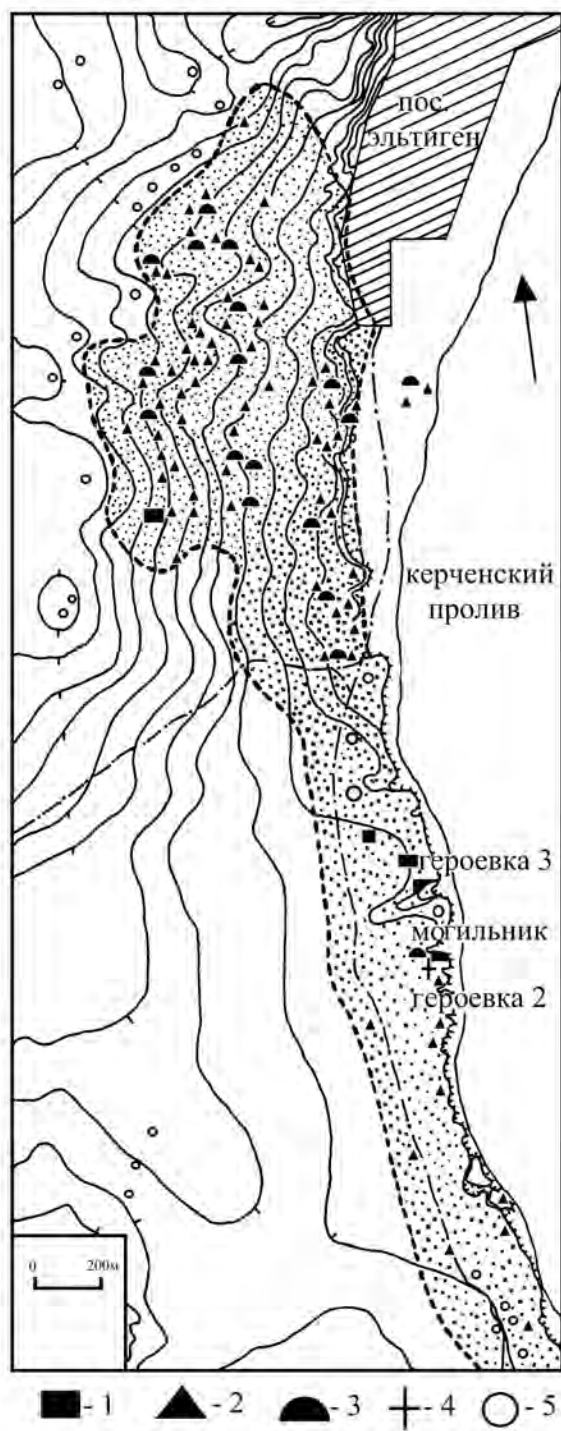

Рис. 10. План-схема поселения Героевское (по А.В. Гадло).

1 – Раскопы; 2 – Остатки построек; 3 – Зольники; 4 – Могильник Героевка-2; 5 – Курганы.

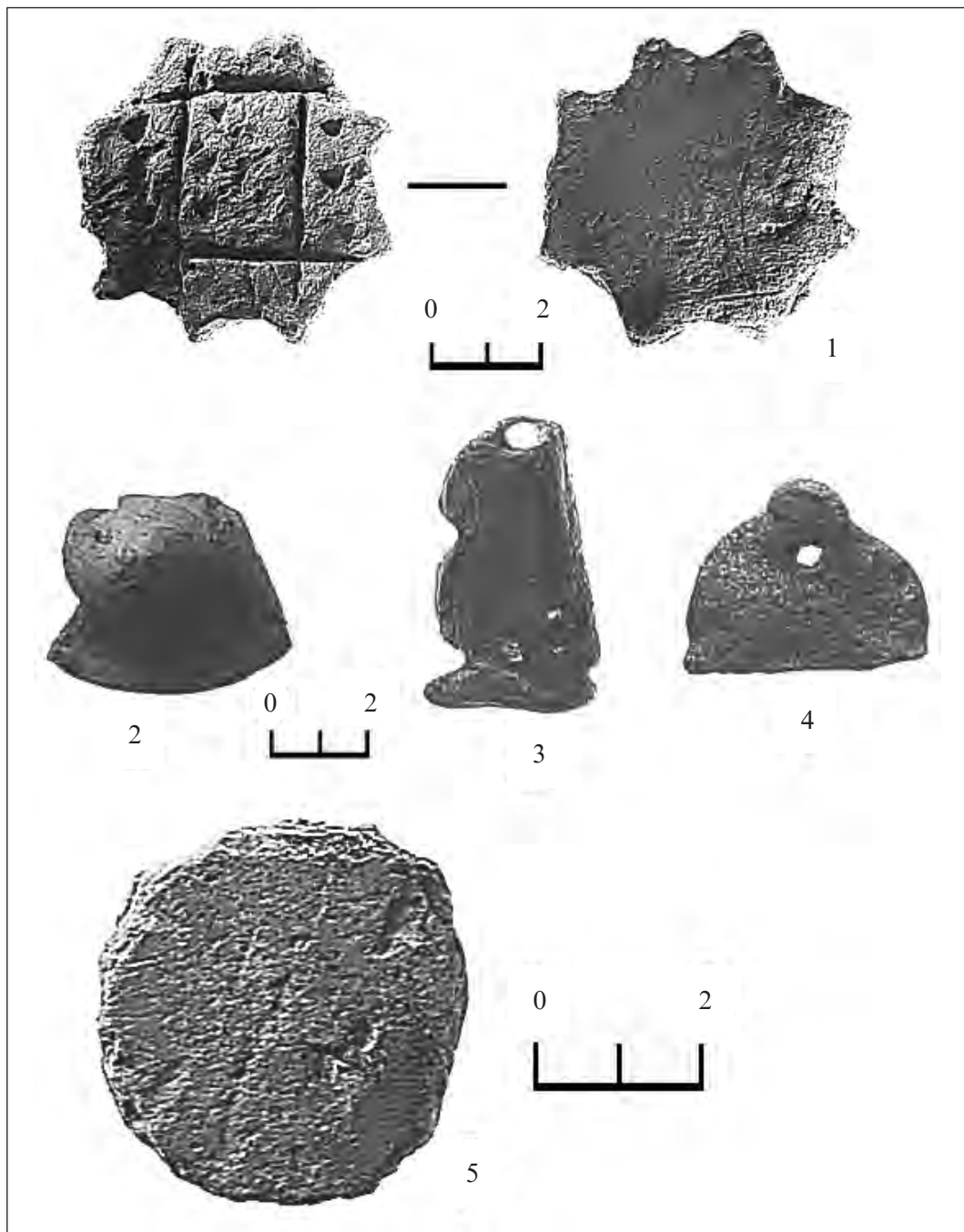

Рис. 11. Поселение Героевское.

1-5 – Подъемный материал (по А.В. Гадлю).

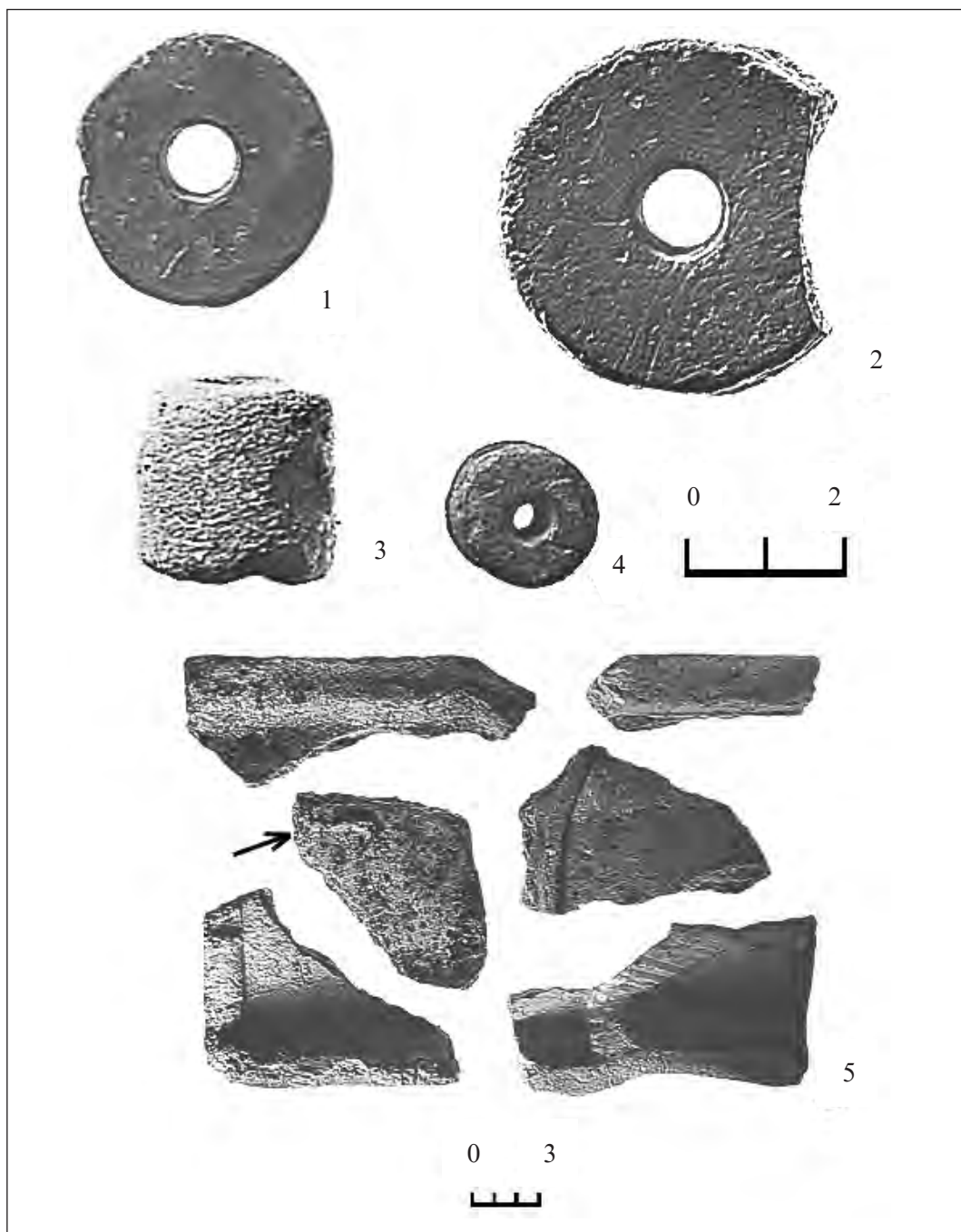

Рис. 12. Поселение Героевское.

1–5 – Подъемный материал (по А.В. Гадло).

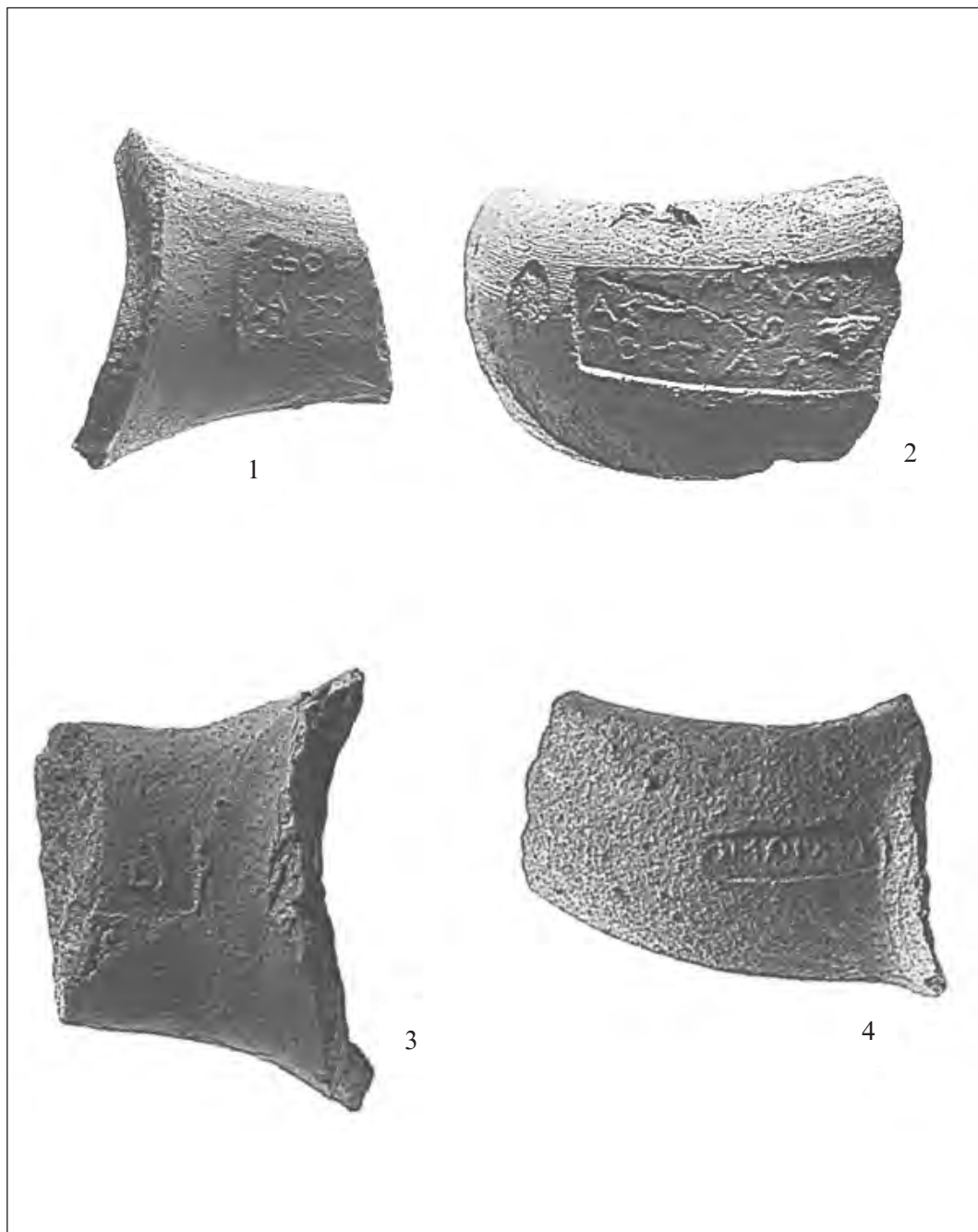

Рис. 13. Поселение Героевское.

1–4 – Подъемный материал (по А.В. Гадло).

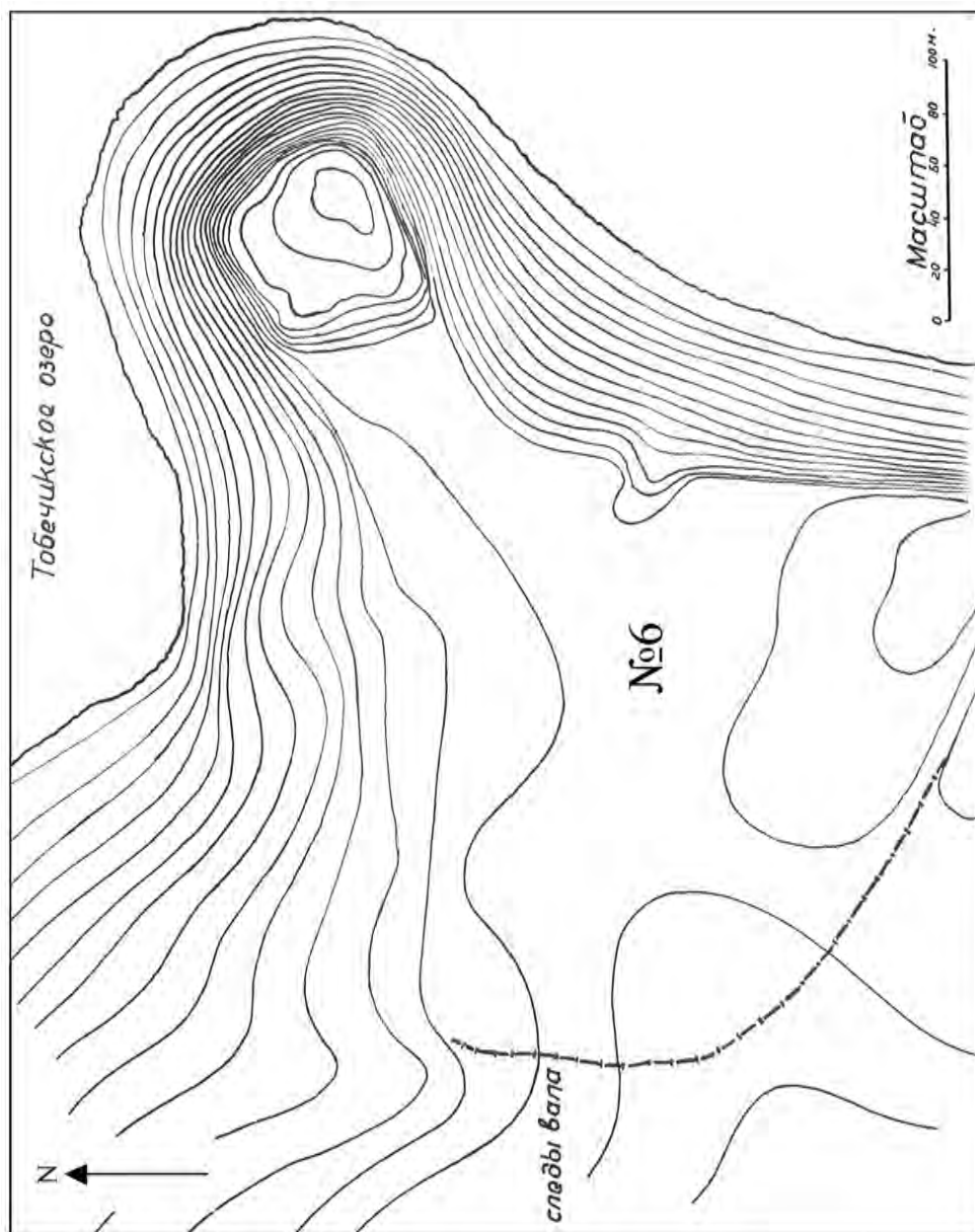

Рис. 14. План схема поселения Ченгелек (из полевой документации Ю.Ю. Марти, 1936 г., НА КГИКЗ).

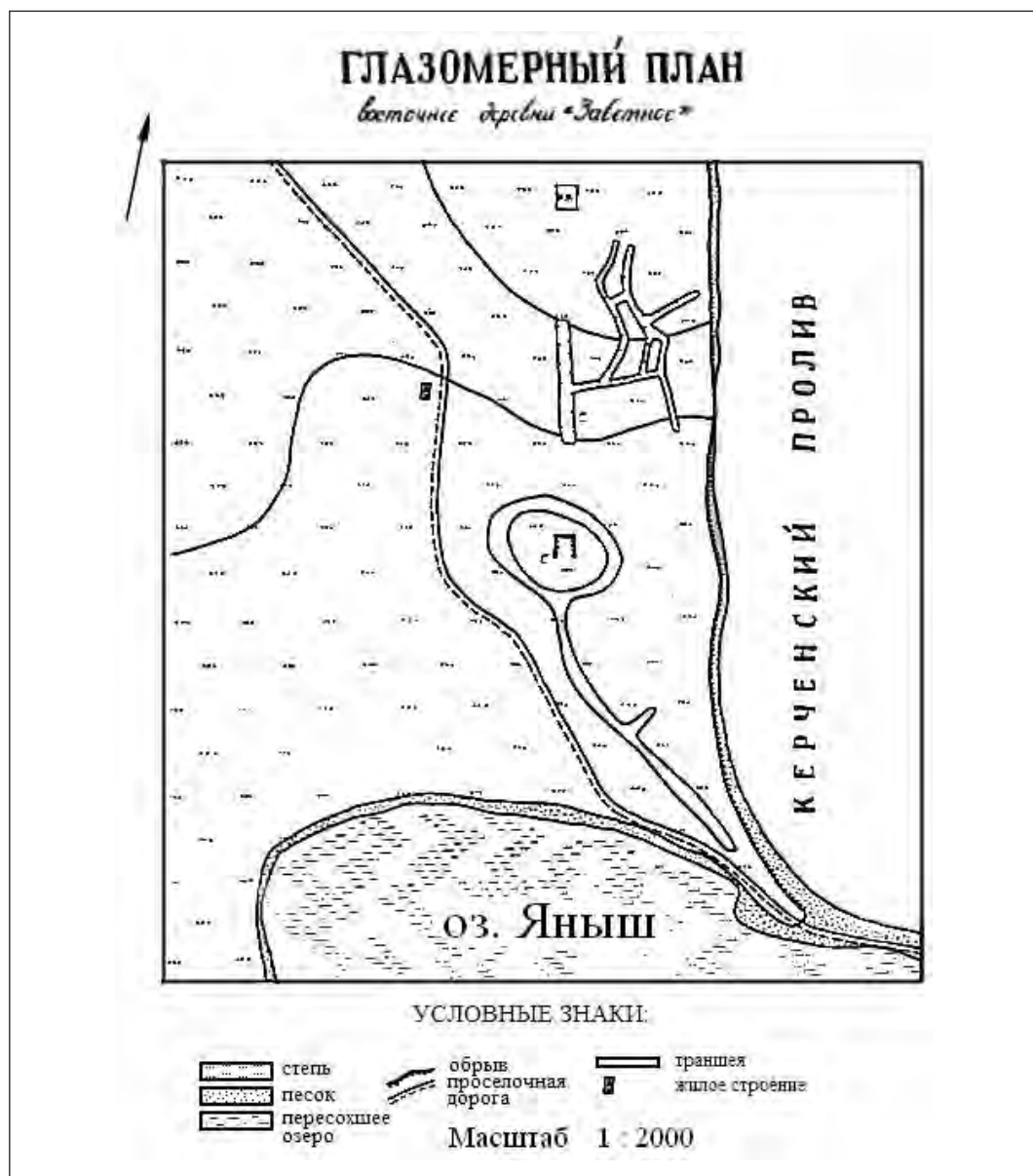

Рис. 15. План-схема поселения Заветное (по А.В. Гадло).

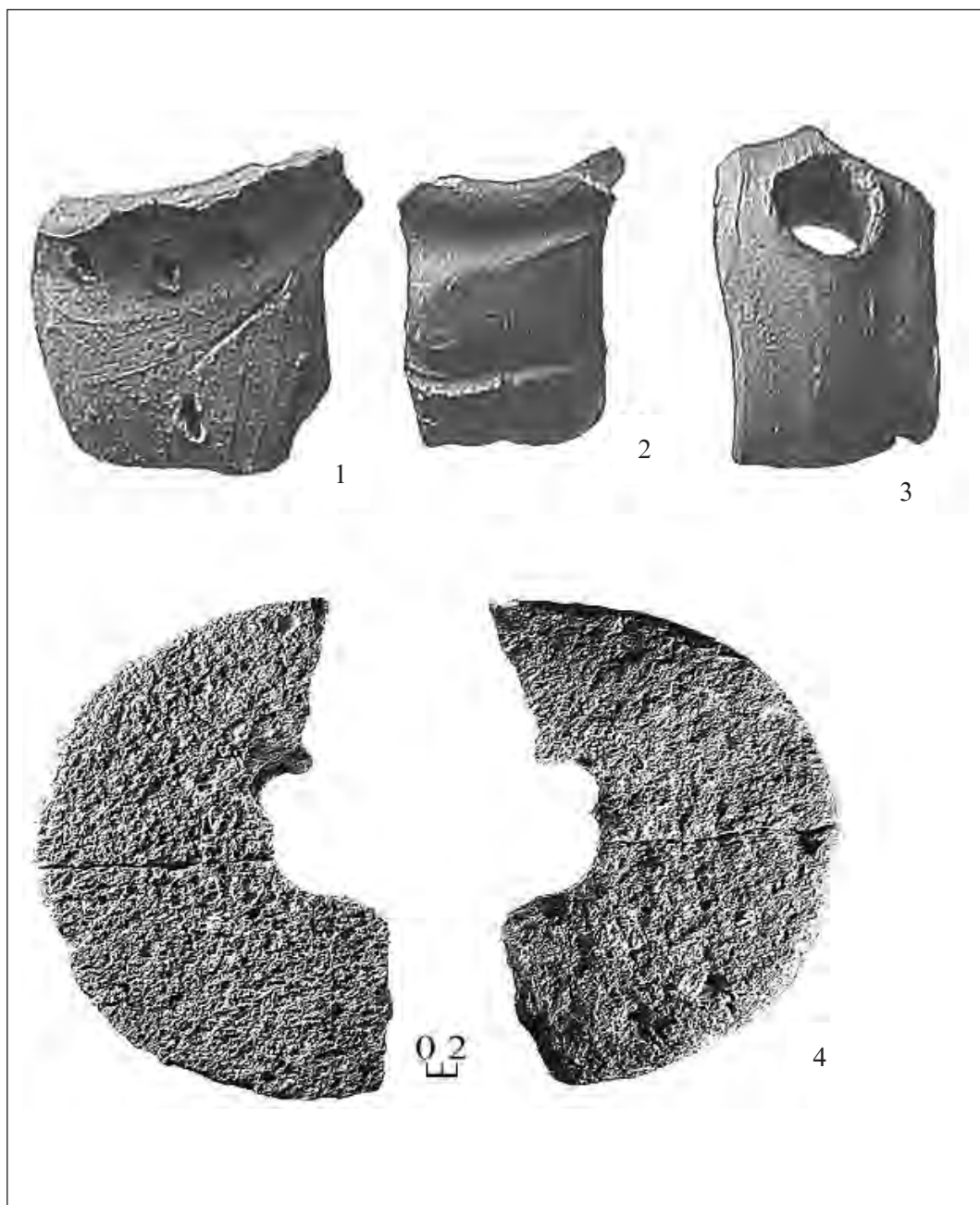

Рис. 16. Подъемный материал: 1–3 – поселение Заветное; 4 – могильник Пташкино (по А.В. Гадло).

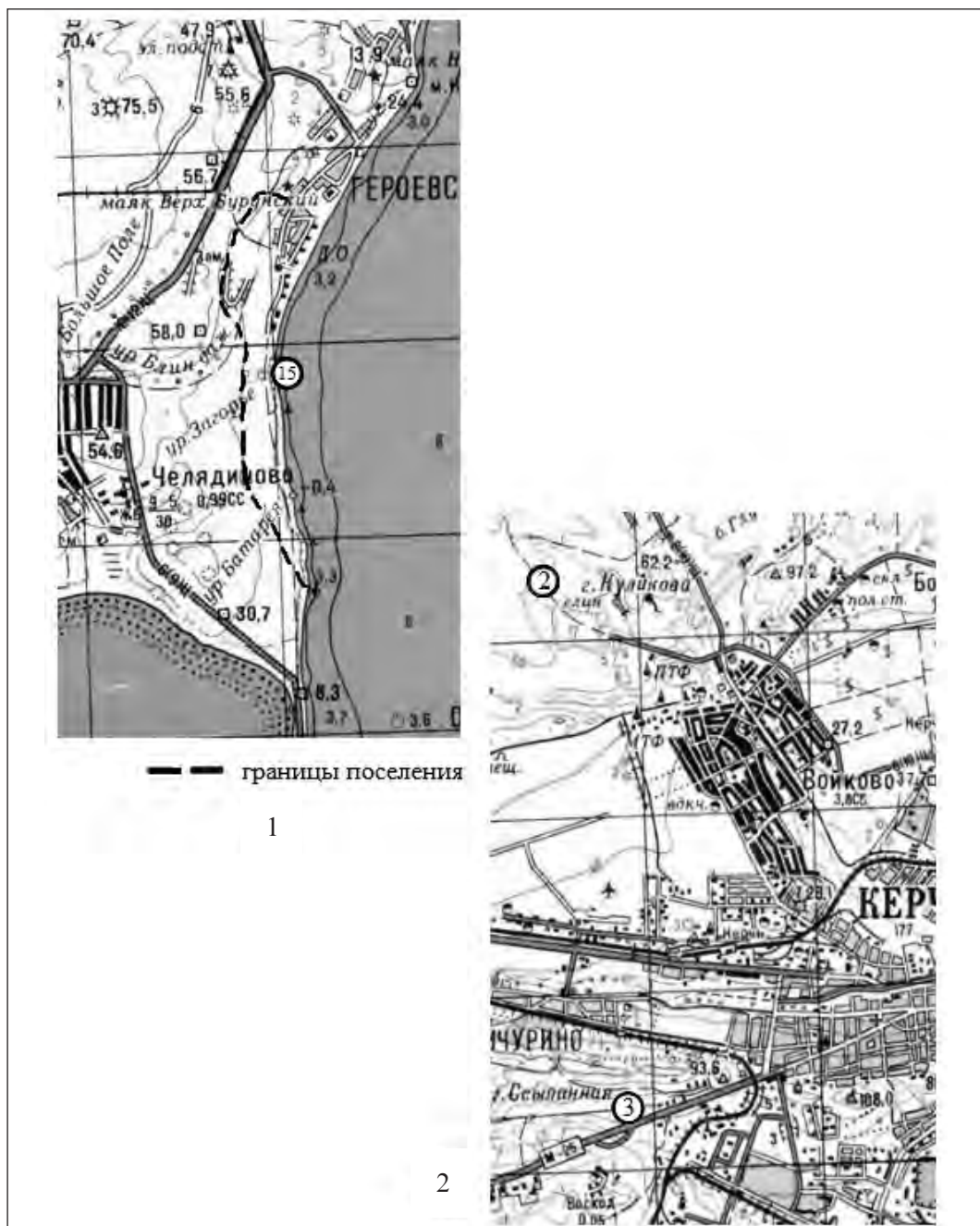

Рис. 18. Карты поселений (топографическая карта, масштаб 1: 100 1000).

1 – окрестности пос. Эльтиген (с указанием границ поселения Героевское по А.В. Гадло); 2 – окрестности с. Войково и западная окраина Керчи.

1

2

Рис. 19. Карты поселений (топографическая карта, масштаб 1: 100 000).

1 – окрестности с. Костырино и с. Заветное; 2 – окрестности с. Пташкино.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести
АГСП	– Античные государства Северного Причерноморья
АДЖ	– Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913
АИУ	– Археологические исследования на Украине
АМ	– Штітельман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977
АМА	– Античный мир и археология – Саратов
АО	– Археологические открытия
АРК	– Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1985
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСХ	– Античная скульптура Херсонеса
АХБ	– Античная художественная бронза //Каталог выставки. Л., 1973
БИ	– Боспорские исследования
Бсб	– Боспорский сборник
БФ	– Боспорский феномен
БЧ	– Боспорские чтения
БЦ	– Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949
ВДИ	– Вестник древней истории
ВОКК при ВУАН	– Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДБ	– Древности Боспора
ДБК	– Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854
ДГН	– Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИААЮЗУ	– Исследования по античной археологии Юго-Запада СССР
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии

ИБАИ	– Известия на Българският археологически Институт
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИМК	– Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРОМК	– Известия Ростовского областного музея краеведения
КБН	– Корпус боспорских надписей. М., Л. 1965
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	– Материалы по археологии России
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья
МГВ	– Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИС	– Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
МКМ	– Миколаївський краєзнавчий музей
НА ИА НАНУ	– Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
НА ОАМ НАНУ	– Научный архив Одесского археологического музея Национальной Академии наук Украины
НО	– Надписи Ольвии
НОСА	– Новейшие открытия советских археологов
ПИО	– Проблемы исследования Ольвии
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры. Москва – Магнитогорск
ОАК	– Отчеты Археологической комиссии
ОАМ	– Одесский археологический музей
ОНУ	– Одеський національний університет ім. І.І. Мечнікова
РА	– Российская археология
РД	– Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1., СПб., 1889
РОИ	– Рождение Олимпийских игр. М., 2004
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГМИИ	– Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
ССПК	– Старожитності Степового Причорномор'я і Криму

ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
ТОИПК ГЭ	– Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТС	– Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-11.- М., 1970
Хсб	– Херсонесский сборник
ААМР	– Annual of the Archaeological Museum Plovdiv
ААР	– Acta antiqua Philippolitana
ABF	– Boardman J. Athenian Black-Figure Vases. London, 1985
AJA	– American Journal of Archaeology
ARF	– Boardman J. Athenian Red-figure Vases. The Archaik Period. London, 1985
ARV	– Beazley J.D. Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963
BCH	– Bulletin de Correspondance Hellénique
BSA	– The Annual of the British school of Athens
BSS	– Black Sea Studies
CVA	– Corpus vasorum antiquorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow. 1996, 2003
Dacia. N.S.	– Dacia Nouvelle série. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne
DHA	– Dialogues d'histoire ancienne
GCA	– Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa. Nicosia, 2001.
GRA	– Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad, 1975
IOSPE	– Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini, Graecae et Latinae
LIMG	– Lexicon iconographicum mythologiae Graecae
UKV	– Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin- Leipzig. 1934. Bd.4
Slov. arch	– Slovenska archeologia

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Поротов А.В., Зинько В.Н.</i> Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (западное побережье Керченского пролива)	3
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> Археанактиды и градостроительство.....	21
<i>Русяева А.С.</i> О похоронном ритуале в Ольвии Понтийской в контексте эллинской традиции.....	47
<i>Скржинская М.В.</i> Образование в древнегреческих колониях Северного Причерноморья	73
<i>Кашаев С.В.</i> Строительные комплексы и планировка поселения Вышестеблиевская-11	145
<i>Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.</i> Мебель из скифских погребальных комплексов	159
<i>Голофаст Л.А.</i> Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи	211
<i>Сон Н.А., Буйских А.В.</i> Сооружение с латинской посвятительной надписью из Тиры (вариант реконструкции)	242
<i>Зубарев В.Г., Седых Е.Е.</i> Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II-первой половине V вв. н.э.	250
<i>Алексеев Н.А.</i> Ранневизантийская Таврика в ареале интересов имперских таможен (находки моливдовулов коммеркиариев как отражение процесса развития крымских городских центров в «темные века»)	275

Хайрединова Э.А.

Костюм городского населения Боспора в VII-VIII вв.

(по находкам из некрополя в Босфорском переулке) 286

Бубенок О. Б.

Стратегическое положение Саркела

в степях Волго-Донья..... 318

Артюхин Ю.В.

Проблема соотношения факторов, предопределявших

возникновение и упадок итальянских колоний

на побережье Азовского моря в XIII-XV вв. 347

Душенко А.А.

Крест из рога оленя с монограммой из раскопок

Большой Мангупской базилики 363

Маврина О.С.

Служила знать турецкого происхождения в Крыму

в XVII– XIX веках: семейство Мачинских 376

ПУБЛИКАЦИИ

Шейко И.Н.

Редкие типы светильников из Ольвии..... 385

Савельева Е.С.

Несколько терракотовых статуэток Диониса

и его свиты (из коллекции Одесского

археологического музея)..... 399

Котина А.В.

Терракотовые статуэтки с подвесными

конечностями из Тиритаки (раскопки 2002-2012 гг.) 404

Котин М.А.

Комплекс лепной керамики ямы № 11

из раскопок Тиритаки..... 417

ИСТОРИЯ НАУКИ

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.

Разведки А.В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г.

(в свете современных археологических данных)..... 435

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 472

CONTENTS

ARTICLES

Porotov A.V., Zinko V. N.

The sea level change and coastal evolution of the chora of Classic Tyritaka and Nymphaeum in the 1st millennium BC (the Western shoreline of the Kerch Strait)	3
--	---

Saprykin S. Yu.

The Archaeanactids and urbanization	21
---	----

Rusjaeva A.S.

The funeral ritual in Olbia Pontika, in the context of the Hellenic tradition	47
--	----

Skrzhinskaya M. V.

Education in the ancient Greek colonies in the North Pontic Area	73
---	----

Kashayev S. V.

Building complexes and planning of the settlement Vyshesteblievskaya – 11	145
--	-----

Boltryk Yu. V., Fialko E.E.

The furniture from the Scythian burial complexes	159
--	-----

Golofast L. A.

Plain pottery from the Roman cinder heap uncovered at the foot of Mithridates Mount in Kerch	211
---	-----

Son N.O., Buislykh A. V.

Structure with a Latin dedicative inscription from Tyras (version of reconstruction)	242
---	-----

Zubarev V.G., Sedykh E.E.

Planning and the main stages of building the settlement Belinskoye in the 2nd - first half of the 5th cc. BC	250
--	-----

Alekseyenko N.A.

Early Byzantine Taurica in the area of interest of imperial customs (finds of commercium collectors' molybdoboullous as a reflection of the development process of the Crimean city centers in the “Dark Ages”)	275
---	-----

Khairedinova E.A.

Clothes of the urban population of the Bosporus in the 7th-8th centuries (by the finds from the necropolis at the Bosphorsky Lane)	286
--	-----

Bubenok O. B.

Strategic position of Sarkel in the steppes of the Volga-Don basins	318
--	-----

Artyukhin Y. V.

Problem of correlation of the factors, determining rise and fall of Italian colonies on the Sea of Azov coast in the 13th-15th cc.	347
---	-----

Dushenko A.A.

A cross made of an antler with a monogram from excavations of the Big Basilica of Mangup	363
---	-----

Mavrina O.S.

Serving aristocracy of Turkish origin in the Crimea in the 17th-19th centuries: the Manchinskys	376
--	-----

PUBLICATIONS

Sheiko I.N.

Rare lamp forms from Olbia	385
----------------------------------	-----

Savelyeva E.S.

A few terracotta figurines of Dionysus and his retinue (from the collection of the Odessa Archaeological Museum)	399
---	-----

Kotina A. V.

Terracotta figurines with suspended limbs from Tyritake (2002-2012 excavations)	404
--	-----

Kotin M.A.

Complex of molded ceramics from the pit number 11 from excavation of Tyritake	417
--	-----

HISTORY OF SCIENCE

Zinko V.N., Ponomarev L. Y.

Field reconnaissance of A.V. Gadlo on the Kerch peninsula in 1962 (in the light of modern archaeological data)	435
---	-----

LIST OF ABBREVIATIONS	472
-----------------------------	-----

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXVIII

Сборник

Ответственный редактор: **Зинько** Виктор
Николаевич, доктор исторических наук
Ответственный секретарь: **Зинько** Алексей
Викторович, кандидат исторических наук

Перевод на английский *Н.М. Красина*
Перевод на украинский *И.Н. Барановская*
Корректор *В.Н. Солин*
Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Наукове видання

Боспорські дослідження

Вип. XXVIII

Збірник

(російською мовою)

Відповідальний редактор: Зінько Віктор
Миколайович, доктор історичних наук

Відповідальний секретар: Зінько Олексій
Вікторович, кандидат історичних наук

Формат 70x100 ¹/₁₆. Умов. друк. арк. 39.
Тираж 300. Замовлення 431.

СПД ФО Озарків А.М.
вул. Борзенко, 2, кв. 20, м. Керч, АР Крим, 98302
свідоцтво суб'єкта видавничої справи КМ № 44 від 27.02.2008 р.

ТОВ «Керченська міська друкарня»
вул. Кірова, 13, м. Керч, АР Крим, 98300
свідоцтво держ. реєстрації виготовлювача КМ № 002 від 05.05.2000 р.